

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

XIV АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

В четырех книгах

*Ответственный редактор
Е.Г. Ясин*

4

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2014

УДК 330.101.5(063)
ББК 65.012
Ч-54

*Идеи и выводы авторов не обязательно отражают
позиции представляемых ими организаций*

ISBN 978-5-7598-1122-0 (кн. 4)
ISBN 978-5-7598-1118-3

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.М. Weeks-Earp	
Pathways into Teaching: Preliminary Findings.....	11
И.В. Абанкина, Т.В. Абанкина, Л.М. Филатова, Е.А. Николаенко	
Тенденции развития научно-педагогических кадров в России	19
Е.В. Аржанных, В.В. Мойсов	
Профессиональные ориентации учащихся с инвалидностью	32
О.О. Замков, А.А. Пересецкий	
Динамика влияния оценок ЕГЭ на последующие результаты студентов бакалавриата МИЭФ НИУ ВШЭ	40
Е.А. Князев , Н.В. Дрантусова	
Институциональная дифференциация в российском высшем образовании	50
Е.Ю. Колесникова, Е.М. Новикова	
Семья как фактор формирования мотивации на получение высшего профессионального образования у учащихся с инвалидностью.....	59
С.Г. Косарецкий, Г.А. Ястребов, М.А. Пинская, А.Р. Бессуднов	
Проблема контекстуализации образовательных результатов в школах: социальный состав учащихся и уровень депривированности территорий	69
Т.В. Натхов, Н.С. Козина	
Неравенство возможностей в образовании. Межстрановой анализ по данным PISA 2009	78
Е.В. Шевчук	
Применение механизмов государственно-частного партнерства в образовательной и научной сферах: опыт развитых стран и перспективы его использования в России	91

СОЦИОЛОГИЯ

G. Mandić	
Home Boundaries, Everyday Cultures and Capabilities	101

C. Morrison	
	Beyond Nostalgia? Class Identity, Memory and the Soviet Past in Russia and the “Near Abroad” 108
A.M. Алмакаева	
	Доверие ингруппе и аутгруппе в сравнительной перспективе115
A.E. Дубова	
	Неформальная экономическая деятельность полицейских в трансформирующихся странах: укорененность в полицейской культуре124
И.И. Иванова	
	Анализ языка самоописания участников добровольческого движения135
И.М. Козина	
	Трудовые отношения в условиях лизинга персонала.....143
Е.И. Лыткина	
	Аномия: новый подход к операционализации классического понятия152
И.В. Задорин, Д.В. Мальцева	
	Проект «Открытое мнение» — эксперимент по проведению социологического исследования в формате <i>collaborative open research</i>162
A.P. Михеева	
	О возможности интеграции макро- и микроподходов в социологии семьи172
C.B. Мозжегоров	
	Проблема социального статуса сексуальных меньшинств и концепция К. Пламмера «интимное гражданство»180
В.В. Мойсов, И.В. Задорин	
	Интеграционные настроения стран постсоветского пространства189
Е.С. Петренко	
	События конца XX в. в памяти россиян 203
A.И. Пишняк, Н.В. Халина	
	Социальный и экономический обмен: есть ли место рыночным отношениям между родителями и детьми?211
В.С. Харченко	
	Особенности образа жизни фрилансеров: перспективы социологического анализа219

А.П. Хомякова	
Экопоселения в России: проблемы и перспективы развития.....	229
М.А. Шабанова	
Успешные экономические акторы в проблемной социально-правовой среде: инновационное и адаптационное поведение.....	240

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Ph. Bouquillion	
Financialization and the Linkages between Cultural Industries and Communication Industries.....	253
P. Diem	
Online Research for Electronic Media	261
J. Grimm, Ch. Grill	
Holocaust Reception and National Identity. Results of a Media Effects Study in Russia.....	270
Д.А. Волков	
Социальный портрет участников и лидеров движения «За честные выборы».....	289
С.Г. Давыдов	
«Открытое мнение»: опыт совместных электоральных исследований	298
А.Г. Качкаева, И.В. Кирия, С.Г. Давыдов, А.А. Новикова	
Освещение деятельности власти и оппозиции ведущими российскими телеканалами в период думских и президентских выборов 2011–2012 гг.	305
И.В. Кирия, А.А. Новикова	
Депрессивное медиапотребление.....	317
Е.В. Лукашевич, А.Г. Сидорова	
Оценка эффективности коммуникации органов государственной власти Алтайского края с населением: стратегии и технологии	338
С.А. Шомова	
Традиции смеховой культуры в лозунгах российского митинга	347

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ В АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

N.A. Abramova, S.V. Kovriga, R.U. Portsev, T.A. Telitsyna	
On the Problem of Human-Induced Risks and Verification of Models of Social and Economic Systems.....	357
A.P. Бахтизин, Е.Д. Сушко	
Использование агент-ориентированных моделей и геоинформационных систем для задач муниципального управления.....	367
C.A. Варганов, А.А. Васин	
О свойствах и устойчивости равновесий в модели электорального поведения избирателей	373
A.H. Визгунов, А.А. Готов	
Сравнительный анализ фондового рынка России и стран БРИК на основе модели графа рынка.....	382
A.A. Кочетугов, М.В. Бацын, П.М. Пардалос, Б.И. Гольденгорин	
Анализ финансовых рынков средствами модели о <i>p</i> -медианах	394
Е.Д. Сушко	
Модель предприятия и ее взаимодействие с моделью работника в мультиагентной модели региона.....	403
Д.С. Шмерлинг, Е.И. Кожуховская, П.О. Рывданская	
Возможности многоуровневых моделей политико-стратегического планирования	411
Е.А. Юрескул	
Влияние внешних условий при измерении эффективности государства методом <i>Data Envelopment Analysis</i>	421

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВШЭ

Ю.А. Веселова	
Сложность порядковых правил коллективного выбора.....	431
В.В. Дамье	
Экологическое движение в ФРГ и политическая власть: от гражданских инициатив к партии «зеленых»	439
Р.У. Камалова, Ф.Т. Алескеров, М. Холлер	
Распределение влияния в рейхстаге Веймарской Германии в 1919–1933 гг.....	449

Г.В. Лукьянов	
Права человека в «развивающемся» обществе в условиях транзита власти: концепт нормативного дискурса и элемент политической реальности (на примере Ливии).....	458
С.А. Рагозина, А.Л. Рябинин	
Политическая власть, религия и права женщин в Египте и Тунисе до и после «арабской весны»	467
И.В. Соболева	
Карл Шмитт и Мишель Фуко: пределы совместимости концепций суверенитета и легитимности власти	477
А.Ю. Сунгуров, Е.А. Глухова	
Институт Уполномоченного по правам человека в период подъема общественно-политической активности: свой среди чужих, чужой среди своих	485
И.А. Томашов	
Конструирование исторической памяти как фактор внутренней политики в современной России.....	494

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ ИНДУСТРИЯ: МЕДИАПЛАТФОРМЫ И ЖАНРЫ

О.В. Веселова	
Новые жанры российского телевидения — ситкомы: адаптированные и оригинальные	505
С.А. Медведев	
Музыкальный видеоклип в эпоху YouTube	512
А.В. Прохоров	
Нишевизация российского телепроизводства: мистические сериалы как направление	519

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ВШЭ

О.С. Грязнова	
Запрос населения на государственную социальную поддержку и оценка ее косвенных последствий.....	529
Е.А. Орел, Т.Е. Хавенсон	
Субъективное благополучие и удовлетворенность институтами: структура и оценка степени гетерогенности ответов в европейских странах.....	540

И.В. Сохань

Императив худого тела в современном массовом обществе
и актуальные гастрономические стратегии..... 554

ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ВШЭ

С. Ларина, Ю.В. Кузьмина

Стало ли российское образование эффективнее за восемь лет?
(на данных международного исследования PISA)..... 565

О.В. Польдин, М.М. Юдкевич, Г.В. Андрушак, Д.Р. Валеева

Как социальные связи студентов обеспечивают эффекты сообучения 575

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

PATHWAYS INTO TEACHING: PRELIMINARY FINDINGS

Introduction

The effective recruitment of young people into the teaching profession is a top priority for Russia. After the collapse of the Soviet Union, macroeconomic shocks, unemployment, and political turmoil produced deep, long-term impacts on schools and society across Eurasia, as Philip Jones wrote of Russia; “the devastation of the teaching profession” has contributed to “a lost generation” [2000, p.xii]. Stephen Weber [2000] observed in his school level research in Yaroslavl, St. Petersburg, and Moscow, that school directors and teachers “adopted a ‘coping’ approach to change, with relatively little real reform” during the 1990s. Gita Steiner-Khamsi et al. [2010] and the UNICEF study on teachers [UNICEF, 2011, p. 13] found that countries in the region suffer from “massive teacher shortages”, resulting in “ineffective teaching, low teacher morale, and low teacher salaries”.

Russia needs to recruit more teachers, and pedagogical institutions can help. Nearly 80 percent of teachers in Russia hold a higher education degree, but this statistic hides a high level of variability. Most institutions deliver several forms of education: daytime, correspondence, evening, and non-residence. While correspondence teacher education is in high demand, empirical studies comparing the correspondence and daytime programs in Russia are rare. Using data from interviews with schoolteachers, and university faculty and students, this qualitative study compares the career paths of graduates of the two programs.

The swift rise in higher education enrollments during the 1990s, according to Hanushek and Mertaugh [2005], can be attributed to three market shifts: more open admission policies in universities; the addition of fee-based courses; and, the establishment of many new, private institutions. Growth in both daytime and correspondence enrollments were affected. For the 2011–2012 academic year, correspondence education represented 45 percent of public enrollments and 75 percent of private enrollments for all fields of study [Rosstat, 2011]. Correspondence degrees are often assumed to be of lesser quality than the full-time degree [Klyachko, 2007]. However, because correspondence education has potentially greater rates of transition into teaching, it should be treated with empirical scrutiny, particularly for teacher education.

Using interview and statistical data from schools and pre-service teacher education institutions in Samara Oblast, this study analyzes teacher recruitment at the state, district and school levels, emphasizing the school. Together these levels measure the selectivity and the efficiency of recruitment into teaching. For education policy analysis, research on recruitment into teaching is situated in the framework of labor economics (the supply and demand for teachers). To evaluate dynamics between supply and demand, pathways into teaching are examined, and of particular interest is the ‘production’ of teachers by correspondence education.

Research Questions:

- Who enrolls in teacher education? Why?
- What are the differences between correspondence and daytime enrollments in teacher education?
- Who becomes a teacher in Russia? Why?

The research design was purposefully chosen to build on a 2011 six-country teacher policy report [UNICEF, 2011]. The sample includes three teacher education institutions and ten public schools, selected using a purposive two-step design. First, a “typical” region, Samara Oblast, was identified with regard to per capita GDP, population, and employment statistics. Second, ten schools were selected, by the Ministry of Education in Samara, for “maximum variation” with regards to school setting (Urban, Semi-Urban, Rural), and school size.

Three indicators were used to analyze recruitment into teaching: Admission, completion and transition. For policy relevance, each indicator was considered at four levels: Individual, school, higher education institution, and, the policy making (government) level. Finally, the comparison uses responses from individuals, who are enrolled in or have completed daytime teacher education programs, and individuals who are enrolled in or have completed correspondence teacher education programs. Attraction, completion and transition provide a base for concluding remarks about recruitment into teaching, a cycle including: Attraction, selection, education, induction, retention, and development of teachers [OECD 2011].

Description of the data

From September until December 2012, data were collected in Samara and Samara Oblast, Russia. The National Research University Higher School of Economics, namely the Institute for Education Studies in Moscow, and the Oblast level Ministry of Education in Samara, directly supported the research. The Ministry conducted school selection based on the principle of maximum variation. The ten schools selected were located in Samara city and two education districts of the oblast. Table 1 shows the number of reported vacancies in each district by subject.

Table 1. Teacher Vacancies in Two Districts and Samara City by Subject

Subject	Selected District 1	Selected District 2	Samara City
Primary Education	2		7
History			1
Russian Language			1
Math			2
Informatics			6
Physics			7
Chemistry			1
Biology			1
English	1	3	5
Music	1		6
Art			1
Physical Education		1	12
Labor			6
Safety		1	
Other		1	1
Total	4	6	57

Source: Ministry of Education and Sciences Samara Oblast 2012.

The most reported vacancies are in Samara city for physical education. English language vacancies were reported more in District “2”. In each school, administrators and teachers were interviewed, and school documents were gathered.

Table 2 lists the interviews conducted at the school level. School level interviews with administrators lasted approximately 60 minutes, while teacher interviews lasted about 30 minutes, varying between 20 and 40 minutes. Interview questions were organized in four blocks; interviews were semi-structured allowing the number and type of questions to be different in each interview.

Table 2. Individual Interview Participants at the School Level

Participants	Number of interviews
School Director	9
School Zavuch (Deputy Director)	10
Teacher who completed daytime teacher education	28
Teacher who completed correspondence education	29
Total individuals interviewed at school level	76

Teachers of History and Russian Language and Literature were invited for interviews, but when those subject teachers were not available, teachers of Geography, English and Primary grades were included. The four blocks of questions used are:

1. Career path including education and attractiveness of teaching.
2. Specific decisions to join a particular school, first job.
3. Current education work including qualifications and professional development.
4. Comparison of self to others, education reforms, teacher shortage.

Interviews were conducted in Russian (by an American) without translation. The interviews were not recorded. Interview notes were used to build a database of responses that includes 36 items across all respondents. Interview questions probed the life and career trajectories of respondents, questions were open ended but specific, examples include:

- When did you decide to become a teacher? Why did you decide to be a teacher?
- What was the context of that decision? Who influenced you?
- How long have you been teaching?
- Where did you complete your teacher education?
- How does your teacher education influence you as a teacher?

School interviews combined with school documents provide a comprehensive empirical base to measure the ten-plus-one teacher quality indicators, and identify (or not) whether specific teacher characteristics are correlated with correspondence teacher education. The following school documents were collected to analyze school staffing across the entire school: tariff table, staff list, payment sheet, etc.

School documents were used to create a database including teacher qualifications (teacher category, education level) and working conditions (hours assigned per week, salary) to analyze school staffing within and across schools. The majority of teachers in the school sample (63%) hold a higher professional pedagogical education degree earned in a daytime program, while a lesser majority hold higher professional pedagogical education earned in a correspondence program (18%). The third largest education group included secondary pedagogical degree holders (12%), and other types of education were minimal.

Three teacher education institutions were included in the study. At each institution, interviews with administrators, faculty and students contributed to a typology of correspondence students enrolled in teacher education programs. Interestingly, institutions of teacher education are not concerned with recruiting only those students who will become teachers; they advertise themselves as multi-faceted, flexible, and dynamic vis-à-vis the labor market. For example, one of the frequently asked questions for prospective students of one institution asks the following: “You are a pedagogical institution, does that mean that I can only become a teacher after graduation?” The answer to the question reads:

Our institution prepares graduates to enter ten different specializations, along seven program courses. Our graduates work as lawyers, concentrating in diverse areas of law; computer technology specialists in programming and web design; psychologists and specialists in recreational activities; school teachers, instructors in vocational, technical, and higher education institutions; sociologists, specializing in public relations, marketing, translating, and organization of international relations; human resource managers, and professionals in strategic and corporate development. (Translated from Russian by author)

The teaching profession is buried in a slough of modern professionals that handle, in one capacity or another, spheres that are in high demand in the modern economy.

Table 3. Individual Interview Participants at the Institution Level

Participants	Number of interviews
Students enrolled in Daytime teacher education programs	21
Students enrolled in Correspondence teacher education programs	20
Institutional Level: Pre-Service Institution Faculty	9
Institutional Level: Department Head or Deputy	5
Total individuals interviewed at the institution level	55

Institutions in Russia have a new-fangled system of admissions, using the unified exam score. Conventional wisdom alleges that enrolled students at correspondence departments have lower average test scores than daytime students in the same program. In the teacher education programs at PGSGA, Russian Language and Literature majors displayed similar range in scores, with more variation in the smaller applicant pool for the correspondence department. It should also be mentioned that correspondence department attract students of all ages, thus the applicant may or may not have recently taken the unified state exam, as most adult applicants opt to take institution based entrance exams.

The admissions process includes three distinct clusters, which are important for understanding access to higher education in Russia. The first group of students represents the “Directive Program”, students who have been recommended for admission by the school they attended because they are potential teachers, there were nine such individuals for Russian Language and Literature in 2012 at PGSGA. This group is granted admission to the daytime program based on a competition among other “directive” program applicants. There is a common misperception that students are granted admission automatically, with no competition. The second group, which includes 40 individuals, are students who have applied to and been accepted into the daytime program. The competition is based strictly on their unified exam

scores. The last group, made up of 15 students, have applied and been accepted into the correspondence program. All three clusters are admitted with full state scholarships. Only three students are paying tuition, students who entered the daytime program.

A narrative based on the preliminary findings

In Samara, the teacher labor market appears saturated at first glance. There are only 125 official vacancies in a teacher population numbering 18,835; vacancies total six tenths of one percent. During interviews, school directors say they rarely report vacancies, and if they have a vacancy they scramble to fill it quickly with *any* available teacher. Insufficient information about vacancies, negative selection in admissions, and a low, unpredictable transfer rate from pedagogical institutions to school teaching do not support the supply of highly qualified teachers to schools in Samara Oblast. Students in teacher education programs said that having applied to more than one institution, they enroll at the pedagogical only because they were not accepted to their first choice school. It is known that the entering scores of students at pedagogical institutions are significantly lower than in other fields, but it should be noted that they are not necessarily lower in correspondence programs when compared to daytime in the same institution.

What are the differences in curriculum? Correspondence education purports an identical curriculum using fewer contact hours, in most cases — less than half. What is more, preliminary findings show that the students in correspondence programs are a decade older on average than in the daytime programs. The mean year of birth is 1991 in the daytime, and 1982 in the correspondence program students among interview participants. Enrollment in correspondence programs is also characterized by more geographic and socio-economic diversity. Remarkably, institutional faculty say that it is more interesting and even more productive to work with correspondence students, citing that many of them work in schools and they have practical experience with the material.

These preliminary findings lead to several important observations about correspondence teacher education, producing the following tentative assessment for recruitment into teaching. The following traits are observed among correspondence teachers:

- Attraction: Higher commitment to the profession.
- Selection: Admission based on similar scores as the daytime program.
- Education: Faculty more productive, shorter time commitment (fewer contact hours).
- Induction: Higher rate of transition to schools & easier process of induction at first job.

- Retention: Similar or higher to other teachers because many are already working.

- Development: High capacity for independent learning.

The argument can be made that while the content and delivery of curriculum are different, the correspondence form of education is a better-trodden path to teaching. Out of 42 students in pedagogical institutions who were interviewed, 28 said they would become teachers, or 67 percent. This is encouraging, but let us consider that 80 percent of the correspondence students ($n = 16$) were teaching or planned to be teachers, while 54 percent ($n = 10$) from the daytime programs said they planned to go into teaching. See table 4.

Table 4. Students in Teacher Education Programs and Career Plans

Students at pedagogical university	Daytime	Correspondence	Total
Teaching	2	15	17
Planning to teach	8	2	10
Not planning to teach	11	3	13
Total	21	20	41

Source: Interview Data, SSPK, PGSGA, & SFMGPU Fall 2012.

In sum, despite the long-term negative impacts of the post-Soviet socio-economic crisis on schooling in Russia (roughly between 1992 and 2002), this study found that public education, and particularly teachers, seem to be recovering, not just surviving. On this positive note, there are important complexities to be considered as they affect ongoing work on education policy in Russia. Perhaps the time has come shift the talk about education reform (which took place for two decades 1985–2005) and focus on long-term education policy.

A large majority of public school teachers (more than 60 percent) in Samara Oblast have twenty or more years of experience, while nine percent have less than five years experience. Notably, teacher age does not neatly map onto teacher category, evidence that advancement is possible for younger teachers, the most active of whom already hold the “highest” category. In the coming years, more teachers will be needed and without laudable teacher policies, shortages will increase and quality will surely continue to suffer.

The Russian case is in alignment with the Kyrgyz and the UNICEF 6-country study, and also found evidence of *policy induced teacher shortages*. Some trends that negatively impact the supply of teachers are:

- Perception of tight job market for new teachers;
- Longer degree completion time as faculty recommend that graduates stay on for graduate study (BA + MA);

- Current teachers do not encourage their children or their students to enter the profession;

- Salary increases disproportionately go to senior teachers.

Such “latent” teacher shortages might be mitigated by forward looking policies that support teachers and schools to provide high quality teaching and learning to all children. Correspondence teacher education offers an important link to effective recruitment into teaching through greater access to higher education.

References

Hanushek E., Mertaugh M. Education and Training // Barr N. (ed.) Labor Markets and Social Policy in Central and Eastern Europe. Washington: World Bank Publishers. 2005. P. 207–251.

Jones P. Introduction // Webber S. School, Reform, and Society in the New Russia. N.Y.: St. Martin’s Press, 2000.

Klyachko T. Education: Times of Reform // Maleva T.L., Zubarevich N.V., Ibragimova D.K. et al. (eds). Survey of Social Policy in Russia: The Beginning of the 2000s. M.: Independent Institute of Social Policy, 2007. (Рус. изд.: Клячко Т. Образование на перепутье реформ // Малеева Т.Л., Зубарева Н.В., Ибрагимова Д.К. (ред.). Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. М.: НИСП, 2007. С. 65–110.)

OECD. Teachers Matter: Attracting, Developing and Retaining Effective Teachers. Series on Education and Training Policy: Organisation for Economic Co-operation and Development. 2005.

OECD. Building a High-Quality Teaching Profession: Lessons from around the World. Background Report for the International Summit on the Teaching Profession. N.Y. City, 2011. March.

Rosstat. Current Education Statistics, 2011. URL: www.gks.ru

Steiner-Khamsi G., Teleshaliyev N., Sheripkanova-MacLeod G., Moldokmatova A. Ten-plus-one Ways of Coping with Teacher Shortage: A School-Level Analysis of Teacher Shortage in Kyrgyzstan // Silova I. (ed.). Globalization on the Margins: Education and Post-Socialist Transformations in Central Asia. Greenwich, CT: Information Age Publishing, 2010.

UNICEF. Teachers: A Regional Study on Recruitment, Development, and Salaries of Teachers in the CEECIS Region. Geneva: UNICEF Regional Office for Central and Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States (CEECIS), 2011.

Webber S. School, Reform, and Society in the New Russia. N.Y.: St. Martin’s Press, 2000.

Zakharova E. History of the Development of the Academic Resources for Higher Correspondence Pedagogical Education in the U.S.S.R. 1950s — 1980s. PhD Dissertation. Moscow State Open Pedagogical University named after Sholokhov. M., 2003.

И.В. Абанкина,
Т.В. Абанкина,
Л.М. Филатова,
Е.А. Николаенко

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО- ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В РОССИИ

Россия активно вовлечена в процесс сближения и гармонизации академических степеней, который способствует взаимному признанию уровней высшего образования в рамках Болонского соглашения и созданию единого образовательного пространства. Для обеспечения академической свободы университетов при разработке специализированных магистерских программ, включая междисциплинарные и практико-ориентированные программы обучения высококвалифицированных специалистов для различных видов инновационной деятельности, требующей как фундаментальной, так и специализированной подготовки, были разработаны и приняты изменения к действующему российскому законодательству, а также национальные образовательные стандарты для магистерских программ [федеральные законы от 24 октября 2007 г. № 232-ФЗ, 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ, 10 февраля 2009 г. № 18-ФЗ, 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ, 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ 3-8, 28 февраля 2012 г. № 11-ФЗ].

В данной работе использованы результаты проектов «Тенденции изменения общественного спроса на высшее образование в России и оценка экономических последствий реструктуризации сектора высшего образования» и «Трансформация экономики образования в условиях расширяющихся ресурсов», выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 и 2013 гг.

Подготовка квалифицированных кадров для экономики России

Система высшего образования обеспечивает кадрами все сферы экономики России. В 2011 г. учреждениями высшего профессионального образования (ВПО) выпущено 1442,9 тыс. специалистов, что на 107,4 тыс. человек больше, чем в 2007 г. Если оценить приток кадров с высшим образованием

в экономику, то цифры существенно скромнее — 526 тыс. человек по среднегодовому притоку численности занятых по оценке 2006–2011 гг. с учетом движения населения трудоспособного возраста, подготовки научных кадров в аспирантуре и процессов естественного убытия населения.

При этом наибольшие потоки специалистов заняли нишу в сфере оптовой и розничной торговли, а также ремонта автотранспортных средств (14,4%). Соответствующие данные приведены в табл. 1.

Таблица 1. Распределение численности занятых с высшим образованием по видам экономической деятельности, %

Сфера деятельности	Годы						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2,7	3,3	2,8	3,3	3,3	3,1	3,1
Рыболовство, рыбоводство	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Добыча полезных ископаемых	1,1	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2
Обрабатывающие производства	13,4	13,1	13,9	13,1	13,0	12,7	12,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,7	2,5	2,6	2,4	2,4	2,5	2,6
Строительство	6,0	5,5	5,5	5,9	6,2	6,2	6,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	13,4	13,9	13,4	13,6	13,5	14,1	14,4
Гостиницы и рестораны	0,7	0,7	0,7	1,0	0,7	0,8	0,9
Транспорт и связь	5,6	4,7	5,9	5,3	5,2	5,3	5,3
Финансовая деятельность	3,5	3,6	3,6	3,9	3,8	4,0	4,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	11,7	12,5	12,1	13,2	13,8	13,4	13,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	8,4	9,0	8,7	9,5	9,6	9,9	9,9
Образование	18,8	17,9	17,3	16,1	15,4	15,4	14,7
В том числе сфера ВПО	2,6	2,6	2,4	2,3	2,3	2,2	2,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	7,9	7,9	7,7	7,8	8,1	7,5	7,5
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,8	4,1	4,2	3,8	3,8	3,7	3,7

Следующая сфера деятельности экономики, которая соперничает по численности занятых с высшим образованием, — сфера операций с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (13,5%), далее — обрабатывающая промышленность (12,8%). Но наибольший потенциал занятых с высшим образованием сформировался в системе образования — 14,7% в 2011 г. (см. табл. 1).

Однако следует признать, что именно в образовании в отличие от других видов экономической деятельности ежегодно за последние пять лет сокращается численность занятых с высшим образованием в среднем на 40 тыс. человек: в сфере учреждений ВПО — на 6,9 тыс. человек; в сфере общеобразовательных учреждений — на 32,3 тыс. человек (рис. 1).

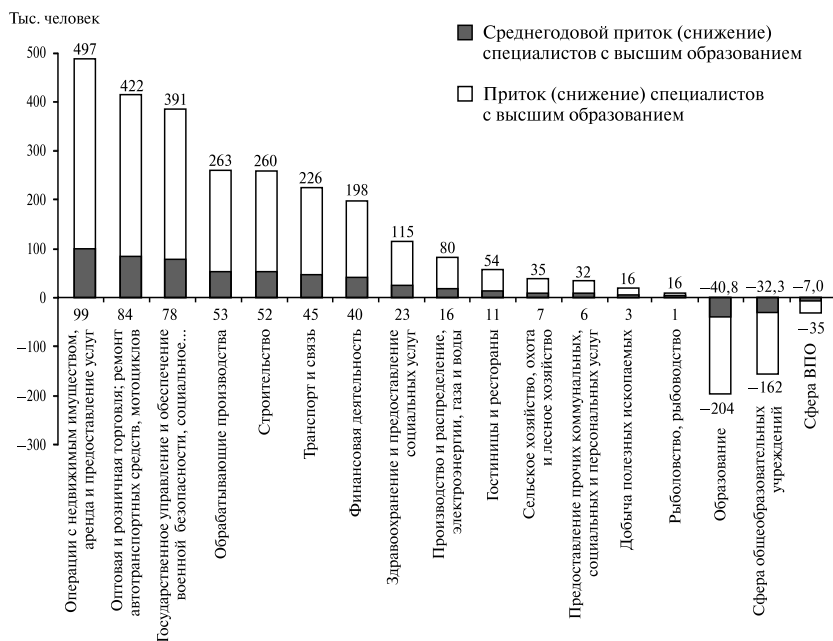

Рис. 1. Приток (снижение) специалистов с высшим образованием по видам экономической деятельности за 2007–2011 гг., тыс. человек

При этом значения индексов физического объема валовой добавленной стоимости в сфере образования (в постоянных ценах) на протяжении четырех лет не имели положительной динамики и составляли в 2011 г. 99,2% (табл. 2).

Таблица 2. Индексы физического объема валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности, % к предыдущему году*

Сферы деятельности	Годы						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	100,3	102,7	101,3	106,4	101,5	90,2	115,8
Рыболовство, рыбоводство	89,1	104	99,1	94,2	105,6	87,3	112,9
Добыча полезных ископаемых	101,5	97,1	97,8	101	97,6	107	101,6
Обрабатывающие производства	104,4	106,6	107,5	97,9	85,4	108,1	105,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,9	104,5	96,6	100,7	95,3	103,4	100,2
Строительство	110,2	112,8	113	111,1	85,3	103,1	104,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	109,1	114,1	111,7	109,9	94,2	106,8	104,9
Гостиницы и рестораны	109,3	107,9	113,6	110,1	85,1	102,6	104,7
Транспорт и связь	105,9	109,7	104,8	105,2	91,4	104,7	102,8
Финансовая деятельность	129,2	125,4	129,1	113,5	101,5	99,2	105
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	112	110	120,8	110,9	95,5	105,3	103,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	94,6	102,5	103,9	103	99,9	100,1	102
Образование	100,3	100,5	101,1	99,9	98,6	98,1	99,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	101,7	101,4	101,1	100,9	99,8	99,6	103,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	102,9	107,5	108,6	101,4	80	93,8	100,9
Деятельность домашних хозяйств							109
Итого валовая добавленная стоимость в основных ценах	106	107,9	108,4	105,2	93,3	103,8	104,1

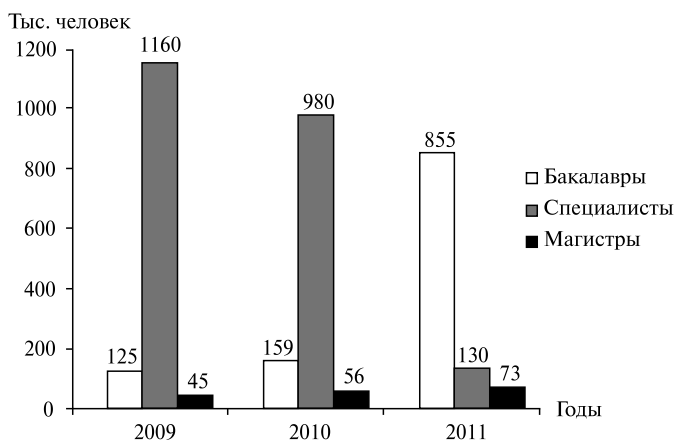
* Индексы исчисляются с помощью метода цепных индексов, т.е. индексов, получаемых путем сцепления индексов, исчисленных за каждый год к предыдущему году. Этот метод внедрен Росстатом в соответствии с практикой, принятой в последние годы в большинстве развитых стран. Его преимущество состоит в том, что он позволяет лучше учесть изменения в структуре ВВП за тот или иной период.

Сфера образования — единственная сфера экономической деятельности в России, которая не смогла преодолеть последствия финансового кризиса и демографического спада. Ни увеличивающиеся инвестиции в основной капитал, ни возрастающий оборот коммерческой деятельности учреждений не способствовали увеличению сальдированного финансового результата в сфере образования, который в 2011 г. составил всего 48% относительно 2010 г., и не смогли уберечь от растущих убытков, достигших в 2011 г. 37% по сравнению с 2010 г.

Система ВПО как сфера деятельности, определяющая потребности в профессиональных квалификациях, способна влиять на структурные изменения в сфере занятости, динамичное развитие экономики и рост конкуренции, одна из первых оказалась подвержена провалам рынка.

Исследование тенденций изменения расходов, анализ возможностей институциональной и информационной среды в образовании позволит осуществить переход к механизмам использования новых ресурсов и выявить факторы, определяющие потенциал создания добавленной стоимости в результате эксплуатации интеллектуальной собственности.

Изменения в структуре приема студентов очень существенные (рис. 2). В 2011 г. в России прием на 80% осуществлялся на программы бакалавриата, тогда как еще в 2009 г. 87% студентов поступали на программы специалитета.

Источник: [Российский статистический ежегодник, 2011; Россия 2012]

Рис. 2. Динамика приема студентов в России по уровням высшего образования: бакалавриат, специалитет, магистратура, тыс. человек

Однако в общей численности студентов кардинальных перемен, соответствующих международным требованиям, пока еще не произошло: доля бакалавров и магистров относительно невысока (в 2011 г. — 21,7 и 2,3% соответственно), но тенденции существенного изменения в приеме студентов будут способствовать переходу на многоуровневую подготовку в высшем образовании в России в соответствии с Болонскими принципами. Для мобильности студентов это имеет большое значение, так как многие из них предпочитают получить подготовку по программам бакалавриата в России, а продолжение обучения по магистерским программам связывают с возможностью обучения в зарубежных университетах. Это имеет и свои преимущества при согласовании сроков обучения для российских студентов. Дело в том, что в соответствии с принятым законодательством продолжительность магистерских программ в России составляет два года, тогда как большинство зарубежных университетов предлагает годовые магистерские программы. В связи с этим российские студенты могут совместить получение диплома магистра в зарубежном университете (по одногодичной программе) и получение российского диплома магистра (по двухгодичной программе) при зачете кредитных единиц в модульной системе обучения.

Университеты, в первую очередь имеющие статус федеральных или национальных исследовательских университетов, должны предусматривать подготовку магистров по одному или нескольким видам деятельности: научно-исследовательской, научно-педагогической, проектной, опытно- и проектно-конструкторской, технологической, исполнительской и творческой (в сфере искусства), организаторской и другим, которые отражаются в требованиях к уровню подготовки выпускника при формировании основных образовательных программ ВПО.

Магистерские программы могут быть разработаны и реализованы в сотрудничестве российских и зарубежных партнеров, что стимулирует академическую мобильность студентов и преподавателей. Обязательное требование размещения информации о содержании учебных программ (в том числе сведения об уровне подготовки, учебные планы, описания курсов, методика и преподавательский состав) в открытом доступе на сайтах университетов способствует продвижению программ и обмену опытом среди университетов. Сторонние специалисты, представители научных и преподавательских сообществ, ведущие зарубежные эксперты, компании и представители ассоциаций работодателей часто привлекаются для оценки и обеспечения качества специализированных магистерских программ.

В настоящее время в России подготовка бакалавров и магистров предусмотрена во всех образовательных областях ВПО, за исключением медицины и информационной безопасности. Предстоит выработать механизмы

и формы вхождения российских университетов в образовательное европейское пространство, сохранив при этом лучшие черты отечественной системы высшего образования. Необходимо сближение образовательной и научной составляющей программ, изменение и унификация внутренней структуры университетов, разработка и принятие единых учебных циклов наряду с созданием индивидуальных планов обучения студентов и содействием их мобильности. Для повышения мобильности в 2012 г. принята специальная федеральная программа, обеспечивающая финансовую поддержку 2 тыс. стипендий ежегодно в течение пяти лет для стажировок, получения степени магистра и обучения по программам повышения квалификации. Претендовать на такие стажировки и обучение в зарубежных университетах могут в первую очередь учителя, врачи, государственные и муниципальные служащие. Кроме того, сделан решительный шаг в признании дипломов и квалификаций иностранных профессоров и преподавателей. Это позволяет приглашать иностранных преподавателей и ученых для работы в российских университетах. Следует подчеркнуть, что при сохраняющейся разнице в оплате труда профессорско-преподавательского состава в российских и зарубежных высших учебных заведениях немногие отечественные вузы смогли бы пригласить ведущих специалистов. Для решения данной проблемы федеральным университетам, национальным исследовательским университетам, а также ведущим вузам, которые готовят специалистов в области высоких технологий, предоставляется финансовая поддержка для приглашения и оплаты труда ведущих зарубежных профессоров и ученых. Постепенно это дает положительный эффект, создаются международные научные лаборатории в ведущих университетах. Однако темпы остаются весьма низкими, что отражается в международных рейтингах российских университетов.

Важным этапом исследования современных тенденций подготовки научных кадров является анализ обеспеченности высших учебных заведений штатным персоналом профессорско-преподавательского состава (ППС) для проведения основной образовательной деятельности. Задача состоит в том, чтобы оценить степень влияния внешних вызовов на изменение численности ППС с точки зрения их реакции на воздействие процессов демографического спада и последствий финансового кризиса. Способны ли различные категории ученых степеней и ученых званий ППС защитить их от неблагоприятных последствий, обеспечить воспроизводство качественных научных кадров?

Анализ динамики численности ППС подтверждает чувствительность системы ВПО на происходящие события снижением штатного состава. Причем данные изменения происходят независимо от защищенности учеными степенями и учеными званиями.

Обеспеченность учреждений ВПО высокопрофессиональным профессорско-преподавательским составом во многом зависит от подготовки научных кадров в аспирантуре и докторантуре.

С 2007 г. уменьшается численность не только профессорско-преподавательского состава, но и преподавателей с учеными степенями и званиями (рис. 3, 4).

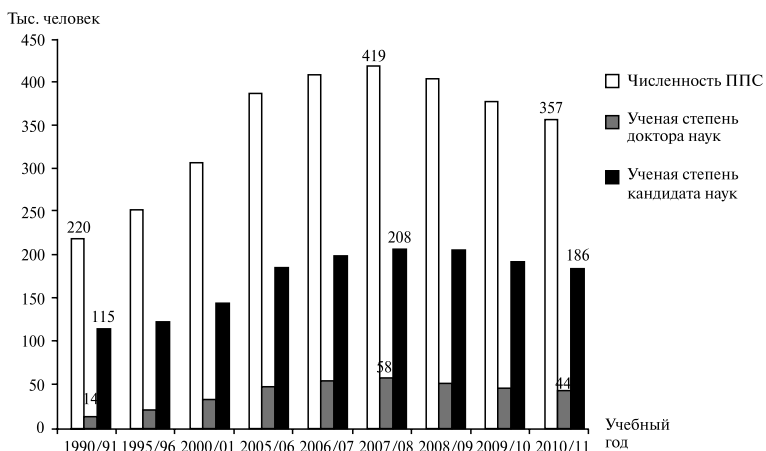

Рис. 3. Численность штатного ППС учреждений ВПО, имеющего ученую степень (на начало учебного года), тыс. человек

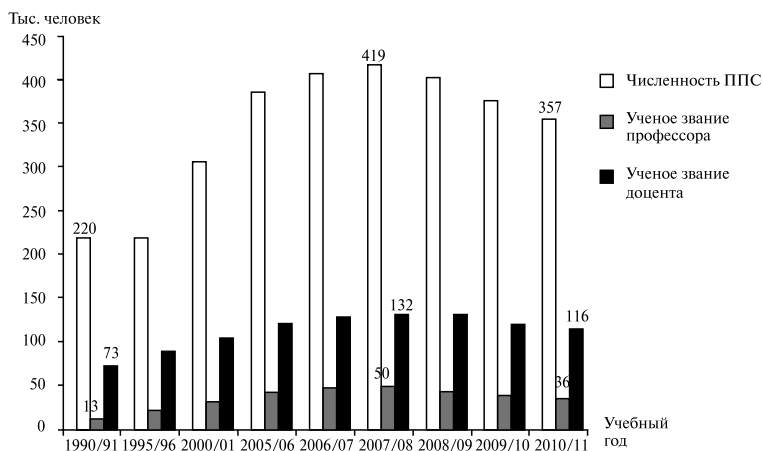

Рис. 4. Численность штатного ППС учреждений ВПО, имеющего ученое звание (на начало учебного года), тыс. человек

Аспирантура

Подготовка аспирантов в России в основном проводится на бюджетной основе. На договорной основе проходят обучение треть аспирантов (рис. 5).

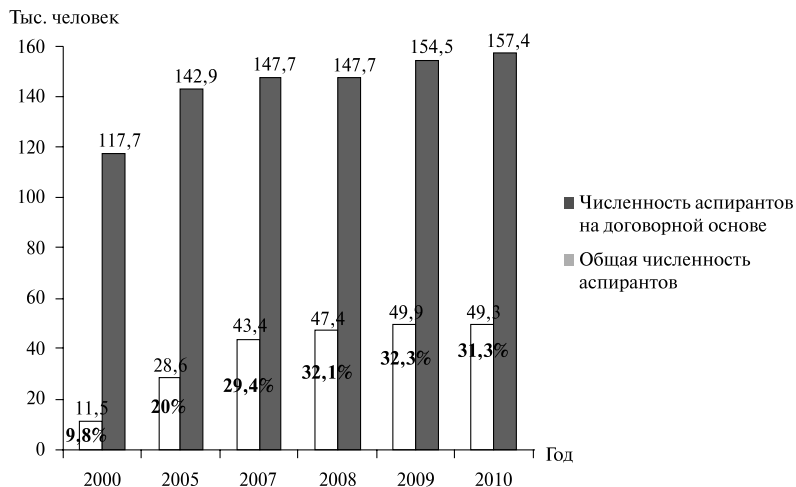

Рис. 5. Численность аспирантов по источникам финансирования, тыс. человек

Выпуск аспирантов с защитой диссертации весьма низок и достигает по учреждениям ВПО в среднем 30%. В научно-исследовательских организациях выпуск защитившихся аспирантов сократился с 21% в 2000 г. до 15% в 2010 г., в образовательных учреждениях дополнительного профессионального образования выпуск аспирантов с защитой составил 17% (рис. 6).

На очных формах обучения программу подготовки проходят 2/3 численности всех обучающихся аспирантов. Отмечается ежегодный рост аспирантов по программам заочного обучения (рис. 7).

Поскольку ведутся дискуссии по поводу поступления в аспирантуру с целью избежать службы в армии (для мужского населения), то выпуск из аспирантуры с защитой диссертации (по формам обучения) опровергает связь между обучением в аспирантуре и службой в армии. Очная подготовка в аспирантуре еще как-то может помочь обойти службу в армии (для мужского населения), но вот обучение на заочной форме свидетельствует все же о желании защититься после аспирантуры. Конечно, очная форма значительно превалирует по численности аспирантов относительно заочной формы. Но если рассматривать выпуск аспирантов с защитой диссертации, то пропор-

ции для очного и заочного обучения сохраняются, т.е. численность обучающихся аспирантов на очной и заочной формах никак не влияет на пропорции выпуска с защитой диссертации. Таким образом, идеи дискуссий, заключающиеся в том, что человек учится в аспирантуре не ради защиты, а ради того, чтобы на это время обойти службу в армии, опровергаются в данном случае представленными выпусками с защитой диссертации.

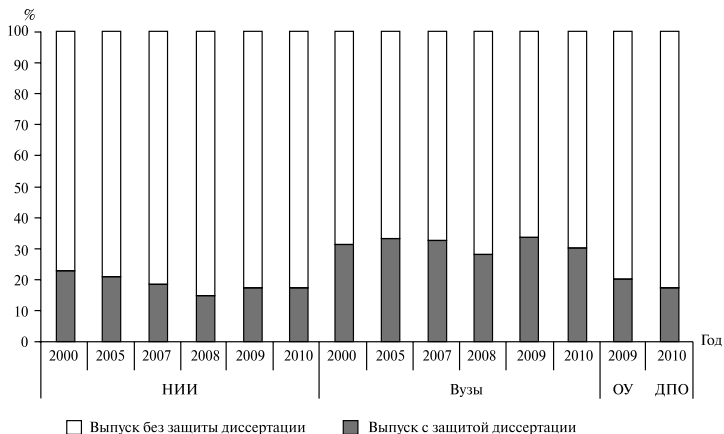

Рис. 6. Выпуск аспирантов по научным организациям с защитой диссертации и без защиты диссертации, %

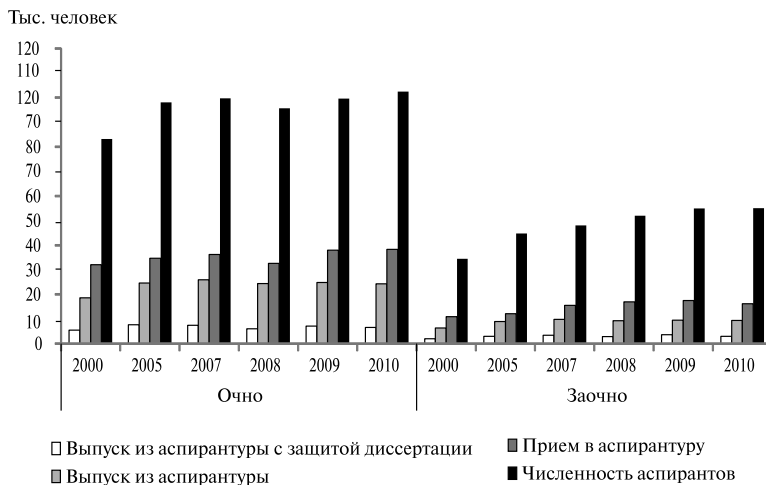

Рис. 7. Структура аспирантов по формам обучения, прием и выпуск, тыс. человек

Подготовка аспирантов ведется в основном высшими учебными заведениями, в которых к 2010 г. численность аспирантов составила 140 тыс. человек, в НИИ — 16,9 тыс. человек и образовательных учреждениях ДПО — 593 человека (рис. 8).

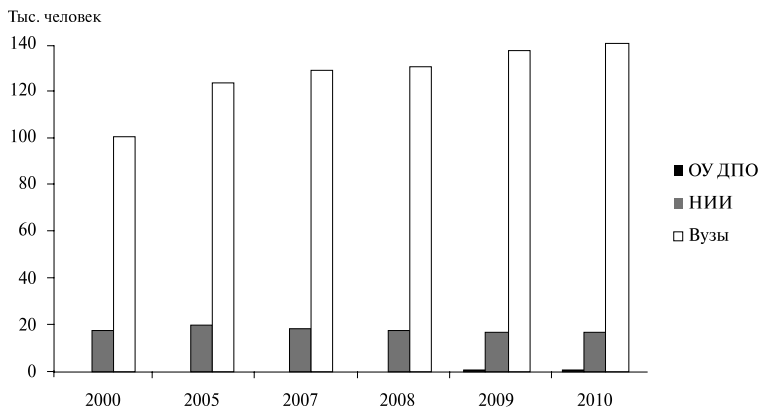

Рис. 8. Подготовка аспирантов по организациям в России, тыс. человек

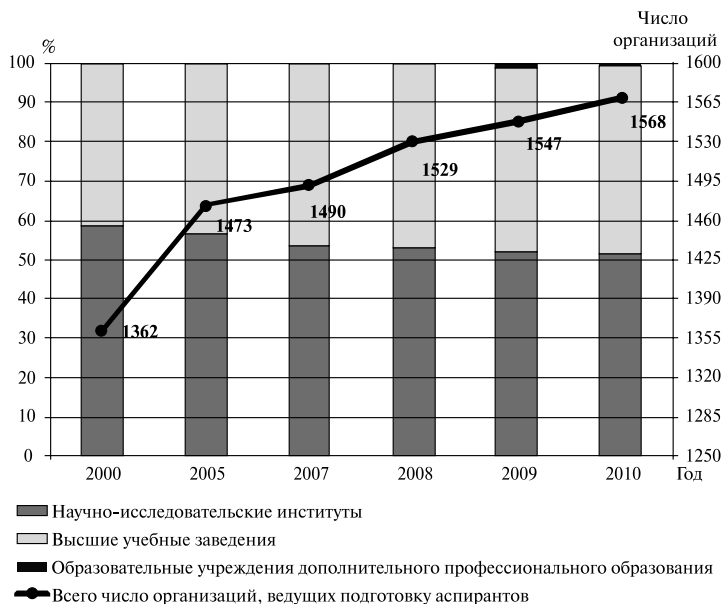

Рис. 9. Число организаций, ведущих подготовку аспирантов в России

С точки зрения эффективной результативности подготовки аспирантов вузы выглядят лучше относительно НИИ и образовательных учреждений ДПО, но все равно уровень защищенных диссертаций аспирантами по всем организациям в целом очень низок.

Подготовка аспирантов проводится в равных соотношениях по числу учреждений высшего образования и НИИ. Однако подготовка аспирантов в вузах намного превышает по численности организации НИИ (рис. 9).

В подготовке аспирантов по отраслям наук лидирующее место в 2010 г. по численности отводится техническим направлениям подготовки — 38,7 тыс. человек. По экономическим направлениям обучается 27,3 тыс. человек. Далее с большим отрывом следует подготовка аспирантов по юридическим направлениям — 12,1 тыс., медицинским — 11,4 тыс., педагогическим — 10,3 тыс. и по остальным направлениям — ниже 10 тыс. человек.

Докторантура

Сегодня фактически подготовка докторантов связывается с профессорской карьерой в вузах. Выпуск из докторантуры с защитой диссертации в 2010 г. составил 7,6% общей численности докторантов, что значительно меньше (на 180 человек) выпуска в 2005 г. — 12,1%.

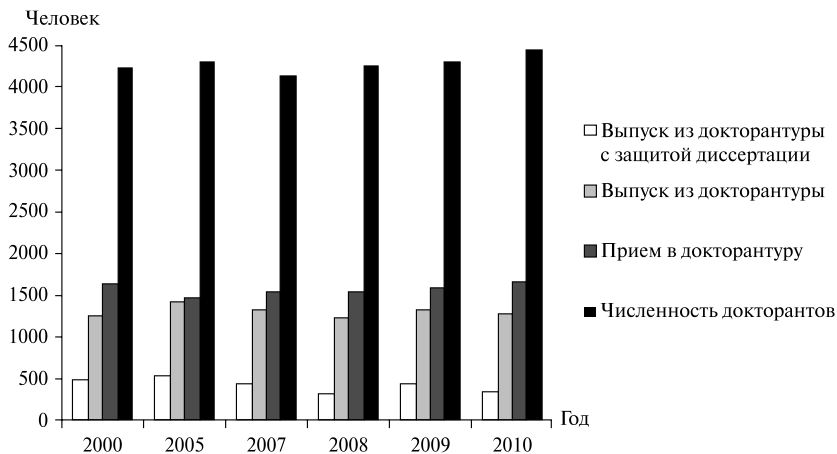

Рис. 10. Численность докторантов (прием, выпуск, защита), человек

Примерно 90% докторантов обучаются в вузах. Формирование научных школ в основном проходит также в вузах, поскольку численность обучающихся докторантов в НИИ ежегодно снижается.

Проблема состоит в следующем. Система подготовки научных кадров устроена таким образом, что за счет бюджетных средств поддерживается преимущественно неуспешная карьерная динамика. Практически на 100 тыс. человек, обучающихся в очной аспирантуре, на выходе из нее приходится всего 6,6 тыс. человек с защитой диссертации. Это свидетельствует о крайне низком уровне защиты в аспирантуре и соответственно крайне низкой эффективности. Численность аспирантов, выпущенных с защитой диссертации на очной основе, составляет 27% общего выпуска. Повышение эффективности воспроизводства качественных научных кадров явно требует модернизации системы подготовки в аспирантуре и докторантуре, чтобы наши научные кадры могли конкурировать с зарубежными коллегами.

Литература

Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2011.

Россия 2012: стат. справочник. М.: Росстат, 2012.

Федеральный закон от 24 октября 2007 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)».

Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части изменения разработки образовательных стандартов для бакалавриата и магистратуры (с изм. и доп. от 3 декабря 2011 г.).

Федеральный закон от 10 февраля 2009 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности федеральных университетов» (с изм. от 8 ноября 2010 г.).

Федеральный закон от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете».

Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (с изм. от 6 декабря 2011 г.).

Федеральный закон от 28 февраля 2012 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» в части применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий».

Е.В. Аржаных,
В.В. Мойсов

Московский
государственный
психолого-
педагогический
университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩИХСЯ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Одним из наиболее значимых направлений социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов является создание условий для получения ими образования, включая обеспечение доступности профессионального образования.

Согласно п. 5 ст. 24 ратифицированной Россией в 2012 г. Конвенции о правах инвалидов «государства-участники обеспечивают условия для того, чтобы инвалиды могли иметь доступ к общему высшему образованию, профессиональному обучению, образованию для взрослых и обучению в течение всей жизни без дискриминации и наравне с другими» [Конвенция о правах инвалидов].

Значение образования для политики интеграции людей с инвалидностью в общество имеет два аспекта. С одной стороны, ключевым вопросом успешной интеграции является занятость инвалидов. Предпосылка для достижения этой цели — образование и профессиональная подготовка. Реализация образовательного потенциала инвалидов на рынке труда может выступать как критерий эффективности социальной политики, осуществляемой в отношении инвалидов в целом. Для инвалидов образование играет даже более важную роль, чем для «здоровых» людей, так как это один из наиболее действенных социальных ресурсов, направленных на уменьшение общественной изоляции и экономической зависимости. Обладая данным ресурсом и реализуя его на практике, лица с инвалидностью способны повысить свой материальный уровень, почувствовать себя полноценными членами общества. С другой стороны, образование — фундаментальная ценность, определяющая социальный статус, возможности для самореализации личности, способ получения дополнительной жизненной энергии и расширения жизненных перспектив.

В 2010 г. в государственных и муниципальных образовательных учреждениях высшего профессионального образования обучалось 21 511 лиц с инвалидностью, что составляло 0,37% общей численности студентов. Соответствующий показатель для негосударственных высших учебных заведений — 1428 человек (0,12%) [Образование в Российской Федерации, 2012].

В настоящее время доля лиц с инвалидностью в общей численности студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования невелика. Тем не менее за последние 10 лет наблюдался значительный рост численности всех категорий студентов с инвалидностью, особенно получающих высшее образование.

Если в 2000 г. численность студентов с инвалидностью в учреждениях высшего и среднего профессионального образования была сопоставима (7033 и 6664 студентов соответственно), то в последующие годы произошел существенный разрыв между данными показателями. В этот период был принят ряд управленческих решений¹, способствующих привлечению лиц с инвалидностью в учреждения высшего профессионального образования. Кроме того, сказались общие тенденции в повышении популярности высшего образования среди российской молодежи.

Но проблема обеспечения широкого доступа к качественному профессиональному образованию для крайне разнообразной по своему составу социальной группы, состоящей из детей и молодежи с недостатками двигательного, сенсорного развития, соматическими заболеваниями, комплексными нарушениями, в настоящее время не решена. Для ее решения в первую очередь необходимо ответить на следующие вопросы: «Кого учить?», «Где, как, по каким профессиям/специальностям учить?», «Где, как трудоустраивать?», учитывая запросы на профессиональное образование лиц с инвалидностью, индивидуальные возможности и потребности в профессиональном образовании различного уровня.

На выяснение потенциального спроса на высшее профессиональное образование среди учащихся с инвалидностью московских школ, а также их профессиональных ориентаций (предпочтений в выборе профессии и уровня профессионального образования) было направлено социологическое исследование, проведенное в октябре-ноябре 2012 г. Лабораторией мониторинговых исследований Московского государственного психолого-педагогического университета.

Объектом исследования были учащиеся выпускных классов (10–12) разных типов школ (304 человека), в том числе:

- специальных (коррекционных) образовательных учреждений следующих типов — I (для незлышащих), II (для слабослышащих и позднооглох-

¹ Так, в соответствии с приказом Министерства образования РФ от 12 ноября 2003 г. № 4206 «О совершенствовании профессионального образования инвалидов» на основе конкурса среди образовательных учреждений были определены пять федеральных головных учебно-методических центров по подготовке инвалидов.

ших), III (для незрячих), IV (для слабовидящих и поздноослепших), VI (для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата);

- общеобразовательных учреждений, в которых дети с инвалидностью обучаются в обычных классах (инклюзивные школы);
- общеобразовательных учреждений — «школ надомного обучения», а также родители учащихся, принявших участие в исследовании (207 человек).

Планы учащихся после окончания школы

Большинство учащихся с инвалидностью (80%) собираются продолжить образование после окончания школы, причем в основном респонденты планируют поступать в вузы — 54% опрошенных (рис. 1). Пятая часть учащихся выбирают для продолжения образования колледжи и техникумы, а 5% — профессионально-технические лицеи. Более половины учащихся, предполагающих поступать в колледжи и техникумы, в дальнейшем рассчитывают получить высшее образование.

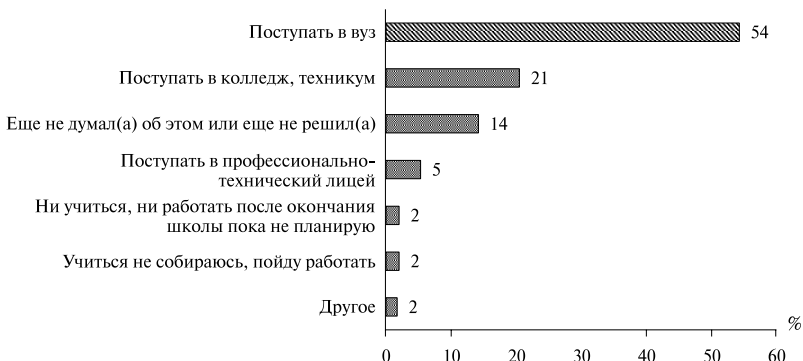

Рис. 1. Планы учащихся после окончания школы, % к числу опрошенных

Родители учащихся, принявших участие в исследовании, еще в большей степени, чем сами дети, настроены на получение ими высшего образования. Так, 65% респондентов называют в качестве желательного для своего ребенка высшее образование, а 5% рассматривают варианты продолжения образования после окончания вуза: получение второго высшего образования, поступление в аспирантуру.

Взаимодействие школ с образовательными учреждениями профессионального образования

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений необходимость профориентации учащихся старших классов, помогающей им в профессиональном самоопределении, что особенно актуально для учащихся с инвалидностью, выбор профессий для которых, как правило, ограничен. Это может быть реализовано через программы взаимодействия школ с образовательными учреждениями профессионального образования. Так, 42% опрошенных родителей указали, что в школе, где учится их ребенок, существуют подобные программы. Наиболее распространенные формы взаимодействия — знакомство школьников со специальностями, по которым проходит обучение в вузах (техникумах), участие в олимпиадах и творческих конкурсах, проводимых учебными заведениями. Как показали результаты опроса, в настоящее время устойчивые связи с вузами имеют в основном специальные коррекционные образовательные учреждения, накопившие за длительную историю существования большой опыт в социализации своих воспитанников. Среди учебных заведений чаще всего упоминалось два: Московский городской психолого-педагогический университет (МГППУ) и МГТУ им. Баумана.

Только 10% родителей уверены, что школа, в которой учится их ребенок, не имеет связей ни с какими образовательными учреждениями профессионального образования. Почти половина родителей не обладает информацией о том, сотрудничает ли их школа с каким-либо учебным заведением профессионального образования. Возможно, это связано с тем, что родители, указывая на то, что успешное обучение в школе позволит их детям продолжить образование (75%), не рассматривают школу в качестве возможного помощника в профессиональной ориентации. Так, доля родителей, для которых важным при обучении в школе является то, что это помогает их детям сориентироваться при выборе профессии, составляет лишь 3%.

Выбор специальности учащимися с инвалидностью

Структура наиболее популярных специальностей высшего образования в России постепенно меняется: если еще несколько лет назад вне конкуренции были направления экономика и управление, юриспруденция, гуманитарные и социальные науки, то постепенно повышается спрос на специальности, связанные с информационными технологиями и медициной. По

данным портала CAREER.RU², список специальностей, на которые поступали выпускники школ в 2012 г., возглавили специальности в сфере информационных технологий (30% опрошенных), далее шли экономика и финансы (17%), менеджмент (13%) и медицина (13%). Медицинские вузы лидируют последние два года по качеству приема в вузы: средний балл ЕГЭ в них составляет 74 балла из 100, что превосходит соответствующий показатель для вузов других профилей. Скачок качества абитуриентов медицинских вузов начался только в 2011 г. и связан, вероятно, с повышением внимания государства к сектору здравоохранения в целом и увеличением оплаты труда в этой сфере.

Отмеченные тенденции в изменении структуры распределения профессиональных предпочтений абитуриентов в целом характерны и для учащихся с инвалидностью.

Согласно данным опроса наиболее востребованными специальностями для получения высшего профессионального образования среди учащихся с инвалидностью являются: математика, программирование, компьютерные технологии (16%), общественные науки (экономика, право, менеджмент, социология и др.) (14%) и медицина (11%) (рис. 2).

Рис. 2. Распределение учащихся по специальностям ВПО, на которые они собираются поступать, % к числу ответивших

Лидирующие позиции после специальностей, связанных с математикой и программированием, занимают направления подготовки в сфере общественных наук и медицины. Однако если среди вузов, ориентированных на

² Онлайн-опрос проведен 8–15 августа 2012 г. среди 2000 российских студентов, поступивших в вуз в 2012 г.

обучение студентов с инвалидностью, есть такие, где обучают информационным технологиям, экономике, праву или менеджменту, то среди ведущих медицинских вузов нет ни одного, в котором были бы введены специальные программы инклюзивного образования.

Выбор вуза учащимися с инвалидностью

В 2010 г. в Москве существовало 268 вузов (из них 159 — негосударственных) [Московский стат. ежегодник, 2011]. Потенциально лицо, имеющее инвалидность, может получать профессиональное образование в любом из этих образовательных учреждений. На практике же в Москве вузов, имеющих «некоторый опыт обучения студентов с ограниченными физическими возможностями», не более 12–13³, т.е. не более 5% вузов столицы.

Как показывают результаты опроса, даже те учащиеся, которые планируют получить высшее образование, плохо информированы о московских вузах, ориентированных на обучение лиц с ограниченными возможностями здоровья. Лишь 32% этой категории респондентов знают о таких вузах, 26% — «что-то слышали», а 42% не имеют никакой информации о подобных учебных заведениях. Низкий уровень информированности ограничивает возможности учащихся при выборе учебных заведений, максимально приспособленных к потребностям учащихся с инвалидностью различных нозологий.

Тем не менее половина учащихся, планирующих получить высшее образование, уже выбрали вузы для поступления. Более трети учащихся (39%) еще не определилась с учебным заведением для продолжения образования, а 11% затруднились ответить на этот вопрос. Доля юношей, определившихся с выбором вуза, несколько выше, чем для девушек (53% против 46%).

Те учащиеся, которые уже выбрали вузы для поступления, активно участвуют в предметных олимпиадах и интеллектуальных соревнованиях — на это указали 64% определившихся с выбором вуза. Участие в подобных мероприятиях предполагает определенный уровень подготовки в профильной предметной области, как правило, связанной с будущей специальностью. В данном случае это является подтверждением осознанности выбора учащимися направления обучения, в котором они могут успешно реализовать свои способности. Среди тех, кто пока не выбрал вуз для поступления, доля участников предметных олимпиад и интеллектуальных соревнований ниже — 44%.

Респондентам, положительно ответившим на вопрос о том, выбрали ли они уже вуз (вузы), в который планируют поступать, предлагалось указать

³ По данным РООИ «Перспектива».

название вуза, местонахождение (город) и предполагаемый факультет. Большинство учащихся выделили по крайней мере один вуз, в который они собираются поступать.

Среди вузов, указанных респондентами в качестве предполагаемого места обучения, практически все находятся в Москве. Лишь несколько человек допускают возможность обучения в других городах — в Санкт-Петербурге, Кисловодске.

При этом учащиеся не всегда корректно указывали название вуза, ограничиваясь зачастую лишь указанием его специализации. Среди наиболее часто упоминаемых вузов, в которые планируют поступать учащиеся с инвалидностью, — МГППУ, МГУ им. Ломоносова и МГТУ им. Баумана. Реже среди вузов, выбранных для поступления учащимися с инвалидностью, фигурируют Московский педагогический государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет и НИУ ВШЭ.

Чаще других учащиеся выбирали для поступления следующие факультеты: математический/информационных технологий, искусство (музыка/живопись), психологический/дефектологический, журналистики/филологический и т.д.

Работа по выбранной специальности

Одна из актуальных проблем современного профессионального образования заключается в том, что выпускники учреждений высшего и среднего профессионального образования зачастую не работают по полученной специальности. По данным «Обследования населения по проблемам занятости» [Гимпельсон, Капелюшников, Рыжкова, 2008], всего 49,6% россиян работают по специальности своего диплома или близкой к ней.

Большая часть родителей (64%) считают, что их дети в будущем будут работать по специальности, полученной в вузе, и лишь 3% уверены в обратном (рис. 3). Треть ответивших на вопрос о том, будет ли их ребенок работать по полученной специальности, не смогли определиться с вариантом ответа. Результаты опроса свидетельствуют о том, что выбор специальности и вуза делается в значительной части случаев вполне осознанно и с учетом будущих перспектив.

Среди причин, по которым ребенок, по мнению родителей, не будет работать по полученной специальности, можно выделить основные: «особенности ограничения здоровья моего ребенка», «трудно устроиться по избранной специальности с документом об инвалидности», «для моего ребенка цель — образование, а не трудоустройство».

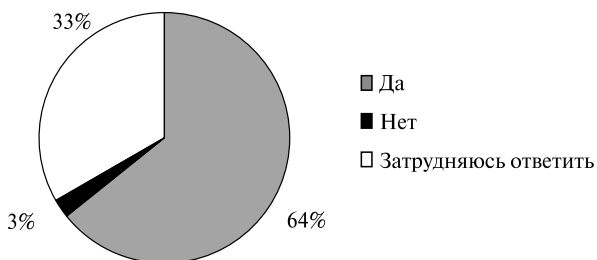

Рис. 3. Мнения родителей о том, будет ли их ребенок работать по специальности, полученной в вузе, % к числу ответивших

Общие выводы

Как следует из представленных результатов исследования, процессы и тенденции, присущие системе российского профессионального образования в целом, характерны и для системы образования учащихся с инвалидностью. Это проявляется и в достаточно высоком уровне спроса на высшее образование, и в невысоком престиже среди молодежи с инвалидностью рабочих профессий и специальностей, и в сходной структуре наиболее популярных специальностей высшего образования.

Но проблема профессионального самоопределения для учащихся с инвалидностью гораздо более актуальна, чем для их «здоровых» сверстников, так как выбор ограничивается, в первую очередь, особенностями их физических возможностей. Результаты опроса свидетельствуют о том, что выбор специальности и вуза делается учащимися в значительной части случаев вполне осознанно, с учетом как своих способностей, так и будущих перспектив это повышает вероятность того, что они в будущем будут работать по специальности, полученной в вузе.

Литература

Конвенция о правах инвалидов. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml

Образование в Российской Федерации: 2012: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

Московский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М.: Мосгорстат, 2011.

Гимпельсон В., Капелюшников Р., Рыжикова З. Обследования населения по проблемам занятости. М.: Центр трудовых исследований ГУ ВШЭ, 2008.

О.О. Замков,
А.А. Пересецкий

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ДИНАМИКА ВЛИЯНИЯ ОЦЕНОК ЕГЭ НА ПОСЛЕДУЮЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА МИЭФ НИУ ВШЭ

Введение

Международный институт экономики и финансов Высшей школы экономики (МИЭФ) создан и развивается в НИУ ВШЭ при академической поддержке Лондонской школы экономики (LSE), а студенты, заканчивающие программу бакалавриата, получают два диплома — НИУ ВШЭ и Лондонского университета. Большинство лекций и семинаров в МИЭФ проводится на английском языке. С 2008 г. МИЭФ проводит прием студентов на программу бакалавриата по результатам ЕГЭ. Учитываются баллы экзаменов ЕГЭ по математике, русскому и английскому языкам. Кроме того, победители и призеры Всероссийской олимпиады по экономике или математике и Межрегиональной многопрофильной олимпиады (ММО) НИУ ВШЭ имеют возможность поступить на факультет без конкурсного отбора.

Наличие хорошо организованной базы данных по учету академической успеваемости студентов МИЭФ позволяет проводить эконометрический анализ зависимости успехов студентов от их начальных достижений — результатов ЕГЭ и олимпиад, а также с учетом различных индивидуальных факторов. Подобный анализ по данным студентов 2008 и 2009 гг. поступления был произведен в работе [Давтян, Пересецкий, 2011]. С 2009 г. правила приема остаются стабильными: учитываются только баллы ЕГЭ и результаты олимпиад. Анализ результатов первого года обучения по экзаменам АРТ (*Advanced Placement Tests*), необходимый для зачисления на международную (внешнюю) программу Лондонского университета, для студентов набора 2009 и 2010 гг. проведен в работе [Замков, 2012].

В данной статье рассматривается зависимость академических успехов студентов, поступивших в МИЭФ в 2009, 2010 и 2011 г., после 1-го, 2-го и 3-го года обучения от их начальных достижений по ЕГЭ и олимпиадам. Главный

вопрос исследования — насколько долгосрочно влияние ЕГЭ на последующие результаты студентов, аккумулируется ли информация ЕГЭ в текущих оценках студента?

В качестве контролирующих переменных в регрессиях используются, в частности, фиктивные переменные пола студента и место окончания школы (Москва или другой регион). Это позволяет проверить гипотезы о том, отличаются ли экзамены ЕГЭ в регионах от экзаменов ЕГЭ в Москве, а студенты-москвичи — от иногородних студентов по своей мотивированности; зависят ли результаты обучения от пола студента.

Регрессионные модели: рейтинги и выбывание

Успеваемость в МИЭФ оценивается по 100-балльной шкале на основе результатов письменных экзаменов и других форм работы студентов. Оценки включают, как правило, взвешенные баллы за три внутренних экзамена МИЭФ в течение года и международный экзамен Лондонского университета в конце года (с весом 35–50% в общей годовой оценке). Обычно корреляция между оценками внутренних экзаменов МИЭФ и оценками экзамена Лондонского университета достаточно высока (0,6–0,8), что говорит о единой объективной системе оценки знаний. В данной работе рассматриваются кумулятивные годовые оценки по отдельным предметам, а также финальный рейтинг студента — средневзвешенная оценка по изученным в течение года курсам.

Для того чтобы изучить, как долго остается важной информация, содержащаяся в оценках ЕГЭ, рассмотрим регрессии рейтингов студентов на результаты трех экзаменов ЕГЭ. В случае рейтинга 1-го курса в регрессии участвуют оценки студентов наборов 2009–2011 гг., в случае рейтингов 2-го и 3-го курсов — студентов наборов 2009–2010 и 2009 гг. соответственно. В уравнения включены фиктивные переменные — индикаторы года набора, окончания школы в Москве и пола студента.

В модель введены и другие фиктивные переменные — индикаторы поступления по результатам олимпиад (по ним поступают в МИЭФ 15–20% студентов). Некоторые исследователи выдвигают гипотезу, что оценки этих студентов по ЕГЭ несопоставимы с оценками остальных студентов, поскольку студенты, поступившие по результатам олимпиад, могут «не напрягаться» при сдаче ЕГЭ, так как им уже известен результат олимпиад. По мнению авторов, данный аргумент несправедлив, ибо победители олимпиад прежде всего мотивированы в своей предметной области и в освоении программы МИЭФ.

Результаты оценки уравнений представлены в табл. 1.

Таблица 1.

ЕГЭ, олимпиады и рейтинг студента после 1-го, 2-го и 3-го курсов МИЭФ

Регрессоры	Годы		
	2009+2010+2011	2009+2010	2009
	Рейтинг		
	1-го курса	2-го курса	3-го курса
Константа	-42,64*** (7,138)	-3,561 (10,40)	-46,74* (23,96)
ЕГЭ по математике	0,481*** (0,0584)	0,294*** (0,0869)	0,777*** (0,205)
ЕГЭ по русскому языку	0,357*** (0,0619)	0,145 (0,0897)	-0,0565 (0,192)
ЕГЭ по английскому языку	0,312*** (0,0689)	0,245** (0,0970)	0,469** (0,209)
Победа на Всероссийской олимпиаде	17,81*** (2,716)	16,37*** (2,885)	17,36*** (5,581)
Победа на ММО НИУ ВШЭ	9,475*** (1,495)	9,702*** (1,862)	8,694** (3,618)
2010-й год поступления	2,134 (1,355)	0,316 (1,445)	
2011-й год поступления	-4,168*** (1,332)		
Москва	0,157 (1,205)	-1,001 (1,588)	0,667 (3,247)
Пол женский	0,505 (1,058)	3,640** (1,429)	5,927* (3,102)
R^2	0,430	0,352	0,371
Количество наблюдений	468	210	88

Примечание. Здесь и далее в таблицах знаки (*), (**), (***) показывают значимость на 10%-, 5%-, 1%-ном уровне соответственно. В скобках приведены стандартные ошибки.

Из табл. 1 видно, что все три ЕГЭ значимы на 1%-ном уровне для прогноза рейтинга 1-го года. Экзамен ЕГЭ по математике более «важен» для прогноза успеваемости 1-го года, так как коэффициент при нем (0,481) значительно больше, чем при двух других ЕГЭ (стандартные отклонения коэффициентов сопоставимы). Важность начальной информации с течением времени ослабевает, что отражается снижением коэффициента детерминации. Баллы ЕГЭ по математике и английскому языку значимы для всех лет.

Студенты, поступившие по результатам Всероссийской олимпиады, при прочих равных (прежде всего при тех же

оценках ЕГЭ) устойчиво получают рейтинги на 16–18 баллов выше, а поступившие по результатам ММО НИУ ВШЭ — на 9–10 баллов выше,

чем остальные студенты, поскольку победители и призеры олимпиад имеют серьезный интерес в данной предметной области и высоко мотивированы в ходе учебы. Студентки имеют рейтинг 2-го и 3-го года на 3,6 и 5,9 баллов больше, чем студенты, что отражает их большую мотивированность и усердие на 2-м курсе.

Для изучения поставленных вопросов рассмотрены также модели вероятности выбывания студентов с программы МИЭФ. Выбывание происходит в основном по причине неуспеваемости студента, но нередки случаи, когда студент выбывает по семейным и другим причинам (в наших данных эти причины не различаются).

В первой графе табл. 2 приведены результаты оценки *logit*-модели вероятности выбывания студента на 1-м курсе, т.е. отчисления его или в течение 1-го курса, или по окончании 1-го курса по результатам итоговых экзаменов, в гр. 2 и 3 — результаты оценки *logit*-моделей вероятности выбывания студента на 1–2-м и 1–3-м курсах. В качестве объясняющих переменных используются те же регрессоры, что и в моделях рейтингов.

Таблица 2. *Logit*-модели выбывания студента после 1-го, 2-го и 3-го курсов по результатам ЕГЭ

Регрессоры	Годы		
	2009+2010+2011	2009+2010	2009
	Выбыл на 1-м курсе	Выбыл на 1–2-м курсах	Выбыл на 1–3-м курсах
Константа	14,20*** (1,803)	13,35*** (2,325)	12,34*** (3,372)
ЕГЭ по математике	-0,0918*** (0,0147)	-0,0920*** (0,0188)	-0,0409 (0,0266)
ЕГЭ по русскому языку	-0,0629*** (0,0154)	-0,0865*** (0,0221)	-0,0843*** (0,0315)
ЕГЭ по английскому языку	-0,0464*** (0,0150)	-0,00932 (0,0186)	-0,0310 (0,0279)
2010-й год поступления	0,00935 (0,322)	0,553* (0,310)	—
2011-й год поступления	0,956*** (0,317)	—	—
Москва	-0,113 (0,293)	-0,212 (0,359)	-0,197 (0,484)
Пол женский	0,0435 (0,248)	-0,349 (0,302)	-0,574 (0,431)
<i>Pseudo-R</i> ²	0,213	0,207	0,140
Количество наблюдений	505	302	134
Из них «0/1»	370/135	201/101	80/54

Переменные зачисления по результатам олимпиад не были включены в *logit*-модель, поскольку победители и призеры олимпиад практически не покидали программу. Результаты *logit*-модели вероятности выбывания студента на 1-м курсе в целом аналогичны результатам модели рейтинга. Хорошие результаты ЕГЭ значимо снижают вероятность выбытия из программы в течение 1-го года обучения. Соотношение коэффициентов при оценках ЕГЭ сопоставимо с моделью рейтинга. Вероятность выбытия для студентов, поступивших в 2011 г., при прочих равных несколько выросла.

На вероятность выбывания студента из программы в течение одного-двух лет значимо влияют только оценки ЕГЭ по русскому языку и математике, а за один-три года — только по русскому языку. Таким образом, для рейтинга 3-го года обучения наиболее важен ЕГЭ по математике, а для вероятности остаться в программе — ЕГЭ по русскому языку. Возможно, в оценке ЕГЭ по русскому языку концентрируется спектр важных, не только языковых, знаний и навыков: настойчивость, нацеленность на получение образования.

ЕГЭ по английскому незначим с точки зрения выбытия на 5%-ном уровне, начиная со 2-го года обучения. Это может означать выравнивание в знании английского языка в течение 1-го года обучения.

Регион окончания школы в рассмотренных моделях незначим.

Регрессионные модели. Основные курсы

В этом разделе рассматривается связь начальной информации (результаты ЕГЭ, олимпиад) и итоговых оценок по основным курсам 1-го, 2-го и 3-го годов обучения. Заметим, что для анализа выбирались курсы, требующие математической подготовки и аналитических способностей. Таблицы с оценками мы не приводим, охарактеризуем лишь результаты оценивания.

В конце 1-го года обучения студенты получают итоговые оценки по четырём основным курсам, выбранным для анализа. Это — математический анализ, статистика-1, микроэкономика-1, макроэкономика-1. В качестве объясняющих переменных использовались те же переменные, что и в табл. 1.

Все три оценки ЕГЭ оказались значимы для прогноза оценки по курсам. Для математического анализа вес ЕГЭ по математике (0,8) значительно выше, чем вес двух других ЕГЭ (примерно равный 0,3). Для трех других курсов вес ЕГЭ по математике (0,5) также несколько выше веса оценок по двум языковым ЕГЭ (0,3–0,4). Победа на Всероссийской олимпиаде при прочих равных добавляет 21–22 балла, а победа на ММО НИУ ВШЭ — примерно 10–13 баллов. Эти значения выше полученных для рейтинга, поскольку рейтинг включает также и оценки по гуманитарным курсам. Регион окончания школы и пол студента незначимы.

Результаты оценивания регрессий итоговых оценок по пяти курсам 2-го года обучения: математика для экономистов, статистика-2, микроэкономика-2, макроэкономика-2, линейная алгебра, по данным студентов наборов 2009 и 2010 гг., характеризуются тем, что значимым остался только ЕГЭ по математике. Значимость олимпиад для курсов 2-го года по-прежнему сохраняется, например победа на Всероссийской олимпиаде добавляет 14–22 балла по различным предметам, а победа на ММО НИУ ВШЭ — еще 8–12 баллов.

В четырех из пяти курсов (кроме статистики-2) студентки получают на 3–4 балла выше, чем студенты. Этот результат согласуется с результатом регрессий рейтингов и моделей вероятности выбытия.

Для студентов набора 2009 г. известны их итоговые результаты по курсам 3-го года: математические методы анализа экономики, эконометрика, микроэкономика-3, макроэкономика-3. Результаты оценивания соответствующих регрессий показывают, что даже через три года сохраняется значимое влияние ЕГЭ и олимпиад. Победы на Всероссийской олимпиаде и ММО НИУ ВШЭ добавляют 14–22 и 6–11 баллов соответственно.

Оценка ЕГЭ по математике значима для всех предметов на 1%-ном уровне, в отличие от курсов 1-го и 2-го года; значимым на 5–10%-ных уровнях для всех четырех предметов оказывается результат ЕГЭ по английскому языку. Поскольку данный вывод касается только студентов набора 2009 г., то, возможно, это отражает особенности проведения ЕГЭ по английскому языку. По-видимому, начиная с 2010 г. адекватность шкалы оценок ЕГЭ потребностям обучения на международной программе существенно выросла (по крайней мере, в верхней части шкалы таких оценок, где обычно находятся оценки студентов МИЭФ). Регион окончания школы незначим, а по отдельным предметам студентки получают оценки на 7 баллов выше, чем студенты.

Регрессионные модели. Аккумуляция информации

Из предыдущих разделов очевидно, что начальная информация о способностях студента постепенно аккумулируется в его текущих баллах по рейтингам и отдельным предметам. В данном разделе исследуется вопрос, верно ли, что начальная информация аккумулируется в итогах 1-го года обучения. Для проверки этой гипотезы оцениваются регрессии итоговых рейтингов 2-го и 3-го годов на начальную информацию (результаты ЕГЭ, олимпиад), на контрольные переменные (год набора, пол, регион окончания школы) и на итоги 1-го года обучения. Результаты приведены в табл. 3. В моделях (1)–(4) зависимой переменной является рейтинг 1-го года, а в моделях (5)–(8) — 2-го года. Контрольные переменные введены во все модели. Модели (1) и (5) не

включают результаты 1-го года, а в модели (2) и (6) дополнительно введен рейтинг 1-го курса. Модели (3) и (7) получаются из (2) и (6) исключением начальной информации, а модели (4) и (8) — из (3) и (7) заменой итогового рейтинга 1-го курса на итоговые оценки основных экзаменов 1-го курса.

Таблица 3. Аккумуляция начальной информации в итогах 1-го года

Регрессоры	Рейтинг 2-го курса, 2009+2010 г.				Рейтинг 3-го курса, 2009 г.			
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Константа	-3,561 (10,40)	1,616 (6,966)	3,684 (2,634)	14,45*** (2,421)	-46,74* (23,96)	-29,75 (19,48)	-9,961 (6,686)	1,487 (6,720)
Рейтинг 1-го курса		0,870*** (0,0552)	0,921*** (0,0422)			0,979*** (0,147)	1,115*** (0,106)	
ЕГЭ по математике	0,294*** (0,087)	0,0125 (0,0608)			0,777*** (0,205)	0,192 (0,187)		
ЕГЭ по русскому языку	0,145 (0,090)	0,0435 (0,0604)			-0,0565 (0,192)	-0,168 (0,156)		
ЕГЭ по английскому языку	0,245** (0,097)	0,00144 (0,0667)			0,469** (0,209)	0,282 (0,171)		
Победа на Всероссийской олимпиаде	16,37*** (2,88)	2,489 (2,122)			17,36*** (5,581)	6,667 (4,778)		
Победа на ММО НИУ ВШЭ	9,702*** (1,862)	1,460 (1,352)			8,694** (3,618)	0,528 (3,164)		
2010-й год поступления	0,316 (1,445)	-2,958*** (0,989)	-3,017*** (0,889)	-0,781 (0,958)				
Москва	-1,001 (1,588)	-0,637 (1,063)	-0,536 (1,018)	-0,208 (1,014)	0,667 (3,247)	0,949 (2,618)	0,730 (2,577)	0,994 (2,684)
Пол женский	3,640** (1,429)	2,436** (0,959)	2,404*** (0,895)	3,136*** (0,904)	5,927* (3,102)	3,135 (2,535)	2,136 (2,198)	3,303 (2,404)
Математический анализ				0,141** (0,061)				0,296* (0,156)
Статистика-1				0,383*** (0,085)				0,235 (0,214)
Микроэкономика-1				-0,0843 (0,0747)				0,0038 (0,226)
Макроэкономика-1				0,392*** (0,0693)				0,490** (0,205)
R^2	0,352	0,711	0,707	0,720	0,371	0,597	0,569	0,562

Регрессоры	Рейтинг 2-го курса, 2009+2010 г.				Рейтинг 3-го курса, 2009 г.			
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Количество наблюдений	210	210	210	210	88	88	88	88
<i>P</i> -значение <i>F</i> -теста на значимость начальной информации		0,735				0,377		

Из моделей (2) и (6) видно, что после включения в регрессоры рейтинга 1-го курса вся начальная информация аккумулируется им и становится незначимой. Регион окончания школы незначим во всех моделях, при прочих равных рейтинг студенток 2-го года обучения на 2,5–3,5 балла выше, чем студентов, но для рейтинга 3-го года этот эффект отсутствует.

Из отдельных результатов 1-го года на рейтинг 2-го года значимое и примерно одинаковое влияние оказывают такие предметы, как статистика-1 и макроэкономика-1, несколько меньшее — матанализ-1. На рейтинг 3-го года обучения значимое влияние оказывают макроэкономика-1 и меньшее, на 10%-ном уровне, матанализ-1.

Аналогичным образом исследуем значимость начальной информации с помощью модели вероятности выбывания студента из программы за 2-й и 2–3-й годы (в выборке участвуют только студенты, имеющие итоговый рейтинг 1-го года). Как и в моделях рейтингов, при включении в модель рейтинга 1-го курса начальные данные (результаты ЕГЭ) становятся совместно незначимыми: *P*-значение *F*-теста равно 0,26. При прочих равных вероятность выбывания из программы на 2–3-м году студенток ниже, чем студентов. Включение в модель рейтинга 1-го года обучения значительно повышает качество подгонки модели *Pseudo-R*².

В двух из трех моделей вероятности выбывания за 2–3-й год обучения на 10%-ном уровне значим и отрицателен коэффициент при региональной переменной, т.е. при прочих равных москвичи имеют несколько меньшую вероятность выбывания во время 2–3-го курсов. Возможно, это связано с социальными условиями жизни студентов.

Заключение

В настоящей работе на данных студентов 2009, 2010 и 2011 гг. набора в МИЭФ НИУ ВШЭ исследуется вопрос о том, являются ли начальные

данные, по которым осуществляется отбор абитуриентов (результаты ЕГЭ, олимпиад), значимым предиктором дальнейших академических успехов студентов после 1-го, 2-го и 3-го годов обучения. При этом изучается влияние этих начальных данных на итоговые рейтинги студентов по результатам каждого из трех лет обучения и их итоговые оценки по отдельным предметам, а также на вероятность выбывания из программы МИЭФ.

Оказалось, что экзамены ЕГЭ по математике, русскому и английскому языкам значимы для прогноза итогового рейтинга студента 1-го года обучения. ЕГЭ по английскому языку и ЕГЭ по математике сохраняют значимость в течение трех лет: они значимы и для прогноза рейтинга 2-го и 3-го годов. Фактор приема студента в МИЭФ по результатам олимпиад оказывает постоянное влияние на протяжении всех трех лет. Очевидно, студенты-олимпиадники обладают некоторыми личностными характеристиками (нацеленность на успех, получение знаний, а также мотивированность), которые выделяют их среди других студентов. Заметим, что показатель качества подгонки моделей рейтингов R^2 лежит в том же диапазоне, что и в аналогичных работах по прогнозу рейтинга студента по результатам SAT на данных студентов США (см., например, [Kobrin et al., 2008]).

В моделях вероятности выбытия из программы, так же как и в моделях рейтингов, все три ЕГЭ значимы для прогноза выбытия после 1-го курса. В отличие от моделей рейтингов 2-го и 3-го годов для вероятности выбытия после 1–2-го годов значимы ЕГЭ по математике и русскому языку, а для вероятности выбытия после 1–3-го годов обучения — только ЕГЭ по русскому языку. По-видимому, результаты ЕГЭ по русскому языку содержат не только сведения о способности студента к языку, но и другую информацию (усердие, старательность, настойчивость и т.п.).

Ни в одной из моделей регион окончания школы (Москва — регионы) не оказался значимым. Таким образом, не найдено различий в качестве баллов ЕГЭ среди студентов-москвичей и студентов-немосквичей, по крайней мере среди студентов МИЭФ. В двух моделях вероятность выбытия на 3-м году обучения несколько выше для студентов-немосквичей, что, вероятно, объясняется социальными причинами — проживание в общежитии, необходимость подработки.

Однако оказался значимым пол студента. При прочих равных студентки показывают несколько лучшие результаты, чем студенты на 2-м и 3-м годах обучения.

Проанализирована скорость, с которой начальная информация аккумулируется в оценках и рейтингах студентов. Выяснилось, что итоговый рейтинг 1-го года обучения уже полностью аккумулирует всю начальную информацию: при включении его в модели результаты ЕГЭ и олимпиад становятся совмест-

но незначимыми. Возможно этот эффект также показывает стабильность и последовательность требований к студентам в процессе их обучения в МИЭФ.

В целом можно заключить, что результаты ЕГЭ являются адекватным показателем для отбора студентов на программу МИЭФ. Показана также важность практики приема студентов по результатам олимпиад.

Список литературы

Замков О.О. Оценки ЕГЭ как индикатор последующих академических успехов студентов международной программы по экономике / XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Т. 1. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 304–313.

Пересецкий А.А., Давтян М.А. Эффективность ЕГЭ и олимпиад как инструмента отбора абитуриентов // Прикладная эконометрика. 2011. № 23 (3). С. 41–56.

Польдин О.В. Прогнозирование успеваемости в вузе по результатам ЕГЭ // Прикладная эконометрика. 2011. № 21 (1). С. 56–69.

Griffin R., MacKewn A., Moser E., VanVuren K.W. Do Learning and Study Skills Affect Academic Performance? An Empirical Investigation // Contemporary Issues in Education Research. 2012. No. 5 (2). P. 109–115.

Kobrin J.L., Patterson B.F., Shaw E.J., Mattern K.D., Barbuti S.M. Validity of the SAT for Predicting First-Year College Grade Point Average. College Board Research Report, 2008.

Nye J. V.C., Androuschak G., Desierto D., Jones G., Yudkevich M. 2D:4D Asymmetry and Gender Differences in Academic Performance: Evidence from Moscow and Manila. UP School of Economics Discussion Paper. 2012. No. 2012-03.

Е.А. Князев,

Н.В. Дрантусова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Постановка проблемы

Процессы системной и институциональной динамики в высшем образовании в последнее время находятся в фокусе внимания широкого круга экспертов и исследователей [Maassen, Olsen, 2007; Kyvik, 2004; Elken et al., 2011]. Одним из наиболее часто используемых в мировой практике подходов к анализу динамики национальных систем высшего образования является подход, предложенный в 1983 г. Б. Кларком [Clark, 1983]. Введенный им треугольник координации позволяет рассматривать происходящие изменения масштабов и структуры системы высшего образования как результат взаимодействия и постоянно меняющихся степеней влияния трех основных властных групп, участвующих в ее управлении — государства, рынка и академического сообщества.

Используя разнообразные механизмы координации, такие как законодательство, модели распределения средств, рамки подотчетности, инструменты развития спроса и предложения на рынке образовательных и научных услуг, стимулирование конкуренции, профессиональную экспертизу принимаемых решений, инициативы по расширению и активизации различных сетей, эти группы формируют рамки, в которых вузы определяют собственные траектории институционального развития. Таким образом, результатом взаимодействия трех властных групп является изменение сложившегося институционального ландшафта: меняется число вузов, спектр и масштаб их деятельности, традиционные авторитеты сдают свои позиции, появляются новые лидеры и истории успеха.

Значительные изменения происходят и в российской системе высшего образования. Следование мировым трендам в научно-образовательной сфере (концентрация поддержки на ограниченном числе выделенных вузов, переход на уровневую организацию образования, поощрение третьей миссии университетов) — все это создает контекст для институциональной дифференциации.

Институциональная дифференциация понимается авторами как процесс формирования различающихся устойчивых моделей поведения и организации работы вузов, воспроизводимых в основных областях деятельности (в результатах, в управлении, в программах и проектах), как интегрированного ответа на конкретно-историческое сочетание факторов внешней и внутренней среды. Однако состав и роль этих факторов, а также тренды организационных изменений не изучены в достаточной мере. Без их понимания невозможно строить эффективную политику развития системы образования. На идеях осмысления выделенных выше факторов, определения и анализа их взаимосвязей в НИУ ВШЭ реализуется исследовательский проект «Институциональная дифференциация в российском высшем образовании»¹. Существенным моментом для исследовательской позиции авторов проекта является восприятие институциональной дифференциации именно как процесса. Мы не ставим в качестве основной цели описание групп вузов, полагая, что в условиях серьезных системных преобразований их границы весьма подвижны и поэтому условны. Мы фокусируем внимание на факторах и механизмах дифференциации, на выделении устойчивых и воспроизводимых в практиках моделей организации и поведения, рассматривая совокупности вузов с доминирующими организационно-поведенческими характеристиками.

Дифференциация и институциональное многообразие

Анализ основных концепций и подходов к анализу институционального многообразия в высшем образовании разных стран позволяет предположить, что большинство национальных систем высшего образования являются дифференцированными [Huisman et al., 2007]. Разнообразие миссий, профилей, типов вузов, моделей их поведения, т.е. институциональное многообразие — это ответ систем высшего образования на появление новых функций вузов и новых требований рынка труда, увеличение разнообразия образовательных потребностей студентов, специализацию научного знания.

В качестве еще одной движущей силы дифференциации исследователи отмечают изменения в моделях финансирования вузов и появление новых видов их деятельности. Экстенсивный рост систем высшего образования, не подкрепляемый соответствующими финансовыми ресурсами со стороны государства, заставляет вузы ориентироваться на активное привлечение не-

¹ Проект реализуется при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

государственных источников финансирования деятельности и активно развивать так называемую третью миссию — деятельность, направленную на удовлетворение социально-экономических потребностей своего окружения: бизнеса, региона, социума и т.д. [Shattock, 2009]. Очевидно, что разные возможности выбора вузом партнеров в своем окружении, разные способности к использованию имеющегося арсенала управленческих инструментов и концепций определяют и разные модели поведения вуза и его положение в системе образования.

Большинство зарубежных авторов описывают существующее многообразие вузов путем разделения их на различные группы по ряду оснований или критериев. Одним из наиболее распространенных подходов к описанию институционального многообразия является использование в качестве основания дифференциации масштаба и результативности исследовательской деятельности [Teichler, 2008]. Среди других оснований для дифференциации можно выделить спектр образовательной деятельности и целевые группы студентов, с которыми работают вузы (уровень подготовки студентов, география их проживания, критерии отбора абитуриентов), функциональные приоритеты персонала, период создания вуза, уровень селективности абитуриентов и др. [Reichert, 2009; Van Vaught, 2009].

В России в 1990-х годах сложилась система высшего образования, обладавшая формальной (закрепленной в законодательстве) дифференциацией. Вузы разделялись на три вида: университеты, институты, академии. Деление осуществлялось на основе широты спектра направлений подготовки студентов, интенсивности и спектра областей проведения научных исследований и отражалось в соответствующей видовой принадлежности, закреплявшейся в аккредитационном статусе вуза.

В начале 2000-х годов высшее образование стало развиваться в русле общемирового тренда развития массового высшего образования. Высокий спрос на образовательные услуги социализирующего плана со стороны населения стал драйвером бурной горизонтальной экспансии системы высшего образования. Значительное влияние на количественный рост системы в целом оказало также увеличение негосударственного сектора высшего образования. Возросшее практически в 2 раза число вузов, появление студентов с очень низким уровнем подготовки, повышение статуса многих институтов до статуса университета за счет открытия востребованных студентами специальностей в области социальных наук, слияние институтов в рамках новых университетов, снижение научной активности вузов — все это стало причиной поиска новых оснований для дифференциации. Одна из попыток категорирования вузов была предложена в утвержденных в 2004 г. Правительством

РФ приоритетных направлениях развития образовательной системы страны до 2012 г. В них предполагалось выделение следующих типов вузов:

- общенациональные вузы, являющиеся крупными научными и образовательными комплексами;
- вузы, готовящие кадры для перспективных отраслей и кластеров отечественной экономики;
- вузы, реализующие конституционные гарантии и права граждан на получение высшего образования.

Но критерии и процедуры выделения данных типов так и не были утверждены.

С началом реализации приоритетного национального проекта «Образование» явное категорирование вузов было частично заменено подходом, который опирался на механизмы конкурсного финансирования программ вузов [Обзор социальной политики, 2007] и в результате привел к выделению группы ведущих вузов. Это отразилось и на новом подходе к формальной дифференциации вузов. Новый «Закон об образовании» (2012) предусматривает формальную дифференциацию в системе высшего образования следующим образом: все высшие учебные заведения относятся к одному типу — образовательная организация высшего образования, но введены категории «федеральный университет» и «национальный исследовательский университет».

Еще один подход к дифференциации вузов демонстрирует Государственная программа «Развитие образования» — на 2013–2020 гг. Согласно этой программе перспективный облик институционального ландшафта в высшем образовании должен включать «ведущие исследовательские университеты (40–60 вузов), являющиеся двигателями развития инновационной экономики, опорные вузы региональных экономических систем, обеспечивающие специализированную профессиональную подготовку, и вузы, осуществляющие широкую подготовку бакалавров» [ГПРО, с. 23–24]. Соотнесение представленного видения с подходами, реализуемыми в самых разных зарубежных образовательных системах, показывает, что Россия находится в общемировом тренде развития высшего образования, когда для дифференциации в качестве основания используются исследовательская деятельность и научный потенциал вуза.

Однако отвечая на вопрос, а только ли наука является ключом к дифференциации вузов в условиях такой крупной образовательной системы, как российская, мы допускаем, что механизмы дифференциации, даже построенные с опорой на те или иные характеристики научной деятельности вуза, будут более сложными, нелинейными, со значительным числом различных зависимостей.

Механизмы дифференциации

Для анализа механизмов дифференциации в проекте используется подход, интегрирующий три концепции: системный взгляд на организацию, теорию ресурсной зависимости и стейкхолдерскую теорию (подробнее об используемой методологии см. в [Князев, Дрантусова, 2012]).

Организационные изменения в стейкхолдерской теории характеризуются способностью организации устанавливать и поддерживать отношения со своими стейкхолдерами, вкладчиками определенного типа ресурсов, в которых заинтересован вуз для сохранения и развития своих конкурентных преимуществ [Jongbloed et al., 2008].

Каждому вузу свойственно стремиться к определению собственной идентичности и уникальности, искать или формировать нишу для комфортной деятельности и развития. Процесс институциональной дифференциации не стихийен и формируется в конкретных временных и пространственных обстоятельствах под воздействием совокупности внешних и внутренних факторов. Комбинация внешних факторов может рассматриваться как сумма сил влияния различных стейкхолдеров на вуз в процессе сложившегося, формирующегося или меняющегося ресурсного обмена между ними. Сумма этих сил влияния есть некоторая равнодействующая, которая в основном и определяет главный вектор развития вуза.

Двигателем организационных изменений является ресурсная зависимость организации и объективная потребность в совокупном увеличении доступных ресурсов. В отношениях вуза с каждым отдельным стейкхолдером можно говорить о взаимном стремлении сторон к балансу, равновесию в ресурсном обмене.

Изменение состава стейкхолдеров и динамика их интересов в ресурсном обмене меняют указанные силы влияния, заставляя вуз менять собственное поведение, корректировать траекторию собственного развития, вступать в новые стратегические партнерства, отказываться от утративших актуальность альянсов. Ответная реакция или инициатива вуза, вызванная внешними возможностями и угрозами, является комплексной и многоплановой по природе. Ее специфику определяют следующие способности вуза:

- выделить ограниченный набор приоритетов деятельности, востребованных стейкхолдерами, и сконцентрировать на них имеющийся потенциал;
- определять для себя иерархию стейкхолдеров и развивать взаимодействие с теми стейкхолдерами, в чьих ресурсах он заинтересован в большей степени

- распределять сферы собственных интересов в различных пространственных срезах (территориальном, отраслевом, функциональном и т.д.) в соответствии со своими возможностями и потребностями ключевых стейкхолдеров.

Многообразие системных ответов университетской организации на необходимость поддержания (сохранения, оптимизации) баланса в ресурсном обмене со стейкхолдерами, состав и ожидания которых сами находятся в непрерывной динамике, авторами рассматриваются как механизмы дифференциации.

Тенденции институционального развития в российском высшем образовании

Во всей разнообразной палитре отношений российских вузов и стейкхолдеров важно и можно увидеть определенный порядок, последовательность, связанные с приоритетностью того или иного стейкхолдера для вуза, объемом ресурсов, которые стейкхолдер готов предложить для обмена, а также требования и процедуры доступа к этим ресурсам.

В российском высшем образовании сегодня безусловным ресурсным лидером является государство. Выделяемые государством ресурсы при всей их масштабности, безусловно, ограничены, как ограничен и круг вузов, получающих доступ к таким ресурсам. Приоритет внимания государства в настоящее время отдан исследовательским университетам, способным к глобальной конкуренции. Модель развития в парадигме глобальной исследовательской конкурентоспособности позволяет увидеть закрепление в системе высшего образования **«университетов-исследователей»**.

Для оставшихся вузов ресурсные ожидания смещаются в сторону других стейкхолдеров, которые могут артикулировать иные (отличающиеся от претензий на глобальное лидерство в исследованиях) ожидания и интересы. Такими интересами могут быть кадровое и научное обеспечение крупных геополитических и территориальных проектов социально-экономического развития, поддержание высокого качественного уровня исследований и образования в отдельных областях научного знания и, наконец, интересы развития стратегически важных отраслей экономики.

Университеты, реализующие свои миссии в этой доминирующей парадигме, можно назвать **«университетами — системными интеграторами»**, понимая под системами изложенные выше, т.е. социально-экономические комплексы крупных территорий, науку, отрасли экономики.

Но и в этой модели развития не всем университетам находится место. Здесь тоже сказываются ресурсные ограничения — всем ресурсов не хватает. Поэтому оправдано в качестве третьего механизма дифференциации рассматривать способность вуза выдвинуть и реализовать универсальную миссию регионального уровня.

Задачи социально-экономического развития регионов, потребности регионального рынка труда в квалифицированных кадрах формируют вызов системе высшего образования и предпосылки для ресурсного обмена региональных стейкхолдеров с ней. Способность и возможность вуза предложить услуги, востребованные в решении задач регионального социально-экономического развития, создают новое пространство деятельности вуза, полюсами которого являются региональные власти, региональный бизнес, студенты и их родители. Можно утверждать, что состав и качество упомянутых услуг предполагают вовлеченность вуза в научные исследования (в большей степени прикладные). Такой университет может рассматриваться как некий **«региональный интегратор»**, которому отводится центральная роль в консолидации интеллектуально-го капитала для решения задач социально-экономического развития региона.

Формирование еще одной модели организации деятельности связано с отказом вуза от обязательности научных исследований и его фокусированием на образовательных программах бакалавриата. Как следствие, формируется локализованная образовательная миссия вуза, предполагающая его более тесные связи с местным сообществом, которое и становится основным стейкхолдером вуза. Ареал деятельности такого вуза суживается. Вуз с подобной моделью организации и развития можно образно назвать **«региональным кадровым конструктором»**.

Таким образом, многообразие путей взаимодействия вузов со всей совокупностью стейкхолдеров, их иерархия становятся предпосылкой формирования разных моделей развития и организации деятельности вузов, а также различных комбинаций этих моделей, определяющих будущий, более дифференцированный ландшафт российского высшего образования.

Используя системный подход и не претендуя на полноту описания, для каждой из четырех выделенных моделей организации деятельности авторы выделили доминирующие организационно-поведенческие характеристики, описывающие присущую этим моделям специфику в содержании основных организационных элементов. К их числу отнесены миссия и партнерства, необходимые для ее осуществления, ареал деятельности, роль, место и значимость научной деятельности, образовательные программы, функциональные приоритеты научно-педагогических работников, принципы отбора абитуриентов, перспективные модели управления и оптимальной пространственной организации деятельности [Князев, Дрантусова, 2013].

Заключение

Понимание процессов институциональной дифференциации в высшем образовании, по мнению авторов, создает качественно иную основу для управления как на уровне отдельно взятой образовательной организации, так и на системном уровне, формирует основу для лучшего понимания интересов основных стейкхолдеров в их взаимодействии с вузами. И что еще более ценно, понимание процессов дифференциации позволит увидеть всем стейкхолдерам и университетам новые возможности в складывающемся многообразии вузов.

Главный вывод, по нашему мнению, должен быть адресован государству как основному стейкхолдеру. Задачи, которые время ставит перед высшим образованием, требуют более разнообразного арсенала инструментов стимулирования вузов, что, в свою очередь, потребует при реализации государственной политики последовательно переходить от иерархии приоритетов к спектру приоритетов. Иными словами, ставка на лидеров, оцениваемых с позиций глобальной конкурентоспособности, должна уступить место признанию ценности многообразия и линии на его поддержку, более широкому толкованию лидерства. Затрагивающие всю систему высшего образования такие действия министерства образования и науки, как мониторинги, слияния и поглощения, децентрализация процессов развития должны рассматриваться в контексте дифференциации, что требует соответствующей аналитической проработки.

Литература

Государственная программа «Развитие образования» на 2013–2020 годы.
<http://минобрнауки.рф>

Князев Е.А., Дрантусова Н.В. Дифференциация в высшем образовании: основные концепции и подходы к изучению // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 5. С. 43–52.

Князев Е.А., Дрантусова Н.В. Институциональная динамика в российском высшем образовании: механизмы и траектории // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 1. С. 6–17.

Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т.М. Малевой. М.: НИСП, 2007.

Clark B. The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective. Los Angeles: University of California Press, 1983.

Elken M., Gornitzka A., Maassen P., Vukasovic M. European Integration and the Transformation of Higher Education, 2011.

Huisman J., Meek V.L., Wood F. Institutional Diversity in Higher Education: A Cross-National and Longitudinal Analysis // Higher Education Quarterly. 2007. Vol. 61. No. 4. P. 563–577.

Jongbloed B., Enders J., Salerno C. Higher Education and Its Communities: Interconnections, Interdependencies and a Research Agenda // Higher Education. 2008. Vol. 56. P. 303–324.

Kyvik S. Structural Changes in Higher Education Systems in Western Europe // Higher Education in Europe. 2009. Vol. 29 (3). P. 393–409.

Maassen P., Olsen J.P. University Dynamics and European Integration. Dordrecht: Springer, 2007.

Reichert S. Institutional Diversity in European Higher Education. Tensions and Challenges for Policy Makers and Institutional Leaders. EUA, 2009.

Shattock M. Entrepreneurialism in Universities and the Knowledge Economy. Diversification and Organizational Change in European Higher Education. Berkshire: SRHE & Open University Press, 2009.

Teichler U. Diversification? Trends and Explanations of the Shape and Size of Higher Education // Higher Education. 2008. Vol. 56. P. 349–379.

Van Vaught F. (ed.). Mapping the Higher Education Landscape. Springer Science+Business Media B.V., 2009.

Е.Ю. Колесникова,
Е.М. Новикова

Московский
государственный
психолого-педагогический
университет

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ У УЧАЩИХСЯ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

В 2012 г. сотрудники Лаборатории мониторинговых исследований МГППУ провели социологическое исследование по проблеме востребованности программ высшего профессионального образования (ВПО) среди учащихся старших классов, имеющих инвалидность. Исследование проводилось по оригинальной методике.

Цель исследования — получение информации о профессиональных ориентациях детей с инвалидностью — выпускников средних образовательных учреждений (с сохранным интеллектом), а также о потенциальном спросе на высшее образование среди данной категории выпускников.

В статье представлены некоторые результаты исследования, касающиеся роли семьи (экономического, социокультурного и других капиталов семьи) в формировании мотивации и принятии решения о получении высшего профессионального образования учащимися с инвалидностью.

Основу данного материала составляют результаты разработки гипотезы о том, что один из значимых факторов, оказывающих влияние на формирование мотивации на получение высшего профессионального образования, — социокультурный капитал его семьи. Здесь имеется в виду уровень материальной обеспеченности, состав семьи (наличие/отсутствие обоих или одного из родителей), уровень образования родителей и т.п. В целом играя определяющую, доминирующую роль в жизни ребенка с инвалидностью, семья (в зависимости от ее качественных характеристик) может выступать в качестве как ресурса, так и барьера на пути его успешной адаптации и интеграции в социум. Формируя или не формируя, поддерживая или не поддерживая мотивацию ребенка-инвалида на продолжение (по возможности) образования после окончания школы, семья может повышать его шансы не только на

более успешное взаимодействие с обществом, но и на более полноценную жизнь. Однако семья, напротив, может стать своеобразным барьером, не позволяющим ребенку-инвалиду реализовать свой потенциал. Ребенок без проблем со здоровьем имеет, безусловно, больше каналов социализации, на формирование его личности влияет большее число факторов. Ребенок-инвалид же гораздо больше времени (порой все время) проводит дома, а значит, можно говорить о ведущей роли семьи в формировании его личности, мировоззрения, жизненных устремлений, в частности во влиянии на выработку образовательной стратегии и мотивации на получение образования. Таким образом, семья является одним из ключевых, базовых элементов в обеспечении доступности образования, в том числе и высшего, для ребенка с инвалидностью. Совершенно очевидно, что проблема доступности образования неразрывно связана с проблемой интеграции и адаптации людей с инвалидностью в общество, а также с проблемой создания безбарьерной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу результатов исследования, несколько слов о выборочной совокупности респондентов.

Всего в исследовании приняли участие 304 учащихся с инвалидностью и 207 родителей. Среди учащихся 58% составили юноши и 42% — девушки, среди родителей, наоборот, преобладают женщины (90%), поскольку анкету, как правило, заполняли мамы учащихся (82%).

Учащиеся представляли школы различных типов: равные доли детей с инвалидностью были опрошены в специальных коррекционных школах и школах надомного обучения — по 45%, существенно меньшую часть составили старшеклассники из инклюзивных школ — 10%. Это связано с тем, что инклюзивные школы изначально способны принять меньшее число детей-инвалидов.

При выборе образовательной стратегии ребенка во многом определяющим является тип ограничения здоровья. В ходе анализа данных нами были выделены четыре основные группы ограничений здоровья: более чем у трети (34%) опрошенных семей дети страдают от нарушения работы опорно-двигательного аппарата, 26% составили учащиеся с нарушением слуха и глухотой, у 15% учащихся имеются проблемы со зрением и слепота. Наиболее многочисленная группа вошла в категорию «другое» (так указали 38% опрошенных родителей). Сюда были отнесены учащиеся, страдающие от психоневрологических и кардиологических заболеваний, имеющие нарушение работы органов дыхания, а также нарушение обмена веществ (7% опрошенных).

После обработки и анализа данных основные результаты, полученные в ходе исследования были представлены и обсуждены на экспертной сессии,

участниками которой стали представители образовательных учреждений общего и высшего профессионального образования, некоммерческих и общественных организаций, научных учреждений, регулирующих и управляющих органов власти, имеющие непосредственное отношение к проблемам высшего профессионального образования для лиц с инвалидностью. Некоторые данные, представленные в настоящей статье, будут дополнены комментариями экспертов, полученными в ходе работы сессии.

Для получения информации о качественных характеристиках семьи всем респондентам были заданы одни и те же вопросы: о составе семьи, об образовании родителей, о материальном достатке семьи, наличии знакомых с особыми детьми и др. Это дало возможность понять, какими элементами социального и социокультурного капитала располагают семьи респондентов и насколько связано наличие тех или иных ресурсов с формированием мотивации учащегося на получение высшего уровня образования.

Если говорить о материальном положении семьи, то родители и учащиеся, принявшие участие в исследовании, по-разному оценивают материальное благосостояние своей семьи. Так, учащиеся склонны оценивать материальное благополучие семьи выше, чем родители: вариант «мы можем позволить себе практически все, кроме покупки квартиры или дачи» выбрали 27% учащихся и только 16% родителей. При этом родители чаще характеризовали материальное положение семьи как близкое к бедности: треть родителей (31%) отметили вариант «денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования затруднительна», однако данный вариант выбирали только четверть учащихся (21%). Большую часть голосов (как учащихся, так и родителей — 39 и 44% соответственно) набрал вариант, характеризующий средний уровень достатка: «можем позволить себе товары длительного пользования, но покупка новой машины пока невозможна». Для сравнения, согласно недавнему опросу ВЦИОМ, доля москвичей, оценивающих материальное положение своей семьи как «среднее», составляла 63%, «хорошее» — 14 и «плохое» — 16%¹. Таким образом, семьи с детьми-инвалидами несколько чаще испытывают финансово-материальные затруднения по сравнению с населением Москвы в целом. И это вполне объяснимо: достаточно частой является ситуация, когда при появлении в семье ребенка с особенностями здоровья один из членов семьи вынужден оставить работу и полностью посвятить себя ребенку, что неизбежно сказывается на благосостоянии семьи. Проблемы усугубляются, если ребенок воспитывается в неполной семье.

¹ <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112092>

Интересен следующий факт: при анализе данных не выявлено статистически значимой зависимости между материальным положением семьи и образовательными амбициями учащихся. На наш взгляд, это объясняется тем, что для исследуемой категории потенциальных абитуриентов некоторым образом снижена роль материального фактора в силу наличия определенных льгот при поступлении в вузы.

Большая часть опрошенных родителей (69%) состоят в браке, 18% разведены, 7% не состоят в браке и 6% являются овдовевшими (рис. 1). Необходимо отметить, что согласно ответам родителей в 13% семей нет отца.

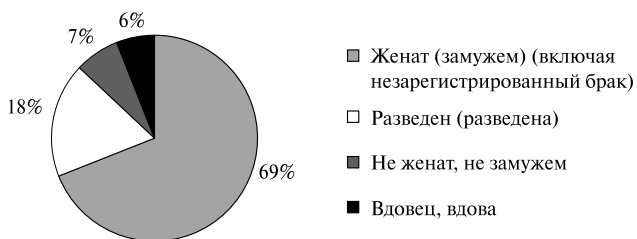

Рис. 1. Семейное положение (родители), %

При этом только в 50% случаев ребенок проживает одновременно вместе с родными матерью и отцом, еще в 4% семей родители замещают отчимы и мачехи. Таким образом, более 40% составляют семьи, где по каким-либо причинам отец не живет вместе с семьей (рис. 2).

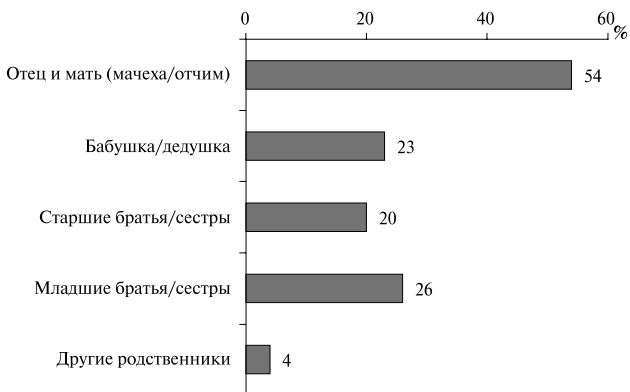

Рис. 2. «Кто проживает вместе с Вами в одной квартире?», % всех ответов

В исследуемой нами социальной группе высшее образование чаще имеется у матерей учащихся (48%), у отцов это показатель составил 39%, небольшая доля родителей имеет неоконченное высшее образование, примерно у трети родителей начальное или среднее специальное образование (30% матерей и 27% отцов).

У родителей спрашивали, достижение какой ступени образования они считают желательной для своего ребенка, что позволило не только выявить распространенные в данной социальной группе установки на получение высшего образования, но и зафиксировать определенное родительское влияние в процессе ориентации детей на дальнейшее образование. Большинство родителей (65%) считают желательным для своего ребенка получение высшего образования, т.е. в целом уровень притязаний для данной социальной группы довольно высок. Примерно 20% опрошенных родителей полагают достаточным среднее профессиональное образование. Лишь небольшая часть родителей ставят перед своими детьми заниженную (по сравнению с другими родителями) планку: 5% считают желательным окончание 11 классов школы и 3% — профессионально-технического лицея (рис. 3). И это понятно. Профессионально образованный человек, специалист может претендовать на более выгодные условия при дальнейшем трудоустройстве, что существенно облегчает бремя семьи, воспитывающей особого ребенка. К тому же такие люди гораздо легче интегрируются в социум, не чувствуют себя исключенными или несчастными, при этом снижаются моральные издержки как семьи, так и общества в целом.

Рис. 3. «Какое образование Вы считаете желательным для Вашего ребенка?», (родители), %

Интересным представляется тот факт, что образовательные притязания у родителей выше, чем у их детей (рис. 4).

Рис. 4. «Что Вы планируете делать после окончания школы?» (учащиеся), %

Эти данные были прокомментированы участниками экспертной сессии, они нашли такой уровень спроса на высшее образование у исследуемой группы респондентов довольно высоким. Но вместе с тем было указано на тот факт, что в своей профессиональной деятельности им приходится сталкиваться с фактами несогласованности возможностей и претензий абитуриентов при поступлении в вуз:

«Ежегодно мы смотрели примерно 2,5 тыс. выпускников. В целом ситуация интересная. С одной стороны, завышенные требования учеников, когда существенная часть из них нацелена на поступление в такие вузы как, например, МГУ и МГИМО, прямо скажем, без достаточных на то оснований, как раз потому, что они инвалиды, и потому, что как бы априори они имеют преимущества (льготы) перед теми, кто не имеет инвалидности. Среди них встречаются ребята одаренные, талантливые, которым там самое место, но большинство из этих ребят имеют неоправданные ожидания. И подобно ожидания подогреваются родителями, которые четко занимают потребительскую позицию из серии «нам все должны» (эксперт — директор одного из московских центров диагностики и консультирования).

Приведенное замечание указывает на существование проблемы не полного соответствия образовательных амбиций и реальных возможностей учащихся с инвалидностью, претендующих на получение высшего образования. Тем не менее таблица сопряженности данных по ответам на вопрос об образовании родителей и амбициях детей на получение определенного уровня образования показывает достаточно значимую связь этих двух переменных.

Такая же устойчивая зависимость для группы семей с обычными детьми фиксируется некоторыми исследователями, в частности, Д.Л. Константиновским.

Сравнительный анализ ответов на вопрос о том, что учащиеся собираются делать после окончания школы в зависимости от образования родителей, %

Образование родителей		Что планирует Ваш ребенок делать после окончания школы						
		Поступать в профессионально-технический лицей	Поступать в колледж, техникум	Поступать в вуз	Учиться не собирается, пойдет работать	Ни учиться, ни работать после окончания школы пока не планировал	Еще не определился планами	Другое
Образование матери	неоконченное высшее и ниже	7	27	55	2	2	7	1
	высшее и кандидат	1	12	65	2	1	18	2
	затрудняюсь ответить	9	27	34	5	0	23	2
Образование отца	неоконченное высшее и ниже	6	28	61	0	0	3	2
	высшее и кандидат	1	8	68	2	1	17	2
	затрудняюсь ответить	6	26	32	4	0	32	0

Данные нашего исследования и оценки экспертов, а также данные других исследований², проводившихся по проблематике образования для детей-инвалидов, показывают не только высокую, но и часто определяющую роль семьи как в вопросе формирования собственно установок, мотивации

² Романова П.В., Ярская-Смирнова Е.Р., Зайцев Д.В. Доступность высшего образования в России. М., 2004.

на образование, так и в вопросах выбора образовательной стратегии и реализации образовательной траектории.

Так, анализ данных показал довольно существенную зависимость решения ребенка поступать в вуз от того, какой уровень образования имеют его родители (см. табл. 1). В группе учащихся, чьи родители имеют высшее образование (в том числе незаконченное высшее, степень кандидата или доктора наук), при ответе на вопрос «Что Вы собираетесь делать после окончания школы», чаще встречался ответ «Буду поступать в вуз», чем в группе учащихся, образовательный статус родителей которых был ниже (техникум, ПТУ, общее среднее или незаконченное среднее образование). Для группы учащихся, чьи матери имеют высшее образование, в том числе с научной степенью, 65% планируют поступать в вузы, а в группе, чьи матери имеют более низкий образовательный статус, таких оказалось 55%. Аналогичное соотношение выявлено при анализе данных об образовании у отцов.

Информированность учащихся с инвалидностью и их родителей о возможностях и различных аспектах получения высшего образования — одна из основных составляющих спроса на программы ВПО. В рамках исследования респондентам обеих групп задавался вопрос о том, знают ли они о существовании вузов, ориентированных на обучение лиц с ограниченными возможностями здоровья. Почти половина опрошенных учащихся (47%) и практически столько же родителей (49%) ничего не знают о таких вузах. Следовательно, лишь немногим более половины респондентов (учащихся и родителей) отметили, что знают или что-то слышали о подобных вузах. При этом 25% не смогли конкретно назвать ни одного вуза (рис. 5).

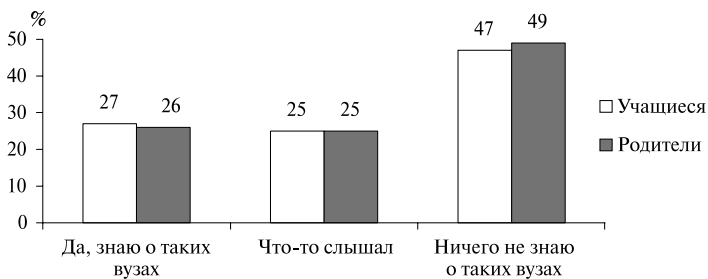

Рис. 5. «Слышали ли Вы о московских вузах, ориентированных на обучение лиц с ограниченными возможностями?» (учащиеся, родители), %

Данные, представленные на рис. 5, демонстрируют практически абсолютную консолидацию ответов на этот вопрос родителей и учащихся. Полученные сведения, скорее всего, свидетельствуют о том, что основным источником информации для своих детей о московских вузах, ориентированных на обучение лиц с ограниченными возможностями здоровья, являются родители.

Учащимся и их родителям был задан один и тот же вопрос: «Кто принимает/будет принимать решение о выборе вуза — Вы (родители) или Ваш ребенок?» (рис. 6). Полученные данные показывают следующее. Только 18% родителей отметили, что решение будет принимать ребенок самостоятельно. При этом среди учащихся таковых было больше (29%). Наиболее частый выбор альтернативы «я сам/ребенок сам, но родители помогут советом», на наш взгляд, свидетельствует о достаточно высокой степени включенности родителей в вопросы формирования образовательной стратегии ребенка.

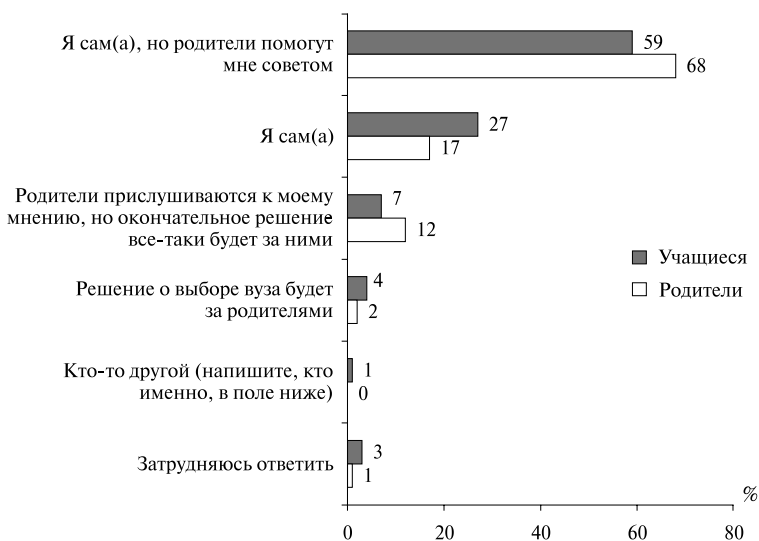

Рис. 6. «Кто принимает/будет принимать решение о выборе вуза?», %

В целом ответы родителей и учащихся демонстрируют достаточно высокий уровень согласованности. Расхождение в оценках роли родителей можно отнести за счет психологических факторов, в силу которых подростки, как и родители, склонны преувеличивать собственную роль в организации жизни, а реальная картина находится где-то посередине. Так или иначе, представленные данные свидетельствуют о довольно большом участии родителей в вопросах выбора вуза учащимися с инвалидностью.

Сравнительный анализ ответов на вопрос о том, кто будет принимать решение при выборе вуза, и на вопрос об образовательном статусе родителей выявил следующие взаимосвязи. Если сравнивать процент выборов ответа «Я сам» в зависимости от образовательного статуса родителей, то выясняется, что этот ответ чаще выбирают учащиеся, у родителей которых более низкий образовательный статус. При сравнении выборов альтернативы «Я сам, но родители помогут мне советом» картина прямо противоположная. Этот вариант чаще выбирают учащиеся, у чьих родителей высокий образовательный статус.

Данные исследования демонстрируют очевидную связь между желанием ребенка поступать в вуз и социально-демографическими характеристиками его семьи. Такой ресурс семьи, как образовательный статус родителей, однозначно влияет на выстраивание образовательной траектории учащихся с инвалидностью, повышая амбиции последних в отношении получения высшего образования. Чем «богаче» социальный ресурс семьи, в том числе выше образовательный статус родителей, тем больше вероятность того, что ребенок будет стремиться получить высшее образование. Именно в таких семьях чаще уделяется большое внимание, наряду с медицинской реабилитацией, всестороннему развитию ребенка.

С.Г. Косарецкий,
Г.А. Ястребов,
М.А. Пинская,
А.Р. Бессуднов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ШКОЛАХ: СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАЩИХСЯ И УРОВЕНЬ ДЕПРИВИРОВАННОСТИ ТЕРРИТОРИЙ¹

Актуальность и задачи исследования

Анализ данных сравнительных международных исследований образовательных достижений учащихся на разных ступенях школьного обучения (PIRLS, PISA) демонстрируют различия в результатах российских школьников, обусловленные социально-экономическим статусом семей [Основные результаты международного исследования «Изучение качества чтения...», 2007; Основные результаты международного исследования образовательных достижений..., 2007; Тюменева, 2009; Kozina, Natkhov, 2012]. В ряде исследований рассмотрено влияние на результаты ЕГЭ и дальнейшие образовательные траектории обучающихся доходов семей, уровня образования родителей и других социально-экономических характеристик [Прахов, Юдкевич, 2012; Рощина, 2012; Рощина и др., 2006].

Несмотря на имеющиеся данные о наличии связи между дифференциацией школ и дифференциацией учащихся [Константиновский, 2008; Черденченко, 1999], вопрос о масштабе и характере влияния на образовательные достижения учащихся особенностей школ, в которых они обучаются, остается в отечественной науке недостаточно изученным. Практически отсут-

¹ По материалам проекта «Генезис, современная ситуация и тенденции неравенства в общем образовании», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ствуют российские исследования территориального контекста деятельности школ, связей между социальным составом учащихся, школьными ресурсами и уровнем социального развития территории, в которой функционирует школа.

С 2009 г. Институт образования НИУ «Высшая школа экономики» в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ реализует исследование особенностей функционирования и результатов школ, работающих в сложных социальных контекстах.

На основе установленных типовых причин снижения качества работы школ разработаны формы анализа учебных результатов образовательных учреждений в контексте социально-экономических характеристик контингента учащихся, образовательных и культурных ресурсов их семей [Фрумин, Пинская, Косарецкий, 2011; 2012].

В исследовании 2011 г. на основе анализа используемых в практике ведущих стран мира инструментов контекстуализации образовательных результатов обосновано использование для анализа учебных достижений набора показателей, характеризующих контингент обучающихся, включенных в состав социального паспорта школы [Пинская, Косарецкий, Крутий, 2012].

Задачей исследования 2012 г. стало использование для контекстуализации расширенного набора инструментов, а также оценка влияния территориального контекста деятельности образовательных учреждений (уровня депривированности территорий) на их результативность.

Проведенный анализ выявил наличие в зарубежной литературе комплекса работ, раскрывающих механизмы, посредством которых ресурсы территории конвертируются в определенные преимущества для семей и школ (С. Jencks, S. Mayer, P. Streufert, W.J. Wilson), а также исследований, посвященных непосредственно методологическим и методическим аспектам оценки территориальных факторов успеваемости в школах (С.L. Garner, S.W. Raudenbush, J. Brooks-Gunn, G.J. Duncan, B. Jensen и M.N. Harris, H.G. Overman, A. Heath, A. Owens) [Jencks, Mayer, 1990; Crane, 1991; Evans, Wallace, Robert, 1992; Streufert, 2000; Wilson, 1987; Jensen, Harris, 2008; Overman, Heath, 2000; Owens, 2010].

Особое внимание привлекают инструменты оценки территориального контекста, используемые на национальном уровне для принятия управленческих решений, в том числе в отношении объемов финансирования школ: индекс множественной депривации муниципальных образований (*Index of Multiple Deprivation*), используемый в Англии, индекс NZDep96 для измерения и учета социально-экономической депривации на уровне муниципальных образований, применяемый в Новой Зеландии, австралийский индикатор местных социально-образовательных условий (*Community Socio-Educational Advantage*, ICSEA).

Опираясь на зарубежный опыт отбора показателей для оценки депривированности территорий, мы предприняли попытку формирования данного инструмента применительно к российским реалиям.

Основной проблемой, препятствовавшей более точной и дифференцированной оценке развития территорий на уровне муниципальных образований, до недавнего времени являлось отсутствие соответствующей статистики — российские статистические органы при публикации своих данных, в том числе в сети Интернет ограничивались их представлением в региональном разрезе. Однако с 2011 г. Росстат открыл доступ к пополняемой базе данных, содержащей информацию из статистических паспортов муниципальных образований².

Пристальное знакомство с базой данных статистических паспортов муниципальных образований позволило выделить показатели, в определенном приближении позволяющие измерить качество развития территорий, степень депривации и (или) их социальный контекст. Однако уже на следующем этапе обработки собранной информации выяснилось, что этот перечень, к сожалению, не может считаться окончательным, так как статистика муниципальных образований в охваченных нашей работой регионах РФ оказалась слишком фрагментарной и имеющей ряд качественных дефектов.

Итоговый список показателей выглядит следующим образом:

- отношение общей площади жилых помещений в ветхих и аварийных жилых домах к общей площади жилых помещений;
- доля семей муниципального образования, пользующихся социальной поддержкой (льготами) по оплате жилого помещения и коммунальных услуг;
- численность среднего медицинского персонала в учреждениях здравоохранения в расчете на 1 тыс. человек населения;
- расходы местного бюджета на культуру в расчете на душу населения;
- доля освещенных улиц, проездов и набережных;
- площадь торгового зала объектов розничной торговли в расчете на душу населения;
- площадь зала обслуживания посетителей в объектах общественного питания в расчете на душу населения;
- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников предприятий и некоммерческих организаций.

С учетом текущих ограничений по наличию информации для расчета стратегия построения интегрального (синтетического) показателя, позволяющего комплексно оценить территориальный контекст, в настоящий

² <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>

момент, на наш взгляд, является преждевременной. В связи с этим в исследовании 2012 г. была проведена работа с набором отдельных имеющихся в нашем распоряжении показателей, каждый из которых рассматривался как самостоятельная альтернативная характеристика социально-территориального контекста функционирования школы.

Таким образом, информационная база исследования 2012 г. включила сведения:

1) об общеобразовательных учреждениях Московской и Ярославской областей за 2010/2012 учебные годы, содержащие данные:

- образовательной статистики, характеризующие кадры и ресурсную базу общеобразовательных учреждений,
- государственной итоговой аттестации учащихся (ГИА, ЕГЭ),
- социальных паспортов общеобразовательных учреждений, характеризующие контингент обучающихся;

2) из статистических паспортов муниципальных образований Московской и Ярославской областей за 2012 г. (выборочно).

Результаты исследования

В результате статистического анализа было установлено, что разница в средних результатах ЕГЭ в школах значимо варьирует в зависимости как от социально-экономических характеристик контингента учащихся, так и от характеристик самих школ.

К числу социально-экономических характеристик контингента, положительно смещающих средние баллы ЕГЭ (по русскому языку и математике), относятся:

- доля учащихся из семей, где оба или хотя бы один из родителей имеют высшее образование;
- доля учащихся из семей, проживающих в благоустроенном жилье.

К характеристикам, влияющим отрицательно:

- доля детей из семей, относящихся к группе риска бедности (неполные и многодетные семьи);
- доля детей, для которых русский не является родным языком;
- доля детей, состоящих на внутришкольном учете или на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних.

Учет социально-экономических характеристик семей учеников позволяет «объяснить» около трети вариации школ по результатам ЕГЭ. Для результатов по математике использованная модель «объясняет» 28% дисперсии зависимой переменной.

Анализ связи социально-экономического состава школы с результатами ЕГЭ по русскому языку дает схожие результаты. Модель «объясняет» 34% дисперсии зависимой переменной.

Установлена связь между результатами учащихся и ресурсами, которыми обладают школы. При этом анализ показывает, что и социальный состав учеников, и ресурсы школы независимо связаны с результатами ЕГЭ.

Выявлено, что отношение числа учителей и числа учеников связано со средним баллом ЕГЭ отрицательно. При этом эффект переменной «число учителей/число учеников» меняет свой знак в зависимости от размера школ: при равной численности учеников школы с меньшим числом учеников на одного учителя показывают более высокие результаты.

Качество преподавательского состава непосредственно связано с результатами ЕГЭ: чем больше в школе учителей высшей категории, тем они выше, а чем больше доля учителей первой и второй категорий — тем ниже. Доля учителей с высшим образованием положительно связана с результатами ЕГЭ, а доля учителей-пенсионеров — отрицательно.

Наблюдается положительная связь между размером школы и результатами ЕГЭ: чем больше школа, тем успешнее ее ученики сдают экзамены. Это может быть вызвано тем, что небольшие школы располагаются в сельской местности, в крупных школах учатся более социально успешные ученики. Существует также тесная связь между размером школы и ее типом. Среди школ, в которых учатся более 1000 учеников, лишь 44% являются обычными средними школами, 24% — школами с углубленным изучением отдельных предметов, а 32% — лицеями или гимназиями.

Сильный предиктор представляет собой доля учеников, оба родителя которых имеют высшее образование. Увеличение этой переменной на два стандартных отклонения (т.е., например, с 10 до 50%) связано в рамках описанной модели с улучшением средних результатов ЕГЭ по математике и по русскому языку примерно на 4 балла (0,4 стандартного отклонения).

Следующий по силе предиктор — эффект качества преподавательского состава. Увеличение доли учителей высшей категории на два стандартных отклонения (например, с 3 до 21%) связано с улучшением средних результатов ЕГЭ по математике и русскому языку на 3–3,5 балла.

В сумме проанализированная модель «объясняет» 33% дисперсии средних результатов ЕГЭ по математике между школами и 40% дисперсии средних результатов ЕГЭ по русскому языку.

Исследование показало, что факторы, связанные со средними результатами ЕГЭ по математике и русскому языку, в городе и на селе различаются. В отличие от городских поселений на селе с результатами ЕГЭ по математике статистически значимо не связан размер школы. На селе также не наблю-

дается связь между результатами ЕГЭ по математике и отношением числа учителей к числу учеников и долей учителей высшей категории; долей детей, оба родителя которых имеют высшее образование; долей детей из неполных семей; долей детей, для которых русский не является родным языком; долей детей, состоящих на внутришкольном учете и на учете в Комиссии по делам несовершеннолетних (КДН).

Помимо регрессионного анализа, позволившего выявить значимые связи между результатами школ и их контекстными характеристиками, была проведена кластеризация и выделение групп школ, близких по своим характеристикам.

При выделении трех кластеров были получены следующие группы школ: в *третьем кластере* сосредоточены примерно 50% наиболее успешных школ. Эти школы показывают более высокие результаты ЕГЭ по математике и русскому языку, среди учеников больше доля таких, у которых оба родителя имеют высшее образование, среди учителей больше доля имеющих высшую категорию. В этом кластере 95% школ находятся в городской местности, из них 36% являются лицеями или гимназиями, 18% — школами с углубленным изучением отдельных предметов. Это довольно крупные школы (средний размер — 745 учеников);

во *втором кластере* сосредоточены 15% наименее успешных школ. Лишь 31% из них находятся в городской местности, среди этих школ нет лицеев, гимназий и школ с углубленным изучением отдельных предметов. Это — небольшие школы, в среднем в них учатся 135 учеников (соответственно в них ниже число учеников, приходящихся на одного учителя). Лишь 36% учеников в таких школах проживают в благоустроенных квартирах. В этих школах выше доля «проблемных» учеников, состоящих на внутришкольном учете или на учете в КДН. Соответственно в них заметно ниже результаты ЕГЭ;

в *первый кластер* вошли примерно 40% школ, промежуточных по своим характеристикам между вторым и третьим кластерами. Заметим, что среди них нет лицеев, гимназий и школ с углубленным изучением отдельных предметов.

В целом кластерный анализ подтверждает выводы, сделанные в результате регрессионного анализа. Существует значительная дифференциация между школами по социальному составу учеников, размеру, типу и квалификации учителей. При этом более крупные школы (которые часто оказываются лицеями, гимназиями или школами с углубленным изучением предметов) с более социально успешными учениками и более квалифицированными учителями показывают более высокие результаты ЕГЭ. Количество же типов школ, которые можно выделить по этим характеристикам, а также границы между типами зависят от типа кластерного анализа и его параметров.

При анализе связи показателей, характеризующих социально-экономический уровень муниципальных образований с результатами ЕГЭ по русскому языку и математике в школах, находящихся на территории соответствующих муниципальных образований, установлено, что ряд показателей (численность населения в муниципальном образовании, расходы местного бюджета на образование (на душу населения), доля освещенных улиц, доля ветхих и аварийных помещений в жилом фонде) коррелирует со средними результатами ЕГЭ в школах, хотя во всех случаях коэффициенты корреляции меньше 0,3.

Однако дополнительный анализ с использованием множественной регрессии показал, что по большей части связь перечисленных характеристик муниципальных образований с результатами ЕГЭ в школах объясняется разницей между городскими и сельскими поселениями. При совместном анализе нескольких переменных характеристики муниципальных образований оказываются более статистически не связанными с результатами ЕГЭ на 95%-ном уровне значимости (следует отметить также низкую объяснительную силу моделей, как показывают коэффициенты R^2).

В целом можно заключить, что связи между характеристиками муниципальных образований и результатами ЕГЭ являются слабыми и нестабильными (за исключением разделения на городские и сельские поселения).

После анализа социальных характеристик учеников школ переменные, измеренные на муниципальном уровне (доля семей, пользующихся льготами по ЖКХ, и доля аварийного жилья), теряют свою статистическую значимость. Более статистически незначимой оказывается и разница между городскими и сельскими поселениями, т.е. разница в результатах ЕГЭ в муниципальных образованиях с разными значениями этих переменных полностью объясняется разницей в социальном составе учеников школ. Дополнительного эффекта среды, по крайней мере, по тем переменным, которые были нами измерены, не наблюдается. Отметим достаточно высокую объяснительную силу моделей: 31% дисперсии среднего балла ЕГЭ по математике между школами и 41% дисперсии среднего балла ЕГЭ по русскому языку.

Таким образом, использование инструментов контекстуализации образовательных результатов позволяет иначе взглянуть на учебные достижения как отдельных образовательных учреждений, так и муниципальных образований, регионов.

Результаты исследования свидетельствуют о важности использования инструментов контекстуализации в системе оценки качества образования и информационного взаимодействия с общественностью.

Литература

Алексеев А.И., Зубаревич Н.В., Кузнецов О.В. Региональные различия и человеческое развитие: доклад о развитии человеческого потенциала в РФ. М.: Права человека. 1998.

Зубаревич Н.В. Мифы и реальности пространственного неравенства // Общественные науки и современность. 2009. № 1.

Kozina N.S., Natkhov T.V. Inequality of educational opportunity in a cross-section of countries. Empirical analysis of 2009 PISA data: Препр. Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Сер. «Education». 2012. No. 7.

Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСО, 2008.

Лалин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). М.: ИФРАН, 2010.

Лейзерович Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7.

Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 2.

Основные результаты международного исследования «Изучение качества чтения и понимания текста»: аналитический отчет. М., 2007.

Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2006: аналитический отчет. М., 2007.

Пинская М.А., Косарецкий С.Г., Крутий Н.С. Учет контекстной информации при оценке качества работы школы // Народное образование. 2012. № 5. С. 31–35.

Прахов И.А., Юдкевич М.М. Влияние дохода домохозяйств на результаты ЕГЭ и выбор вуза // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 126–147.

Рощина Я.М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 257–271.

Рощина Я.М., Константиновский Д.Л., Куракин Д.Ю., Вахштайн В.С. Доступность качественного среднего образования в России: возможности и ограничения. М.: Логос, 2006.

Тюменева Ю.А. Сравнительная оценка факторов, связанных с успешностью в PIRLS: вторичный анализ данных PIRLS-2006 по российской выборке // Вопросы образования. 2009. № 1.

Фрумин И.Д., Пинская М.А., Косарецкий С.Г. Социально-экономическое и территориальное неравенство учеников и школ // Народное образование. 2012. № 1. С. 17–24.

Фрумин И.Д., Пинская М.А., Косарецкий С.Г. Школы, эффективно работающие в сложных социальных контекстах // Вопросы образования. 2011. № 4.

Чердиченко Г.А. Школьная реформа 90-х годов: нововведения и социальная селекция // Социологический журнал. 1999. № 1/2.

- Этносоциальные проблемы города. М.: Наука, 1986.
- Crane J.* Effects of Neighbourhoods on Dropping Out of School and Teenage Childbearing // *American Journal of Sociology*. 1991. No. 96.
- Dibben C., Atherton I., Cox M., Watson V., Ryan M., Sutton M.* Investigating the Impact of Changing the Weights that Underpin the Index of Multiple Deprivation 2004. L.: Department for Communities and Local Government, 2007.
- Evans W., Wallace O., Robert S.* Measuring Peer Group Effects: A Study of Teenage Behaviour // *Journal of Political Economy*. 1992. No. 100.
- Jencks C., Mayer S.* The Social Consequences of Growing up in a Poor Neighborhood / L. Lynn, M. McCreary (eds). *Inner-City Poverty in the United States*. Washington: National Academics Press, 1990.
- Jensen B., Harris M.N.* Neighbourhood Measures: Quantifying the Effects of Neighbourhood Externalities // *The Economic Record*. 2008. No. 264.
- McLennan D., Barnes H., Noble M., Davies J., Garratt E.* The English Indices of Deprivation 2010. University of St Andrews, 2011. P. 11–12.
- Overman H.G., Heath A.* The Influence of Neighbourhood Effects on Education Decisions in a Nationally Funded Education System // *CEP Working Paper*. 2000. No. 924.
- Owens A.* Neighborhoods and Schools as Competing and Reinforcing Contexts for Educational Attainment // *Sociology of Education*. 2010. No. 83.
- Strefuert P.* The Effect of Underclass Social Isolation on Schooling Choice // *Journal of Public Economic Theory*. 2000. No. 2.
- Wilson W.J.* *The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass, and Public Policy*. University Press, 1987.

Т.В. Натхов,
Н.С. Козина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ В ОБРАЗОВАНИИ. МЕЖСТРАНОВЫЙ АНАЛИЗ ПО ДАННЫМ PISA 2009

В данной работе мы измерили уровень неравенства образовательных возможностей в 72 странах, основываясь на данных Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) 2009 г. Мы также изучали причины неравенства образовательных возможностей в разных странах и пытались ответить на вопрос: «существует ли баланс между равенством образовательных возможностей и эффективностью образования». Мы установили, что неравенство образовательных возможностей не связано с финансовыми индикаторами (уровень расходов на одного школьника или государственные расходы на образование в составе ВВП), но зависит от характеристик институциональной среды (общее экономическое неравенство или доступность медицинского обслуживания). Мы также определили отрицательную взаимосвязь между неравенством образовательных возможностей и академическими достижениями. В странах, где семья играет решающую роль в определении личного прогресса, образовательные достижения в среднем ниже.

Теоретическая база

Мы можем говорить о неравенстве в образовании как о результате воздействия факторов двух разных типов:

- различие в прикладываемых усилиях, которое является сугубо индивидуальным выбором;
- различие в возможностях и условиях, которые лежат вне индивидуального выбора.

Феррейра и Гигну [Ferreira, Gignoux, 2011] предложили в качестве меры измерения неравенства возможностей переменную *IOp* (сокращенно от *inequality of opportunities*), базирующуюся на разных типах неравенства. Суть модели состоит в следующем.

Предположим, что достижения в образовании, которые мы обозначим как y , являются функцией от преддетерминированных обстоятельств C , персональных усилий E и прочих характеристик среды u . Персональные усилия не являются экзогенным фактором, но могут частично зависеть от семейных обстоятельств и других показателей среды v . Следовательно, модель может быть записана следующим образом:

$$y = f(C, E, u). \quad (1)$$

$$E = f(C, v). \quad (2)$$

Мы предполагаем, что отношения между образовательными достижениями и внешними обстоятельствами являются линейными. Таким образом, уравнения (1) и (2) данной модели можно привести к следующему виду:

$$y_i = \beta C_i + \varepsilon_i, \quad (3)$$

где переменная β — общее воздействие преддетерминированных обстоятельств, которые уже включают в себя персональные усилия и тем самым имеют непосредственное влияние на переменную y .

Оценка модели может пострадать от скрытых системных ошибок, поскольку мы не можем наблюдать ряд обстоятельств и, следовательно, включить их в модель. Таким образом, фактор β не может быть интерпретирован как причинный эффект преддетерминированных обстоятельств от образовательных достижений. Однако если мы заинтересованы в общем эффекте всех переменных от достижения, мы можем вычислить долю вариации y , которая объяснена всеми x , неважно, влияют они непосредственно или нет, что приводит нас к следующему неравенству образовательных возможностей¹:

$$IOp_i = \frac{Var(C_i \hat{\beta})}{Var(y_i)}. \quad (4)$$

Этот способ измерения имеет ряд преимуществ относительно коэффициента β . Во-первых, его легко посчитать, так как данная модель является нечем иным, как коэффициентом детерминации R^2 регрессионного уравнения. Во-вторых, оценка β может быть смещенной, если мы упустим некоторые важные переменные или если ошибки ε будут коррелировать с преддетерминированными обстоятельствами C и, естественно, при первом и втором случае одновременно. В-третьих, такой способ измерения позволяет нам использовать как можно больше информации на основе всего потенциала,

¹ См.: [Ferreira, Gignoux, 2011].

который предоставляют данные проекта PISA. Согласно упомянутой ранее работе Феррейра и Гигну, мы включаем в регрессионную модель как можно больше переменных, которые мы можем взять из базы данных PISA, и рассматриваем общий эффект этих обстоятельств.

Данные

Международная программа PISA — широко известное и всемирно распространённое исследование, осуществляемое Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD). Реализация программы была начата в 2000 г., и сейчас в ее рамках проводятся исследования каждые три года в ряде стран в форме школьного теста для 15-летних учеников с целью проверки знаний по математике, естественным наукам и чтению. Мы использовали информацию исследования 2009 г., в котором приняли участие около 516 тыс. 15-летних школьников 72 стран. Помимо результатов теста, данное исследование также содержит богатую информацию о семье школьника, об образовательном и профессиональном статусе родителей, иммиграционном статусе и т.д. Это позволяет оценить общий эффект влияния семьи на образовательные достижения школьника.

В дополнение к базе данных, взятой из проекта PISA, мы также использовали информацию по странам, взятую из индикаторов всемирного развития (WDI), статистики по образованию ЮНЕСКО и базу данных Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В табл. 1 представлена описательная статистика для показателей микро- и макроуровней. Ниже описана процедура оценивания влияния семьи на образовательные достижения во всех странах, которые участвовали в исследовании 2009 г.

Семья и достижения школьника

Наша главная цель — измерить неравенство образовательных возможностей, которое было описано в теоретической части. Какая доля образовательных достижений оценивается такими преддетерминированными обстоятельствами, как рождение в определенной семье? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать следующую регрессионную модель, позволяющую оценивать индивидуальный уровень образовательных достижений (выраженный в баллах по трем тестам) в зависимости от характеристик семьи, в которой родился школьник. Кроме того, нужно оценить уровень вариации баллов за тест, которая объясняется с помощью этих же характеристик. Итак, мы имеем следующее регрессионное уравнение:

$$TestScores_{ij} = \beta_0 + \beta_1 FatherEdu_{ij} + \beta_2 MotherEdu_{ij} + \beta_3 HighSkill_{ij} + \beta_4 LowSkill_{ij} + \beta_5 FatherFT_{ij} + \beta_6 MotherFT_{ij} + \beta_7 Books_{ij} + \beta_8 X_{ij} + \beta_9 Z_{ij} + \beta_{10} L_{ij} + \beta_{11} Female_{ij} + \varepsilon_{ij}, \quad (5)$$

где $TestScores_{ij}$ — балл школьника за тест по математике, естественным наукам или чтению (мы построили регрессионное уравнение для каждого предмета); i и j — индексы, относящиеся к индивиду и стране соответственно;

$FatherEdu_{ij}$ и $MotherEdu_{ij}$ — уровень образования отца и матери на основе *ISCED* — международной классификации стандартов образования ЮНЕСКО;

$HighSkill_{ij}$ — дихотомическая переменная, принимающая значение 1, если родитель достиг наивысшего уровня в образовании (высококвалифицированные «белые воротнички»);

$LowSkill_{ij}$ — дихотомическая переменная для низкоквалифицированных «белых воротничков» (заводские рабочие, «синие воротнички», были взяты за контрольную группу);

$FatherFT_{ij}$ и $MotherFT_{ij}$ — дихотомические переменные, принимающие значение 1 в случае, если отец и мать работают полный рабочий день, и 0 — в противном случае;

$Books_{ij}$ — 6-балльная шкала, по которой измеряется количество книг в доме;

X_{ij} — вектор «семейной структуры», включающий ряд дихотомических переменных, которые обозначают наличие в семье мамы, папы, брата, сестры и дедушек с бабушками;

Z_{ij} — вектор, включающий набор дихотомических переменных, которые позволяют ответить на вопрос: являлась ли страна проведения теста страной рождения для родителей школьника, т.е. данная переменная описывает иммиграционный статус родителей;

L_{ij} — дихотомическая переменная, позволяющая ответить на вопрос: является ли язык теста языком, на котором школьник говорит в семье;

$Female_{ij}$ — пол ученика;

ε_{ij} — ошибка.

Таблица 1 содержит результаты оценки уравнения (1). Мы выбрали четыре страны, отражающие типичный результат для каждого квартиля распределения показателя детерминации². Из данной таблицы видно, что семья имеет сильное и статистически значимое влияние на достижения школьника. Для каждой из четырех стран статистические результаты схожи.

² Результаты по другим 68 странам, а также другие зависимые переменные доступны по запросу.

Таблица 1. Баллы за тест и семья школьника

Показатель	Зависимая переменная: <i>Math Test Score</i>			
	Колумбия	Велико-британия	Швеция	Россия
	1	2	3	4
Educational level of mother	4,748***	0,381	0,407	7,328***
	(0,519)	(0,840)	(1,401)	(1,671)
Educational level of father	4,092***	1,278*	4,016***	4,361***
	(0,480)	(0,733)	(1,211)	(1,569)
White collar high skilled parent	26,19***	37,91***	37,57***	30,07***
	(2,149)	(3,069)	(5,568)	(3,404)
White collar low skilled parent	7,361***	14,41***	11,93**	5,021
	(2,598)	(3,180)	(6,081)	(3,688)
Mother working full-time	0,259	-6,786***	4,907	2,294
	(1,911)	(1,880)	(3,416)	(2,821)
Father working full-time	-4,690***	9,812***	13,14***	6,780**
	(1,757)	(2,526)	(4,464)	(2,987)
Books at home	14,38***	21,13***	18,92***	13,72***
	(0,888)	(0,700)	(1,276)	(0,977)
Mother at home	39,73***	22,26***	22,26***	4,385
	(2,880)	(6,048)	(7,773)	(6,400)
Father at home	8,088***	10,57***	-6,762	10,27***
	(2,116)	(2,475)	(5,247)	(3,240)
Brothers at home	-13,15***	-4,990***	1,129	-4,406*
	(1,862)	(1,895)	(3,413)	(2,543)
Sisters at home	-5,019***	-5,394***	-4,384	-9,074***
	(1,813)	(1,867)	(3,368)	(2,566)
Grandparents at home	-13,04***	-29,96***	-29,03***	-13,04***
	(2,161)	(4,719)	(8,765)	(2,716)
Students' country of birth is the country of test	-1,782	-12,72**	-7,246	0,119
	(10,71)	(5,362)	(9,897)	(5,796)
Mothers' country of birth is the country of test	24,94*	-1,485	0,931	2,356
	(13,61)	(4,099)	(5,659)	(4,303)
Fathers' country of birth is the country of test	29,45***	0,808	7,216	1,403
	(9,246)	(4,054)	(5,393)	(4,146)
Language at home is the language of test	28,61*	30,67***	20,26**	9,105*
	(14,61)	(4,496)	(8,626)	(4,660)

Показатель	Зависимая переменная: <i>Math Test Score</i>			
	Колумбия	Велико-британия	Швеция	Россия
	1	2	3	4
Female	-32,67***	-21,76***	-6,516**	-10,14***
	(1,688)	(1,804)	(3,260)	(2,447)
Constant	239,0***	372,5***	348,6***	334,0***
	(19,84)	(8,858)	(13,32)	(12,43)
Observations	5 450	6 292	2 485	4 173
R^2	0,340	0,267	0,206	0,157

Робастные стандартные отклонения приведены в скобках; *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

В целом же в 50 из 72 стран образовательный уровень матери имеет положительное влияние и является статистически значимым. Образовательный уровень отца статистически значим в 57 странах. Рабочий статус родителей (высококвалифицированный труд или низкоквалифицированный труд) также очень значим во всех странах. Если один из родителей занимает высококвалифицированную должность «белого воротничка» при условии, что образование остается неизменным, оценка школьника повышается в среднем на 30 баллов. Тип занятости (полный рабочий день или неполный), миграционный статус и размер семьи также играет существенную роль. Количество книг дома имеет положительное влияние, значимое в 70 странах, и увеличивает оценку за тест в среднем на 15 баллов.

Как отмечалось ранее, параметром, который позволяет измерить неравенство образовательных возможностей, является R^2 регрессионной модели, построенной с помощью метода наименьших квадратов. Такая модель показывает линейную связь между баллом за тест и переменными, отражающими преддетерминированные обстоятельства (в данном случае характеристики семьи, в которой родился школьник). Если мы отсортируем страны по убыванию относительно значения R^2 , то увидим, что до 35% вариации оценок по математике может быть объяснено нашей моделью. Странами с высоким уровнем неравенства являются Панама, Венгрия, Перу и Колумбия. Результаты теста по чтению показывают, что неравенство возможностей может быть и выше, например в Болгарии R^2 достигает 40%. Все три показателя неравенства возможностей сильно коррелируют между собой. Коэффициент корреляции между R^2 теста по математике и теста по естественным наукам составляет 0,90. Коэффициент корреляции между R^2 теста по математике и теста по чтению — 0,79.

Определяющие факторы неравенства в образовании между странами

Средний уровень неравенства в образовании среди стран составляет 0,23 с минимальным уровнем 0,05 в Азербайджане и максимальным уровнем 0,35 в Панаме. Стандартное отклонение — 0,06. Какие факторы могут объяснить эту вариабельность?

Причиной вариации могут быть три группы факторов. Первая группа включает особенности образовательной системы, вторая — чисто экономическая, третья — факторы, которые не принадлежат ни к экономическим, ни к образовательным характеристикам, но тем не менее играют важную роль. Мы доказали значимость этих факторов в объяснении вариации неравенства образовательных возможностей среди стран. Таблица 2 посвящена влиянию образовательной системы. В качестве характеристик мы использовали образовательные расходы в расчете на одного школьника, государственные расходы на образование, которые измерялись через процент ВВП, отношение между численностью школьников и учителей и дошкольное образование. Все эти переменные мы постепенно добавляли в регрессионную модель.

Результаты показывают, что финансирование образовательных учреждений не имеет значительного влияния на неравенство образовательных возможностей. Этот результат согласуется с уже проведенными исследованиями [Hanushek, Woemann, 2011; Pritchett, 2006]. Улучшение академических успехов зависит от поощрения учителей, а также институтов и правил, которые регулируют поощрения и наказания для участников образовательного процесса. Как показывает наш анализ, эти заключения могут быть распространены и на образовательные возможности, и на академические достижения. Чисто финансовые характеристики, такие как расходы на ученика, государственные расходы и даже число учителей на одного ученика, не приводят к увеличению уровня равенства образовательных возможностей.

Наряду с финансовыми индикаторами мы также включили переменную, измеряющую институциональную среду среднего образования, — доступность дошкольного образования. Эта переменная может влиять на неравенство образовательных возможностей по-разному. С одной стороны, дошкольное образование может снижать уровень неравенства, предоставляя возможность компенсировать недостаток знаний и негативные последствия принадлежности к семьям с низкими социально-экономическими характеристиками. С другой стороны, если дошкольное образование базируется на распределении по экономическому и социальному статусу, оно может увеличить неравенство, которое было задано условиями в семье, и привести со временем к еще большему неравенству образовательных возможностей.

Таблица 2. Образовательная система и неравенство образовательных возможностей

Показатель	Зависимая переменная: <i>Inequality of Educational Opportunity</i> (R^2 from Regression (1))			
	1	2	3	4
Education expenditure per student	-0,0796 (0,105)	-0,0908 (0,147)	-0,0694 (0,248)	-0,172 (0,257)
Public spending on education, % GDP		-0,0843 (0,762)	0,144 (1,077)	0,595 (1,169)
Pupil-teacher ratio			0,233 (0,293)	0,210 (0,278)
Pre-school enrollment				2,741** (1,275)
Pre-school enrollment squared				-0,0120** (0,00548)
Constant	24,60*** (2,595)	25,31*** (3,198)	21,22*** (5,666)	-132,8* (73,38)
Observations	52	49	40	39
R^2	0,011	0,018	0,050	0,142

Робастные стандартные отклонения приведены в скобках; *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

Опираясь на эту логику, Шульц и соавторы [Schultz, Ursprung, Woessmann, 2005] создали теоретическую модель, в которой отношение между влиянием семьи и дошкольным образованием строится на нелинейной основе, поскольку именно дети из состоятельных семей посещают курсы дошкольного образования. Только после того как существенная доля детей поступит в дошкольные учреждения, мы сможем наблюдать эффект уравнивания [Schutz, Ursprung, Woessmann, 2008]. Эта теория была подтверждена эмпирически, была найдена опрокинутая U -образная зависимость между эффектом семейной среды и достижениями, а также участием в дошкольном образовании. Согласно этим данным, мы включили независимую переменную «дошкольное образование» и ее квадрат, чтобы измерить возможность присутствия нелинейной связи. Столбец 4 табл. 2 показывает, что мы на самом деле столкнулись с опрокинутой U -образной зависимостью. С ростом дошкольного образования до определенного уровня неравенство образовательных возможностей также увеличивается. После этого уровня похоже, что дошкольное образование ассоциируется с более равными образовательными возможностями.

Таблица 3. Факторы, определяющие неравенство образовательных возможностей

	Зависимая переменная: <i>Inequality of Educational Opportunity</i> (R^2 from Regression (1))			
	1	2	3	4
Pre-school enrollment	3,077*** (0,827)	2,738*** (0,740)	2,774*** (0,764)	2,382*** (0,827)
Pre-school enrollment squared	-0,0141*** (0,00377)	-0,0125*** (0,00329)	-0,0127*** (0,00338)	-0,0109*** (0,00372)
Gini coefficient	0,287*** (0,107)	0,320*** (0,111)	0,331*** (0,104)	0,274** (0,111)
Log GDP per capita		1,475* (0,750)	1,529** (0,758)	1,759** (0,774)
Total rent, % GDP			-0,0503 (0,116)	-0,0360 (0,116)
Nursing and midwifery personnel (per 10 thousand population)				-0,955** (0,451)
Constant	-153,3*** (45,50)	-150,8*** (39,75)	-153,5*** (41,23)	-129,2*** (45,18)
Observations	52	52	52	52
R ²	0,24	0,27	0,28	0,31

Робастные стандартные отклонения приведены в скобках; *** $p < 0,014$ ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

В табл. 3 мы оцениваем обычную регрессию между странами, добавив дополнительные независимые переменные, чтобы оценить влияние экономических и других факторов. В столбце 1 мы добавили коэффициент Джини и обнаружили, что экономическое неравенство имеет положительное влияние на неравенство образовательных возможностей. Наши эмпирические результаты подтверждают теоретические предположения: изменение в экономическом неравенстве на одно стандартное отклонение приводит к изменению неравенства в образовании на три стандартных отклонения.

Кроме того, мы добавили «ВВП на душу населения» как контрольную переменную, чтобы взять в расчет уровень экономического развития, и обнаружили следующее: страны с более высоким уровнем ВВП на душу населения имеют более высокий уровень неравенства образовательных возможностей, несмотря на то что статистическая значимость результатов меняется в зависимости от спецификации.

Чтобы измерить влияние полезных ресурсов, мы включили ренту на природные ресурсы как долю ВВП (сумма ренты на нефть, газ, уголь, минеральные ресурсы и лес). В результате можно сказать, что ресурсы страны никак не влияют на неравенство в образовательных возможностях.

В конце мы добавили уровень доступности для детей медицинских услуг и выяснили, что численность медсестер и акушеров на 10 тыс. человек негативно коррелирует с неравенством образовательных возможностей. Увеличение на одно стандартное отклонение числа медсестер и акушеров на 10 тыс. человек уменьшает неравенство образовательных возможностей на 0,2 стандартных отклонения при условии, что другие факторы остаются неизменными.

Этот результат показывает, что неравенство в образовательных возможностях является не только результатом определенной образовательной системы. Существует строгая комплементарность между двумя секторами, отвечающими за производство человеческого капитала, — образованием и здравоохранением. Доступность базового медицинского обслуживания для детей может значительно сгладить неравенство, к которому приводит семейная среда и, таким образом, уменьшить значение образовательных достижений от преддетерминированных обстоятельств.

Баланс между равенством образовательных возможностей и эффективностью образования

Являются ли более низкие показатели академического успеха платой за уравнивание образовательных возможностей. Иными словами, есть ли баланс между образовательным равенством и эффективностью образования? Результаты оценки представлены в табл. 4.

Показатель статистически значим и можно утверждать, что неравенство возможностей негативно коррелирует с образовательными достижениями. Это означает, что более высокий уровень неравенства ассоциируется с более низкими достижениями. В столбце 2 мы добавили в наше уравнение в качестве контрольной переменной «ВВП на душу населения», чтобы посмотреть на разницу в уровне экономического развития. Значимость коэффициента в таком случае даже выше.

Анализ остатков нашей модели показывает, что в данных присутствует несколько выбросов. Чтобы быть уверенными, что наша модель не подвергается влиянию выбросов, мы исключили их из выборки. Результаты можно наблюдать в столбце 3. Коэффициент неравенства образовательных возможностей остается статистически значимым на уровне 1% с малым значением

коэффициента. Размер эффекта все же остается значимым — увеличение неравенства образовательных возможностей на одно стандартное отклонение уменьшает средний балл по тесту в стране на 0,3 стандартного отклонения. Ниже приводится диаграмма рассеивания (рис. 1).

Таблица 4. Соответствие между образовательными достижениями и неравенством образовательных возможностей

	Зависимая переменная: <i>Average Math Test Scores</i>		
	1	2	3
Inequality of Educational Opportunity	-2,583** (1,006)	-2,836*** (0,926)	-2,371*** (0,781)
Log GDP per capita		52,33*** (7,775)	63,39*** (4,902)
Constant	516,8*** (24,94)	11,10 (89,52)	-106,7* (55,41)
Observations	71	71	67
R^2	0,07	0,53	0,73

Робастные стандартные отклонения приведены в скобках; *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

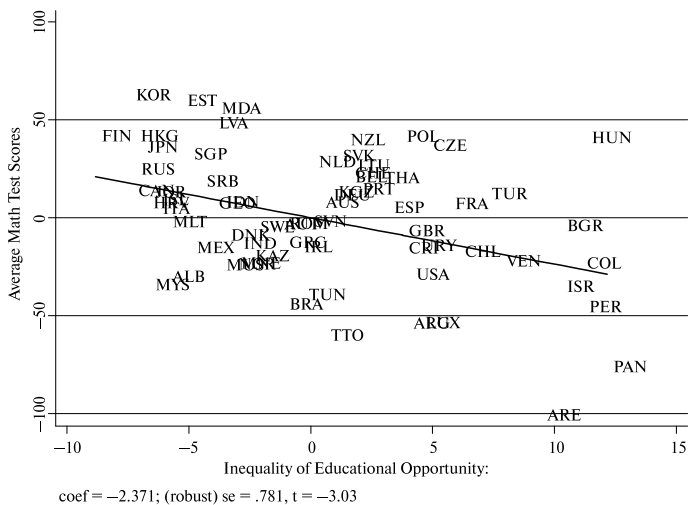

Рис. 1. Соответствие между образовательными достижениями и неравенством образовательных возможностей

Это приводит нас к существенным противоречиям с результатами предыдущих исследований. Например, Воессман [Woessmann, 2004] показал, что взаимосвязи между неравенством возможностей и образовательными достижениями не существует. Другие исследования не нашли никакой зависимости, либо она была очень слабой. Несомненно, эти вопросы требуют более глубокого рассмотрения. Но мы можем отметить, что в межстрановом рассмотрении не существует соответствия между качеством образовательной системы и равенством возможностей относительно человеческих достижений.

Вопрос о балансе между эффективностью и равенством очень важен в рамках публичной политики. Наши результаты показывают, что как минимум мы не наблюдаем противоречия между двумя целями публичной политики: увеличением качества образования и уравниванием образовательных возможностей. Эти цели могут дополнять друг друга.

Заключение

В этой статье мы нашли три противоречия в уже существующей литературе по неравенству возможностей.

Во-первых, мы рассмотрели степень, в которой преддетерминированные обстоятельства (характеристики семьи) влияют на образовательные достижения школьников из 72 стран. Мы обнаружили, что эти факторы объясняют до 40% вариации образовательных достижений. Данный эффект выше в Латинской Америке и на Среднем Востоке, чем в Скандинавских и восточноазиатских странах.

Во-вторых, мы обнаружили факторы, влияющие на неравенство образования между странами. Наш главный вывод заключается в том, что неравенство никак не зависит от финансовых индикаторов, таких как расходы на одного ученика или публичные расходы на образование в доле ВВП, но зависит от дошкольного образования, всеобщего экономического неравенства и доступности базового медицинского обслуживания.

В-третьих, мы зафиксировали отрицательные отношения между равенством образовательных возможностей и образовательными достижениями. В странах, где семья играет важнейшую роль в определении индивидуальных достижений, образовательные достижения в среднем ниже. Этот результат также отражает уровень экономического развития.

Таким образом, не существует баланса между двумя типами политик в развитии человеческого капитала — обеспечением более равного доступа к

образованию и стремлением к более высокому уровню качества образования. Обе политики могут быть важными для стран, которые пытаются достичь более высокого уровня развития.

Литература

Coleman J.S. The Concept of Equality of Educational Opportunity // Harvard Educational Review. 1968. Vol. 38. P. 7–22.

Equity and Development. World Development Report 2006. World Bank, Oxford University Press: Oxford, 2006.

Ferreira F., Gignoux J. The Measurement of Educational Inequality: Achievement and Opportunity // World Bank Policy Research Working Paper. 2011. Vol. 5873.

Gamoran A., Long D.A. Equality of Educational Opportunity: A 40-Year Retrospective // WCER Working Paper. 2006. No. 9.

Hanushek E., Woessmann L. The Economics of International Differences in Educational Achievement // Handbook of Economics of Education. 2011. Vol. 3. P. 89–200.

Hodgson G. Do Schools Make a Difference? // The Inequality Controversy: Schooling and Distributive Justice. N.Y.: Basic Books, 1975. P. 22–44.

Pritchett L. Does Learning to Add Up Add Up? The Returns to Schooling in Aggregate Data // Handbook of the Economics of Education. 2006. Vol. 1. P. 635–695.

Roemer J.E. Equality of Opportunity. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

Schultz G., Ursprung H.W., Woessmann L. Education Policy and Equality of Opportunity. CESifo Working Paper 1518. Munich: CESifo, 2005. URL: http://www.cesifo-group.de/_DocCIDL/cesifo1_wp1518.pdf

Schultz G., Ursprung H.W., Woessmann L. Education Policy and Equality of Opportunity // Kyklos. 2008. Vol. 61. No. 2. P. 279–308.

Woessmann L. How Equal Are Educational Opportunities? Family Background and Student Achievement in Europe and the United States // IZA Discussion Paper. 2004. No. 1284.

Е. В. Шевчук

Южный федеральный
университет

ПРИМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННО- ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ СФЕРАХ: ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

В настоящее время происходит смещение парадигмы отношений между государством и бизнесом от реализации преимущественно административно-властных функций первого к отношениям партнерства, закрепляемых соответствующими соглашениями сторон. Эти изменения в целом соответствуют основным положениям теории смешанной экономики, а общий их вектор можно охарактеризовать как формирование нового качества взаимодействия бизнеса и власти, расширение пространства функционирования частного капитала, его проникновение в сферы и области, ранее закрытые для него, в частности в образовательную сферу.

Мировой опыт однозначно свидетельствует, что высшее образование и наука как специализированные области деятельности без взаимной интеграции и тесного взаимодействия между собой, а также с реальным сектором экономики теряют дееспособность и становятся все менее конкурентоспособными. В связи с этим в развитых странах успешно используется концепция государственно-частного партнерства (ГЧП), представляющая собой альтернативу приватизации стратегически важных объектов государственной собственности.

Следует отметить, что ГЧП в сфере образовательных услуг выступает в виде образовательного союза между государством, бизнесом и общественным сектором в целях реализации социально-ориентированных проектов и оказания общественных услуг.

Как правило, ГЧП радикально меняет хозяйственные связи и взаимоотношения между властью и бизнесом в лучшую сторону, содействуя плодотворному сотрудничеству и снижению вероятности возникновения различных видов конфликтов. Можно сказать, что экономическая сущность ГЧП в сфере образовательных услуг кроется в его проявлении как института обеспечения взаимовыгодного сотрудничества государства, бизнеса и общественного сектора в области воспроизводства человеческого капитала в целях согласованного и сбалансированного развития рынка труда и рынка образовательных услуг.

В мировой практике регулирования сферы образовательных услуг сложились две основные формы ГЧП: институциональная и контрактная. ГЧП в сфере образования на основе институциональных форм (эндаумент-фонды¹, исследовательские центры, базовые кафедры), которые связаны, как правило, с созданием новых совместных инновационных структур, имеет наибольшее применение в развитых зарубежных странах — США, Канаде, Великобритании, Германии и др. Государственно-частное партнерство в форме рыночной контрактации (контрактная форма), напротив, наиболее распространено в странах с переходной экономикой, в том числе в России.

Можно выделить следующие основные направления ГЧП в области образования за рубежом:

- **образовательные ваучеры от предприятий и стипендии.** Государство предоставляет семьям ваучеры, для того чтобы они могли потратить их по своему выбору на любого поставщика образовательных услуг. Ваучеры могут быть универсальными, т.е. предназначенными для всех групп учащихся, и целевыми, выдаваемыми только определенным группам учащихся. Универсальные ваучеры выдают в Швеции и Чили. Практика целевых ваучеров существует в США, Новой Зеландии и других странах;

- **частное управление государственными школами.** Во многих государственных школах управленческие функции выполняются государством неэффективно. В связи с этим государство стало привлекать негосударственный сектор к управлению государственными школами. В понятие «управление школой» обычно входят финансирование, управление персоналом, долгосрочное планирование. Успешными примерами такого сотрудничества являются сеть государственных школ в США, которые получили название школ, учреждаемых на основе хартии (*charter schools*), и контрактных школ (*contract schools*), программа *vFeyAlegria* в Латинской Америке, концессионные школы в Колумбии. Исследования показывают, что подобные ГЧП, где негосударственный сектор берет на себя роль управленца, способствовали улучшению управления, особенно в области финансов [Loevinsohn, 2005];

¹ Фонды целевого капитала.

- **участие негосударственного сектора в материально-техническом обеспечении образовательного процесса.** При данном типе ГЧП негосударственный сектор является исполнителем инфраструктурных проектов в образовательной сфере. Например, негосударственные компании разрабатывают, строят и оборудуют школьные здания. Инфраструктурно-ориентированные проекты ГЧП имеют несколько общих характеристик: для выполнения работ, как правило, отбирается частный консорциум (на конкурсной основе); соглашение между государством и негосударственными секторами фиксируется долгосрочным контрактом на 25–30 лет; государство оставляет за собой право на предоставление основных услуг (например, обучение). Самым известным примером данного типа ГЧП является Частная финансовая инициатива (*Private Financing Initiative*) в Великобритании. Подробно о PFI речь пойдет дальше. Здесь же отметим только самые крупномасштабные проекты PFI: *Glasgow School Project* (225 млн ф.ст.), *Northamptonshire Schools Project* (192 млн ф.ст.)

- **контракты на предоставление вспомогательных профессиональных услуг.** Аутсорсинг вспомогательных услуг становится все более популярным в сфере образования. Яркий пример этому — Великобритания. Если первоначально аутсорсинг был ограничен исключительно вторичными для образования услугами (уборка территории и т.д.), то сейчас произошло расширение роли негосударственного сектора в предоставлении таких услуг, как подготовка и переподготовка учителей, разработка учебных программ и т.п.

В Великобритании центральное правительство заключает контракт с некоммерческими средними профессиональными учреждениями (НСОУ), если местные образовательные администрации (*Local Education Authority, LEA*) недостаточно эффективны. Иногда решение передать некоторые функции негосударственному сектору принимают сами LEA. В настоящее время около 20 из 150 местных образовательных администраций в Англии передали часть своих функций частным фирмам: это улучшение процесса обучения, разработка учебных планов, консультационные услуги, а также административные услуги (финансовое и бюджетное управление, набор кадров и т.д.).

Еще одним примером контрактов на предоставление вспомогательных или профессиональных услуг является сеть школ *Pitagoras* в Южной Америке. Данная сеть оказывает поддержку государственным и частным независимым школам посредством специального пакета мер по их улучшению, куда входит помощь в разработке учебных планов, управление и техническая поддержка.

Вообще бесспорным лидером в использовании института ГЧП является Великобритания. PFI в Великобритании — крупнейшая ГЧП-образовательная программа в мире. В рамках этой инициативы частный сектор был вовлечен в проектирование, строительство и обслуживание инфраструктурных объектов образования. В 1992 г. британское правительство анонсировало PFI с целью привлечения частного капитала в строительство объектов публичной

инфраструктуры. Первая волна проектов началась в 1994 г., но тогда программа касалась строительства и обслуживания новых дорог. Следующей стадией развития PFI-модели было использование PFI-контрактов для обеспечения инфраструктуры школ и высших учебных заведений. В 1997 г. правительство Великобритании объявило о том, что ГЧП является основным инструментом программы капитальных вложений в сферу образования и с тех пор PFI-модель стала эталоном для ГЧП-программ по всему миру.

В 2000 г. на основе PFI была сформирована ГЧП *PartnershipUK*, имеющая правовую форму товарищества с ограниченной ответственностью. Она работает исключительно в интересах государства, занимается разработкой проектов ГЧП, в том числе и в образовательной сфере.

В Великобритании большое влияние на государственную образовательную политику оказывает бизнес, которому лучше всего известны потребности рынка труда, механизм индивидуальных заказов на подготовку кадров со стороны бизнеса. Велика также роль местных органов власти в определении содержания образовательных программ, прежде всего посредством обозначения уровня квалификационных стандартов. Большое значение в Великобритании имеет взаимодействие работодателей и вузов в форме профессиональных комитетов и отраслевых квалификационных советов, в которых объединяются усилия работодателей в рамках отраслей и их консолидация на национальном уровне. На настоящий момент в Великобритании создано и лицензировано более 20 советов, в ведении которых находится около 2/3 всей трудовой сферы Великобритании [Олейников, Муравьева, 2006].

Деятельность советов предусматривает организацию различных мероприятий:

- разработку национальных стандартов профессий и совершенствование национальной системы квалификаций;
- анализ существующих возможностей обучения и предоставление информации о наличии возможностей обучения;
- развитие услуг в области сопровождения профессиональной карьеры/обучения [Олейников, Муравьева, 2006].

Одной из распространенных форм ГЧП в Великобритании является концессионные соглашения. Например, проект строительной компании *Balfour Beatty*, инициированный Образовательным советом Северного Ланкашира в Шотландии в 2004 г., предполагает осуществление на условиях концессии строительства 21 новой школы в течение 31 года [Амун, 2005].

Характерным примером ГЧП, распространенным в Великобритании, является создание корпоративных университетов как в самих компаниях, так и в рамках высшего учебного заведения. Можно привести несколько примеров корпоративных университетов в Северо-Западном регионе Англии:

Северный исследовательский центр, расположенный в Институте науки и технологий Манчестерского университета, Союз по охране окружающей среды, расположенный в Университете Ланкастера и созданный для развития «основанного на знаниях» бизнеса и занятости в секторе природоохран-ных услуг и технологий, и др.

В Великобритании велика роль такого механизма институциональной формы ГЧП, как эндаумент-фонды образовательных учреждений. Эти фонды являются важнейшими источниками финансирования деятельности и развития в области образования. Поэтому более подробно о них речь пойдет далее.

Франция в отличие от Великобритании придерживается политики активного участия государства в планировании и реализации программ начального и среднего профессионального образования. В этой стране государственный контроль наиболее ярко проявляется в административном управлении средним профессиональным образованием. В нем участие бизнеса и организаций гражданского общества ограничивается работой в трехсторонних консультативных органах, действующих при национальных, региональных и местных органах власти.

Вообще Франция обладает прочными традициями ГЧП. В их числе можно выделить деятельность «сообществ смешанной экономики» (SEM) и предоставление концессий. Законодательные основы SEM восходят к 1966 и 1983 гг. Характеристикой SEM является то, что государственный сектор и местные власти согласно законодательству должны иметь большую долю в составе активов SEM и, таким образом, играть превалирующую роль в управлении ими.

Интересен также опыт Германии и Нидерландов, активно использующих механизмы ГЧП в сфере образовательных услуг. Так, в Германии ГЧП является одним из важнейших элементов двухсторонней системы профессионального образования и переквалификации в рамках федерального государства, предполагающего четкое и законодательно закрепленное распределение обязанностей между федеральным правительством и землями. За развитие профессионального обучения традиционно отвечает целый ряд структур и институтов федерального и регионального уровней.

Говоря о ГЧП в научной инновационной сферах, необходимо подчеркнуть важность применения теории тройной спирали (*Triple Helix*) при реализации проектов ГЧП. Данная теория была создана в Англии и Голландии в начале XXI в. профессором Университета Ньюкасла Генри Ицковицем и профессором Амстердамского университета Лойетом Лейдесдорфом [Loeivsohn, 2005].

Тройная спираль символизирует союз между властью, бизнесом и университетом — ключевыми элементами инновационной системы любой страны. На начальном этапе генерации знаний взаимодействуют власть и

университет, затем в ходе трансферта технологий университет сотрудничает с бизнесом, а на рынок результат выводится совместно вузом, властью и бизнесом.

Можно проследить взаимосвязь на уровне передачи технологий, знаний через взаимодействие университетов (образовательных учреждений) и коммерческого сектора при участии государства на примерах из практики.

Примером такого успешного взаимодействия может служить старейший и самый крупный технопарк Швеции — Идеон. Он был основан в 1983 г. и за 28 лет существования в нем создано более 10 тыс. рабочих мест в наукоемких компаниях, размещено 280 компаний, в которых работает 3 тыс. сотрудников [Крылов, 2000]. Успех Идеона обусловлен постоянной поддержкой со стороны государства, университета и крупного частного бизнеса и взаимодействием с ними (благодаря той самой тройной спирали). Тройная спираль по-шведски имеет ряд уникальных черт, которые и обеспечивают ее эффективность. К ним относятся переориентирование шведских университетов из чисто исследовательских в предпринимательские, система персонального наставничества в бизнес-инкубаторах, формирование саморегулирующейся экосистемы Идеона.

Вообще в настоящее время технопарки (научные парки) стали одним из важнейших элементов инновационных инфраструктур вузов, определяющим активное вовлечение национальных экономик в мировое хозяйство.

Широко известно официальное определение Международной ассоциации научных парков (*International Association of Science Park, ISAP*), согласно которому технопарком или научным парком считается организация, управляемая специально обученными профессионалами, основной целью которых является обеспечение роста ее активов путем содействия осуществлению инновационных разработок. Для достижения поставленной цели технопарк стимулирует обмен знаниями и технологиями между университетами, научно-исследовательскими институтами, компаниями и управляет этим обменом, способствует созданию и росту инновационных компаний. Определение ISAP подчеркивает роль технопарков как объединений наукоемких производств и бизнес-структур для более эффективного использования научно-технологических ресурсов.

Особенность технопарков — их тесная связь с высшими учебными заведениями, обладающими соответствующей инфраструктурой для инновационной деятельности. При этом технопарк не должен подменять работу высших учебных заведений, НИИ, лабораторий, а должен обеспечить сотрудничество между наукой, промышленным сектором, предпринимательством, региональными и местными властями.

Среди научно-внедренческих территорий Великобритании прежде всего надо выделить научные парки Кембриджского университета, научный парк Шеффилда, Бранфордского университета, Кильского университета (г. Стоков-Трент), технопарк на Южном берегу (г. Лондон), Технологический центр Лафборо. Помимо этого, научные парки действуют при таких университетах, как Астонский, Гулльский, Ливерпульский, Стэнфордский. Кембридж — первый в Англии технопарк, созданный в начале 1970-х годов, крупнейший центр академической науки, известный своим университетом, основанным еще в 1209 г., исследовательскими центрами и концентрацией высококвалифицированных специалистов. В конце 1980-х годов в технопарке и его фирмах работали 18 тыс. человек [Миндич, 2011].

Россия перенимает опыт развитых стран в становлении и развитии различных механизмов ГЧП в сфере образовательных услуг. Так, институциональные формы взаимодействия государственных и муниципальных образовательных учреждений и хозяйствующих субъектов частного сектора реализуются в России по следующим направлениям:

- создание исследовательских центров в форме юридических лиц, в которых участвуют государственные университеты и субъекты частного сектора;
- учреждение эндаумент-фондов вузов;
- открытие бизнес-школ, учредителями которых являются субъекты частного сектора — физические и юридические лица;
- создание совместных образовательных структур (например, базовых кафедр вузов).

Важным и перспективным механизмом институциональной формы является механизм создания эндаумент-фондов образовательных учреждений.

Опираясь на зарубежный опыт, прежде всего деятельность эндаумент-фондов США и Канады, можно заключить, что основными преимуществами таких фондов в России должны стать:

- привлечение частных инвестиций в образование;
- неприкосновенность созданного целевого капитала, расходование только доходов, полученных от управления целевым капиталом;
- отсутствие необходимости начала финансового года с «нуля», формирование финансового резерва;
- прозрачная и более понятная структура для жертвователей;
- налоговые льготы (для фонда и образовательного учреждения — получателей дохода от целевого капитала) и др.

Мировой опыт развитых стран (Великобритания, Австралия, США, Израиль, Испания, Нидерланды) доказывает, что одно из условий успешной реализации ГЧП — эффективная нормативно-правовая база. Она не должна

позволять сторонам сосредоточиться на результате посредством учреждения достаточно широких рамок для формирования и реализации согласованных проектов. Слишком объемное законодательство не улучшает процесс создания и управления ГЧП, а лишь сдерживает активность потенциальных инвесторов. Акцент должен быть сделан на гибкость нормативно-правовой базы, ведь основными причинами неудач опыта использования ГЧП в развивающихся странах стали недостаточное финансирование ГЧП-проектов, непродуманное разделение рисков, завышение стоимости проектов и коррупция. Все указанные барьеры очень важны для России, где концепция ГЧП как перспективный социально-экономический институт получила поддержку на самом высоком государственном уровне.

Литература

Амуни Д.М. Государственно-частное партнерство. Концессионная модель совместного участия государства и частного сектора в реализации финансовых проектов // Справочник руководителя учреждений культуры. 2005. № 12. С. 16–24.

Миндич Д. Тройная спираль по-шведски // Эксперт. 2011. № 35 (768).

Крылов И. Англия готовит команды для технопарков России // Деловой мир. 2000. № 9.

Методические основы сравнительного анализа систем образования: обзор информ. / сост. А.И. Галаган, А.Д. Гоппа. М.: НИИ высш. образ., 1995. С. 41.

Олейников О., Муравьева А. Социальное партнерство в сфере профессионального образования в странах Европейского союза // Высшее образование в России. 2006. № 6. С. 116.

Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей: <http://www.rspp.ru>

Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Dynamics of Innovation: From National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of University–Industry–Government Relations // Research Policy. 2000. Vol. 29.

Loevinsohn B. Harding Buying Results? Contracting for Health Service Delivery in Developing Countries // Lancet. 2005. 20–26 Aug. Vol. 366 (9486). P. 676–681.

СОЦИОЛОГИЯ

1. Blurred boundaries

Home's transformations in contemporary society have to do both with the change of boundaries *properties* and the development of new *mechanisms* of boundary making [Lamont, Milnar, 2002]. Factors such as new technologies, the growing importance of paid domestic labour or migrations change both the salience and visibility of home boundaries and the way boundaries are activated, maintained or liquefied.

On the one side welfare policies (redefining resources and constraints of action in the domestic space and producing new forms of intertwining of domestic and paid work), on the other side what has been called the commercialization of intimate life [Russell Hochschild, 2003] contribute to blur the boundaries between private and public activities. On a different perspective, studies on the use of technology in everyday life have shed light on how communication technologies introduce public spaces within the private domain of the house. An example of great interest in this direction is the model of Williams' *mobile privatization* [William, 1974] that helps us to understand how communication technologies (primarily television) on the one hand contribute to establish the house as the central place of daily living (increasingly cultural consumption can be done inside the house) on the other opens up home's boundaries to the rest of the world. Williams (and more recently [Morley, 2000]) helps us to understand that it is never possible to consider the home (and domestic spaces produced inside home boundaries) in isolation, studying it as a place "in itself". On the contrary different "forms of integration" of the house in the spatio-temporal organization of society have to be analysed. The automobile, for example, radically changes the relationship of the house with urban space. Not only it transforms the character of urban spaces but, as pointed out by Urry [2000, p. 59] reconfigures the entire civil society, implying both new forms of crossing the city and socialize and new forms of *dwelling*. The car allows, in fact, to "bring along" a piece of home, to rebuild the intimate, domestic space within a mobile shell. More recently, mobile phones, carrying outside the home private conversations, helps to reconfigure the spatial within new urban mobility cultures [Shelley, Urry, 2003].

In this part of the essay I will try to show how it is possible to trace some of the practices regarded as constituting the “domestic sphere” out in the urban space. Many of the tasks that were once performed privately (eating, intimate conversations, leisure) are carried out more frequently outside the house. Urban space becomes a key resource for the implementation of many activities that are a very important aspect of families’ everyday life.

2. Home outside home

In this perspective it is possible to acknowledge that domesticity cannot be bound to home but includes the larger set of spaces we use in everyday life (a square, a park, a street) as *domesticated*, that is to say transformed with the inclusion in the private domestic sphere.

It is important at this point to explain what do I intend by *domestication*. The concept of domestication appears in two different (but connected) meanings in the social sciences field.

Within the field of urban sociology domestication is intended as the processes by which public spaces (or publically accessible but privately owned and managed such as the mall) are “sanitized and rendered safe and homogeneous” [Atkinson, 2003]. Within this framework domestication is intended to allow the regulation of difference and the promotion of the virtues of familiarity.

Within the wide debate on the separation of private and public sphere the concept acquires a different meaning. Kuman and Makarova [2008] for instance define the domestication of public space as the way we privatize the public space “we carry our private lives and private emotions with us into the world of the public” (p. 332).

In both cases to domestication is attributed a negative meaning because it results in the weakening of the public space in its double significance of open and accessible part of the city and as a context for the development of a public sphere [Sennet, 1977].

In a different way within media and technology studies *domestication* is used to highlight the way technologies are incorporated into domestic everyday life. Developed by researchers from media and technology studies during the 1990s, this perspective [Silverstone, 1992] focuses on interactions between technology design and use [Berker, 2011]. Rooted in the former tradition of anthropological and consumption studies, this perspective analyse how media technologies were incorporated into domestic everyday life [Silverstone, Hirsch, 1992].

In the same way we domesticate a technology or a building, following the same trajectory every day, taking children to school or out to play, for instance, take us to incorporate these different paths and places in everyday routine, getting used to them and contributing to define their functions and meanings.

Domestication approach allows us to see how places are produced through every day practices of use of urban space, in the interplay between public discourses and functions and everyday cultures.

Domesticating urban space therefore means to reconfigure material, social and symbolic boundaries of the home within the city. The process of domestication, therefore, allows us to feel at ease in the space of the city. This also means making a symbolic link with the space. Assign a symbolic meaning to a place that is both defined within the borders of our experience (the gardens where I went as a child, the school of my mother) and intersubjectively constituted and sustained.

The meanings we attribute to space emerge from practices of material appropriation. Taming a space (as an object) means first learning how to use it, translate it into a language that is familiar to us, bend it to our needs and at the same time adapt to its nature [Jedlowski, 2005, p. 25].

3. Domesticating a public garden: an example

For its dwellers, the city is a set of organized resources which can be used to meet their own needs. However, what is seen as a resource in a given urban space and how this is used cannot be understood without placing it within the culture and the biography of individuals.

If properties and mechanism of boundary making have to be understood within technological and societal changes, boundary making as a practice implies its contextualization within everyday cultures, that is to say the whole set of symbolic and cognitive resources contributing to the way people define home boundaries. Home making, in specific, requires the use of skills (actor's *savoir faire*, acquired knowledge and organizational capacity) and implies forms of cognitive appropriation (strategies, values, representations and habits). In other words, it can be framed within what is widely known as the 'capabilities approach' [Sen, 2004; Appadurai, 2004]. The place and meaning that home holds in everyday experience, the porosity of material, symbolic and social boundaries defining it can be understood as the enactment of different capabilities.

Within the framework of these issues the concept of domestication has been used as a heuristic tool in an empirical research based in Cagliari¹. The main interest

¹ Cagliari is the capital of the island of Sardinia, a region of Italy. It has about 160,000 inhabitants, or about 500,000 if we include the suburbs. Minors (children ages 18 and younger) totalled 13.36 percent of the population compared to pensioners (21.87 percent). This compares with the Italian average of 18.06 percent (minors) and 19.94 percent (pensioners). In the five years between 2002 and 2007, the population of Cagliari declined by 3 percent, while Italy as a whole grew by 3.56 percent. This trend is proportionally inverse in the metropolitan areas and suburbs, where most younger families move. The city occupies a favourable position between the sea and a fertile plain, it is surrounded by two swamps and it is close to high and green mountains.

was to study how parents in a stable relationship with children in compulsory education domesticate urban space. The focus was on everyday practices with particular reference to the activity “take the children out to play”.

Here I propose to look at a quite busy place at the centre of town (Giardini pubblici: the public gardens) which I believe can be a good example of how public space can be reshaped with its inclusion within the domestic sphere².

This public space has been in the past an important place in town, especially for young people with children (and their grandparents) who used to go there after school and on Sundays to let the children play. It still is always very crowded despite a very important renovation realised by the municipality removing from the garden most of the meaningful objects traditionally used by the children to play (a small fishpond, the steam engine and the cannons) and the refurnishing of the garden with new objects such as a very ornamental fountain and a few contemporary artists sculptures, aimed to affirm a script of bourgeois promenade. The script inscribed in the renovation was not accepted by the habitual users of the garden. And the promenade was domesticated as a playground. The interviews narratives collected at the garden gave us very interesting insights of how this process develops within different family everyday cultures.

One of the most common accounts about the garden is well expressed in Eleonora’s interview. This middle class lady with two children accepts the public meaning of the space recognizing that “it is not a place for children”. She carefully distinguishes between a park (which is made for children) and a garden: *Yes [the public garden] is in the neighbour but it isn’t a proper park it is called “public garden” it is a garden open to the public... parks are different because for instance in the giardini pubblici there are no outdoor games there are no facilities for children.*

Nevertheless, she justifies the fact that she takes the children there referring to memories and to the sentimental meaning of the place.

For one thing I have the public garden at heart... because when I was a child I used to go to the public garden and besides my school was just next to it and at recreation time the teachers used to take us to play there... I have such lovely memories ...also because they were not as they are now... that is all well preserved and organized... It was... lets say neglected... but I have wonderful memories because there are those very old trees which are fantastic to look at ...and I remember those old cannon and we used to ride ...and climbing on it we had a wonderful view we could see all the city ...because they were a bit uplifted from the ground ...from the war period... so ancient stuff...historical...

² The study of the domestication of media technology has relied largely on qualitative research methods. Applying domestication to the analysis of the social construction of urban space we used interviews (to parents in a stable relationship with children in compulsory education) focusing on narratives about urban space as used in everyday routines; focus groups discussing images of the city and ethnographic observation.

Eleonora's account testifies very well how the shared memories of the past are very important in the definition of the meaning of "public garden" today. As in other interviews, this place appears to be important in everyday experience not only in view of its central location (most people take the car anyway) but mainly because of the affective meaning attached to it. It is a familiar place and its familiarity is strictly related to the use as playground.

A second case is Stella. The way she includes the activity "taking the children to play" in her everyday life is different from that of Eleonora. Stella wasn't born in Cagliari, she came with her husband to this small city from Milan (after a year in S. Francisco) to raise their children in a "*healthy environment and on a human scale*". Her view of the city is that of a large and carefully chosen field of experience, with no borders or segregations. As an outsider, she feels free to refuse most of the common judgements about some parts of the city people usually find not secure

Describing the activities that her children carry out in the public garden she does not complain for the lack of playgrounds or the changes caused by the renovation's work. In her view "*it is good, because they [the children] can come up every day with different thing ...instead of having everything ready they have to organize... using sometimes some imagination, creativity, a few magnificent trees are available... that huge, very old magnolia the children climb...and during summer it is possible to stay under the shadow, when it is very hot ... [...] and straight away on the right almost at the end there is a whole set of trees, I do not know which kind of trees which are placed one next to the other and have a sort of squashed circle shape ...and all the branches cross each other ... [...] and they are a wonderful place for the children to climb on.*

Stella is very well aware that by letting the children climb the trees she is breaking the garden's rules.

maybe you are not supposed to do it ...I shouldn't even say that ...but all the children climb the trees and they make up games sitting on the trees... they pretend to be monkeys... they make all sorts of things [...] on the ground under the trees there can be the sea, fishes, boats... and they can stay there for hours... while mothers, babysitters, fathers can chat somewhere not too far ...about the children... about life".

In fact, at the main entrance of the garden you can find a large notice board emphasizing at every line that this is not a place for children: to climb the trees, step on the grass, play with a ball, bike... and so on are all forbidden activities. But, as Stella told us, everybody breaks the rules.

Stella and Eleonora showed us that each individual has to find in its private culture the resource to domesticate a given place. However while for a large number of interviewees the "public garden" is a familiar and secure place, some regard it as a strange and non-domesticable locale. A good example is Alessandra, a working class mother of three children. She lives very close to the "Public Garden", definitely

closer than the other two interviewees. But she never goes there (maybe once in a year) because, as she says, she doesn't like the place.

[Referring to the public garden] I don't like it, I can probably tell you how it is, but I absolutely do not like it,

She is not able to see the difference that the hotly debated renovation has brought to the place.

...then it seems that they (the municipality) did god knows what... But they didn't do anything, all these changes, for me it's all the same... nothing has changed.

She is not able to explain exactly why she doesn't like the place, it is just that "it is not for her".

I do not like the place... I like the green though... but it is getting... lots of people, overcrowded, it is not for me... even if... I tell you again I go to the Bastione, there is a lot of people there, but the children are there you can see them... while in the garden... no no no for heaven's sake... I prefer there...

So she'd rather go to an open space in front of her younger child's school, which is just a block away from her home. However, this latter would rather look like a potentially dangerous place for children, due to the presence of a terrace over a precipice of 100 meters. Moreover there are no resources the children can use to play (except a couple of streetlights).

The case of Alessandra shows how the ability to see a certain place of the city as an opportunity is a cultural capacity. Alessandra expresses, at other times during the interview, a difficult and watchful relationship with the city, which is seen not so much as a source of specific dangers (petty crime, the traffic...) but simply as an unfamiliar place in which she does not feel welcome. Concluding it is important to stress that to question the "domesticability" of urban spaces and not only their accessibility leads to consider social and cultural differences in urban space and the way they have to be taken into account in urban planning.

References

Appadurai R. The Capacity to Aspire. Culture and the Terms of Recognition // Culture and Public Action. Stanford University Press, 2004.

Atkinson R. Domestication by Cappuccino or a Revenge on Urban Space? Control and Empowerment in the Management of Public Spaces // Urban Studies. 2003. Vol. 40. No. 91829-1843.

Berker T. Domesticating Spaces: Sociotechnical Studies and the Built Environment // Space and Culture. 2011. Vol. 14 (3).

Cuzzocrea V., Mandich G. Mentre i bambini giocano: forme di socialità ed emersione di sfere pubbliche discorsive // Rassegna Italiana di Sociologia. 2011. No. 1.

- Douglas M.* The Idea of Home: A Kind of Space // *Social Research*. 1991. Vol. 58. P. 241.
- Jedlowski P.* Un giorno dopo l'altro. La vita quotidiana tra esperienza e routine. Bologna: Il Mulino, 2005.
- Kumar K., Makarova E.* Portable Home: The Domestication of Public Space // *Sociological Theory*. 2008. Vol. 26. No. 4 (dicembre). P. 324–343.
- Lamont M., Milnar V.* The Study of the Boundaries in the Social Sciences // *Annual Review of Sociology*. 2002. Vol. 28.
- Morley D.* Home Territories // *Media, Mobility and Identity*. L.: Routledge, 2000.
- Russell Hochschild A.* The Commercialization of Intimate Life. Notes from Home and Work. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2003.
- Saunders P., Williams P.* The Constitution of the Home: Towards a Research Agenda // *Housing Studies*. 1988. Vol. 3. No. 2. P. 81–93.
- Scheller M., Urry J.* Mobile Transformations of 'Public' and 'Private' Life // *Theory Culture and Society*. 2003. Vol. 20. No. 3. P. 107–125.
- Sen A.K.* Development As Freedom. N.Y.: Knopf Press, 1998.
- Sennet R.* The Fall of Public Man. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1977.
- Silverstone R.* Domesticating Domestication. Reflections on the Life of a Concept // Berker T. et al. (eds). *Domestication of Media and Technology*. Maidenhead (GB); N.Y.: Open University Press, 2006.
- Silverstone R., Hirsch E.* (eds). *Consuming Technologies: Media and Information in Domestic Spaces*. L.; N.Y.: Routledge, 1992.
- Urry J.* *Sociology beyond Societies*. L.: Routledge, 2000.
- Weintraub J.A.* The Theory and Politics of Private/Public Distinction // *Private and Public in Thought and Practice. Perspectives on a grand Dichotomy*. University of Chicago Press, 1997.
- Williams R.* *Television: Technology and Cultural Form*. L.: Collins, 1974.

C. Morrison

Middlesex University
Business School, London

BEYOND NOSTALGIA? CLASS IDENTITY, MEMORY AND THE SOVIET PAST IN RUSSIA AND THE “NEAR ABROAD”

This paper explores the role of memory in the emergence of a new working class identity in the post-Soviet space. Intellectuals have looked at popular nostalgia for socialism with disdain: the legacy of ‘totalitarian mentality’ preventing democratic citizenship and reproducing passive dependency from the state. On the basis of findings from case study research, this paper argues that workers have developed memories of the Soviet past which are distinct from official discourse. These have become a yardstick for critically engaging with the new social reality of ‘market democracy’ as well as an important tool to legitimise mobilisation in the workplace. Beyond the simplistic ‘before it was better’ argument there is more understanding of the social constraints of both Stalinism and the new capitalist order than the unsuspecting liberal intellectual would admit.

Introduction

Debates around nostalgia in the 1990s have highlighted the relationship between historical memories, the interpretation of the socialist past and the formation of the ideological framework underpinning transformations in post-socialist societies [Modrzejewski, Sznajderman, 2003]. Intellectuals first observed in disbelief as disillusionment with reforms gave rise to nostalgia for the socialist system. They denounced risks that ultra-nationalist groups and official politicians could manipulate these feelings. They also identified a trend where private corporations turn the past into a commodity, following US models, for image and sales purposes. In the last decade, as to confirm it, Czarism, Stalinism and other country-specific ingredients appear being conveniently channelled into patriotic syntheses. Against such distortions, intellectuals have elaborated their own memories, contrasting ‘reactionary’ nostalgia with a ‘reflective’ approach which, like a broken glass, renounces any totalitarian wholesomeness, celebrating the private and the individual.

Likewise, employment relations scholarship has relied on the belief about the existence of ‘totalitarian’ culture in socialism, breeding worker’s passivity in the region [Crowley, Ost, 2001].

In this paper we maintain that such approaches from above ignore the real possibility for historical reflections from below. For all their critical potentials towards political manipulation, nostalgia narrated by intellectuals is very much their own nostalgia, i.e. their social point of view. It ignores the social reality of work and its agents, revealing both a gap and a bias in post-socialist scholarship. Workplace ethnography [Burawoy, 1998] reveals historical memories which are both clearly demarcated by social position as well as clearly reflexive in identifying elements of the past. The paper will expand on the contributions and limitations of ‘intelligent nostalgia’ before exploring class memories emerging from our own case study research.

‘Intelligent nostalgia’: between liberal dreams and socialist nightmares

In the essential reading on Nostalgia Svetlana Boym [Modrzejewski, Sznajderman, 2003, p. 59–68] articulate what we can be defined as bad and good nostalgia. The former selectively rearranges past memories to form a flawless whole, a mythical golden age to which the nostalgic yearns to return — in our case socialism or the Soviet Union. This is at better an escapist strategy to turn away from the vagaries of the present time, otherwise it can turn into a dangerous misunderstanding of the ‘totalitarian’ past open to all sort of manipulations. A likely outcome, taking the US example, is offered by Hollywood styled nostalgia ‘on demand’ used by marketers and politicians alike to normalise history and legitimise the present. While these threats have proved more than real it is already questionable whether in fact popular nostalgia can be equated to the uses made by the wealthy and powerful. Good or reflective nostalgia proves equally problematic if not more revealing.

Reflective nostalgia, she reasons, is based on recognising that an era has concluded, what once was, it is no more. Nostalgia then consists in a method; a process which ‘historicize’ memories. Taking the lessons of the early surrealists it browses memory, as they did the bazars for bits of the past in order to create fragmented compositions. This type of nostalgia seems able to only generate literary delights rather than punctual views of any clarity.

This is maybe because, she insists, the first type concerns the state or nations; the second one instead concerns the private life of the writer intellectual, as perfectly exemplified by most papers in the collection. The unwritten assumption which resonates with more than a single publication is that any form of nostalgia for socialism as such is anathema. Nostalgia in this context can only be the celebration of the private life of the individual away from the clasp of the totalitarian state. Such ap-

proach embraces individualism and as such it can only produce stories or a very biased history rather than a collectively shared one. In present terms, it complements the liberal agenda of a westernised intelligentsia [Lester, 1995].

Paradoxically, this approach is admittedly *reflect-ive*, i.e. it is obsessed with the self of the writer and sees nothing else, but certainly proves not *reflexive*, that is able to offer a reliable and representative account. This is because it fails to recognise the social position from which the analyst begins her/his research, an issue specifically identified by Bourdieu [2001] in the case of intellectuals studying mass culture. Taking their own political taste and expectations as a measure of judgment, most post-socialist intellectuals disregard the aspirations of the working masses in their countries, which felt often perfectly content with a substantial part of what the socialist system had to offer [Modrzejewski, Sznajderman, 2003, p. 260–277]. The condition of separation and marginalisation that was imposed on the intelligentsia by Stalinism may explain both its dislike of the system and of workers as its nominal beneficiaries [Di Leo, 2012]. This paper attempts at redressing this bias about popular nostalgia by searching for articulated historical memories from, and about the workplace.

Nostalgia in the Russian workplace: making sense of transition

Crossing factory gates in the late 1990s, as I did to research a factory town in the upper Volga, provided from the start a different perspective on the fast disappearing Soviet way of life [Morrison, 2007]. There was neither idolisation of socialism nor enthusiasm for fast advancing capitalist restoration [Kagarlitsky, 1995].

First, the ‘before was better’ argument appeared obvious when workers referred to concrete things such as shrinking wages and social provisions, the ever growing workload and the loss of voice they exercised in everyday work life [Clarke, 2007]. It was also clear, though, that different groups had diverging views. The ubiquitously praised ‘stability’ meant constant supplies, secure markets and unchallenged authority for red directors and their accolades. They were happy instead to do away with stable employment and wages which workers missed the most.

The latter, by the same token, did not present a uniformly positive view of the system. They nostalgically remembered the time when their work was morally and materially rewarded: their pictures on the *doska pocheta*, the bonuses for over-fulfilment. Nonetheless they were well aware that social divides had always existed: ‘There are those who physically make and remake the world with their bare hands and those above simply sitting back and talking people round’ (Vitya, Russia, 2001). Only now they had grown even wider. After all, Yeltsin’s reforms were never meant to bring democracy into the workplace — another respondent, Nadya, stated — this was briefly the case with early Perestroika but it quickly evaporated. Workers could

Workers could also recognise variations over historical time. Nadya's mother, who lost an arm in the textile factory, recalled how under Stalin workers could be jailed for a five minutes delay even in cold winters and there was never time to go out: 'no dances in our youth, back from the factory we just went to sleep'. More ominously, a veteran worker referred to the repressions in the 1930s when trucks came in to take people, women included, and no violence was spared. Kolya, top manager and key respondent, maintained that fear was ever present and justified why workers would not volunteer individual interviews. These workers surely cannot feel nostalgia for authoritarian rule, if nothing because it never truly went away; what they meaningfully regret is the loss of the social arrangements that under socialism justified it.

Continuity of power also explains why perceived unfairness of reforms does not generate open conflict. In Moldova, an ex-Soviet republic which has experienced a more radical breakup of political infrastructures and introduction of western management, greater clarity of class change and opportunities for agency can be observed.

The Moldovan cases: Soviet past versus capitalist modernisation

The in-depth study in 2004–2007 of two Soviet clothing enterprises, which had undergone restructuring by Western owners, allowed observation of old employees' reaction to changes in the labour process, revealing awareness but also diverse forms of nostalgia among respondents [Morrison, Croucher, 2010]. Tanya, trade union official explains: 'the payment system before was better. Basically now we have no incentive mechanism ...foreign investors are satisfied: good workmanship and cheap labour'; Alla, the brigade leader — 'in USSR after work we would go to the cinema or similar: life was easier ...tasks were always the same: we could work and have a chat at the same time'; but Tanya, seamstress — 'relations with management have become hastier', and also, 'before the union was better. Nevertheless there was a time when they lowered our wages but norms stayed put. We all agreed to go to the trade union central committee. We complained that first it was 80 (Soviet roubles), then 70, then again 60. They rebuked us that we should not go during working time. After that they immediately raised our wages up to 150'. Tanya's account stands out because her nostalgia is not a 'nostalgic' look at the past, it reveals how Soviet authorities preferred immediate concessions in exchange for the restoration of order. Unions and employers at present could hardly be more different. Tanya nevertheless continuously pressures management about wages — 'I have been asking the enterprise more than once to raise wages' — and working conditions: 'we went to Tanya asking the trade union to act on poor ventilation'. Again, workers display an analytical look at the past. This allows them to understand gains and losses under new conditions and act on their grievances.

In a second case study factory, the role of Soviet legacies has proved even more substantial. Here, a belligerent trade union leader, Nikita, organised workers in a systematic confrontation with foreign owners to resist exploitation by partly relying on elements and practices of Soviet ideology: ‘I talked to him [managing director] about summer holidays for next year but he said we should not put much hope in that. I told him that this is a *women’s collective*, and he replied: “In Germany we do not recognise women as a special category”’ (Nikita, Kishinev, 2007). The concept of women’s collective is often associated with paternalist Soviet gender policies, still employed by employers and official trade unions. Its use in this case to justify the fairness of workers’ claims and elicit their mobilisation is not merely a stratagem, still less is it a sign of cultural backwardness. Like in other cases of nostalgia, displaying apparent adherence to the ideology of the old declining order, it represents a source of legitimacy appealing to long-established and widely shared social norms. Scholars have long recognised how workers can construct a sense of fairness and sustain their demands, however illusory their goals might appear, by drawing on a declining paternalist order [Scott, 1985; Thompson, 2001]. Allegiance to an old order is not necessarily at odds with worker’s agency, and neither is it necessarily a signifier of ideological confusion. When the order is called into question by the dominant elite in pursuit of capitalist modernisation, it will be rational for workers to appeal for the retention of the social obligations built into it [Scott, 1985]. It is for them the safest way to resist its effects without openly challenging the dominant elites.

Geopolitical nostalgia: freedom of movement and nationality after the USSR

Another aspect of nostalgia concerns the geopolitical dimension, contrasting the Soviet Union to the new independent states in the globalised international market: ‘I do not know why you came to us to study the Moldovan textile industry. Everything is foreign here: the owner, the materials, the products and the markets’ (Nikita, Kishinev, 2007). The parallel processes of political breakup and economic liberalisation have generated, from a worker’s point of view, a loss in economic sovereignty betraying their expectations. In other words, political independence was seen also as a means for achieving greater control over local economic resources, and therefore ultimately better returns for workers, expectations on which popular support for reforms was justified.

Liberalisation and national independence have not only allowed foreign capital in but also pushed workers out; migration has become a response to unsatisfactory employment conditions: ‘Before the collapse it was just another world. I could travel as far as Vorkuta [far end of Siberia] for thirty roubles. Now you need 1000 lei just to get to Moscow... We had a famine in 1946 but from then onward everything went

smoothly. Now it' is chaos! Before we worked with our bare hands, now there is so much technology, but only empty chatters around it!' (...) 'At the time of the [Soviet Union] collapse the collective farm fell apart. We heard there was work in Odessa and went. In 1998 there were no customs at the border; we could easily go for a fortnight and back. Then friends said, let's go to Moscow, compared with Cainari there is more work' and 'in Odessa you get 2/300, there 800/1000 dollars' (Gregory, Cainari, 2010). Gregory, a collective farmer from a Moldovan village, clearly highlights how in Soviet times travelling was not simply cheaper; it was an opportunity rather than a necessity. The expectation of decent, stable jobs meant that he and his companions would not stay put. Countering the fragmentation of the FSU in ethnically homogeneous and mutually hostile political entities they have long ventured across the post-Soviet space in search of a better deal, in a way reclaiming their right to mobility.

National borders and nationalistic divides are now key instruments in controlling and subordinating labour and its movements. Memories of a once united country help challenging such controls and remind of a time when workers had higher status and better conditions attached to their mobility. Gregory's, the chief mechanic at Stalag 1, represents a well-articulated example of such accounts (Kishinev, 2006). He told us proudly of his career as a cadre worker, the member of a crew entrusted with testing new equipment all over the USSR. He was well settled in Tiraspol where enterprises competed for his services until the 1992 Transdnistrian uprising when he was demoted on accounts of his Moldovan nationality and fled fearing the worst. For the many more who had to leave the titular country of their nationality, racism and discrimination are a constant threat: 'There is hostility from Russians — we are competitors. Russians display different reactions: the elderly and youth show negative attitudes: "go away!". The middle aged behave differently, they grew up in the USSR: a different mentality' (Tolik, Cainari, 2010). Nationality counted in the SU and prejudices existed but the combination of mass migration, nationalist politics and competition for jobs in unregulated markets has turned xenophobia into open racism. Memories of the Soviet past help workers to build a barrier to it and recognise commonality of interests. It also serves to question the nationalist policies in their home countries: 'I follow the [Moldovan] news: there are those who want to join Europe but I would rather like it with Russia. It was like this before. Consider: how many [Moldovans] work in Moscow now?' (Valentin, Cainari, 2012).

Conclusions

Such early exploration of popular nostalgia already indicates that a form of class memory exists. Contrary to widespread beliefs this is reflexive in that: firstly, it chooses those bits of the past system that were favourable to workers; secondly, it differs from that of those occupying different social roles, and, thirdly, it serves to

furnish their claims to fairness. Nostalgia presented above can mimic official propaganda but at deeper scrutiny it does not idealise the past, recognising instead historical processes. It serves therefore as a method to assess worker's social standings in the present and evaluate constraints and opportunities for action. In a way therefore it is very much like the "good" nostalgia Boym argues for.

Workers' outlook therefore needs not to be an escapist look at the past or surrender to views from above. To this extent, it fits Thomson's and Scott's arguments about subordinated classes using elements of the past ideological order to challenge capitalist transformation. This is what Scott calls the clash of ideas elaborating on Gramsci. Like in Thompson's, such nostalgia does not breed passivity — as the old paternalist order wanted, and new elites crave for, but agency.

Workers not only can historicise their memories, they can also help to generate moments of truth about the present [Badiou, 2006]. 'Intelligent nostalgia' and the variety of nationalist nostalgias dominating the political field both escape objectification and take refuge in their patriotic or liberal constructions. Workers' memories in their rare moment of consistency become part of struggles for emancipation whether within the workplace or in the international labour market created by new migration systems.

References

- Badiou A.* L'Etica: Saggio Sulla Cscienza del Male. Napoli: Cronopio, 2006.
- Bourdieu P.* La Distinzione. Critica sociale del gusto. Bologna: Il Mulino, 2001.
- Burawoy M.* The Extended Case Study Method // *Sociological Theory*. 1998. No. 16 (1). P. 4–33.
- Clarke S.* The Development of Russian Capitalism. L.: Routledge, 2007.
- Crowley S., Ost D.* (eds). Workers after Workers' States: Labour and Politics in Post-communist Eastern Europe. N.Y.; Oxford: Rowman& Littlefield, 2001.
- Di Leo R.* L'esperimento Profano. Dal capitalismo al socialismo e viceversa. Roma: Ediesse, 2012.
- Kagarlitsky B.* Restoration in Russia: Why Capitalism Failed. L.; N.Y.: Verso, 1995.
- Lester J.* Modern Tsars and Princes: The Struggle for Hegemony in Russia. L.: Verso, 1995.
- Modrzejewski F., Sznajderman M.* Nostalgia. Saggi sul rimpianto del Comunismo. Milano: Bruno Mondadori, 2003.
- Morrison C.* A Russian Factory Enters the Market Economy. L.; N.Y.: Routledge, 2007.
- Morrison C., Croucher R.* Moldovan Employment Relations: Path Dependency? // *Employee Relations*. 2010. No. 32 (3). P. 227–247.
- Scott J.C.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 1985.
- Thompson D.* (ed.) The Essential E.P. Thompson. N.Y.: New Press, 2001.

А.М. Алмакаева*

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ДОВЕРИЕ ИНГРУППЕ И АУТГРУППЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Одним из ключевых элементов социального капитала является генерализованное доверие. Оно представляет собой доверие «обобщенному другому». Этот «другой» не входит в круг знакомых и не принадлежит к ингруппе индивида. Не случайно в большинстве случаев не делают различий между терминами «генерализованное» и «аутгрупповое».

На данный момент написано огромное количество работ, демонстрирующих связь такого доверия с целым рядом позитивных явлений. Однако прежде чем приступить к их описанию, необходимо сделать две важные ремарки. Во-первых, вопрос о причинно-следственной природе этих отношений до сих пор остается открытым. В некоторых случаях доверие может рассматриваться и как причина, и как следствие. Поскольку в данном исследовании используются не лонгитюдные, а межстрановые данные, оно не претендует на окончательное решение данной проблемы. Во-вторых, хотя генерализованное доверие как комплексный феномен можно изучать и на личностном, и на социальном, и на социетальном уровнях [Delhey, Newton, 2003], в настоящей работе предметом интереса будет лишь последний. Итак, рассмотрим основные концепции, представленные в современной литературе.

Ф. Фукуяма пишет, что преобладание доверия в обществе способствует росту крупных организаций, которые имеют решающее значение для развития экономики, и позволяют занять более выгодное положение на международном рынке [Фукуяма, 2004, с. 55–63]. Используя статистические данные и материалы опросов, Кнак, Зак и Кифер, а затем и их коллеги из Нидерландов подтвердили наличие связи между доверием и экономическим благополучием [Knack, Keefer, 1997; Zak, Knack, 2001; Beugelsdijk, Groot, Van Schaik, 2004].

* Автор выражает глубокую благодарность Э.Д. Понарину, К. Вельцелю, Р. Ингхарту, К. Сводеру, В.С. Магуну и всем коллегам по Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» за ценные замечания и рекомендации.

¹ Проект выполнен в Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ по гранту № 11.G34.31.0024 от 28 ноября 2010 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ № 220.

Японские ученые показали, что доверяющие общества не только богаче, но и обладают более высоким уровнем счастья [Tokuda, Fujii, Inoguchi, 2010], что согласуется с выводами, сделанными ранее Инглхартом и Вельцелем [2011].

Усланер и Рофштейн обращают внимание на недооцененную роль социального неравенства. По их мнению, государства с меньшим расслоением обладают более честным и менее коррумпированным правительством. Это способствует внедрению универсалистских социальных программ и, как следствие, росту обобщенного доверия [Rothstein, Uslaner, 2005]. Впоследствии Рофштейн совместно с канадской исследовательницей Штолле развил идею о влиянии институтов. Авторы отмечают, что оценить его можно с точки зрения двух подходов. Первый ориентирован на изучение уровня доверия законодательной, судебной и исполнительной власти, а также другим социальным институтам. Второй направлен не на субъективное восприятие, а на описание функционирования самих институтов. Согласно результатам Рофштейна и Штолле связь между политическим и генерализованным доверием неоднозначная. Так, доверие полиции, армии и институтам права оказывает положительное влияние, а вера в правительство, политические партии и парламент практически не имеет эффекта. Анализ, проведенный с точки зрения второго, объективного подхода, продемонстрировал более высокий уровень доверия в странах с хорошо работающими и справедливыми институтами [Rothstein, Stolle, 2008].

Огромное значение в дискуссиях о генерализованном доверии придает ся гражданским ассоциациям и гражданской активности. По мнению Фукуямы, доверие и спонтанная социализированность, т.е. способность создавать новые объединения за пределами кровно-родственных союзов, неразрывно связаны друг с другом [Фукуяма, 2004, с. 54]. Сходную точку зрения высказывают Патнем и его коллеги. Членство в некоммерческих организациях способствует развитию навыков кооперации и порождает чувство взаимной ответственности. Кроме того, такие объединения включают представителей различных социальных групп, постоянные интеракции с которыми способствуют расширению границ доверия [Putnam, Leonardi, Nanetti, 1994].

Особое место в соответствующей литературе занимает вопрос о соотношении доверия ингруппе и аутгруппе. До сих пор не существует единой точки зрения по поводу характера такой взаимосвязи. Согласно классификации Делхая и Вельцеля все подходы к этой проблеме можно разделить на две группы — теорию антагонизма и теорию ассоциаций [Delhey, Welzel, 2012]. Первая делает акцент на негативной связи между рассматриваемыми типами доверия. Классическими примерами можно считать исследования Фукуямы и Банфильда. Банфильд ввел в научный оборот термин «амораль-

ный фамилизм». Проведенное им более полувека назад исследование описывает жизнь деревни в Южной Италии. Социальная напряженность и недоверие крестьян по отношению друг к другу заставляет их ориентироваться исключительно на материальные интересы собственной семьи, а нежелание сотрудничать в пользу общественного блага способствует, в свою очередь, воспроизводству бедности [Banfield, 1967]. К подобному заключению, но уже на более обширном кросскультурном материале, пришел и Фукуяма. В фамилистических обществах, отмечает он, не существует другого основания для доверия, кроме родства, поэтому в них преобладает семейный бизнес. Неумение полагаться на людей, не принадлежащих к кругу родственников, становится препятствием для возникновения крупных корпораций современного типа и, как следствие, барьером для дальнейшего экономического роста [Фукуяма, 2004].

Теория ассоциаций, наоборот, свидетельствует в пользу положительной связи, однако природа этой связи может быть различной. С одной стороны, успешный опыт неформальных контактов с членами семьи, родственниками и друзьями может быть распространен и на представителей других групп. Такой точки зрения придерживается один из классиков теории доверия — Хардин [цит. по: Stolle, 2002]. Следовательно, доверие ингруппе является базисом для доверия аутгруппе. С другой стороны, положительная корреляция может обуславливаться наличием некой общей психологической черты, например, такой как доверчивость. Тогда интерпретировать эту связь не совсем корректно ввиду эндогенности переменных [Delhey, Welzel, 2012].

Таким образом, спектр явлений, влияющих на генерализованное доверие, достаточно широк. Однако в данной работе акцент будет сделан на пересмотренной Инглхартом и Вельцелем теории модернизации [Инглхарт, Вельцель, 2011; Welzel, Inglehart, 2010]. Авторы называют ее теорией расширения человеческих возможностей (*human empowerment*). Выбор этой концепции не случаен, так как она представляет собой подход, комплексно объясняющий действие большинства из рассмотренных факторов.

Согласно Инглхарту и Вельцелю модернизационный процесс состоит из трех измерений — экономического, культурного и институционального. Социально-экономическое развитие приносит чувство экзистенциальной безопасности, способствует повышению уровня образованности и расширяет доступ к информации посредством СМИ. Усиление профессиональной специализации делает социальные интеракции более разнообразными и освобождает индивидов от предписанных им традиционных ролей и связей, что приводит к изменениям в культуре. Люди становятся толерантными, начинают больше ценить независимость, равенство возможностей, критичнее относиться к власти и авторитетам. Актуализируются эмансипирующие

ценности (*emancipative values*)², которые побуждают индивидов активнее отстаивать свои права, участвовать в общественной и политической жизни государства. Немалую роль в этом процессе играют формальное членство в гражданских и политических организациях, а также прямые формы участия, выражающиеся в демонстрациях, бойкотах, подаче петиций и т.п. [Delhey, Welzel, 2012; Welzel, Inglehart, Deutsch, 2005]. Они важны и для формирования генерализованного доверия, поскольку подразумевают взаимодействия с совершенно незнакомыми людьми [Delhey, Welzel, 2012, с. 52]. Под влиянием описанных процессов политические институты из авторитарных постепенно превращаются в демократические [Инглхарт, Вельцель, 2011].

Настоящая работа ставит целью ответить на вопрос, в какой мере высокий уровень доверия ингруппам способствует или, наоборот, препятствует, модернизационным процессам. Отправным пунктом стали результаты Делхей и Вельцеля, обнаруживших позитивную корреляцию не только между ингрупповым и аутгрупповым доверием, но и между аутгрупповым доверием и модернизацией [Delhey, Welzel, 2012]. Однако их подход к измерению ингруппового и аутгруппового доверия нельзя охарактеризовать как однозначный.

Пятая волна Всемирного исследования ценностей содержит вопросы о доверии семье, соседям, людям, которых индивид знает лично или с которыми встречается впервые, представителям другой национальности или другой религии. Для измерения доверия ингруппе Делхей и Вельцель использовали суммарный индекс, куда включили семью, соседей, знакомых. В аутгруппу они объединили незнакомых, представителей других национальностей и религии [Ibid.]. Такой способ кажется очень удобным, но вызывает и некоторые сомнения.

Традиционная ингруппа характеризуется интенсивными социальными взаимодействиями. В строгом смысле, лишь семья является их референтом. Доверие людям, которых индивид знает лично, нельзя в полной мере считать индикатором ингрупповых связей. Круг знакомых может быть достаточно широк, а контакты с ними — носить эпизодический и поверхностный характер. Тем не менее данную категорию имеет смысл рассматривать как промежуточное звено. Если в стране не принято полагаться на знакомых, не будут развиваться и нормы генерализованного доверия. Тогда целесообразно изучать эти показатели, не агрегируя их в один индекс. А вот соседей следует исключить из анализа, поскольку они одновременно принадлежат и к знакомым, и к незнакомым. Действительно, коэффициенты корреляции между этими переменными примерно равны³.

² В более раннем варианте Инглхарт и Вельцель использовали термин «ценности самовыражения».

³ Коэффициент корреляции Пирсона между средним по стране доверием знакомым и доверием соседям равен 0,611 (значим на уровне 0,000). Коэффициент корреляции

Аутгруппа актуализируется в ситуации напряженности или конфликта, индикаторами которого могут быть доверие представителям другой национальности или религии. Доверие людям, которых индивид встречает впервые, содержательно не вписывается в эту концепцию. Кроме того, гражданство и вероисповедание — не единственные критерии возникновения аутгрупп. Следовательно, понятие «незнакомые» объемнее.

Подтверждением этой гипотезы служат результаты проведенного анализа. В большинстве стран, участвовавших в пятом раунде Всемирного исследования ценностей, доверие незнакомым ниже, чем доверие людям другой национальности и религии. Разрыв между этими показателями в большинстве регионов варьируется в диапазоне от 10 до 50%, а вот расхождение между доверием представителям других государств и конфессий в среднем составляет всего 5,4%. Таким образом, правомерно суммировать указанные показатели в индекс доверия людям другого происхождения.

Далее, если рассмотреть комбинации между этим индексом и доверием незнакомым, то окажется, что людей, доверяющих незнакомым, но не доверяющих людям иного происхождения, всего 6,2%. Доля же толерантных, т.е. тех, кто доверяет людям другого происхождения, значительно больше и достигает 18,2%. Этот тренд прослеживается практически во всех странах. Следовательно, доверие незнакомым практически невозможно, если отсутствует национальная и религиозная толерантность, но наличие толерантности еще не гарантирует доверия незнакомым. Поэтому можно сделать вывод, что указанные феномены имеют разную природу и обуславливаются разными причинами. Эти типы доверия целесообразно рассмотреть отдельно.

Итак, основными зависимыми переменными в данной работе являются доверие незнакомым и доверие людям другого происхождения, а основными независимыми переменными — доверие семье, доверие знакомым и модернизация. Для измерения модернизации использована схема, разработанная Вельцелем и Делхаем [Delhey, Welzel, 2012]. Она отражена на рис. 1.

Для измерения эмансипирующих ценностей использовались схема, разработанная Инглхартом и Вельцелем [Welzel, Inglehart, 2010]. Данные для их расчета получены из массива пятой волны Всемирного исследования ценностей (2005–2008) [World, 2009], страновая статистика — из массива «Эффективность управления» (*Quality of Government Dataset*) [Teorell et al., 2011]. ВВП на душу населения скорректирован по покупательской способности. Институциональный компонент отражает один из шести индикаторов эффективного управления, разработанных Всемирным банком, — «свобода слова и

ляции Пирсона между средним по стране доверием незнакомым и доверием соседям равен 0,696 (значим на уровне 0,000).

выбора» (*voice and accountability*). Этот показатель соответствует «объективному» подходу к оценке институциональной деятельности и базируются в основном на мнениях представителей неправительственных организаций, бизнеса и частного сектора [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2010].

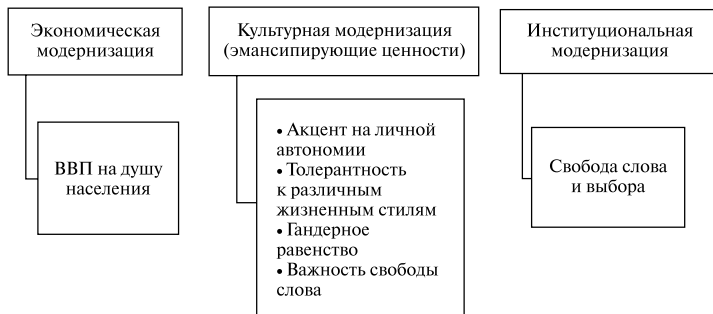

Рис. 1. Операционная схема измерения модернизации

Распределение типов доверия в зависимости от уровня модернизации представлено на рис. 2.

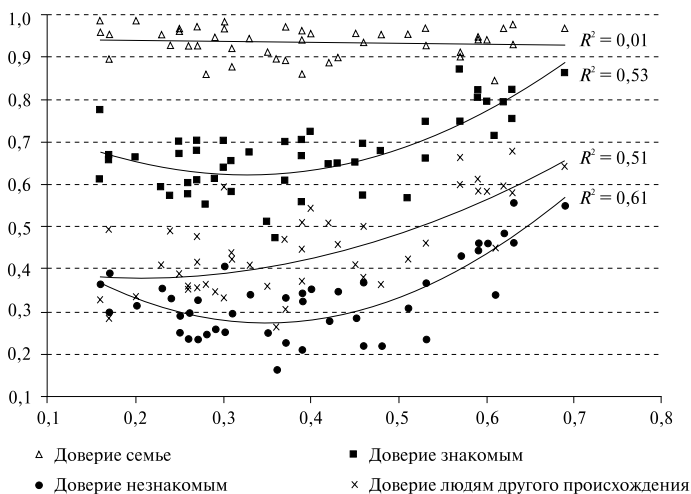

Рис. 2. Модернизация и типы доверия⁴

⁴ Ввиду того, что некоторые статистические показатели были недоступны для ряда стран, их число сократилось до 48. Из анализа были исключены Андорра, Западная и Восточная Германия, Тайвань.

Доверие семье практически не обнаруживает динамики. Оно характеризуется одинаково высоким уровнем вне зависимости от того, на каком этапе модернизации находится государство. Противоречат ли эти данные теории, предполагающей ослабление традиционных ингрупповых связей? Скорее всего, нет. Во-первых, вопрос о доверии членам семьи можно отнести к классу сензитивных. Высказать сомнение в их добропорядочности — социально неодобряемый ответ. Во-вторых, всегда существует расхождение между декларируемыми установками и реальным поведением. Например, Ю. Латов пришел к выводу, что если учитывать показатели взаимной помощи, то Россия окажется более «продвинутым» обществом, так как друзья и знакомые, а не семья и родственники, выйдут на первый план [Латов, 2011]. Следовательно, для более глубоко изучения нужны индикаторы, отражающие поведенческие аспекты.

Доверие знакомым, доверие незнакомым, а также представителям других национальностей и религии, наоборот, подвержены влиянию модернизационных процессов. Однако это — зависимости различного характера. Доверие знакомым и доверие незнакомым связаны с модернизацией нелинейно. В обществах на первой стадии эти типы доверия относительно стабильны, вторая стадия характеризуется их одновременным ростом. Связь же между модернизацией и доверием представителям другого происхождения больше похожа на линейную. Вероятно, толерантность более легко формируется под воздействием модернизации, чем доверие незнакомым.

Далее рассмотрим, сохраняют ли свою значимость модернизация и доверие, если одновременно включить эти показатели в регрессионные модели.

Приводимая ниже таблица подтверждает, что доверие семье совершенно не влияет на доверие незнакомым и людям иного происхождения. Следовательно, положительная связь, обнаруженная Делхаем и Вельцелем, на страновом уровне обусловлена по большей части доверием знакомым, в круг которых входят не только представители ингрупп. В то же время доверие знакомым действительно является промежуточным звеном между доверием ингруппе и обобщенным доверием.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, как таковые нормы доверия ингруппе не предстают барьером для создания культуры обобщенного доверия. Базовым, но, по всей видимости, не единственным условием для ее формирования является рост доверия кругу знакомых. Во-вторых, доверие знакомым начинает увеличиваться лишь после того, как модернизация достигнет некоего предела. Вероятно, этот феномен частично обусловлен радиусом «знакомых». Его расширение положительно сказывается на распространении норм толерантности и обобщенного доверия. Разумеется, это не единственная причина. Сюда же можно отнести и мас-

совое формирование ценностей эмансипации, и повышение эффективности функционирования институтов. Однако однозначного ответа на вопрос, что же является «стартовым механизмом», запускающим рост доверия знакомым, пока нет. Поэтому следующим логическим шагом является смещение исследовательского фокуса и изучение макрофакторов, способствующих расширению круга знакомых и росту доверия к ним.

Страновые регрессионные модели между различными типами доверия и модернизацией

	Доверие знакомым	Доверие незнако- мым	Доверие людям другого происхож- дения
Константа	Не значимо	Не значимо	Не значимо
Доверие семье	0,341***	Не значимо	Не значимо
Доверие знакомым	—	0,536***	0,608***
Модернизация	-1,560***	-1,791***	0,317**
Модернизация ²	2,718***	2,043***	—
Число стран	48	48	48
Adj. R ²	0,614	0,739	0,631

*** Коэффициент значим на уровне 0,001.

**Коэффициент значим на уровне 0,05.

В таблице приведены стандартизированные коэффициенты.

Литература

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Латов Ю. Декларируемое и фактическое межличностное доверие в современной России // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/08/08/1268229375/conf3.pdf>

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004.

Banfield E.C. The Moral Basis of a Backward Society. Illinois: The Free Press, 1958.

Beugelsdijk S., De Groot H.L.F., Van Schaik A.B.T.M. Trust and Economic Growth: A Robustness Analysis // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. No. 1.

Delhey J., Welzel C. Generalizing Trust: What Extends Trust from Ingroups to Outgroups? // World Values Research. 2012. No. 5.

Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues // World Bank Policy Research Working Paper. 2010. No. 5430.

Knack S., Keefer P. Does Social Capital have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // The Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112. No. 4.

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press, 1994.

Rothstein B., Stolle D. The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust // Comparative Politics. 2008. Vol. 40. No. 4.

Rothstein B., Uslaner E.M. All for All: Equality, Corruption and Social Trust // World Politics. 2005. Vol. 58. No. 1.

Stolle D. Trusting Strangers — The Concept of Generalized Trust in Perspective // Ozp-Institut Fur Staats und Politikwissenschaft. 2002. Vol. 31. No. 4.

Teorell J., Samanni M., Holmberg S., Rothstein B. The Quality of Government Dataset, version 6Apr11. University of Gothenburg: The Quality of Government Institute. URL.: <http://www.qog.pol.gu.se>.

Tokuda Y., Fujii S., Inoguchi T. Individual and Country-Level Effects of Social Trust on Happiness: The Asia Barometer Survey // Journal of Applied Social Psychology. 2010. Vol. 40. No. 10.

Welzel C., Inglehart R., Deutsch F. Social Capital, Voluntary Associations and Collective Action: Which Aspects of Social Capital Have the Greatest ‘Civic’ Payoff? // Journal of Civil Society. 2005. Vol. 1. No. 2.

Welzel C., Inglehart R. Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model // Social Indicators Research. 2010. Vol. 97. No. 1.

World Values Survey 2005 Official Data File v.20090901, 2009. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: ASEP/JDS, Madrid.

А.Е. Дубова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ СТРАНАХ: УКОРЕНЕННОСТЬ В ПОЛИЦЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Постановка проблемы

На сегодняшний день современная российская полиция вместо того, чтобы являться, в терминах Т. Парсонса, частью «системы поддержания образцов» и обеспечивать общественное благо «Закон и Порядок» [Münch, 2006], часто, напротив, своей деятельностью ведет к дестабилизации общества. Совокупность проведенных исследований дает основания считать неформальную экономическую деятельность полиции в сегодняшней России не отдельными практиками изолированных индивидов, а стабильной и воспроизводящейся системной деятельностью [Dubova, Kosals, 2012].

Проблема неформальной экономической деятельности сотрудников полиции в трансформирующихся странах может быть проанализирована прежде всего как проявление коррупции. По оценкам на 2001 г., именно на коррупцию приходилось около 80% неформального дохода полицейских [Коленникова, 2002]. Эта проблема является предметом интереса исследователей из разных дисциплинарных областей: представителей неоклассической экономической теории (см., например: [Becker, 1968; Becker, Stigler, 1974]), неоинституционального экономического направления (см., напри-

¹ В данной работе использованы результаты проекта «Неформальная экономическая деятельность полиции: сравнительный анализ трансформирующихся и развивающихся стран», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

мер: [Rose-Ackerman, 1975; Shleifer, Vishny, 1993]), социологии и антропологии [Alatas, 1986; Marcus, Fisher, 1986; Ruud, 2000; Lomnitz, 1971], новой экономической социологии [Granovetter, 2007]. Применительно к полиции вопрос о коррупции как проявлении девиантного поведения разрабатывался криминологами в первую очередь на примере развитых стран (см., например: [Newburn, 1999; Gottschalk, 2012; Punch, 2003]. Однако эти подходы в недостаточной мере объясняют причины распространенности и стабильности неформальной экономической деятельности полицейских в трансформирующихся странах. А немногочисленные исследования, посвященные объекту нашего исследования, прежде всего описывают социально-экономические факторы трансформации на макроуровне (см., например: [Волков, Панеях, Титаев, 2010; Гудков, Дубин, 2006; Коленикова и др., 2002; Beck, Lee, 2002; Gerber, Mendelson, 2008]) и в недостаточной мере объясняют социальный механизм, стоящий за данным феноменом.

Отправная точка нашего исследования — новый институционализм в социологии, в частности, модель мультиуровневого анализа изменений экономических институтов и поведения, предложенного В. Ни. Экономическое действие формируется сочетанием формальных и неформальных институциональных элементов, сформированных институциональной средой [Nee, 2005]. В условиях невнимания власти к формальным нормам и санкциям в период трансформации и сложившейся идеологической неопределенности на организационном уровне [Коленикова, 2006] на первый план вышли неформальные нормы и ценности, сложившиеся под воздействием рыночной системы стимулов на индивидуальном уровне. Сотрудники полиции начали активно совмещать предоставление общественного блага и получение личной экономической выгоды: к началу 2000-х доля вовлеченных в рыночную деятельность составила не менее 50% [Коленикова и др., 2002].

Мы предполагаем, что начавшаяся в 1990-х годах коммерциализация полиции к настоящему времени укоренена в ее неформальном институциональном элементе, образующем полицейскую культуру (нормы, убеждения и ценности, определяющие и направляющие поведение сотрудников полиции в их работе и взаимодействии внутри коллектива [Paoline et al., 2000]).

Настоящая работа посвящена именно проверке гипотезы о том, что неформальная экономическая активность сотрудников полиции сегодня является не случайным отклоняющимся поведением полицейских, а следствием ее укорененности в полицейской культуре, представленной групповыми нормами и индивидуальными ценностями. Сравнительный контекст с другими трансформирующимися странами (Болгарией и Казахстаном) позволит понять общие и специфические причины перерождения полиции в России.

Эмпирическая база исследования

Данная работа опирается на качественные и количественные эмпирические данные, собранные в России, Болгарии и Казахстане в 2010–2013 гг. Качественные данные представлены 20 полуформализованными экспертными интервью с действующими и бывшими сотрудниками правоохранительных органов. Количественный опрос был проведен в 2011 г. Выборка построена квотным методом по следующим признакам: подразделение полиции, стаж работы в полиции, состав. Всего было опрошено по 450 респондентов в каждой из трех стран.

Методология анализа данных

Полицейская культура выявлялась через две группы вопросов: первая касалась индивидуальных ценностей респондента, вторая выявляла экспертную оценку респондента групповых норм в его подразделении.

Для построения типологии сотрудников полиции по ценностям были использованы следующие вопросы.

- *Почему люди в большинстве своем идут работать в полицию?*
- *Если говорить о Вашем отношении к работе вообще, то какие ее стороны Вы считаете наиболее важными?*
- *Если Вы узнаете, что один из Ваших коллег сообщил в службу внутренней безопасности о коррупции в Вашем подразделении, как Вы к этому отнесетесь?*

Для построения типологии подразделений полиции по групповым нормам были использованы следующие вопросы.

- *Насколько приемлемы в коллективе подработка охранником вне рабочего времени, предпринимательская деятельность, продажа базы номеров автомобилей, освобождение домушника за деньги, получение взятки, «борьба» против подработок полицейских?*
- *За что в Вашем подразделении наказывают или увольняют сотрудников чаще всего?*
- *Каких сотрудников в Вашем подразделении чаще всего повышают в звании, переводят на более высокие должности, дают премии?*

Типологии сотрудников полиции по ценностям и групповым нормам подразделений были построены с использованием факторного и иерархического кластерного анализов и интерпретировались с использованием качественных данных. Типология полицейской культуры построена как сочетание ценностных типов сотрудников и групповых норм подразделений.

Неформальная экономическая деятельность измерялась через экспертные вопросы о масштабах ее распространения на территории города/страны.

Измерение включенности индивида в неформальную экономическую деятельность — нетривиальная задача. Как правило, измерения коррупции осуществляются на агрегированном уровне, и попытки определить индивидуальную вовлеченность встречаются редко. Обзор научных исследований и нормативных документов, релевантных нашему вопросу об идентификации вовлеченности в неформальную экономическую деятельность отдельных респондентов в оригинальных данных, позволяет выделить следующие методологические подходы:

1) теория социального научения девиантному поведению [Akers, 1977]: представление (*imitation*) о девиантном поведении других определяет склонность к такому поведению. Данный показатель может быть рассмотрен как характеристика институциональной среды (макроуровень);

2) логика ст. 20 Конвенции ООН против коррупции «Незаконное обогащение» [Конвенция, 2003]. Указанная статья исходит из принципа презумпции виновности, рассматривая в качестве коррупционеров всех публичных должностных лиц, у которых фактическое материальное положение превышает возможности их заработной платы. Данный показатель может быть рассмотрен как характеристика индивидуального уровня (микроуровень).

В рамках нашего исследования мы оперируем к индексу потенциальной индивидуальной включенности, построенному на основе вышеуказанных подходов и рассчитанному по следующей формуле:

$$Potential_involvement = Micro_potential \cdot Macro_potential / Coef.,$$

где *Potential_involvement* — индекс потенциальной индивидуальной включенности сотрудника в неформальную экономическую деятельность, изменяется от 1 до 100;

Micro_potential — индикатор несоответствия между заработной платой и демонстрируемым уровнем материального положения отдельного сотрудника. Измеряется через несоответствие между вопросами «Какова Ваша заработная плата в полиции: сколько примерно денег Вы получали на руки в среднем в месяц за 2011 год?» и «Что из перечисленного ниже точнее всего соответствует материальному положению Вашей семьи: 1) денег не хватает даже на питание; 2) материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом». Оба вопроса были перекодированы в порядковую шкалу с тремя измерениями, изменяется от 1 (минимальное несоответствие) до 5 (максимальное несоответствие);

Macro_potential — индикатор представления о распространенности неформальной экономической деятельности на территории страны, измеряет-

ся через вопрос «Как Вы думаете, какая (примерно) доля сотрудников полиции дополнительно подрабатывает?», изменяется от 0 до 100;

$Coef. = 4$, приводит итоговый индикатор к шкале от 1 до 100.

Мы понимаем ограниченность предлагаемого индекса, поэтому интерпретация полученных с его использованием результатов может быть только в качественных категориях — в терминах «больше», «меньше».

Результаты исследования

Сотрудники полиции трансформирующихся стран не ограничиваются разрешенными законом (см. Закон РФ о полиции, 2011; Закон Казахстана о правоохранительной службе, 2011; Закон Болгарии о Министерстве внутренних дел, 2006) видами дополнительных работ и вовлекаются в разнообразные виды неформальной экономической деятельности. В целом выявленные нами практики могут быть разделены на конвенциональные и неконвенциональные.

В первом случае речь идет о законных видах заработка для всего населения страны тогда, когда запрет является специфичным для определенной профессиональной группы (в том числе полицейских). С конвенциональной неформальной экономической деятельностью сталкиваются около 40% респондентов. При этом в России такие заработки распространены заметно больше (54%). Среди основных видов конвенциональных подработок: консультирование в сферах своей деятельности и предпринимательство в различных областях (сталкиваются с ними около 80 и 60% респондентов соответственно).

Во втором случае речь идет о незаконной для всех граждан страны экономической деятельности. Такие виды заработка встречаются немного реже: в среднем с такой деятельностью сталкиваются около 30% респондентов. Однако подобная оценка может быть обусловлена более тщательным ее сокрытием в силу больших рисков. В России оценки и в этом случае выше (40%). Среди наиболее значительных по получаемому доходу и затрачиваемым ресурсам российские полицейские называют платные охранные услуги и манипулирование уголовными делами за плату (около 40–50%), а по частоте возникновения — возмездное оформление документов (около 50%) и неформальная плата вместо штрафа (около 60%).

В целом неформальная экономическая деятельность — сложное многогранное явление, а ее виды плотно переплетены и практически не делимы, поскольку полицейские используют свои специфические административные ресурсы практически везде. При этом в России полицейские оказываются

более экономически активными, чем в Казахстане и Болгарии, что отражается на полицейской культуре.

В трансформирующихся странах можно вести речь о существовании четырех «чистых» типов полицейской культуры как сочетания типов ценностей и групповых норм. Эта типология может быть помещена на континуум соответствия формальному институциональному элементу, где тип 1 — наиболее соответствует.

Тип 1. «Полицейские по призванию» в подразделениях, где действуют нормы «Будь профессионалом, будь полезен!».

Данный тип полицейской культуры основан на таких трудовых ценностях, как социальная репутация (желание приносить пользу обществу — 81%) и профессиональное развитие (применять имеющиеся знания и навыки — 63% и приобретать новые — 47%, проявлять инициативу — 27%). Работа в полиции — семейная традиция (58%) и призвание (60–80%). Напротив, низка значимость таких трудовых мотивов, как социальные гарантии (около 10%), и полностью отсутствует стремление к минимизации усилий.

Неформальные отношения здесь не влияют на построение карьеры (менее 10%). Высокое значение имеют формальные нормы: высоко одобряются профессиональные достижения (80%) и соответствие формальным показателям (хорошая отчетность — 43%, время работы — 35% и квалификация — 20%). Но в то же время низкая эффективность не ведет к увольнению; крайние санкции применяются только за отношения с криминалом (50%) или получение взятки (40%).

Отношение к неформальной экономической деятельности наиболее негативное как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Среди сотрудников преобладает одобрение доносов о коррупции (72%), около 70% их рассматривают конвенциональные заработки как неприемлемые, а 90% — неконвенциональные.

Тип 2. «Ответственные сотрудники» в подразделениях, где действуют нормы «Выполняй обязанности, не бери взяток, работай на стороне!».

Полицейская культура данного типа основана прежде всего на ценностях ответственности (72%) и стабильности (72%). Здесь важны и другие составляющие ценностей безопасности (надежная работа — 54%, хорошие отношения с коллегами — 46%), самоутверждения (хороший руководитель — 32%, возможность чего-то достичь — 33%) и социальных гарантий (28%). Эти приоритетные ценности для всех российских полицейских здесь выражены наиболее ярко. Специфичной чертой также является важность репутации профессии в обществе (около 35%, что почти в 2 раза выше среднего показателя).

При данном типе культуры высока роль неформальных отношений для продвижения по службе (около 45%), но они работают только в сочетании с

хорошими формальными показателями (48%). Высока также роль руководителя (51%), который, видимо, продвигается по карьерной лестнице со своей командой.

«Кодекс чести» жестко разграничивает конвенциональные и неконвенциональные заработки: первые в наибольшей степени одобряемые (более 50%), вторые — напротив, под строгим запретом (100%).

«Ответственные полицейские» преимущественно одобряют доносы о коррупции (88%), что вполне объясняется их стремлением сделать карьеру и честолюбием. Однако на групповом уровне не отмечается устойчивой групповой солидарности: отношение к доносам о коррупции в большей мере равнодушное (60%).

Тип 3. «Приверженцы стабильности», где действуют нормы «Работай качественно и можешь зарабатывать, как угодно!».

Ценностные ориентации в таком типе полицейской культуры менее выражены, чем в предыдущих. Работа в полиции преимущественно не является семейной традицией (только для 20%). Характерные отличия — наивысшая важность социальных гарантий (около 30%), финансового аспекта (хороший заработок важен для 21%, а возможность дополнительного заработка ценят 10%, что практически вдвое выше среднего показателя) и нежелание брать на себя ответственность (27%). По-прежнему остаются значимыми профессиональное развитие (30–40%), интерес к работе и желание приносить пользу обществу (42%), хотя они и менее выражены.

Здесь ценится профессионализм (квалификация — 27%, качество работы — за низкое качество работы увольняют в 67% случаев, дисциплина — 34%, формальные показатели — 43%), а главным отличием является наименьший уровень неприемлемости неконвенциональных заработков (около 60–70%). Доносы о коррупции одобряются в большинстве случаев (88%), что указывает на необходимость получения «разрешения» на заработок. Участие в неформальной экономической деятельности должно сочетаться с качественной работой.

Тип 4. «Люди системы МВД», где действуют нормы «Ищи связи, не нарушай грубо закон, остальное не важно!».

Образующей чертой данного типа является преимущественное наличие профильного образования (64%). Высшие учебные заведения МВД пропагандируют отличные от гражданских вузов ценности, а следовательно, формируют специфический тип личности. В итоге здесь отсутствуют ярко выраженные ценности и групповые нормы: практически все переменные ниже среднего уровня или около него.

Отличает данный тип высокая значимость неформальных отношений (около 45%) — единственное средство для продвижения по службе. Ни формальные показатели, ни профессиональные достижения здесь не имеют зна-

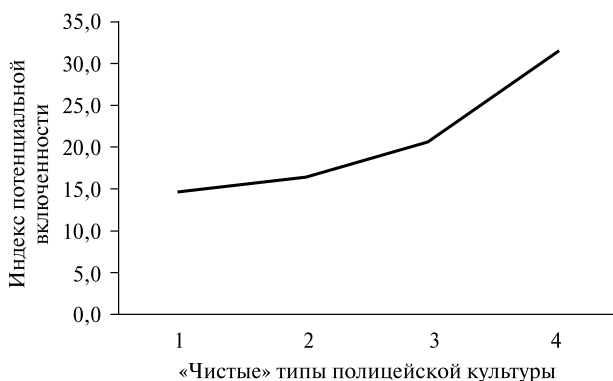
чения (не более 20%). Если нет связей, можно «не напрягаться», только явно не нарушать дисциплину (62%) и не связываться с криминалом (около 40%).

На ценностном уровне этот тип отличает наименьшая заинтересованность в профессиональном развитии (не более 20%), социальных гарантиях (около 10%) и содержании работы (32%).

Групповая солидарность здесь сильна: сотрудники не принимают доносов (87%). Таким образом, неформальные нормы ставятся выше закона, а неформальная экономическая деятельность является легитимной выше среднего уровня (около 20%).

Дискуссия: укорененность неформальной экономической деятельности в полицейской культуре

На основе полученной типологии было проведено сравнение средних значений индекса потенциальной индивидуальной включенности в неформальную экономическую деятельность. Полученные результаты показывают, что индекс существенно различается между «чистыми» типами полицейской культуры. При этом разница между крайними точками составляет примерно 2 раза, и наблюдается линейная связь (рис. 1). Таким образом, мы можем видеть, что с ростом противоречия между формальными и неформальными институциональными элементами повышается вероятность включения сотрудников в неформальную экономическую деятельность.

$p < 0,0001$; $F = 17,208$

Рис. 1. Потенциальная индивидуальная включенность в неформальную экономическую активность в «чистых» типах полицейской культуры

Очевидно, что реальная ситуация отличается от построенной нами модели. Подразделения полиции не являются однородными по типу работающих в них сотрудников. Более того, на имеющихся у нас данных мы практически не можем говорить о доминировании в определенных групповых нормах отдельных ценностных типов (табл. 1). Так, «чистая» типология охватывает всего около 25% нашей выборки. По факту же можно говорить о 16 типах полицейской культуры. Однако мы полагаем, что оставшиеся типы являются производными от четырех «чистых» типов: именно сочетание определенных индивидуальных ценностей и групповых норм определяет включение сотрудника в неформальную экономическую деятельность.

Таблица 1. Распределение типов ценностей по групповым нормам, %

Типология групповых норм		Типология ценностей			
		Полицейские по призванию	Ответственный полицейский	Приверженцы стабильности	Люди системы МВД
Тип 1	Будь профессионалом, будь полезен	20,2	23,5	44,0	12,4
Тип 2	Выполняй обязанности, не бери взяток, работай на стороне	17,4	25,2	38,4	19,0
Тип 3	Работай качественно и можешь зарабатывать	17,6	19,5	28,7	34,2
Тип 4	Ищи связи и не нарушай закон	10,5	17,5	42,6	29,3

В современной России прослеживается тенденция к перевесу в сторону подразделений и сотрудников, ориентирующихся прежде всего на неформальный институциональный элемент, противоречащий формальному. Аналогичную (хотя и с некоторыми отличиями) картину мы наблюдаем и в других трансформирующихся странах (рис. 2). Таким образом, неформальная экономическая деятельность современных полицейских в этих странах регулируется и поддерживается прежде всего полицейской культурой, ориентированной на удовлетворение личных нужд и бездействие. Формальные нормы, напротив, являются недееспособными, а формальная функция не выполняется. За время трансформации институциональной среды видоизменилась и полицейская организация: перераспределяя право на насилие

в интересах собственной выгоды, полиция перестает быть гарантом равной безопасности на рынке и тем самым создает препятствия для эффективного развития экономики.

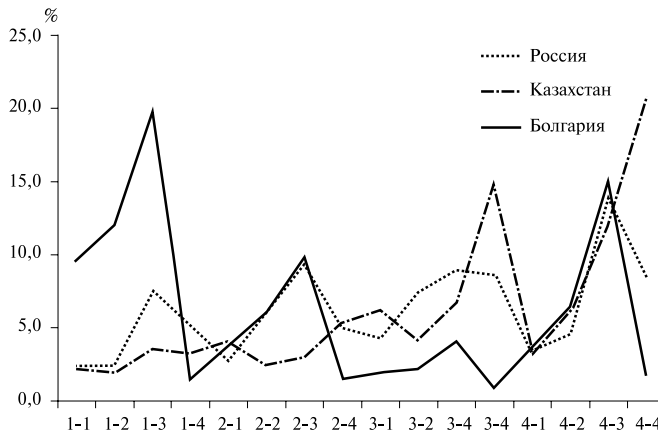

Рис. 2. Распределение типов полицейской культуры по странам

Примечание. Первая цифра — тип групповых норм; вторая — тип ценностей.

Литература

Волков В., Панях Э., Тумаев К. Произвольная активность правоохранительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью. СПб.: Ин-т проблем правоприменения; Европейский ун-т, 2010.

Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссия. 2006. № 81 (1).

Коленникова О., Косалс Л., Рыбкина Р., Симагин Ю. Экономическая активность работников правоохранительных органов постсоветской России: виды, масштаб и влияние на общество. М.: Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2002.

Коленникова О. Трансформация правоохранительных органов в России: социально-политические последствия // Социологические исследования. 2006. № 2.

Конвенция ООН против коррупции (2003). http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml

Alatas S.H. The Problem of Corruption. Singapore: Times Books, 1986.

Beck A., Lee R. Attitudes to Corruption amongst Russian Police Officers and Trainees // Crime, Law and Social Change. 2002. No. 38.

Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. No. 76.

Becker G., Stigler G. Law Enforcement, Malfeasance, and Compensation of Enforcers // Journal of Legal Studies. 1974. No. 3.

Dubova A., Kosals L. Commercialization of Police and Shadow Economy: The Russian Case // The European Electronic Newsletter "Economic Sociology". 2012. No. 13 (2).

Gerber T., Mendelson S. Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? // Law & Society Review. 2008. No. 42 (1).

Granovetter M. The Social Construction of Corruption // Nee V., Swedberg R. (eds). On Capitalism. Stanford: Stanford University Press, 2007.

Gottschalk P. White-Collar Crime and Police Crime: Rotten Apples or Rotten Barrels? // Critical Criminology. 2012. No. 20 (2).

Lomnitz L. Reciprocity of Favors in the Urban Middle Class of Chile // Dalton G. (ed.). Studies in Economic Anthropology. American Anthropological Association, 1971.

Marcus G., Fischer M. Anthropology As Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. L.: University of Chicago Press, 1986.

Münch R. Systems Approach to Economic Sociology // Beckert J., Zafirovski M. (eds). International Encyclopedia of Economic Sociology. N.Y.: Routledge, 2006.

Nee V. The New Institutionalism in Economics and Sociology // Smelser N., Swedberg R. (eds). The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Newburn T. Understanding and Preventing Police Corruption: Lessons from the Literature // Police Research Series. 1999. No. 110.

Paoline E.A., Myers S.M., Worden R.E. Police Culture, Individualism and Community Policing: Evidence from Two Police Departments // Justice Quarterly. 2000. No. 17 (3). P. 575–605.

Punch M. Rotten Orchards: "Pestilence", Police Misconduct and System Failure // Policing and Society. 2003. No. 13 (2).

Rose-Ackerman S. The Economics of Corruption // Journal of Public Economics. 1975. No. 4 (2).

Ruud A. Corruption As Everyday Practice: The Public-Private Divide in Local Indian Society // Forum for Development Studies. 2000. No. 2.

Shleifer A., Vishny R. Corruption // Quarterly Journal of Economics. 1993. No. 108.

И.И. Иванова

Общероссийский
общественный фонд
«Общественное мнение»

АНАЛИЗ ЯЗЫКА САМООПИСАНИЯ УЧАСТНИКОВ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Весной-летом 2012 г. фонд «Общественное мнение» (ФОМ) совместно с командой исследователей (К), работавших на добровольческих началах, провел исследование «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации»¹. Исследование включало массовый опрос жителей в возрасте от 18 до 60 лет городов-миллионников (Волгоград, Екатеринбург, Казань, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург); фокус-группы и углубленные интервью с активистами и руководителями добровольческих организаций, ассоциаций; вторичный анализ материалов других проектов ФОМ. На основе транскриптов десяти дискуссионных фокус-групп с активистами и руководителями добровольческих ассоциаций был проведен анализ языка самоописания участников добровольческого движения, а именно: рассмотрены смыслы, которые вкладывали различные информанты в четыре концепта — «добровольцы», «общественники», «активисты», «волонтеры».

Смыслы концепта «активист»

Интерпретируя концепт «активист», информанты (И) чаще всего употребляют в речи сему «проявление активности». Концепты «нерегулярность деятельности» и «внешние причины деятельности» в речи одного из информантов связаны между собой и образуют вместе смысловой блок.

К — Людей, которые занимаются безвозмездной социально-значимой работой, называют добровольцами, волонтерами, активистами или общественниками. Вот, на Ваш взгляд, есть ли между ними различия или это одно и то же?

И — Не совсем.

К — Не совсем?

¹ При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 2 марта 2011 г. № 127—рп.

И — Нет. Даже судя по переводу, нет. Вот активисты — это люди, которые проявляют свою активную позицию. Они могут быть более или менее активными в определенные фазы своей жизни и в силу каких-то обстоятельств. А волонтер — это человек, безвозмездно занимающийся и помогающий кому-то или делающий сам какую-то определенную работу совершенно безвозмездно. Он считает это своей жизненной целью, своим кредо (Волгоград, ж., 54, высшее, пенсионерка).

В речи другого информанта концепт «активист» насыщается смыслом, выраженным через противопоставление: активность против пассивности, несмотря на наличие большого числа нерешенных проблем в обществе, безразличие к обществу, к людям, качеству и условиям жизни.

Смысл «активная жизненная позиция» некоторые информанты вкладывают в концепт «гражданин», а некоторые определяют «активиста» как «гражданина с активной жизненной позицией».

К — По Вашему мнению, есть ли какая-то разница между этими понятиями?

И — Понятия близкие, но мне нравится больше понятие «активист», т.е. гражданин с активной жизненной позицией. Поэтому «активист» как-то ближе (Казань, ж., 29, высшее, психолог).

Появляются дополнительные смыслы — «наличие четкой позиции», «наличие достоинства и умение отстаивать свои права».

Как бы ни называли, но каждый гражданин — это личность. И если его личностные качества, достоинства как личности, задеты как и свобода права, свобода голоса, выбора. А выборы у нас разные, в разных сферах жизненных есть. И если он личность, он будет безусловно отстаивать свое право как личность, какой бы стороны это ни касалось (Казань, ж., 45, высшее, координатор проектов).

Последние из приведенных смыслов заслуживают отдельного внимания, поскольку могут выступать в качестве мотивов, стимулов к проявлению публичной активности. По результатам массовых опросов ФОМ², еще одной предпосылкой проявления гражданских действий, в том числе участия в добровольческих акциях, является накопление ресурсов (образование — чаще высшее, доход — чаще средний и выше, окружающая среда — чаще городская), достижение уровня жизни, при котором «выживание» уже не является первостепенной задачей.

² Петренко Е.С. Индексы «гражданского поведения» в социальных зонах с разным «гражданским климатом». URL: <http://www.hse.ru/data/2012/04/05/1251271107/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (дата обращения: 20.08.2012).

Еще смыслы концепта «активист»: борец, лидер. «Лидер» встречается и в связи с положительным аспектом умения проявить себя — с целью повести за собой пассивных людей. Еще один концепт, раскрывающий концепт «активист», — роль организатора.

Особый интерес представляют противопоставления между смыслами заданных четырех концептов. Смысловой блок из концептов «нерегулярность деятельности» и «внешние причины деятельности», раскрывающий значение концепта «активист», противопоставляется в речи одного из информантов другому смысловому блоку, раскрывающему концепт «волонтер»: «внутренняя причина деятельности» (контекстуальный синоним — независимость от внешних причин) плюс «безвозмездная деятельность».

Смыслы концепта «доброволец»

По мнению одного из информантов, доброволец — это тот, кто действует от души, кто на самом деле хочет помочь. Контекстуальным здесь является концепт, сформулированный нами ранее, — «внутренняя причина деятельности».

И — Я очень согласна с точкой зрения N насчет того, что сейчас многие люди идут в волонтерское движение не с целью помочь. Среди них «добровольцев» с большой буквы можно сосчитать по пальцам.

К — То есть волонтер — это не очень, а вот доброволец — от души?

И — Да. Я считаю, что доброволец подходит более для людей, которые действительно хотят помочь. А если взять Олимпиаду в Сочи, то чаще всего люди преследуют цель туда поехать и как-то проявить себя. Возможно, приложить какие-то свои навыки (Волгоград, ж., среднее, 18, студентка).

Среди других контекстуальных синонимов — «от доброй воли», наблюдается связь с концептом «безвозмездная деятельность».

И — А я бы добровольцем назвался. От доброй воли, бескорыстно. Поэтому доброволец как-то лучше звучит. Волонтер — это, по-моему, вообще не русское слово.

К — Против шерсти, да?

И — Ну да, оно как-то (Екатеринбург, м., 25, среднее специальное).

В одной из цитат мы встречаемся с противоречием: информант противопоставляет смысл «внутренняя причина деятельности», относящийся к «добровольцу», контекстуальному концепту «корысть», в речи выраженному как «желание проявить себя» и относящемуся к «волонтеру».

Ранее мы уже встречали противопоставление «внутренней и внешней причин деятельности», но в отношении концептов «активист» и «волонтер», причем последний выступал в противоположной роли. Любопытно, что в

обоих кейсах встречается разделяемый смысл — позитивная оценка бескорыстной «деятельности от души», вызванной внутренними потребностями, а не внешними причинами. Однако в речи разных информантов этот смысл раскрывает разные концепты.

Еще одно противопоставление — смысл концепта «доброволец» — «по доброй воле» — противостоит смыслу «осознанная деятельность по необходимости», относящемуся к концепту «активист».

Смыслы концепта «волонтер»

Один из наиболее часто встречающихся смыслов — отсутствие вознаграждения, безвозмездная деятельность. Этот концепт второго порядка здесь, как и при описании насыщения остальных трех из заданных концептов, также связан с концептом «добровольная деятельность».

К — Вот Вы как его определили? Волонтер — это кто?

И — Это человек, добровольно занимающийся определенным видом деятельности или помощью кому-то и не получающий за это материального вознаграждения. Я это понимаю так (Волгоград, ж., 54, высшее, пенсионерка).

Еще одна из встретившихся связей — с концептом «деятельность по душе».

Волонтер — это человек, готовый за безличным или просто отсутствующий расчет совершать какие-то дела, которые близки ему по душе (Екатеринбург, м., 25, высшее).

Любопытны мысли по поводу оценки участия в общественных организациях. Диапазон мнений — от «необязательности» быть включенным в общественную организацию для добрых дел до негативной оценки институционализированного добровольчества и подконтрольности власти.

Я хочу сказать, что волонтерство — это не обязательно организация. Отчитываться нам вышестоящим надо, и это иногда раздражает (Нижний Новгород, ж., 50+, высшее).

В соответствии с одним из мнений концепт «волонтер» включает новый опыт, возможность применить талант, пообщаться с другими людьми, съездить куда-то, т.е., по словам информантов, «круг деятельности шире».

Активистом можно быть в Волгограде и не выходить из дома, быть в Интернете, а вот волонтером можно и поехать куда-нибудь, научиться чему-то, увидеть что-нибудь новенькое. Пускай за это ничего не получить, зато столько опыта и навыков. ... Там же не берут кого попало. Так что применить свой талант (Волгоград, м., 24, высшее).

Ранее мы упоминали о том, что, по данным исследований ФОМ, одной из предпосылок проявления гражданских действий, в том числе участия в

добровольческих акциях, является накопление ресурсов. «Созвучным» вышесказанному являются два мнения:

1) мнение информанта о сути добровольческой деятельности в России:

Поэтому я склонен считать волонтерство в России и другие добровольные акции возможностью потратить свое время и свободные средства с пользой (Омск, м., 31, высшее).

2) высказывание о том, что для оказания помощи иногда нужны особые ресурсы:

А здесь люди оплачивают и поездки, и экипировки, и т.д. — это несколько, во-первых, сужает социальный круг людей, которые в этом участвуют, многие люди не в состоянии, допустим, купить себе навигатор или пожарные шланги, если про эту деятельность говорить (Омск, м., 31, высшее).

В речи многих информантов концепт «волонтер» имел негативную окраску, связанную с иностранным происхождением слова.

Как уже отмечалось, информанты выразили мнение, что у волонтеров «круг деятельности шире» — знакомства, новые опыт, поездки. В одной из цитат мы видим иной смысл, вкладываемый в это словосочетание, а именно: виды деятельности. Информанты полагают, что у волонтеров есть узкая специализация, и «если они специализируются на не вырубать леса, то только этим занимаются, они уже мимо пройдут сопливого ребенка на вокзале» (Нижний Новгород, ж., 65).

Один из вариантов «специализации» «волонтеров» — фокус на социально значимой деятельности, на решении общественных проблем. Здесь контекстуальным концептом является «несамостоятельность добровольческой деятельности», связь ее с недееспособностью государства.

Одна из негативных ассоциаций с концептом «волонтер» — «мажоры-мальчики с рюкзаками».

Из противопоставлений — концепт «безвозмездная деятельность» и его синонимы, раскрывающие концепт «волонтер», противопоставляются другим концептам, например, «активисту» и «общественнику». В одной из цитат добавлено определение «чистый» волонтер, т.е. не получающий вознаграждения даже частично. В одной из дискуссионных фокус-групп информанты предлагают разграничить тех, кто не получает вознаграждения, но и не вкладывает сам свои средства, и тех, кто тратит не только свои время и силы, но и средства. Первых информанты предлагают называть «волонтерами», по поводу вторых однозначного мнения высказано не было. В западной риторике, по мнению информантов, первых называют филантропами, вторых — меценатами.

Еще один концепт, употребленный в отношении активиста в противоположность волонтеру, — «разнообразные виды деятельности». Здесь име-

ется в виду именно разная основа: от безвозмездной деятельности до получения грантов и даже вознаграждения. В других случаях мы встречаем иной смысл концепта «разнообразные виды деятельности» — разные формы проявления активности.

Смысл «круг деятельности шире» у волонтера противопоставляется смыслу опять же концепта «активист»: «активист» не подразумевает новый опыт и необходимость применить талант. В другой цитате смыслы снова переворачиваются: «широкий круг деятельности» волонтера связывается уже с наличием корысти, в отличие от концепта «активист», имеющего нейтральное значение.

Еще один смысл концепта «волонтер» в противопоставление концепту «активист» — профессиональная деятельность за рамками основной работы, профессиональная помощь, опять же безвозмездная.

К — Понятно. А Вам какое понятие ближе? Вы себя как определите?

И — Я думаю, что скорее всего «волонтер», потому что «активист» нельзя сказать. На мой взгляд, «волонтер», потому что я делаю ту работу, которую умею профессионально делать за рамками профессиональной деятельности (Казань, ж., 29, вышнее).

Негативным оценкам слову «волонтер» как иностранному противопоставляются «доброволец» как русское слово, а также «общественники» и «благотворительность».

Смыслы концепта «общественник»

По мнению информантов, для «общественников» добровольческая деятельность не обязательно является основной. Синонимы — благотворители, меценаты.

Общественники — это все-таки люди, которые занимаются еще какой-то другой деятельностью, не только на добровольных началах. Раньше это называлось меценатство, в старые добрые времена люди безвозмездно что-то делали, т.е. занимались благотворительностью (Нижний Новгород, ж., 46).

Еще один смысл концепта «общественник» — фокус на социально значимой деятельности, уже встречавшийся нам в связи с «волонтерами».

Ранее мы упоминали о концепте второго порядка «активная жизненная позиция», связанном с наличием нерешенных проблем в обществе. В одной из цитат мы видим, что этот концепт раскрывает смысл «общественника». Здесь же снова появляется конкретный субъект, причина наличия нерешенных проблем — недееспособная власть.

В одной из цитат «общественник» выступает как организатор добровольческой деятельности. Ранее мы уже встречали этот смысл, но высказанный в отно-

шении «активиста». В другой цитате мы видим концепт, который можно считать противопоставлением организатору, — волонтер как наемный рабочий.

Смыслы, относящиеся к нескольким концептам одновременно

«Общественник» + «активист». Концепты «активист» и «общественник» раскрывались информантами и через политизированность, ангажированность, принадлежность к каким-либо группам в обществе, служение их интересам.

*Мне кажется, что такие слова, как **активист** или **общественник**, в последнее время сильно политизировались. Когда говоришь человеку, что ты **активист** или **общественник**, то сразу встает вопрос, что, значит, ты за кого-то. В любом случае здесь политическая подоплека существует. ...А **волонтер** — это человек, который посвящает часть своего свободного времени для того, чтобы принести пользу. В первую очередь принести пользу себе, потому что как-то тешишь свое самолюбие, кому-то помогая. В любом случае ты приносишь себе какие-то очки. Ну если ты делаешь это бесплатно, то пусть это будет **волонтерство** (Волгоград, м., 30, высшее).*

Противопоставление — смысл концепта «волонтер» как нейтрального (контекстуальные синонимы — неполитизированное слово, желание бесплатно принести пользу, чтобы потешить свое самолюбие).

Еще один общий разделяемый смысл — позитивная оценка неангажированности. Контекстуальный антоним ангажированности — наличие собственной позиции человека, которую он отстаивает. Здесь — связь с цитатами, в которых мы видим наличие четкой позиции, достоинства, готовность отстаивать свои права, которые были подробно рассмотрены ранее.

«Волонтер» + «активист». Кроме указанных выше еще один смысл, раскрывающий концепты «активист» и «волонтер», — «продолжительность и регулярность деятельности». Противопоставляется ограниченности и нерегулярности деятельности «добровольца».

«Доброволец» + «активист». Концепт «доброволец» для многих раскрывался через ассоциации с СССР, как и «активист» (например, Шурочка из «Служебного романа»), и «общественник» — ассоциация с «шебутными» людьми, а также с устоявшимся выражением «добровольно-принудительно».

«Волонтер» + «доброволец». Важный аспект словоупотребления — корпоративная норма. Это относится к институционализированному добровольчеству. Информаты называли и книжки волонтера, в которых два слова — «волонтер» и «доброволец» — упоминаются вместе.

Встречается и желание соотнести слова, которые информанты считают важными для раскрытия сути деятельности, с названиями акторов добро-

вольческой деятельности: доброволец — «добрая воля», общественник — «для общества», благотворитель — «творить благо», активист — «активный».

Одно из особых мнений — люди, занимающиеся добровольчеством, вообще не должны называться как-то по особенному, поскольку каждый человек должен это делать, это должно быть нормой.

Обобщая изложенное выше, важно отметить несколько идей, высказанных некоторыми информантами:

Понятия разные, цель одна (Нижний Новгород, ж., 57, высшее).

Возможно, это и есть основная проблема, что не возникает достаточного понимания того, что это вообще такое, зачем это нужно, могли ли причислить себя к волонтерам? А может быть, я просто доброволец. ...В моем понимании сейчас такое чувство, у меня произошло смещение понятий. С одной стороны, я согласен с вами, но получается, общей картины нет, которая помогла бы понимать, что делать, в каком направлении двигаться (Омск, м., 24, высшее).

Иными словами, налицо наличие не только противоречий, но и разделяемых смыслов заданных четырех концептов. В речи информантов разделяемые смыслы проявляются как позитивные оценки чего-либо, в частности положительная оценка: добровольной и безвозмездной основы деятельности; неполитизированности, но социальной озабоченности, самоотдачи («не жалея живота своего», независимо от обстоятельств); направленности на решение общественных проблем, существующих, в частности, из-за недееспособности государства; помощи другим людям за счет своих «ресурсов», будь то энергия, талант, профессионализм, материальные средства, желание научиться чему-либо новому либо просто потребность совершить доброе дело; лидерских качеств, которые в некоторых случаях словоупотребления даже оправдывают наличие выгоды акторов добровольческой деятельности; наличия чувства собственного достоинства, четкой гражданской позиции, готовности, способности отстаивать свои права.

Разделяемые смыслы условно названы нами «метаконцептами», так как употребляются в отношении разных самоназваний, но сохраняют содержательный смысл и позитивную оценку информантами.

Данные массового опроса свидетельствуют, что участники добровольческой деятельности все же несколько чаще предпочитают именовать себя «активистами». Такое самоназвание и выбрали без малого треть (31%) наших информантов. Для сравнения, за «добровольца» высказались 25%, за «волонтера» — 23, за «общественника» — 16%. Такое распределение ответов свидетельствует, пожалуй, о том, что на массовом уровне социальные статусы и роли активистов пока еще не четко проявлены, размыты. Дискурс добровольчества, как и сам феномен, сейчас переживает стадию активного развития. Мониторинг этого процесса — перспективная тема для дальнейших исследований.

И.М. Козина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЛИЗИНГА ПЕРСОНАЛА

Постановка проблемы

Интерес исследователей к проблемам труда по лизингу в индустриальных и постиндустриальных экономиках объясняется как наблюдаемой долгосрочной позитивной динамикой этой формы занятости, так и ее качественными характеристиками. В условиях неопределенности глобальных экономических перспектив и усиления конкуренции на мировых рынках тенденция заемного труда к росту делает эту исключительно гибкую форму занятости объектом наблюдения и анализа в качестве одной из возможностей усиления адаптационного потенциала рынка труда.

Лизинговый, или заемный¹, труд является формой непрямого трудового найма. Работник заключает договор с агентством — посредником, которое отправляет его для выполнения работы в другую организацию. В данной схеме найма ответственность работодателя размыта: одна организация (агентство) заключает договор с работником, производит социальные отчисления и выплачивает зарплату, другая организация (фирма-пользователь) предоставляет работу, контролирует ее выполнение, дает производственные задания. У работника, занятого на условиях лизинга, нет гарантии продления контракта: работа изначально носит временный, проектный характер. С учетом этих обстоятельств в заемном труде наиболее ярким образом воплощается идея прекаризованной занятости (*precarious employment*)².

¹ Заемный труд — термин, принятый в русскоязычной литературе, является прямым переводом с немецкого *Leiharbeit*. В англоязычной литературе применяются термины лизинговый, или агентский, труд: *Labor Leasing, Agency Work*. Мы будем использовать их как синонимы.

² От лат. «*precarius*» — неустойчивый, нестабильный, шаткий. Под прекаризацией понимается процесс фундаментальных изменений условий жизни людей в постфордистской системе труда в сторону нестабильности как в экзистенциальном, так и в экономическом смысле.

В социологии проблема трудовых отношений в условиях лизинга персонала рассматривается в двух аспектах. Во-первых, в общей перспективе угрозы стабильности жизни и доходов работающего населения, во-вторых, более узко, как проблема трудовой дискриминации работников, занятых в секторе лизинга. Помимо отсутствия гарантий занятости и возможности пользоваться социальными льготами, предоставляемыми постоянным работникам, уязвимое положение работников, занятых на условиях лизинга, объясняется действием целого ряда негативных факторов. Как показали исследования, такие работники отличаются более низкой оплатой труда по сравнению с постоянным персоналом [Segal, Sullivan, 1997], повышенным уровнем стрессовых нагрузок из-за неопределенности во взаимоотношениях между работодателем и работником [Hall, 2006], отсутствием профессиональной идентичности [Bujold, Fournier, 2008], низким уровнем удовлетворенности работой [Aletraris, 2010]. Считается, что работа «за штатом» является уделом маргинальных групп. В то же время труд по лизингу может быть благом для определенных категорий населения, поскольку обеспечивает свободу выбора трудовой траектории, гибкость и мобильность на рынке труда [Morris, Vekker, 2001]. Подобная двойственность по отношению к заемному труду существует во всем мире, а законодательство, регулирующее отношения в сфере такого труда, в разных странах характеризуется значительной дифференциацией.

В России вопрос законодательного регулирования заемного труда и условий этого регулирования активно обсуждается. Аргументы в пользу заемного труда носят в основном экономический характер, а аргументы «против», как правило, — социальный, тем самым пытаясь обратить внимание на социальные издержки гибкости трудового рынка. Оценка возможных плюсов и минусов лизинга труда является сложной задачей, которая не ставилась в данной работе. Здесь рассматриваются только несколько важных аспектов, характеризующих заемную рабочую силу: мотивы трудоустройства, отношения к агентской занятости и условия работы.

Эмпирическую базу составили данные опроса российских заемных работников³. Надо отметить, что многие страны имеют проблемы с измерением и описанием заемной рабочей силы. Основную информацию предоставляют сами агентства, например, в отчетах Международной ассоциации частных

³ Опрос Левада-Центра по заказу НИУ ВШЭ в рамках Стратегии 2020 (январь 2012 г.). Были опрошены заемные работники, занятые в агентствах Kelly Services, Adecco и Ансог в Москве, Санкт-Петербурге, Перми, Ростове-на-Дону, Туле, Липецке, Иваново. Поскольку параметры генеральной совокупности неизвестны, применялся метод «удобной» выборки (convenient sample). В агентствах опрашивались все заемные работники, согласившиеся ответить. Объем выборки — 1012 человек.

агентств занятости (СИЕТТ) приводятся сравнительные характеристики заемных работников 28 стран. Поскольку наша выборка построена на схожих принципах, мы считаем возможным провести ряд сопоставлений с этими данными.

Масштабы распространения и социальный состав заемных работников

Заемный труд как специфическая форма занятости появился в середине 1970-х годов, как ответ на тенденции флексибилизации рынка труда. В течение последних десяти лет число агентских работников в мире выросло втрое и сейчас их около 10 млн, или 1–5% занятого населения в тех странах, где он применяется [СИЕТТ, 2011]. В России начало бизнеса по предоставлению услуг заемного труда относится к концу 1990-х годов, но масштабы его распространения точно не известны. По различным экспертным оценкам, доля работников, нанятых агентствами для работы «за штатом», составляет 0,1–0,4% численности занятого населения. В российской статистике агентские работники входят в состав занятых на непостоянной основе, общая численность которых в 2011 г. составляла около 5,5 млн человек, или 8,3% числа занятого населения [Обследование населения..., 2011]. Число занятых в неформальном секторе экономики, где изначально нет никаких трудовых гарантий, существенно выше: в 2012 г. неформально заняты около 14 млн человек, или 19,5% занятого населения [Обследование населения..., 2012], и их число только увеличивается (по сравнению с 2008 г. в 1,5 раза). Учитывая такие размеры прекаризованной занятости, заемный труд в масштабах российской экономики — капля в этом море. Однако эксперты предполагают, что при принятии соответствующих мер по легализации заемного труда число агентских работников возрастет в несколько раз, а это может провоцировать появление целого ряда социальных проблем, связанных с защищенностью работающего населения. Поэтому анализ состава и условий труда заемных работников имеет ключевое значение.

Социальный состав заемных работников

По основным параметрам (пол, возраст и уровень образования) состав российских заемных работников имеет как схожие, так и отличительные черты от характеристик их коллег в других странах.

Соотношение мужчин и женщин среди агентских работников различается по странам, но в большинстве европейских стран — это преимущественно

но мужской тип занятости. Доля женщин среди заемных работников составляет от 20 до 30%. Наиболее феминизирован этот сектор в Финляндии (66% женщин). Россия перекрывает этот рекорд с лихвой: доля женщин среди заемных работников составила 72%. Чем можно объяснить подобную ситуацию? Гендерный состав работников агентств обычно связывают с национальными особенностями отраслевой структуры рынка заемного труда. В странах, где на этом рынке велика доля сектора услуг, — больше женщин, а на рынках, где преобладает промышленный сектор, в основном больше мужчин.

В нашей выборке сфера услуг и промышленность представлены примерно в равных долях: 44% рабочих мест на рынке лизинга персонала предлагаются промышленными предприятиями, 23% — предприятиями связи и ИТ, 17% — предприятиями торговли, бытовых услуг, а также финансовыми организациями⁴. Однако значительная часть рабочих мест промышленного сектора в российском контексте предстают типично «женскими» (упаковщицы, сортировщицы, расфасовщицы и проч.). Поэтому гендерный дисбаланс в составе отечественных заемных работников, скорее, связан с фундаментальными проблемами гендерной сегрегации рынка труда, чем с чрезмерным представительством женщин в рискованных формах занятости.

Как и в большинстве стран, агентская занятость в России наблюдается в основном работниками молодого возраста: возрастной состав концентрируется среди 23–26-летних (возраст окончания профессионального образования и начала трудовой карьеры). Преобладание в составе заемной рабочей силы молодых специалистов подтверждается высоким уровнем образования этой группы занятых, что является главной отличительной чертой российской заемной рабочей силы: половина участников опроса имеют высшее и незаконченное высшее образование⁵.

В отличие от России в большинстве стран заемные работники имеют относительно низкий уровень образования, по всем странам примерно 51% таких работников закончили только среднюю школу, а 24% не имеют даже среднего образования. Очевидно, что основная часть заемной рабочей силы рекрутируется из недавних выпускников, чья конкурентоспособность на рынке труда ограничена отсутствием опыта работы (54% участников опроса имеют трудовой стаж менее двух лет, для 18% — это первое трудоустройство). Отметим, что лизинговый труд не стал распространенной формой занятости для других «проблемных» групп на рынке труда, например, для людей пенсионного возраста (их доля в составе заемной рабочей силы составляет 2%).

⁴ В 16% анкет сфера деятельности не указана.

⁵ Доля людей с высшим и средним профессиональным образованием среди заемных работников на 20% превышает соответствующую долю среди всего российского занятого населения.

Мотивы трудоустройства и отношение к агентской занятости

Одним из аргументов в пользу заемного труда является тезис о его пользе в преодолении безработицы. По имеющимся данным, перед трудоустройством в агентство 45% участников опроса не имели работы. Но только 8% участников опроса искали временную или неполную занятость и еще примерно столько же были согласны на любую работу. Большинство обращений в агентства связаны с поиском постоянного трудоустройства, а каждый пятый работник лизинговых агентств работу не искал и даже не менял, а был выведен работодателем за рамки штата и передан агентству.

При отсутствии выраженного стремления к гибким формам занятости респонденты соглашались на такую работу по разным обстоятельствам. Наиболее часто указывались две группы мотивов: 1) для многих участников опроса способ оформления трудовых отношений не имеет особого значения, главное, чтобы устраивала сама работа; 2) распространено представление о том, что заемный труд — ступенька к устойчивой занятости: временная работа дает возможность получить впоследствии постоянное рабочее место. Только несколько человек отметили в качестве мотива принципиальный отказ от постоянной занятости («не хотел вообще «привязываться» к постоянному рабочему месту»). Отметим, что в других странах поиск гибкой занятости в качестве баланса между частной жизнью и работой (*workin a flexibleway*) является важным мотивом выбора агентской занятости, например, в Японии и США на него указывают более 40% агентских работников [СИЕТТ, 2011].

Факторный анализ на основе набора вопросов о достоинствах и недостатках агентской занятости и дальнейшая обработка его результатов позволили выявить некоторые общие представления работников о работе «за штатом» и оценить их распространенность⁶. Шесть выделенных факторов структурируют эти представления следующим образом:

- «легальная работа» — занятость с заключением трудового договора, стабильной зарплатой и наличием базовых социальных гарантий (такое представление характерно для 10% респондентов, ответивших на соответствующие вопросы);
- «работа без гарантий» — нет дополнительных социальных льгот и гарантий продления контракта (10%);

⁶ Полученные шесть факторов в сумме объясняют 57,6% дисперсии. Для определения распространенности тех или иных представлений каждому респонденту были приписаны доминирующие представления (максимальное значение соответствующей факторной переменной).

- «бесперспективная работа» — нет возможности карьерного роста и повышения квалификации, работник не становится «своим» в коллективе и подвергается опасности «застрять» на временной работе (11%);
- «мобильная работа» — дает возможность делать перерывы в работе, менять компании или заработать в период безработицы (10%).
- «справедливо оплачиваемая работа» — обеспечивает соответствие зарплаты выполняемой работе (6%);
- «незащищенная работа» — чревата невыполнением условий договора и нестабильностью зарплаты (4%).

Таким образом, при всей противоречивости структура представлений об агентской занятости отражает появление разных запросов в сфере труда. Добавим, что у половины участников опроса нет четких представлений о том, чем плоха или хороша работа «за штатом».

Защищенность и трудовые отношения

Одна из ключевых проблем трудовых отношений в условиях лизинга персонала — тип договора, заключаемый между работником и агентством. Согласно результатам опроса трудовые договоры заключены у 78% заемных работников. Высокая доля работников с трудовыми договорами означает, что главные российские провайдеры лизинга персонала сами уже являются крупными работодателями. В 60% случаев договора носят характер временных (в основном на срок проекта), но более 90% работников с трудовым договором отметили наличие у них базовых социальных гарантий — оплачиваемых отпусков и периодов временной нетрудоспособности.

Примерно каждый пятый занят на условиях подряда (гражданско-правовые договоры), что придает работнику юридический статус самостоятельного занятого подрядчика, исключенного из системы социальной защиты работающего населения.

Важным индикатором состояния трудовых отношений является уровень конфликтности. Доля работников, у которых за последние 12 месяцев возникали конфликтные ситуации во взаимодействии с агентством, составляет 8%. Как правило, конфликты связаны с неудовлетворительным состоянием документооборота и бухгалтерии: неправильное начисление зарплаты (потери рабочих смен) и социальных выплат (отпускные, больничные), длительное оформление справок (на кредит, загранпаспорт и проч.). О конфликтах, возникающих при исполнении трудовых обязанностей на предприятиях-заказчиках, сообщили еще 5% работников. Их конфликты вызваны проблемами взаимодействия с постоянным персоналом: «конфликты с персоналом

компании, куда направляют»; «отсутствие доброжелательности со стороны бригадиров...» и т.д. Отметим, что некоторые работники в своих претензиях к лизинговому агентству демонстрируют непонимание специфики своего положения: «нет подарков на Новый год детям, нет премий, как на фабрике, а работаем все одинаково», «ужасно, что смена должности происходит через увольнение» и др.

Структура рабочих мест и условия труда

Заемный труд по большей части является областью труда, не требующего высокой квалификации. В должностной структуре доля специалистов составляет менее четверти, на руководящие должности приходится всего 4%. Основную долю составляют рабочие специальности и обслуживающий персонал сервисной сферы. Такая конфигурация рабочих мест не соответствует высокому уровню образования заемных работников⁷. Но только около трети работников указали, что их уровень квалификации выше, чем нужно для работы. Возможно, большинство недавних выпускников считают для себя нормальным начинать с низких позиций, чтобы иметь возможность не только заработать, но и приобрести опыт.

Характеристики работы были представлены в исследовании оценками уровня оплаты, интенсивности и условий труда.

Вопрос оплаты труда — один из наиболее важных для понимания реального положения заемных работников. Среднечасовая заработная плата таких работников при всей условности подобного сопоставления⁸ существенно выше аналогичного среднероссийского показателя за тот же период (297 руб. против 150,9 руб.) [Труд и занятость, 2011, с. 417]. Можно предположить, что повышенная часовая ставка служит компенсацией предприятий-пользователей за срочность предоставления необходимого персонала. При этом среднемесячный заработок заемных работников ниже, чем в целом по России, поскольку прерывность занятости влечет общее сокращение фактически отработанных дней.

⁷ Эта проблема характерна для всего рынка труда: по данным обследования условий жизни населения, проведенного Росстатом в сентябре 2011 г., 60% россиян работают не по специальности.

⁸ Корректным было бы сопоставление заработков работников, занятых на условиях лизинга, с заработками постоянных работников тех же предприятий по профессиям и должностям, что невозможно в связи с отсутствием на исследованных предприятиях аналогичных штатных рабочих мест.

В оценке качества трудовой жизни большое значение имеют интенсивность и условия труда. Примерно треть участников опроса указали на высокую степень интенсивности работы, хотя большинство оценивают интенсивность своей работы как умеренную. Судя по ответам, наиболее интенсивно трудятся руководители, а наименее интенсивно — рабочие. Однако средняя продолжительность рабочей недели у рабочих выше. В связи с этим возникает вопрос о компенсациях за сверхурочную работу и работу в неблагоприятных условиях. Согласно данным опроса, 81% рабочих, занятых сверхурочно, и 86%, занятых в неблагоприятных (вредных) условиях, такие компенсации имеют.

Уровень удовлетворенности работой достаточно высокий: 79% агентских работников устраивает их работа, 60% удовлетворены заработком. Отметим, что у 80% респондентов заработок был относительно стабильным (размер заработка не менялся в течение последнего года или менялся незначительно). Тем не менее агентская занятость для подавляющего числа работников носит характер временного жизненного проекта. В долгосрочной перспективе практически все (95%) рассчитывают получить постоянную работу. Пока сложно судить о том, насколько оправданы эти ожидания, и будет ли заемный труд связующим звеном между временной и постоянной занятостью. На сегодняшний день средний стаж работы в агентствах составляет 3,3 года, около 40% респондентов находятся в этом статусе более 3 лет, а у 5% стаж работы в разных агентствах составляет уже более 10 лет.

Обобщая обзор мнений заемных работников об условиях их труда и занятости, можно выделить ряд вопросов, по которым продолжаются дискуссии и накапливается эмпирический материал. В какой мере развитие заемного труда может способствовать решению проблем занятости? Действительно ли опыт и квалификация, которые заемные работники могут приобрести на временных рабочих местах, способствуют их дальнейшему трудоустройству или необходимы иные меры по их адаптации к рынку труда? Какую роль развитие заемного труда может играть в динамике социальной мобильности? Эти вопросы приобретают особое значение применительно к молодым работникам, безработица среди которых наиболее высока.

Литература

Обследование населения по проблемам занятости. ФСГС, 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm

Обследование населения по проблемам занятости. ФСГС. 2011. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_30/Main.htm

Труд и занятость в России: стат. сборник. М., 2011. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1139916801766

The Agency Work Industry around the World. CIETT, 2011. URL: <http://www.ci-ett.org>

Aletraris L. How Satisfied are They and Why? A Study of Job Satisfaction, Job Rewards, Gender and Temporary Agency Workers in Australia // *Human Relations*. 2010. Vol. 63. No. 8. P. 1129–1155.

Bujold C., Fournier G. Occupational Representations of Workers in Nonstandard and Precarious Work // *Journal of Career Assessment*. 2008. No. 16 (3). P. 339–359.

Hall R. Temporary Agency Work and HRM in Australia: ‘Cooperation, Specialization and Satisfaction for the Good of All?’ // *Personnel Review*. 2006. Vol. 35. No. 2. P. 158–174.

Morris M., Vekker A. An Alternative Look at Temporary Workers, Their Choices, and the Growth in Temporary Employment // *Journal of Labor Research*, Transaction Publishers. 2001. Vol. 22 (2). P. 373–390.

Segal L., Sullivan D. The Growth of Temporary Services Work // *Journal of Economic Perspectives*. 1997. Vol. 11. P. 117–136.

Е.И. Лыткина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

АНОМИЯ: НОВЫЙ ПОДХОД К ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ

В последнее время вновь актуальными становятся проблемы социального порядка, понятия нормы. В связи с этим предлагается вернуться к классическому для социологии понятию «аномия», являющемуся согласно статье Парсонса в Международной энциклопедии социальных наук (1968) центральной концепцией для социологии.

За свою долгую историю данное понятие пережило различные модификации и трансформации, в результате чего, по мнению некоторых авторов, превратилось в ряд взаимосвязанных между собой гипотез, по-разному понимаемых различными социологами [Lamnek, 1996, p. 108]. Однако и по сей день теория аномии используется в исследованиях в различных сферах социологии: анализ посткоммунистических обществ [Покровский, 2000; Штомпка, 2001; Heinz, 1994], криминология и социология девиации [Lamnek, 1994; 1996; Ortmann, 2000; Passas, Agnew, 1997], социология организации и менеджмент [Faßauer, Schirmer, 2007], криминология и социология девиации [Lamnek, 1996; 1994; Ortmann, 2000; Atteslander, 1996; Passas, Agnew, 1997].

Это понятие активно применялось и применяется как для анализа трансформационных обществ, так и для стабильных стран, как для описания отдельных стран, так и в сравнительной перспективе. Полагается, что постсоветские страны испытывали всплеск аномии после распада Союза, вызвавшего исчезновение старых ценностей, в то время как новые ценности еще не пришли им на смену. Подобные исследования проводились в Восточной Германии [Heinz, 1994], Венгрии [Вингенер, 2001], Украине [Головаха, Панина, 2008], России [Покровский, 2000; Кривошеев, 2008]. Понятие «аномия» активно используется и в отношении стран Западной Европы [Faßauer, Schirmer, 2007; Atteslander, 2006; Legge, 2010] и США [Merton, 1964; 2006; Messner, Rosenfeld, 1997], а также в межстрановых сравнительных исследованиях [Messner, Rosenfeld, 1997; Atteslander, 2006].

Социальная и индивидуальная аномия¹

Мы сосредоточимся на наиболее существенной проблематике в рамках эмпирических исследований с использованием концепции аномии.

Основные существующие эмпирические исследования в рамках теории аномии можно разделить на две группы:

- первая — исследования социальной (структурной) аномии, основанные на теории Мертон (сюда относятся: 1) институциональная теория Месснера и Розенфельда; 2) теории, которые можно объединить под названием *strain theory*, где основное внимание уделяется напряжению между социальной и культурной системами общества; 3) ряд исследований в рамках криминологии);
- вторая — измерения индивидуальной аномии на основе концепции Сроула (использующие как концепцию индивидуальной аномии, так и непосредственно шкалу, предложенную Сроулом [Srole, 1956]).

Примером подобных исследований являются «General Social Survey» (National Opinion Research Center (NORC), Университет Чикаго), лонгитюдное исследование «Group-Focused Enmity», проводимое Университетом Бельфельда (2002–2012). В рамках второго направления аномия также включается в исследования отчуждения [Seeman, 1959; 1982; Olsen, 1965].

Однако оба направления имеют существенные недостатки. Во-первых, в самой теоретической концепции Мертон есть значительные несоответствия: противопоставление в реальности взаимосвязанных целей и средств их достижения, невозможность наличия универсальных для всех целей или ценностей в плюралистическом обществе [Schacht, 1982, p. 7]). Гофман пишет, что Мертон изучал не аномию, а гетерономию, описывая механизм расогласованности в нормативной системе [Гофман, 2013, с. 55]. Во-вторых, центральной проблемой эмпирических исследований первого направления является возможность измерения социального уровня аномии как такового. В большинстве эмпирических исследований аномия как качество социальной системы измеряется через оценки со стороны отдельных индивидов [Robinson, Shaver, 1973, p. 245]. Земан и вовсе приходит к выводу о практи-

¹ Нами предлагается переводить *anomie* как социальную аномию и аномию в широком смысле, *anomia* — как индивидуальную аномию (когда речь идет о таких понятиях, как индивидуально-психологическое состояние людей [Lamnek, 1993], *anomy* — как психологическую (в контексте психологических измерений аномии (работы Р. МакИвера, Д. Рисмана, С. Де Грация: чувства тревожности, недоверия, отсутствие ощущения безопасности, пессимизма, безнадежности [Merton, 1964])).

ческой невозможности найти подходящие индикаторы аномии на уровне общества, а не индивида [Seeman, 1982].

В весьма небольшом количестве работ авторы пытаются найти решение данной проблемы. Месснер и Розенфельд используют понятие «институт» в формулировке Парсонса как производящего социальные порядки (культурные ценности центральны для понимания институциональной динамики — уровень социальных систем), так и поддерживаемого действием индивида (индивидуальный уровень), тем самым говоря о том, что социальное допустимо измерять через индивидуальное [Messner, Rosenfeld, 2008, p. 165]. Земан пишет о проблематичности использования агрегированных оценок индивидов для описания коллективного общественного мнения. Структура сама по себе состоит из агрегированных индивидуальных мнений, в то время как аргумент о том, что индивиды ведут себя различным образом в разных ситуациях, не является достаточным для отделения уровня социальной аномии от индивидуального уровня [Seeman, 1982, p. 124].

Иным возможным решением было бы использование различных статистик (как это делает Дюркгейм в работе «Самоубийство») — они не являются измерением на уровне индивидов, а характеризуют общество. Однако этот подход, по мнению Земана, также создает проблемы. Во-первых, подобные статистики не позволяют различать социальное изменение и безнормность как таковую. Во-вторых, они должны не предсказывать аномию, а, напротив, являться ее следствием [Ibid., p. 125].

Иной попыткой могло бы стать использование «низкого уровня консенсуса относительно предписанных, разрешенных и запрещенных моделей поведения в качестве индикатора некоторой «неопределенности», где низкий уровень консенсуса становится «характерным выражением нормативной системы или социального хаоса» [Ibid., p. 126]. Однако сама идея возможности консенсуса в гетерогенном плюралистическом меняющемся обществе выглядит нереалистично [Ibid., p. 125—126].

Второе направление исследований — изучение индивидуальной аномии. Интересным в данном случае, на наш взгляд, является анализ, представленный Легге с соавторами, в котором авторы добавляют в скобках термин индивидуальной аномии там, где изначально стояла социальная аномия [Legge et al., 2008]. Но это подчеркивает опять же, скорее, искусственность разделения социальной и индивидуальной аномии. Сам же термин индивидуальной аномии был несомненно значим для того, чтобы заполнить тот пробел, который привнес Мертон с формулировкой своей теории аномии [Merton, 1938], где аномия приобретает исключительно структурный характер [Schacht, 1982, p. 91], которому индивиды, кажется, безоговорочно подчинены. Главным образом различие социальной и индивидуальной ано-

мии важно теоретически. Земан говорит о необходимости двух измерений в рамках аномии — индивида и ситуации [Seeman, 1982, p. 127].

Таким образом, мы приходим к некоторой редукции на эмпирическом уровне: используем мнения индивидов для измерения аномии как таковой (для простоты опускаем понятие «индивидуальная»). Однако мы вводим также и второй уровень измерения — страновой, поскольку он поможет сравнить не только различные страны, но и контексты, влияющие на аномию. Для контроля также используются различные агрегированные статистики, которые помогут раскрыть эвристическую силу предлагаемого измерения аномии.

В операционализации аномии на индивидуальном уровне мы используем две модели — безнормности и бессмысленности. Данные концепции были введены Земаном для измерения отчуждения — безвластность, безнормность, бессмысленность, изоляция и самоотстранение [Seeman, 1959, p. 784–789]. Аномия приравнивается к безнормности, что делает ее, таким образом, одним из индикаторов отчуждения. В более позднем тексте Земан, опираясь, в том числе на Парсонса, говорит о двух измерениях аномии — безнормности и бессмысленности [Seeman, 1982, p. 122–123]. В недавнем тексте Легге с соавторами бессмысленность становится индикатором индивидуальной аномии. Бессмысленность определяют как потерю когнитивной ориентации и уверенности в действиях, отсутствие предсказуемости, потерю значимости предыдущего опыта. Отдельно отмечается недостаточная степень изученности феномена [Legge et al., 2008, p. 250–253]. Есть примеры использования и других индикаторов на основе модели Земана для измерения аномии. Для измерения аномии Дин использует безнормность и социальную изоляцию [Dean, 1961, p. 754–755].

Земан определяет безнормность как «высокую степень ожидания того, что социально неподдерживаемые образцы поведения требуются для достижения предписанных целей» [Seeman, 1982, p. 788]. Однако, как отмечалось выше, мы уходим от мертоновской концепции аномии в пользу понимания аномии Дюркгеймом. Тогда безнормность (а к ней Дюркгейм, по сути, приравнивает аномию) можно определить как ценностно-нормативный вакуум, ослабление роли нормативной и ценностной регуляции, когда общество не в состоянии ограничить постоянно растущие желания индивидов [Дюркгейм, 1912].

Бессмысленность в определении Земана — невозможность для индивида определить, «во что ему следует верить, когда у индивида отсутствуют простейшие стандарты ясности в процессе принятия решения», а также «низкая степень ожидания относительно достаточной степени предсказуемости результатов поведения» [Seeman, 1982, p. 786]. Однако Земан использовал бессмысленность именно как индикатор отчуждения. Потому более релевантным является определение, представленное в статье Легге, где бессмысленность

выступает как когнитивная дезорганизация, девальвация значимости прошлого опыта, меньшая степень возможности планировать будущее, преобладание ситуативных идентификаций [Legge et al., 2008, p. 253].

Методология исследования

Помимо методологического вопроса относительно применимости предложенной модели операционализации нас интересуют вопросы: что является предикторами аномии как на индивидуальном, так и на страновом уровне? Позволяет ли аномия предсказывать уровень девиации, психических заболеваний (на уровне страны)? Как взаимосвязаны между собой понятия «безнормность» и «бессмысленность»?

Нами выбраны данные Европейского исследования ценностей за 2008–2009 гг., поскольку эта база данных содержит широкий спектр индикаторов для измерения аномии, в том числе по сравнению с Европейским социальным исследованием 2010 г. со специальным блоком вопросов по девиации.

На индивидуальном уровне нами используются концепции безнормности (рис. 1) и бессмысленности (рис. 2), строятся соответствующие индексы на основе анализа методом главных компонент с учетом весов.

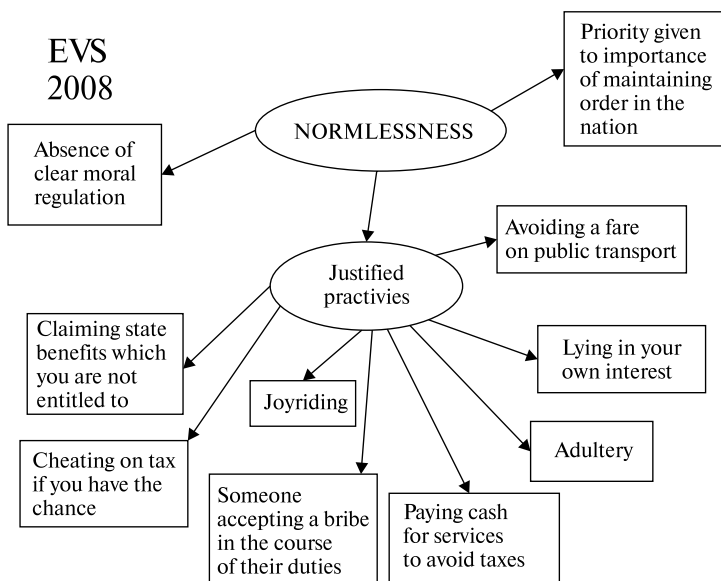

Рис. 1. Измерение безнормности

На основе метода главных компонент построен индекс безнормности², включающий следующие переменные: «прошение неположенных индивиду государственных субсидий», «уход от уплаты налога при возможности», «взятничество», «угон автомобиля (в некоммерческих целях)», «оплата наличными во избежание уплаты налогов», «езда без оплаты проезда в общественном транспорте», «вранье в собственных интересах», «измены». В среднем данный фактор объяснял порядка 20% дисперсии в каждой стране, хотя и имел разные наполнения в различных странах.

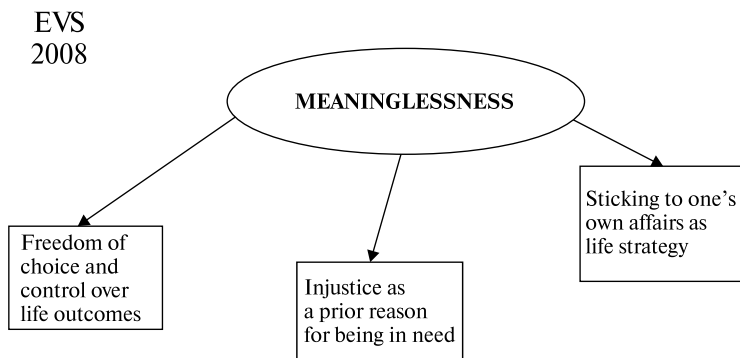

Рис. 2. Измерение бессмысленности

В этой базе данных более скудно представлены индикаторы, которые могут быть использованы для измерения бессмысленности. Это: «контроль над выбором и его результатами», «социальная несправедливость как причина того, что люди находятся в нужде», а также «жизненная стратегия сосредоточения на собственных событиях».

На *индивидуальном уровне* используются следующие независимые переменные:

- уровень дохода;
- семейное положение;

² Изначальный вопрос «Выберите, пожалуйста, вариант ответа по каждому индикатору: всегда ли это можно оправдать, никогда нельзя оправдать, можно оправдать в каких-то случаях» содержал 20 различных индикаторов. Полученный на их основе фактор безнормности в большинстве стран стал вторым по доле объясненной дисперсии. Первым же фактором стала общая толерантность (толерантность к различным телесным практикам и уважение частной жизни), третьим — традиционалистский индивидуализм. Общая объясненная дисперсия — 51%.

- уровень образования;
- сфера занятости;
- принадлежность к мигрантам;
- религиозность;
- тип конфессии;
- субъективное благополучие;
- участие в гражданских институтах;
- межличностное доверие;
- одиночество;
- уровень заинтересованности политикой;
- степень доверия общественным институтам;
- участие в культуре и образовании.

На *страновом уровне* используются переменные:

- ВВП на душу населения;
- статистики по правонарушениям и преступлениям;
- доля самоубийств;
- доля потребления спиртных напитков;
- уровень трансформации в регионе (*Transformation Index of the country*);
- индекс нищеты населения;
- индекс счастья населения;
- индекс доверия к государству;
- индекс межличностного доверия;
- индекс постматериалистических ценностей;
- индекс соблюдения гражданских свобод (*Freedom House*);
- индекс соблюдения политических прав граждан (*Freedom House*);
- индекс верховенства закона (*The World Bank*);
- индекс восприятия коррупции (*Transparency International*).

Некоторые гипотезы:

а) на индивидуальном уровне

1. Чем меньше степень межличностного доверия, тем выше уровень бессмысленности.
2. Чем ниже уровень субъективного благополучия, тем выше уровень бессмысленности.
3. Чем ниже уровень включенности индивида в деятельность социальных институтов (политика, религия, культура), тем выше уровень бессмысленности.
4. Чем выше уровень религиозности, тем ниже уровень безнормности.
5. Чем ниже уровень доходов, тем выше уровень безнормности.
6. Среди разведенных мужчин и женщин уровень безнормности выше.
7. Среди мигрантов уровень безнормности выше.

б) на страновом уровне

1. Постсоветским странам присущ более высокий уровень безнормности и бессмысленности.

2. Для стран с высоким уровнем индекса верховенства закона характерен меньший уровень безнормности.

3. Странам с высоким уровнем индекса социального благополучия присущ низкий уровень бессмысленности.

4. Страны с высоким уровнем индекса восприятия коррупции характеризуются более низким уровнем бессмысленности.

Предварительные результаты

Анализ методом главных компонент показал различия в понимании нормы и правил в различных странах. Это определяется такими характеристиками стран, как степень развития социальных институтов (например, не во всех странах получили широкое распространение безналичные способы оплаты или существует сильная система социальной защиты населения), а также традиции и социокультурные причины (например, отношение к разводу в азиатских странах).

Литература

Вингендер И. Аномия и девиация в венгерском обществе // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 84–89.

Гофман А. Солидарность или правила? Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // В рамках исследовательского проекта «Социальная солидарность как условие общественных трансформаций: Теоретические основания, российская специфика, социобиологические и социально-психологические аспекты». М., 2013 (рукопись).

Головаха Е., Панина Н. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 5–10.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. М.: Канон, 1996.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / под ред. В.А. Базарова. СПб.: Н.П. Карбасников, 1912.

Кривошеев В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93–97.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006.

Покровский Н. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, аномия, глобализация // Социологический форум. 2000. № 3/4.

Atteslander P. Anomie — Social Destabilization and the Development of Early Warning Systems // Atteslander P. (Hrsg.). Schweizerische Akademie für Entwicklung. Hull: Barmarick, 1996.

Atteslander P. Comparative Anomie Research: Hidden Barriers — Hidden Potential for Social Development. Aldershot: Ashgate, 1999.

Besnard P. Anomie // Smelser N., Baltes P. (eds). International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. UK: Elsevier, 2001. Vol. 1. P. 510–513.

Besnard P. L'anomie, ses usages et ses fonctions dans la discipline sociologique depuis Durkheim. Paris: Presses Universitaires de France, 1987.

Clinard M. Anomie and Deviant Behavior // A Discussion and Critique. N.Y., 1964.

Dean D. Alienation: Its Meaning and Measurement // American Sociological Review. 1961. Vol. 26. No. 5. P. 753–758.

Faßauer G., Schirmer F. Moderne Leistungssteuerung und Anomie. Eine konzeptionelle und indizienbasierte Analyse aktueller Entwicklung in Organisationen // Soziale Welt. 2007. Jg. 57. S. 351–371.

Featherstone R., Deflem M. Anomie and Strain: Context and Consequences of Merton's Two Theories // Sociological Inquiry. 2003. Vol. 73 (4). P. 471–489.

Heins M. Transformationsprozesse in Ostdeutschland: norm-, anomie- und innovationstheoretische Aspekte. Wiesbaden: DUV, Dt. Univ.-Verl, 1994.

Legge S., Davidov E., Schmidt P. Social Structural Effects on the Level and Development of the Individual Experience of Anomie in the German Population // IJCV. 2008. Vol. 2 (2). P. 248–267.

Lamnek S. Neue Theorien abweichenden Verhaltens. München, 1994.

Lamnek S. Theorien abweichenden Verhaltens. 6. Aufl. München: Wilhelm Fink Verlag, 1996.

Messner S., Thome, H., Rosenfeld R. Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory // IJCV. 2008. Vol. 2 (2). P. 163–181.

Merton R. Anomie, Anomia and Social Interaction: Contexts of Deviant Behavior // Clinard M. (ed.). Anomie and Deviant Behavior. A Discussion and Critique. N.Y., 1964. P. 213–244.

Olsen M. Two Categories of Political Alienation // Social Forces. 1965. Vol. 47. No. 3. P. 288–299.

Schacht R. Doubts about Anomie and Anomia // Shoham S. Anomie and Alienation Revisited. Tel Aviv: Ramon Publishing Co., 1982. P. 71–91.

Seeman M. On The Meaning of Alienation // American Sociological Review. 1959. Vol. 24. No. 6. P. 783–791.

Seeman M. A Prolegomenon on Empirical Research Regarding Anomie // Shoham S. Anomie and Alienation Revisited. Tel Aviv: Ramon Publishing Co., 1982. P. 121–138.

Srole L. Social Integration and Certain Corollaries: An Exploratory Study // American Sociological Review. 1956. Vol. 21. No. 6. P. 709–716.

И.В. Задорин,
Д.В. Мальцева

Исследовательская
группа ЦИРКОН

ПРОЕКТ «ОТКРЫТОЕ МНЕНИЕ» — ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ПРОВЕДЕНИЮ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ФОРМАТЕ *COLLABORATIVE OPEN RESEARCH*

Проект «Открытое мнение» — инициативный эксперимент по проведению полномасштабного социологического исследования в новом для российской социологии формате *collaborative open research* — совместных открытых исследований.

В современной западной литературе, посвященной новым формам коллективного взаимодействия людей, говорится о трех важнейших условиях, необходимых для реализации совместных открытых исследований [Bradley, McDonald, 2012]. Первое из них — наличие группы людей (профессиональное сообщество), способной и готовой осуществлять какой-либо проект на принципах добровольного сотрудничества и коллективного действия (коллаборации). Вторым условием является наличие коммуникационной платформы, позволяющей такой группе выполнять совместную работу с соблюдением максимальной открытости, прозрачности, публичности (в том числе открытости результатов). Под коммуникационной платформой подразумевается некая виртуальная площадка, предоставляющая возможность взаимодействия большого числа людей. Третье важное условие — наличие конкретной цели (проекта) для совместной деятельности людей.

История организации совместных интеллектуальных проектов с большим числом людей измеряется уже несколькими десятилетиями. Среди проектов подобного рода — совместные разработки открытого программного обеспечения программистами-энтузиастами на заре появления персональных компьютеров и Интернета, первым значимым продуктом деятельности которых стала разработка операционной системы *Linux*, создание онлайн-

энциклопедии «Википедия» и даже исследование элементов ландшафта Марса, инициированное NASA и запущенное в начале 2000-х годов.

Важно, что в процессе реализации подобных совместных проектов могут образовываться устойчивые сообщества людей, способные нести и транслировать культуру совместной деятельности и на будущие проекты. Такие сообщества получили название деятельных (*communities of practice*). Деятельные сообщества — это сообщества людей, специальным образом организованных в виртуальной сети, их взаимодействие основано на принципе массового сотрудничества и направлено на решение определенной проблемы, выполнение проекта, решение задачи. Важной характеристикой данных сообществ является нацеленность на получение конкретного результата и создание определенной практики или культуры, группового взаимодействия, дающего возможность решать аналогичные задачи, возникающие в будущем, наилучшим образом.

Становлению деятельных сообществ способствовали глобальные изменения в современном мире. К их числу прежде всего следует отнести развитие и распространение новых технологий — портативных компьютеров, мобильных устройств, Интернета, что привело к изменениям характера взаимодействий между бизнесом и индивидом: последние больше не зависят от компаний в технологическом плане ввиду собственной технической оснащенности, дающей возможность работать удаленно и при этом «всегда быть на связи». Кроме того, развитие образования, а также широкие возможности самообразования, возникшие в результате высвобождения времени, привели к появлению массы людей, являющихся экспертами в различных областях и имеющих избыток невостребованного таланта и творческого потенциала. Другим трендом стало расширение некоммерческой социальной (гражданской) активности людей, построенной на нефинансовой мотивации и связанной с движением и взаимной конвертацией разных типов капитала (социального, культурного, финансового, символического). Наконец, еще одним важным трендом стало массовое включение людей в виртуальные социальные сети, в результате чего появились крупные виртуальные сообщества энтузиастов-единомышленников, а также произошло включение людей в корпоративную и профессиональную сетевую коммуникацию.

Примером коллективной работы в рамках деятельного сообщества в отечественной практике может служить проект «Открытое мнение». Проект был инициирован и реализован независимой группой профессиональных социологов и общественности — представителями столичных и региональных исследовательских организаций, академических институтов и вузов, СМИ и общественных объединений. Проект выполнен на условиях сетевой кооперации и добровольного сотрудничества специалистов из разных организаций

в отсутствие какой-либо формальной иерархической структуры, полностью открыто (публично) на всех этапах исследования, а его результаты являются доступными всем желающим для анализа и публикации. Следует отметить, что само по себе ни одно из перечисленных свойств проекта не являлось чем-то новым для социологической практики в России. Уникальность «Открытого мнения» состоит именно в сочетании (конstellации) перечисленных черт исследовательских проектов.

Основная задача проекта — получение достоверной, надежной и общедоступной исследовательской информации о состоянии общественного мнения в России на основе независимого, самофинансируемого и полностью открытого исследования.

Первое исследование (всероссийский опрос) в рамках проекта «Открытое мнение» прошло в феврале 2012 г. накануне выборов Президента РФ. Логическим дополнением к нему стал проект «Открытое мнение — Астрахань», осуществленный в апреле 2012 г. после выборов мэра Астрахани. В сентябре-октябре 2012 г. был проведен уже третий проект — «Открытое мнение — Химки». Все три исследования были направлены на выявление электоральных предпочтений жителей России и ее отдельных территориальных единиц (Астрахани, Химок), а кроме того, были призваны отследить честность проведения процедуры выборов.

В начале запуска проекта были заданы три основных пункта для организации совместной коллаборативной работы. В качестве деятельного сообщества выступила группа социологов — представителей исследовательских компаний и академических структур, в большинстве своем имеющих опыт работы друг с другом. Далее этому сообществу была поставлена общая цель — организация социологического исследования. В качестве виртуальной социальной площадки была выбрана открытая социальная сеть Facebook.com (создана онлайн-группа «Открытое мнение» по адресу: <http://www.facebook.com/groups/289593911076225/>).

Все три реализованных исследования были подготовлены и организованы в режиме онлайн: обсуждение методики проекта, составление анкеты, публикация отчетов осуществлялась на площадке сайта Facebook.com, все полученные данные (в формате, дающем возможность проведения анализа данных) выложены в открытый доступ на портале Sociologos.ru. Для покрытия расходов на полевой этап исследования социологи — участники проекта собрали собственные средства, разработка же и анализ данных проводились на общественных началах. Впервые в отечественной практике проведения социологических исследований к софинансированию проекта были приглашены рядовые граждане — жители г. Химки (в ходе реализации проекта «Открытое мнение — Химки»). Поиск финансирования от граждан объясняется

тем, что, по мнению авторов проекта, только общественное финансирование проекта («заказ» от гражданского общества) позволит считать исследование полностью независимым и поможет проконтролировать честность процедуры выборов. Сбор средств на проект «Общественное мнение — Химки» осуществлялся через краудфандинговую платформу Planeta.ru.

По мнению авторов книги «The Social Organization» Anthony [Bradley, McDonald, 2012], в коллективной работе можно выделить следующие этапы: вклад, обратная связь, оценка и изменение.

Процесс коллективной работы начинается со вкладов членов сообщества — соображений, идей, мнений, предложений, вопросов или проблем. Вклады являются основой и «сырьем» для всего остального. По мере того как одни участники сообщества вносят свои соображения, другие обеспечивают обратную связь. Они просматривают, оценивают, комментируют или выражают свое мнение о ценности вклада, тем самым расширяя его за счет коллективного мнения сообщества. Во многих сообществах ценность вклада напрямую оценивается членами сообщества (через кнопки «like», баллы, очки). Участники также имеют возможность пометить содержание как неподходящее (оскорбительное, содержащее личные нападки и т.д.), основываясь на стандартах сообщества.

Через обсуждения и обратную связь происходит оценка вкладов со стороны членов сообщества, отделение полезных предложений от бесполезных, стоящих — от пустых. Такая проверка формирует статус и репутацию как вклада, так и вкладчика. В результате процедуры оценивания вклады, рассматриваемые сообществом как наиболее ценные, оказываются в «топе». Следует отметить, что если сообщество не имеет прозрачного средства оценки путем голосования, доски лидеров или других средств, никакой массовой совместной работы не получится. Вместо этого придется иметь дело с гигантским неуправляемым пакетом соображений.

В ходе процедур обратной связи и оценивания участникам становится понятно, какие индивидуальные вклады и поведение считаются ценными, а какие — нет. Если деятельное сообщество выстроено правильно, участники будут подражать хорошим примерам, избегать плохих, развивать сообщество и повышать организационную производительность для достижения лучших результатов. Новые модели поведения и отдельные изменения влияют на поведение участников в целом, а также на их последующие вклады, в результате чего происходит непрерывное повторение цикла до тех пор, пока задача не оказывается решенной.

В ходе реализации проекта «Открытое мнение» оказалось, что во многом он повторяет представленный авторами книги «The Social Organization» фундаментальный цикл совместной работы, однако в чем-то понимание сов-

местной работы в данном проекте оказалось более широким. В целом были выделены несколько основных этапов реализации коллаборативного проекта (более подробно об основных этапах проекта см. [Задорин, 2012]).

1. Формирование «общего смысла» проекта, определение миссии деятельного сообщества, целей проекта. Вначале сообщества еще нет, есть социальная позиция, начальный смысл, общая идея проекта, вокруг которой должно начаться формирование сообщества. Этот начальный смысл задается инициатором проекта, но задается не жестко и с возможностью существенной коррекции в зависимости от интересов привлекаемых участников. Вслед за обозначением «места» для создания сообщества как совокупности социальных (кто?), деятельностных (что?), идеологических (зачем?) и методологических (как?) координат происходит привлечение в сообщество его потенциальных участников. Пока именно потенциальных, поскольку конечный состав сообщества определится на основе непростого процесса согласования индивидуальных интересов, с которыми участники приходят в сообщество. Необходимо отметить, что формирование сообщества может серьезно изменить первоначально поставленную инициатором цель, сформулированную миссию, поскольку связано с процессом согласования интересов. В результате явного или неявного согласования интересов должен появиться некий над-интерес, «ничей» общий интерес, субъектом которого является все сообщество — объединение независимых, заинтересованных лиц, решивших вложиться в проект с определенной совместно миссией. Первоначальная идея отчуждается от ее автора, интериоризируется и трансформируется сообществом, а затем возвращается в публичное пространство уже как идея сообщества. Конечным результатом первого этапа должно стать, во-первых, определение приемлемого для всех членов сообщества смысла проекта (целей и способов их достижения) и миссии сообщества, а во-вторых, формирование первоначального состава сообщества из участников, согласившихся с указанными смыслом и миссией.

2. Функциональное самоопределение участников проекта (в том числе личных инвестиций), формирование структуры сообщества и инвестиционного плана. Когда появляется общий смысл, общая цель как стержень формирования деятельного сообщества, начинается самоопределение каждого участника относительно этого общего смысла. Кто-то просто уходит, поскольку это «не его смысл», кто-то переходит в позицию пассивного наблюдателя (не покидает сообщество, но становится в выжидательную позицию), а кто-то все-таки занимает деятельную позицию, связанную с определением двух моментов участия:

- объема и характера инвестиций в проект (время, деньги, квалификация, связи, социальный капитал, репутация);

- обязательств, функциональной нагрузки, которые готов взять на себя участник проекта.

Нельзя не сказать, что именно на этапе определения функциональных мест необходимо *активное привлечение новых участников* проекта. В группе «Открытое мнение» так и было: основной набор участников проходил на втором и третьем этапах становления сообщества, когда число членов группы выросло в 4 раза (рис. 1).

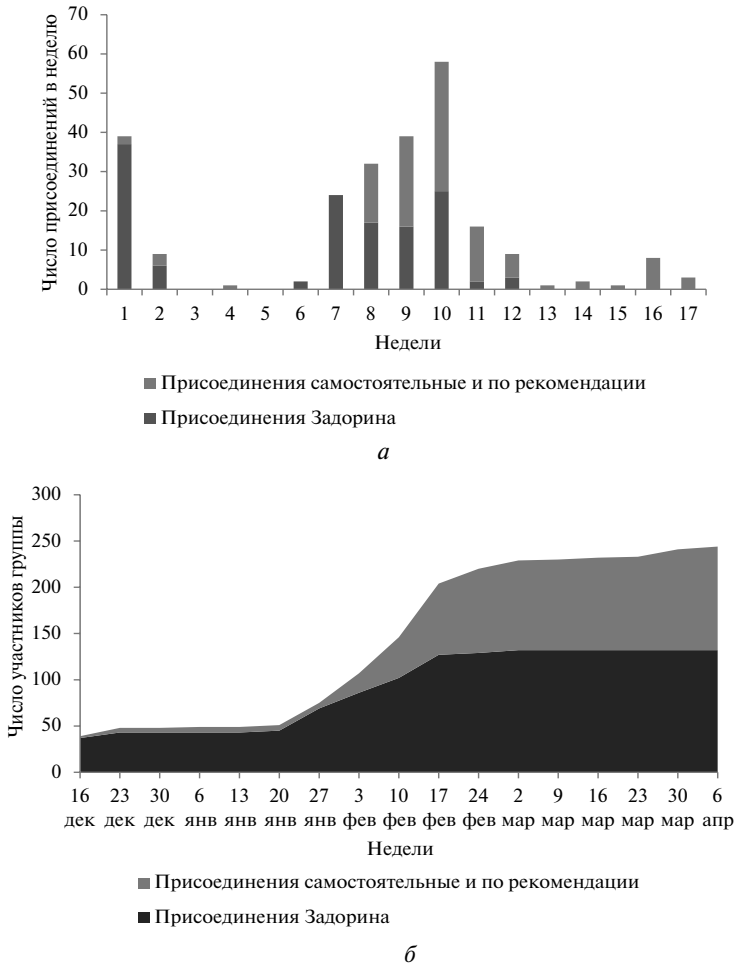

Рис. 1. Показатели прироста числа участников группы «Открытое мнение» в Facebook: *а* – на первом этапе; *б* – на втором и третьем этапах

Интересно, что цикл набора новых участников повторяет цикл запуска коллаборативного проекта, представленный в работе [Bradley, McDonald, 2012] и приведенный на рис. 2.

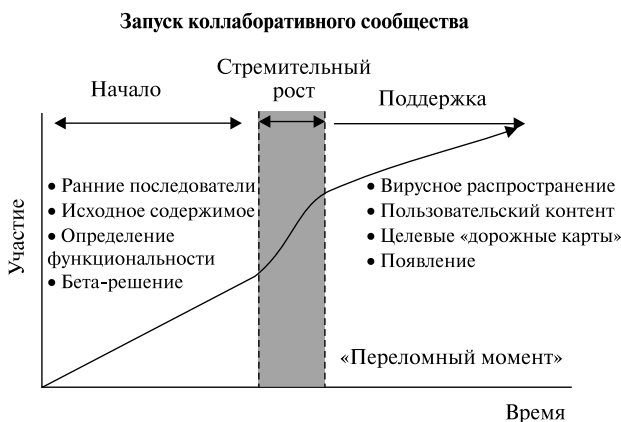

Рис. 2. Цикл запуска коллаборативного проекта

3. Реализация миссии, достижение общей цели. После того как определенные функциональные позиции заняты участниками, и уже понятен ресурсный вклад участников, наступает основной этап совместной работы: собственно реализация миссии, процесс достижения общей цели. Здесь главное — организация взаимодействия участников в рамках определенных ими функциональных позиций, взятых на себя обязательств и сделанных ими инвестиций таким образом, чтобы в конечном счете выполнить смыслообразующую задачу и получить конечный продукт.

Спецификой проекта «Открытое мнение» стало то, что в силу провозглашенного принципа открытости и прозрачности открытыми и публичными были изначально приняты не только собственно исследовательские процедуры, но и процесс принятия решений. Вместе с тем в какой-то момент выяснилось, что невозможно каждое решение принимать на общенародном «вече» в полторы сотни человек. Встал вопрос о формировании временной системы управления — некоего совета из шести-семи наиболее активных участников процесса, отвечавших за соответствующие участки работы. Похоже, для деятельного сообщества, даже если оно в целом неиерархизировано и в нем существует много разных центров притяжения и влияния, при выполнении конкретного проекта важно делегировать отдельным участникам дополнительные права по принятию решений, т.е. даже не права, а функ-

ционал («*вот Вы и Вы будете принимать решения по этому поводу*»). В то же время, возможно, наличие системы оценки предлагаемых мер всеми членами сообщества избавило бы от необходимости создания такого совета.

Здесь появляется один важный, на наш взгляд, момент, недостаточно представленный в литературе, посвященной функционированию деятельных сообществ. Помимо трех указанных выше условий, на которых строится совместная деятельность, четвертым основанием является управление групповой деятельностью через модерацию. В сообществе должны быть люди, управляющие процессом, либо из числа самих же участников группы, либо привлеченные со стороны (при этом у обеих моделей есть свои плюсы и минусы). Самые удачные проекты в области массовой коллаборации обязаны своим успехом тесному сотрудничеству между сообществом и руководящими им лицами. Люди могут проявлять энтузиазм и самоорганизацию на уровне своих интересов и способностей, но кому-то необходимо обеспечить общее руководство, направить их деятельность в нужное русло, принимать конечные решения.

Одно из самых великих заблуждений относительно деятельных сообществ состоит в том, что они работают самостоятельно — достаточно только собрать группу людей на определенной технологической площадке, и она начнет работу. Однако многочисленные примеры из практики показывают, что это не так, поскольку сама по себе социальная среда — не панацея. Социальная сфера не может сработать без других факторов: наличия именно сообщества, а не просто агрегированной группы людей, четко заданной цели совместного взаимодействия, а также команды модераторов, управляющих общим ходом деятельности сообщества.

4. Фиксация «прибыли», оценка вклада, распределение «дохода» и прав на конечный продукт. На этом этапе прежде всего надо определить, в чем выражен продукт работы деятельного сообщества и в чем заключается дополнительный прирост капитала, кому должны принадлежать результаты работы. Поскольку вклад в коллаборативном проекте выражается в инвестициях очень разного типа (репутация, деньги, труд, квалификация), то и его оценка является довольно сложной.

В ходе реализации проекта *вопрос о собственности и правах* на продукцию и бренд не был обсужден в сообществе, в результате чего неявно был принят единственно возможный в таком (экспериментальном) случае вариант: все достижения проекта признаются общим достоянием его участников (вне зависимости от того, кто конкретно выполнял соответствующую работу, включая наблюдателей), свободно используемым и распространяемым ими за пределами группы. Трудно сказать, насколько такой вариант является правильным (и приемлемым для других проектов, выполненных в стиле

collaborative open research), тем более с учетом серьезных различий во вкладах, сделанных разными участниками. На рис. 3 видно, что распределение публицистической активности внутри группы может быть проинтерпретировано как распределение Парето, или «правило 20/80»: 20% «активистов» дают 80% результата (более подробно анализ дискуссии см. [Ксенофонтова, 2012]). Таким образом, распределение «профитов» могло осуществляться в соответствии с вкладами, которые сделали участники. Исползованный способ является наиболее простым частным случаем. В сообществе же могут быть и более сложные правила распределения дохода и прав на конечный продукт. Очевидно, вопрос оценки вкладов, сделанных в разных типах капитала, представляет собой «вызов» для социальных наук и является темой будущих обсуждений.

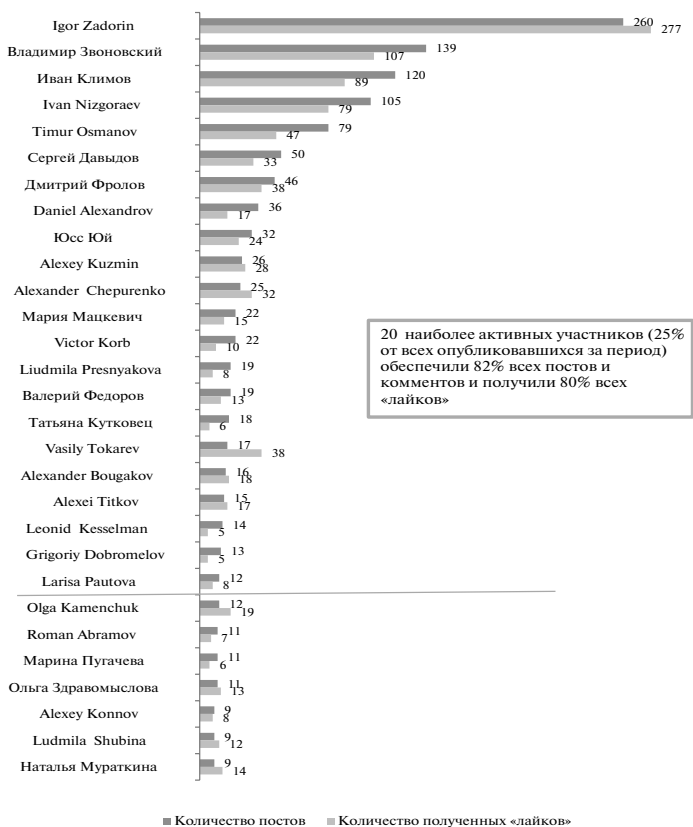

Рис. 3. Публицистическая активность участников группы «Открытое мнение» в Facebook

Проект «Открытое мнение» — важный шаг для развития социологического сообщества в России. Независимо от научных и методологических новшеств, которые появились в ходе реализации проекта, он привнес в исследовательскую практику новый формат профессиональной коммуникации и сотрудничества, общественного финансирования исследований, задал новые стандарты открытости и публичности исследовательских процедур и их результатов, а также представил данные для анализа коллективной работы в рамках деятельных сообществ. Подробно о первой части проекта рассказано на страницах «Социологического журнала», № 1 за 2012 г. (URL: <http://www.isras.ru/Sociologicalmagazine.01.2012.html>).

Литература

Задорин И.В. Профессиональное проектное сотрудничество в среде социологов. Эссе об одном эксперименте // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 153–165.

Ксенофонтова И.В. Открытость «Открытого мнения»: анализ дискуссии в социальной сети Facebook // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 139–152.

Bradley A.J., McDonald M.P. The Social Organization. How to Use Social Media to Tap the Collective Genius of Your Customers and Employees. Boston, Massachusetts: Harvard Business Review Press, 2012.

Постановка исследовательской проблемы

Проблемы преодоления дилемм «макро-микро», «действия-структуры», а также вопросы мультипарадигмальности в общей социологической теории рассматриваются во многих работах российских и зарубежных теоретиков. В социологии семьи проблема интеграции «макро-микро» и «действия-структуры» специально не обсуждается. Но практически во всех работах при постановке проблемы исследования семья определяется как социальный институт (структура) и как малая социальная группа (действие), а затем в соответствии с целями исследования обосновывается выбор того или иного подхода. Чаще всего этот выбор останавливается на изучении взаимоотношений членов семьи как малой группы (микророзиции, действия), но интерпретируемых в контекстах институциональных ограничений: функций, ролей, статусов (макророзиции, структуры). Практически во всех отечественных исследованиях анализу семейных отношений как *микророзиций/действий* всегда предшествует описание «демографического фона» — статистика числа, величины и состава семей, уровни демографических характеристик рождаемости, брачности, разводимости, которые интерпретируются чаще всего как «институциональные дисфункции», «деинституализация», т.е. в категориях *макророзиций/структуры*. Поэтому создается впечатление о преодолении «макро-микро»-дилеммы в объяснении социальных процессов как в частной жизни, так и в демографической сфере общества.

Следует отметить, что привычно в социологии семьи, если и рассматривается макроуровень как система, влияющая на изменения семейных, гендерных и других отношений, то это — общество. Несомненно, и общество, и его экономические, социальные, политические, военные состояния сказываются на приватных отношениях людей — сексуальных, брачных, супружеских и т.п. Но научную проблему — конструирование гомогенного объекта исследования, интегрирующего социологические и демографические знания, — можно решить, если соотносить институциональные трансфор-

мации в сфере частной жизни не с состоянием общества «вообще», а именно с состоянием той социальной сферы, в которой происходит процесс возобновления поколений. Поэтому макроуровневый конструкт трансформации отношений людей в сфере частной жизни мы назвали *приватно-демографическим полем* и считаем его интегрированным объектом социологии семьи и демографии.

Приватно-демографическое поле и приватно-демографический хабитус

Понятно, что есть большие различия и в семейных, и в гендерных отношениях, и в режимах воспроизводства населения между индустриальными и аграрными обществами. Поэтому речь идет об *относительной автономности* приватно-демографической сферы общества от его публичных структур. Более того, в процессе значительного экономического роста, развития и особенно на его модернизационном этапе в обществе проявляются такие характерные черты, как все большее разделение на частное и публичное, а также ускорение развития публичных сфер.

Относительная автономность присуща не только приватно-демографической сфере, но и практически всем другим сферам: экономической, политической, юридической, образовательной, религиозной, научной, литературной и др. Эти и некоторые другие социальные сферы изучал П. Бурдьё, подчеркивая их «полуавтономность» и называя их социальными полями, или подпространствами. Он как раз и исследовал механизмы, позволяющие преодолеть оппозицию «структуры-действия», «объективизма-субъективизма». По теории генетического структурализма П. Бурдьё противопоставление объективизма и субъективизма, структурной необходимости и индивидуальных действий является ложным и, по его мнению, «абсурдной враждой между индивидом и обществом» [Bourdieu, 1990, p. 31] (цит. по: [Ритцер, 2002, с. 456]). Одним из важнейших принципов социологии Бурдьё является положение о том, что в социальном мире существует ряд полуавтономных полей, каждое из которых обладает своей особой логикой, целью, функционирует и развивается по собственным законам и «формирует у акторов мнение относительно того, что в определенном поле имеет значение» [Ритцер, 2002, с. 462].

При конструировании интегрального объекта — механизма трансформации семьи — мы исходим из методологических предпосылок структурно-генетического подхода, а именно: *приватно-демографическое поле* является одной из таких «полуавтономных» социальных сфер. Цель этого поля — возобновление поколений людей и их первичная социализация, а одновремен-

но и обеспечение психологически комфортного для жизни человека частного микромира, способствующего сохранению его жизни и жизни его потомства, раскрытию потенциала людей в «личной жизни».

Говоря о приватности, мы подчеркиваем *относительное* отделение этого поля от публичных полей. Действительно, сфера частной жизни представляет собой относительно замкнутую совокупность специфических социальных отношений, развивающихся по своим законам, отличающих его от любого другого поля и вообще от пространства публичной сферы общества. Называя это поле демографическим, мы акцентируем его детерминированность *исторически* меняющимися режимами воспроизводства населения. Необходимо подчеркнуть, что это — не просто «демографическая ситуация» (например, в России сегодня), а *исторически сложившаяся* объективная социальная структура, которая на протяжении нескольких поколений детерминирует практики, практические схемы в сфере частной, интимной жизни людей.

Структурными элементами (по Бурдьё — движущими силами) приватно-демографического поля являются следующие виды отношений людей в сфере частной жизни: сексуальные (как интимные, супружеские), брачные (как изменение брачного статуса), сексуальные и репродуктивные (как производство жизни), отношения с детьми (как родительство, опека), отношение к жизни, здоровью (сохранение/разрушение), гендерные (в приватно-демографическом поле). Все они представляют собой сложные социальные отношения со своими специфическими стратегиями, определяемыми объективной структурой приватно-демографического поля. Поскольку эти отношения происходят не всегда и не только в рамках брака и семьи, то в целом приватно-демографическое поле шире, чем семья и брак в их обычном понимании.

Приватно-демографическое поле существует лишь потому, что в нем есть «агенты»: взрослые мужчины и женщины, семьи с детьми или без детей, супружеские пары и проч., между которыми и внутри которых устанавливаются специфические отношения, перечисленные выше и реализующиеся в их практиках. Применительно к нашему предмету исследования это означает, что в приватно-демографическом поле существуют *объективные структуры*, не зависящие от воли и сознания людей, которые могут ограничивать, подавлять или стимулировать интимные, сексуальные, брачные, репродуктивные, супружеские, гендерные, родительские и другие практики и диспозиции «агентов» (индивидов, семей, партнерских союзов) в данном поле. Но эта двухсторонность генезиса (поле — практики — поле) приватно-демографической реальности, хотя и находятся в «диалектическом единстве», но не равнозначны. Они имеют свою иерархию: «субъективное структурирование социальной реальности есть подчиненный момент структурирования объек-

тивного» [Шматко, 2007, с. 568]. В случае приватно-демографического поля это объясняет то, что его «агенты» (индивиды, партнеры, супруги, семьи, группы) могут осуществлять свои практики только «*внутри*» уже существующих, *исторически сформировавшихся* «приватно-демографических отношений», но тем самым они могут лишь воспроизводить или трансформировать их. Воспроизводство или трансформация брачных, семейных, сексуальных и других отношений в этом поле возможны только как реализация практических схем, схем восприятия, мышления, диспозиций, являющихся результатом интериоризации объективного состояния приватно-демографического поля и составными частями того, что, следуя теории Бурдьё, мы назвали приватно-демографическим *хабитусом*.

Главная онтологическая специфика изучаемого поля состоит в том, что его современное состояние (нынешняя объективная структура) в европейских обществах стала формироваться *всего два-три века назад*. В России сроки такой трансформации ещё меньше. Но именно этот процесс — демографический переход — послужил «базисом» изменений всего множества отношений в сфере частной жизни. На протяжении же предыдущих *нескольких десятков тысячелетий* существования человека и до XVII–XIX вв. структура приватно-демографического поля была *исторически стабильной*. На протяжении пяти-шести млн лет¹ в приватно-демографическом поле действовали силы (отношения, позиции, диспозиции, табу, практики), направленные на выживание человека как биологического вида (*Homo Sapiens*). Тогда, в те доисторические, исторические времена, в тех условиях существования/выживания и появилась система прочных предрасположенностей, или тот самый «традиционный» приватно-демографический *хабитус*, необходимый для установления и функционирования в качестве принципов, запретов, норм, регулирующих сексуальные, брачные, репродуктивные практики.

Главный смысл того исторически сложившегося, миллионнолетнего приватно-демографического *хабитуса* (и сейчас еще действующего во многих африканских, азиатских обществах) — *максимизация рождений жизнеспособных потомков*. Вершиной структурирующих действий того исторического (первобытного, древнего, а потом и «традиционного») приватно-демографического *хабитуса* и структурируемых им практик было появление важнейшего института приватно-демографического поля — преимущественно моногамного брака, единобрачной семьи [Энгельс, 1978].

«Традиционный» приватно-демографический *хабитус*, будучи продуктом объективной необходимости того доисторического, историческо-

¹ О продолжительности существования «человека разумного» см., например: [Янковский, 2010].

го, средневекового времени — выживания человека как биологического вида — порождал «общепринятые», безинтенциональные способы поведения, практики, отношения в приватно-демографическом поле. Положительно санкционировались только такие практики, которые были максимально приспособлены к объективным целям приватно-демографического поля — воспроизводству новых поколений в условиях низкой продолжительности жизни (20–25 лет). Тот архитипический «исторический» хабитус и производимые им модели мышления, действия, практические схемы были довольно эффективны: вид *Homo Sapiens* выжил и расселился по всему миру.

Важнейшим требованием архитипического, а потом и «традиционного» хабитуса (от доисторических времен до недавних XVII–XVIII вв.) была жесткая «слитность» сексуальных, брачных и репродуктивных отношений внутри моногамной семьи [Вишневецкий, 1982, с. 172–176]. Это было объективным «требованием» приватно-демографического поля в условиях высокой смертности. Между тем, как следует из концепции хабитуса, «без насилия или спора из практик частной жизни людей архитипического и традиционного общества исключаются (хабитусом) все... те поступки, которые бы были несовместимы с объективными условиями» [Бурдье, 1995, с. 21], а именно, «запрещались» воздержание от брака, его откладывание, отсутствие детей в браке, регулирование числа детей в браке, рождение детей вне брака, развод, нарушение гендерного режима (мужского господства) и др. Даже если такие события и происходили, они были крайне редкими, поскольку такие практики негативно санкционировались, участвующие в них «агенты» наказывались.

Переструктурирование приватно-демографического поля и его хабитуса: историчность и объективность

Итак, модели мышления, практические схемы, практики, основанные на «архитипическом» и «традиционном» хабитусе, производились и воспроизводились на протяжении *нескольких десятков тысячелетий*. И только два-три века назад начались едва заметные изменения — сначала в структуре приватно-демографического поля западно-европейских обществ, где появились практики откладывания брака, воздержания от сексуальных отношений, пуританство — хотя бы не жестко контролируемые, не осуждаемые. Затем у брачных пар в европейских обществах, а в конце XIX в. и в российском появились и распространились практики внутрисемейного ограничения числа детей. В те же времена постепенно изменилось отношение к детству:

дети становятся объектом любви, нежности, интимности, т.е. происходит «открытие детства» [Арьес, 1999], появляется и распространяется психология детоцентризма. Во взаимоотношениях взрослых людей актуализируется романтическая любовь, возможность «брака по любви», возможность развода, равноправие партнеров в сексуальных отношениях, в интимной сфере, самооценность супружества (без репродуктивных намерений) и проч. Такое генетически двойственное переструктурирование приватно-демографического хабитуса и приватно-демографического поля *исторически* постепенно происходило в процессе демографического перехода. Объективными основами-импульсами к нему были (и есть) эпидемиологический переход и обусловленный им *демографический взрыв*, начавшийся в XVII в. в европейских обществах.

В соответствии с теми объективными историческими условиями перенаселения постепенно, на протяжении XVII–XIX вв. в европейских обществах происходило и переструктурирование приватно-демографического хабитуса, т.е. появился новый интериоризированный ансамбль приватно-демографических отношений, норм, представлений, диспозиций. Постепенно ослабевал социальный контроль за соблюдением старых норм, затем «пересматривалась» *необходимость* их «общей» направленности на «естественную» (максимальную) плодовитость. Такие практики под воздействием «перепределенного интериоризированного хабитуса» распространялись сначала в высших, наиболее образованных, богатых, зажиточных слоях европейских обществ. Экстериоризация хабитуса этих социальных групп постепенно становилась объективной реальностью приватно-демографического поля европейских обществ (Франции, Англии, Германии).

К началу XX в. трансформации структуры приватно-демографического поля и приватно-демографического хабитуса охватывали все большее число обществ, в том числе и Россию. Здесь наблюдались такие явления, которые П. Сорокин назвал кризисом современной ему семьи: «рост разводимости, уменьшение числа заключаемых браков, рост числа внебрачных детей, аборт, проституция, уменьшение числа детей в браке, эмансипация женщин...» [Сорокин, 1916]. Такие явления продолжались на протяжении всего XX в.

Согласно концепции приватно-демографического хабитуса как *закона* соответствующего поля, он (хабитус) постепенно переопределился в соответствии с объективными условиями перенаселения (которое становится реальностью XX в. и продолжается в настоящее время как глобальный феномен²),

² Свои взгляды по поводу угрозы демографического взрыва высказывали в конце XVIII в. Т. Мальтус, в XX в. В.И. Вернадский, П. Эрлих, Дж. Форрестер, Д. Медоус, А. Сови, Р. Пресса, Ф. Нотенштейн, в XXI в. — С. Капица и др.

адаптировался к ним. Произошло и продолжается переструктурирование диспозиций, представлений и практик «агентов» в плане ограничения числа рождений. В практиках частной жизни «агентов» приватно-демографического поля появились такие «новые элементы», как откладывание вступления в брак, воздержание от сексуальных связей (целомудрие, пуританство), внутрисемейное ограничение числа детей, внебрачные рождения, разводы, повторные союзы, сожителства (без детей), однополые союзы и др.

Глубинный (хабитусный) смысл подобных практик — соответствие исторически «новому» объективному состоянию приватно-демографического поля. Важно, что именно такие «новые» практики/формы частной жизни «эффективно» разрывают слитность сексуального, брачного, репродуктивного и семейного поведения и не ведут к обязательным, (как прежде) многочисленным рождениям и вообще к зачатиям и рождениям. Такие практики были известны во все исторические эпохи, включая античную, и именно в те времена, когда *перенаселение* воспринималось как угроза государственного благополучия (например, в Древней Греции).

Для того чтобы представить модель трансформации отношений людей в сфере частной жизни во взаимосвязи с состоянием приватно-демографического поля и хабитуса, надо осознавать, что хабитус имеет несколько важных с методической точки зрения свойств. Прежде всего это то, что диспозиции, составляющие хабитус, неосознанны [Шматко, 2002, с. 400]. Другой характерной чертой хабитуса является его *гомологичность* — схожесть приватно-демографических условий формирования хабитуса. Основанием этой гомологии могут быть диспозиции в отношениях брачного супружества, внебрачного супружества, родительства в «целой» семье, послеразводного родительства, внебрачного материнства и т.д. Практики «агентов», относящихся к одной группе, приватно-демографический хабитус делает «разумными», связанными просто потому, что в схожих приватно-демографических условиях «работают» схожие практические схемы.

Еще одно свойство хабитуса — эффект инертности или *гистерезиса*: какое-то время после того, как социальные условия изменились (демографический взрыв и переход на новый демографический режим), часть «агентов» продолжают воспроизводить прежние приватно-демографические практические схемы. Именно эффектом гистерезиса можно объяснить столь долговременную и столь сильную дифференциацию типов семейных, брачных, репродуктивных, гендерных отношений в разных обществах, отраженных в их культурах.

В результате изменений приватно-демографических отношений, диспозиций индивиды, семьи осуществляют свои практики в частной жизни в соответствии с интериоризированным приватно-демографическим хабитусом.

сом, так или иначе подчиняясь законам приватно-демографического поля и не ощущая при этом принуждения. Сущность этих законов, как и «современного» приватно-демографического хабитуса, состоит в *разумном ограничении числа рождений*. В рамках данного закона объективной структуры приватно-демографического поля происходит и будет происходить конструирование «агентами» общих ситуаций, схожих, типовых моделей действий, практик. Это обуславливает их институционализацию, но это уже не только институты семьи и брака в их нынешнем понимании, а иные, инновационные «агенты» приватно-демографического поля — институты и структуры.

Литература

Арбес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.

Бурдьё П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.

Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.

Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 1, 2.

Шматко Н.А. Социальное пространство Пьера Бурдьё (послесловие) // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007.

Шматко Н. Генетический структурализм Пьера Бурдьё // История теоретической социологии: в 4 т. Т. 4 / отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1978.

Янковский Н.К. Лекция «Генетика и геномика» в рамках проекта «Academia». URL: www.rusnanonet.ru/academia060510/ (дата обращения: 15.12.2010).

Bourdieu P. In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology. Cambridge: Polity Press, 1990.

С.В. Мозжегоров

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СЕКСУАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ И КОНЦЕПЦИЯ К. ПЛАММЕРА «ИНТИМНОЕ ГРАЖДАНСТВО»

Постановка проблемы

Распространившиеся в последнее время публичные дебаты вокруг проблемы положения сексуальных меньшинств в России являют собой общемировой тренд, в очередной раз актуализирующий вопросы необходимости проведения либерально-ориентированных социальных и политических преобразований. Следует отметить, что оформление соответствующей повестки дня стало возможным лишь в последние два-три года в условиях «выхода» в публичное пространство различных ЛГБТ-групп¹ в Москве и Санкт-Петербурге, открыто декларирующих свои требования гражданских прав и свобод как группы меньшинств. С конца 2011 г., став составной частью масштабного политического протеста, осуществляемые практики акционизма геев и лесбиянок способствовали выстраиванию в публичном поле эмансипационного дискурса, который «бросал вызов» существующему социосексуальному порядку и доминирующим социальным нормативам.

Между тем социальным фоном гражданской мобилизации и активной публичной деятельности российского ЛГБТ-движения явилась достаточно устойчиво прослеживаемая тенденция негативного восприятия и оценки большинством общества гомосексуальности и сексуальных меньшинств. В частности, данное обстоятельство нашло подтверждение в достаточно показательных результатах социологических опросов Левада-Центра в 2010 и 2012 гг.² В соответствии с данными последнего опроса толерантное отноше-

¹ ЛГБТ (от англ. LGBT) — аббревиатура, обозначающая сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров.

² Более половины россиян против идеи проведения гей-парадов. Результаты социологического опроса: URL: <http://www.levada.ru/22-08-2012/boleee-poloviny-rossiyan-protiv-idei-provedeniya-gei-paradov>

ние к гомосексуалам присуще лишь 23% населения страны. Не удивительно, что подобное общественное мнение явилось определенным импульсом к проведению открыто-дискриминационной политики государственной власти в отношении сексуальных меньшинств. Главным образом, речь идет об инициативе обсуждения на федеральном уровне законопроекта о так называемой пропаганде гомосексуализма, получившего широкий общественный резонанс и уже принятого в отдельных российских регионах³. Следствием проводимой властью гомонегативисткой политики является, с одной стороны, закрепление и культивация в общественном сознании множества предубеждений и стереотипов относительно ЛГБТ-сообщества. Одновременно с этим все более усиливающая стигматизация сексуальных меньшинств создаст нормативно-правовые условия для реализации практик дискриминации людей по признаку ненормативной сексуальности. Отмеченные обстоятельства фактически содействуют легализации типа неравенства, когда положение сексуального большинства и меньшинства качественно отличается, что выражается в декларируемой социальной неравноценности. В этом смысле социолог А. Кондаков называет геев и лесбиянок «неполноценными гражданами» современной России, говоря о правах, в которых отказано сексуальным меньшинствам как социальному меньшинству [Кондаков, 2011, с. 51].

Итак, в контексте отмеченных социальных условий основным для нашего исследования будет разрешение двух принципиальных задач: теоретико-методологическое осмысление социального статуса сексуальных меньшинств в условиях современности; а также выявление и обозначение конкретных социально-тематических нарративных сюжетов, определяющих статусные позиции и социальное положение сексуальных меньшинств в современном российском обществе. В последнем случае нами будет проведено эмпирическое исследование посредством реализации качественных методик анализа и интерпретации.

Социальный статус: личностная и социальная идентичность

Измерение социального статуса сексуальных меньшинств должно осуществляться в фокусе соотнесения личностных и социальных аспектов сексуальной идентификации. В этом смысле категория сексуальности наравне с такими социальными маркерами, как раса, национальность, класс, гендер,

³ Закон, запрещающий «пропаганду гомосексуализма», принят в таких российских регионах, как Рязанская обл. (2006), Архангельская и Костромская обл., Санкт-Петербург (2011), Новосибирская, Магаданская и Самарская обл., Башкирия, Краснодарский край (2012), Калининградская обл. (2013).

становится ценным критерием для конструирования общей Я-идентичности и принадлежности индивида к конкретной социальной группе. Отметим, что социологическое понимание человеческой сексуальности выстраивается вне рамок биологического детерминизма и эссенциалистских парадигм, что позволяет нам выйти за рамки вопросов о сущностных причинах формирования гомосексуальности и акцентировать внимание на проблеме социального происхождения гомосексуальной субъектности в условиях современного общества. В этом значении идентификационные моменты гомосексуально-ориентированных индивидов выступают в качестве основных критериев выделения сексуальных меньшинств в отдельную категорию населения — социальную группу.

В личностном плане гомосексуальность представляется частью индивидуального психосексуального развития, однако связанного не только со сложным процессом конструирования персональной сексуальности, но и с действующим актом самораскрытия перед другими людьми. В этом контексте раскрывающийся индивид как бы выходит за рамки области приватно-чуланного сокрытия, утверждая и самопрезентуя свое гомосексуальное Я в пространстве межличностной и социальной интеракции. Таким образом, личностная идентичность неизбежно приобретает актуальный социальный фрейм, выраженный в контексте принадлежности индивида к групповому сообществу сексуальных меньшинств. Гомосексуальная ориентация становится не просто чертой личности, а неким базисом, на основе которого индивидом выстраиваются различные формы социально-коммуникативных отношений и поведенческие стратегии. В соответствии с этим осмысление проблемы статуса и положения сексуальных меньшинств в социуме должно происходить через призму процесса индивидуальной самоидентификации, который станет выстраивать определенный социальный и политический контекст воспроизводимого повседневного бытия гомосексуальных индивидов.

Концепция «интимного гражданства» Кена Пламмера

Теоретико-методологический уровень проблемы социального статуса сексуальных меньшинств в современном обществе находит свое выражение в достаточно инновативной концепции Кена Пламмера «интимное гражданство». Данный концепт фокусирует внимание на микросоциальной проблематике повседневного бытия индивидов, но в его макросоциальном измерении. Обозначенная в названии категория «гражданство» носит контекстуальный характер и интерпретируется в соответствии с пониманием социальной значимости отдельных аспектов частной жизни каждого человека.

Выдвигаемая парадигма предполагает пересмотр понятия «интерактивное поле» в очерченных социологической традицией границах публичного и частного. Согласно К. Пламмеру «интимное гражданство» раскрывается во множестве публичных дебатов, воспроизводящих частную жизнь и интимный опыт отдельных индивидов [Plummer, 2003, p. 4]. Персональная гомосексуальность становится дискурсивной областью, в рамках которой артикулируются вопросы маргинального и стигматизированного положения геев и лесбиянок. Таким образом, личностная или повседневная жизнь индивидов выходит за рамки приписываемой ей «сокрытой» сферы частного, приобретая социальный смысл и становясь предметом актуальных публичных дебатов. Личностные истории гомосексуалов, воспроизводимые в пространстве социальной коммуникации, перестают являться достоянием исключительно частного, приобретая эмансипационный смысл в контексте выстраивания практик и стратегий политической борьбы сексуальных меньшинств в различных публично-интерактивных полях.

Ключевое значение в концепции «интимного гражданства» придается возможности индивидуального выбора, конструктивистскому потенциалу выстраивания и управления человеком собственной самости (*self*). Следуя логике М. Фуко, концепция «интимного гражданства» выдвигает в качестве базиса тезис о том, что момент сексуальной идентификации является ценностно-значимым аспектом общего процесса становления Я-идентичности. В этом контексте гомосексуальность как категория социально-ненормативного актуализирует проблему признания «другого», т.е. того, чей повседневный стиль жизни и реализуемая модель поведения отличаются от усвоенных гетеросексуально-ориентированным большинством нормативов. Именно сексуальные меньшинства как социальная группа находятся в мейнстриме формирования ценностных установок, которые впоследствии должны быть восприняты всем обществом. По своей сути, эти ценностные установки последовательно производят идею о необходимости легитимации различных ненормативных идентичностей и соответствующих форм организации повседневной жизни людей негетеросексуальной ориентации. Прежде всего речь идет о так называемых нетрадиционных видах семейных отношений и интимной близости, реализации сексуального желания и выстраивании телесного опыта в контексте распоряжения собственным телом, появлении пластичных форм квир-идентичности и т.д. В конечном счете концепция «интимного гражданства» базируется на ценностях гуманистически-ориентированного порядка, культивируя либеральную версию модернизационного развития социума посредством принятия идеи человеческого достоинства и социального признания за каждым индивидом прав и возможностей в организации собственного частного бытия. Социально-идеологический дух

концепта «интимного гражданства» выражен в словах социолога Нормана Дензина: «мы живем в мире, в котором раса, национальность, класс, гендер и сексуальная ориентация пересекаются; мир, где язык и перформативные возможности позволяют индивидам стать тем, кем они хотят, быть свободными от предрассудков, репрессий и дискриминации» [Denzin, 2001, p. 26].

Резюмируя, можно сказать, что «интимное гражданство» является собой новый социальный проект модернизационного развития общества, основной задачей которого видится преодоление многочисленных факторов маргинализации и исключения в том числе такой социально-непризнанной группы, как сексуальные меньшинства. Наделение данной категории социальным статусом (в том числе легализация положения на законодательном уровне) одновременно с этим предполагает легитимацию гомосексуалов как социальных субъектов в публичном пространстве. Нужно заметить, что публичные дебаты вокруг проблем дискриминации и гомофобии, вопросов узаконивания однополых браков (партнерств), усыновления представителями ЛГБТ детей в последнее время становятся неотъемлемой составляющей выстраиваемого пространства социальной и массмедийной коммуникации современного российского общества.

Российские сексуальные меньшинства в историях «интимного гражданства»

С социологической точки зрения эмпирическим ресурсом, позволяющим понять и осмыслить существующий социальный статус сексуальных меньшинств в современном российском обществе, являются так называемые истории интимного гражданства. В нашем исследовании — это личностно-биографические нарративы, воспроизводящие личностную жизнь и интимный опыт российских представителей ЛГБТ-сообщества как стигматизированной социальной группы.

В фокусе нашего исследования в период с февраля по октябрь 2012 г. было проведено 31 нарративное интервью с участниками и активистами социального ЛГБТ-движения в Москве и Санкт-Петербурге как референтной группой представителей российских сексуальных меньшинств. Основными критериями для отбора информантов явились их личностная идентификация себя в качестве гомосексуалов, а также открытая самопрезентация своей ненормативной сексуальности в пространстве межличностной и социальной коммуникации. Возрастной диапазон участников интервьюирования варьировал от 21 до 38 лет — срез поколений выросших в позднесоветскую и постсоветскую временную эпоху. Сексуально-ориентационный и гендерный состав информантов — 17 геев и 14 лесбиянок.

Как отмечалось, основной задачей эмпирического исследования стало выявление конкретных социально-тематических сюжетов, раскрывающих «болевы́е точки» стигматизирующего и маргинального положения гомосексуалов в российском обществе. В данном контексте речь идет о некотором спектре факторов социальной эксклюзии сексуальных меньшинств, которая будет включать как личностную, так и социальную проблематику процессуальных аспектов конструирования и повседневного производства ненормативной сексуальной идентичности. При этом хотелось бы заметить, что на данном этапе анализа и интерпретации полученных в ходе эмпирического исследования нарративов мы ограничились задачей достаточно краткого обозначения наиболее проблемных повествовательных сюжетов индивидуального и социального повседневного бытия российских гомосексуалов.

Сюжет «осознания и восприятия индивидуальной гомосексуальности». На этапах становления гомосексуальной идентичности информанты зачастую сталкиваются с психологической проблемой принятия и восприятия себя и собственной ненормативной сексуальности. В условиях российской гомонегативистской среды, где сильны соответствующие социальные стереотипы и предубеждения, процесс осознания и принятия достаточно проблематичен. Молодой гомосексуал может определять свою «нетрадиционную» сексуальность в навязанных социальной средой и окружением усвоенных понятиях «отклонение», «ненормальность», «болезнь». Подобное негативистское восприятие себя является причиной личной (внутренней) стигматизации и закрепления в сознании некоего чувства собственной социальной неполноценности и ущербности. Таким образом, процесс нанесения стигмы на гомосексуалов запускается с моментом нахождения индивида в поле социальной интеракции, проявляясь в первичных попытках психологической и социальной адаптации к заданным условиям.

Нарративы с отмеченным сюжетом среди российских сексуальных меньшинств не являются редкостью. Как отмечалось, это вполне объясняется как общим неблагоприятным социальным климатом, связанным с низким уровнем толерантности населения к любым «другим», так и запущенными политической властью процессами постоянного нагнетания и культивирования негативных и гомофобных настроений в российском обществе.

Сюжет «гомосексуального раскрытия». Нарративом, последовательно воспроизводящим проблему личной стигматизации сексуальных меньшинств, является сюжет совершения гомосексуального раскрытия или камин-аута (*coming out*), т.е. открытого признания и самопрезентации индивидом своей ненормативной сексуальности перед окружением, другими людьми. Акт раскрытия представляется естественным шагом на пути успешного формирования индивидуальной гомосексуальности, что находит свое

подтверждение в зарубежных исследованиях [Cass, 1984; Coleman, 1982]. Вместе с тем совершение камин-аута зависит от заданного социального контекста, с которым связаны артикулируемые психоэмоциональные переживания и страхи геев и лесбиянок перед раскрытием.

Участники нашего исследования имели опыт совершения гомосексуального камин-аута. Между тем реакции социального окружения на раскрытие могли иметь как положительный или нейтральный, так и негативный и гомофобный характер, что было обусловлено конкретными условиями микросоциальной среды. Именно поэтому вполне закономерно, что момент (не)принятия гомосексуальности другими людьми представляется не только психологической, но и острой социальной проблемой, от разрешения которой напрямую зависит то, сможет ли индивид преодолеть внутреннюю стигму в контексте выстраивания межличностной коммуникации с социальным окружением.

Сюжет «внешней агрессии и проблема личной безопасности». Данный сюжет, как и предыдущий, фокусирует внимание на моментах социального взаимодействия открытых гомосексуалов с другими людьми. Однако он как бы выводит геев и лесбиянок на иной уровень социальной повседневности, за рамки контролируемой приватной сферы. Здесь в контексте возможностей проявления агрессивной гомофобии и насильственных действий со стороны возникает проблема личностной безопасности сексуальных меньшинств. Как правило, в пространстве интеракции гомосексуалы могут реализовывать различные поведенческие стратегии в утверждении и самопрезентации собственной ненормативной сексуальности. В этом смысле естественное желание «быть открытым» зачастую становится поводом для проявления внешних гомофобных реакций.

Как свидетельствуют нарративы, представители российского ЛГБТ-сообщества действительно подвергались угрозам психологической и физической агрессии и насильственных действий со стороны. Нужно сказать и о том, что информанты не переставали высказывать опасения и естественные страхи по поводу своей личной безопасности в будущем, осознавая соответствующие риски и негативные последствия своего маргинального и нелегитимного социального положения в обществе.

Сюжет «проблема дискриминационного отношения». В одном ряду с проблемой гомонегативистского социального климата в обществе стоит вопрос дискриминации в его более широком, институциональном контексте. Как выяснилось, дискриминационные практики по отношению к российским гомосексуалам достаточно распространены. Говоря о проявлениях дискриминации, информанты чаще всего нарративизируют свой индивидуальный опыт в сфере профессиональных и трудовых отношений. Раскрываемая

гомосексуальность может становиться основной причиной выстраивания множества социальных барьеров и ограничений, реализуемых в различной степени. Именно поэтому в большинстве случаев геи и лесбиянки вынуждены скрывать гомосексуальность на рабочем месте, вырабатывая и развивая в себе способность к мимикрии и таким образом регулируя собственное поведение в среде межличностной и социальной интеракции. Личностные мотивы сокрытия объяснимы применением возможных санкций по отношению к ним как представителям сексуальных меньшинств. Принимаемая установка на сокрытие находит выражение в сознательной самоизоляции себя от других людей, что способствует появлению постоянного ощущения психологического и социального дискомфорта.

Сюжет «личностные права и проблема социальной незащищенности». Предыдущие нарративные сюжеты объединяет общая социальная направленность, выводящая нас на общий уровень понимания проблемы социального статуса сексуальных меньшинств в его нормативно-правовом контексте. Несмотря на конституционно закрепленное положение о равенстве прав и свобод всех граждан и запрете на любые формы ограничения прав по признаку социальной принадлежности (ст. 19 Конституции РФ), на практике данные гарантии по отношению к сексуальным меньшинствам не действуют. Российские гомосексуалы фактически находятся вне поля нормативно-правовой и легальной регуляции социальных отношений. Более того, осуществляемая сегодня политика, наоборот, направлена на усиление практик дискриминации и закрепление соответствующего маргинального положения геев и лесбиянок в российском обществе.

Рассуждая о проблеме собственной социальной незащищенности, представители отечественного ЛГБТ-сообщества высказывали суждения о том, какие их права и свободы ограничены. Следует отметить, что информантами востребован достаточно стандартный для современного западноевропейского общества спектр прав меньшинств. Прежде всего это права, предоставляющие возможности реализации партнерских (семейных) отношений с представителями собственного пола: это право на однополый брак, включающее целую совокупность специфичных прав (от жилищных и имущественных отношений до вопросов медицинского страхования и льготного налогообложения). Не менее актуальным являлся вопрос о праве на усыновление однополыми парами детей, возможность которого сегодня в России просто не допускается. С данной проблемой связана воспроизводимая социальными институтами и властью моральная паника, управляемая общественным сознанием гетеросексуального большинства. Отмеченные правовые ограничения делают сексуальные меньшинства своего рода социальными изгоями, лишенными естественных личностных прав на создание приватного жизнен-

ного пространства в контексте действия легальных механизмов выстраивания семейно-брачных отношений.

Проблему социальной незащищенности наши информанты видят и в отсутствии отдельного правового норматива, который бы запрещал любые формы дискриминации по признаку сексуальной ориентации. Существенная часть личностных нарративов так или иначе касалась именно проблемы правовой безнаказанности осуществляемых практик дискриминации: информанты видели в этом реальную угрозу собственной жизни и безопасности в условиях высокого уровня гомофобии в обществе. Приходится констатировать, что моменты столкновения с проявлением различных форм дискриминации для российских геев и лесбиянок становятся неизбежной и ожидаемой составляющей их повседневного бытия.

В заключение отметим, что выше приведен далеко не исчерпывающий перечень личностных и социальных сюжетов повседневной жизни российских геев и лесбиянок. Однако выделенная тематика позволяет нам говорить о существующей проблеме положения и социального статуса сексуальных меньшинств в современной России. В этом смысле концепция «интимного гражданства», на наш взгляд, стала теоретико-методологической рамкой для эмпирического исследования. Ключевой аксиомой данной парадигмы является понимание значимости приватной сферы и воспроизводимого интимного опыта в их социальном измерении. Именно в этом ключе и должен воспроизводиться либерально-освободительный дискурс о социальном признании и легализации правового антидискриминационного положения ЛГБТ-сообщества как отдельной группы российского общества.

Литература

Кондаков А. Однополый брак в России: «Темное прошлое», серые будни и «светлое» послезавтра // Гендерные исследования. 2011. № 20–21. С. 51–70.

Cass V. Homosexual Identity Formation: Testing a Theoretical Model // The Journal of Sex Research. 1984. Vol. 20 (2).

Coleman E. Developmental Stages in the Coming-Out Process // American Behavioral Scientist. 1982. Vol. 24 (4).

Denzin N. The Reflexive Interview and a Performative Social Science // Qualitative Research. 2001. Vol. 1. P. 23–46.

Plummer K. Intimate Citizenship: Private Decisions and Public Dialogues. Seattle: University of Washington Press, 2003.

В.В. Мойсов,
И.В. Задорин

Исследовательская
группа ЦИРКОН

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В апреле-мае 2012 г. международный исследовательский консорциум «Евразийский монитор» провел очередное исследование настроений населения стран постсоветского пространства. На этот раз оно было посвящено теме интеграционных ориентаций граждан и проведено по заказу Евразийского банка развития (ЕАБР). Проект под названием *«Интеграционный барометр ЕАБР»* включал общенациональные опросы в 10 странах СНГ, а также в Грузии. Всего опрошено более 13 тыс. человек (от 950 до 2000 в каждой стране). Выборочная совокупность по каждой стране репрезентирует взрослое население страны по полу, возрасту и типу поселения.

Постсоветское пространство является ареной тесного экономического, технологического, политического и культурного взаимодействия. Интеграция между странами бывшего СССР обусловлена факторами, имеющими объективный характер (географическая близость, единство хозяйственных связей, инфраструктура, общее историческое прошлое) и экономическую основу. За прошедший после распада СССР период евразийское интеграционное сотрудничество стало существенным элементом формирования экономических отношений, способствующим социально-экономической стабильности в странах региона, а также превратилось в эффективный институт комплексного регионального взаимодействия.

Государственные органы, бизнес-структуры, экспертное сообщество нуждаются в достоверной и систематизированной социологической информации, описывающей состояние интеграционных процессов и включающей анализ отношения граждан стран бывшего СССР к интеграции и интеграционным институтам. Углубление экономической интеграции в рамках Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) усиливает необходимость наличия систематической высокопрофессиональной работы такого рода.

В то же время внешнеполитические действия на постсоветском пространстве не свободны от общественной оценки, и интеграционные или дезинтеграционные усилия не могут не учитывать фактор массового сознания и массовых настроений. Внешнеполитические симпатии и антипатии рядовых граждан также являются существенным фактором внутренней политики.

Почти во всех странах бывшего СССР сегодня действуют государственные и частные исследовательские компании, проводящие исследования и опросы населения на самые разные темы. Вместе с тем до последнего времени на постсоветском пространстве не было институтов, призванных на регулярной основе проводить исследования с фокусом на оценке внешнеполитических, внешнеэкономических и других интеграционных предпочтений граждан региона. Проект «Интеграционный барометр ЕАБР» путем разработки соответствующей методологии и проведения ежегодных социологических исследований по данной проблематике призван закрыть этот существенный пробел.

Известно, что в изучении интеграции существует терминологическая проблема, связанная с необходимостью различать *кооперацию* (сотрудничество государств, направленное на достижение общих целей) и *интеграцию* (взаимозависимость экономик, общность «правил игры» для экономических агентов, единство культурной среды). Однако проектировать инструментарий массовых опросов, базируясь на тонкостях различия между этими понятиями, невозможно, поскольку в такого рода исследованиях необходимы простые и однозначные формулировки. Поэтому в проведенном исследовании был поставлен знак условного тождества между понятиями «интеграционные предпочтения» и «притяжение между странами, существующее в представлениях населения этих стран». Конструкт «*притяжение*» объединяет и возможную кооперацию, и возможную интеграцию, и даже симпатию между населением отдельных стран. Такое решение с определением предметной области позволяет избежать необходимости искусственного ее ограничения терминологическими рамками.

С учетом данного соображения цель исследования можно сформулировать следующим образом: оценка степени экономической и гуманитарной близости стран СНГ (и Грузии), выраженной через отношение населения этих стран к другим странам бывшего СССР (за исключением стран Балтии) и ряду стран остального мира. Отношение респондентов к другим странам фиксируется в ряде показателей, операционализированных в вопросах анкеты.

Каждый вопрос анкеты отражает соответствующий показатель социокультурной дистанции респондента по отношению к разным странам. При этом респондент фиксирует как свою личную диспозицию по отношению к странам из заданного списка, так и желательную для него диспозицию его страны.

Вопросы основного тематического блока анкеты сконструированы по одному типу: респондентам предлагается выбрать страны из заданного списка в соответствии с их представлениями о принадлежности страны к определенному типу: дружественная/недружественная, знакомая/незнакомая,

интересная/неинтересная и т.п., т.е. в анкете используется дихотомическая шкала фиксации соответствующего показателя (признака).

Заданный список ответов позволяет формулировать три группы выводов к данным по каждому вопросу — об интеграционных предпочтениях внутри постсоветского пространства, интеграционном притяжении за пределы этого пространства и о степени ориентации общественного мнения страны на ее автономность (по доле отказов называть «привлекательные» страны). Варианты возможного выбора ответов показаны в табл. 1.

Еще одно основание классификации выводов об интеграционных предпочтениях — функциональное направление интеграции. Региональная интеграция рассматривается как многоуровневый процесс, который наряду с экономической кооперацией включает вопросы политики, безопасности и социально-культурного взаимодействия. Данный подход делает возможным условное выделение трех блоков вопросов для анкетирования населения: экономического, политического и социально-культурного. Состав использованных в исследовании индикаторов экономических, политических и социально-культурных предпочтений населения иллюстрируется рис. 1 (приведены краткие формулировки вопросов).

Таблица 1. Варианты возможных ответов и рассчитываемые на их основе показатели

Варианты ответов	Рассчитываемые показатели
Азербайджан	Притяжение к постсоветскому пространству в целом и к отдельным странам внутри него
Армения	
Беларусь	
Грузия	
Казахстан	
Кыргызстан	
Молдова	
Россия	
Таджикистан	
Туркменистан	
Узбекистан	
Украина	
Великобритания	Притяжение к Евросоюзу
Германия	
Франция	
Другие страны Европейского союза	

Варианты ответов	Рассчитываемые показатели
Индия	Притяжение к остальному миру
Китай	
США	
Турция	
Япония	
Страны арабо-исламского мира (Ближний Восток и Северная Африка)	
Другие страны	
Таких стран нет	«Автономность»
Затрудняюсь ответить	

Рис. 1. Используемые в исследовании индикаторы

Следует отметить, что не все вопросы из приведенного на рис. 1 набора задавались в каждой стране. Это связано главным образом с различиями в цене труда, а также в трудоемкости проведения общенациональных опросов в разных странах постсоветского пространства. Использование полного варианта анкеты в каждой стране привело бы к необоснованному завышению бюджета исследования. Но для всех стран был определен обязательный минимум, и 9 индикаторов из исходного набора были измерены в каждой из 11 стран.

В интерпретации собранных данных использовались два различных подхода:

- изучение частных закономерностей, выявленных по результатам анализа распределений ответов респондентов на каждый вопрос анкеты по отдельности;

- изучение генеральных тенденций, выявленных по результатам анализа сводных индексов.

На методике расчета сводных индексов следует остановиться подробнее.

При построении индексов учитывались только вопросы, которые задавались во всех 11 странах. Эти вопросы на рис. 2 помечены «птичками».

Рис. 2. Индикаторы, используемые в исследовании во всех 11 странах

На основе перечисленных вопросов были рассчитаны два типа индексов:

- индекс притяжения к группе стран (к геополитическому кластеру) — к странам бывшего СССР, Евросоюзу или другим странам. Рассчитываются как среднее по всем вопросам отношение доли упоминания хотя бы одной страны из кластера к совокупной доле остальных содержательных ответов (включая ответ «Таких стран нет»). Значения данного показателя могут изменяться в диапазоне от 0 до 1 (теоретически), фактический же диапазон значений составил 0,3; 0,7;

- индексы взаимного притяжения — показатели взаимного притяжения каждой диады стран. Рассчитываются как средняя доля взаимного выбора. Для примера: если в ответах на вопрос жители Украины упомянули Беларусь в 12% ответов, а жители Беларуси — Украину в 34% ответов, то доля взаимного выбора в данном случае составит 12%. Таким образом, этот показатель очищается от неизбежной асимметрии в показателях притяжения заведомо неравновесных стран.

Поскольку база для расчета индексов содержит как минимум два вопроса из каждой сферы (экономика, политика, социокультурные связи), появляется возможность рассчитывать не только общие индексы по всему массиву данных, но и частные, иллюстрирующие степень притяжения стран в эко-

номике, политике, культуре. По сферам рассчитываются и частные индексы притяжения к группе стран, и диадные индексы взаимного притяжения.

Приведем основные закономерности, выявленные по итогам анализа сводных индексов притяжения к геополитическим кластерам:

- в **политической сфере** почти для всех стран, участвующих в проекте «Интеграционный барометр ЕАБР», приоритетным интеграционным направлением является постсоветское пространство. Единственное исключение — Грузия, ориентированная на США (кластер «Другие страны»);

- в **экономике** преобладает ориентация на Евросоюз, характерная для таких стран, как Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Россия, Украина. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан в экономической сфере притягиваются, скорее, к постсоветскому пространству, а кластер «Другие страны» является приоритетом для населения Азербайджана и Узбекистана;

- для **сферы социокультурных связей** характерны почти те же закономерности, что и для экономической сферы. Единственное отличие составляет позиция Таджикистана, который в данном случае имеет приоритетное притяжение не к постсоветскому пространству, а к странам остального мира. Впрочем, по всему списку вопросов анкеты (в том числе не использованных при расчете обобщающих индексов) население Таджикистана оказалось заметно сильнее, чем население остальных стран, ориентированных на постсоветское пространство (точнее, на Россию);

- по совокупности трех факторов — **экономика, политика, культура** — приоритетным вектором притяжения для большинства стран, участвующих в проекте, является постсоветское пространство;

- две страны по совокупности факторов ориентированы преимущественно на страны остального мира — Азербайджан и Грузия;

- Украина и Россия являются теми странами, которые в среднем представляют наибольший интерес в постсоветском пространстве для жителей остальных стран бывшего СССР. Именно в Украине и России население оказалось ориентировано не на постсоветское пространство, а преимущественно на Евросоюз.

Данные, дающие численное наполнение приведенным выводам, собраны в табл. 2 (средние значения индексов). Наглядная схема распределения стран по приоритетным геополитическим векторам, сформированная на основе данных табл. 2, приведена на рис. 3.

Вернемся к тому факту, что в интерпретации собранных данных применялись два различных подхода — изучение частных закономерностей с использованием распределений ответов и анализ генеральных тенденций с использованием сводных индексов. Мы привели некоторые данные о генеральных тенденциях, а теперь следует подробнее рассмотреть частные закономерности.

Практически во всех вопросах обнаружилась крайне невысокая значимость периферийных, т.е. без участия главного аттрактора — России, предпочтений на постсоветском пространстве. И практические, и познавательные

интересы населения стран бывшего СССР, если и направлены в пределы этого пространства, то, как правило, к России.

Таблица 2. Сведенные индексы притяжения к геополитическим кластерам

Кластер	Показатели по странам											
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина	Среднее
Экономика												
Страны бывшего СССР	0,22	0,29	0,26	0,18			0,35	0,12		0,31	0,21	0,28
Страны Евросоюза	0,23				0,22	0,18			0,13	0,21		0,27
Другие страны		0,23	0,30	0,36	0,34	0,35	0,21	0,32	0,41		0,27	
Политика												
Страны бывшего СССР				0,33								
Страны Евросоюза	0,05	0,20	0,06	0,12	0,09	0,03	0,26	0,17	0,09	0,08	0,18	0,12
Другие страны	0,38	0,07	0,19		0,16	0,18	0,08	0,21	0,22	0,22	0,16	0,20
Культура												
Страны бывшего СССР	0,19	0,25	0,25	0,11			0,32	0,09	0,37	0,20	0,17	0,24
Страны Евросоюза	0,23				0,20	0,21			0,18	0,23		
Другие страны	0,38	0,15	0,20	0,33	0,28	0,34	0,18	0,22			0,18	0,27
Общие индексы притяжения												
Страны бывшего СССР	0,27			0,20				0,20			0,27	
Страны Евросоюза	0,19	0,29	0,26	0,33	0,19	0,15	0,34		0,13	0,18		0,24
Другие страны		0,18	0,25		0,28	0,31	0,18	0,27	0,36	0,33	0,23	0,29

В пределах постсоветского пространства Россия и Украина занимают, чаще всего, первые два места в условном рейтинге объектов культурного, познавательного или практического интереса и одновременно — два последних места в рейтинге субъектов этого интереса. Иными словами, именно в России и Украине в большинстве случаев зафиксированы максимальные доли респондентов, не назвавших ни одну интересующую их страну постсоветского пространства, т.е. Россия и Украина больше всего интересуют жителей остальных стран, но жители России и Украины меньше всего интересуются какой-либо иной страной постсоветского пространства. Иллюстрация этого тезиса — на рис. 4 и 5. Россия и Украина в среднем упоминаются чаще других стран на постсоветском пространстве и одновременно дают самые большие проценты ответов об отсутствии интереса к другим странам.

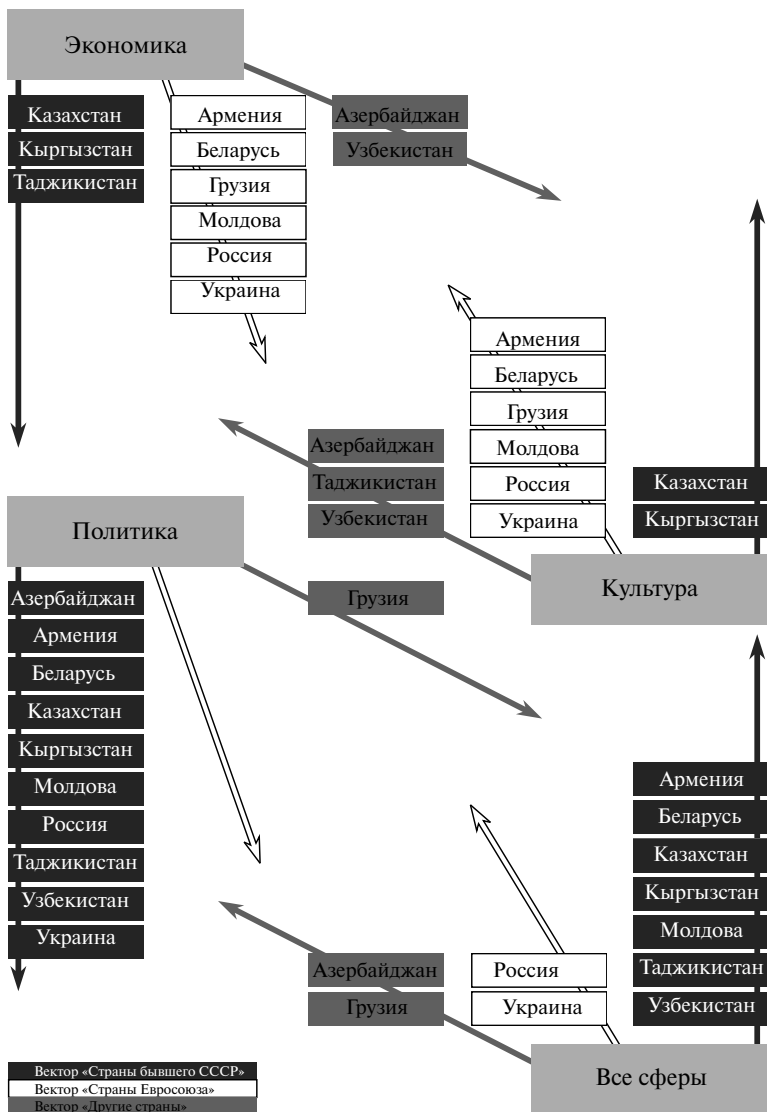

Рис. 3. Распределение стран по приоритетным геополитическим векторам

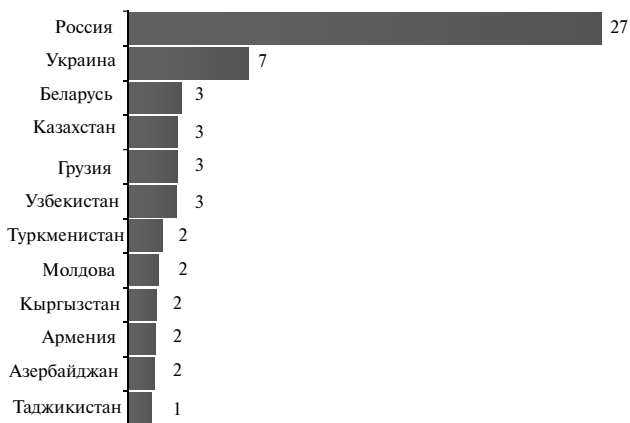

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Про какие из перечисленных стран можно сказать, что Вы интересуетесь их историей, культурой, географией (природой)?», средние % по 11 странам

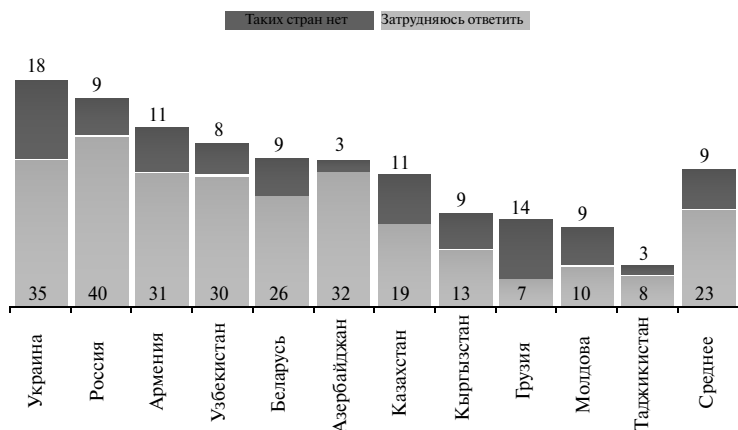

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Про какие из перечисленных стран можно сказать, что Вы интересуетесь их историей, культурой, географией (природой)?» (показатели автономности), %

В вопросах на **экономические** темы средние по странам доли ответов, приходящиеся на каждый из трех крупнейших геополитических кластеров — «Страны бывшего СССР», «Евросоюз», «Другие страны», — как правило, очень близки, т.е. среднего по странам приоритета ни у одного из кластеров нет, но есть постоянно воспроизводящиеся отклонения в частности. Так, отклонения в сторону постсоветского пространства характерны для стран

центральноазиатского региона и Молдовы, в сторону Евросоюза — для России, Грузии и той же Молдовы (эта страна «притягивается» одновременно и к России, и к Румынии), в сторону стран остального мира — для Азербайджана и Таджикистана. Для Азербайджана приоритетом является Турция, а для Таджикистана — разные страны в зависимости от вопроса (Китай, США, Турция). Иллюстрация этому представлена на рис. 6 (процентные показатели читаются так: «Названа хотя бы одна страна из группы стран» — например, 67% респондентов в Таджикистане назвали хотя бы одну страну бывшего СССР).

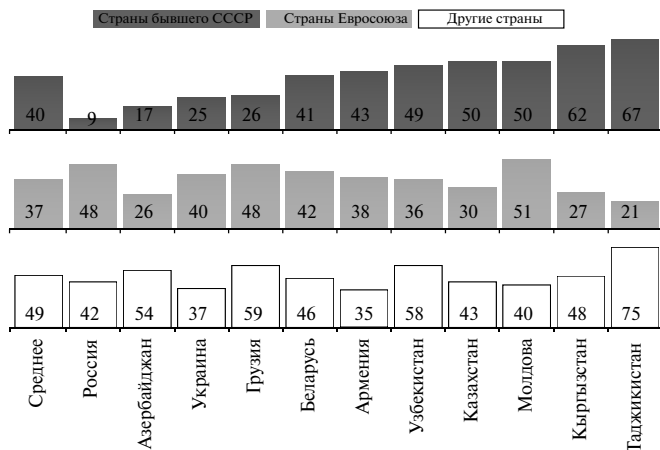

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Из каких стран был бы желателен для нашей страны приток капиталов, инвестиций, приход компаний, предпринимателей, бизнесменов для организации у нас своих предприятий?» (группировка ответов по трем категориям), %

В **политических** вопросах средние по странам доли ответов заметно смещены в сторону постсоветского пространства; причем и в положительном смысле (например, в вопросе о дружественных странах), и в отрицательном (как в вопросе о недружественных). Единственная страна, население которой ориентируется на военно-политическую поддержку из-за пределов постсоветского пространства, — Грузия.

Закономерности **социокультурного интереса** похожи на закономерности экономического взаимодействия: страны Центральной Азии ориентированы в основном на постсоветское пространство и в меньшей степени на Китай и страны мусульманского мира; Молдова ориентирована одновременно на Россию и Румынию; Грузия — на Евросоюз и США; Азербайджан — на Турцию; Россия и Украина меньше среднего ориентированы на постсоветское пространство, а уровень их притяжения к Евросоюзу и остальному миру примерно соответствует средним по странам значениям (рис. 7).

Кроме центрального блока вопросов (дихотомического типа), в исследовании был использован ряд дополнительных индикаторов. Приведем основные результаты.

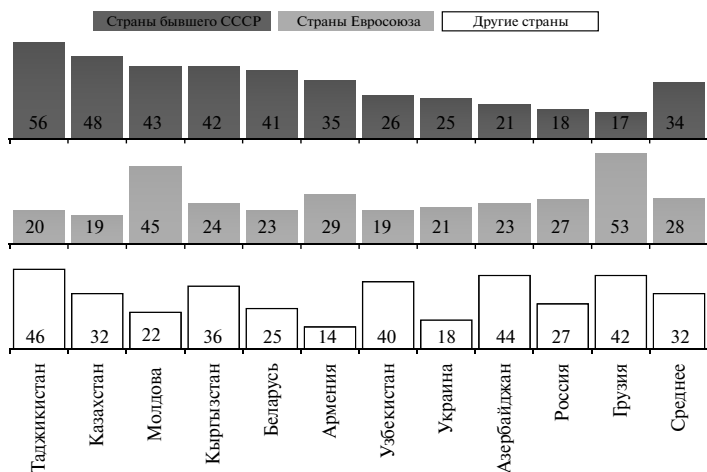

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Про какие из перечисленных стран можно сказать, что Вы интересуетесь их историей, культурой, географией (природой)?» (группировка ответов по трем категориям), %

Отношение населения стран постсоветского пространства к созданию **Таможенного союза и Единого экономического пространства** оказалось, скорее, положительным — такие ответы дали в среднем по странам больше половины респондентов. Примечательно, что создание интеграционных объединений воспринимается положительно не только в странах, участвующих в этих объединениях. Высокие доли положительных ответов характерны также для Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Молдовы — стран, население которых относительно более ориентировано на экономическое взаимодействие со странами бывшего СССР и прежде всего с Россией (рис. 8).

Оба интеграционных объединения имеют уровень поддержки выше среднего также в Молдове и Армении, которые с территорией ТС и ЕЭП не имеют общих границ и соответственно всей полноты преимуществ гипотетического присоединения ощутить не могут. Частично такой уровень притяжения связан с историей трудовой миграции из этих стран — проиллюстрировать интенсивность этого потока может тот факт, что 3/4 жителей Армении и каждый второй житель Молдовы в настоящее время имеет постоянные коммуникации со своими родственниками и друзьями в России.

Высокая поддержка Таможенного союза оказалась характерна для населения двух стран — потенциальных участников ТС: Таджикистана и Кыргызстана.

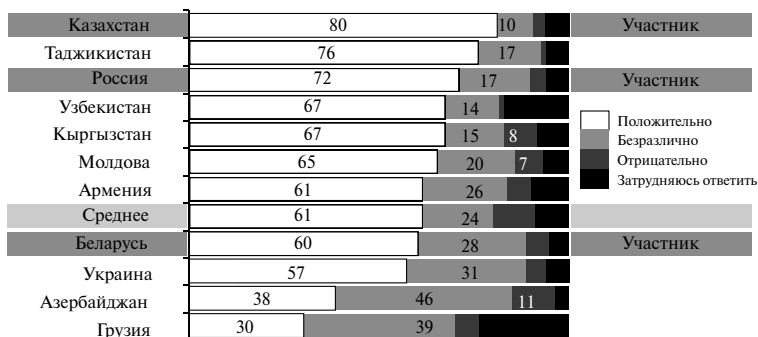

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что экономики Беларуси, Казахстана и России объединились в Таможенный союз, который освободил торговлю между тремя странами от пошлин?», %

Интересен также факт высокой поддержки интеграционных объединений в Узбекистане, несмотря на заметные изоляционистские настроения в населении, очевидные из ответов на другие вопросы.

Из трех участников ТС и ЕЭП ниже всех оценивают это участие в Беларуси, выше всех — в Казахстане. В каждой из трех стран, входящих в эти интеграционные объединения, доля их сторонников составляет больше половины взрослого населения.

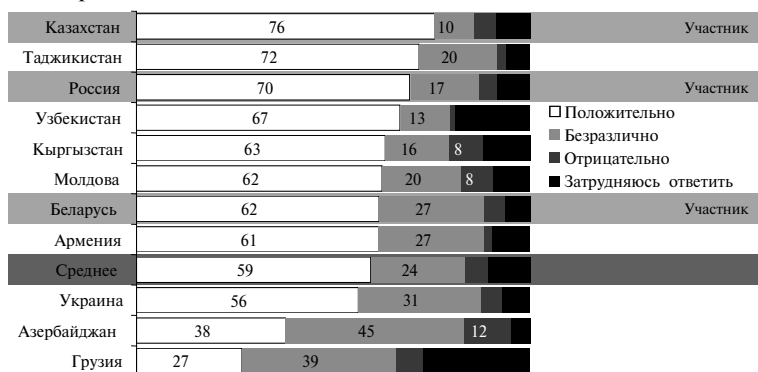

Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос «А как Вы относитесь к тому, что в дополнение к Таможенному союзу Беларусь, Казахстан и Россия создали Единое экономическое пространство (по сути, единый рынок трех стран)?», %

В общем списке стран есть только две, где доля положительных оценок ЕЭП и ТС не превышает 50%, — Азербайджан и Грузия. От населения Грузии сложно ожидать массовых высоких оценок интеграционных объединений с участием России, а результирующий вектор интеграционных предпочтений жителей Азербайджана направлен за пределы территории бывшего СССР, а именно в сторону Турции (рис. 9).

Только в двух странах — Таджикистане и Казахстане — доля респондентов, считающих, что в ближайшие пять лет страны бывшего СССР будут сближаться, превышает 50% (рис. 10). Впрочем, доля ответов «Страны будут отдаляться» ни в одной стране не имеет первого ранга и только в Азербайджане превышает долю ответов о сближении, т.е. абсолютное большинство населения в каждой из стран считает, что в ближайшие пять лет страны бывшего СССР как минимум не начнут отдаляться друг от друга.

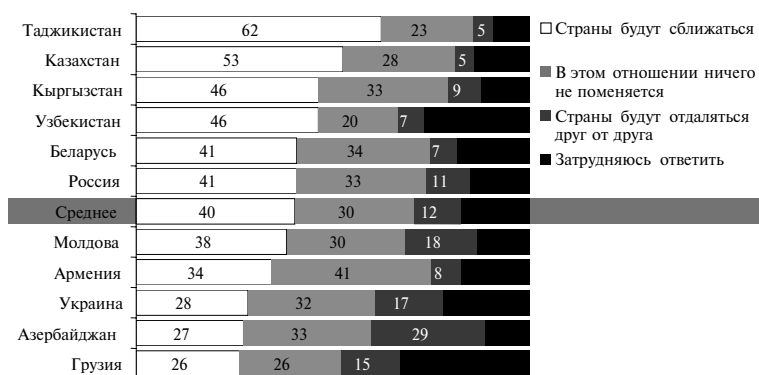

Рис. 10. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы думаете, в ближайшие пять лет страны СНГ (бывшего СССР) будут сближаться или отдаляться друг от друга?», %

Интеграционные предпочтения населения имеют значимую взаимосвязь с возрастом, и эта зависимость имеет две разновидности. Первая характерна для Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана и в несколько менее выраженной форме для Казахстана — в старшей возрастной категории значимо выше, чем по всей выборке, притяжение к кластеру «Страны бывшего СССР» и значимо ниже к кластерам «Страны Евросоюза» и «Другие страны». Иная разновидность зависимости интеграционных предпочтений от возраста характерна для Грузии, Армении, Молдовы, Украины, Беларуси и России: с уменьшением возраста значимо увеличиваются доли упоминаний стран Евросоюза и остального мира, тогда как доля упоминаний стран постсовет-

ского пространства практически не меняется, т.е. ключевое отличие перечисленных стран от стран Центральноазиатского региона и Азербайджана заключается в том, что люди старшего поколения не испытывают относительно большего тяготения к странам бывшего СССР.

В странах СНГ впервые проведено столь масштабное исследование общественного мнения по вопросам постсоветской интеграции: налаживанию экономических и кооперационных связей, социальных и бизнес-контактов, культурному взаимодействию. В результате представлена подробная картина предпочтений граждан СНГ по различным аспектам интеграции и кооперации региона. Предполагается, что опрос «Интеграционный барометр ЕАБР» будет проходить ежегодно в режиме мониторинга, что позволит оценить долгосрочные тренды в общественном мнении граждан стран СНГ.

Е.С. Петренко

Общероссийский
общественный фонд
«Общественное мнение»

СОБЫТИЯ КОНЦА XX в. В ПАМЯТИ РОССИЯН

Введение

Современная отечественная история вызывает постоянный интерес в обществе. Не случайно на центральных каналах появляется большое количество фильмов, посвященных новейшей российской истории. А в отечественной развлекательной литературе большую популярность получил жанр «альтернативной истории», причем не просто истории, а истории недавнего прошлого.

Нынешняя активированность исторической памяти обусловлена, помимо всего прочего, потребностью россиян осмыслить современное место страны в истории и мире. Потребность в осознании настоящего времени побуждает стремление вырабатывать определенное отношение к предыдущим эпохам, попытки их оценки и переоценки. Иными словами, в обществе постоянно идет активная ментальная работа, формируется исторический миф недавнего прошлого. При этом важная роль отводится преемственности нынешней России по отношению к достижениям и идеалам России советской, что невозможно без оценки, переосмысления событий двух последних десятилетий XX в.

Заметим, что эти оценки весьма неоднозначны. Достаточно упомянуть активные обсуждения в блогосфере событий августа 1991 г. и октября 1993 г., приуроченные их к годовщинам.

Свидетельством актуальности проблем исторической памяти являются и результаты одного из опросов Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в котором приняли участие 1500 респондентов (6–7 октября 2012 г.) и среди вопросов которого был следующий: *«Министерство культуры планирует выделить средства для поддержки отечественного кинематографа. Какие фильмы, по вашему мнению, оно должно поддерживать в первую очередь?»*. Половина респондентов ответила, что такими должны быть «фильмы об истории России». При этом фильмы о мировой истории назвали всего 16%.

Летом 2010 г. ФОМ по заказу Фонда современной истории провел социологическое исследование на тему «История Российской Федерации: конец XX в. в коллективной памяти россиян». Одной из составляющих иссле-

дования стал массовый опрос населения. Участникам опроса, в частности, предлагалось назвать два-три главных события в жизни России, произошедших с 1985 по 1999 г. Кроме того, респондентам была предложена карточка, на которой перечислялись 30 политических, экономических и культурных событий, произошедших за последние 15 лет XX в. (с 1985 по 1999 г.). Опрашиваемые могли дать любое число ответов, оценить перечисленные события как важные для истории страны. Опрос был проведен в 44 субъектах РФ, 100 населенных пунктах. Общая выборка составила 2000 респондентов в возрасте 18 лет. В конце октября 2012 г. ФОМ вновь обратился к своим респондентам с просьбой ответить на те же вопросы.

Результаты опросов оказались достаточно схожи. В частности, отвечая на открытый вопрос о главных событиях 1985–1999 гг., россияне, как и два года тому назад, упомянули следующее:

- *перестройка* — 23% всех опрошенных в 2010 г. и 25% в 2012 г.;
- *распад СССР* — 26 и 22%;
- *дефолт 1998 г.* — 15 и 10%;
- *попытка государственного переворота в августе 1991 г. (пуч ГКЧП)* — 15 и 15%;
- *война в Чечне* — 13 и 11%.

Похожая картина прослеживается и в ответах на другие вопросы. Однако за два года в общественном мнении произошли и некоторые подвижки.

В опросе 2012 г. незначительно, но снизилось число респондентов, затруднившихся определить, какие из событий оказали существенное влияние на жизнь страны и людей. Если ранее таких было 13%, то сейчас их стало 10%. Как видим, снижение не очень заметное, но если эта тенденция сохранится и далее, то можно будет с уверенностью утверждать, что обыденные интерпретации новейшей российской истории продолжают трансформироваться. Важно понять направление и интенсивность этих трансформаций.

Последнее наше исследование показало, что увеличилось количество событий, упоминаемых респондентами. Данное обстоятельство опять-таки свидетельствует об активности процессов реформирования обыденного нарратива новейшей отечественной истории.

Практически по всем событиям, перечисленным в анкете, увеличилась доля респондентов, считающих их значимым для жизни страны. Например, если событие, оказавшееся на 1-м месте, в 2010 г. считали важным 37% опрошенных, то в 2012 г. — уже 51%. Судя по всему, в последнем опросе проявилась большая определенность россиян в оценках и во взгляде на события недавнего прошлого.

Вот первые семь событий, полагаемые россиянами важнейшими в опросах 2010 и 2012 гг.:

2010		2012	
Событие	% респондентов	Событие	% респондентов
Вывод советских войск из Афганистана	37	Дефолт 1998 г.	51
Переход к политике перестройки 1987 г.	28	Чернобыльская авария 1986 г.	50
Дефолт 1998 г.	30	Вывод войск из Афганистана 1989 г.	43
Начало второй чеченской войны 1999 г.	29	Начало второй чеченской войны 1999 г.	37
Выборы первого президента России 1991 г.	29	Начало первой чеченской войны 1994 г.	37
Чернобыльская авария 1986 г.	28	Выборы первого президента России 1991 г.	28
Начало первой чеченской войны 1994 г.	27	Переход к политике перестройки 1987 г.	28

Характерно то, что в целом список первых семи событий, наиболее часто упоминаемых опрошенными в числе важнейших, за два года не изменился. Это свидетельствует об устойчивости ментальной составляющей событийной структуры исторической памяти. Изменение же частоты упоминаний для различных событий из первой «семерки» и, как следствие, изменение их ранга связано, по всей видимости, с большей оценочной определенностью у респондентов конкретных событий по сравнению с опросом 2010 г.

На основе данных, полученных в опросе 2012 г., нами были проанализированы особенности исторической памяти различных групп россиян.

Основным инструментом для подобного анализа послужила аналитическая стратегия ФОМ «Социография», позволившая проанализировать оценки респондентов с разными стилями жизни¹.

Базой для описания стилей жизни россиян послужила структура пространства инновационных повседневных практик, которые сформировались сегодня в российском социуме. В качестве таковых могут быть рассмотрены инновационные услуги, развлечения, товары, появившиеся сравнительно

¹ Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б., Петренко Е.С. Социография: инновационная аналитическая стратегия // Телескоп. 2010. № 2.

недавно (фитнес, косметические салоны, ценные бумаги, акции, разного рода девайсы и т.п.) либо еще недавно бывшие недоступными для среднего россиянина (деловые вояжи за рубеж, услуги, предоставляемыми банками частным лицам — потребительские кредиты, мобильный банк и т.п.). Сначала рассмотрим, что представляют собой респонденты из групп с разными стилями жизни.

Массовая деловая элита

Первая группа, отличающаяся «продвинутым» современным стилем жизни, — это представители массовых элитных групп, современного «креативного класса». Мы решили их назвать **«деловые люди»**, так как особенностью их образа жизни являются деловые поездки за рубеж. «Деловые люди», составляющие 8% опрошенных, молоды, высокообразованны, хорошо обеспечены; смартфон, мобильный Интернет, кредитка — неперенные их атрибуты.

«Деловые люди» — небольшая, но хорошо обеспеченная группа населения. Возраст 74% из них не превышает 45 лет, т.е. они родились в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Более 40% из них имеют высокий уровень дохода. Большинство — специалисты (36%) или руководители (20%) с высшим (59%) и средним специальным (31%) образованием. Преобладающая сфера занятости — услуги (19%) или образование и наука (12%). Преимущественно проживают в столицах и крупных региональных центрах (46%), в больших городах (35%). Судя по всему, представители именно этой демографической группы сумели наилучшим образом воспользоваться преимуществами 1990-х годов.

Место жительства и уровень дохода позволяют «деловым людям» иметь продвинутый современный стиль жизни. Трудно найти современную потребительскую практику, еще не освоенную ими. Главное отличие их стиля жизни, как мы уже упоминали, — вояжи за границу (100%). Соответственно большая их часть (78%) владеет хотя бы одним иностранным языком.

Протестные настроения в этой группе выражены слабо. Лишь 10% испытывают готовность участвовать в акциях протеста.

Люди Интернета

Вторая группа — уже более массовая, по сути дела (если пользоваться расхожими околонучными штампами), наш «средний класс», а лучше — слой. Мы их назвали **«людьми Интернета»**. Это примерно 44% всех опрошен-

ных. И хотя сегодня «людям Интернета» заграничные вояжи пока не свойственны и (или) не интересны, и (или) недоступны из-за ограниченности тех или иных ресурсов (временных, финансовых), тем не менее им присущ вполне современный стиль жизни. Главная особенность этих людей — существенная (а по сути, определяющая) роль Интернета в стиле жизни. «Людей Интернета» можно разделить на три категории: ежедневная, наиболее опытная (можно сказать — «старожилы Интернета») аудитория «со стажем» пять лет и более (12%), вторая категория также ежедневно имеет дело с Интернетом, но их «стаж» составляет менее пяти лет (19%) и, наконец, часть аудитории, пользующаяся Интернетом *не каждый день, а время от времени* (13%).

«Люди Интернета» также довольно молоды. Из них 78% моложе 45 лет, а приблизительно половина (45%) не достигла и 30. Учитывая, что овладение компьютером и смартфоном не требует сегодня глубоких познаний, образование «людей Интернета» весьма разнородное: высшее (28%), среднее специальное (44%), средне общее (20%). Сегодня Интернет доступен на значительной части нашей страны, поэтому география проживания респондентов данной группы широка. Большинство из них проживают в средних и больших городах (41%), немногим менее — в поселках городского типа и селах (40%), остальные — в городах-миллионниках и столичных центрах. Уровень дохода у 40% средний, у 17% — высокий и у 24% — низкий. Главное, что любой из этих уровней дохода позволяет обеспечить им доступ в Интернет.

Компьютерные коммуникации, компьютерные игры, чаты, блоггерство на работе и дома и блоггерство как работа и дом. Здесь «люди Интернета» работают и проводят досуг, знакомятся, развлекаются, оттачивая свой стиль жизни. Здесь они фактически обитают. Естественно, что практически 2/3 из них владеют иностранным языком (70%), поскольку интернет-общение не ограничивается рамками России.

Среди ежедневных пользователей Интернета со стажем пять лет и более преобладают люди с высшим образованием (38%). В данной категории по сравнению с двумя другими больше людей из возрастного интервала 31–45 лет (29%), больше число проживающих в Москве и городах-миллионниках (29%) и больше обеспеченных людей (33%). Подобные возрастные и образовательные рамки объясняются тем, что пять лет назад (и ранее) Интернет был преимущественно распространен в крупных городах, в первую очередь в Москве, Санкт-Петербурге, региональных центрах. Кроме того, работа в сети требовала если не специального образования, то особого склада ума. Тогда еще Интернет не превратился в средоточие развлечений и использовался, скорее, в рабочих целях.

В категории ежедневных пользователей со стажем менее пяти лет значительная часть людей моложе 30 лет (56%). Среди них преобладают респон-

денты со средним специальным образованием (47%) и со средним доходом (40%), живущие в средних городах (25%). По сути, это молодежь — студенты и школьники, получившие доступ в Интернет сравнительно недавно, благодаря развитию в России мобильного и проводного Интернета.

Прочие пользователи Интернета, работающие в сети не каждый день, — в большинстве своем пожилые (свыше 45 лет) люди (27%), преимущественно со средним специальным (46%) и средним общим (32%) образованием. Проживают во всех видах городов, но все-таки большинство (28%) живет в селах, а меньшая часть (4%) — в Москве. В данной категории большинство составляют респонденты среднего и низкого достатка.

Заемщики

Стиль жизни следующей группы, которую мы назвали «заемщики», можно описать как переходный от традиционного к современному образу жизни. Ресурсы для данного транзита «заемщики» находят с использованием кредитных практик. Таковых 12% всех респондентов. Обратим внимание, что «заемщики» Интернетом не пользуются, а границу видели только по телевизору.

Среди «заемщиков» преобладают люди среднего возраста (79% от 31 до 60 лет), в большинстве женщины (59%). Основную часть этой группы составляют рабочие (43%) и пенсионеры (24%) с низким (49%) и средним (39%) уровнем дохода. Большинство «заемщиков» живут в равных пропорциях в поселках городского типа, средних и крупных городах. В городах с населением свыше миллиона их доля не велика (5%). Образование у подавляющего большинства из них — среднее или среднее специальное.

«Заемщики» — люди в целом активные, что хорошо заметно по их стилю жизни. Более половины (55%) покупают товары в кредит, примерно столько же (45%) пользуются банковскими кредитами. Таким образом, транзит от традиционного (как у «аутсайдеров») к современному стилю потребления для активных жителей небольших и средних городов лежит собственно через рост самого потребления. Доминирующие статьи расходов — еда (47%), здоровье (42%), одежда (32%), обустройство жилья (25%).

Люди данной категории острее других реагируют на экономические изменения в стране. Как следствие, среди них наиболее сильны протестные настроения. Так, готовность участвовать в акциях протеста испытывают 21%, причем в качестве причин указываются такие проблемы, как экономические (высокие цены, низкие зарплаты) — 27%, социальные (безработица) — 26% и жилищные (цены на жилье, тарифы ЖКХ) — 29%.

Аутсайдеры

Наименее обеспеченная и, вероятно в силу этого обстоятельства, наиболее консервативная группа — **«аутсайдеры»** (35% всех опрошенных). Это — преимущественно представители старших возрастных и (или) низкодоходных групп, придерживающиеся традиционного стиля жизни. Из них 48% уже перешагнули 60-летний рубеж, а 31% подошли к нему достаточно близко — им от 46 до 60 лет. Соответственно большинство из них (60%) — неработающие пенсионеры. Место жительства — села и поселки городского типа (40%). Остальные равномерно проживают в средних, больших и городах-миллионниках. Образование у 61% «аутсайдеров» — среднее и среднее специальное, у 21% — ниже среднего, а доход у 60% — низкий.

Современные потребительские практики, за исключением мобильного телефона, «аутсайдерам» либо недоступны, либо непривычны, либо малоприняты.

Протестная активность в данной группе незначительна — лишь 13% опрошенных готовы участвовать в акциях протеста.

Историческая память россиян с разными стилями жизни

Наиболее четко и полно оценивают события недавнего прошлого «деловые люди». Количество событий, отмеченных ими как ключевые, оказавшие влияние на жизнь страны, значительно выше, чем у остальных групп. Они чаще, чем представители других групп, отмечают важность таких событий, как «выборы первого президента России» — 38% (28% в целом по опросу); «переход к политике перестройки» — 37% (28% в целом по опросу).

Еще более заметна эта разница на оценках событий «второго плана», не столь популярных у респондентов в среднем. Особо «деловые люди» выделяют события экономического характера. Так, «создание кооперативов» и «обмен 500- и 100-рублевых купюр» сочли важным событием 30% (18% в целом по опросу), «начало массовой приватизации, ваучеры» — 38% (26% в целом по опросу).

Среди политических событий «деловые люди» выделяют объявление о независимости республиками Прибалтики — 31% (18% в целом по опросу). Вообще тема распада СССР, если судить по ответам на открытый вопрос, заставляет наиболее сильно реагировать именно «деловых людей»: 35% из них упомянули это событие как важное. В целом же среди всех опрошенных таковым его назвали лишь 22%.

Среди «деловых людей» достаточно велика численность респондентов, считающих, что перестройка принесла России больше хорошего — 31% (20% в целом по опросу) и относящихся к ней положительно — 30% (17% в целом по опросу).

Отметим, что и в целом среди всех опрошенных существенно больше респондентов (20%), чем летом 2010 г. (14%), отмечают положительные итоги перестройки. Правда, осенью 2012 г. оказалось значительно больше, чем в 2010 г., и тех, кто уверен, что перестройка у нас еще не закончилась (51% против 43%). Заметно чаще других о продолжении перестройки в наши дни говорят «заемщики» (58%) и «эпизодическая аудитория Интернета» (56%).

«Заемщики» наиболее часто упоминают более приземленные вещи, напрямую повлиявшие на жизнь людей. «Кампанию по борьбе с пьянством», наиболее раннее событие из всех упоминаемых в анкете, признали важным 27% «заемщиков» (20% в целом по опросу). Для сравнения: это же событие сочло важным лишь 15% «деловых людей» и 17% «людей Интернета».

События же политической жизни представляются «заемщикам» как нечто абстрактное, не влияющее непосредственно на их судьбу, а посему не заслуживающее упоминания. Принятие новой Конституции России в декабре 1993 г. сочло важным 20% «заемщиков» (26% в целом по опросу). Подобная картина обнаруживается и с победой Ельцина на выборах 1996 г. — 7% (13% в целом по опросу), а также с августовским путчем 1991 г. — 21% (26% в целом по опросу). События, происходящие «где-то далеко, в столице» оставили «заемщиков» равнодушными, хотя отношение к перестройке как таковой у них резко отрицательное (50%). Кроме того, 58% респондентов этой группы также считают, что перестройка принесла стране больше плохого.

И еще одно наблюдение. И в 2010, и в 2012 гг. баланс положительных и отрицательных оценок «перестройки» остается неизменным: 17% респондентов и тогда и сейчас к ней относятся положительно, а 27% и тогда и сейчас — отрицательно. При этом баланс таких оценок в группах с разными стилями жизни различен. «Деловые люди» чаще других относятся к перестройке положительно: 30% против 33% отрицательных оценок. У «старожилов Интернета» баланс оценок еще более негативный: 22% — положительно и 42% — отрицательно. Среди остальных «людей Интернета» оценки перестройки почти нейтральные (34% положительных против 36% отрицательных). А вот каждый второй «заемщик» (50% против 19%) и каждый второй «аутсайдер» (49% против 18%) оценивают перестройку отрицательно. Очевидно, что, кто сильнее проиграл, тот и наиболее критичен.

А.И. Пишняк,
Н.В. Халина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

СОЦИАЛЬНЫЙ VS ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБМЕН: ЕСТЬ ЛИ МЕСТО РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И ДЕТЬМИ?

Введение

В современной исследовательской традиции при изучении экономического речь в первую очередь идет о взрослых, деятельность детей чаще всего остается вне контекста. И даже в тех редких случаях, когда социологи обращаются к анализу экономических аспектов детства, в фокусе внимания оказывается восприятие этих вопросов старшим поколением. Как отмечает В. Зелизер, только немногие исследователи сознательно переключают свое внимание с изучения того, как взрослые оценивают экономическую деятельность детей, непосредственно на саму экономическую жизнь подрастающих. В то же время только подобная смена объекта позволяет исследовать детей как экономических акторов [Zelizer, 2011, p. 216].

Выступая в этой роли, дети могут взаимодействовать с широким кругом контрагентов: сверстниками, друзьями, учителями, продавцами магазинов, представителями различных организаций и т.д.

Разумеется, экономические отношения обнаруживаются и внутри семьи. Примерами тому могут служить интеракции, связанные с деньгами, подарками, поощрениями и вознаграждениями, выраженными как в материальной (в том числе денежной), так и в нематериальной форме. Ошибочно предполагать, что речь идет об одностороннем процессе перемещения благ от родителей к детям. Большинство подобных интеракций представляют собой полноценный двусторонний обмен, в котором дети являются не только реципиентами и, в свою очередь, предлагают родителям эквивалент полученных благ — нечто имеющее ценность для контрагента: хорошее поведение, отличные оценки, помощь по дому и т.д. Дети могут активно участвовать в процессе переговоров, сопровождающих подобный внутрисемейный обмен, предлагать свои условия.

По форме это не всегда аналог рыночного торга, в ходе которого определяются приемлемые для сторон условия. В ряде случаев не только дети, но и родители не осознают, что происходящее суть процесса установления цены. Последний термин используется здесь с большой долей условности, прежде всего потому что мы не разделяем стремление подвергать количественной стоимостной оценке внутрисемейные процессы и убеждены в том, что не все решения, связанные с передачей детям материальных благ, — следствие рационального сопоставления выгод и издержек и направлены на максимизацию полезности агентов в терминах экономической теории.

Понимая, что интеракции подобного рода могут сочетать в своей основе денежные аспекты (пусть даже не только и не в первую очередь денежные) и одновременно с этим отнюдь не утилитарные мотивы, закономерно поставить вопрос о том, с каким типом обмена мы имеем дело: экономическим или социальным?

Для ответа на поставленный исследовательский вопрос сфокусируем внимание на внутрисемейном обмене, один из элементов которого — передача денег и материальных благ от родителей детям.

Обзор литературы

В рамках означенной темы среди исследований социологов наибольший интерес представляют работы В. Зелизер. В труде «Оценивая бесценного ребенка» [Zelizer, 1985] описывается, как менялось культурное восприятие денег и причин, по которым они выдаются детям. Если в начале XX в. деньги, передаваемые ребенку, обучали воспринимать реальность в прямой связке «работа — деньги», то 30 лет спустя они воспринимались как содержание (*allowance*). Деньги перестали быть связаны с работой по дому, а мотивом для их передачи ребенку стало ознакомление его с понятием «стоимость» (*value*), а не заработка. В статье «Дети и коммерция» В. Зелизер отмечает, что дети редко изучаются как самостоятельные экономические агенты, чаще всего вопросы, связанные с детским экономическим поведением, рассматриваются через призму восприятия взрослыми подобной экономической активности. Предлагая исследовать непосредственно экономическую жизнь детей, автор указывает, что детская экономическая активность выходит далеко за пределы покупок. Несмотря на то что в исторической перспективе наблюдается переход от восприятия ребенка как производителя к восприятию его как потребителя, В. Зелизер отмечает, что дети всегда выступали в трех экономических сферах — производстве, перераспределении и потреблении. С течением времени менялись только формы их деятельности в каждой ипостаси. Будучи занятыми в сфере производства, которое определяется как усилия, создающие

новую стоимость, дети обретают возможность получать деньги, в том числе и за работу по дому. И несмотря на то что о приемлемости оплаты домашнего труда и роли детского содержания ведутся многочисленные дебаты, автор пишет, что в какой бы форме деньги ни передавались от родителей к детям, они всегда являются предметом продолжительного процесса торга внутри семьи. Информация о том, как осуществляется процесс торга (которая, надо заметить, в большом дефиците), позволяет лучше понять устройство внутри-семейной экономики [Zelizer, 2010].

Внимание к изучению вопросов детского «содержания» или карманных денег уделяется в рамках экономической психологии, представители которой активно разрабатывают тему экономической социализации. Чаще всего в рамках таких исследований изучается восприятие денег детьми, в том числе карманных, а также монетарное и потребительское поведение детей (например, [Furnham, Thomas, 1984]).

Во многих работах поднимается вопрос о том, на каких условиях выдаются деньги, как они различаются и какое влияние оказывают эти условия на восприятие денег ребенком обращение с ними. Кроме того, обсуждается, следует ли платить ребенку за работу по дому или оставлять его без вознаграждения за подобный труд, но выдавать содержание как члену семьи, имеющему право на семейный доход.

В некоторых работах предполагается, что, передавая деньги в виде безусловного содержания, родители тем самым проявляют более высокий уровень доверия, чем в случае, когда деньги выдаются в качестве оплаты за работу. Взрослые таким образом показывают ребенку, что он является полноправным членом семьи, имеющим право на часть семейного дохода при условии соответствующего с его стороны поведения. Основной мотив выдачи содержания в рамках такого подхода — обучение правильному обращению с деньгами. При этом предполагается, что дети проявляют большую ответственность в отношении получаемых средств и прикладывают больше усилий, чтобы научиться обращаться с деньгами должным образом. Напротив, в случае если речь идет о деньгах за труд по дому, то в фокусе оказывается именно работа и контракт по ее исполнению. Ответственность ребенка ограничивается выполненной работой, а деньги, полученные за труд, являются элементом справедливого обмена. Дети, получающие деньги за работу по дому, не так серьезно относятся к денежным ресурсам и меньше знают об экономической системе [Abramovitch et al., 1991].

Д. Лейзер и М. Ганин отмечают, что существуют четыре способа обеспечить детей деньгами:

- 1) давать деньги ребенку по потребности;
- 2) давать деньги на содержание или карманные расходы в виде фиксированной суммы в определенные периоды времени;
- 3) давать деньги за работу по дому;

4) позволять ребенку получать деньги за работу вне дома. Последний вариант чаще всего представлен подработками с невысокой оплатой, которые можно оставить в любой момент, однако лишь он позволяет сделать первые шаги в сторону настоящей экономической независимости [Leiser, Ganin, 1996].

Методология исследования

Цель исследования — изучение характеристики внутрисемейного обмена, одним из элементов которого является передача денег и материальных благ от родителей к детям.

Предмет исследования — внутрисемейный обмен, одним из элементов которого является передача денег и материальных благ от родителей детям.

Объект исследования — семьи с детьми в возрасте 10–14 лет, проживающие в Москве.

Теоретическая основа исследования. Внутрисемейные взаимоотношения традиционно классифицируются как социальный обмен. Анализ интеракций между родителями и детьми в контексте выгод и издержек каждой из сторон, вероятнее всего, будет подвергнут критике со стороны социологов как соответствующий экономическому детерминизму. Однако сложно отрицать наличие элементов экономического в повседневных семейных практиках.

Для ответа на вопрос о том, к какому типу обмена следует относить интеракции между родителями и детьми по поводу денег и материального вознаграждения, необходимо прежде всего определить идентификационные критерии.

С позиции теории П. Блау экономический и социальный обмены обладают особыми признаками [Blau, 1964]. В частности, для экономического обмена характерно наличие:

- четко определенных условий и обязательств сторон (*контракт*);
- переговоров сторон в процессе определения условий и обязательств (*торг*);
- инструментов принуждения к исполнению условий и обязательств (*санкции*)¹.

На наш взгляд, типы отношений между родителями и детьми по поводу материальных благ располагаются на условном континууме, где крайними точками предстают чистые проявления экономического и социального обмена. Существующие в реальности типы не достигают крайних точек, но

¹ В рамках настоящего исследования это — лишь условное обозначение выделенных элементов. Разумеется, речь идет не о контрактах в полном смысле этого слова, но о неких оговоренных условиях и обязательствах сторон, которые могут не подкрепляться фактическим бумажным контрактом. Понятиях «торг» и «санкции» также употребляются с подобными оговорками.

могут быть обозначены как тяготеющие к одному из пределов. Отсутствие контракта, торга и санкций, на наш взгляд — подходящий критерий для проведения водораздела между экономическим и социальным обменом в рамках настоящего исследования.

Итак, основные предпосылки исследования формулируются следующим образом:

- под рыночными отношениями внутри семьи понимается экономический обмен;
- в ходе работы анализируется обмен, одним из элементов которого является передача денег и материальных благ от родителей детям;
- обмен не является чисто социальным, если для него характерно наличие хотя бы одной из составляющих экономического обмена (контракт, торг, санкции), и классифицируется как экономическая форма социального.

Эмпирическая основа исследования. В контексте означенной темы ошибочным было бы останавливаться на исследовании представлений родителей о формах внутрисемейного обмена. Взгляд детей на происходящее может существенно отличаться от мнения родителей. Но можно ли классифицировать обмен как социальный, если хотя бы одна из сторон-участников указывает на признаки экономической интеракции?

С учетом сказанного эмпирическая основа исследования строится на данных, полученных и от родителей, и от их детей.

Информационной базой исследования являются полуформализованные структурированные интервью с родителями детей в возрасте 10–14 лет и самими детьми. Беседы сепарированы: опрос детей проведен с согласия родителей, но без участия и контроля со стороны взрослых. В ходе исследования проинтервьюированы 15 пар респондентов (мать и ребенок), проживающих в Москве. Таким образом, получено 30 интервью. Рекрутирование респондентов осуществлено методом «снежного кома» с использованием нескольких точек входа.

Беседа проведена с использованием гайдов, сочетающих интерактивные, организационные и биографические вопросы². Гайд для интервьюирования ребенка представляет собой адаптированный вариант гайда для родителей³.

Основные результаты

Результаты исследования позволяют следующим образом типологизировать деньги и материальные блага, которые родители передают детям.

² Средняя продолжительность интервью: с детьми — 30 мин, с родителями — 45 мин.

³ В ходе пилотирования инструментария исключены термины, которые вызывают непонимание со стороны детей.

1. *Деньги на карманные расходы, содержание (allowance)*. Это — деньги, которые выдаются на регулярной основе в виде определенной оговоренной суммы и идут на оплату текущих повседневных потребностей ребенка.

2. *Деньги «по запросу»*. Чтобы получить эти деньги, ребенку необходимо объяснить их целевое назначение. Они предназначаются на траты, не связанные с удовлетворением текущих повседневных потребностей. Необходимость в таких деньгах возникает время от времени: требуется сделать подарок другу, пойти в кино и т.д.

3. *Подарки*. Деньги и материальные блага могут передаваться ребенку в честь праздников и знаменательных дат, а также событий, которые родители хотят отметить особым образом (завершение учебного года, победа в соревновании и т.д.).

4. *Экономленные деньги, сдача*. Речь идет о деньгах, которые остаются у ребенка после совершения каких-либо покупок по заданию родителей.

5. *Вознаграждение за работу по дому*. Это могут быть деньги или материальные блага, получаемые ребенком за уборку квартиры, вынос мусора, мытье посуды, помощь братьям и сестрам и т.д. Неотъемлемым элементом здесь является работа на «общее благо». Немаловажно отметить, что гипотетически выполнить ее может и другой член семьи.

6. *Вознаграждение за личные достижения*. Деньги и материальные блага, которые передаются на заранее оговоренных условиях, не связанных с выполнением бытовых дел по дому. Вознаграждения могут предлагаться за оценки, хорошее поведение, какие-либо достижения в ходе дополнительных занятий (спорт, творчество). В отличие от предыдущего типа, достигнутые результаты здесь неотделимы от ребенка, а работа не может быть выполнена кем-то другим.

7. *Заработок*. Деньги за работу, выполненную вне семьи (на рынке труда). Хотя выбранная возрастная категория (10–14 лет) не может быть трудоустроена на рынке труда на законных основаниях, дети все же получают подработку, в том числе через родителей или родственников.

Вокруг каждого из перечисленных типов формируются взаимоотношения, в рамках которых определяется, каким образом и на каких условиях деньги и материальные блага передаются из одних рук в другие. Речь не всегда идет о четко определенных обязательствах и договоренностях — в ряде случаев установление практики передачи денег от взрослых ребенку может быть описано фразой «так сложилось», указывающей на полное отсутствие рефлексии процесса со стороны его участников.

Тем не менее именно эти процессы есть проявление отношений обмена, и именно они анализируются в настоящей работе на предмет причисления к категории экономического или социального. Для этого процесс обмена, возникающий по поводу каждого из перечисленных типов денег и материальных благ, которые передаются от родителей детям, исследуется с позиции поиска элементов *контракта, торга и санкций* за неисполнение установленных обязательств.

Контракт. Анализируя сущность обмена по поводу каждого из представленных типов, фиксируем, что некоторые из них априори предполагают возникновение обязательств со стороны ребенка в ответ на получение денег или материальных благ от родителей. Речь идет о вознаграждении за работу по дому, вознаграждении за личные достижения и о деньгах за работу, выполненную вне семьи (типы 4–7). Очевидно, что в этих случаях ребенок обязуется выполнить ряд требований родителей. Отношения по поводу оставшихся типов (типы 1–3), на первый взгляд, не предполагают двустороннего обмена. И в их рамках передача денег и материальных благ от родителей не требует никаких ответных действий со стороны ребенка. Здесь уместно говорить о проявлении социального обмена: с одной стороны, деньги даются ребенку, поскольку он является частью семьи и имеет право на часть семейных доходов, с другой стороны, будучи членом семьи, он имеет определенные обязательства, которые на него накладываются родителями. Самими респондентами подобные интеракции не воспринимаются как имеющие экономическую подоплеку или рыночный характер. Однако эмпирические данные указывают на существование квазиконтракта и в отношении передачи денег и материальных благ, отнесенных к типам 1–3, что можно заметить, обращаясь к двум другим характеристикам рыночного обмена.

Торг. Результаты исследования указывают на присутствие элементов торга в случае обмена деньгами и материальными благами 1–3-го типов. Ярким примером тому является регулярно повторяющиеся просьбы ребенка подарить ему на день рождения телефон определенной модели. Другой пример: обсуждение суммы, которую могут дать родители на поход в кафе, сопровождающееся ссылками на то, что другу обычно дают больше.

Дополняют картину случаи, в которых родители соглашаются сделать именно тот подарок на день рождения, который просит ребенок, при условии, что он закончит четверть на одни пятерки, а также разрешение на поход в кафе только после прогулки с собакой. Обратим внимание на то, что в последних примерах типы 2 и 3, изначально не предполагающие контрактных отношений, фактически превращаются в вознаграждение за работу по дому или личные достижения (типы 5–6).

Важно отметить, что обмен, выстраивающийся вокруг вознаграждения за работу по дому и личные достижения, напротив, может оказаться лишенным данной характеристики. Размер вознаграждения в ряде случаев устанавливается родителями в одностороннем порядке и не подлежит обсуждению.

Санкции. Этот элемент экономического обмена оказывается характерен для интеракций, связанных со всеми выделенными типами денег и материальных благ, кроме карманных денег и содержания. Ни один из респондентов не заявил о практике отказа в деньгах на текущие расходы в случае невыполнения каких-либо условий. В отношении оставшихся типов наблюдается

иная картина. Например, по причине игнорирования требований родителей ребенок может получить на свой день рождения совсем не тот подарок, который ждет, а за плохую оценку лишиться не только денег на билет в кино, но и возможности посещать кинотеатр в течение определенного времени.

Возвращаясь к типам 4–7, заметим, что невыполнение условий обмена ребенком на деле не всегда влечет за собой санкции. Так, вместо обещанных двух четверок в четверти может оказаться больше хороших оценок, а вместо первого места в соревновании только благодарность от тренера, а вознаграждение последует в полном объеме.

Так что же в заключение можно сказать о наличии элементов рыночных отношений во взаимодействии между родителями и детьми? Результаты исследования позволяют утверждать, что место проявлению экономического обмена в семье есть. Однако, на наш взгляд, куда важнее отметить противоречие, вскрывшееся в процессе анализа эмпирического материала. Наиболее приближенные, на первый взгляд, к экономическому обмену интеракции, предполагающие строгие договоренности и санкции, на деле оказываются далеки от прототипа рыночных: сроки и условия могут нарушаться, а санкции оказываться исключительно декларативными. Посмотрим теперь на повседневные практики семей, в которых материальные вопросы не ставятся на первый план, а вознаграждение за выполнение каких-либо условий или домашнего труда воспринимается как некое «зло», отрицательно влияющее на отношения между родителями и детьми. Вопреки ожиданиям, они оказываются наполнены элементами экономического обмена. Таким образом, границы экономического и социального размыты, и тезис о социальной укорененности экономического в очередной раз находит свое подтверждение.

Литература

Abramovitch R., Freedman J.L., Pliner P. Children and Money — Getting an Allowance, Credit versus Cash, and Knowledge of Pricing // *Journal of Economic Psychology*. 1991. No. 12 (1). P. 27–45.

Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964.

Furnham A., Thomas P. Pocket Money: A Study of Economic Education // *British Journal of Developmental Psychology*. 1984. No. 2. P. 205–212.

Leiser D., Ganin M. Economic Participation and Economic Socialization // *Lunt P., Furnham A. (eds). Economic Socialization: The Economic Beliefs and Behaviors of Young People*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1996. P. 93–109.

Zelizer V.A. Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children. N.Y.: Basic Books, 1985.

Zelizer V.A. Kids and Commerce // *Zelizer V.A. Economic Lives: How Culture Shapes the Economy*. Princeton University Press, 2010. P. 213–236.

В.С. Харченко

Уральский
государственный
педагогический
университет

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ЖИЗНИ ФРИЛАНСЕРОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С 1990-х годов футурологи [Горц, 2010; Малоун, 2006; Пинк, 2005; Хэнди, 2001] провоцируют обсуждение изменений, происходящих в экономике, и их последствий для общества в целом. Один из прогнозов заключается в том, что на смену «работнику организации» придет независимый работник, и проблемы обеспечения доходов, выстраивания карьеры, профессиональной реализации будут решаться им самостоятельно. Это означает, что модель стандартных трудовых отношений, или *SER-model*¹, для которой характерна стабильная, защищенная и полная занятость, будет постепенно вытесняться гибкими и неустойчивыми формами найма и нестандартной занятостью (*non-SER-model*²).

Распространение *SER-model* связано с эффектами постиндустриализма: меняется содержание труда, в котором увеличивается интеллектуальная составляющая, а для выполнения трудовых обязанностей все чаще требуется только «набор» инфокоммуникационных средств. Востребованными становятся занятия, связанные с выполнением услуг, что является одним из признаков когнитивного капитализма, в котором предметом обмена на рынке труда является «нематериальное» [Горц, 2010]. Меновая стоимость товаров при когнитивном капитализме определяется не потраченными на него ресурсами, абсолютной стоимостью, а сформированной стоимостью *спроса* на это знание, умения, способности (*skills*). Поэтому на рынке труда становятся востребованными *занятия*, связанные с обработкой и производством информации, оказанием услуг в виде проектов, набора заданий, выполнение которых не требует обеспечения постоянного штата сотрудников с полной и

¹ SER-model — Standard Employment Relations model (см. [Vosko, 2010]).

² В литературе можно встретить множество различных определений нестандартных моделей занятости. Все их объединяет отклонение от норм полной или стандартной занятости — будь то количество отработанного времени, условия найма, отсутствие единственного работодателя или гарантий (например, неполная, временная, множественная, портфельная занятость).

стабильной занятостью и фиксированными рабочими местами, и *работники*, готовые работать проектно, временно и удаленно [Малоун, 2006; *Inventing the organizations...*, 2003; Gareis, 2002]. Таким образом, все чаще организации и бизнес обращаются к услугам заемных работников, фрилансеров, и все выгодней становится внеорганизационная, нестандартная занятость.

Проблематика анализа нестандартной занятости активно обсуждается и анализируется в российском научном сообществе [Клеман, 2007; *Нестандартная занятость...*, 2006; Синявская, 2005; Аистов, 2005], для чего формируется корпус исследований, посвященных осмыслению фриланса и изучению фрилансеров как особой социальной группы [Заиченко, 2002; Стребков, Шевчук, 2008; 2010; 2011; Чапашкин, 2012; Гурова, 2012]. Все эти проекты по-разному затрагивают вопросы, связанные с особенностями трудовых стратегий, карьеры, ценностей и неравенства фрилансеров, социального статуса фрилансеров в структуре не только рынка труда, но общества в целом. Однако образ жизни фрилансеров и фриланс как стиль жизни недостаточно описаны и проанализированы. Оговоримся, что особенности фриланса как модели трудовых отношений определяют и специфику образа жизни фрилансеров [Бурлуцкая, Харченко, 2013].

Для описания специфики образа жизни фрилансеров мы выделили следующие элементы анализа:

- ценности, важное место среди которых занимают трудовые ценности;
- особенности карьеры;
- роль социального капитала;
- возможности управлять собственным временем, создание баланса между работой и другими видами деятельности.

Наш анализ основывается на данных двух исследований: «Фриланс как новая форма наемного труда: процессы институализации трудовых отношений»³ (2011–2012) и «Переписи фрилансеров» Д. Стребкова и А. Шевчука (раунды 2008 и 2011 гг.)⁴. На основе массива количественных данных и корпуса глубинных интервью мы смогли описать различия в образе жизни группы фрилансеров, которая на первый взгляд выглядит гомогенной.

³ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-03-00669а, руководитель — М.Г. Бурлуцкая (автор принимал непосредственное участие на всех этапах реализации проекта). Проведено 35 фокусированных интервью с фрилансерами, критериями отбора которых были: получение основного заработка именно от фриланса и наличие «стажа» фриланса больше двух лет.

⁴ Автор выражает благодарность Денису Стребкову и Андрею Шевчуку за сотрудничество и любезно предоставленные количественные данные переписей фрилансеров.

Социологические исследования образа и стиля жизни посвящены анализу тренда и попытке прогноза жизненных траекторий групп и общностей [Возьмитель, Осадчая, 2010; Омельченко, 2003; Возьмитель, 2002; Осадчая, 2002]. Анализируя общность фрилансеров, под категорией «стиль жизни» мы будем понимать «способ, которым живет индивид или группа, *ценностный стержень*, который направляет индивида на цель, определяет пути достижения успеха с точки зрения их приемлемости или неприемлемости в контексте его ценностного мира, помогает корректировать и “проверять” жизненно важные решения» [Омельченко, 2003]. Поэтому сфокусируем анализ на ценностях, разделяемых фрилансерами и определяющих их стилевые предпочтения.

Рассматривая фриланс как стиль жизни, отметим, что его основу составляют ценности, разделяемые «свободными агентами»: *свобода, возможность оставаться самим собой, ответственность и собственные критерии успеха* [Пинк, 2005]. Как показало наше исследование, именно их разделяют, хотя и с разными интерпретациями, все фрилансеры [Харченко, 2013].

Обозначая свободу как «первый компонент трудовой этики свободных агентов», Д. Пинк считает, что наивысшей формой ее проявления является возможность «поступать по своей воле», *выбирать* [Пинк, 2005, с. 72–73]. Возможность оставаться свободным связана с концепцией отчуждения труда: «если вы стали свободным агентом, работа неотделима от вашего “я” (...) однако если работа глубоко проникла в ваше “я”, от нее сложнее абстрагироваться, а это значит, что она может целиком поглотить человека и даже подавить его личность» [Там же, с. 78]. Таким образом, особое значение принимает анализ практик занятости, взаимодействия с заказчиками и понимание профессионализма. Ответственность как ценность проявляется в том, что в организации, фирме сглаживается дифференциация в трудовом коллективе, и «рабочие лошадки» и творческие умы субсидируют «лодырей и бездельников» [Там же, с. 80]. Поэтому возможность нести ответственность является важным мотивом ухода в фриланс и требованием, влияющим на успешность. Критериями успеха для фрилансера являются разные возможности, в том числе и увеличение дохода, но для все большего числа свободных агентов работа должна приносить удовлетворение, а работник может устанавливать собственные приоритеты и ни от кого не зависеть [Там же, с. 82].

Описанные Д. Пинком ценности фрилансеров во многом определяют и другие элементы, которые мы выделяем для анализа образа жизни фрилансеров.

Первая и осевая для фрилансеров ценность — *свобода* как автономность, независимость⁵ работника в выборе заказчиков, проектов, режима работы,

⁵ Здесь мы имеем в виду относительную независимость, т.е. допускаем, что во фрилансе присутствуют случаи вынужденной занятости, например работа над конкретным заказом, с определенными (жесткими) условиями и работодателем.

формировании доходов и особенно привлекательность работы, готовность фрилансера выполнить ее по собственному желанию. Свобода является осью, определяющей занятость, образ жизни фрилансеров, их приоритеты и мотивацию. Но понимание свободы различно, и фрилансеры воспринимают ее по-разному: как мобильность, разнообразие или отсутствие контроля.

Стремление к свободе фрилансеры выделили в переписи, отвечая на вопрос о преимуществах фриланса: популярными были ответы «*возможность самому выбирать время работы*» (79%), «*возможность самому выбирать себе проекты по душе*» (55,6%), «*возможность совмещать фриланс*» (39%) [Стребков, Шевчук, 2011, с. 105]. Ценность свободы ярко проявляется в описании мотивации перехода во фриланс. Из интервью с фрилансерами мы выделили такие мотивы ухода в «свободное плавание», как независимость, творческая самореализация, гибкость в работе и организации своего времени: «*ты сам себе хозяин (...) можно какие-то вещи ставить на первый план, а работу все-таки на второй*» (художник, стаж 2,5 года⁶).

Свобода как отсутствие ограничений выразилась в том, что в фрилансе есть возможность освободиться от привязки к конкретному рабочему месту (48%), не надо подчиняться корпоративным правилам (36%) и начальству (35%) [Там же]. Указанные преимущества тесно связаны с ценностью «*возможность оставаться самим собой*».

Возможность делать так, как считает сам фрилансер, и быть таким, каким он сам себя ощущает, — важное преимущество, которое дает фриланс. Респонденты упоминали о том, что они могут быть самим собой, когда сравнивали опыт работы в организации: «*нет никаких посредников, я работаю напрямую с заказчиком*», описывали опыт: «*вот как вы видели [готовую работу, проект. — Примеч. авт.] так и будет, не лучше не хуже*», внешний вид «*вот я сейчас в футболке сижу*»⁷ и свой настоящий стиль работы: «*я — сова, и работаю допоздна*».

Формирование собственного стиля работы и выстраивание успешных взаимоотношений зависят от умения фрилансера управлять своим временем, что непосредственно связано с *ответственностью*, которую готовы нести фрилансеры за выполняемую ими работу, репутацию, дальнейшее сотрудничество с заказчиком.

⁶ Здесь и далее мы приводим выдержки (цитаты) из интервью с фрилансерами, полученными в ходе нашего исследовательского проекта.

⁷ Отметим, что в течение этого интервью, которое проводилось при помощи интернет-звонка (skype), фрилансер помогал жене готовить ужин, что мы склонны считать признаком стиля работы фрилансера — выполнение работы может органично вписываться в выполнение домашних обязанностей (о чем информант также упоминал в интервью).

По данным переписей, возможность лично нести ответственность за результат важна для половины опрошенных фрилансеров [Там же]. Высокая степень ответственности, которую принимает фрилансер, не всеми воспринимается позитивно: как недостаток фриланса 16,4% участников переписи отметили «необходимость самому себя организовывать и контролировать». Но мы склонны считать, что эти данные свидетельствуют об элементе, влияющем на успешность фрилансера и образ жизни в целом, — о тайм-менеджменте, или об умении управлять своим временем, сочетать различные виды активности, особенно на начальном этапе фриланса, «входа» или «перехода», когда отсутствие навыков эффективного планирования, соизмерения объема задач и времени, необходимого для их выполнения, приводят к негативным последствиям. Это отрицательно влияет на репутацию, которую фрилансер заслуживает путем формирования объемного портфолио, положительных отзывов и *рекомендаций* заказчиков.

Заказчики играют большую роль для фрилансера, но более значимым является формирование сети заказчиков. Установление связей, основанных на позитивном опыте, делают их устойчивыми и, в логике сетевого подхода, плотными и прочными связями между звеньями (фрилансерами и заказчиками). Заметим, взаимодействие «фрилансер 1→←заказчик 1» имеет силу, а дальнейшие связи «заказчик 1→←заказчик 2, 3, 4» превращающиеся в «заказчик 2, 3, 4→←фрилансер 1», описаны как сила слабых связей [Грановеттер, 2009]. Фрилансеры этот феномен называют «сарфанное радио». Вот типичный механизм силы слабых связей: *«и много заказчиков звонят, вот мы видели ваш сайт, хотим роспись (...) один кому-то сказал, кто-то увидел, по-правилось и все, и пробивать телефон»* (художник, во фрилансе 2,5 года).

«Построение сети» является фактором развития фриланс-карьеры, так как в определенный момент фрилансер минимизирует самостоятельный поиск проектов: заказчики обращаются к нему лично, они заинтересованы в выполнении работы конкретным специалистом, потому что знают, что ему можно *доверять*.

Доверие — важный элемент во фрилансе, поскольку определяет успешность взаимодействия между фрилансером и заказчиком, влияет на необходимость «изобретать» механизмы для защиты от вероятных рисков (например, доля предоплаты или различные технические приемы, установка кодов на выполненную работу). Таким образом, уровень доверия определяет практики, при помощи которых фрилансер может развивать карьеру, зарабатывая репутацию, и накапливать социальный капитал. Однако заметим, что начинающие фрилансеры, обладающие большим объемом социального капитала, могут быть в такой же степени успешны, как и их «коллеги», обладающие внушительным опытом.

Все это свидетельствует об особенностях формирования и развития карьеры во фрилансе, важную роль в которой играют опыт, социальный капитал и сеть постоянных заказчиков. Фриланс-карьеру можно охарактеризовать следующими чертами:

- особые тактики профессионализации и специализации — фрилансеры развиваются в профессии зачастую самостоятельно, используя в качестве способов обучения материалы глобальной сети (форумы, публикации на сайтах). Здесь имеют значение разнообразные обсуждения успешного опыта или ошибок;

- появление экспертности в своей специализации является важным шагом в продвижении: фрилансер имеет больше конкурентных преимуществ и возможность устанавливать свою «цену» и как один из вариантов — развиваться в плане обучения, управления и создания собственных проектов;

- фриланс-карьера дифференцирована по нескольким основаниям — это «стаж», особенности дополнительной занятости (учеба, семья, уход за детьми и проч.) и объем социального капитала, которым обладает фрилансер;

- определить успешность карьеры фрилансера достаточно сложно, поскольку представление об успехе — не конвенциональная характеристика: это может быть уровень доходов, количество заказчиков, рейтинг на виртуальных рынках труда или сложность проектов, экспертность и проч.

Как показывают данные переписей, около 80% фрилансеров⁸ — совместители: студенты вузов, предприниматели, домохозяйки и штатные сотрудники организаций. Это деление — одна из типологий⁹, основанная на критерии совмещения фриланса с другими видами занятости, т.е. «чистые» фрилансеры и совместители. На основе анализа особенностей образа жизни фрилансеров мы зафиксировали пять типов фрилансеров:

- мамалансеры;
- студенты-фрилансеры;
- хобби-фрилансеры;
- опытные фрилансеры;
- фрилансеры — востребованные работники.

⁸ В данном случае мы имеем в виду число совместителей по сведениям переписей фрилансеров (в 2011 г. только каждый пятый опрошенный фрилансер (21%) относился к категории «чистых», остальные совмещали фриланс с работой в организации, учебой в вузе, предпринимательством и уходом за детьми).

⁹ Д. Стребков и А. Шевчук также используют дефиниции «традиционные» и «не традиционные» фрилансеры; в их работе [Стребков, Шевчук, 2009] представлена типология на основе актуального статуса во фрилансе — бывшие, настоящие и будущие фрилансеры. Кроме того, можно разделить фрилансеров в зависимости от специализации, что, на наш взгляд, достаточно перспективно в изучении фриланса, поскольку затрагивает проблематику институтов образования, профессий.

Каждый тип имеет некоторые отличия как от всей совокупности большой группы фрилансеров, так и от других типов. Охарактеризуем существенные признаки выделенных типологических групп фрилансеров.

Опытные фрилансеры, или чистые, «труфрилансеры»¹⁰, являются, с некоторой оговоркой, «настоящими» фрилансерами, так как в полной мере ощущают свободу во всех ее проявлениях: их занятость связана только с фрилансом. Представители данного типа знают о фрилансе все — и преимущества, и недостатки, и ограничения, они научились управлять и умело выстраивают свою жизнь. Зачастую такие фрилансеры имеют сеть постоянных заказчиков, которые и обеспечивают работой, и пополняют социальную сеть. Фриланс-карьера у опытных фрилансеров начиналась как альтернатива для реализации профессиональных знаний, компетенций. Чаще всего они имели опыт работы в организации и, поняв свои желания и оценив способности, сделали выбор в пользу свободной занятости, не рассматривая в будущем вероятность вернуться в офис.

Творческая деятельность, увлечения, хобби, перерастающие в работу, приносящую доход, — вот типичный мотив перехода во фриланс и начало фриланс-карьеры для *хобби-фрилансеров*. Этот тип фрилансеров характеризуется прежде всего стремлением к творческой самореализации, а главной ценностью является удовлетворение не только от результата, но и от процесса работы. Фрилансерами становятся те, кто может за свое увлечение, талант, креативность получать вознаграждения. Зачастую хобби-фрилансеры начинают как совместители и в определенный момент уходят во фриланс полностью. Они ориентированы на саморазвитие, на профессиональное развитие, занимаются самообразованием, участвуют в профессиональных конкурсах и выставках.

Увлечшись новым занятием, овладением новых компетенций или реализуя свои профессиональные знания через глобальную сеть, во время отпуска по уходу за ребенком женщины формируют тип *мам-фрилансеров*, или *мамалансеров*. Фриланс для женщин с детьми становится возможностью не потерять свой профессионализм, развивать его или же, наоборот, использовать время для овладения новой специальностью, посвящать больше времени хобби. Со временем их фриланс-карьера развивается стремительней, чем

¹⁰ От англ. *true* — «правильный», «достоверный», «соответствующий». Этот термин встречается в глобальной сети, чтобы подчеркнуть статус полного фриланса, или его «чистокровности». Одно сообщество на бирже [free-lance.ru](https://www.free-lance.ru) так и называется «Сообщество чистокровных фрилансеров» (<https://www.free-lance.ru/commune/klanyi/50/soobshchestvo-chistokrovnyih-frilanserov/>), основной девиз которого «Никаких офисов, только свободные люди».

в организации, но самое большое значение имеет появляющаяся возможность совмещать уход и заботу о ребенке (детьми) и работу, которая нравится, приносит доход. Поэтому возможность выстраивать нужный и желаемый баланс между семьей и работой приходит на смену стабильности и защищенности в организации.

Особое место в типологии фрилансеров занимают *студенты-фрилансеры*, так как представляют собой новый тип профессионалов. Вузовское или школьное образование являются временным проектом, которое может и не совпадать со специализацией во фрилансе. Это связано с тем, что во фрилансе они занимаются конвертацией своих навыков (*skills*), получаемым вне рамок формального образования, и имеют возможность развивать компетенции и специализацию, интересную самому фрилансеру. Во фрилансе студенты видят преимущества в совмещении работы с учебой — у них есть возможность подстраивать работу под учебный процесс без издержек. Отметим, что фрилансеры этого типа не имеют четкого представления о том, как будут дальше выстраивать карьеру, но чувствуют уверенность на рынке труда и в поиске подходящей работы [Харченко, 2012].

И наконец, *фрилансеры — востребованные работники*. К этому типу мы относим фрилансеров, которые занятость в организации могут осуществлять удаленно или в гибком режиме. Они могут быть формально штатными сотрудниками, что зафиксировано в трудовом контракте, но реально работать с несколькими заказчиками или организациями. Эти фрилансеры востребованы на рынке труда, конкурентоспособны и предпочитают самостоятельно выстраивать свою занятость в целом. Они имеют преимущества — сети коллег, работодателей, которые и являются гарантом их надежности.

Дальнейший детальный анализ образа жизни каждого из выделенных нами типов — важный шаг в понимании изменений в сфере занятости, институте образования и трансформаций в обществе в целом. Группа фрилансеров является «молодой», гибкой, динамично развивающейся, поэтому обозначенные в ходе исследования типы, на наш взгляд, будут наполняться и, вероятно, появятся новые, еще не описанные. Расширение аналитического контекста — исследования «мест» фрилансеров, виртуального рынка труда, описание сообществ, норм и фольклора фрилансеров — позволит описать складывающуюся за последние пять лет культуру фрилансеров.

Литература

Аистов А.В. О развитии некоторых форм самозанятости в России в 1994–2002 годах // Экономический журнал ВШЭ. 2005. № 2. С. 185–215.

Бек У. Безработный капитализм // Der Spiegel. 1996. № 20. URL: <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Beck2.shtml> (дата обращения: 19.02.2013).

Бурлуцкая М.Г. Профессиональная мобильность в постиндустриальном обществе: изменение моделей профессионального успеха / Материалы XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. В 4 т. Т. 3. М., 2012.

Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1.

Возьмитель А.А. Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве) // Мир России. 2002. № 1. С. 97–113.

Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни в России: динамика изменений // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 17–27.

Горц А. Нематериальное: знание, стоимость, капитал. М., 2010.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

Гурова М.И. Факторы, влияющие на выбор фриланса как формы самозанятости // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 57–60.

Гурова М.И. Феномен «фриланс» в социально-профессиональной структуре современной России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 79–83.

Заиченко С.А. Занятость в Интернет: нетипичные свойства и новые подходы к изучению // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 93–110.

Клеман К. «Флексибилность по-русски»: очерк о новых формах труда и подчинения в сфере услуг // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 75–96.

Малоун Т.У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. М., 2006.

Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В.Е. Гипельсона, Р.И. Капелюшников. М., 2006.

Омельченко Е.Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж. 2003. № 18.

Осадчая Г.И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация // Социологические исследования. 2002. № 10.

Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.

Синявская О.В. Неформальная занятость в России: измерение, масштабы, динамика // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: мотивация и организация труда // Социальная реальность. 2008. № 1. С. 23–39.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров). Препринт WP4/2009/03. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2009.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 45–55.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Электронная самозанятость в России // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 91–112.

Харченко В.С. Ценностные предпочтения как основа формирования стиля жизни фрилансеров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 1. С. 120–124.

Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб., 2001.

Чаплашкин Н.В. Современное состояние фриланса в России и его перспективы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 4. С. 211–216.

Gareis K. E-Lancing — The Future of Work? // Challenges and Achievements in E-business and E-work / B. Stanford-Smith et al. (eds). IOS Press, 2002. P. 448–457.

Inventing the Organizations of the 21st century / T.W. Malone, R. Laubacher, M. S. Scott Morton (eds). L.: MIT Press, 2003.

Vosko Leah F. Managing the Margins. Gender, Citizenship and the International Regulation of Precarious Employment. N.Y., 2010.

А.П. Хомякова

Исследовательская
группа ЦИРКОН

ЭКОПОСЕЛЕНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

На сегодняшний день различные проявления миграции людей из города в экопоселения весьма разнообразны и многоплановы (как на Западе в целом, так и в России в частности). При этом, уходя от цивилизации, от городской жизни и создавая свой собственный мир, люди руководствуются совершенно разными мотивами, зачастую исповедуют весьма отличные друг от друга идеи и имеют перед глазами очень разноплановые представления о конечном результате ухода. Даже сама идея поддержания экологического (устойчивого) равновесия в природе не для всех поселенцев является смыслообразующей и приоритетной. В их мотивации на передний план выходят вопросы духовного развития, творческой реализации, воспитания здорового молодого поколения и т.д., а природоохранные моменты в этом смысле — всего лишь благоприятный фон, способствующий достижению более важных целей.

В методологическом плане необходимо разделить собственно экопоселения и родовые поместья, в настоящее время преобладающие среди российских экопоселений, но собственно экопоселениями зачастую не считающиеся со стороны как собственных организаторов и в целом идеологов движения анастасийства, так и представителей других экопоселений. Действительно, несмотря на некоторое внешнее сходство, сообщество родовых поместий больше похоже на идейную общину, нежели на экопоселение: здесь преобладают мотивы жесткого дистанцирования от цивилизации, построение своего «уютного, маленького мира», часто не выходящего за рамки общины, отсюда небольшое внимание ко внешним коммуникациям, ограничение внешних связей. Кроме того, для таких поселений характерно одушевление, обожествление природы, а не экологический подход в научном смысле слова.

¹ Основу доклада составляют материалы исследования группы ЦИРКОН, проведенного в 2012 г. на тему «Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения». Полный текст итогового комплексного аналитического отчета приведен на сайте ЦИРКОН: http://www.zircon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf.

Изначально в России (да и в мире в целом) движение экопоселений, безусловно, имело черты внутренней эмиграции. Понятие «внутренняя эмиграция» подразумевает уклонение от участия в политической и общественной жизни государства, духовное отделение от государства, пассивную конфронтацию с государственной системой, вызванную внутренним несогласием с господствующей идеологией при невозможности это несогласие выразить. Причем отъезд людей в экопоселения как проявление внутренней эмиграции носил не политический, а цивилизационный характер. Это — противостояние не отдельному режиму или типу режимов, а именно глобальной цивилизационной парадигме («обществу потребления»), от которой в другую страну не уедешь.

Именно поэтому среди экопоселенцев так сильно выражен мотив «омрачения» городской действительности, всей современной цивилизационной парадигмы и явное желание вырваться за ее пределы. Люди полностью разочаровываются в той жизни, которую они ведут в городе, в личных и общественных перспективах, в своих профессиональных и творческих возможностях, не видят собственного будущего и будущего своих детей. Это заставляет их серьезно задуматься о том, чтобы уйти из привычного мира и найти новые возможности для самореализации.

Подобные взгляды в разной степени поддерживают много людей. Однако лишь небольшая их часть уходит из системы. Почему именно эти люди уходят, что дает им такую возможность?

Прежде всего решающее значение имеют *определенные особенности личности* уезжающих, например, такие как склонность к авантюризму, экспериментаторству, творческий потенциал, активизм («легки на подъем»), отсутствие стереотипности, равнодушие к внешнему комфорту и т.п. В данном смысле большое значение имеет *возраст* уезжающих. Чаще всего это — молодые люди от 25 до 35 лет, те, кто уже что-то попробовал в жизни, сформировал мировоззрение, наработал какой-то первичный опыт, но в то же время еще достаточно активен, находится в поиске и готов менять свою жизнь ради красивой идеи, имеет гибкое сознание и не много стереотипов.

Обращает на себя внимание еще один очень важный момент, касающийся личности тех, кто уезжает в поселения. Несмотря на постулирование потребности в нахождении духовного идеала, в активном духовном поиске, *уровень рефлексии, критического мышления*² поселенцев оказывается не всегда

² Под критическим мышлением мы подразумеваем не критический настрой к современному обществу и его отдельным проявлениям, а именно способность рационально и логически постигать действительность, анализировать окружающих и себя, использовать научный подход, приводить обоснования своих идей, взглянуть на свою позицию с различных точек зрения и т.п.

высоким. Раз уверовав в какой-то идеал, поселенцы не стремятся рационально анализировать его, спокойно выслушивать аргументы противников, не пытаются критически осмыслить этот идеал. Такая тенденция наблюдается в первую очередь среди жителей *родовых поместий*. Источником этого сниженного порога критического мышления являются не столько сами жители поселений, в своем большинстве ищущие, размышляющие, небезучастные и активные люди. Определяющее значение здесь играет их легковёрность из-за недостаточного опыта и знаний в области духовных практик. В книгах В. Мегре (идеолога родовых поместий) и прочей эзотерической литературе читатель намеренно уводиться от попыток рационально осмыслить предложенные перспективы жизни. Очень много говорится о том, что разум мешает в постижении истины, что нужно отказаться от разума и довериться интуиции, прислушаться к своей душе, эмоциям, ощущениям, в противоположность голосу разума. Подобная позиция намеренно культивируется.

Стоит упомянуть и ряд моментов, объясняющих особенно сильный всплеск движения в последние несколько десятилетий в России.

Вероятно, во многом причиной этому стала *информационная открытость* — появились новые книги с Запада, прежде всего духовная, эзотерическая литература. Кроме того, переводится и пишется огромное количество литературы по сопутствующим проблемам — естественному образу жизни, естественному родительству и т.п. Усилилось международное общение, обмен информацией, опытом между людьми разных стран. Все это приводит к росту активности думающего в определенном ключе населения.

В то же время всплеск создания экопоселений связан и с *развитием технического прогресса*. Не все поселенцы стремятся к упрощению и примитивному образу жизни, как это неявно декларируется в философии анастасийского движения, да и в самих родовых поместьях люди не всегда строго следуют ей. Не связанные же с анастасийским движением экопоселения чаще всего совершенно не препятствуют, а даже, наоборот, приветствуют привнесение в экопоселения технических благ цивилизации, таких как, например, возможность удаленной работы. Именно новые технические возможности и позволили им свободно уезжать на природу, продолжая при этом выполнять свою основную работу в городе.

При всем внешнем разнообразии сообщества поселенцев можно выделить некоторые общие характеристики, присущие жителям экопоселений, тем самым схематично обрисовав *портрет типичного экопоселенца*.

Прежде всего для него характерна *активная жизненная позиция*, инициативность, самостоятельность, готовность брать ответственность на себя, склонность к экспериментаторству. Согласно декларациям респондентов, многие из них в прошлом имели собственный бизнес. С этим тесно связано

и такое качество многих жителей экопоселений, как *мобильность, легкость на подъем*.

В профессиональном плане поселенцы — люди с широкой сферой интересов. Опрашиваемые жители поселений позиционируют своих членов как людей *хорошо образованных*, среди них много представителей творческих профессий и технической интеллигенции. В целом движение экопоселенцев исходит большей частью именно из среды городской интеллигенции.

Для жителей экопоселений очень важны *семейные ценности*. Наличие детей уже само по себе становится одним из факторов, побуждающих людей уехать из городов. В поселениях люди продолжают активно рожать. Общая численность детей в поселениях весьма значительна, приветствуются многодетные семьи.

Возраст поселенцев во многом связан с возрастом самого поселения. Типичному жителю, скорее, 25–30 лет в поселениях «новой волны», образованных совсем недавно, и 40–50 лет в поселениях «с историей».

Очень важная характеристика жителей экопоселений — наличие общей *внутренней идеологии, мировоззренческих принципов*. Это касается не только поселений анастасийского толка, но и всех других поселений, даже тех, где общность идеологии открыто не пропагандируется.

Объединяющим для поселенцев является также принцип *экологического мышления*: причем это не только забота о природе, минимизация расходов различных ресурсов и т.п., но и в целом экология сознания, очищение души и тела, жизнь в мире с собой и окружающей природой. Само понятие «экологическое поселение» подразумевает особый образ жизни (не пьют, не курят, придерживаются разных форм вегетарианства, используют восточные духовные практики и т.п.). Кроме того, один из важных моментов для жителей поселений, по их утверждению, — *постоянное саморазвитие, стремление к получению новых навыков*.

Среди наиболее *типичных проблем*, с которыми сталкиваются поселенцы во время становления экопоселения, можно выделить следующие:

- *на индивидуальном уровне* — неготовность некоторых поселенцев к жизни «на земле», привязанность к комфорту, отсутствие необходимых навыков и умений, недостаточное развитие таких черт характера, как самостоятельность, ответственность, осознанность, способность жить коллективно, в общине. Важным является и частое отсутствие общей идеологической основы, общего понимания целей ухода;

- *на уровне коммуникаций внутри поселения* — разного рода конфликты, касающиеся совершенно любых областей совместного общежития, начиная от глубинных идеологических разногласий и кончая банальным нарушением

правил добропорядочного сосуществования. Решать конфликты предлагается по-разному: прибегать в спорных ситуациях к помощи общины, ставить жесткие фильтры при решении вопроса о вступлении новичков в общину в плане единообразия взглядов и позиций, формулировать систему четких правил общежития, более тесное знакомство с жителями, проведение общих сплачивающих мероприятий, наличие четко сформулированной, понятной для всех членов поселения стратегии развития и т.п. Важно отметить, что вообще многими респондентами признается важность коммуникационной среды внутри поселения (даже несмотря на возможные конфликты). Именно жизнь среди единомышленников, среди тех, кто понимает и разделяет твои устремления, как раз и является одной из важнейших ценностей, ради которой люди покидают города;

- *на уровне взаимоотношения между различными поселениями* — взаимодействие поселений, построенных на различных идейных основаниях, а также проблема лидерства при взаимодействии разных поселений (руководители каждого из поселений не всегда готовы уступить своим коллегам, не хотят отдавать или уменьшать свою лидирующую роль и т.п.).

Говоря о взаимоотношении жителей поселений с «внешним миром», следует отметить, что сообщество поселенцев все-таки обладает «особой коммуникативной культурой», подразумевающей, в частности, ярко выраженную автономность (иногда доходящую до закрытости) и определенную настороженность по отношению к внешнему миру (вплоть до явного недоверия и подозрительности). Несмотря на возможную некоторую обособленность, жители поселений, как правило, продолжают поддерживать связи с городом — это могут быть как рабочие контакты, так и контакты с родственниками или более широким кругом лиц, многие члены экопоселений активно включены в общественную деятельность. Одним из факторов, влияющих на поддержание связей с городом, является финансовая зависимость от него. Экономические проблемы, проблемы с источником дохода — ключевые сложности, с которыми сталкиваются жители экопоселений.

Одним из важнейших стейкхолдеров, с которым приходится иметь дело жителям поселений, — государство в лице муниципальных, районных и федеральных органов власти. Модель такого взаимодействия может строиться по-разному и часто она зависит от поведения самих экопоселенцев. Первоначальный самозахват земель, изоляционистская политика и тому подобное явно не способствуют налаживанию конструктивных отношений с властью, в то время как четко обозначенная собственная позиция, разъяснительная работа, работа по облагораживанию района своего присутствия (социальные, экологические проекты, высокообразованные кадры и т.п.) — все это явно благоприятствует позитивным контактам экопоселений с властью. По срав-

нению с западными аналогами российские экопоселения, с одной стороны, поставлены в гораздо более жесткие условия, поскольку вынуждены преодолевать сопротивление бюрократического механизма и бремя тяжелых законов, но с другой — неопределенность общей ситуации в стране и отсутствие четкого статуса российских экопоселений создает широкие возможности для нахождения новых форм существования и взаимодействия с государством. Среди членов движения экопоселений все больше крепнет осознание того, что добиться своих целей без помощи власти не получится, поэтому нужно стать союзниками (по крайней мере, на определенное время).

Создание поселения — весьма сложный, многогранный и живой процесс. Часто разные этапы идут в нем параллельно, однако все-таки можно выделить несколько основных периодов, через которые проходит фактически каждое поселение.

1. Создание инициативной группы — определение основного состава участников, согласование общих целей и миссии поселения.

2. Поиск и приобретение земли, начало строительства — представители инициативной группы ездят по различным местам, выбирают землю. Возможно, на этом этапе заводят юридическое лицо для поселения.

3. Переезд первых нескольких жителей — как правило, группа первых жителей весьма малочисленна, она может начинаться даже с одной-двух семей, живущих постоянно («зимующих») в поселении.

4. Переезд основной массы — постепенно в поселение начинают переезжать и другие люди, они также начинают строиться. Скорость переселения зависит от условий, стоящих перед жителями, например, иногда можно просто застолбить за собой участок и начать работать на нем в любое время, иногда быстрый переезд — обязательное условие для участников движения.

5. Формирование сообщества путем присоединения новых членов — далее происходит окончательное формирование группы за счет приезда новых членов на оставшиеся свободные участки. Как правило, на этом этапе выбор поселенцев становится более избирательным, формируются более жесткие требования к кандидатам.

Несколько иная схема характерна для небольших *сообществ-коммун* — туда, как правило, люди переезжают сразу же всем составом, и значительного прироста участников не происходит. Они изначально создаются с определенной целью, и состав их жителей по большей части определен заранее. Примерами могут служить поселения творческого типа или поселения — социальные проекты (воспитание детей-сирот, детей-инвалидов и т.п.).

За период становления поселения динамика может быть выражена не только через **количественные показатели** (число людей, домов, размер земли), но и некоторые **качественные изменения** в самосознании и самоидентифика-

ции жителей: динамика доверия и сплоченности в коллективе, изменения в самосознании, восприятии пространства вокруг себя. В этом смысле можно выделить следующие этапы.

1. Начальный период энтузиазма, общинности, так называемое время мечты — для этого периода, скорее, характерна модель коммуны — люди живут достаточно плотно, довольно много взаимодействуют, иногда это сочетается еще и с проживанием в одном общем доме. Многие еще полны иллюзий относительно жизни «на земле», целей своего поселения, своих соседей, принципов своей новой жизни и т.п. Но постепенно, под влиянием реальной жизни иллюзии рассеиваются, и тогда на смену первому этапу приходит следующий.

2. Период усталости, обособленности и переосмысления — в результате утраты первых иллюзий и разочарования, связанного с этим, а также первых конфликтов между участниками, вызванными разницей изначальных целей и непривычно тесным (по сравнению с городом), коммунарным, сосуществованием, наступает этап, для которого характерна некоторая «атомизация» общества — период обособления, обустройства, прежде всего собственного участка. На данном этапе происходит и переоценка общей изначально заложенной идеологии (особенно в случае с движением анастасийцев), отношение к ней становится более спокойным, дополняется новыми идеями.

3. Период соединения «на новом уровне», период создания новых проектов — удовлетворив свои первоначальные потребности, выстроив свой быт, получив неоценимый опыт, люди постепенно возвращаются к тем идеалам, которые привели их «на землю», и пытаются соединиться уже на новых, более реалистичных основаниях, стремятся выйти на новый уровень развития, превратив свое экопоселение не просто в собрание личных земельных участков, но и придав ему некую общественную значимость (реализация каких-то важных социальных, образовательных и иных проектов).

Как показывают данные исследования, опыт «ухода» из обычной городской среды и проживания в экопоселении жители обычно оценивают довольно позитивно. При возможности вернуться обратно в «большой социум» абсолютное большинство поселенцев этого делать не стали бы.

Определенные разочарования скорее связаны не с самой идеей отъезда в экопоселения, а с ее недостаточной, по мнению некоторых поселенцев, реализацией: межличностными конфликтами в поселениях, отсутствием сплоченности и общей идеологической базы среди жителей поселений.

Иногда эти самооценки успешности/неуспешности опыта переезда в экопоселение даже не связаны напрямую с успешностью развития самого экопоселения, а определяются некими внутренними психологическими мотивами. Возможно, что здесь экопоселенцы ведут себя как типичные

«внешние» эмигранты, которые первые несколько лет после своего отъезда стараются для себя оправдать его, доказать всем и прежде всего самим себе, что сделали правильный выбор. Именно поэтому у опрашиваемых, относительно недавно уехавших из города, радужные, восторженные оценки своего отъезда присутствуют чаще, в то время как у «старожилов» превалирует более взвешенный подход, больше критики, больше трезвых мнений.

Всю широту, многообразие и разнородность современного российского движения экопоселений особенно ярко показали представления респондентов о том, как они видят *будущее своего поселения и всего движения экопоселений в целом*. Спектр ответов варьировался от эзотерических апокалиптических рассуждений о наступлении Новой Эры (эту позицию выражали радикальные представители родовых поместий) до описания некоего постмодернистского, высокотехнологичного рая на природе для интеллигенции, где люди живут вне города, но работают и пользуются всеми технологическими благами цивилизации, черпая в природе вдохновение, свободу творчества, по максимуму реализуя свои профессиональные начинания и при этом попутно бережно оберегая окружающий мир.

Важно, что о перспективах развития именно экологической составляющей в экопоселениях говорили крайне мало.

Примечательно также и то, что редко встречалась позиция, согласно которой экопоселения должны не противостоять цивилизации, а показать ей перспективный путь развития, стать местом для развития новых природоохранных технологий. В этом смысле вопрос о перспективах движения экопоселений становится ключевым в понимании того, чем собственно являются отечественные экопоселения в настоящее время: примером внутренней эмиграции, эскейпом или переходом в новое качество, «социальным трансфером».

Различие в жизненных устремлениях разного рода экопоселений носит принципиальный характер и делит их на две неравные группы. Первая, более многочисленная, группа экопоселений (это прежде всего большинство родовых поместий) являет собой типичный пример ухода от реальности с целью построить свой частный рай в как можно большем отрыве от идеологических цивилизационных установок. Поселения другого типа меньше концентрируются на идеологии и больше на конкретных, зачастую **социально значимых**, проектах, становятся экспериментальными площадками для выработки новых решений, имеющих пользу для всего общества. Свою миссию они видят в том, чтобы показать миру альтернативу, новый путь развития, сделать этот мир лучше, а не уйти от него и замкнуться в себе.

Некоторые поселенцы говорят о новой тенденции последних лет в развитии экопоселений: по их мнению, сейчас наступает следующий этап экопоселенческого движения. Все большее внимание экопоселенцев сегодня

перемещается в сторону концептуализации своего поселения, детальной разработки внутреннего устройства и планирования дальнейшего развития, налаживания внешних коммуникаций и даже вписывания в общегосударственную систему. Такое движение экопоселений весьма позитивно, поскольку, выходя из «подполья», из оппозиции городу, государству, цивилизации, а также налаживая диалог с властью, участники движения двигаются в более конструктивную сторону. Они все больше не противопоставляют себя власти, а пытаются сотрудничать с ней, что превращает их в субъект гражданского общества в рамках государства. Это уже не эскапизм, не внутренняя эмиграция, а вполне приемлемая форма гражданской активности.

Важным фактором, который также придает современному движению экопоселений цивилизационные формы, является современное, научное *отношение к технологиям, особенно экологическим*. Условно в движении экопоселений можно выделить два подхода к этой проблеме: те, кто просто возвращается к пусть и экологичным, но более примитивным технологиям (не обязательно со знаком минус, просто это приемы, которые были раньше и от которых сейчас массово отказались по разным причинам), и те, кто не боится использовать новые экологические технологии, основанные на достижениях современной науки и тем самым становится феноменом постиндустриального общества, ведь базовая цель экопоселения не воспевание архаики, не эстетизация прошлого, а соблюдение равновесия, мирное сосуществование человека и природы. В этом случае полный отказ от экологически безопасных технологических достижений цивилизации как раз и означает уход, бегство, эскейп, а противоположный подход действительно встраивает экопоселение в современное общество и делает его примером альтернативного пути развития цивилизации, а вовсе не ухода от нее.

Литература

Гайдуков А. Идеология и практика славянского неоязычества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000.

Гилман Р. Экодереvни и устойчивые поселения. URL: <http://www.ecology.md/section.php?section=ecoset&id=4>

Иванова Е. Феномен внутренней эмиграции // «Век толерантности». Вып. 1–2. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». URL: <http://www.tolerance.ru/vek-tol/1-0-ivanov.html>

Задорин И. Репертуар стратегий поведения гражданских объединений при взаимодействии с властью: перспективы расширения и освоения // Тезисы вы-

ступления на семинаре «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор политической модернизации России» (март 2011). URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/677/Zadorin_O_repertuare_strategij.pdf

История экопоселения Большой Камень. URL: http://www.ecobs.ru/index.files/site/ist.files/ist_b.html

Кантеров И. Утопия в духе «нью-эйдж» // НГ-Религии, 02.07.2008. URL: http://religion.ng.ru/problems/2008-07-02/7_new-age.html

Кирбятьев В. Немного об экопоселениях — или «Добро пожаловать в Будущее!». URL: <http://www.eco-vinogradovka.ru/sokr-poselenia-4.htm>

Крол А. Новый способ жить. URL: http://eco.lociya.ru/eco_colony.htm

Кулясов И. Инициативы создания экопоселений. URL: <http://mirmir.ru/prorgarms/region/item/156-iniciativy-sozdaniya-ekoposelenii>

Кулясов И. Экологические поселения России как новая форма устойчивых сельских поселений. URL: <http://kukuika.ru/stati/yekoposelenija-1.html>

Кулясова А. Экооосферное поселение «Тиберкуль»: в поисках альтернативного образа жизни // Экопоселения в России и США. Труды ЦНСИ. Вып. 10 / под ред. М. Соколова. СПб.: ЦНСИ, 2004. URL: <http://www.cisr.ru/Kulyasova.html>

Кулясова А., Кулясов И. Экопоселения в России. URL: <http://www.ecolife.ru/video/5317/>

Лазутин Ф. Этапы юридического оформления экопоселения «Ковчег» как населенного пункта. URL: <http://www.eco-nomos.ru/2011/04/lazutin-info/>

Марковкин И. Экопоселения России. URL: <http://www.wakeup.ru/articles/7/253/>

Метелкин Н. Пермакультура, как образец обеспечения устойчивого развития сельских населенных пунктов на примере экодережни «Crystal Waters», Австралия. URL: http://www.lubinka.ru/article/pr_eko_pos/perma_kl.htm

Неведомская Л. Экология сознания. URL: <http://www.poleznoeznanie.ru/211.htm>

Ольховский Д. Образ поселения. Статья из цикла: «Организация экопоселений: успешные шаги и камни преткновения». URL: <http://www.eco-krug.ru/obraz-poseleniya>

Ольховский Д. Отношение к земле: иметь или жить? Статья из цикла: «Организация экопоселений: успешные шаги и камни преткновения». URL: <http://www.eco-krug.ru/otnowenie-k-zemle-imetyt-ili-jityt>

Ольховский Д. Отношения с властями и сельскими жителями. Статья из цикла: «Организация экопоселений: успешные шаги и камни преткновения». URL: <http://www.eco-krug.ru/otnoweniya-s-vlastyami-i-selytskimi-jitelyami>

Ольховский Д. Представление об идее. Статья из цикла: «Организация экопоселений: успешные шаги и камни преткновения». URL: <http://www.eco-krug.ru/predstavlenie-ob-idee>

Ольховский Д. Прием новых участников и формирование коллектива. Статья из цикла: «Организация экопоселений: успешные шаги и камни преткновения». URL: <http://www.eco-krug.ru/priyom-novyih-uqastnikov-i-formirovanie-kollektiva>

Ольховский Д. Управление в поселении, проведение собраний. Статья из цикла: «Организация экопоселений: успешные шаги и камни преткновения». URL: <http://www.eco-krug.ru/upravlenie-v-poselenii-provedenie-sobranix>

Петров К. Неоязычники. Ставим точки над i. URL: <http://www.realisti.ru/main/rodnover/neojazichniki-tochki-nad-i.htm>

Пищур А. Несколько слов в защиту дауншифтинга. URL: <http://pishchour.ru/blog/neskol-ko-slov-v-zashhitu-daunshiftinga.html>

Степанова В., Семенова О., Сафонов В. Экологические поселения (ecovillages). URL: <http://usadba.web-box.ru/istorija-ekoposelenij>

Фурта С. Китеж: эко-поселение в Калужской области. URL: <http://ezotera.ariom.ru/2006/07/10/kitez.html>

Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу: турист в поисках аутентичности. URL: <http://www.samopoznanie.com/printarticle.php?id=460>

Шубин А. Альтернативная община — экзотика или дорога в будущее? URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/93382p2.html>

Экология сознания. URL: <http://www.planeta-peremen.ru/ecology-of-mind.php>

Gilman R. The Eco-village Challenge. URL: <http://www.context.org/iclib/ic29/gilman1/>

М.А. Шабанова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

УСПЕШНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АКТОРЫ В ПРОБЛЕМНОЙ СОЦИАЛЬНО- ПРАВОВОЙ СРЕДЕ: ИННОВАЦИОННОЕ И АДАПТАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Запрос на инновации, транслируемый властью российскому бизнесу, как известно, остается без ответа в значительной степени из-за неблагоприятного институционального климата, в поддержании которого власть сама же активно участвует. Известно и то, что бизнес-сообщество постепенно *адаптируется* к проблемной социально-правовой среде. Более того, его части удается даже преуспевать в этих условиях (вопреки или благодаря им). Есть и те, кто добивается делового успеха на основе тех или иных *инновационно-рыночных* продвижений, правда, их существенно меньше. Логично предположить, что в *проблемной социально-правовой среде* именно эти — наиболее активные и продвинутые — экономические акторы чаще остальных сталкиваются с разного рода правовыми и противоправными барьерами, препятствующими инновационной активности, преодолевают одни ограничения, адаптируются (конструктивно или не очень) к другим и могут выступать весьма авторитетными экспертами в этой области.

Общий замысел исследования состоит в том, чтобы, опираясь на материалы трех волн крупномасштабного мониторинга *успешных* экономических акторов, выявить особенности (ценностные, статусные, поведенческие) разных групп респондентов: успешных участников *инновационно-рыночных продвижений* и тех, кто преуспел (и преуспевает) без особых инноваций. Сравнение остроты проблем и динамики барьеров, затрудняющих деловую активность, а также инновационных установок разных групп *успешных* экономических акторов позволяет глубже оценить перспективы и условия увеличения численности инновационно активных групп.

Описание подхода и информационной базы

Для реализации замысла исследования наиболее продуктивным является *деятельностно-структурный* подход, базирующийся на синтезе макро- и микроуровней социальной реальности [Заславская, 2004 (1983; 1995); Штомпка 1996 (1991); Archer, 1988; Mouzelis, 1991]. Рассматривая их в тесной взаимосвязи, данный подход в то же время позволяет признать за каждым уровнем (субъектами и структурами) определенную степень автономности. Действительно, никакая социально-экономическая система не может достичь цели из *любого* состояния, при *любых* (внутренних или внешних) начальных условиях и, тем более в *любой* промежуток времени. Для достижения желаемого она должна находиться в «области достижимости». Но и индивиды также обладают определенной независимостью от «структурного лабиринта», они могут отклоняться от правил, «делая подкопы» или «перелезая через стены». Так, в любом обществе есть небольшая часть людей (5–7%), обладающих предпринимательским талантом (чутьем, духом), склонных к предпринимательскому риску; есть инноваторы, которыми движет «страсть к инновациям» и т.д. В рамках данной традиции каждый уровень (макро- и микро-) анализируется в двух ипостасях: в потенциальной возможности и в действительности, а вектору изменений придается вероятностный характер.

Информационная база исследования

Высокостатусные и преуспевающие экономические акторы, в принципе, малодоступны для широкомасштабных эмпирических исследований. Уникальную возможность изучения этой группы дают опросы слушателей программ МВА — в нашем случае в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (ныне — РАНХиГС при Президенте РФ), проводящиеся с 2004 г. один раз в два года (2004 г. — 1016 человек, 2006 г. — 1445, 2008 г. — 1279, 2010 г. — 1104 человек)¹. Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что за прошедшее десятилетие весьма заметная часть относительно *молодых, образованных и преуспевающих* предпринимателей и менеджеров оформилась в авангардную социальную общность, названную *новым поколением* деловых людей России [Заславская, Шабанова, 2012]. Их отличает *сочетание* нескольких важных признаков, вряд ли присущее какой-то другой группе предпринимателей и менеджеров, а именно:

¹ В разные годы доля опрошенных составляла от 53 до 61% общего числа слушателей II–IV семестров обучения.

- относительная молодость (средний возраст — 34,4 года) на фоне солидного стажа работы в бизнесе (в среднем 9,8 лет);
- высокий уровень бизнес-образования и установка на его постоянное наращивание для дальнейшего делового успеха;
- довольно высокий профессионально-должностной и социально-экономический статусы (50–60% респондентов — генеральные директора, директора, их заместители, руководители филиалов и прочие топ-менеджеры, 39% — руководители подразделений, функциональные менеджеры; 55% отнесли себя к среднему слою, а 39% — к социальным слоям *выше* среднего);
- важное место, отводимое *достижительным* ценностям в ядре важнейших ценностных ориентаций;
- высокая самооценка и удовлетворенность достигнутыми деловыми позициями и др.

Основные результаты

Представители нового поколения деловых людей России демонстрируют достаточно высокий *инновационно-деятельностный потенциал*. В остро проблемной институциональной среде те или иные *личные инновационно-рыночные продвижения* за последние два-три года имели 82% респондентов, причем в кризисные годы их доля даже увеличилась (на 9 п.п.). В частности, 60% удалось осуществить какие-либо *инновации* (одну или несколько), а 56% — добиться определенных *рыночных продвижений* (одного или нескольких), причем различия между занятыми в малом, среднем и крупном бизнесе по всем обозначенным позициям статистически не значимы.

В инновационном отношении группа преуспевающих экономических акторов весьма *неоднородна*. Одни из них достигают делового успеха без особых инноваций, другие, напротив, — на их основе; для одних инновации — вынужденная необходимость, для других — самостоятельная ценность и т.д. В зависимости от наличия и состава инновационно-рыночных продвижений в последние два-три года выделено четыре типа экономических акторов, условно названных «инертными» (19%), «инноваторами» (24%), «рыночниками» (24%) и «инноваторами-рыночниками» (33%). К *инноваторам* были отнесены респонденты, которые в последние два-три года успешно реализовали следующие виды деловой активности (один или несколько): разработка либо участие в разработке и внедрении передовых технологий; освоение или участие в освоении новых видов продукции и услуг; осуществление успешных организационных новаций; создание или участие в создании компании с нуля. А вот достижений, которые имели *рыночники*, у них не было. Речь идет о существенном увеличении объема продаж и доходов компании; повыше-

нии качества, росте конкурентоспособности продукции; выходе на новые рынки, открытии новых филиалов и представительств; легализации части теневых операций и освоении норм цивилизованного бизнеса. *Инноваторы-рыночники* добились продвижений как в инновационном, так и в рыночном отношениях, а *инертные* — ни в одном из них.

Способность и готовность к дальнейшим инновационно-рыночным продвижениям у представителей этих типов разная. В их инновационно-деятельностном потенциале (ИДП), отражающем как накопленный опыт инновационно-рыночной деятельности, так и незадействованные ресурсы, которые экономические акторы могли бы актуализировать при определенных условиях, наблюдаются значимые различия по одним компонентам и большое сходство — по другим. Последнее связано прежде всего со степенью актуальности *инновационных ценностных ориентаций*: различия между разными типами успешных экономических акторов по большинству позиций статистически не значимы (табл. 1). Различия начинаются на стадии *установок*.

Таблица 1. Инновационность ценностных ориентаций и установок у представителей разных типов экономических акторов, %

Ценностная ориентация/ установка	Тип акторов				Всего
	Инерт- ные	Иннова- торы	Рыноч- ники	Иннова- торы-ры- ночники	
Ценностные ориентации					
Самостоятельность, не- зависимость, управление своей судьбой*	43	50	41	50	46
Постоянно учиться новому	19	20	35	30	26
Творческая самореализа- ция, возможность рабо- тать с полной отдачей *	21	27	23	29	26
Профессионализм, вы- сокая компетентность *	49	39	39	37	41
Установки					
Развить инновационное мышление с помощью обучения на МВА	38	44	39	55	45
Расширить сферу деятельности, открыть новые горизонты для своей фирмы	34	24	37	47	36

Ценностная ориентация/ установка	Тип акторов				Всего
	Инерт- ные	Иннова- торы	Рыноч- ники	Иннова- торы-ры- ночники	
Организовать соб- ственный бизнес, стать партнером*	30	28	28	31	29
Реализовать перспек- тивный инновационный проект	14	28	22	38	28
Обеспечить фирме лидерские позиции в со- ответствующем секторе рынка	12	24	26	34	25

Примечание. Знак (*) здесь и далее означает, что различия статистически не значимы.

Инновационные установки, сигнализирующие о готовности экономических акторов действовать в данном направлении в ближайшие два-три года, сильнее выражены у тех, кто в тот же период *уже* добился тех или иных инновационных достижений (*инноваторы* и *инноваторы-рыночники*) и особенно у тех, у кого они сопровождались рыночными продвижениями (*инноваторы-рыночники*). *Инноваторы-рыночники* заметно опережают представителей других продвинутых типов как по намерениям развить инновационное мышление с помощью обучения на программах МВА, так и по тем конкретным задачам, которые они ставят перед собой на ближайшие два-три года в связи с получением диплома МВА (см. табл. 1). У «чистых» *инноваторов* в инновационных установках относительно слабо представлена «рыночная» компонента, что актуализирует выявление роли внешних ограничений на пути реализации их инновационного потенциала.

Условное структурирование ИДП каждого типа по трем составляющим — ценностным ориентациям, установкам и реальным действиям, свидетельствует о том, что по мере продвижения от инертных к продвинутым типам его структура улучшается. Если у *инертных* отношение инновационно-рыночных продвижений (*действий*) к ценностным ориентациям составляет 0,12 раза, у *инноваторов* и *рыночников* — 1,2 и 1,03 соответственно, то у инноваторов-рыночников оно поднимается до 2,3 раза, что означает его лучшее качество.

Почему же представители разных типов, практически не отличаясь друг от друга по инновационности *ценностных ориентаций*, начинают заметнее различаться на стадии *установок* и проявляют громадные расхождения на

стадии *действий* (в конкретных инновационно-рыночных продвижениях)? Почему даже среди преуспевающих экономических акторов только треть может похвалиться одновременно и инновационными, и рыночными продвижениями? Почему каждый четвертый добивается рыночных продвижений без каких-либо инноваций и примерно столько же делают инновации, не сопровождающиеся рыночными продвижениями? Что отличает инертных и от чего в первую очередь зависит снижение их числа? Мониторинг факторов и барьеров на пути инновационно-рыночных продвижений тем более важен, что более половины «инертных» придают большое значение в успехе своих компаний *инновационному* характеру деловых стратегий (но по каким-то причинам не решаются их реализовывать), как и то, что половина *инноваторов*, уже осуществивших те или иные инновационные продвижения, не включает их в важнейшие факторы делового успеха своих компаний, что указывает на значимую роль других мотивов их инновационной активности.

Различия в уровне и характере инновационно-рыночных продвижений определяются *комплексом* факторов: наряду с ценностными важную, если не ведущую, роль играют институционально-структурные и статусные факторы. Несмотря на то что продвинутые типы акторов ведут себя во внешней среде более активно и, по-видимому, чаще сталкиваются с ее ограничениями (в том числе неправовыми), они практически *не отличаются* от *инертных* по остроте таких *системных* проблем, как коррумпированность чиновников; невозможность противостоять их произволу; слабость поддержки бизнеса региональными и местными властями; незащищенность частной собственности (табл. 2). Более того, в отношении ряда позиций, также значимых для выстраивания долгосрочных инновационных стратегий, они проявляют относительно *меньшую* обеспокоенность, даже тогда, когда фиксируют отрицательную динамику за последние два-три года. Причем *инноваторы-рыночники* по сравнению с *инертными* делают это в среднем в 1,4 раза чаще (табл. 3). (Речь идет о нестабильности и нечеткости «правил игры», непрозрачности, несправедливости системы налогов на бизнес и несправедливости отношений власти с бизнесом и др.)

Как то, так и другое в значительной степени объясняется более высоким *человеческим* и *ресурсным* потенциалом (экономическим и социальным) продвинутых экономических акторов. До определенной степени это позволяет осуществлять им инновации *вопреки*, а не благодаря свойствам среды (инновации как самостоятельные ценности, «как страсть» или «иррациональный вкус к жизни», по М. Прохорову), успешнее разрешать возникающие проблемы, в том числе и в неправовом поле.

Таблица 2.

Оценка представителями разных типов экономических акторов остроты отдельных проблем в отношениях бизнеса с властью, % оценивших остроту проблемы как сильную или очень сильную

Проблема	Тип акторов				Всего
	Инертные	Инноваторы	Рыночники	Инноваторы рыночники	
Общезначимые проблемы					
Корруптированность чиновников*	62	56	61	60	59
Невозможность противостоять произволу чиновников	50	46	47	45	47
Непрозрачность, нечеткость правил игры*	55	49	46	48	49
Слабость поддержки бизнеса региональными и местными властями	47	38	50	41	43
Незащищенность частной собственности	31	34	43	39	37
Проблемы, чаще волнующие инертных					
Нестабильность «правил игры»	63	50	44	54	52
Несправедливость системы налогов на бизнес	57	41	40	48	45
Несправедливость отношений власти с бизнесом*	48	33	38	39	38
Сложные условия выхода бизнеса «из тени»	47	31	35	33	34
Проблемы, чаще волнующие продвинутых					
Недостаточное влияние бизнеса на принимаемые законы	28	42	48	47	42
Слабость защиты бизнеса правоохранительными органами	23	45	34	42	38
Высокая экономическая преступность	19	33	26	33	27

Таблица 3. Оценка характера изменений «правил игры» властей с бизнесом в сфере деятельности разных типов экономических акторов, %

Правила игры	Разность между ответами «лучше» и «хуже»				
	Инертные	Инноваторы	Рыночники	Инноваторы рыночники	Всего
Условия выхода бизнеса «из тени»	-17	-3	-8	-6	-7
Система налогов на бизнес	-26	-9	-13	-22	-18
Преодоление экономической преступности	-5	-12	-1	-6	-6
Прозрачность, четкость и ясность правил игры	-4	-19	-11	-21	-17
Стабильность «правил игры»	-10	-9	-10	-23	-15
Справедливость отношений власти с бизнесом	-17	-13	-9	-20	-14
Защита бизнеса правоохранительными органами	-5	-14	-13	-18	-14
Защищенность частной собственности от государственствления, национализации	-22	-11	-9	-11	-13
Возможность избежать произвола чиновников	-11	-16	-16	-31	-20
Преодоление коррумпированности гос. аппарата	-16	-23	-21	-27	-23

Уровень и характер инновационно-рыночных продвижений находится в сильной зависимости от *профессионально-делового потенциала* (ПДП) экономических акторов. Этот обобщенный показатель складывается из двух потенциалов: *ресурсного* (стаж работы в бизнесе более восьми лет; стаж работы в фирме более четырех лет; высокая самооценка качества полученного высшего образования; а также заметное повышение квалификации в последние пять лет) и *статусного* (собственность или совладение фирмой, должность не ниже зам. директора, наличие более 20 подчиненных, а также занятость в

крупном или транснациональном бизнесе)². *Иноваторы* существенно уступают *инноваторам-рыночникам* по доле лиц с высоким ПДП (41% против 22%), что препятствует рыночным продвижениям их инноваций (табл. 4). Отличительная черта *инертных* — повышенная доля лиц со стажем в бизнесе до пяти лет (33% против 14–26% в продвинутых типах), *инноваторы* чаще «обнаруживают себя» при стаже в бизнесе шесть–десять лет, а представители двух *рыночных* типов — при стаже более 11 лет (по 36% против 23 и 27% у *инертных* и *рыночников* соответственно). Важную роль играют и ресурсы статусных позиций: доля топов среди *инертных* — 38%, *инноваторов* — 43, *рыночников* — 51, а у *инноваторов-рыночников* она максимальна — 60%. Таким образом, с ростом ПДП и самостоятельности в принятии управленческих решений представители нового поколения деловых людей стремятся делать те или иные инновационно-рыночные продвижения, в том числе и в неблагоприятной институциональной среде.

Таблица 4. Соотношение инновационно-рыночных продвижений и профессионально-делового потенциала экономических акторов, %

Экономические акторы	Тип акторов				Все
	Инертные	Иноваторы	Рыночники	Иноваторы-рыночники	
в % к типам по инновационно-рыночным продвижениям					
Начинающие	43	36	35	25	33
Продвинутые	43	42	37	34	39
Профессионалы	14	22	28	41	28
Все	100	100	100	100	100
в % к типам по профессионально-деловому потенциалу					
Начинающие	25	25	25	25	100
Продвинутые	22	26	23	29	100
Профессионалы	10	18	23	49	100
Все	19	24	24	33	100

² За каждое из названных достижений респонденту начисляется один балл. Формально профессионально-деловой потенциал может принимать значения от 0 до 8, но в нашем случае он изменяется от 0 до 6. По этому показателю выделены три типа экономических акторов: *начинающие* (0–2 балла), *продвинутые* (3–4 балла) и *профессионалы* (5–6 баллов) [Заславская, 2012].

Среди значимых факторов, влияющих на уровень и характер инновационно-рыночных продвижений следует выделить занятость в секторе высоких технологий (независимо от отрасли): у чистых рыночников она наименьшая (10%), а у инноваторов-рыночников — наибольшая (28%). Значима зависимость и от текущего экономического положения компании: инноваторы-рыночники существенно обгоняют других (и особенно инертных) по прочности рыночных позиций. Там больше всего «лидеров» (34% против 22–27%) и меньше «средняков» (30% против 41–53%).

Имея более высокий статусный и ресурсный потенциал, включая стаж в бизнесе, продвинутые типы обладают и более высоким *социальным капиталом*, включая неформальные социальные связи в важные факторы успеха своих компаний. Причем «продвинутые» значимо опережают «инертных» по роли *неформальных* связей руководителей с *чиновниками* (55–62% против 44%), что косвенно указывает на широкое присутствие чиновников в экономической сфере, важности (вынужденной необходимости) взаимодействий с ними в ходе инновационно-рыночных продвижений бизнеса. Важное отличие *инноваторов* — лидерство по доле лиц, придающих *одинаково* сильное значение в деловом успехе компаний как вертикальным, так и горизонтальным *неформальным* связям (50% против 38–41% в других типах).

Другое важное отличие продвинутых типов касается качества *горизонтальных* неформальных связей. В принципе по той роли, которая им отводится в деловом успехе компаний, различия между представителями разных типов преуспевающих экономических акторов статистически не значимы (эта роль повсеместно велика: 59–67%). Но *качество* неформальных связей в разных типах разное. Так, у продвинутых они чаще, чем у инертных, подкрепляются строгостью соблюдения этических норм (40–44% против 27%), а у инертных — умелым обходом неудобных правовых норм (39% против 17–25% у продвинутых).

В *проблемной* социально-правовой среде *качество* неформальных связей скорее тормозит, чем способствует выстраиванию и реализации инновационно-рыночных деловых стратегий, особенно долгосрочных. Это связано как с широким погружением бизнеса в неправовые практики, так и с произволом чиновников, низким уровнем доверия бизнеса к власти, умеренным уровнем взаимопомощи и доверия внутри делового сообщества, а также со строгостью соблюдения этических норм и др.

На инновационные виды деловой активности чаще решаются те, кто, несмотря на проблемные в правовом отношении условия, нестабильные и непрозрачные правила игры, свободно в них ориентируется и сумел так к ним приспособиться, что обычно находит выход из достаточно сложных ситуаций. Не случайно наибольший уровень адаптации наблюдается у *инно-*

вационных типов — инноваторов-рыночников и инноваторов (по 38% против по 28% у рыночников и инертных). В то же время доля *неадаптированных* наибольшая именно у инноваторов: она в 2,3 раза выше, чем у инноваторов-рыночников (16% против 7%).

Однако адаптационный потенциал представителей продвинутых типов, связанный с постепенным наращиванием их человеческого и социального капиталов для преуспевания в проблемной социально-правовой среде, разумеется, не беспределен. Осваивая инновационно-рыночное пространство, они чаще инертных выражают озабоченность остротой таких проблем, как слабость защиты бизнеса правоохранительными органами, высокая экономическая преступность, недостаточное влияние бизнеса на принимаемые законы (см. табл. 2). Проблемная институционально-правовая среда сдерживает реализацию инновационных ценностных ориентаций и установок у одной части преуспевающих экономических акторов и серьезно тормозит реализацию ИДП — у другой. Она ухудшает качество неформальных связей и прогрессивных спонтанных изменений в социальной организации российского бизнеса, которые могли бы серьезно содействовать росту инновационной активности продвинутой части делового сообщества.

Литература

Заславская Т.И., Шабанова М.А. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. *Статья 1.* Социальные особенности и взаимодействия в проблемной институциональной среде // *Общественные науки и современность.* 2012. № 4. С. 5–23.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Archer M.S. Culture and Agency. Cambridge, 1988.

Mouzelis N.P. Back to Sociological Theory: The Constructions of Social Order. N.Y., 1991.

МЕДИА- КОММУНИКАЦИИ

Ph. Bouquillion

Member of the Laboratoire
des sciences de l'information et
de la communication, Paris

FINANCIALIZATION AND THE LINKAGES BETWEEN CULTURAL INDUSTRIES AND COMMUNICATION INDUSTRIES

Introduction

Cultural industries and communications industries are two very different sets. Cultural industries include the press and news, books, cinema and audiovisual, recorded music, video games). Communication industries include telecommunications, consumer electronics industries, Internet and computing industries. These two sets are different in terms of economic and financial importance (sales, profitability, cash flow, market capitalization) and also in terms of work organization and business models. Announced several decades ago, the linkages between these two sets of industries actually occur today. It started in the mid-2000s in particular in North America or Western Europe. Several factors of the so-called “convergence” are well identified, for example the deployment of broadband networks, even at very high speed and the development of online advertising markets. Many research deal with these issues. However, financial aspects, including the financialization have still little interested researchers.

What's exactly “financialization”? This term is frequently used in the speech of journalists and researchers, but it is often used in different and vague terms. There are three main definitions. A first definition, which comes from the common sense, confuses financialization and maximization of profitability. A second definition is based on the notion of “control” and the influence of the financial actors on the industrial ones. The notion of control comes from the financial economy. Logically, the control, that is to say the ability to influence key strategic decisions of the company, should be in the hands of the shareholders who are the owners of the company. But because of financialization, this logic is no longer respected. Ownership of industrial groups is widely dispersed and thus managers have a stranglehold on industrial groups. But they have to share this control with financial players. Financialization is usually (not always) accompanied by increasing profitability require-

ments from financial investors who want for the highest returns on investment. Industry players, subject to the “financial governance”, have to adapt their activities, including editorial choices to these constraints. Financialisation may then also refer to the rise of the participation of international financial actors in the capital of industrial groups and to the increasing of their influence on the management. A third definition focuses on the transition of national economies from a logic of “financial core” economy to a logic of “financial markets” dominated by Anglo-Saxon actors. Financial cores are formed by major banks, funds, or insurance companies grouped into two or three holding companies. In a given country, these two or three holding companies own the largest part of the capital of listed companies.

The aim of this paper is to identify what are the specific relationships between the actors of the financial sector and the actors of communication industries. The main hypothesis is that the development of financialization leads the actors of cultural and communication industries to be transformed into objects of speculation. However, industrial players don't have the same potential to become objects of speculation. Globally, the actors of communication industries are favored within financialization. Their industrial development is favored while that of the actors of the cultural industries becomes more difficult. Thus this article also aims to identify how financialization may construct or deconstruct these industries. In addition, financialization promotes the development of the symbolic value of the offers of cultural and communication industries. Again actors communication industries fare better in the game. Our research is based on monitoring of industrial and financial strategies of the major North American and European groups of cultural and communication industries carried out for more than ten years. The research was conducted on behalf of the Ministry of Culture and Communication.

We will examine, firstly, the organization of the financial sector and its relation to the cultural and communication industries; secondly, the construction or the deconstruction of the major industrial groups in culture and communication and, thirdly, the symbolic dimension and financialization processes in cultural and communication industries.

1. The organization of the financial sector promotes the development of speculative movements

The financial sphere is organized like a pyramid, with a small number of actors at the top of the pyramid, among which three main rating agencies: Moody's, Standard&Poor's and Fitch. The two main agencies, Moody's and Standard&Poor's (a totally owned subsidiary of The Mc-Graw-Hill Companies), are both American and among the ten more important shareholders of each of these companies five are common.

Shareholders	Percentage of shareholding of Moody's*, %	Percentage of shareholding of The Mc-Graw-Hill Companies**
Capital World Investors	6,81	11,33
Vanguard Group, Inc. (The)	5,41	4,92
State Street Corporation	3,61	4,53
Price (T.Rowe) Associates Inc.	2,46	3,71
Morgan Stanley	2,37	2,97

* Source: Yahoo finance: <http://finance.yahoo.com/q/mh?s=MCO+Major+Holders>

** Source: Yahoo finance: <http://finance.yahoo.com/q/mh?s=MHP+Major+Holders>

At the top of the pyramid, there are also a small number of very large merchant banks which are present in all the big financial transactions (transactions in the capital or bond issues, etc.) led by companies in cultural and communication industries. Among the ten largest investment banks in the world, six are American, two Swiss, one is German and one is British. Finally, among the financial sphere, there is a small number of big institutional investors which are significant shareholders of several big industrial actors, in particular in a given territory. For example we have been looking at the presence of the top ten shareholders of Disney (in December 31st, 2012) in the capital of News Corporation (among the 10 larger shareholders) at two precise periods: on December 31st, 2010 and on December 31st, 2012. It appears that among the ten more important shareholders of each of these companies five are common.

Funds	Percentage of shareholding of Disney on December 31st, 2012, %	Percentage of shareholding of News Corporation on December 31st, 2012 and on December 31st, 2010, %
Vanguard Group, Inc. (The)	4,24	0,21 et 4,35
State Street Corporation	4,07	/ et 4,23
BlackRock Institutional Trust Company	2,6	/ et 3,38
Wellington Management Company	2,07	/ et 3,97
Bank of New York Mellon Corporation	1,67	0,51 et 2,09

With such a pyramidal organization and multiple cross-shareholdings among these players holdings (excluding common figures in boards), the number of influential actors is very limited. Actually, these important financial actors can emit con-

vergent signals. In addition, the criteria for judgment which refers to all of these organizations are very similar. It also explains the effects of mimicry between all the most important financial players. In this way, financial actors can engage speculative bubbles and “virtuous circles” which they profit by speculating and also which have important consequences for the players of cultural and communication industries.

2. The construction/deconstruction of the major industrial groups in culture and communication

2.1. Some industrial players or whole sectors are supported

Firstly, in the 1990s, some “portals” supposed to implement the promises of the “convergence” are strongly supported by the major players of the financial sphere. Large Media and Entertainment players benefited from this support as for example Vivendi Universal or AOL Time Warner. These industrial projects consisted of the distribution on several media and supports (television, Mobile, Web, etc.) of a wide set of media contents. To offer these “portals”, the industrial players bought at the same time companies producing the contents and companies of networks (telecommunication operators, cable networks, Internet service provider, etc.). The actors of the financial sphere have supported these projects by facilitating the issues of new shares (Vivendi) or by facilitating mergers (AOL and Time Warner) [Bouquillion, 2004]. Almost all portal projects have been industrial failures, in particular those of AOL Time Warner and Vivendi Universal. Both of these industry players have been near bankruptcy. The industrial convergence between the cultural industries and communication industries has not did not occur. However, huge profits have been made by financial players who received commissions because they organized mergers between companies and also by investors who sold their shares before they lost value. In addition, financial players gain power over industrial players. The leaders of merchant bank or institutional investors are represented on the boards.

Secondly, at the end of 1990s and then in the 2000s, the players of communication industries, in particular of the Web industries or consumer electronic devices industries take advantage of the support of the financial sphere. Some major players of the communication industries have a very high market value in relation to their sales, profits and dividends. These players are then capable of leading important operations to their capital and so to raise funds. The ability to raise funds and to conduct operations in the capital has been in the 2000s a very important issue for companies in the communications industries. At that time, without the financialization and the capacity of raising funds by issuing news shares, players as Google, Apple, Amazon or Apple would not have been able to finance their development and retain their position of technological advance. Of course now it is less important for most of these

companies because they have accumulated large cash flow. But at that time, very few companies were in this situation. Because of their high financial capacity, these players can acquire industrial companies with know-how essential to stay ahead. For example, Google has purchased many outside companies where were central in order to maintain its dominant position in the market of online advertising. For example, the acquisition of Double Click in April 2007. Now the big actors of the communications industries appear among the first world stock-exchange valuations. However, the recent problems of Facebook and Apple show that the market value of many of these companies is overvalued. Are they agreements to engage speculative movements or sheep-like effects? Actually, it is very difficult for the actors of the financial sphere to estimate the value of the big communications industries players. In particular, it is difficult to anticipate:

- the sometimes lightning trajectories: sudden progress of sales around a reduced number of products, for example Apple with iPhone and iPad;
- the very fast emergence and the renewal of new markets, for example around the diverse forms of online advertising and on-line marketing;
- the industrial and financial issues of the linkages between activities that were before more separated (like music and consumer electronic devices);
- the industrial and financial consequences of the insertion of these activities in the economy and society, for example the huge success of tablets computers.

In addition, ratings agencies have few personal and less specialized personnel in the area of communication. Moody's "*employs approximately 6,800 people worldwide and maintains a presence in 28 countries*"¹. Among the 6000 employees of Standard & Poor's, there are only "*1,400+ analysts, managers and economists*"². These activities are among the important objects of speculation within capitalism because it is difficult to predict rationally their evolution.

2.2. Other industrial players or sectors are not supported and are disadvantaged

These players suffer from unfavourable anticipations on behalf of the main actors of the financial sphere. For example, most of the cultural industries players, except a few exceptions of which Disney. The criteria on which the rating agencies rate the actors are first financial. Industry players must have a good "financial flexibility". A good "financial flexibility" depends on:

- debt levels reported to the cash flow;
- interest rates for debts;

¹ Moody's Web site, <http://www.moody.com/Pages/atc.aspx>

² Standard & Poor's Web site, <http://ratings.standardandpoors.com/about/who-we-are>

- total cash flow;
- efforts to reduce costs;
- assets which can be sold, etc.

And after the criteria are industrial, including:

- dependence of economics cycles: for example, the share of advertising revenue in total revenue;
- the positioning of firms: Are markets in progress or stagnant? Have they strong market power? For example, most telecom operators are considered to be positioned on stagnant markets and with only very little market power;
- ability or inability of the firms to escape price competition: for example, Apple can escape price competition much more than most telecom operators.

The badly noted industrial actors can undergo hard consequences. Firstly, these players face huge difficulties in financing their growth. It is difficult to lead operations to the capital. The debt is the only way to finance growth. However, their borrowing capacity is probably very low; they can not borrow large sums. Ambitious operations of external growth are forbidden. Secondly, they have to improve their financial flexibility by increasing the cash flow, reducing debts and also reducing drastically their costs. However, they are also obliged to support the share price by distributing in dividends an important part of profits and by leading important share repurchase programs. Cash flow capacities are thereby reduced even more what alters the financial flexibility. In short, they are likely to enter into a vicious circle. Many actors of cultural industries that were important during the last decade have been forced to sell assets. This is in particularly the case of Time Warner or Vivendi Universal. Often the total market value of these players is lower than the sum of the value of each of their components.

However, according to Moody's, some the American players of cultural industries are considered as being in a better position now: "*In general, we believe that most investment-grade media and entertainment companies are better positioned within their present rating category today than they were headed into the US recession of 2007-09. In our September 2007 report on this topic, which focused on US companies only, we listed four US companies as "vulnerable" to a downgrade, the highest relative risk of exposure on our illustrative scale. Based on similar illustrative factors, no companies are in the vulnerable category in this updated study. This is primarily because the group as a whole has stronger balance sheets, but also due in part to our view that the current collective group of investment-grade media and entertainment issuers is better positioned to sustain revenue and cash flow in the face of technology-driven changes in consumer habits than the 2007 group*"³.

³ "Global Media and Entertainment Industry Most Investment-Grade Ratings Would Be Resilient in a Recession", Moody's investors services, August 16, 2012.

3. The symbolic dimension and financialization processes in communication industries

Certain communication industries activities are at the core of financialization processes and symbolic goods and their products support these processes directly. As of the second half of the 2000s, and even more so at the beginning of the 2010s, manufacturing actors (such as Apple, the most valuable company in the world in terms of stock valuation in 2012) and Web actors (such as Google) were among the most highly valued companies in the world. The common point of their success was their ability to turn their products into cultural content. The case of Apple is exemplary not only because of their stock valuation — more than \$600 billion in October 2012 which is much higher than those next in rank, but also because of the conditions in which this value was produced. In effect, the stock valuation of this equipment manufacturer increased — more so than its actual revenue and profits — at the exact moment that its strategy, in terms of cultural content and music-on-demand, was celebrated as a success. Furthermore, this success was not measured in financial terms — for several years it had not been directly profitable for Apple — but in terms of users. Thus, it is the capacity of Apple to create material and content that financial circles have “compensated”.

The presence in the economy, even partially so, of symbolic goods presents important issues from the perspective of financialization in that it introduces elements of incertitude and opaqueness to the activities of these corporations whose previous activities were fairly straight-forward. The economic calculus demonstrates that this sort of economic activity is less reliable than other sorts of activities. In effect, the business strategies of important content providers are, *de facto*, generally operating at the edge of legality as they are juridically risky and may see their operations impeded by judicial or regulatory decisions. In addition, once we are presented with an economy of symbolic goods and the uncertain character of use values [Miège, 1984], the *unknown* [Caves, 2000] and the uncertain character of valorization gain prominence. These operations are thus *industrially* risky as well. Nevertheless, when successful the financial results may be quite high. While these industrial actors may not be substantially invested in (as in, not at all) content production, they are in a position to acquire content due to their dominant quasi-monopolistic positions in their respective markets. In this situation, financial actors tend to adopt sheep-like behaviour. Financial ratings agencies and business banks boards do not understand the specific nature of the trend-following economy of symbolic goods, instead relying upon evaluations and prognostics supplied by various finance and information and communication technology (ICT) gurus. Speculative phenomena are facilitated in this manner and, with them, the potential for investor profit. It is ultimately due

to their characterization as symbolic goods that these activities have thus become objects of financial speculation.

The communication industries benefit more from this movement than the cultural industries. They are able to combine cultural content, often produced and financed by cultural actors, with technological supports. However, this assembly can generate turnover and rates of profitability much higher than the mere production of cultural content.

Conclusion

In conclusion, it may be noted that the financialization today impacts the joints between communications industries and cultural industries. Promoting the transformation of these activities into objects of speculation, the actors cultural industries are doubly weakened against the players of communication industries. On the one hand, the groups of cultural industries do not have the same financial flexibility or the same financial performance than those of communication industries. They can meet import difficulties in raising funds. They may even be forced to sell major assets. At the industrial disability — the actors of communication industries are at the origin of the joints between ICT and cultural products — is added a financial handicap. On the other hand, movement toward symbolic industries is a powerful factor of articulation between the offers of the communication industry players (electronic equipment or search engines for instance) and cultural products factor. However, this evolution occurs for the benefit of actors communication industries.

References

Bouquillion Ph. The formation of Cultural and Communication Industry Poles: between financial coups and the integration of industrial production lines, Omic, 2004. URL: <http://www.observatoire-omic.org/fr/art/139/the-formation-of-cultural-and-communication-industry-poles-between-financial-coups-and-the-integration-of-industrial-production-lines.html>

Caves R. Creative Industries: Contacts between Art and Commerce. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

Miège B. Postface à la 2e édition // Huet A. et al. Capitalisme et industries culturelles. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1984. P. 199–214.

Basics of practical online research

1. Online research *about* the Internet

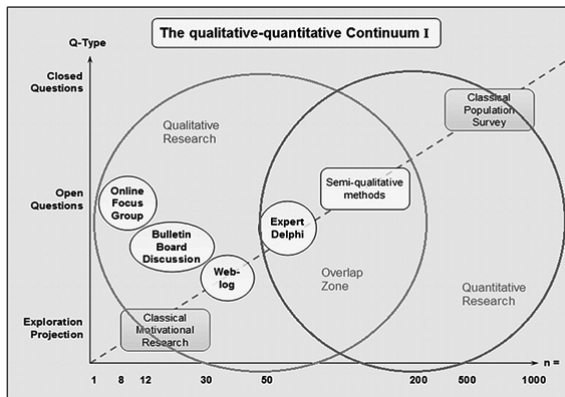
In this case the aim of online surveys is to clarify facts about the Web. Examples are tests about Website performance (*Usability Tests*) or surveys to define the number of visitors of a Website (*Web Audience Size Measurement*). A completely different approach to define Web audience sizes or measure ad contact data is *Web Metrics* — the use of log files to count *page views*, *visits*, *duration of visits* etc. In advanced measurement systems, log file-based metrics are combined with data collected by online panel surveys.

2. Online research *via* the Internet

The Internet can be used for all kinds of surveys apart from the Web. Computer-assisted Internet Research (CAWI) is used to measure *awareness and acceptance of products*, *social behavior*, *political opinion*, *media use* etc. Fieldwork is based on carefully recruited *access panels*.

Due to the rapid spread of Internet all over the world, online research is becoming suitable for surveys also among the older segments of the population. If local Internet penetration is still low, the senior age groups must be surveyed with traditional methods in combination with online research (“mixed mode” or “hybrid” surveys).

Online Research: Quality vs. Quantity

The Internet enables qualitative research with small samples as well as large quantitative surveys. “Delphi Surveys” are multi-stage projects, mostly among experts.

Advantages of online research

- Quick fieldwork and evaluation (down to 24 hours).
- Cost efficiency (no interviewer and telephone cost).
- No geographical boundaries: national and multi-nation surveys possible.
- Higher response rates as questionnaire can be filled in at any time.
- No interviewer training necessary.
- No interviewer bias (self-completion!).
- All types of multi-media content can be tested (sound, video, Websites).
- “Sensitive” topics are easier to ask — respondent is alone (anonymity!).
- Substantially higher response rates than in telephone or face-to-face.
- Candid answers (no social pressure), more text.
- Small target groups readily available in large access panels.
- No transcription of answers to open-ended questions necessary.
- No errors in transcription possible.
- Report/graphs can be generated in real-time and delivered quickly.
- Format may impress customers as the most modern type of market research.

Disadvantages of online research

- Internet does not reach 100% of the population.
- No possibility to explain details of the questionnaire.
- Not applicable when the topic is related to Internet and Internet use.
- Especially in qualitative research: body language cannot be observed.
- No possibility to test products by taste, smell or handling.
- Results may be skewed due to different degrees of familiarity with computers.
- Biased towards up-market, high education segments.

Dealing with the disadvantages of online research

- Conducting surveys in “mixed” mode: supplementing online interviews with the required number of interviews with “nonliners” (“hybrid surveys”).
 - Making online questionnaires self-explanatory.
 - Delivering product samples to households for testing.
 - Careful panel management.

Online media research

- At an ever increasing speed, media use is moving from *offline to online*:
- newspapers and books can now be read on smartphones and other portable devices (*e-papers, e-books*);
- TV and radio programs can be received via Internet — everywhere and at any time — even days after transmission;
- advertising plays now an important role on corporate Websites and in social media.

Therefore, online media research can fulfill a number of functions

- Measure audience sizes: readerships, TV viewing, radio listening, or Web use.
- Provide appreciation and verbal judgment of TV or radio programs.
- Assist producers to create new, or improve running TV or radio programs.
- Test the acceptance of content and design of newspapers and magazines.
- Measure advertising effectiveness in TV, radio, print, and the Web.
- Improve the usability/performance of Websites.

Bulletin boards are most suitable for media research

TV programs/ads can be tested by means of an online focus group or an online bulletin board. While an online focus group must be conducted within about 90 minutes, a bulletin board can last as long as 10 days. For practical reasons, the number of participants in an online focus group is restricted to a maximum of eight, whereas Bulletin Board discussions can be held among samples of up to several dozens of persons.

In-home TV Test: A pilot of a TV program recorded on DVD can be sent to a number of households (20–30). After viewing the test materials, the household members are being asked to fill in an online questionnaire about actors, plot, and overall impression.

TV appreciation panels

In some European countries (NL, UK, IRE, CAT, BE), where people meters do not provide appreciation, the leading market research firm GfK has been commissioned to run special online panel surveys to produce appreciation scores, affinity data, and verbal judgments about TV programs. This method was developed — and is being administered — by Intomart, the Dutch branch of GfK.

TV Appreciation Panels

		BBC	RTE	NPO	VRT	GfK
	Client	Panel	Local GfK, hosting	Since		
	Dutch Public Broadcasters	8,000	Intomart GfK	2002		
	BBC UK	GfK NOP, Intomart GfK		2004		
	Television and radio Cross media	21,500 650 per week				
	RTE, Ireland	3,000	GfK NOP, Intomart GfK	2007		
	TV3 Catalonia, Spain	1,500	GfK Emer	2008		
	VRT, Flanders, Belgium	4,200	GfK Significant, Intomart GfK	2012		

TV appreciation metrics

Basically, a TV Appreciation Panel offers:

- an *appreciation score* for each program viewed,
- “likes” and “dislikes” in the form of text entries, and
- a number of special properties such as “*attention to a program*”, or judgement of certain *properties* like “informative”, “entertaining” etc.

To this end, a program schedule is offered on screen in which panelists highlight the program(s) viewed “yesterday”. They then enter appreciation and other judgements.

Only a large panel of Internet users makes it possible to ask a daily sample to judge their use of media (TV, radio, Web).

Radio audience size measurement

With the spread of Internet use, the measurement of radio use by means of online day budget studies becomes a practical option — especially for radio stations with younger audiences.

Portable devices such as the GfK “Media Watch” or Arbitron’s “Pager” enable minute-by-minute measurement of media use.

Note: Because of the high cost of such devices, they are mainly used for calibration of other types of online media surveys.

Qualitative measurement of radio programs by online diary

By means of an online radio diary — normally running two to four weeks — station managers can gain qualitative data like attention to and appreciation of programs — as well as likes and dislikes (*verbatim*s).

Note: Online day-budget studies are increasingly being used to gain insight into cross-media use (e.g. the percentage of people reading a newspaper while watching TV, or the percentage of internet users listening to radio).

Music testing

Online research is well suited to test music. Such surveys are popular with private radio stations who like to select popular songs for their playlists (“music clocks”). Formerly, music testing had to be performed either by playing music samples to the respondents via telephone or inviting test samples to a location where they were asked to listen to music and fill in written questionnaires. The Internet makes it possible to ask respondents to listen comfortably to music samples at any place and at any time and express their acceptance.

Testing Radio Music Online

Awareness			Acceptance		Burnout			
Click on the little loudspeaker to start the music. Which of the songs below do you know?			Please give a score for each item from 0= „don't like“ to 10 = „like it very much“		Do you want this song to be played „as often as now“, „more often“, „less often“ or „not at all“?			
	yes	no	Score		like now	more often	less often	not at all
Musical	☒	☐	4		☐	☐	☒	☐
Austrian Pop Song	☒	☐	6		☐	☒	☐	☐
Oldtime Jazz	☒	☐	5		☐	☐	☒	☐
Country- und Westernmusik	☐	☒	3		☐	☐	☒	☐
Moderne Pop- und Rockmusik	☒	☐	7		☒	☐	☐	☐

Respondents open and play 20-second „hooks“, express appreciation by a score from 0-10 and, finally, state if they want to listen to this song again ...

Online research for print advertising

Internet-based advertising surveys (e.g. “AdMeasure by GfK/MRI”) are replacing the traditional “had an opportunity to see” — measurement by “actually saw” and “actually acted on”. Traditional vehicle-based metrics, such as “total audience”, is augmented with information about how an individual ad performs, i.e., how many readers of a specific magazine issue noted a specific ad, how many read any or most of the ad, how many took a specified action related to seeing the ad. An extensive database allows for benchmarking.

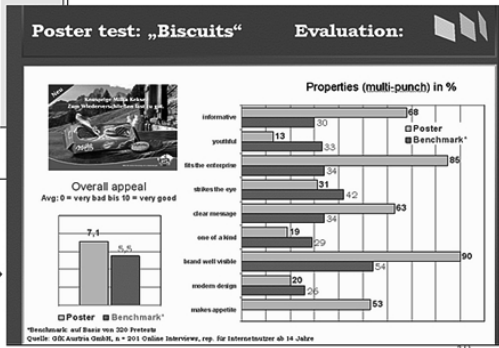
Measuring outdoor advertising

The *Online Poster Test* available from GfK Austria combines numerical metrics (entering an appreciation score from 0 points for “very bad” to 10 points for “very good”) with the measurement of a number of specific billboard properties (such as, “youthfulness” or “brand visibility”) followed by the verbal expression of likes and dislikes.

Measuring Outdoor Advertising

The Online Poster Test available from GfK Austria combines numerical metrics (appreciation 0-10) with the measurement of a number of specific billboard properties (such as, „youthfulness” or „brand visibility”) followed by the verbal expression of likes and dislikes.

The exhibit to the right shows how a well accepted poster scores positively in five properties against industry benchmarks (dark bars).

Website usability tests

Online research can be used to find out about the performance of a Website.

1. *Qualitative Approach*

Discussing a Website in an online focus group for about 90 minutes.

Discussing a Website in an online bulletin board over a longer period.

Using eye-tracking techniques.

2. *Quantitative Approach*

Conducting an intercept study (“*n*th visitor survey”, “pop-up-test”) by delivering a questionnaire to randomly selected visitors to a site.

Including screenshots, links, and questions in an online survey ($n > 300$).

Note: Numerous firms offer research conducted with the help of optical/electronic equipment to follow the movement of the eyes when watching an ad or poster. This method is called “eye-tracking” and requires the presence of respondents in a laboratory situation. The results of such research are presented in the form of “heat-maps” which show the areas most noticed by respondents. Due to the high cost of such surveys, other methods are being developed. The Berlin-based firm Eyequant (<http://eyequant.com>) offers to analyze Websites directly on the Web. Eyequant say they deliver over 90% predictive accuracy when compared to a real eye tracking study with more than 30 human subjects.

Web audience size measurement

1. *Logfile-based Metrics*

Web traffic can be measured with the help of log files recorded on the Web server.

- A “hit” is generated when any file is served (a page with 5 images will generate 6 hits).
- A “page view” is generated when a visitor requests any page within the Web site.
- A “visit” is the uninterrupted use of a single Website’s pages.
- “Unique users” are “persons” (devices) using a Website — in spite of their possible multiple access they are only counted once.
- “Duration” of a visit is the length of stay expressed in minutes and seconds.

Note: One big problem of automatic Web traffic measurement is that metrics are generated by “devices” and not by “human beings”. Thus the demographic structure of the visitors of a site and the actual location (home, work, or public place) where access takes place, remain unknown. Sophisticated Web audience size measurement, therefore, combines log file measurement with panel surveys. Only with the help of a special browser starting-page is it possible to differentiate between surfing *at home, on the job, or in school*.

2. Measurement by Recall

Sufficiently large online panels enable measuring the “reach” of prominent Websites with full demographics.

Web Audience Size Measurement by Recall

For each website please state when you last visited it. Was it....					Appreciation
	over the last 7 days	1 to 4 weeks ago	1 to 3 months ago	longer ago / never	Please rate each site: 0 = very bad to 10 = very good
	☐	☐	☐	☐	<input type="text" value="3"/>
	☒	☐	☐	☐	<input type="text" value="9"/>
	☐	☒	☐	☐	<input type="text" value="6"/>
	☐	☒	☐	☐	<input type="text" value="5"/>
	☐	☐	☒	☐	<input type="text" value="8"/>
	☐	☐	☐	☒	<input type="text" value="3"/>

Radar 14a

Note: It is clear that “reach” measured by recall in an online questionnaire is less “precise” than log file-based measurement. On the other hand, it offers full demographics and, if desired, numerical or verbal appreciation (likes/dislikes).

Campaign tracking: online and offline advertising control

Market research firms GfK and Nurago have developed methods to

- pretest online advertising by means of simulated surf sessions;
- measure online advertising by *cookies* issued to panel members and *tracking codes* attached to online advertising materials;
- present visibility rates and visibility duration in near real time;
- measure cross media advertising.

Summary

Considering that...

- Printed media normally contain text and pictures.
- Television includes video, sound, images, and text.
- Websites can consist of text, images, video and/or sound.
- Radio consists of sound only.

- All advertising is image-centered and can use sound or video.
- All media consumption has a strong tendency towards use by mobile device.

We can conclude...

- Only online media research can present text, pictures, video/sound, and Websites to the respondent (“multi-media function”) in an efficient manner.
- Online research is well suited for testing mobile media use.
- Online media research is faster and cheaper than conventional research.
- Online media research is more efficient because of self-completion.

Online media research is the future!

J. Grimm,
Ch. Grill
University of Vienna

HOLOCAUST RECEPTION AND NATIONAL IDENTITY. RESULTS OF A MEDIA EFFECTS STUDY IN RUSSIA

The visualizing of history in the media consists to a large extent of terrifying images associated with war, catastrophes and suffering [Zelizer, 2001]. Apparently, we feel the desire and the need to remember negative events, either because we are directly or indirectly affected and these events cause us pain, or because we try to learn lessons for our present through the suffering of others (e.g. how to avoid violence and stabilize humane conditions). However, little is known about how these terrifying images have to be embedded within communications in order to prevent stress-induced audience responses such as anger, depression and rejection, and to facilitate information processing on a deeper level [Craik, Lockart, 1972]. In this paper, we will present results of an international comparative media effects study in which a Holocaust documentary was systematically combined with statements of different types of witnesses to history and with a complex narrative meta-frame. Our pivotal hypothesis is that Holocaust images which are brought into a communication context conducive to deeper comprehension may help overcome the boundaries of nationalism and open the mind for cosmopolitanism as well as refine national interpretation patterns referring to the past and the present.

Research questions

Within the Viennese research project “Broadcasting history in the transnational space”, a series of international comparative media effects studies based on the French Holocaust documentary “Night and Fog” (Director: Alain Resnais, 1955) were carried out and tested for their impact on historical interpretation patterns, values and national identity of the subjects. The studies in Austria, Germany and Israel led to different conclusions about the educative potential of the film, depending on the respective national context. While viewing the Holocaust documentary, the descendants of World War II aggressors (Germans, partly Austrians) showed strong involvement and selective increase of human value orientation, as did the descendants of the Jewish victims in Israel, but the consequences drawn for one’s own national identity were different.

While German and Austrian viewers reduced narrow-minded nationalist components in their identity concept, the Israelis kept these up after the film reception. At the same time, Israeli viewers emphasized the cosmopolitanism in their identity. Based on the results so far, we ask the following research questions regarding Russian viewers as the descendants of victims and victors of World War II:

RQ1: What is the relevance of the Holocaust documentary “Night and Fog” for young Russians today? To what extent does the film get the viewers immersed or involved and to what extent does it induce emotional and/or cognitive resistance?

RQ2: Is there any proof of humanity impairment taking place and does the recipients’ value orientation change after viewing the film?

RQ3: How does the documentary about the Holocaust affect the Russian viewers’ national identity?

RQ4: How can the Russian results be related to previous research results from Austria, Germany and Israel?

Theoretical background and measurements

Persuasion research agrees on the assumption that the viewers’ participation during information processing influences the extent to which communication messages are accepted and integrated into one’s knowledge [Brock, Green, 2005]. However, the influence of shocking images of history on receptive participation and persuasion is completely unknown. It also remains unclear what impact the audiences’ national identity has on Holocaust reception and what the possible effects on the viewer’s national and supra-national identity might be. Therefore, instruments for measuring four components were developed:

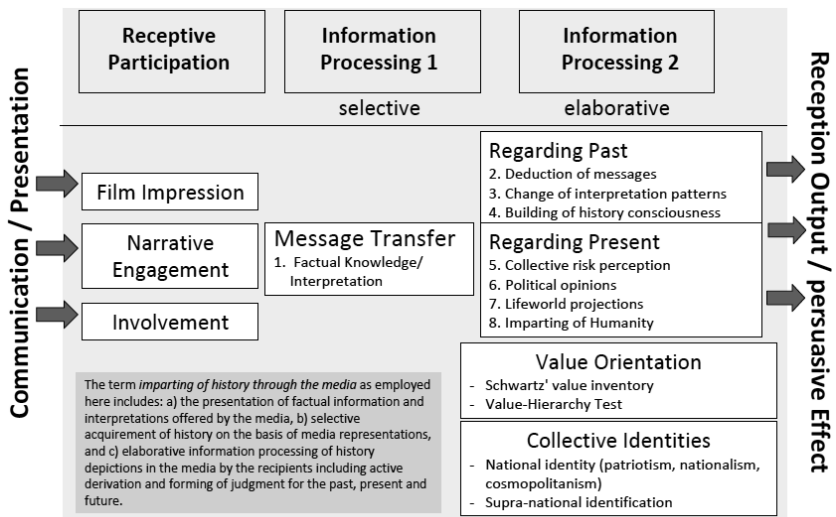
1. Receptive participation: measured as *impression forming* (emotional strain, informational quality), *narrative engagement* (illusion of being transported into the narrated reality, cf. [Busselle, Bilandzic, 2009] and *involvement* (amount of references between recipients and communication content);

2. Imparting of humanity: divided into the four sub-dimensions (a) *prejudice decrease* (“Group-focused Enmity”, Zick et al., 2008); (b) *aggression control* which becomes manifest in the decrease of reactive aggression as well as the preference for compromise-oriented conflict management [Grimm, 2010]; (c) *communitas skills* which are defined as the disposition for transnational and trans-ethnic community-building; (d) *political humanitas* which is operationalized as tendency towards cosmopolitan problem-solving and commitment for universal human rights;

3. Value orientation: scaled as value importance (a) taken from the Schwartz’ value inventory [Schwartz, 2006] and from the “Value-Hierarchy-Test” (Forum for Methods, University of Vienna);

4. National identity: according to the DNI-Test (Forum for Methods at the University of Vienna) with three dimensions (a) *patriotism* (bonding with Russia and the people living there), (b) *nationalism* (constriction of national in-group-bonding combined with devaluation of out-groups) and *cosmopolitanism* (connectivity of national in-group-bonding referring to out-groups). Furthermore, ethnic identification and supra-national identification (Europe, Asia) are measured.

The theoretical-methodological frame for this measurement is provided by the model of “Multi-Dimensional Imparting of History” (MIH) [Grimm, 2012] which is based on theories of information processing and persuasion [Knowles, Linn, 2004] combined with theories of social identity [Tajfel, Turner 1986]. The inner circle of the MIH model contains 8 dimensions which make it possible to empirically evaluate the performance of historical TV formats with regard to their communicative efficiency.

Process model: Multidimensional imparting of history

The MIH model brings together variables of receptive participation and levels of information processing (in the inner circle: 1 selective, 7 elaborative levels). Factual knowledge and historical interpretations within the communication can be selected or ignored on the first level. On the next level of information processing the viewers elaborate inferences from the media content for past- and present-oriented worldviews (level 2–8). Beyond this inner circle of history impartment, the elaborations affect also common value orientations and collective identities (external effects of history impartment). In this study, we focus on narrative engagement and involvement as basic conditions for deep information processing which is indicated by im-

parting of humanity (cf. 8th dimension in the MIH model) as well as by a change of value orientation and a change of collective identity.

Method

Procedure. The study is based on a media effects experiment (5 randomised groups with Russian viewers), which was conducted in September 2012 at the Higher School of Economics in Moscow. The research followed a pre-post-design. First, participants filled in a questionnaire including pre-receptive tests on MIH-related opinions/dispositions, value orientation and identity concepts. Two days later, they viewed one of the five different versions of the documentary. Immediately after the film reception, the participants filled in a second questionnaire with evaluations of the film and post-receptive tests equivalent to the tests in the first questionnaire. The differences between pre and post-measurements are interpreted as short-term effects.

Experimental Film Groups. We constructed five versions of “Night and Fog” along our research questions. As treatment variables, we first used a narrative meta-frame that focuses on memory reflection upon World War II in general, and then included the differentiation between types of witnesses to history regarding their respective roles as victims or perpetrators of the Nazi regime. All effects of treatment variables were tested for significance by bi-factorial variance analysis.

Experimental Film Groups:

G1 Night & Fog, original narratively embedded without witnesses to history	G3 Night & Fog, reduced version Witnesses to history: victims + perpetrator	G5 Night & Fog, reduced Witnesses to history: perpetrator
G2 Night & Fog, reduced version without witnesses to history	G4 Night & Fog, reduced version Witnesses to history: victims	

Sample. Altogether, 192 participants were recruited, of which 85% were students and 15% non-students. All subjects with only one exception were of Russian nationality, 82% of the subjects were also of ethnic Russian origin.

Results

In this paragraph, we will present the results regarding the media effect variables receptive participation, imparting of humanity, value orientation and national identity.

Receptive participation

The Russian viewers of the Holocaust documentary were under high emotional strain. A complex narrative embedding (see G1, Table 1 in Appendix) somewhat reduced the stress reaction. Also, victims in the role of witnesses to history seem to make the terrifying images within the film slightly more bearable for the recipient (G4). As a consequence, the use of Holocaust survivors talking about what they lived through would ease access to these terrible events for later-born generations. However, this is only the case if no additional perpetrator-witness is included, as this increased emotional stress in Russian viewers (G3, G5). It is quite remarkable that the most stress-inducing version with a combination of victim- and perpetrator-witnesses made also for the highest information value. Apparently, there is a conflict of aims between the use of stress-reducing factors and the cognitive quality of presentation.

Narrative engagement in Russian viewers in total is higher than in Austrians and Germans. However, involvement in Russian subjects (bi-directional relation between the historical situation and the recipient's personal environment) is lower than narrative engagement and lower than involvement in Austrians and Germans. A complex narrative embedding as well as witnesses to history may undermine narrative engagement with the Holocaust documentary. The effects on involvement are divergent (Table 2), with involvement mostly decreasing, apart from G3 (combined use of victims and perpetrators as witnesses) where the Russian viewers' involvement increased. In general, these results indicate that the choice of witnesses to history and the use of complex narratives greatly influence the potential of a Holocaust documentary to immerse or involve the viewers in different ways.

Imparting of humanity

We find no change of prejudices after the film reception in the overall sample (see *group focused enmity*, Table 3). But there are significant divergent effects between the film groups. Surprisingly, witnesses to history increase prejudices (G3–G5), while in groups without witnesses prejudices decreased (G2). The meta-narrative in G1 has a zero effect. Thus, the gain in humanity on the prejudice dimension only becomes effective if we refrain from unduly educational claims.

The Holocaust documentary contributes to a decrease of reactive aggression among most film groups. However, victim-witnesses induce feelings of aggression — presumably caused by moral outrage and the urge to help the victim. Additionally, the film affects conflict behaviour and leads to a higher capacity for compromise. There is evidence for a general pacifying effect of terrifying images. On this dimension, post-receptive humanity of Russian viewers was higher than before the film reception.

The film did not make viewers more inclined to communitize with people of other nationalities and cultures (see *communitas skills*, Table 4) after the film. The

shocking breach of civilization shown by the Holocaust documentary did not stimulate transnational and transcultural forms of *communitas* neither in Russia nor in Germany, Austria and Israel. But *political humanitas* (cosmopolitan problem-solving and commitment for general human rights) rose significantly in Russian viewers. Only in Russia this positive effect on political humanity after the Holocaust reception was found, not in Germany, Austria or Israel.

Value orientation

In social sciences it is generally assumed that value orientations are steady dispositions of individuals that change, at best, in the long run of society development (for Russian value research, cf. [Magun, Rudnev, 2010]). The results of our study show that media communications on historical events have an immediate impact on value orientations. We see this as an indication for short-term effects that can cumulate and induce long-term value changes. Using the Schwartz's concept with 10 values (Table 5) there was no effect in the total sample, but in G5 with the perpetrator in the role of a witness to history. The post-receptive "conformity" value was significantly lower than before the reception. Possibly, the Russian viewers saw in the German perpetrator a personification of uncritical conformity, which should be rejected. There is also a between group effect. The value "security" increased under the conditions of victim-witnesses, but decreased if the perpetrator-witness was added. Apparently, perpetrator and victim-witnesses influenced viewers' inferences regarding security problems in a different way.

Yet more value effects were found using the "Value-Hierarchy-Test" (VHT) with 25 single categories (Table 6). In contrast to the other tables, a positive sign means that agreement has decreased after the reception; a negative sign indicates an increase in ranking. The relevance of values, which were heavily violated during the Holocaust — "equity" and "solidarity" — rose after the reception. Obviously, the communication of values resulted in a demarcation from morally condemnable actions. In accordance with the Schwartz inventory measurement, the result of the VHT in G5 affirmed the effectiveness of receptive resistance against value violations by Nazis in the film: After the reception of the version with perpetrator-witness Rudolf Hess, Russian viewers significantly raised the value "justice" (the Holocaust broke all the rules of justice and the perpetrator was brought before the Nuremberg Trials) and lowered the ranking of uncritical "conformity" expressed by the unreasonable Nazi leader with ostentation ("I don't regret!"). The values "knowledge", "achievement" and "homeland" became less relevant after the reception, which may be a hint that the experience of the Holocaust documentary led to a more open-minded and cosmopolitan point of view and reduced individualistic and in-group attitudes among the Russian audience.

National identity

In the last paragraph, we shall discuss how a transnational historical event such as the Holocaust directly affects the Russian viewers' national identity [Duncan, 2005; Minescu et al., 2008; Sakwa, 2012]. The main effect of changing collective identifications (Table 7) concerns the European identification, which significantly increased after reception. In contrast, the national identification decreased in the total sample. This is a strong proof that the Holocaust reception enforces supra-national perspectives in Russia. Again, the exception is G5 with the German perpetrator in the witness-role. Under this condition, national identification increased. This means that the general effect of traversing national views is neutralized if the main enemy in World War II appears in a dominant role as a witness to history.

We found an inverse effect regarding ethnic identification that increased by trend. Here, the German perpetrator reduced identification, while the victim-witnesses enforced identification with the viewers' ethnic group. The Russian historical background may explain this, as the slackening of ethnic bonds was a prerequisite for the enormous national achievement in the "Great Patriotic War".

According to the DNI-Test, national identity contains three relatively autonomous dimensions: patriotism, nationalism and cosmopolitanism (see above). Similar to value orientation, national identity is assumed to be relatively stable, but, in fact, it changed through Holocaust reception (Table 8). The most important result is the divergent impact on the different dimensions of national identity (which affirmed test construction). While patriotic bonding was not affected, nationalistic attitudes increased by trend, which is probably a consequence of the "Great Patriotic War" being deep-seated in collective memory. Nevertheless, the Russian viewers were able to view the historical event in cosmopolitan perspective. The strongest and highly significant effect refers to an increase of the cosmopolitan dimension within the Russian identity — a high increase of cosmopolitanism was also found in Israel. Obviously, the Holocaust documentary supported the acceptance of national diversity and global understanding independent of patriotic bonding and national conflict situations.

Conclusion

As expected, the Holocaust documentary "Night and Fog" still bears relevance for Russian viewers today. The film induced strong negative emotions in the recipients, including fear, feelings of tragedy and empathetic distress when faced with the victim's suffering. A narrative meta-frame is crucial for stress-reduction; the influence of witnesses to history, however, is ambivalent. The combined presentation of victims and perpetrator-witnesses caused the greatest emotional strain and, at the same time, enhanced information quality. Thus, stress reduction per se (e.g. when

watching documentaries in schools) needs to be handled carefully as this might damage information processing in the context of history impartment.

The imparting of humanity can be observed on several indicators. The documentary created positive effects in Russian viewers concerning aggression control and compromise-oriented conflict behaviour — as it did in Germany and Austria. Also, in analogy with these countries, the Holocaust documentary could not enhance the Russian viewers' willingness for multinational communitisation. We see this as empirical evidence that gruesome pictures of suffering and piles of corpses induce feelings of bodily disgust and emotional distraction which can impede our empathic concern and sense of community. Nevertheless, on a rational level of information processing, the terrifying images fostered strong effects on the Russian viewers' commitment for cosmopolitan problem-solving and universal human rights. This gain in humanity is a specific result from the Russian sample and was not found in German or Austrian subjects.

The results of our study show that a Holocaust documentary can change value orientation and national identity in Russia. The short-term effects we found may turn into long-term changes if similar TV programs are screened repeatedly and the effects accumulate over time. Remarkably, the strongest value effects of the Holocaust documentary concern values represented by the German perpetrator or ethics violated during the Holocaust. In this case, the historical event and detestable historical figures that Russian viewers want to dissociate themselves from, give the decisive impulse for value reflection and value change. Also, the impact on national identity depends on non-linear effects and deeper information processing. On one level, the Russian viewers increased their nationalist identity components inspired by a specific historical awareness of being both a victim and a victor in World War II. On a second level, the documentary opened the Russians' identity concept for cosmopolitan enrichments.

Summing up, the MIH model for measurement of history impartment is affirmed in an international comparative research context. The Holocaust documentary "Night and Fog" generally supports human value orientation among young Russians as well as among Austrians, Germans and Israelis — with slight individual differences. Depending on the national context, the appropriation of history affects national identity divergently. While the descendants of the perpetrators significantly reduced patriotic feelings and nationalist constrictions, the descendants of victims and victors in Russia increased nationalist identity components in the sense of a willingness to defend their country by force — attitudes which were historically decisive for defeating the Hitler regime. But, especially Russians (and also Israelis) more than Germans and Austrians increase cosmopolitanism within their national identity after the Holocaust reception. We conclude that TV-formats such as "Night and Fog" might well make a contribution towards preventing future breaches of civilization by endorsing moral values in the recipients and by promoting the reconcilability of patriotism and cosmopolitanism.

References

- Brock T.C., Green M.* (ed.). *Persuasion. Psychological Insights and Perspectives.* 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2005.
- Busselle R., Bilandzic H.* Measuring Narrative Engagement // *Media Psychology.* 2009. No. 12/4. P. 321–347.
- Craik F.I.M., Lockhart R.S.* Levels of Processing: A Framework for Memory Research // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior.* 1972. No. 11. P. 671–684.
- Duncan P.J.* Contemporary Russian Identity between East and West // *The Historical Journal.* 2005. No. 48/1. P. 277–294.
- Grimm J.* From Reality TV to Coaching TV. Elements of Theory and Empirical Findings Towards Understanding the Genre // *Hetsroni A.* (ed.). *Reality TV. Merging the Global and the Local.* N.Y.: Nova Science, 2010. P. 211–258.
- Grimm J.* Multidimensional Imparting of History. A Theoretical and Methodological Concept for Measuring Media Effects on the Basis of Historical Topics // *Medien & Zeit.* 2012. No. 27/4. P. 30–54.
- Knowles E.S., Linn J.A.* (ed.). *Resistance and Persuasion.* N.Y.: Taylor & Francis Group, 2004.
- Magun V., Rudnev M.* The Life Values of the Russian Population. Similarities and Differences in Comparison with Other European Countries // *Russian Social Science Review.* 2010. No. 51/6. P. 19–73.
- Minescu A., Hagendorn L., Poppe E.* Types of Identification and Intergroup Differentiation in the Russian Federation // *Journal of Social Issues.* 2008. No. 64/2. P. 321–342.
- Sakwa R.* The Problem of “The International” in Russian Identity Formation // *International Politics.* 2012. No. 49/4. P. 449–465.
- Schwartz S.H.* A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications // *Comparative Sociology.* 2006. No. 5/2–3. P. 137–182.
- Tajfel H., Turner J.C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behaviour // *Worchel S., Austin W.G.* (eds). *The Social Psychology of Intergroup Relations.* Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Appendix

Table 1. Impression forming

N = 192; G1 = 48 G2 = 38 G3 = 40 G4 = 41 G5 = 25 Scale 1–8	G1 Orig narratively embedded	G2 NFR without Witnesses to History	G3 NFR+ Victims+ Perpetrator	G4 NFR+ Victims	G5 NFR+ Perpetrator	Between groups	Total
	m	m	m	m	m	Sign	m
Semantic differentials							
reassuring — frightening	6.9	7.1	7.6 ^{G2}	6.8	7.2	!	7.1
funny — tragic	7.3	7.5	7.9 ^{G2}	7.2	7.6	!	7.5
numbing — touching	4.9	5.3	5.8	5.3	5.7		5.4
<i>Emotional strain ES (in %)</i>	76.4	80.6	86.7 ^{G2}	78.0	83.4	!	80.7
uninteresting — interesting	5.9	6.5	6.5	5.7 ^{G2}	4.8 ^{G2}	!!!	6.0
well-known — novel	5.2	5.4	6.1	5.9	4.8		5.5
tendentious — objective	5.9	6.4	6.0	5.7	6.3		6.0
<i>Quality of information QI (in %)</i>	66.8	72.8	74.0	68.2	62.1 ^{G2}	!!	69.2

Sample period: September 2012, Moscow. Difference between groups: !!! = highly significant, $p < 0.01$; !! = significant, $p < 0.05$; ! = tendency, $p < 0.10$. Difference to group value G2: !!!G2 = highly significant, $p < 0.01$; !!G2 = significant, $p < 0.05$; !G2 = tendency, $p < 0.10$.

Table 2. Narrative engagement and involvement

N = 192; G1 = 48 G2 = 38 G3 = 40 G4 = 41 G5 = 25 Agreement%, Scale 1–8	G1 Orig narratively embedded	G2 NFR without Witnesses to History	G3 NFR+ Victims+ Perpetrator	G4 NFR+ Victims	G5 NFR+ Perpetrator	Between groups	Total
	m	m	m	m	m	Sign	m
Narrative understanding	69.0	73.0	66.9	62.0 ^{G2}	66.7		67.5
Attentional focus	86.7 ^{!!G2}	93.4	80.7 ^{!G2}	88.6 ^{G2}	68.8 ^{!!!G2}	!!!	84.8
Emotional engagement	67.1 ^{!G2}	77.6	78.3	70.3 ^{G2}	64.8 ^{!G2}	!!	71.8
Narrative presence	45.6 ^{!!G2}	51.5	55.5	43.7	39.0 ^{G2}	!!	47.6
<i>Narrative engagement (total)</i>	<i>67.1</i>	<i>73.8</i>	<i>70.4</i>	<i>66.1^{!G2}</i>	<i>59.7^{!!G2}</i>	!!	<i>67.9</i>
Situational involvement	34.8	43.2	40.6	30.7 ^{!G2}	39.2		37.4
Personal involvement	16.0	20.7	29.7 ^{G2}	21.6	22.3		21.7
<i>Involvement (total)</i>	<i>25.4</i>	<i>32.0</i>	<i>34.9</i>	<i>26.1</i>	<i>30.8</i>		<i>29.5</i>

Sample period: September 2012, Moscow. Difference between groups: !!! = highly significant, $p < 0.01$; !! = significant, $p < 0.05$; ! = tendency, $p < 0.10$. Difference to group value G2: !!!G2 = highly significant, $p < 0.01$; !!G2 = significant, $p < 0.05$; !G2 = tendency, $p < 0.10$.

Table 3. Impact on prejudices and aggression control

	G1 Orig narratively embedded		Between G1 / G2		G2 NFR without Witnesses to History		G3 NFR+ Victims + Perpetra- tor		G4 NFR+ Victims		G5 NFR+ Perpetra- tor		Between G2 – G5		Total	
	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%
<i>Group focused enmity (total)</i>		0.1			*	-2.3	**	2.5	**	3.1		1.2		!!		0.9
Reactive aggression		-1.3			*	-3.1		-0.8	*	3.2		-4.2		!!		-1.0
Willingness to compromise	**	6.7				3.2	**	8.2	**	6.3		-1.1			***	5.4
Readiness to fight	**	-7.1			**	-8.9	**	-5.5	**	-4.9	**	-12.4			***	-7.3
Conflict transformation		4.6				2.7		-0.2		3.4		-4.8				1.8

Sample period: September 2012, Moscow. Difference between groups: !! = highly significant, $p < 0,01$; ! = significant, $p < 0,05$; * = tendency, $p < 0,10$. Difference between pre- and post-measurement: *** = highly significant, $p < 0,01$; ** = significant, $p < 0,05$; * = tendency, $p < 0,10$.

Table 4. Impact on *Communitas* Skills and Political Humanitas

	G1 Orig narratively embedded		Bet- ween G1/ G2		G2 NFR without Witnesses to History		G3 NFR+ Victims+ Perpetrator		G4 NFR+ Victims		G5 NFR+ Perpetrator		Bet- ween G2— G5		Total	
	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%
<i>Communitas skills</i>																
If I see a victim, I do help in any case, regardless of race and origin of the person concerned	*	-5.4				-1.5		1.4				**	-9.7		**	-3.7
I like to party with people from different cultures and backgrounds		-3.6				-1.9		0.0					3.4			-0.2
I prefer to party with my own kind (-)		4.8				0.0		5.0	*	6.1			3.6		**	4.0
I will stand up for someone who is being threatened violently by another person, even if I must take a risk		1.5				-0.4		-1.8		2.1			-1.1			0.2
I would defend a stranger in my own country if he is attacked	**	5.7				3.5		-0.7					-1.1		**	2.3
I have got a friendly relationship to the nations on earth		5.1			*	5.0		2.9	**	8.6	**		8.9			5.8
<i>Political humanitas</i>																
I stand up for human rights		1.2				0.0		3.6					-1.2			1.4
I show commitment for people in need		4.0				4.8		-1.4	**	7.0	**		0.6		**	3.1
I donate to starving children and adults all around the world	**	8.8				1.5		0.7		3.2			2.4		**	3.6

I stand up for politically persecuted people and fight actively against torture		0.6		1.2	1.4	0.0	-0.6	0.6
I get actively involved with the peace on earth	*	5.7	*	6.9	6.4	6.1	6.3	6.2
<i>COM-Index Communitas</i>		-0.2		0.5	-0.9	0.9	0.2	0.1
<i>HUM-Index Humanitas</i>	**	3.8		2.8	2.1	3.7	1.9	3.0

Sample period: September 2012, Moscow. Difference between groups !!! = highly significant, $p < 0.01$; !! = significant, $p < 0.05$; ! = tendency, $p < 0.10$. Difference between pre- and post-measurement: *** = highly significant, $p < 0.01$; ** = significant, $p < 0.05$; * = tendency, $p < 0.10$.

Table 5. Schwartz's value orientation

Value Orientation	G1 Orig narratively embedded		Between G1 /G2		G2 NFR without Witnesses to History		G3 NFR+ Victims+ Perpetrator		G4 NFR+ Victims		G5 NFR+ Perpetrator		Between G2 – G5		Total	
	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%
Power		2.7		-2.4		3.6		-1.1		-7.5						-0.2
Achievement		-1.5		-0.4		-3.2		-1.5		-3.7						-1.9
Hedonism		4.9		-1.2		1.4		-2.2		6.0						1.6
Stimulation		-2.2		2.3		1.1		1.1		-2.4						0.1
Self-direction		1.2		-1.2		1.8		0.4		3.6						1.0
Universalism		0.5		1.2		1.1		0.9		0.4						0.8
Benevolence		1.8		3.1		3.2		2.6		-1.9						2.1
Tradition	**	6.0	!	-1.9		-0.4		3.3		-7.1						0.8
Conformity		0.0		-2.3		-3.9		2.6	**	-9.3						-1.9
Security		0.6		-3.9	*	5.0		1.5		-5.4	!!					0.1

Sample period: September 2012, Moscow. Difference between groups: !! = highly significant, $p < 0.01$; ! = significant, $p < 0.05$; ! = tendency, $p < 0.10$. Difference between pre- and post-measurement: *** = highly significant, $p < 0.01$; ** = significant, $p < 0.05$; * = tendency, $p < 0.10$.

Table 6. Value-Hierarchy-Test (VHT)

Value Ranking		G1 Orig nar- ratively embedded		Bet- ween G1/ G2		G2 NFR without Witnesses to History		G3 NFR+ Victims+ Perpetrator		G4 NFR+ Victims		G5 NFR+ Perpetrator		Bet- ween G2 – G5		Total	
	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign
Social 1: Solidarity	Solidarity			-0.8		-1.3		-1.1		-0.8		-0.8			*	-0.9	
	Trust			0.1		0.1		0.1	*	0.1	*	-2.0				-0.4	
	Harmony			-0.9		0.9		0.6	*	0.6	*	-1.8				0.0	
	Love			-0.9		1.3	**	-1.0		-1.0		-0.4		!		0.0	
Social 2: Order	Fidelity			0.0		1.2		-1.4		-1.4		1.0				0.1	
	Justice			-0.4		0.8		-0.8	**	-0.8	**	-1.7				-0.2	
	Equity			-1.5	*	-1.5		-1.2		-1.2		-1.0			**	-1.0	
	Security			1.5		-0.9		-0.2		-0.2		1.2				0.3	
Mediation Indivd/Society	Order			0.0		0.6		1.4		1.4		0.8				0.6	
	Right and Law			0.7		-0.5		1.3		1.3		0.9				0.2	
	Conformity			0.1		1.4		-0.4	**	-0.4	**	2.1				0.6	
	Tradition			0.6		-0.5		0.0		0.0		1.1				-0.2	
Social 1: Solidarity	Tolerance			-1.1		-0.2		-0.3		-0.3		1.4				-0.1	
	Achievement			-0.2		1.6		0.8		0.8		1.0			*	0.8	
	Homeland			0.0		1.6		0.0		0.0		1.3			*	0.8	

Table 6 (end)

Value Ranking	G1 Orig nar- ratively embedded		Bet- ween G1/ G2		G2 NFR without Witnesses to History		G3 NFR+ Victims+ Perpetrator		G4 NFR+ Victims		G5 NFR+ Perpetrator		Bet- ween G2 – G5		Total	
	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl	Sign	dRpl
Freedom		-0.5		1.1		-0.5		-0.1		*		-2.0				-0.3
Power		-0.3		1.1	*	-0.6		0.5				0.0		**		0.1
Knowledge/Skills		0.7		-0.2		1.3		0.9				1.5				0.8
Beauty		-0.2	!	**		-1.8	*	1.1				0.1		!!		-0.6
Health		-0.8		-0.1		-0.9		0.4				0.9				-0.2
Fun		-1.4		0.3		-0.7		0.5		*		-2.1				-0.6
Success		0.9		1.5	*	-0.2		-0.4				-1.5				0.2
Wealth		0.5		0.9		-0.3		0.0				-1.0				0.1
Stimulation		0.7		-0.3		-0.1		0.5				0.9				0.3
Leisure		0.4		-0.4		-0.3		1.0				-1.4				0.0

Sample period: September 2012, Moscow. Difference between groups: !!! = highly significant, $p < 0.01$; ! = significant, $p < 0.05$; ! = tendency, $p < 0.10$. Difference between pre- and post-measurement: *** = highly significant, $p < 0.01$; ** = significant, $p < 0.05$; * = tendency, $p < 0.10$.

Table 7. Collective identifications

N = 192; G1 = 48 G2 = 38 G3 = 40 G4 = 41 G5 = 25 Change of Agreement, post-pre	G1 Orig narratively embedded		Bet- ween G2/ G5		G2 NFR without Witnesses to History		G3 NFR+ Victims+ Perpetrator		G4 NFR+ Victims		G5 NFR+ Perpetrator		Bet- ween G2 – G5		Total	
	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%
National identification		-3.6	**	-5.6		-2.6	**	-7.5				6.3	!!	**	-3.3	
Ethnic identification		-3.0	*	5.4		-1.1	*	5.0		**	-10.9		!	*	2.6	
European identification		4.0	**	7.1		3.2	**	7.9						***	5.3	
Asian identification		-2.7		0.0		4.1	**	4.6		**	0.6				1.3	
Global identification		-1.2		-4.2		0.0		3.3			0.6				-0.4	

Sample period: September 2012, Moscow. Difference between groups: !! = highly significant, $p < 0.01$; ! = significant, $p < 0.05$; ! = tendency, $p < 0.10$. Difference between pre- and post-measurement: *** = highly significant, $p < 0.01$; ** = significant, $p < 0.05$; * = tendency, $p < 0.10$.

Table 8. National Identity (DNI-Test)

	G1 Orig narratively embedded		Bet- ween G1 / G2		G2 NFR without Witnesses to History		G3 NFR + Victims + Perpetrator		G4 NFR+ Victims		G5 NFR+ Perpetrator		Bet- ween G2- G5		Total	
	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%	Sign	d%
Patriotism																
Bond with people		-3.0		-2.1		1.3		2.0		5.4		0.2				
Bond with landscape	**	-5.0		-0.8		2.6		-0.9		1.1		-0.9				
Bond with national symbols	***	-8.9	!!	-3.1	*	0.0	**	-3.8		-1.5		***				-3.9
Bond with democratic system		1.7		-0.2		5.3		-2.0		6.0		1.8				
Bond with history		2.5		2.9		2.2	*	3.8		4.6		3.1				
Bond with culture		2.7		0.4		1.8		0.4		-2.3		0.9				
Bond with sportsmen	**	-5.2		-4.1	**	0.7		-1.8		-0.3		***				
<i>Patriotism</i>		-2.3		-1.0	*	2.0		-0.5		1.9		-0.2				
General superiority		0.6		-6.2	**	-1.5		-0.7		5.7	!	-0.8				
Readiness for violence		1.5		0.8		3.3		1.5	**	9.1		2.7				
Separation/walls-up policy		1.1		-0.8		3.8	*	5.5		4.0		2.6				
<i>Nationalism</i>		1.2		-1.8		1.9		1.9	**	6.3		1.6				
Reflexivity		1.0		3.5		1.6		2.3		-1.1		1.6				
Diversity		2.2		6.0	**	5.6	**	2.5		1.6		3.6				
Globality	**	3.7		6.0	**	1.8	**	5.5		3.3		4.1				
<i>Cosmopolitanism</i>	*	2.4		5.3	**	3.0	**	2.5		1.3		3.2				

Sample period: September 2012, Moscow. Difference between groups: !!! = highly significant, $p < 0.01$; ! = significant, $p < 0.05$; ! = tendency, $p < 0.10$. Difference between pre- and post-measurement. *** = highly significant, $p < 0.01$; ** = significant, $p < 0.05$; * = tendency, $p < 0.10$.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ УЧАСТНИКОВ И ЛИДЕРОВ ДВИЖЕНИЯ «ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»

Для того чтобы описать социальный портрет участников митингов и шествий, мы располагаем следующими основными источниками информации:

- состав организаторов, участников оргкомитета и других координирующих объединений, выступающих со сцены, и интервью с некоторыми из них;
- колонны политических и гражданских объединений со своими флагами и транспарантами;
- результаты опросов на митингах — для характеристики рядовых участников.

Левада-Центр проводил количественные опросы на четырех протестных акциях: митинг «За честные выборы» на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. (опрошен 791 человек), шествие по Якиманке и митинг на Болотной площади 4 февраля 2012 г. (опрошены 1346 человек), шествия по Бульварному кольцу от Пушкинской площади до проспекта Сахарова 15 сентября 2012 г. (опрошены 800 человек) и 13 января 2013 г. (опрошены 325 человек).

Анализ состава организаторов и выступающих позволяет сказать, что в подготовке протестных мероприятий участвовали:

- оппозиционные политики, прежде всего несистемные: Борис Немцов, Владимир Рыжков, Гарри Каспаров, Михаил Касьянов, Григорий Явлинский, Сергей Удальцов, Геннадий и Дмитрий Гудковы, Илья Понамарев, Илья Яшин и др. (кроме того, на митинге 24 декабря 2011 г. со сцены выступил А. Кудрин);
- гражданские активисты: Алексей Навальный, Евгения Чирикова, Елизавета Глинка, Татьяна Лазарева, Дмитрий Орешкин и др.;
- представители творческих профессий — журналисты, поэты, писатели, музыканты: Виктор Шендерович, Сергей Пархоменко, Ольга Романова, Леонид Парфенов, Юрий Шевчук, Борис Акунин, Дмитрий Быков, Артемий Троицкий и др.

Отметим, что во время шествий формировались различные колонны, объединявшие участников шествия в зависимости от их политических пристрастий (колонны различных партий, политиков, движений, в том числе на-

ционалистов, анархистов и проч.), идентичности (ЛГБТ), гражданской позиции (научно-образовательная, в поддержку PussyRiot и т.д.).

Что касается состава рядовых участников, то на первых митингах на Чистых прудах 5 декабря и на Болотной площади 10 декабря, по общему убеждению, преобладала молодежь. Однако на крупных протестных акциях, во время которых Левада-Центр проводил опросы, большинство участников составили люди среднего возраста. Самые молодые (18–24 лет) насчитывали лишь около 1/5 участников на первых трех митингах, на которых проводились опросы. На четвертом (в январе 2013 г.) численность этой возрастной группы сократилась до 1/6 общего числа участников. Представители старшей возрастной группы (55 лет и выше) составляли около 1/5 участников протестной акции, но в январе их доля достигла трети. Таким образом, возрастная структура участников последнего митинга напоминала возрастную структуру населения Москвы и России в целом. Несмотря на некоторые изменения возраста участников от митинга к митингу, можно говорить о том, что среди активных участников протестного движения достаточно равномерно представлены все возрастные группы.

Иначе обстоит дело с образованием и материальным статусом протестующих. По этим признакам наблюдается заметное отличие участников всех митингов, на которых проводились обследования, от населения столицы и страны в целом. Так, люди с высшим и неполным высшим (не менее трех курсов университета) стабильно составляли 72–83% общего числа участников акций. Для сравнения: по России этот показатель в январе 2013 г. составлял около 28% населения. Что касается материального положения участников названных акций, среди них преобладали люди с достатком «выше среднего»¹ — до 75% участников (не стал исключением и январский митинг). Из них большую часть на всех четырех изученных митингах составляли те, кто в формулировке Левада-Центра может «покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не могут купить автомобиль» (39, 41, 45 и 58%). Для сравнения: в столице люди с достатком «выше среднего» составляют порядка половины населения, в России — около пятой части (22%), т.е. по сравнению с «рядовым», «средним» жителем страны (и даже столицы) протестующие много лучше обеспечены ресурсами (будь то деньги или образование).

¹ В данном случае речь идет об ответах на вопрос анкеты «К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести». Учитывается сумма следующих ответов: «мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль», «мы можем купить автомобиль», «можем ни в чем себе не отказывать».

Картина повторяется и в отношении информационных ресурсов. Главным источником информации о митингах для протестующих были Интернет (около 70%), друзья и знакомые (около 1/3), радио (около 1/4) и только потом телевидение (17–18%) и газеты (15–18%), несмотря на то что к тому времени телевизионные каналы уже частично начали освещать протестную активность. Большинство населения, напротив, обычно узнает о происходящем прежде всего по ТВ (около 80%)², по Интернету — около 15%, из остальных источников — и того меньше. В Москве соответствующие показатели составляют около 73 и 40% соответственно³. Кроме того, 68% участников митинга в декабре 2011 г. и 75% «марша» в январе 2013 г. «обсуждали политическую ситуацию в России» в социальных сетях. В целом по стране, согласно данным Левада-Центра, в январе 2012 г. более или менее регулярно посещали социальные сети порядка 40% населения.

Высокая степень использования участниками митингов Интернета для получения информации говорит о том, что им доступны разные каналы получения информации, а значит, и различные точки зрения на происходящее в стране и мире. Большинство населения этой возможности лишены: практически полная зависимость большинства населения от телевидения как источника новостей, кроме того, означает и зависимость от повестки дня, которую формирует российская власть посредством государственного телевидения. Так, среди новостных телепередач российского телевидения больший охват аудитории имеют информационные программы государственных каналов: «Первый» (71% населения), «Россия-1» (64%) и НТВ (49%). Новости на относительно независимых телеканалах, таких как «Рен-ТВ», «5-й канал» и «Дождь» смотрят около 18, 12 и 2% населения соответственно.

Однако следует уточнить, что в Интернете в целом сторонники протестных действий не составляли большинства: среди интернет-пользователей людей, готовых выйти на акции протеста, было столько же, сколько и среди населения в целом (около 13–14% в декабре 2011 г. и 8–9% в марте 2012 г.). Структура поддержки интернет-пользователями политических партий перед выборами в Думу была схожа со структурой политических предпочтений населения в целом. Например, согласно общероссийскому опросу Левада-Центра, проведенному в ноябре 2011 г., за «Единую Россию» готовы были голосовать 34% всех респондентов и 34% интернет-пользователей, за КПРФ — 4 и 9% соответственно, за ЛДПР — 10 и 11%, за «Справедливую

² Согласно данным общероссийского опроса, проведенного Левада-Центром в ноябре 2012 г., выборка — 1600 человек.

³ Согласно данным опроса 1070 москвичей, проведенного Левада-Центром в феврале 2013 г.

Россию» — 7 и 8%, «Яблоко» — 1 и 2%, «Правое дело» — по 1%, партию «Патриоты России» — 1 и 0%. Это противоречит расхожему представлению о российском Интернете как о резко оппозиционной среде. Наиболее вероятным объяснением этого противоречия является то, что сторонники оппозиционных сил готовы отстаивать свои убеждения в несколько раз чаще, чем сторонники власти [Волков, 2012б]. Так называемого «путинского» большинства не видно и не слышно, тем не менее именно эти взгляды преобладают как «в офлайне», так и в Интернете.

Высокая степень обеспеченности протестующих различными видами ресурсов (достаток, образование, включенность в различные коммуникативные сети) — постоянная отличительная характеристика протестной публики. По этим признакам движение выглядит достаточно однородным. Разнятся прежде всего политические предпочтения и возраст участников. Иными словами, участники митингов независимы от власти экономически, информационно, интеллектуально (помимо высокого уровня образования рядовых участников протестных акций сюда можно отнести и заметную роль, которую сыграли в российском протестном движении 2011–2012 гг. известные интеллектуалы). Возможность думать, самостоятельно выстраивать собственную картину мира, пользуясь различными источниками информации, возможность действовать независимо от власти привели к большому разнообразию лозунгов, организационных форм протестных действий (политические митинги, марши и индивидуальные пикеты, движение наблюдателей, различные акции гражданского неповиновения, такие как «прогулки», «кольца», «оккупай» и проч.) привели к появлению новых лидеров и альтернативных программ. Все это отличает протестное движение от сложившейся российской политической системы, одним из оснований которой является безальтернативность. Структура протестного движения и его разнообразие были нами подробно описаны ранее [Волков, 2012а].

Другой стороной относительно высокой ресурсной обеспеченности рядового участника протестного движения по сравнению со «средним» российским гражданином является то, что извне («по телевизору», «из провинции») протестное движение может казаться непонятным, устремления его участников — чуждыми большинству населения страны. Эти различия между активным меньшинством и большинством намеренно используются властью, которая демонстративно опирается на большинство и подавляет любое инакомыслие [Рогов, 2012].

Что касается политических предпочтений участников, то на изучаемых митингах и шествиях преобладали люди, выразившие симпатии «демократам» (38% в декабре 2011 г., 30% в феврале 2012 г., 29% в сентябре 2012 г. и 37% в январе 2013 г.), а также «либералам» (соответственно 31, 27, 23, 25%).

Отдавали предпочтения коммунистам 13, 18, 17 и 7%. В целом можно говорить, что «сторонники демократов» составляли около половины аудитории митингов (на первом и последнем из изученных митингов — заметно больше половины), представители различных левых течений — около 1/3 всех участников. О симпатиях «национал-патриотам» заявляли 6, 14, 12 и 7%. При этом 20% участников митингов в сентябре 2012 г. и январе 2013 г. заявили, что России необходима «ясная национальная политика в защиту русских» (табл. 1).

Таблица 1. Политические предпочтения участников митингов

Люди каких политических взглядов наиболее близки Вам по своим идеям?	Декабрь 2011 г.	Февраль 2012 г.	Сентябрь 2012 г.	Январь 2013 г.
Анархисты	3	4	4	2
«Новые левые»	2	4	7	4
Коммунисты	13	18	17	7
Социалисты/социал-демократы	10	10	10	9
«Зеленые»	8	6	10	9
«Антифа»	2	2	3	1
Демократы	38	30	29	37
Либералы	31	27	23	25
Монархисты	0	0	3	1
Консерваторы	3	2	3	3
Национал-патриоты	6	14	12	7
Другие	4	4	4	3
Никто из них	6	6	7	7
Затрудняюсь ответить	3	3	6	5

Важно отметить, что здесь речь идет об общих симпатиях, а не готовности голосовать за конкретные партии. Так, о солидарности с оппозиционными партиями, участвующими в митинге, как о мотиве своего участия в митинге на проспекте Сахарова в декабре 2011 г. говорили лишь 15% респондентов, о симпатиях организаторам митинга — 13%. С одной стороны, это говорит о недовольстве рядовых участников митингов конкретными лидерами и существующими политическими структурами (о чем свидетельствовали и многочисленные лозунги), а с другой — протестные акции, особенно вначале, привлекали много новичков, только-только начинавших интересоваться

политикой и пытаться разобраться в происходящем. Это подтверждается как результатами серии фокус-групп, проведенных Левада-Центром в январе — марте 2012 г., так и исследованиями других социологических коллективов [Бикбов, 2012].

Автоматически записывать их в лагерь оппозиции, вменять им ценности и установки организаторов было бы неправильно. Например, не менее трети респондентов — участников митинга на проспекте Сахарова в декабре 2011 г., заявивших о своем голосовании на парламентских выборах за «Яблоко», в условиях равного доступа к выборам для всех политических сил выбрали бы другую партию. Так, 38% опрошенных участников митинга 24 декабря 2011 г. говорили о том, что проголосовали бы за «Яблоко», но только 24% выбрали бы эту партию, если бы «все оппозиционные партии и движения получили бы возможность участвовать в выборах в Государственную Думу». При этом наибольшим доверием среди участников декабрьской акции пользовались не профессиональные политики, а журналист, гражданский активист, писатель и музыкант: Леонид Парфенов, Алексей Навальный, Борис Акунин и Юрий Шевчук. Однако в отношении митингующих к лидерам, выступавшим со сцены, заметна некоторая динамика. Хотя в сентябре 2012 г. и январе 2013 г. наибольшей поддержкой протестующих пользовались по-прежнему Акунин, Шевчук, Навальный, Парфенов и Быков, лидеры-политики (Удальцов, Яшин, Геннадий и Дмитрий Гудковы, Пономарев и др.), за год, прошедший с начала протестов, заметно «выросли» в глазах собравшихся (табл. 2).

Таблица 2. Доверие участников протестных митингов лидерам оппозиции отсортировано по сентябрю 2012, %

Кому из следующих общественных деятелей/лидеров оппозиции Вы более всего доверяете?	Декабрь 2011 г.	Сентябрь 2012 г.	Январь 2013 г.
Алексей Навальный	36	31	39
Борис Акунин	35	25	47
Юрий Шевчук	33	22	42
Сергей Udальцов	8	22	23
Илья Яшин	11	21	35
Геннадий Гудков	11	20	31
Леонид Парфенов	40	20	41
Гарри Каспаров	—	19	30
Дмитрий Быков	—	18	39
Дмитрий Гудков	—	16	29

Кому из следующих общественных деятелей/лидеров оппозиции Вы более всего доверяете?	Декабрь 2011 г.	Сентябрь 2012 г.	Январь 2013 г.
Ксения Собчак	—	15	34
Владимир Рыжков	18	14	27
Евгения Чирикова	13	13	28
Илья Пономарев	4	13	21
Борис Немцов	13	13	24
Григорий Явлинский	27	13	22
Ольга Романова	—	12	25
Алексей Кудрин	13	11	15
Сергей Пархоменко	—	11	22
Сергей Миронов	8	9	9
Елизавета Глинка	—	9	19
Михаил Касьянов	7	9	13
Эдуард Лимонов	—	9	6
Михаил Прохоров	15	9	20
Сергей Митрохин	7	8	12
Максим Марцинкевич (Тесак)	—	7	2
Олег Шеин	—	7	10
Мария Баронова	—	6	7
Владимир Милов	—	4	7
Другим	4	6	3
Никому из них	4	13	7
Затрудняюсь ответить	7	6	2

Среди главных причин, которые привели людей на декабрьскую акцию, было «недовольство положением дел в стране» (73%), «возмущение фальсификацией выборов» (73%), недовольство тем, что «решения в стране принимаются без их участия» (52%) и разочарование в медведевской модернизации (42%). В сентябре 2012 г. и январе 2013 г. людей на улицу вывели снова «накопившееся недовольство положением дел в стране» (40 и 68%), «возмущение принятием закона о запрете на усыновление американцами российских детей» (34 и 65%), «стремление добиться смены власти, отставки Путина и его команды» (26 и 46%). Иными словами, эти причины укладываются в общую схему протестной мобилизации, которую можно проследить во многих

случаях массовых протестов: сначала в обществе (в отдельной его части) подспудно нарастает недовольство и напряжение, которое затем прорывается на поверхность по какому-то конкретному поводу. Этот механизм неоднократно наблюдался нами при исследовании различных случаев протестных акций: от массовых протестов в Калининграде и Владивостоке в 2009–2010 гг. [Волков, 2011], до беспорядков на Манежной площади в 2010 г.

Основные требования, звучавшие с трибун митингов, участники поддерживали практически единодушно. Требование распустить Госдуму и назначить новые выборы в декабре 2011 г. поддерживали 96% протестующих, 94% — в феврале 2012 г., 95% — в январе 2013 г. (при этом среди населения страны в целом в январе 2012 г. это требование готовы были поддержать лишь 29%). Лозунг «Ни одного голоса Владимиру Путину!» поддерживали 86% участников в декабре 2011 г. и 89% в феврале 2012 г., а лозунг «Путина — в отставку!» в январе 2013 г. — 95% митингующих (среди населения в целом в январе 2012 г. — лишь 24%). Освободить политзаключенных требовали 83% участников митинга в декабре 2011 г., 84% — в феврале 2012 г. и 85% — в январе 2013 г. (среди населения в целом в январе 2012 г. — 35%).

Как видно из представленных данных, повестка протестных акций не была близка большинству населения, которое волнуют другие проблемы, такие как рост цен на потребительские товары, услуги ЖКХ и проч. Интересен следующий факт: по мнению самих рядовых протестующих, главное, что сегодня необходимо для страны, — это «независимый суд» (44% в сентябре 2012 г. и 49% в январе 2013 г.), «ропуск Государственной Думы и назначение новых выборов в Думу» (41% в сентябре 2012 г., в январе 2013 г. такое требование не выдвигалось), «смена власти и уход Путина в отставку» (24 и 40%), «свободные и честные выборы» (35 и 34%), «обеспечение социальной справедливости» (33 и 31%).

Проведенные исследования позволяют говорить, что общее сокращение численности участников оппозиционных акций произошло, скорее всего, за счет вымывания из протестного движения тех, кто оказался на первых митингах случайно, из интереса, попал под действие общей взбудораженности зимы 2011/2012 г. (а таких было немало). Напротив, ядро активных противников существующего политического режима увеличилось, а его активность возросла. Так, «голосовать на выборах» ради достижения целей протестного движения были готовы 75% участников митинга в сентябре 2012 г. и 91% — в январе 2013 г., «быть наблюдателем на выборах» — 57% в сентябре и 73% в январе, «жертвовать деньги на политические проекты оппозиции» — 44 и 58% соответственно, «принимать участие в одиночных пикетах и акциях» — 15 и 35%. Об увеличении числа сторонников оппозиционных структур и готовности к конкретным действиям (на фоне общего спада численности тех, кто

готов принимать участие в акциях протеста) говорят и другие исследования [Человек из автозака..., 2012].

Однако в глазах участников митинга существующие оппозиционные структуры в целом выглядят не очень убедительно. Лишь 34% опрошенных на митинге в январе 2013 г. считают эффективной работу Координационного совета оппозиции, 30% — деятельность оппозиционной партии РПП-Парнас, 23% могут сказать это в отношении «Гражданской платформы» М. Прохорова и 17% — о работе Комитета гражданских инициатив А. Кудрина. Действительно, ощутимых результатов рядовым участникам оппозиционные организации пока не дали. Но сама постановка вопроса об эффективности вновь созданных независимых от власти общественных и политических структур (эта тема сегодня активно обсуждается в СМИ и среди активистов протестного движения) — новое явление.

Литература

Бигбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 — июнь 2012) // *Laboratorium*. 2012. № 2. С. 134.

Волков Д. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // *Вестник общественного мнения*. 2012а. № 3—4 (113).

Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 — начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // *Вестник общественного мнения*. 2012б. № 2 (112). С. 79.

Волков Д. Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередной тупик // *Вестник общественного мнения*. 2011. № 2 (108).

Рогов К. Анатомия реакции // *Новая газета*. 2012. № 117.

Человек из автозака: политические задержания в Москве: годовой доклад ОВД-Инфо за 2012 г. URL: <http://reports.ovdinfo.org/2012/report/>

С.Г. Давыдов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

«ОТКРЫТОЕ МНЕНИЕ»: ОПЫТ СОВМЕСТНЫХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Настоящая статья посвящена основным результатам деятельности инициативного проекта группы независимых профессиональных социологов «Открытое мнение» в течение 2012 г. Проект был инициирован руководителем исследовательской группы ЦИРКОН И. Задориным, 15 декабря 2011 г. опубликовавшим в личном блоге на платформе *LiveJournal* обращение к коллегам [Задорин, 2011a] и концепцию исследования [Задорин, 2011b]. Автор предложил социологам объединиться для проведения опроса в новом формате *collaborative open research* — «открытого исследовательского проекта, выполненного на основе инициативы, кооперации и сотрудничества профессионалов и на средства самих профессионалов (возможно с привлечением средств граждан — публичное финансирование)» [Там же]. В тот же день И. Задорин создал специальную группу «Проект “Открытое мнение”» в *Facebook* [Проект «Открытое мнение»]. В дальнейшем в этой онлайн-группе происходило обсуждение проектной работы. Первые 34 участника были приглашены И. Задориным. На момент подготовки данной статьи (конец февраля 2013 г.) в открытую группу входят 317 человек, с разной степенью активности участвующие в обсуждении реализуемых проектов.

В течение 2012 г. группой «Открытое мнение» было в общей сложности проведено три исследования. Все они представляют собой массовые репрезентативные телефонные опросы взрослого населения, напрямую затрагивающие электоральную проблематику. Все методические материалы, а также результаты каждого из проектов (включая базы данных в формате *SPSS*) опубликованы на сайте *Sociologos.ru* и соответственно доступны всем желающим.

Первым и наиболее резонансным проектом среди этих исследований стал опрос россиян, проведенный в период кампании по выборам Президента РФ.

В отличие от исследований «опросных фабрик» (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-Центр), проводящих общероссийские электоральные замеры методом личных интервью по месту жительства респондентов, «Открытое мне-

ние» впервые использовало для исследования такого рода двухосновную выборку стационарных и мобильных телефонных номеров, объем которой составил 3358 человек. Полевые работы были реализованы пятью исследователями колл-центрами, расположенными в разных городах России.

Теоретическому осмыслению проекта посвящена серия статей в «Социологическом журнале» (№ 1) за 2012 г. В частности, методу исследования и реализации выборки посвящена статья В.Б. Звоновского; анализ текста обсуждения исследования приводится в материале И.В. Ксенофоновой; И.В. Задорин рассматривает, как было организовано сотрудничество в профессиональной социологической среде; автор настоящей статьи анализирует публикационную активность проекта и т.д.

Необходимо отметить, что накануне выборов все исследования показывали уверенное лидерство В. Путина, однако в СМИ развернулась дискуссия о том, будет ли второй этап выборов. В качестве одного из аргументов в пользу второго тура использовались электоральные рейтинги Левада-Центра, существенно отличающиеся по своим значениям от электоральных рейтингов ВЦИОМа и ФОМа. Подчеркнем, что интерпретация данных Левада-Центра как свидетельствующих о высокой вероятности второго тура голосования изначально была ложной. Данные «Открытого мнения» способствовали осознанию этого факта, а также того, что различия в результатах исследований обусловлены прежде всего расхождениями в используемых методиках (табл. 1).

Таблица 1. Электоральные рейтинги «Открытого мнения», Левада-Центра, ФОМа и ВЦИОМа (на 20 февраля 2012 г.)

Кандидат, вопрос	«Открытое мнение» (10–19.02)	Левада-Центр, электоральный рейтинг (20–23.01)	ФОМ, рейтинг (11–12.02)	ВЦИОМ, рейтинг (11–12.02)	Официальные результаты выборов ЦИК (4.03)
В. Путин	48	43	50	55	63,60
Г. Зюганов	6	11	9	9	17,18
В. Жириновский	5	7	7	8	6,22
М. Прохоров	5	4	4	6	7,98
С. Миронов	2	3	2	5	3,85
Не пошел бы на выборы	4	14	—	8	—
Неопределившиеся	19	—	18	8	—
Д. Мезенцев	—	1	—	—	—

Кандидат, вопрос	«Открытое мнение» (10–19.02)	Левая-Центр, электоральный рейтинг (20–23.01)	ФОМ, рейтинг (11–12.02)	ВЦИОМ, рейтинг (11–12.02)	Официальные результаты выборов ЦИК (4.03)
Г. Явлинский	—	1	—	—	—
Испортили/унесли бы бюллетень; недействительные бюллетени	—	1	1	—	
Пришли бы на выборы, но не знают, за кого бы проголосовали	—	9	—	—	—
Не знают, пришли бы на выборы или нет	—	7	—	—	—
Отказ от ответа	10	—	—	—	—

В апреле 2012 г. группа «Открытое мнение» провела второе электоральное исследование. Говоря о контексте его реализации, напомним, что 4 марта 2012 г. в Астрахани прошли выборы мэра, победителем которых был объявлен кандидат от «Единой России» А. Столяров. Другой претендент на пост мэра — О. Шеин («Справедливая Россия») — не признал результаты выборов, объявив голодовку в знак протеста против их фальсификации. Данные социологических исследований, способные подтвердить или опровергнуть предположение о фальсификации выборов мэра в Астрахани, в публичном пространстве отсутствовали. Таким образом, проведенный 14 апреля 2012 г. силами социологических служб Архангельска, Волгограда и Самары телефонный опрос 507 человек в возрасте от 18 лет и старше оказался фактически единственным источником информации о состоянии общественного мнения астраханцев в постэлекторальный период.

Как следует из табл. 2, опубликованные результаты опроса существенно разошлись с данными ЦИКа, что с высокой долей вероятности подтверждает гипотезу о фальсификации выборов¹. Однако даже несмотря на эксклюзивный характер полученной информации, меняющей представление о соотношении политических сил в исследуемом регионе, результаты астраханского проекта не повлияли существенным образом на массовое восприятие ситуации с городскими выборами.

¹ Подробнее см.: Проект «Открытое мнение»: как преодолеть кризис доверия к социологии // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 107–171.

Таблица 2. Официальные результаты голосования на выборах мэра Астрахани 4 марта 2012 г. по сравнению с данными постэлекторального опроса «Открытого мнения»

Кандидат, ответ на вопрос	Результаты опроса «Открытого мнения» в Астрахани	Официальные итоги выборов ЦИК
Г. Викторов	0,6	2,3
Д. Лебедев	0,2	0,8
А. Старовойтов	1,0	1,3
М. Столяров	23,1	32,4
О. Шеин	26,6	16,2
Отказ	17,5	—
Не голосовали	31,0	47,0

Третий исследовательский проект был приурочен к досрочным выборам мэра г. Химки Московской области 14 октября 2012 г. Напомним, что В. Стрельченко, занимавший пост мэра в течение 9 лет, в августе 2012 г. подал в отставку. К кампании было приковано внимание общероссийских СМИ, что во многом было связано с участием кандидата от оппозиции Е. Чириковой, получившей известность благодаря защите Химкинского леса от вырубки в рамках строительства автомобильной трассы Москва — Санкт-Петербург. Борьбы не получилось, победу с явным преимуществом над остальными кандидатами одержал и.о. мэра города О. Шахов.

Исследование в Химках представляло собой массовый репрезентативный телефонный опрос жителей города в возрасте от 18 лет и старше, имеющих дома стационарный телефон. Объем выборки исследования — 850 человек. Полевые работы проведены с 27 сентября по 2 октября, а первые результаты опубликованы 4 октября 2012 г. [Социальные настроения...]. О полном завершении исследования участники «Открытого мнения» объявили 19 октября, уже после подведения официальных итогов выборов [Группа «Открытое мнение»...].

Химкинский проект, как и предыдущие два, получил определенный резонанс в массмедиа. В частности, информацию о начале исследования опубликовали «Ведомости», «Московские новости», Lenta.ru и др. Серия материалов была подготовлена по итогам пресс-конференции, проведенной участниками «Открытого мнения» 28 сентября в РИА Новости. По результатам исследования было написано несколько статей («Московские новости», Forbes.ru и др.). Достаточно слабый интерес журналистов к полученным данным объясняется отсутствием электоральной интриги, а также тем, что

полученные «Открытым мнением» результаты существенно не отличались от данных других исследовательских структур (табл. 3). Сводный список публикаций по результатам проекта доступен в [«Открытое мнение» — Химки].

Таблица 3. Результаты электоральных опросов и официальные итоги выборов мэра г. Химки 14 октября 2012 г.

Кандидат, ответ на вопрос	«Открытое мнение» (n = 850, телефонный опрос, 27.09–2.10.2012)	ВЦИОМ (n = 600, 2–5.10.2012)	Левада-Центр (n = 660, личные интервью, 28.09–1.10.2012)	Официальные итоги выборов ЦИК (14.10.2012)
Бабак	0,0	0,0	0,3	—
Баранов	0,2	3,0	0,6	0,7
Белоусов	3,3	4,0	4,8	—
Виноградов	0,8	3,0	1,4	8,2
Гусенков	0,2	0,0	0,2	1,8
Дмитриева	0,5	2,0	0,2	0,7
Митволь	5,4	7,0	8,5	14,5
Мышкин	0,2	0,0	0,2	1,9
Романович	0,0	1,0	0,8	—
Рохмистров	0,0	0,0	0,2	1,0
Смирнов	0,2	0,0	0,0	0,2
Сухарев	0,2	0,0	0,0	0,2
Троицкий	0,2	2,0	1,8	2,5
Хижняк	0,2	0,0	0,0	0,3
Чирикова	8,5	7,0	8,6	17,6
Шахов	25,5	30,0	28,6	47,6
Недействительный бюллетень	0,2	5,0	0,8	3,1
Не пойду на выборы	10,7	12,0	18,8	—
Затрудняюсь ответить	33,9	24,0	21,8	—
Отказ от ответа	10,1	0,0	2,6	—

Следует особо отметить, что в рамках исследования в Химках для обеспечения финансирования электорального исследования впервые была использована краудфайндинговая платформа — **Planeta.ru**. Была поставлена задача собрать 500 тыс. руб. на две волны исследования. Всего было получено

185 тыс. руб. от 56 «акционеров». В результате было принято решение вторую волну опроса не проводить. По оценке И. Задорина, публично сделанной в группе Facebook, «на этот раз проект фактически оказался материально обеспеченным по всему технологическому циклу. Без прибыли и роскоши, но вполне оплачиваемым» [Задорин, 2012].

Результаты трех опросов «Открытого мнения» позволяют сделать вывод о том, что предложенный для проведения социологических опросов формат *collaborative open research* является вполне жизнеспособной альтернативой для организации и проведения массовых опросов. Активистам проекта удалось консолидировать профессиональное сообщество, в целом высоко оценившее эксперимент и его результаты.

Очевидно, что изначально поставленная цель, связанная с повышением уровня доверия к результатам социологических опросов, достигнута не была. Резонанс проекта в СМИ оказался недостаточным для решения столь амбициозной задачи. Скорее можно говорить о небольшом шаге, сделанном в данном направлении. Начатая работа по созданию «Открытого мнения» в качестве самостоятельного субъекта информационного пространства не была доведена до конца. Исследовательская структура нового типа, выступающая от лица профессионального сообщества, сама по себе не вызвала большого интереса со стороны средств массовой коммуникации. В ходе «электоральных войн» полностью независимый субъект, не примкнувший ни к одной из действующих сторон электоральной борьбы, оказался не жизнеспособным в информационном пространстве. Вместе с тем заданные в рамках проекта стандарты открытости и профессиональной экспертизы электоральных исследований профессиональным сообществом способны позитивно повлиять на существующие стандарты социологических исследований и практики использования социологической информации.

Литература

Группа «Открытое мнение» завершила исследовательский проект в Химках // Sociologos.ru. URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Gruppa_Otkrytoe_mnenie_zavershila_issledovatel'skij_proekt_v_Himkah

Задорин И. Записки для себя и друзей. Проект «Открытое мнение» — Обращение к коллегам // LiveJournal. 16.12.2011a. URL: <http://igor-zadorin.livejournal.com/2379.html>

Задорин И. Записки для себя и друзей. Проект «Открытое мнение» // LiveJournal. 16.12.2011b. URL: <http://igor-zadorin.livejournal.com/2065.html>

Задорин И. Запись в группе «Проект «Открытое мнение»» // Facebook. 7.11.2012. URL: <https://www.facebook.com/groups/289593911076225/>

Звоновский В.Б. За кого проголосовала Астрахань и за кого там голодают // Sociologos.ru. URL: http://www.sociologos.ru/upload/File/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81-%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%20%E2%84%96%203_%D0%9E%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D0%BE%D0%B5%20%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%90%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BD%D1%8C.doc

Кто станет мэром Химок? Независимый социологический опрос «Открытое мнение» // Planeta.ru. URL: <http://start.planeta.ru/campaigns/179>

Открытое мнение — Химки. Публикации о проекте // Sociologos.ru. URL: [http://www.sociologos.ru/upload/File/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B5%20\(%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%D1%82%2013-10-12\).doc](http://www.sociologos.ru/upload/File/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B5%20(%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%D1%82%2013-10-12).doc).

Проект «Открытое мнение». URL: <https://www.facebook.com/groups/289593911076225/>

Проект «Открытое мнение»: как преодолеть кризис доверия к социологии // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 107–171.

Социальные настроения и электоральные предпочтения населения г. Химки в преддверии выборов главы города // Sociologos.ru. URL: [http://www.sociologos.ru/upload/File/%D0%9E%D0%9C-%D0%A5%D0%B8%D0%BC%D0%BA%D0%B8_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B0%20\(04-10-12\).pdf](http://www.sociologos.ru/upload/File/%D0%9E%D0%9C-%D0%A5%D0%B8%D0%BC%D0%BA%D0%B8_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B0%20(04-10-12).pdf)

А.Г. Качкаева,
И.В. Кирия,
С.Г. Давыдов,
А.А. Новикова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ ВЕДУЩИМИ РОССИЙСКИМИ ТЕЛЕКАНАЛАМИ В ПЕРИОД ДУМСКИХ И ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2011–2012 гг.

Изучение социально-политического кризиса в России, ставшего очевидным во время демонстраций оппозиции в преддверии президентских и парламентских выборов осенью 2011 — зимой 2012 гг., является задачей не только для политологов, но и для специалистов в сфере медиакоммуникаций. Анализ изменений в коммуникативном аспекте (в частности, анализ влияния средств массовой информации на социальные процессы) требует новых междисциплинарных методологий.

В настоящей статье авторский коллектив представляет часть научных результатов контент-анализа и исследования дискурса трех федеральных телевизионных каналов («Первый», «Россия-1» и НТВ) в период повышения общественной активности. Контент-анализ был реализован в 2011–2012 гг. факультетом медиакоммуникаций НИУ ВШЭ в рамках совместного проекта с Российской экономической школой, Беркмановским центром исследований Интернета, обществом Гарвардского университета и Университетом Глазго.

Методология исследования

Основные количественные характеристики телевизионного эфира, используемые в статье, были получены в рамках исследовательского проекта, реализованного методом контент-анализа. Разработчики методики исследования — С.Г. Давыдов (НИУ ВШЭ) и С. Оатс (Университет Глазго).

Массив текстов, отобранных для исследования, составили вечерние выпуски новостей на ведущих российских телеканалах: «Время» в 21:00 («Пер-

вый»), «Вести» в 20:00 («Россия-1») и «Сегодня» в 19:00 (НТВ). Кроме того, в выборку были включены еженедельные итоговые информационные выпуски: «Воскресное время» («Первый»), «Вести в субботу», «Вести недели», («Россия-1»), «Сегодня. Итоговая программа» (НТВ), а также еженедельные выпуски аналитических передач, ток-шоу, инфотейнмент («Познер», «Прожекторперисхилтон», «Гражданин Гордон» («Первый»), «Центральное телевидение», «НТВшники» (НТВ).

Аудиовизуальные тексты были отобраны за два периода: три недели до и три недели после выборов в Государственную Думу РФ (14 ноября — 25 декабря 2011 г.); четыре с половиной недели до и две недели после выборов Президента РФ (4 февраля — 16 марта 2012 г.).

Общий объем обработанной информации составил 303 выпуска телепередач (149 в первую волну исследования, 154 — во вторую) с общим хронометражем 171 ч. 47 мин. 59 с. Более подробные сведения об анализируемом объеме текстов представлены в табл. 1.

В ходе проекта использовались следующие параметры кодирования:

- основные параметры передачи (название, канал, дата выхода и т.д.);
- хронометраж и порядковый номер сюжета в передаче;
- география сюжета (место действия, упоминаемые регионы/страны);
- персоны (с прямой речью, упомянутые, показанные без упоминания);
- персонажи и организации; отношение к электоральной и протестной тематике;
- визуализация и презентатор;
- масштаб события, тональность и отношение презентатора;
- отношение сюжета к темам (из списка);
- описание сюжета в свободной форме;
- анонсировался ли сюжет в начале передачи.

Большинство параметров кодирования были апробированы на более ранних контент-аналитических проектах [Oates, Lee Kaid, Berry, 2010; Oates, 2006].

Выводы, касающиеся интерпретации данных исследования и представленные в статье, базируются на сопоставлении результатов контент-анализа текстов телевизионных новостей, а также исследования визуального ряда и драматургии наиболее важных сюжетов, вошедших в базу контент-анализа. В процессе реализации проекта мы пытаемся понять, с помощью каких методов федеральные телеканалы, ориентирующиеся на государственную идеологию, формируют в выпусках новостей представления аудитории об оппозиционных членах сообщества (политиках, протестующих и т.д.). Однако, учитывая сложность социальных и коммуникативных практик в России, мы видим необходимость изучения этого явления в более широком контексте.

Таблица 1. Общие сведения о выборке текстов контент-анализа

Передача	Телеканал	1-я волна			2-я волна			Всего		
		Количество выпусков	сюжетов	Хроно-метраж	Количество выпусков	сюжетов	Хроно-метраж	Количество выпусков	сюжетов	Хроно-метраж
Время	Первый	6	48	05:55:12	6	52	05:13:30	12	100	11:08:42
Воскресное время	Первый	6	27	05:03:25	5	24	04:12:36	11	51	09:16:01
Познер	Первый	6	49	02:12:44	5	34	02:37:12	11	83	04:49:56
Пржекторперис-хилтон	Первый	0	0	00:00:00	4	16	03:31:28	4	16	03:31:28
Гражданин Гордон	Первый	31	301	15:45:28	32	350	14:09:26	63	651	29:54:54
Вести	Россия-1	6	82	04:47:05	4	65	03:21:13	10	147	08:08:18
Вести в субботу	Россия-1	6	70	06:09:21	6	74	07:23:06	12	144	13:32:27
Вести недели	Россия-1	37	384	14:16:17	38	437	14:06:43	75	821	28:23:00
Сегодня	НТВ	5	40	03:11:50	7	80	06:00:34	12	120	09:12:24
Сегодня. Итоговая программа	НТВ	5	26	04:32:12	4	20	03:25:20	9	46	07:57:32
НТВШники	НТВ	5	41	04:06:01	5	42	04:15:52	10	83	08:21:53
Центральное телевидение	НТВ	149	1492	84:24:32	154	1605	87:23:27	303	3097	171:47:59
Итого										

В частности, на специфику формирования «народного правительства» и национальной идентичности в России оказывают влияние несколько факторов: советское наследие, воспроизводящее патерналистические модели в государственных учреждениях [Bagger, 2007], социокультурный кризис, возникший после распада СССР и не преодоленный до сих пор [Sztompka, 1993], размер территории, отсутствие привычки делать индивидуальный зрительский выбор из широкого спектра телевизионных каналов (кабельное телевидение в России не получило такого же распространения, как, например, в США), региональные и социальные диспропорции в сфере доступа к Интернету и другим новым способам общения [Зубаревич, 2005].

Перечисленные факторы в совокупности усиливают роль государственных телеканалов в консолидации российского общества. Согласно опросам общественного мнения в августе 2012 г., 98% россиян продолжают воспринимать телевизионные новости как основной источник информации, 78% из них доверяют этому источнику. Для сравнения: Интернет для этой цели использует 59% населения и только 64% из них доверяет данному источнику информации [Вся правда — в телевизоре].

В своей работе мы анализируем не восприятие аудиторией телевизионных новостей (так как соответствующие исследования нами не проводились), а только инструменты воздействия на зрителей. Однако в своих выводах мы будем опираться на результаты уже опубликованных исследований на эту тему [Российское телевидение..., 2007], которые классифицируют реакцию телезрителей на телевизионный контент как «договорную» [Hall, 1981], предполагающую, что картина действительности в целом принимается аудиторией, но определенные ее элементы и идеи могут быть оспорены. При этом необходимо учитывать, что телевидение, являясь самым влиятельным СМИ в России, максимально контролируется правительством напрямую или не напрямую. Все исследуемые нами новостные каналы, независимо от их формы капитала, находятся под строгим редакционным контролем, который транслирует запрос власти (в большинстве случаев представленной президентской администрацией) [Kiriyu, Degtereva, 2010]. Подробное исследование методов государственного давления на редакционную политику в России было проведено О. Кольцовой [Koltsova, 2006].

Анализируя сюжеты и репортажи, мы уделяем особое внимание видеоряду, поскольку соглашамся с позицией некоторых исследователей, полагающих, что коммуникаторы манипулируют языком видеоряда так, что сообщениям придается предпочтительный смысл, соответствующий их идеологическим целям [Hall, 1980]. Телевизионная камера или микрофон не фиксируют реальность, а кодируют ее. Кодирование придает реальности смысл, который является идеологическим, так что представляемое телевидением всегда является идеологией [Fiske, 2010].

Соглашаясь с тем, что кодирование, осуществляемое телевидением, имеет несколько уровней [Ibid.], особое внимание мы уделяем третьему уровню кодирования (уровню идеологии), реализуемому в драматическом конфликте (под конфликтом мы в данном случае понимаем столкновение различных ценностных ориентаций), который проявляется в тех или иных национальных, классовых, гендерных отношениях, консюмеризме, индивидуализме, активной жизненной позиции и т.д.

Основные результаты контент-анализа

Основываясь на результатах контент-анализа, мы приходим к выводу, что активность освещения телевидения думской и президентской электоральных кампаний на российском телевидении (рис. 1 и 2) носила в значительной степени имитационный характер. Так, в ряде случаев она сводилась к упоминанию деятельности Д.А. Медведева и В.В. Путина, причем преимущественно в связи с их деятельностью на посту соответственно Президента и Премьер-министра Российской Федерации (рис. 3 и 4).

Рис. 1. Место электоральных сюжетов в повестке дня исследуемых телеканалов (количество сюжетов)

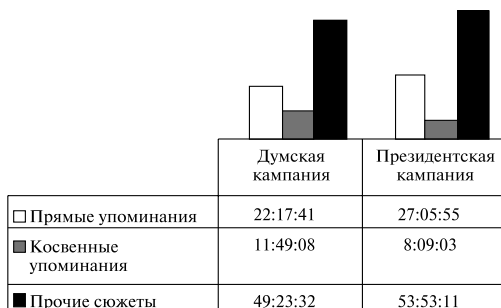

Рис. 2. Место электоральных сюжетов в повестке дня исследуемых телеканалов (хронометраж сюжетов)

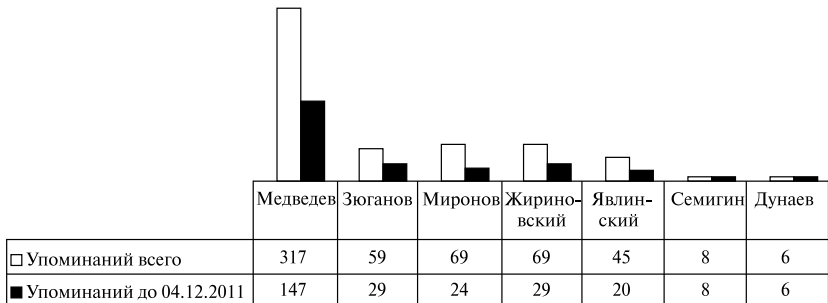

Рис. 3. Упоминания лидеров политических партий во время и после думской кампании

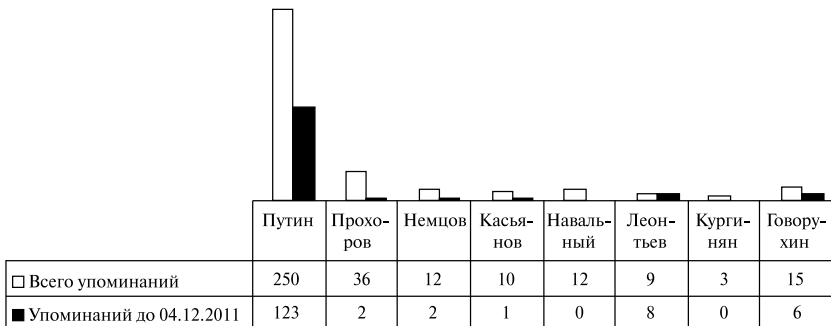

Рис. 4. Упоминания ключевых персон во время и после думской кампании

Остальные же участники электоральных кампаний появлялись в эфире несравненно реже. Причем однозначной зависимости частоты появлений той или иной персоны, обозначенной нами на основе экспертных опросов в качестве «ключевой», в эфире телевизионных новостей от того, оппозиционно она настроена по отношению к власти или поддерживает власть, мы не обнаружили. Исходя из этого можно сделать предположение, что роль этих людей как политической элиты в глазах тех, кто определяет повестку дня федеральных каналов, невелика.

Сходную по неоднозначности ситуацию мы наблюдаем, анализируя освещение теми же телеканалами митинговой активности. Количество сюжетов, посвященных протестной митинговой активности, существенно (почти в 2 раза) растет от думской кампании к президентской (рис. 5, 6). Однако если посмотреть на общий хронометраж сюжетов на эту тему, то он не меняется. Иными словами, сюжеты о протестных акциях во время и после прези-

дентской кампании становятся существенно короче, что не может не влиять на глубину и объективность освещения событий.

Рис. 5. Упоминания поддерживающей и протестной митинговой активности во время и непосредственно после думской кампании

Одновременно с этим существенно растет количество и хронометраж сюжетов о митингах в поддержку власти. А также в 3 раза (с 11 до 44) увеличивается число сюжетов, в которых те и другие митинги сопоставляются друг с другом в рамках одного повествования (рис. 6).

Рис. 6. Упоминание поддерживающей и протестной митинговой активности во время и непосредственно после президентской кампании

Одновременно с увеличением числа сюжетов с прямым упоминанием о протестах и уменьшением их хронометража отношение к этой теме ухуд-

шается. Процент сюжетов, оценивающих протесты положительно (хвалебно или сочувственно), в 1-ю волну был больше (32,2%), чем во 2-ю (29,8%) (рис. 7).

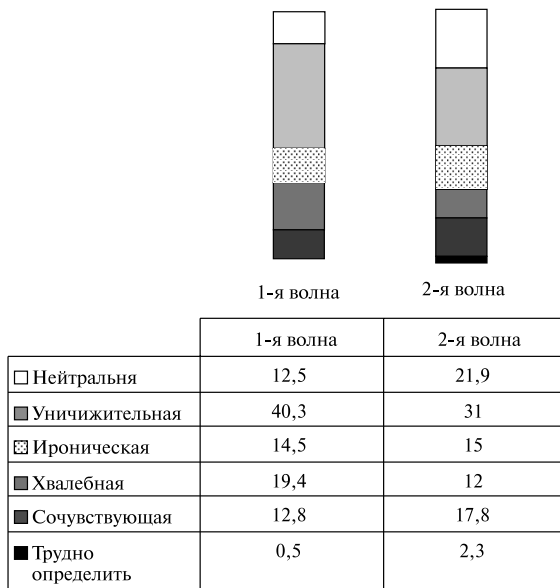

Рис. 7. Доля сюжетов с разной тональностью оценки акций оппозиции между двумя волнами исследования, %

Если посмотреть, на каком эмоциональном фоне телевизионные новости рассказывают о протестах, то важно отметить, что определять тональность сюжетов на эту тему оказалось гораздо сложнее, чем в других сюжетах. В сюжетах о протестах кодеры неоднозначно оценивали тональность в 37% случаев (37,2 и 37,6%), а в остальных сюжетах — только в 18,3/21,2%. Это, на наш взгляд, связано с тем, что в первом случае протестовавшие выдвигали лозунг «За честные выборы!», с целесообразностью которого спорить было трудно, а во втором случае демонстранты были сосредоточены на антипутинской риторике, провоцировавшей ценностный конфликт в обществе и обязывавшей сотрудников государственных телеканалов демонстрировать лояльность к избранному президенту. Однако мы не можем утверждать, что лояльность проявлялась в росте негативных оценок протестов. Напротив, количество отрицательных оценок (уничжительных или иронических) тоже уменьшилось от 1-й ко 2-й волне: с 54,8% общего числа сюжетов до 46,0%. Зато почти в 2 раз выросло число нейтральных оценок темы протестов (с 12,5 до 21,9%) и сюжетов нейтральной тональности в целом (с 16,9 до 21,3%) (рис. 8).

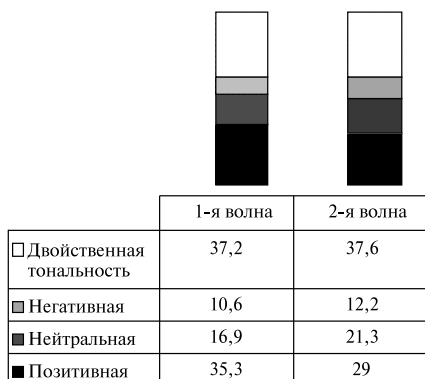

Рис. 8. Изменение тональности сюжетов между 1-й и 2-й волнами опроса

Отсюда можно сделать вывод, что тема протестов стала чаще звучать не в репортажах (более длинных по хронометражу), а в информационных сюжетах или устных сообщениях (коротких и более нейтральных). Преимущественно нейтрально и неопределенно оценивали журналисты митинги в поддержку действующей власти, которые, как мы уже отмечали, особенно активно освещались во второй период, имеющий отношение к президентской кампании.

Вероятно, с помощью такой эмоциональной неопределенности журналисты пытались примирить собственные убеждения с необходимостью соответствовать идеологическим рамкам, накладываемым на работников государственного телевидения.

Анализ визуального ряда

Однако отсутствие однозначной сформулированной журналистской оценки событий в сюжетах, по нашему мнению, не свидетельствует о том, что создатели новостей не управляют восприятием телезрителей, подталкивая к определенным выводам с помощью крупных планов, ассоциативного монтажа и других приемов использования выразительных средств телевидения. Для подтверждения нашей позиции мы проанализировали видеоряд сравнительно больших по хронометражу сюжетов из базы контент-анализа, сделанных в жанре репортажа и оцененных кодерами неоднозначно. В результате мы выделили несколько типичных приемов визуализации конфликта: через

репрезентацию городского пространства, через символические крупные планы, через экспрессивные монтажные сопоставления.

Так в репортаже о митингах итогового выпуска программы «Время» «Первого» (режим доступа: <http://www.1tv.ru/newsvideoarchive/pd=11.12.2011>) показано несколько митингов, прошедших Москве и других городах России. С точки зрения визуализации места проведения митингов на телеэкране почти неузнаваемы и выглядят весьма однообразно. Чаще всего они были сняты общим планом так, что не видно никаких известных городских достопримечательностей, а в кадре оказывается сегмент площади, заполненный толпой, которая либо движется без определенной цели, либо статично бездействует. Журналисты программы «Сегодня» канала НТВ (режим доступа: <http://www.ntv.ru/video/273582>, 25.12.2011), рассказывающие о тех же митингах, показав площадь Сахарова с верхней точки, дают более впечатляющую картину гражданской активности, чем упомянутый выше репортаж «Первого».

Надо отметить, что к мартовским выборам Президента России и власть, и оппозиция успели подготовиться к массовым акциям, научились их вписывать в городское пространство более органично, делать митинги более зрелищными. Так, митинг в поддержку Путина на стадионе в Лужниках был организован с учетом драматургии массовых зрелищ (концертов и спортивных шоу) и снят как телевизионное шоу. Оппозиция же ответила власти «флеш-мобом»: протестующие стали цепью вокруг всего Садового кольца, сомкнув «большой белый круг» («Сегодня», 26.02.12, режим доступа: <http://www.ntv.ru/povosti/273295/>), что тоже помогло им лучше выглядеть на телеэкране.

Другим важным элементом управления зрительским восприятием являются крупные планы, с помощью которых элементы реальности выделяются из общего потока, часто им придается дополнительный обобщающий, символический смысл. Крупные планы символических предметов позволяли передать настроение не словами, а визуальными образами. Белые розы или тюльпаны, белые ленты, белые надувные шары, с одной стороны, и красные флаги сторонников коммунистов — с другой, маски-чулки на лицах агрессивно настроенной молодежи, горящие фаеры — все это имело значение как в ходе самих митингов, так и при подготовке репортажей о них.

Оценочный характер может носить и показ крупным планом лиц людей, участвовавших в митингах. Участники протестных митингов 1-й волны в сюжетах телевизионных новостей (в частности, в указанном выше репортаже программы «Время») чаще всего представляли людьми молодыми, несколько агрессивными, странно или дорого одетыми. Видя их, зритель сразу должен был ощутить пропасть между собой и оппозиционерами.

Экспрессивное монтажное сопоставление выбранных крупных планов с другими элементами репортажа (например, с синхронами участников) позволяет журналистам подтолкнуть зрителей к той или иной оценке событий. Так, в сюжете «Первого» (режим доступа: http://www.ltv.ru/news/polit/198335_05.02.2012), интерпретируя набор крупных планов, репортер говорит: «В итоге, впрочем, все перемешались — и левые, и правые, и зеленый крокодил, и человек в костюме танка, и молодой человек на ходулях — пришли сюда под общим лозунгом “За честные выборы и против обмана”». Однако, по мнению журналиста, они побаиваются друг друга, что подтверждает синхрон: «Я оттуда старалась побыстрее перебежать вперед, потому что сначала нарвалась на анархистов, потом на националистов...», — говорит одна из митингующих.

Типичный герой второй части этого репортажа (с митинга в поддержку власти на Поклонной) — человек немолодой, имеющий опыт жизни в СССР и переживший трудные 1990-е годы нестабильности. Он просто говорит, и главная мысль, декларируемая им, — альтернативы Путину нет: «Я пришел сам, я привел свою жену, я привел своего сына. Мы понимаем, что Путин сейчас единственная сила, которая может удержать Россию от того хаоса, который творится везде в мире». Очевидно, что такой персонаж ближе аудитории государственного телеканала, чем одетый в костюм крокодила участник митинга оппозиции, воспринимаемый, скорее, как карнавальный персонаж, чем как гражданский активист, с которым зритель может себя идентифицировать.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Несмотря на то что акции оппозиции непосредственно после парламентских выборов, а также перед президентскими выборами 2011–2012 гг. занимали определенное место в телевизионной новостной повестке дня (что свидетельствует об изменении стратегии редакционного контроля федерального ТВ, которое ранее зачастую подобные акции просто не показывало), их отражение в эфире в значительной степени было построено на изоляции протестного сообщества горожан от массового зрителя. Данная изоляция осуществлялась через незначительную (и тщательно срежиссированную) репрезентацию оппозиционных политиков по сравнению с фаворитами (преимущественно действующими представителями исполнительной власти), через изменение жанров телевизионной репрезентации (от длинных репортажных форм к коротким «устным», легко сопровождаемым комментариями или сюжетами про «правильные» митинги), а также через визуальные приемы показа.

Такая модель репрезентации воспроизводит политический раскол и не способствует демократизации политической системы [Kiriyu, 2012], изолируя ее группировки друг от друга.

Литература

Вся правда – в телевизоре? / Пресс-релиз ВЦИОМ. 2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112941>

Давыдов С.Г., Давыдова Т.Ю. Политика в телевизоре: контент-анализ телеэфира // Политическая социализация российских граждан в период трансформации / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Новый хронограф, 2008.

Давыдов С.Г., Дутов А.И. Содержание вечернего телевизионного эфира в 2007 году // Российское телевидение: между спросом и предложением. В 2 т. Т. 2. М.: Элиткомстар, 2007.

Зубаревич Н.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем. М.: Поматур, 2005.

Российское телевидение: между спросом и предложением / под ред. А.Г. Качаевой, И.В. Кирия. М.: Элиткомстар, 2007.

Социальный портрет протестного движения в Москве / Пресс-релиз ВЦИОМ. 2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112859>

Bagger H. The Study of History in Russia during the Post-Soviet Identity Crisis // Scando-Slavica. 2007. Vol. 53. Iss. 1. P. 109–125.

Fiske J. Television Culture. L.: Routledge, 2010.

Hall S. Codage/Décodage // Réseaux. 1997. Vol. 1. P. 59–71.

Hall S., Hobson D., Lowe P. (eds). Culture, Media, Language. L.: Hutchinson, 1980.

Kiriya I. Les réseaux sociaux comme outil d'isolation politique en Russie // ESSA-CHESS-Journal for Communication Studies. 2012. Vol. 5. No. 1 (9). P. 193–208.

Kiriya I., Degtereva E. Russian TV Market: Between State Supervision, Commercial Logic and Simulacrum of Public Service // Central European Journal of Communication. 2010. No. 1. P. 37–51.

Koltsova O. News Media and Power in Russia. L.: Routledge, 2006.

Novikova A. Myths of Soviet Values and Contemporary Russian TV // Journal of Communication. 2010. No. 3–4. P. 280–294.

Oates S. Television, Democracy and Elections in Russia. L.: Routledge, 2006.

Oates S., Lee Kaid L., Berry M. Terrorism, Elections, and Democracy: Political Campaigns in the United States, Great Britain, and Russia. L.: Palgrave Macmillan, 2010.

Sztompka P. The Sociology of Social Change. L.: Wiley-Blackwell, 1993.

И.В. Кирия,
А.А. Новикова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ДЕПРЕССИВНОЕ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ

Результаты исследования медиапотребления владельцев спутникового телевидения, проживающих в сельской местности

Введение

Приход новых медиатехнологий на территории и в социальные пространства, где они ранее мало использовались, воспринимался в контексте линейных теорий диффузионизма инноваций как автоматическая модернизация. Таким образом, ученые (часто имеющие отношение к технологическим специальностям) указывали на то, что массмедиа и технологии приводят к автоматической трансформации обществ от «традиционных» к современным (Лернер), а соответственно степень «модернизации» измерялась исключительно количественными показателями «проникновения», «зоны доступа» и т.д. Отсюда и появление рожденных в недрах правительственных и околоправительственных организаций, готовящих отчеты, понятий «цифровой раскол» или «технологическое отставание».

Однако применявшиеся для исследования подходы, рассматриваемые с социологической точки зрения, тоже зачастую критиковались за излишнюю «линейность» или слишком примитивные представления о воздействии технологий и массмедиа на индивидов. Поэтому на смену автоматическим теориям распространения инноваций (Роджерс) пришли работы, рассматривающие процесс внедрения инноваций как более сложный процесс апроприации технологии социальной средой (модель перевода Бруно Латура). Примерно схожие концепты действовали и в сфере контента. От примитивных теорий воздействия медиа на индивида теории эволюционировали к рассмотрению гораздо более сложных механизмов воздействия контента в разных культурах (Кац, Либс). В данной теоретической парадигме работала и группа исследователей факультета медиакоммуникаций ГУ ВШЭ, пытавшаяся построить исследовательский проект изучения медиапотребления спутникового телевидения в сельской местности. Действительно ли появление «тарелки» с несколькими десятками каналов модернизирует сознание местных жителей, раньше смотревших всего два-три канала?

Исследование было проведено в июне 2012 г. в населенных пунктах, входящих в сельское поселение Угоры Костромской области (порядка десяти деревень с общим населением примерно 500 человек). В деревнях были опрошены 33 домохозяйства коренных жителей, подключенных к многоканальному телевидению. Алогоритм выбора предполагал сплошной отбор домохозяйств, где по внешним признакам (наличие параболической антенны) установлен цифровой спутниковый приемник.

Цель исследования — анализ изменений в привычках телесмотрения и выборе каналов у аудитории, получившей в последние несколько лет возможность выбора большего количества каналов благодаря подключению к спутниковому вещанию.

Гипотезой исследования стало предположение, что изменения условий медиапотребления, увеличение и разнообразие глобализированного медиаконтента не оказывают глубокого влияния на самоидентификацию и повседневные практики жителей провинции, не модернизируют их сознание настолько, чтобы вытеснить приоритет традиционных ценностей и образа жизни, а лишь предоставляют более широкий выбор развлекательного контента. Для того чтобы понять, верна ли гипотеза, был проведен ряд глубинных интервью с членами домохозяйств различных возрастов. Кроме вопросов о медиапотреблении (любимых каналах, программах, жанрах, ведущих, времени, продолжительности и характере просмотра), им задавались вопросы об отношении к истории России, о ее настоящем и будущем, перспективах для региона и их семьи, а также о ценностях, общих для всех людей и специфических для россиян.

Группы респондентов

Для нужд исследования респонденты были сгруппированы на основе двух критериев.

Первый критерий: опыт жизни в СССР. В данном случае в качестве границы групп был выбран 1971 г. Такое решение обусловлено датой развала СССР (1991). Рожденным в 1971 г. в это время было 20 лет. Если учесть, что трудовая деятельность у молодежи, занятой в сельском хозяйстве, началась достаточно рано (около 16 лет), то к 1991 г. у данной группы респондентов мог быть стаж работы четыре года и более. По нашему мнению, это — необходимый минимум, позволявший составить собственно представление о «взрослой» жизни, обусловленной трудовой деятельностью, в СССР и оценивать ее преимущества или недостатки по сравнению с постсоветской жизнью.

Среди наших респондентов

- 60 человек не имели опыта трудовой деятельности в СССР;
- 59 человек имели такой опыт.

Эти же группы мы оценивали как имеющие или не имеющие достаточный опыт телесмотрения в СССР. Очевидно, что группа респондентов моложе 1971 г. рождения тоже смотрела советское телевидение, но в силу возраста и отсутствия личного трудового опыта не могла оценивать соответствие того, что предлагал телеэкран, реальной жизни.

Второй критерий: социокультурный статус домохозяйства, измеряющийся технической и культурной оснащенностью домохозяйства (34 пункта в гайде). При этом нас интересовало не только наличие в домохозяйствах медиатехники, определяющей характер и повседневные практики медиапотребления, но и общая техническая и культурная оснащенность домохозяйства, позволяющая судить как о доходах семьи, так и об ее интересах, ценностях.

Первый раздел гайда наблюдателя, касающийся наличия в домохозяйстве исправной медиатехники, содержал 15 пунктов.

1. Радиоприемник (проводный, радиоточка).
2. Радиоприемник (эфирный).
3. Музыкальный центр.
4. Проигрыватель виниловых дисков.
5. Видеомагнитофон.
6. DVD, BlueRay проигрыватель.
7. Стационарный компьютер.
8. Мобильный компьютер (ноутбук, лэптоп).
9. Стационарный телефон.
10. Сотовый телефон, смартфон, КПК.
11. Планшетное устройство (типа iPad).
12. MP3-проигрыватель, iPod.
13. Электронная книга.
14. Подключение к Интернету (компьютер).
15. Подключение к Интернету (смартфон).

Второй раздел гайда наблюдателя, направленный на выявление общего уровня бытовой обустроенности домохозяйства (наличие в домашнем хозяйстве исправной бытовой техники и удобств), содержал 10 пунктов.

1. Холодильник, морозильная камера.
2. Плита электрическая или газовая.
3. Стиральная машина.
4. Посудомоечная машина.
5. Водонагреватель.

6. Электрические или газовые отопительные приборы.
7. Печь.
8. Туалет (в доме).
9. Душ.
10. Ванная.

По нашей гипотезе предметная среда, окружающая респондентов, может указывать на происходящие в сознании людей перемены или свидетельствовать о том, что этих перемен нет. Привычка к использованию устройств, облегчающих ведение домашнего хозяйства, таких как стиральная и посудомоечная машины, может говорить не только о доходах респондентов, но и об изменении их представлений о комфорте, свободном времени, роли женщины в семье и т.д. Наличие теплого туалета и ванной в сельском доме (что не традиционно для России XX в.) свидетельствует о модернизации сознания даже в том случае, если сам респондент не замечает этого процесса и не артикулирует его.

Не менее значимым для нас оказался **третий раздел гайда наблюдателя**, касающийся культурного оснащения домашнего хозяйства. Он включал девять пунктов.

1. Библиотека (не менее 10 книжных единиц).
2. Аудиотека (не менее 10 пластинок, кассет, CD-дисков и т.д.).
3. Видеотека (не менее 10 видеокассет, DVD-дисков, BlueRay и т.д.).
4. Наличие фотографий в интерьере.
5. Наличие картин в интерьере.
6. Наличие в интерьере календарей, вырезок из газет/журналов, плакатов.
7. Наличие икон.
8. Наличие наград, знаков отличия.
9. Наличие сувениров, привезенных из других мест.

Перечисленные элементы предметной среды не только характеризовали круг интересов и культурных практик наших респондентов, но и свидетельствовали об изменениях в данной сфере. Вписанность этих предметов в интерьер (что фиксировалось с помощью фотографий, приложенных к отчетам наблюдателей) позволила нам поразмышлять о картине мира респондентов, значимости в ней духовных и материальных аспектов жизни, ориентированности на прошлое или на настоящее и т.д. В процессе работы над этим проектом мы сопоставили выводы исследователей, сделанные по результатам наблюдений за предметной средой, в которой обитают респонденты, с тем, как они сами оценивают свою жизнь в ходе ответов на вопросы интервьюеров.

По результатам наблюдений анализируемые домохозяйства (33 единицы) были разделены на три группы по уровню технической и культурной оснащенности:

- низкий социокультурный статус (в домохозяйстве имеется десять и менее наименований из всех трех групп предметов) — восемь домохозяйств (№ 4, 8, 9, 12, 24, 26, 27, 31);
- средний социокультурный статус (11–20 наименований из всех трех групп предметов) — 19 домохозяйств (№ 1, 2, 5, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 28, 29, 30, 32);
- высокий социокультурный статус (более 20 наименований из 34) — шесть домохозяйств (№ 3, 6, 7, 15, 17, 33).

Общие закономерности

Для начала отметим общие для всех групп закономерности, не зависящие от уровня дохода членов домохозяйства, их возраста и технической оснащенности домохозяйства.

В первую очередь обращает на себя внимание то, что все домохозяйства оснащены холодильником и практически все (кроме одного) электрической плитой и стиральной машиной. Очевидно, что эти предметы быта уже стали для сельских жителей не только привычными, но и необходимыми. Несмотря на то что рядом с домами или в подполе дома оборудованы погреба, без холодильника не обходятся даже семьи с низким достатком.

Однако наличие в домохозяйстве бытовой техники не приводит к полному отказу от традиционных для сельской местности способов ведения хозяйства. Так, наряду с холодильником функционирует и погреб, а наряду с плитой и обогревающими устройствами в домах продолжают работать печи, которыми оснащены все (кроме одного) изученные домохозяйства. Только в редких случаях печь продолжают пользоваться, например, для приготовления пищи, в основном же в ней готовят только животным. Кто-то обогревает дом с помощью печи, а кто-то использует ее лишь в исключительных случаях.

Из сравнительно новых технических устройств наибольшее распространение получили мобильные телефоны. Хотя бы один мобильный телефон есть в большинстве исследованных домохозяйств (кроме двух), в некоторых домохозяйствах имеется несколько мобильных телефонов, а в некоторых — даже у каждого члена семьи. Однако это не означает отказ от стационарной телефонной связи, которую продолжают использовать большинство опрошенных. Примечательно, что для большинства респондентов мобильный телефон является только средством связи (звонки или отправка sms). Никакие другие возможности современных мобильных телефонов — фотоаппарат, выход в Интернет, игры, плеер и т.д. — основная часть респондентов не использует.

Наиболее распространенными предметами из перечня культурного оснащения домохозяйства являются иконы. Они есть в 27 домохозяйствах из 33.

Но чаще всего размещены они не в полноценном иконостасе, а расставлены произвольно на полках и шкафах, да и сами иконы обычно не старые, передающиеся по наследству, а современные, напечатанные на картоне или на бумаге (календари с иконами). В ряде случаев иконы вышиты самой хозяйкой по магазинным трафаретам. Наличие в интерьерах икон не может быть расценено как свидетельство религиозности хозяев. В ходе глубинных интервью никто из респондентов не оценивал телевизионный контент или происходящее в стране, используя религиозный дискурс и религиозную систему ценностей.

На втором месте по частоте встречаемости в домах находятся календари (есть в 24 домохозяйствах из 33) и фотографии (в 23 домохозяйствах). Причем в отличие от икон фотографии большей частью старые. На них старшее поколение хозяев дома в молодости, молодые люди в военной форме времен Великой отечественной войны и т.д. Фотографии висят на стенах на видном месте (часто над кроватью или столом в комнате), как это было принято в деревенских интерьерах в середине XX в.

На третьем месте — библиотеки (минимум 10 книг). Они есть в 22 домохозяйствах. Чаще всего составлены без определенной системы и сформировались еще во времена СССР. Но отказываться от них сельские жители не спешат, хотя многие признаются в том, что читать книги им не позволяет либо возраст, либо отсутствие свободного времени. Кроме того, респонденты говорили и об отсутствии привычки к чтению. Наличие библиотеки в доме они объясняют учебной необходимостью (в домохозяйствах, где есть дети) и привычкой (выкинуть ненужные книги как-то неудобно). Книги в Интернете респонденты тоже не скачивают. Электронных книг ни в одном домохозяйстве нет. Зато в большом числе домохозяйств сохраняются видеотеки (в 20), аудиотеки есть менее чем в половине домохозяйств (в 16).

Наименее востребованным у респондентов оказалось радио. Радиоприемник (проводной, радиоточка) есть только в четырех домохозяйствах, а беспроводной — в 14 домохозяйствах.

Кроме общих тенденций, в ходе исследования были выявлены специфические черты, присущие домохозяйствам с разным социокультурным статусом. Как уже отмечалось, мы объединили исследованные домохозяйства в три группы: с низким социокультурным статусом, средним и высоким.

Домохозяйства низкого социокультурного статуса

Прежде всего, мы сочли необходимым понять состав наименее технически и культурно оснащенных домохозяйств. Поскольку их всего восемь, то приведем данные по каждому.

Домохозяйство № 4 — мужчина 83 лет, женщина 86 лет, образование — неполное среднее и ниже, пенсионеры.

Домохозяйство № 8 — двое мужчин 53 и 84 лет, образование — среднее и неполное среднее и ниже, домашнее хозяйство.

Домохозяйство № 9 — мужчина 77 лет, женщина 73 лет, образование — среднее и неполное среднее и ниже, пенсионеры.

Домохозяйство № 12 — мужчина 64 лет, две женщины 59 и 39 лет, образование — среднее и среднее специальное, пенсионер, доярка-телятница, почтальон.

Домохозяйство № 24 — мужчина 80 лет, женщина 75 лет, образование — среднее, пенсионеры.

Домохозяйство № 26 — мужчина и женщина 82 лет, образование — неполное среднее и ниже, неполное высшее и высшее, пенсионеры.

Домохозяйство № 27 — женщина 61 года, образование — среднее специальное, пенсионер.

Домохозяйство № 31 — мужчина 72 лет, женщина 56 лет, мальчик 9 лет, образование — среднее, среднее специальное, неполное среднее и ниже, пенсионеры и ребенок.

Как видим, люди, чьи домохозяйства отличаются низким уровнем оснащения, — преимущественно очень пожилые пенсионеры со средним и неполным средним образованием. Часть из них имеют детей, проживающих в городе и готовых помогать им материально (многие респонденты рассказывали о том, что спутниковое телевидение им оплатили и подключили родные). Однако возраст и привычки этих людей таковы, что они не хотят улучшения своего социокультурного статуса. Интерьеры их домов — типичные для советской деревни: очень старая мебель, старые обои или их нет вовсе, а бревенчатые стены покрашены краской, вязаные половички, постели нередко отделены от основной части комнаты занавесками. В шести из восьми домохозяйств есть иконы, но в разговоре эти люди о своей религиозности не упоминают. Одежда, которую носят респонденты, тоже очень старая, ветхая. Женщины одеты в халаты, на голове может быть платок. Мужчины часто в старых военных рубашках или в одежде, стилизованной под военную.

При этом большинство респондентов не жалуется на бедность, утверждая, что «Нам хватает денег на еду и одежду, но было бы трудно купить холодильник и (или) стиральную машину без привлечения заемных средств». Лишь две семьи оценили свое положение следующим образом: «Нам хватает денег на еду, но покупка одежды — серьезная проблема для нас».

Как отмечалось, «тарелки» этим людям подарили дети либо они поставили их потому, что все вокруг начали ставить. Эта мера была вынужденной, так как без нее телевизор плохо показывал, а для них телесмотрение — един-

ственный способ заполнения большого досуга. Книги они почти не читают, частично потому, что таков их уровень культуры, частично из-за возрастных проблем со зрением. Библиотеки есть только в двух домохозяйствах из восьми. Аудиотеки и видеотеки нет ни в одном домохозяйстве. Соответственно нет ни музыкальных центров, ни видеомэгагитофонов, ни компьютеров. Из современных технических устройств — только сотовые телефоны, с помощью которых они связываются с детьми, живущими в городе.

Домохозяйства среднего социокультурного статуса

Состав и оснащение домохозяйств среднего социокультурного статуса весьма многообразны и плохо поддаются типологизации. Среди этой группы респондентов есть и пенсионеры, и сравнительно молодые семьи с детьми, и пожилые люди, проживающие с внуками, чьи родители работают в городе.

В качестве базовых характеристик данной группы можно отметить несколько пунктов. От домохозяйств с высоким социокультурным статусом их отличает визуально худшее состояние домов: это однотипные старые срубы, крытые шифером, очевидно нуждающиеся в ремонте. Дома окружены плохо ухоженными приусадебными участками, на территории которых много мусора: старых бревен, ржавых железок и т.д. Около дома редко можно увидеть клумбы с цветами, но огород есть обязательно, как и во всех остальных домохозяйствах. Внутри дома обставлены разномастной мебелью (частично новой, частично произведенной в XX в.). В целом интерьеры очень похожи на убранство городских квартир в 1970-е годы.

Техническое и культурное оснащение домохозяйств названной группы разномастное, как и интерьеры. Современный телевизор в этих домохозяйствах может стоять на колченогой тумбе, а сотовый телефон — лежать на столе, покрытом потертой клеенкой. В таких домохозяйствах может быть несколько компьютеров, но при этом отсутствует современная кухонная техника. Очевидно, что в этих домохозяйствах обустройство дома происходит спонтанно, по случаю, а не является последовательной деятельностью по благоустройству быта людей с модернизированным сознанием.

Домохозяйства высокого социокультурного статуса

Третья немногочисленная группа — шесть домохозяйств высокого уровня технической и культурной оснащенности.

Домохозяйство № 3 — две женщины 60 и 82 лет, образование — высшее и среднее специальное (москвички, переехавшие в деревню после выхода дочери на пенсию).

Домохозяйство № 6 — мужчина и женщина 51 года, образование — среднее специальное, лесничий и учительница.

Домохозяйство № 7 — мужчина 47 лет, женщина 37 лет, ребенок 10 лет, образование — среднее, среднее специальное, неполное среднее, водитель, учительница, школьник.

Домохозяйство № 15 — мужчина 43 лет, женщина 36 лет, дети 14, 12 и 10 лет, образование — среднее специальное, у детей — неполное среднее, тракторист, доярка, школьницы.

Домохозяйство № 17 — мужчина 36 лет, женщина 33 лет, дети 13 и 9 лет, образование — высшее, среднее специальное, индивидуальный предприниматель, домохозяйка, школьники.

Домохозяйство № 33 — мужчина 50 лет, женщина 73 лет, образование — среднее специальное и неполное среднее, случайные заработки и пенсионер (в состав домохозяйства респонденты включают еще шестерых взрослых, не проживающих постоянно).

Как видно из этого перечня, состав домохозяйств, выделяющихся технической и культурной оснащенностью, весьма разнообразен, но преимущественно включает людей среднего возраста (30–40 лет) со средним специальным и высшим образованием, часто с детьми школьного возраста. Есть среди представителей этой группы как городские жители, переехавшие в деревню и сохранившие городские привычки устройства быта, так и деревенские жители, стремящиеся обустроить свой быт «по-городскому». Последние нам особенно интересны (домохозяйства № 7, 15, 17). По нашему предположению, именно они должны быть в наибольшей степени подвержены процессам модернизации сознания благодаря разнообразию медиапотребления, большого количества мотиваций для улучшения уровня жизни (наличие детей, опыт городской жизни во время учебы) и финансовых возможностей воплотить свои желания в жизнь.

Дома респондентов данной группы отличаются не только внутренней благоустроенностью, но и внешним видом. К традиционному для этой местности срубам могут быть пристроены веранды и террасы, надстроен второй этаж, оборудована мансарда. Крыша покрыта не традиционным шифером, а современными материалами — андулином или гибкой черепицей. Бревенчатые стены дома снаружи могут быть покрыты сайдингом или обработаны антисептиком. Интерьер практически ничем не отличается от современных городских квартир — кухонные гарнитуры со встроенной плитой и вытяжкой, сочетание плитки и обоев на стенах кухни, ламинат или плитка на полу, телевизоры на кухне и в комнате, стенки, компьютерные столики и т.д.

Обращает на себя внимание то, что при высоком уровне технической оснащённости этих домохозяйств (наличие в домах водонагревателей, отопительных систем, электрических или газовых отопительных приборов) их жители не отказались от печей. Кроме того, ни в одном из этих домохозяйств нет посудомоечных машин, что свидетельствует о сохранении традиционного отношения к ведению женщиной домашнего хозяйства. Внешний вид респондентов не выдаёт в них деревенских жителей: они опрятно одеты, женщины ухожены (при этом учительница и доярка выглядят сходно).

Однако очевидно, что не все технические новшества интересны представителям даже этой группы. Кроме того, бросается в глаза, что даже в таких домохозяйствах нет планшетных устройств (типа iPad), iPod, электронных книг, тогда как традиционные библиотеки, аудиотеки и видеотеки есть у всех, а Интернет оценивается ими как необходимый для образования детей, да и взрослые им тоже часто пользуются для общения в социальных сетях и просмотра фильмов. Очевидно, что члены этих домохозяйств могли бы позволить себе такую покупку, ведь большинство респондентов данной группы оценили свое материальное положение достаточно высоко («Нам хватает денег на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новый автомобиль без привлечения заемных средств»). Отсутствие модных гаджетов у членов рассматриваемых домохозяйств может быть связано как с тем, что деревенские жители более бережливы, так и с тем, что интернет-соединение достаточно плохое, и это не позволяет использовать все возможности современной техники. Кроме того, возможно, что телевизионная реклама хуже действует на сельских жителей, чем на горожан, поскольку они не идентифицируют себя с героями рекламы, понимая, что их жизнь слишком отличается от городской.

Жизненные ценности сельских жителей через призму медиапотребления

При всем разнообразии бытовых условий и социокультурного статуса описанных домохозяйств предпочтения в медиапотреблении всех респондентов оказались весьма сходными. Они мало зависели от возраста людей и доходов семей. Одним из важнейших для нас стал вывод, что расширившийся выбор телеканалов не привел к существенному увеличению разнообразия предпочтений. Респонденты продолжают отдавать предпочтение «Первому», «России-1», «Звезде». Собственно, большинство семей подключали спутниковую антенну именно для того, чтобы видеть эти каналы в хорошем качестве, так как качество общедоступного сигнала было очень плохим. Получив возможность познакомиться с контентом нишевых телеканалов сразу после

подключения, респонденты из группы с низким социокультурным статусом быстро отказались от платного большого пакета телеканалов, довольствуясь бесплатными каналами, находящимися в открытом доступе. Медиапредпочтения же более обеспеченных респондентов тоже весьма однообразны. К стандартному набору федеральных каналов первой тройки они добавляют чаще всего нишевые «Охоту и рыбалку», «Дом кино», «Шансон ТВ», а в семьях, где есть дети, — «Карусель».

Представители старшей возрастной группы смотрят телевизор дома, в одиночестве или вдвоем с супругом. Многие пожилые люди упоминали в интервью, что ссорятся с супругом по поводу выбора программы для просмотра:

- *«Включила — фильм какой-то идет на Ц, на Центральном, а так смотрю Фроську¹, а ему надо военные фильмы смотреть. Он меня материт: заколебала ты меня со своей Фроськой! Выключай!»* (59 лет).

Сам процесс просмотра чаще всего проходит лежа на диване (кровати).

- *«Вот мы сидим на лавочке, к нам бывает, что приходят кто деревенские. А потом все — кино — и побежал домой. У нас привыкли кино смотреть, лежа на диване»* (60 лет).

Кроме того, пожилые люди отмечают, что мало обсуждают увиденное, так как часто не могут после просмотра вспомнить содержание увиденных передач.

Представителям младшей возрастной группы (особенно женщинам) более присущ фоновый характер просмотра телевизионных программ.

- *«Телевизор я смотрю на кухне, ну или когда вот сюда приду, если свободное время есть, то смотрю. А дома я все в бегах, я на кухне только смотрю телевизор»* (38 лет).

- *«И так получаем гроши, а если совсем ничего не делать, не работать, только телевизор смотреть... Это если пенсионеры только, нам некогда»* (39 лет).

Однако конфликты, связанные с выбором передач для просмотра, бывают и здесь.

- *«Западные сериалы не смотрим. Муж не любит»* (30 лет).

В домохозяйствах с высоким социокультурным статусом проблема различия интересов решается наличием в домохозяйстве двух телевизионных приемников, один из которых (часто новый) подключен к «тарелке», а другой — получает сигнал с эфирной антенны.

Молодые люди чаще смотрят телевизор в обществе других членов домохозяйства (в частности, детей или пожилых родителей) и чаще обсуждают увиденное с домочадцами и коллегами по работе.

¹ Телесериал «Ефросинья».

Можно предположить, что большая сплоченность сельских жителей, сохранившиеся связи старшего и младшего поколения, а также особенности деревенского бытового уклада приводят к однотипности оценок респондентами разного возраста и социокультурного статуса телевизионных передач.

В ходе глубинных интервью мы просили респондентов сформулировать свое отношение к телевизионным программам разных жанров. Безусловным лидером симпатий всех опрошенных оказались советские кинофильмы. Их любят все.

- *«Старое кино люблю, в нем жизненно все»* (38 лет, средний статус).
- *«Чего раньше навывпускали интересного, вот то и смотрим»* (86 лет, низкий статус).

Что же привлекает респондентов в старом советском кино? Основных преимуществ, о которых упоминают люди, два:

1) советские фильмы чаще рассказывают о сельской жизни, и сельчанам легче идентифицировать себя с героями и узнавать жизненные реалии.

- *«Как люди раньше жили, как лес пилили — интересно посмотреть»* (39 лет, высокий статус).
- *«Там показывали жизнь деревенского человека, как он живет, как в люди выбивались»* (36 лет, высокий статус).
- *«Все современные каналы не рассчитаны на деревенского жителя вообще»* (60 лет, высокий статус);

2) советские фильмы показывают положительные черты характера людей, что создает у зрителей позитивное настроение.

- *«Старые советские фильмы люблю, когда там колхозники в полях показаны, смотришь, душа радуется. Люди радуются своим достижениям, делают все так, как в советское время. И у них душа радуется, и ты посмотришь, радуешься»* (39 лет, средний статус).
- *«То ли дело вот раньше посмотришь... “Москва слезам не верит”, еще там какие-нибудь, очень хорошие фильмы были. Смотришь и любо смотреть. Не один раз посмотришь. А теперь только стреляют да убивают»* (59 лет, низкий статус).

Еще одним важным аргументом в пользу советских фильмов оказывается для наших респондентов то, что они лучше современных фильмов отражают «русскую специфику» и способствуют сохранению традиций. И то и другое многие интервьюируемые отмечала как чрезвычайно важное:

- *«Мы русские люди, нам надо все русское»* (38 лет, высокий статус).
- *«Мы своих-то традиций до конца не знаем, нам еще чужих проблем не хватало»* (36 лет, высокий статус).
- *«Советские фильмы смотрим. Люди не хотят забыть историю»* (37 лет, высокий статус).

Если советские фильмы воспринимаются как достоверные с исторической точки зрения, то современные фильмы и сериалы таковыми считают не все. Многие (чаще мужчины) оценивают их как бессмысленные и неинтересные:

- *«Иногда кино посмотришь, и смысла никакого нет»* (60 лет, средний статус).
- *«Чушь эта Ефросинья»* (70 лет, низкий статус).
- *«Поначалу как-то заинтересовало, а потом я уже и смотреть не хотела»* (37 лет, высокий статус).

Современные российские сериалы мелодраматического содержания привлекают респондентов больше, чем боевики и детективы:

- *«Мне все нравится, я ж за всех переживаю, как семья моя стала»* (38 лет, средний статус).
- *«А сейчас какие фильмы... Везде стрельба, убийства, и смотреть неохота»* (80 лет, низкий статус).

Фильмы иностранного производства тоже не нравятся респондентам своей жестокостью и еще большей удаленностью жизненных реалий героев фильма от повседневных практик деревенских жителей.

- *«Иностранцы не так нравятся. Не такие простые. Наши проще»* (57 лет, средний статус).
- *«Я вообще их юмора не понимаю»* (39 лет, высокий статус).
- *«Я люблю индийские фильмы, сентиментальные. Но, конечно, уже не современные, которые идут на фундаменте боевиков. Мне они не очень нравятся»* (36 лет, высокий статус).

Интерес к индийскому кино, кстати, характерен для респондентов разного возраста. Он может объясняться тем, что в советское время индийское кино часто демонстрировалось в деревенских клубах, в отличие от американского и европейского кино, которое в те годы можно было посмотреть лишь в ограниченном количестве городских кинотеатров, да и ценности старых индийских фильмов своей традиционностью ближе российскому зрителю, чем западные. Поэтому многие респонденты отмечали, что смотрят канал «Индия ТВ».

Жестокость, сексуальная свобода и культ богатства более всего раздражают опрошенных во всем современном телевизионном контенте:

- *«Меня вот только фильмы раздражают, где все время стреляют, все время убивают. Я говорю — и молодежь-то теперь на это настраивают, ну что это такое? Путного фильма что ли теперь не снять? Только все боевики вот эти?»* (59 лет, низкий статус).
- *«Мне очень не нравится, когда показывают жестокость. Приоритетом пользуется жестокость»* (56 лет, низкий статус).
- *«Все темы в телевизоре — где кого убили, где кого грохнули. Все, больше смотреть нечего»* (39 лет, средний статус).

- *«Конечно, все про секс идет, все в открытую показывают, разве это можно! Все убийства эти, наркотики, всё показывают. Чего дети наслушаются, посмотрят!»* (57 лет, средний статус).

- *«Раздражает, когда про жизнь артистов показывают, а мы — бедные»* (50 лет, высокий статус).

- *«По-моему много какой-то распущенности и вульгарности, которая была непозволительна»* (61 год, средний статус).

Фильмы и сериалы очевидно являются наиболее потребляемыми телевизионными продуктами. О них респонденты охотнее всего рассказывают, их содержание помнят лучше всего и готовы обсуждать. По поводу других жанров и форматов потребляемого телевизионного контента респонденты высказывались без особого воодушевления. Однако и здесь очевидны некоторые тенденции и повторяющиеся вне зависимости от возраста и социокультурного статуса шаблоны восприятия и интерпретации.

Телевизионным новостям респонденты не верят, так как не находят в них отражение своей повседневной жизни:

- *«Раздражают все эти новости. Хвастунишки там»* (61 год, средний статус).

- *«Все и везде — обман! Говорили бы правду, а не врали!»* (83 года, низкий статус).

- *«Я новости редко смотрю! Включу телевизор и уже надоела там болтовня ихняя вся»* (55 лет, средний статус).

- *«Показывают в основном все негативное. Как будто специально туда сливают»* (39 лет, высокий статус).

- *«Да не знаешь, кому верить! Какой программе верить»* (37 лет, высокий статус).

- *«Я не верю телевизионным новостям, потому что в Интернете одни новости, по телевизору показывают другие. Муж это у меня иногда смотрит <в Интернете>»* (37 лет, высокий статус).

Более всего в телевизионных новостях сельских телезрителей интересуют прогноз погоды:

- *«Смотрим в основном, какая погода вот сменится»* (25 лет, средний статус).

- *«Новости смотрю, там после каждого выпуска передают погоду, а мы все на небо глядим, потому что скоро сенокос начнется, надо косить»* (61 год, низкий статус).

Если новостям не верят, они раздражают, но их все-таки смотрят, то **публицистические программы** опрошенные респонденты не смотрят вовсе. Зрители не интересуются ни политическими, ни общественными проблемами, которые там обсуждают. Они кажутся далекими от повседневных нужд сельских жителей. Телевизионные дискуссии представляются непонятными,

затянутыми, бессмысленными. Необходимость анализировать различные позиции, сопоставляя аргументы, их не привлекает:

- *«Не знаю, кому верить. Одни прославляют, другие грязью поливают»* (82 года, низкий статус).

- *«Нафиг надо, чего нам еще куда-то вникать. Лишь бы нам было хорошо, лишь бы нас, как говорится, не прижимали. Ни налогами, ничем, лишь бы нас не прижимали. Мы как-нибудь выкрутимся, проживем»* (39 лет, средний статус).

- *«Смотрю, но они мне не нравятся, не вижу смысла. Вот взяли бы маленькую проблему пообсуждали, решили, да и сказали бы, что мы ее действительно решили. А так сидят 40 минут, тыркают, мнения свои высказывают. Чего лучше куда, но в итоге результата никакого»* (36 лет, высокий статус).

Имен журналистов и телевизионных ведущих они практически не упоминают, «послания» ТВ для них обезличены (исключением является только Андрей Малахов, чью программу «Пусть говорят» некоторые респонденты воспринимают как публицистическую, а другие — как развлекательную):

- *«Пусть говорят», вот их бы я вообще убрала! Переливают из пустого в порожнее, такие серьезные проблемы, ну зачем? Может, и нужно показывать, но не так. Их смотреть противно — кто-то так реагирует, кто-то так...»* (36 лет, высокий статус).

- *«Смотрим, ну интересно, как люди живут, за что страдают, за что там убивают; кто кого убил, кто кого обманул»* (61 год, низкий статус).

Несмотря на то что респонденты смотрят телевизор преимущественно для развлечения, **игровые программы и телевизионные шоу** ими гораздо менее любимы, чем фильмы и сериалы. Интересно отметить, что современные форматные развлекательные проекты привлекают сельских жителей гораздо меньше, чем традиционный жанр телевизионной эстрады — концерты:

- *«Вот по “Шансону” смотрю концерты. Если время есть, так я люблю смотреть концерты. Субботний вечер смотрела всё по второму каналу»* (59 лет, низкий статус).

- *«“Аншлаг” раньше был, сейчас нету, “Юрмала”. Вот в субботу идет передача, как она называется... Посмотреть концерты — там тоже никого не осталось, кто мог бы петь»* (55 лет).

Если телевидение респонденты смотрят для развлечения, то компьютер (и Интернет) те, у кого они есть, воспринимают преимущественно как способ получения полезной информации: узнать, кто, что и по какой цене продает, пообщаться с одноклассниками и однокурсниками, найти материал для учебы детей:

- *«Интернет помогает, допустим, узнать какой-то вопрос. Я пишу сообщения, иногда письма. С одноклассниками да с однокурсниками так пишешь»* (37 лет, средний статус).

- *«Интернет, в основном значит вот рефераты, вот детям, когда надо что-нибудь делать в школе. Там, может, какие-нибудь доклады, вот это вот»* (33 года, высокий статус).

Однако большинство людей не только старшего, но и среднего возраста, плохо умеют пользоваться Интернетом, не ощущают в нем потребности. Компьютер, подключенный к Интернету, считают делом затратным, а сидение в нем — уделом малолеток:

- *«Я как-то с компьютеров на Вы, а не на Ты» (38 лет, средний статус).*
- *«Компьютер с Интернетом у нас дома есть. Жена там в Одноклассники заходит, у детей там игры закачаны. Мне там делать нечего, я поэтому там ничего не понимаю и не вникаю, мне не надо Интернет» (39 лет, средний статус).*
- *«Жена просит: “Давай купим”. А зачем? Сидеть там, не малолетки же» (55 лет, средний статус).*
- *«Вообще компьютер — дело такое растратное получается, потому что нагорает электричество» (36 лет, высокий статус).*

Итак, респонденты разных возрастов и уровней дохода оценивают телевидение примерно одинаково. Подавляющее большинство не верит телевидению, мало интересуется политикой, смотрит телевизор, чтобы пассивно провести свободное время. Они утверждают, что просмотр телепрограмм никак не влияет на их повседневные практики, жизненные ориентиры, ценности. Режим дня, работы и уклад жизни этих людей не подстраивается под просмотр определенных телепрограмм. Их смотрят, когда сделана вся работа в доме и огороде.

Такое медиапотребление и подобные оценки медиаконтента, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что жители исследуемого региона находятся в состоянии социальной депрессии. Их медиапотребление мы назвали «депрессивным».

Депрессивное медиапотребление как следствие социокультурной депрессии

В процессе обработки интервью мы выделили несколько типичных представлений о современной жизни и своем месте в ней, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о состоянии социокультурной депрессии респондентов исследуемого региона.

Во-первых, разделяемое большинством мнение, что телевидение не показывает правду о современной жизни, но его приятно посмотреть, когда оно предлагает сказку.

Во-вторых, раздражение против жестокости, показываемой по телевидению, не сопровождающееся отказом от просмотра телепрограмм и сериалов с жестокими эпизодами. Такой просмотр мотивируется необходимостью получения информации о ситуациях, с которыми можно столкнуться в собственной жизни.

В-третьих, отсутствие интереса как к телевизионным дискуссиям о будущем страны, так и к передачам о жизни за рубежом.

В-четвертых, идеализация жизни в СССР. Причины — наличие работы и нормальной зарплаты, дружба и взаимное уважение людей, а также отторжение тех ценностей, которые пропагандируются в современных телепрограммах.

Кроме обсуждения телевизионных программ, в ходе глубинных интервью мы задавали респондентам вопросы, касающиеся их представлений о своем будущем и будущем России. Ответы сельчан мы попытались систематизировать и на их основе построили приводимую ниже таблицу.

Низкий уровень социокультурного оснащения домохозяйства	Средний уровень социокультурного оснащения домохозяйства	Высокий уровень социокультурного оснащения домохозяйства
<i>О компьютерах</i>		
	<ul style="list-style-type: none"> • Да, просто — переписываюсь с молодыми людьми. Из Москвы, из Мантурово, отовсюду бывает... часа три посижу, попереписываюсь, потом с ребенком иду гулять (25 лет) • Здесь ведь тоже две стороны у Интернета. Можно что-то оттуда подчерпнуть и интересное, и полезное, можно наоборот — отрицательного набраться. Все зависит, наверное, от самого человека. А что до молодежи — так еще и от родителей, — надо контролировать, что они там смотрят (61 год) 	Ну, Интернет
<i>О том, что важно в жизни</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • Там теперь кажут что-то непохожее... Всех почти голых... Только идет какая-то, не знаю, чего. Переобучают молодежь! (73 года) 	<ul style="list-style-type: none"> • Ну вот мы росли, такого не было, не было этих реклам, все фильмы до 18 лет в клуб нас никто не пускал, по телевизору таких фильмов не было, а сейчас посмотрите, что там творится, там все от и до показывают, вот она 10 лет, она уже все знает. Я еще этого не знаю, чего она знает (38 лет) • Главное — это работа и зарплата, тут руководителям, по-моему, надо о чем-то беспокоиться (60 лет) 	<ul style="list-style-type: none"> • Ведь в деревне сейчас очень тяжело. Тяжело учить ребенка, тяжело ему чего-то добиться. В школе посмотрите, что творится? Работает один специалист и шесть неспециалистов. Ну чему он научит? Вот я 15 лет живу здесь, и уже 15 лет нет в школе учителя рисования и учителя музыки. Посмотрите, ведь какое удовольствие посидеть на уроке пения со специалистом. Он с тобой разучит эти песни и попоет. А с не специалистом они что? Маюются только на этом уроке (36 лет)

Низкий уровень социокультурного оснащения домохозяйства	Средний уровень социокультурного оснащения домохозяйства	Высокий уровень социокультурного оснащения домохозяйства
	<ul style="list-style-type: none"> • Да работа бы более достойная, чтобы не маяться с этим хозяйством, что где приработок, вахтами чтоб не ездить, как люди ездят в Москву на вахты (39 лет) • Люди уже стали не те, люди все стараются только как для себя, карман набить, и все (57 лет) • А кто говорит про русскую деревню? Про русскую деревню никто не говорит, это раньше говорили. Про колхозы там... надоили столько-то, собрали столько-то... А сейчас вы включите, разве по телевизору что-то есть? Сейчас ничего нету (55 лет) • Да, чтоб всегда были деньги, круглый год, чтоб не было задержек по зарплате, чтоб платили хорошо (25 лет) • Главное, чтобы силы были, ведь все свое, все свое... Все своим горбом... Радость еще в детях, во внуках, но они приезжают иногда... Редко... (61 год) 	
<i>О советском прошлом</i>		
	<ul style="list-style-type: none"> • Ну вот перед концом-то нравилось. У нас также платили — аванс, получка, все. Тринадцатая в конце года. Только жизнь-то начиналась. Черненко был, Андропов. Так-то нормально было. Мне нравилось. Знал свое место (57 лет) 	<ul style="list-style-type: none"> • Раньше, это и по истории, и по жизни, когда мы еще маленькие были, ну вот, допустим, в деревне у кого-то случилось горе — и все бегут, бегут. Искренне помогают. А сейчас не дай Бог это случится, как-то сразу начинают обсуждать этого человека, не выяснив причины (37 лет)

Низкий уровень социокультурного оснащения домохозяйства	Средний уровень социокультурного оснащения домохозяйства	Высокий уровень социокультурного оснащения домохозяйства
<i>О прожитых годах</i>		
	<ul style="list-style-type: none"> • Ну конечно, вспоминать прошлые времена. Жалко конечно, но что поделаешь, уже назад не вернешь... (55 лет) 	<ul style="list-style-type: none"> • Или, допустим, вот раньше мы, я вот маленькая когда была, мы все и жили как-то одинаково. А сейчас вот, который не учился, ничего не делал, а у него все есть, он миллионером стал. А ты училась, всю жизнь в грязи проковырялась, а ничего не добила. Я не говорю, что я, там, плохо живу, нет. Я хорошо живу, слава Богу. Но позволить себе, вот сейчас бы сказать, поехали на море, я не могу. Либо мне надо в течение года отменить какие-то планы, там, проходить в старом пальто, не купить сапог сыну — и вот это все сложить, тогда и ехать (37 лет)
<i>О настоящем</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • Не нравится мне, что в стране происходит. При коммунистах так не было. Эта шайка жуликов — Путин, Медведев, вот ихняя эта, ой, чуть не сматерилась, шайка эта собралась пацанов, жуликов, и разоряют страну (80 лет) • Сейчас жизнь не хорошая...ну они, наверно... может, мы в деревне и не понимаем ничего-то. Ну вы ведь в городах...в городах ведь совсем не то, что здесь. А чего мы видим-то в деревне...это вот насмотришься этот телевизор, что делается в городах, это страсть... а у нас ведь здесь тишина... а там... деток не выпусти, там же страшно жить, в городах (61 год) 	<ul style="list-style-type: none"> • Придешь на карачках, устанешь и бай-бай (38 лет) • Я бы с удовольствием сейчас взял бы хотя бы на озеро ушел с ночевкой. Не уйдешь никуда от дома. Никуда не уйдешь, не говоря уж, на море уехать. Ничего здесь не бросишь, никуда не уедешь, мало ли что охота (39 лет) • Говорят, зарплаты все будут повышаться, повышаться, а повышается только продукты да все остальное, вот. Да цены вот на ребенка, сейчас в школу собираю, о-о-о-ой, все это дорожает, а зарплаты что-то нисколько не дорожают (25 лет) 	<ul style="list-style-type: none"> • Сейчас чаще встречаешь все больше грубости, ненависти. Хотя и не желал бы вот людям зла, но в них вот это есть (37 лет)

Низкий уровень социокультурного оснащения домохозяйства	Средний уровень социокультурного оснащения домохозяйства	Высокий уровень социокультурного оснащения домохозяйства
<i>О будущем России</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • Даже не знаю, чего будет. Все на деньгах помешаны. Перебьют, наверно, друг друга (59 лет) • Жулики останутся (80 лет) • Я считаю, что хуже, чем было, уже не будет, потому что техника шагнула очень далеко (75 лет) • Про страну – не знаю. Мы уже прожили своей век. Живите как хотите (82 года) 	<ul style="list-style-type: none"> • Поля зарастают, люди умирают, молодежь не идет (70 лет) • Если смотреть, какое сейчас телевидение, то ничего хорошего не будет (38 лет) • Ну, совсем прижмет, так пойдем и в партизаны, чего нам делать, в лесу нас не поймают, лес мы знаем (39 лет) • Не знаю, сложное, конечно, будущее (57 лет) 	<ul style="list-style-type: none"> • Людям правды-матушки и не говорят, а в итоге все вот плохое-то и покрывают. И от жизни не знаешь, чего ждать. Что может случиться завтра, мы никто ничего не знаем (37 лет) • Надеемся на хорошее. Но вот сильных изменений, мне кажется, не будет. Наш народ настолько ленивый и не собранный... (36 лет) • Пока государство не изменится – нечего ждать (47 лет)
<i>О своем будущем</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • Чего будет – то и будет! (73 года) • Вымирает деревня, вымирает... Вот прошлый год с нашего дома до края деревни 8 человек отправили... 8 человек. И старше меня, и моложе меня... все, только здесь старушка живет, и то осенью уедет, у нее муж умер, ее дочь заберет. И мы с дедом остаемся как на льдине (75 лет) • Только бы хуже вот этого не было... думаю, хоть бы пенсию у нас не отняли (61 год) 	<ul style="list-style-type: none"> • Живем одним днем, как говорится (38 лет) • Деревня вон она вся разваливается. Не знаю, какой... вот я строюсь? (39 лет) • Да я бы вообще, наверное, в своем будущем уехала бы куда-нибудь далеко-далеко отсюда подальше (25 лет) 	<ul style="list-style-type: none"> • Никак не вижу будущее. Развал (37 лет)
<i>О будущем детей</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • Пусть живут, как хотят (80 лет) 	<ul style="list-style-type: none"> • О будущем страны я не задумываюсь. Я задумываюсь о будущем внуков, которых ничего хорошего в этой стране не ждет (61 год) 	<ul style="list-style-type: none"> • Да не охота, чтоб здесь остался, потому что здесь никакого будущего. Конечно, дай Бог, выучиться и поступить, и он неплохо учится, но все-таки. Поэтому хочется, чтоб не остался в деревне (37 лет)

Гипотеза исследования подтвердилась полностью. Вне зависимости от социального статуса, уровня дохода, возраста и образования (и обусловленной этими факторами разницы в техническом и культурном оснащении домохозяйств) респонденты демонстрировали ностальгию по СССР и ценностям, пропагандируемым советским кино. Они категорически отторгли западное (для них это — прежде всего американское) кино и ценности, которые оно утверждает; демонстрировали отсутствие интереса к жизни за рубежом и глобальным проблемам человечества.

Наиболее важными всем респондентам представляются витальные и материальные ценности. Кроме того, подавляющее большинство респондентов находится в состоянии социальной депрессии и заявляют, что не верят ни в будущее страны в целом, ни в то, что их личные потребности могут быть удовлетворены. Почти все опрошенные телевидению не верят (ни федеральному, ни нишевому), но смотрят, потому что другие развлечения им недоступны по техническим (удаленность от крупных городов) или интеллектуальным (отсутствие привычки читать книги, например) причинам.

Состояние социальной депрессии и социокультурного шока подтверждает и выбор предпочитаемых телевизионных каналов и программ, а также отношение к просмотренным телепередачам: федеральным новостям не верят, но смотрят по привычке, сериалы воспринимают как сказку, не отражающую жизнь, чтобы отключиться от реальности, смотрят скандальные программы («Пусть говорят», скандалы и расследования НТВ), чтобы знать о возможных угрозах для себя и своих близких. Из всего разнообразия нишевых и тематических каналов предпочтение отдается тем, что уведомят от реальных проблем (в первую очередь каналам, где показывают советское кино, и каналу «Охота и рыбалка»). Количество каналов, выбираемых респондентами, весьма ограничено. Параболическая антенна поставлена ими преимущественно для того, чтобы улучшить качество сигнала.

Никто из опрошенных не признает, что телевидение хоть как-то влияет на их картину мира и жизненные стратегии. Увеличение времени просмотра отмечают практически все, но указывают на прямую зависимость объема просмотра от количества дел по хозяйству и сезонных сельскохозяйственных работ (труд в огороде, уход за скотиной).

Старшее поколение зрителей признается, что не усваивает и не запоминает то, что смотрит по телевизору, а также редко обсуждает просмотренные передачи. Таким образом, информация проходит мимо, не фиксируясь сознанием. Не обращают опрошенные внимание и на телевизионных ведущих, которые для них не становятся ни образцами для подражания, ни социальными авторитетами.

Мы предполагаем, что в сложившихся социальных условиях (обилие социальных проблем, разобщенность населения страны, отсутствие общих ценностей и представлений о будущем) телевидение не может оказывать эффективное влияние на сознание нации, модернизируя его. Занятые решением проблемы выживания зрители оказываются малочувствительны к символической власти медиа.

Е.В. Лукашевич,
А.Г. Сидорова

Алтайский
государственный
университет

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С НАСЕЛЕНИЕМ: СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ¹

Для повышения эффективности работы органов исполнительной власти и местного самоуправления, а также качества государственных услуг Правительство РФ инициировало административную реформу органов государственной службы, в рамках которой создаются региональные программы по модернизации системы информационного взаимодействия органов власти с населением. В Алтайском крае утверждена ведомственная целевая программа «Информационное обеспечение деятельности органов государственной власти Алтайского края по социально-экономическому развитию Алтайского края» на 2012–2014 гг., целью которой является реализация права граждан на получение полной и объективной информации экономической и социальной тематики с учетом актуальных потребностей гражданского общества.

Одним из главных инструментов оптимизации взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества, а также повышения прозрачности деятельности органов государственной власти является официальный сайт. Как указано в Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 гг., «размещение в свободном доступе информации о деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, а также на формируемых ими информационных ресурсах позволяет сделать

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-13-22004-а(р).

деятельность указанных органов более понятной и предсказуемой для граждан и организаций, а также уменьшить нагрузку на указанные выше органы за счет снижения количества поступающих обращений» [Концепция..., 2011, с. 45].

Сайты органов государственной власти как площадки для эффективного диалога власти и общества позволяют реализовывать заложенную в понятие «открытое правительство» идею полноценного эффективного диалога власти и общества на всех уровнях власти.

Однако, согласно проводимым исследованиям [Аксенова, 2011; Гасумова, 2012; Голубева, 2005; Шевердяев, 2007], на сегодняшний день официальные сайты органов государственной власти субъектов Федерации не в полной мере соответствуют нормам законодательства и поставленным в рамках административной реформы задачам. Данные проблемы характерны и для Алтайского края.

Проект «Оценка эффективности коммуникации органов государственной власти Алтайского края с населением: стратегии и технологии» [Эффективные модели..., 2012] направлен на исследование информационного пространства региона посредством анализа официальных сайтов органов власти с точки зрения их открытости и других коммуникативных параметров, позволяющих органам власти налаживать полноценный диалог и взаимодействие с населением региона, наращивать социальный капитал, быть гарантом социальной стабильности.

Научная новизна и значимость исследования заключается в разработке методологии изучения информационной открытости официальных сайтов государственных органов власти на основе данных социологии, лингвистики и коммуникативистики.

В проекте учтены существующие методики оценки информационной открытости органов государственной власти, а также принципы построения рейтингов в этой сфере. Но, на наш взгляд, важно изучить особенности коммуникативного взаимодействия с учетом информационной политики для определенной целевой аудитории сайта органа власти, включив в модель социолингвистические, психолингвистические и коммуникативные параметры оценки эффективности коммуникации. Именно это определяет новизну поставленной задачи.

Конкретная задача исследования — выявление наиболее эффективных коммуникативных стратегий и технологий взаимодействия органов государственной власти Алтайского края с населением, используемых на официальных сайтах, а также создание на базе этого модели эффективного сайта органа государственной власти для практического обучения редакторов подобных сайтов [Лукашевич, 2013; Макарова, 2013].

Согласно плану работы, в 2012 г. научным коллективом была создана база текстовых данных на основе 94 официальных сайтов органов государственной власти Алтайского края для комплексного исследования, в том числе 15 сайтов территориальных управлений федеральных органов власти, 28 сайтов органов власти регионального уровня, 51 сайта органов муниципальной власти. Объем информации — 39,7 МБ (41 677 308 байт). Материал отобран в соответствии со следующими качественными и количественными критериями:

- классификация материалов по рубрикам «Новости», «Пресса о нас, «Вопрос-ответ (интерактивный контент)», «Отчеты о деятельности», «Презентационные материалы»;
- количественные критерии (для федеральных, а также региональных сайтов — десять текстов по каждой рубрике, для сайтов муниципальных органов — пять текстов);
- хронологические показатели (с 10 января 2012 г. по октябрь 2012 г.).

Далее научный коллектив провел предварительный содержательный анализ материалов, размещенных на сайтах, их типологизацию в соответствии со следующими характеристиками:

- статистическими (дата выхода, режим доступа, количество знаков);
- содержательными (тематика/проблематика, жанр, наличие/отсутствие автора).

В процессе работы над проектом была разработана модель оценки электронных ресурсов, предложены параметры оценки эффективности используемых на официальных сайтах органов государственной власти Алтайского края коммуникативных стратегий и технологий. Традиционно используемые нормативно-правовые параметры оценки сайтов были расширены за счет введения социолингвистических, психолингвистических и коммуникативно-дискурсивных параметров. Ныне приведены результаты исследования официальных сайтов органов государственной власти Алтайского края в нормативно-правовом, композиционно-графическом, социопсихолингвистическом и коммуникативно-дискурсивном аспектах.

Нормативно-правовой аспект

В соответствии с нормативно-правовой моделью сайта государственно-го органа власти была проведена сплошная оценка 108 официальных сайтов органов государственной власти Алтайского края на соответствие федеральному законодательству [Сидорова, 2012б].

Методология оценки эффективности коммуникации органов государственной власти с населением учитывала требования нормативных актов

и стандартов, определяющих требования к информационному и функциональному наполнению официальных сайтов органов власти и устанавливающих стандарты веб-интерфейса.

Для оценки эффективности официальных сайтов в нормативно-правовом аспекте использовались такие параметры анализа, как наличие:

- общей информации об органе государственной власти (ОГВ);
- информации о нормотворческой деятельности ОГВ;
- информации о текущей деятельности ОГВ;
- информации о деятельности ОГВ по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;
- информации о контрольной деятельности ОГВ и контроле за деятельностью ОГВ;
- статистической информации о деятельности ОГВ;
- информации о деятельности ОГВ по кадровому обеспечению;
- информации о работе с обращениями в ОГВ и т.д.

Мониторинг проводился методом контент-анализа, что предполагало экспертную оценку сайтов по 87 параметрам в онлайн-режиме.

Для каждого сайта по выбранной методике была выявлена степень информационной открытости и информационной доступности. Согласно результатам исследования разброс средних значений по разным сайтам составляет от 30,2 до 89,35%. Среднее значение — 67%. Для исследуемых сайтов характерна высокая степень дифференциации по информационной открытости: от 0 до 84%. Ряд сайтов полностью не соответствует федеральному законодательству, у десяти муниципалитетов сайты вообще отсутствуют.

Наиболее информационно открытыми являются сайты Администрации Алтайского края, Управления Федеральной службы судебных приставов по Алтайскому краю, Главного управления экономики и инвестиций Алтайского края, г. Бийска, Шелаболихинского района.

Чаще всего на сайтах раскрывается информация общего характера, статистика, связанная с деятельностью органа власти, сведения о нормотворческой деятельности, сведения о доходах, информация об официальных мероприятиях с участием руководства органа власти. В менее 50% случаев раскрывается информация о кадровом обеспечении, данные о госзакупках, результаты рассмотрения обращений и обзоры обращений граждан в орган власти, сведения о вакансиях, подведомственных организациях (в том числе о подведомственных СМИ), об использовании бюджетных средств. В информации о проведении проверок, как правило, на сайте размещается план проверок, а согласно закону должны быть опубликованы результаты проведенных проверок.

На большинстве сайтов соблюдены такие требования информационной доступности, как круглосуточный доступ, бесплатный доступ, доступ без установки платного программного обеспечения, отсутствие зашифрованной/защищенной информации, доступ без регистрации, возможность копирования информации, возможность сохранения файлов с сайта, отсутствие требований по установке специальных веб-браузеров.

Однако удобство доступа к информации снижает то, что на трети сайтов не отображается информация о структуре сайта и места отображаемой страницы в этой структуре, отсутствуют поиск по сайту, поиск документов, данные о времени размещения и изменения информации на сайте, не раскрывается статистика о посетителях сайта (счетчики не установлены либо статистика доступна только по паролю). Порядка 90% сайтов не адаптированы для просмотра слабовидящими людьми (отсутствует контрастная версия сайта).

Некоторые органы власти ограничивают доступ граждан к сведениям: размещают сведения в закрытой базе данных, отсутствует карта сайта, в карте сайта нет ссылок на все страницы сайта. Важная для общественности информация нередко хранится на сайте в архивированных файлах, не отражена в карте сайта, сохраняется не в специальных разделах, а в многостраничных отчетах. На сайтах муниципалитетов при размещении данных о доходах муниципальных служащих допускаются нарушения закона «О персональных данных».

Композиционно-графический аспект

Для аудита композиционно-графических характеристик сайта использована модель его анализа с точки зрения дизайна и технологий *search engine optimization* (анализ видимости сайта в поисковых системах Интернета, анализ ссылочной массы, определение качества оптимизации страницы по ключевым словам, проверка на соответствие критериям сайта различных поисковых систем, анализ и выявление проблем индексации сайта). В модель включены следующие блоки: целевые группы сайта; дизайн; содержание; навигация; юзабилити; технологичность; поисковая оптимизация.

Анализ композиционно-графических параметров государственных сайтов показал частотные ошибки дизайна, контента, навигации, юзабилити. Так, встречаются примеры некачественного дизайна: плохая по исполнению и несодержательная графика, назойливая анимация, шрифты разного размера и цвета. Есть ошибки содержательного наполнения ресурсов: преобладающий официально-деловой канцелярский стиль, в том числе в новостях, нарушение авторских прав, неудобочитаемый текст с точки зрения разбиения

на блоки и абзацного членения. В части навигации сайтов отмечается отсутствие либо выборочный характер карты сайта, нереализованность принципа «трех кликов». С точки зрения поисковой оптимизации нами фиксируются невысокие показатели индексов ТИЦ и PR, наличие неоптимизированных изображений, невысокие показатели посещаемости, низкое количество обратных ссылок [Сидорова, 2012а].

Социопсихолингвистический аспект

Для построения социопсихолингвистической модели использовались:

- соотношение на сайте журналистских текстов, PR-текстов и нормативно-правовых документов, а следовательно, определение функций сайта данного органа власти, основных целевых аудиторий, доминирующего стиля и тональности в общении с этими аудиториями;
- характеристика параметров, определяющих доминирующий тип социально-коммуникативных отношений;
- определение личностных и статусно-ролевых характеристик адресанта и адресата, уровень стереотипности и социальной заданности в представлении информации;
- фоносемантический анализ текстов с помощью программы ВААЛ-mini и определение доминантных психолингвистических сценариев для выявления скрытого воздействия различных типов текста на адресата;
- определение индекса официальности (оценка этико-речевых особенностей коммуникации с точки зрения соответствия деловому этикету) и индекса корпоративности (имиджево-репутационный капитал и показатели принадлежности к определенной корпорации: название организации, ее руководителя, обозначение оказываемой услуги, декларируемые ценности и др.);
- характеристика способов и языковых средств речевого воздействия.

Как показал анализ, проведенный на пилотной выборке сайтов, большинство текстов на них анонимны, т.е. доминирует скрытый тип авторства, и преобладает официально-деловой стиль. Поэтому на первый план выходит информативная функция, а воздействующая функция этих материалов редуцируется. Интригующий, «острый» заголовок не характерен для анализируемых сайтов. Скорее заголовок направлен на то, чтобы конкретно и ясно информировать читателя о содержании материала. Языковая игра, конечно, осуществляется адресантом, но в ней нет оригинальности, яркости. К сожалению, практически отсутствуют яркие индивидуально-авторские выразительные средства, доминирует стандарт, активно используются шаблоны. Шаблонизация касается и используемых на сайтах жанров: преобладают ин-

формационные жанры, мало аналитических, практически не встретились художественно-публицистические жанры. Требуют дальнейшего исследования вопросы о чистоте жанров, о расширении спектра выразительных средств языка и т.п.

Как правило, на сайтах в качестве доминирующего типа социально-коммуникативных отношений используются отношения «права — обязанности», государство доминирует над гражданином. В отдельности этот факт не противоречит целям и статусу коммуникации органов власти, но в связи с остальными выявленными фактами он создает условия, затрудняющие налаживание полноценного диалога с пользователями, населением региона.

Тон текстов в основном нейтральный. Пресс-службы не нарушают норм, не проявляют грубости, не ироничны и не оскорбляют того, кто посещает сайт и кому они отвечают, с кем взаимодействуют. Специалисты пресс-служб правильно рассчитывают на целевую аудиторию государственных органов, целевые организации, журналистов, но население на сайтах не занимает приоритетную позицию.

На наш взгляд, чтобы повысить эффективность коммуникации органов власти с населением, пресс-секретарю, продвигающему сайт, необходимо практически осваивать современные методики создания и анализа медиатекста с учетом запросов и интересов целевой аудитории.

Коммуникативно-дискурсивный аспект

Для построения коммуникативно-дискурсивной модели сайта использовались:

- определение принципов легитимации практик социального и коммуникативного взаимодействия органов государственной власти с населением и выявление репертуаров взаимодействия;
- выявление принципов иерархизации репрезентаций (образов, событий) органами государственной власти в коммуникации с населением;
- оценка степени, форм и содержания влияния профессионального, идеологического, политического, социокультурного контекста на медиадискурс органов государственной власти и т.д.

Дискурсивный анализ сайтов государственных органов продемонстрировал ряд несоответствий между заявленными целями коммуникации и их формально-содержательным воплощением. Среди них можно отметить факты гегемонистской тотализации — использование ничего не означающих вербальных конструкций для демонстрации результатов деятельности. Частой проблемой являются ошибки структурирования адресантных и адре-

сатных групп коммуникантов — демонстрации позиций руководителя и контролера, с одной стороны, и безучастного исполнителя — с другой. Следует обратить внимание на приведение в соответствие принятых суперструктур текста заявленным коммуникативным намерениям во избежание недоверия аудитории и сбоев в понимании сообщений.

В процессе исследования выявлена процессуальная и стратегическая неоднородность коммуникации государственных органов краевого уровня и местного самоуправления. Она демонстрирует различную ролевую дистанцию с населением и, следовательно, локальные права и обязанности участников общения. Делать выводы о степени эффективности модификаций можно только с учетом контекста коммуникации, включая предпочтения целевых аудиторий, которые необходимо выявлять с помощью социологических методов исследования.

Дилемма доминантного и демократического общения на сайтах государственных органов власти не может быть однозначно решена в пользу того или иного полюса. В основе работы сайтов в той или иной степени доминирует вектор идеологической гегемонии. Однако, функционируя в социально-политическом контексте, требующем включения альтернативной «горизонтальной» коммуникации, прежнее взаимодействие органов власти с населением обретает новые черты. А это значит, что следует избавляться от фактов гегемонистской тотализации — игр с пустыми значениями, которым приписывается универсальное содержание. Необходимо заменить отчеты вроде «заседание завершилось совещанием», «на совещании определены основные задачи, перспективы и пути совершенствования проводимой работы» на конкретные резолюции и итоги, которые могут быть проконтролированы обществом. Причем в качестве итогов работы важно подчеркивать не столько число привлеченных граждан и средств, сколько приближение к целям программ. Приглашение читателей к сотрудничеству в формате опросов и краудсорсинговых площадок способствует не только более эффективному решению задач, но и наращиванию социального капитала органов власти.

Данные закономерности, выявленные в ходе нормативно-правового, социопсихолингвистического, композиционно-графического и коммуникативно-дискурсивного анализа, предполагается уточнить и конкретизировать в процессе полевых исследований.

Литература

Аксенова О.А., Никифорова В.М. Реализация итогов мониторинга сайтов государственных органов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С. 130–143.

Гасумова С. Мониторинг соответствия интернет-ресурсов органов местного самоуправления законодательству РФ (на примере Пермского края) // *Власть*. 2012. № 1. С. 55–60.

Голубева Е.Г., Зарин М.К., Смирнов А.М. Изучение обеспечения прозрачности органов власти в Интернете // VIII Всероссийская объединенная конференция «Технологии информационного общества — Интернет и современное общество» (IST/IMS-2005). М., 2005.

Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы (утверждена распоряжением Правительства РФ от 10 июня 2011 г. № 1021-р).

Лукашевич Е.В., Кузнецова Н.А., Ащепкова Т.В. Профессиональные компетенции пресс-секретаря органа государственной власти Алтайского края // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2013. Вып. 1 (28). С. 121–124.

Макарова Е.В. Дискурсивно-идеологический анализ сайтов органов власти: к проблеме дополнительного профессионального образования пресс-секретарей // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2013. Вып. 1 (28). С. 125–129.

Сидорова А.Г. Композиционно-графический анализ сайтов органов власти (на материале Алтайского края) // *Современные исследования социальных проблем* (электронный научный журнал). Красноярск, 2012а. Вып. 9 (17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/sidorova.pdf>

Сидорова А.Г. Оценка сайтов органов государственного и муниципального управления Алтайского края: аналитический отчет. Барнаул, 2012б.

Шевурдяев С.Н. Методика оценки сайтов российских органов власти. Пре-принт WP8/2007/02. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Эффективные модели взаимодействия органов государственной власти и населения в Интернете: сб. науч. ст. / под ред. проф. Е.В. Лукашевич. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012.

С.А. Шомова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ТРАДИЦИИ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛОЗУНГАХ РОССИЙСКОГО МИТИНГА

Современные исследователи политической коммуникации, изучая российские митинги 2011–2012 гг. (в том числе структуру их изобразительного ряда — плакаты, перформансы, инсталляции и т.д.), настойчиво выделяют как примечательную их черту специфический, празднично-веселый характер протеста. По данным социологов, примерно 50% самодельных плакатов на митингах имели юмористическое содержание. Это не только весьма зримая характеристика последнего по времени протестного движения в России, но и деталь, четко отличающая нынешнюю волну митингов от предыдущих. Почему именно смех оказался той эмоциональной субстанцией, которая объединила самых разных, вышедших на площадь людей? И зачем участникам акций протеста понадобились иронические формы коммуникации, юмористическое обрамление собственного мнения там, где речь идет о выражении твердой политической позиции?.. Данная тенденция, актуальная для российских коммуникативных процессов, нуждается в осмыслении, которое и стало целью проведенного исследования.

Несмотря на то что смеху (как философской проблеме, эстетической категории, социокультурному явлению, психологическому феномену и т.д.) посвящено немало теоретических работ и специальных диссертационных исследований, все же спорного в них больше, чем общепринятого. Свой след, не всегда однозначный, феномен смеха оставил в истории и этнографии, антропологии и эстетике, философии и литературоведении, психологии и политике... По поводу последнего пункта И. Архипов, автор небольшой, но интересной работы, точно подметил: «В России смеховая культура — нечто большее, чем продукт “индустрии развлечений”. У нас смех оказывается в некоторых исторических ситуациях весьма существенным элементом политической реальности» [Архипов, 2003].

Волна российских митингов 2011–2012 гг., на наш взгляд, явилась вполне эффективным подтверждением данного тезиса, хотя тенденция «смеющейся революции» и начала сходить на нет после того, как участники протеста стали подвергаться все более жесткому прессингу со стороны власти. Однако на рассматриваемом этапе роль смеха в политической коммуникации приобрела такие масштабы, что это позволило, по справедливому утвержде-

нию одного из исследователей, «увидеть в нём не маргинальное явление, а фундаментальное антропологическое свойство, неотъемлемый атрибут человеческой культуры» [Бондаренко, 2009]. Почему же проявления иронии, юмора, стёба — всех разновидностей смеховых приемов — сыграли такую роль в политической коммуникации российского митинга?

На этот вопрос можно дать сразу несколько взаимодополняющих ответов. Первый из них связан с двойственной, *культурной* и *биологической*, природой человека: тяга к смеху — древнее и неотменимое свойство любого человеческого «Я», фундаментальный признак свободного проявления личности, естественный механизм эмоциональных впечатлений и подсознательных реакций. Мир вообще наполнен эмоциями (и сфера протеста как часть этого мира тоже полна ими), без смеха эмоциональный абрис человека не только неполон, но и несовершенен. Где смех, там пространство человечности и свободы, хотя, конечно, абсолютизировать благотворное влияние смеха ничуть не менее опасно, нежели недооценивать его. Иными словами, будь акторы политического протеста не людьми, а роботами, они смогли бы, пожалуй, вовсе обойтись без смеха. А так — увольте...

Второй ответ на поставленный нами вопрос носит *психологический* характер: смеховые приемы коммуникации — обязательный и эффективный спутник человека в его попытках установить контакт с себе подобными, продемонстрировать собственные человеческие качества и выразить свою индивидуальность. Кроме того, смех и юмор смягчают «проблемное поле политики», служат своего рода психологическим амортизатором при столкновении личности с теми сторонами общественной жизни, которые кажутся ей заслуживающими протеста.

Наконец, третий ответ на искомый вопрос лежит в *социальной* плоскости. Наряду с речью смех — еще один (и ничуть не менее значимый) способ взаимодействия с большими группами людей. Кроме того, он не только способен донести до массовой аудитории определенную информацию, но и выполняет своего рода миссию сплочения, сближения людей. Эта неизбежно сплывающая роль смеха, позволяющая узнавать своих в толпе, делает микроклимат в любой социальной группе (даже стихийно собравшейся, как в случае с митингом) психологически более комфортным, а саму группу вследствие этого — более стабильной. Будучи произвольным метакоммуникативным сигналом, смех с древних времен по своей генетической сущности обладает несравненной способностью объединять людей, заставляя их «чувствовать свою принадлежность к одному виду»¹.

¹ См. об этом подробнее: *Козинцев А.* Человек и смех. СПб., 2007 // Электронная версия книги: http://krotov.info/lib_sec/11_k/koz/inzev_04.htm#1 (дата обращения 07.08. 2012).

Однако смех является не только универсальным и постоянным атрибутом человеческого общения, но и вполне осознанным приемом коммуникации. Иными словами, и участники, и организаторы митингов зачастую выбирают его для социального взаимодействия совершенно сознательно. И здесь уже возникает вопрос не «почему?», а «зачем?», который выглядит более сложным, чем первый, и связан с функциональными особенностями смеха как коммуникативной политической технологии. Попробуем вычлениить и сформулировать основные функции, которые выполняют приемы смеховой культуры в плакатах российского митинга.

Первая и важнейшая, с нашей точки зрения, функция, свойственная смеху, — *освобождающая*. Высвобождая людей из жестких тенет норм, правил, господствующей правды и официальной морали, смех позволяет «перевернуть» местами прошлое и настоящее, дозволенное и запретное, царствующее и униженное. Подобные «перевертыши» находят отражение в многочисленных лозунгах, например, таких как: «Пора меняться!» (с портретами двух «танDEMов»: Ходорковского — Лебедева и Путина — Медведева), «Путину УДО лучше, чем пожизненное!», «А Баба-Яга против... фальсификации выборов», «Волшебника Чурова в Азкабан!» или «Не раскачивайте лодку — нашу крысу тошнит...». Отважное смешение лексики и семантики разных типов смысловых пространств — политического, юридического, художественного, бытового, мифологического, социального — свидетельствует о раскрепощении мысли, об отходе от привычных шаблонов и о преодолении мыслительных стереотипов. Именно так, к слову сказать, понимали роль традиционной смеховой культуры в социуме, Д.С. Лихачев и многие иные теоретики культуры, с точки зрения которых смех прежде всего способствует снятию национальных, религиозных и социальных барьеров, а также и освобождению от накладываемых ими ограничений. Именно эта освобождающая функция смеха во все времена так не нравилась власти, ибо «выводила» массы за пределы назначенных ею поведенческих рамок.

Вторая крайне важная функция смеха — *защитная*. Будучи тесно связана с функциональным концептом свободы, защитная функция смеховой культуры распространяется прежде всего на сферу страха перед будущим, перед угрозой наказания, перед «сильными мира сего», к кому надлежит испытывать пиетет... Шутка способна разрядить любую напряженную бытовую ситуацию или групповой конфликт. Но она защищает и от страха «не угадать, не угодить» в политической жизни общества. Антагонизм, противостояние с властями перестают казаться непозволительными и опасными, как только подвергаются целительному воздействию смеховой культуры. «В процессе исторического развития антиповедение лишается примеси страха — “неправильное политическое поведение” перестает быть страшным, очищаясь сме-

хом», — утверждает современный исследователь вопроса [Козинцев, 2007]. Справедливость этого утверждения прямо доказывается абсолютным бесстрашием многих лозунгов российского протеста. Защищенные доспехами смеха (как бы «не всерьез»), участники митингов говорят вещи, выдвигают лозунги, которые в серьезной политической дискуссии были бы возможны лишь при наличии условий, гарантирующих бесспорную защиту своим авторам.

«Я не голосовал за этих сволочей! Я голосовал за других сволочей! Требую пересчета голосов!»; «Не понравился один гондон? Выбери другой! У тебя есть выбор!»; «Не верь медведю!»; «Вы все еще в Кремле? Тогда мы идем к вам!»; «Ваша стабильность — это наша дебилность»... Авторы такого рода плакатов (довольно многочисленных), не просто полемизирующих с властью, но уничижительно отзывающихся о ней, выражающих недоверие и презрение к ее лидерам, не прикрываются иронией и сарказмом, а берут их на вооружение как самые действенные инструменты бескровной политической борьбы.

Однако не всегда смеховой политический лозунг демонизирует власть и обостряет протест. Иногда он, напротив, как бы «одомашнивает» их, смягчает противостояние. Несколько неожиданная в рамках темы оппозиционных митингов, но тоже абсолютно закономерная и значимая для Homo Ridens (человека смеющегося) функция смеха «на баррикадах» — *демонстративная*, связанная с самопрезентацией личности. «Верните честные выборы! Верните снежную зиму!» или «Как выйти из тумана?», «Гоголь за честные выборы!» или «Дайте мне пирожных!..», «Люди, любите друг друга» или даже просто «Жизнь!!» — речь в таких лозунгах может идти о чем угодно, не только о политических требованиях (и чаще всего как раз не о них). Главное, что человек получает трибуну для самовыражения, которую волен использовать без тематических или семантических ограничений. «Заговорившая улица» — так определяют этот феномен многие исследователи современной митинговой коммуникации. Описывая данную ситуацию как «прорыв немоты»², они говорят об этом как о возможности самовыражения представителей разных социальных групп, крайне важной для коммуникации протеста.

Роль самовыражения, самопрезентации личности, о которой мы только что сказали и которую с таким успехом играют «смеховые» митинговые лозунги, смыкается со следующей их функцией, возможно, еще более важной для участника протеста. Речь идет о *социальной* функции, об объединении людей, которые смогли найти друг друга благодаря общим ценностям, выра-

² См. об этом подробнее, например: *Шербакова И.* Заговорившая улица, «Мы один народ» / Культура протеста: лозунги. URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/2971> (дата обращения 08.08.2012).

женным в политическом плакате. Объединяя людей в «группы по интересам и убеждениям», политический плакат на митинге одновременно и цементирует толпу, и сегментирует ее. Называя митинговые лозунги «индивидуальным высказыванием, которое, тем не менее, предъявляется публично», один из авторов сравнивает их с опознавательными знаками: «Это такой способ увидеть своих единомышленников, и фактически это способ дать выход тем разделяемым настроениям и надеждам, которые еще, на самом деле, может быть, еще предстоит сформулировать» [Петровская].

«Наш смех — это всегда смех той или иной группы» [Бергсон, 1992]. Подобная роль смеховых лозунгов не только помогает расставить социальные акценты на митинге, но и найти в окружающих интеллектуальную и политическую поддержку. «Пассивная интеллигенция сегодня с вами!», «Партия блондинок за свободу слова!», «У вас едрянка» (на фоне портрета доктора Хауса), «Не лайк», «Москвичи! Довольно спать — отнимут и кровать» — неважно, идет ли речь о реальной социальной прослойке или мифологической, задачу социального «узнавания» друг друга эти лозунги выполняют.

Следующая функция смеховой культуры на митинге, о которой стоит сказать особо, — *коммуникативная*. Политический плакат — возможность не только выразить себя или поговорить с единомышленниками, но и возразить оппоненту. Он помогает выстроить коммуникацию с разными сегментами общества. Однако, на наш взгляд, коммуникативная функция смехового протестного лозунга выражается прежде всего в стремлении ответить власти.

Такого рода лозунги не являются однородными по своей семантике. Среди них можно выделить, например, *респондирующие*, дающие прямой ответ или возражение на высказывание оппонента («Хомячки разбушевались и покажут вам кузькину мать!», «Хилари Клинтон заплатила мне натурой!»); *прескриптивные*, т.е. предписывающие поведение, подталкивающие к прямому действию или содержащие ироничную агитацию («Будет лучше, если вы уйдете сами» или «Путин, люби нас!»); *диалогические*, образующие прямую одностороннюю коммуникацию с представителями власти («Мы знаем, что ты хочешь третий раз. Но у нас голова болит!», «Ни одного голоса тебе, Вова!») и т.д.

Среди наиболее интересных разновидностей смеховых митинговых плакатов, несущих названную нами функцию, можно упомянуть также плакаты, высмеивающие, пародирующие лексику и стилистику власти. Мы согласны с М. Алексеевским, отметившим, что «одним из основных способов создания актуальных политических лозунгов становится пародирование идеологических штампов и клише из лексикона действующей власти» [Алексеевский]. Добавим: пародированию могут подвергаться не только вербалика, но и визуальные характеристики (особенности внешности, одежда, манеры), и поведенческие особенности оппонентов, и детали политической ситуации в целом.

Примеры подобных лозунгов у всех на слуху. Это не только многочисленные киплинговские ассоциации, навеянные не самым удачным выступлением лидера («Бандерлоги слышат тебя!», «Каа, уползай!», «Мы называем его желтой рыбой! А еще — земляным червяком!»), но и пародия на рекламу антинаркотических концертов, эксплуатирующую высказывание и личное участие в мероприятии Путина («Пацаны! Вам это не надо!»), и использование элементов визуальной пародии («Освободите Добби от непосильной работы»), и высмеивание сомнительных имиджевых ситуаций («Мы за честные амфоры!»), и отсылки к знаковым, культовым киноцитатам («А царь-то ненастоящий...», «Я мзду не беру. Мне за державу обидно!»).

Последние лозунги в принципе многофункциональны по своей природе; выделить единственную или даже главенствующую функцию, которую играли бы в них смеховые приемы, достаточно затруднительно. Скажем лишь, что одну из ведущих ролей в политическом плакате данного вида начинает играть еще одна функция, на которую хотелось бы обратить внимание, — *игровая*. Это новая важная грань проявления Homo Ridens, нашедшая воплощение в смеховой культуре протеста.

Будучи «помножена» на возможности смеховой культуры, игра дает много вариантов публичного взаимодействия. В результате многие из существующих типов игровой коммуникации обнаруживаются в пространстве российского митинга. Перфоманс «Яблока» про волшебника Чурова — игра театральная; множество участников протеста, наряженных Гарри Поттером, Бабой Ягой и т.д., — игра-маскарад; «человек-танк» или «человек-робокон» на московских улицах — игра-метафора... Однако в нашем предметном поле — поле протестного лозунга, конечно, наиболее интересное проявление данная функция смеховой культуры обретает в языковых играх политического плаката.

Не имея здесь возможности подробно останавливаться на этой отдельной (крайне интересной) проблеме, приведем только некоторые примеры креативного лозунгового творчества наших сограждан: «Цой — ЖиВ, Путин — ПжиВ»; «Выбрать Пуу не напасть, как бы с Пуу не пропасть», «Хороший презик — новый презик!», «Чуров, підрахуй!», «Перевыборы! Чур, по-честному!», «Затандемили!», «Медвепута в зоопарк!»... Все эти и многие другие лозунги используют приемы, о которых один из авторов пишет: «У смеха своя, весёлая грамматика. Изобретаются новые грамматические формы, словообразовательные модели, свободно допускаются фонетические ляпы, микшируются родной и иностранные языки, сочиняются палиндромы, частушки, каламбуры, практикуются смеховая рифмовка экспромтом, травестирование “классических” словоформ, допускаются скатологические (преимущественно словесно-речевые) вольности, эвфемистические метафоры, непристойные намёки, двусмысленности...» [Бондаренко, 2009].

Последняя функция, о которой хотелось бы сказать в завершение, — креативная, функция отдыха и развлечения. Данная функция — последняя в нашем списке, но отнюдь не по значимости в иерархии смеховой культуры. Дело в том, что юмор способен не только к серьезной работе: расставлять социальные акценты, выстраивать межгрупповую коммуникацию, дискутировать с властью, защищать от страха перед будущим... Иногда это просто дань отдохновению, легкости бытия в противовес трагичному и жалобному отношению к жизни. Бравирующий своими невзгодами шут против заламывающего руки Пьеро — эти образы в жизни и культуре порой противостоят друг другу, и первый нередко одерживает верх над вторым.

«Ищу жену!»; «Норки моли не бояться!»; «Да! Верните кокаин в кокаколу»; «Вперед, в XXI век!»... Вряд ли эти и другие подобные высказывания на митингах можно отнести к какому-то «политическому ведомству». Для такого креатива на молодежном сленге существуют наименования «стёб» или «прикол» — это не выражение зрелой мировоззренческой позиции или собственного «я», а попытка расслабиться, взять тайм-аут, передохнуть от бурного ритма повседневности. Не случайно современные исследователи отмечают, что смех и юмор, ироничное восприятие происходящего всегда «смягчали, а возможно, и продолжают смягчать стрессогенное воздействие речи и культуры... Если “эврика!” — сигнал того, что человек сделал еще один трудный шаг на пути вперед, то смех сигнализирует о том, что настало время не просто остановиться, а временно, играючи, отступить назад, да не куда-нибудь, а в дочеловеческое прошлое. Отступить, отдохнуть, вернуться и продолжать путь» [Козинцев, 2007].

Благотворное влияние смеха подтверждает (даже или тем более в тяжелых условиях гражданских войн и смены существующих режимов) и взгляд историка на периоды революционных потрясений: «Смеховая культура оказывалась для обывателей средством психологической разрядки, снятия невротической тревожности, накапливавшейся в последние месяцы существования “старого порядка”» [Архипов, 2003]. Именно в ослаблении факторов стресса и заключается одна из замечательнейших, почти магических функций смеха, и участники российского протеста, превращаясь на время в Homo Ridens, осознанно или нет, пользуются ею в самой высокой степени.

Тема традиций смеховой культуры в пространстве митинговой коммуникации настолько широка, что, разумеется, детально рассмотреть ее в рамках одной локальной статьи невозможно. Мы остановились лишь на некоторых, самых базовых, на наш взгляд, ее аспектах. Каждая из названных нами функций смеха как механизма политического протеста заслуживает развертывания и осмысления, а сами «веселые лозунги» — дальнейшей классификации и структуризации. Тема ждет своих дальнейших и более глубоких, чем первые оперативные отклики, исследований.

Литература

Алексеевский М. Кто все эти люди (с плакатами)? // Антропологический форум № 16 online. С. 157. URL: <http://anthropologic.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/alekseevsky2.pdf> (дата обращения 05.05.2012).

Архипов И. Смех обреченных (Смеховая культура как зеркало короткой политической жизни «Свободной России» 1917 года) // Звезда. 2003. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/8/arhip-pr.html> (дата обращения 15.07.2012).

Бергсон А. Смех. М., 1992. С. 13.

Бондаренко А.В. Языковая теория «смеха»: экзистенциальные предпосылки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 2. С. 269, 273.

Козинцев А. Человек и смех. СПб., 2007 // Электронная версия книги: http://krotov.info/lib_sec/11_k/koz/inzev_04.htm#1 (дата обращения 07.08.2012).

Петровская Е. Больше, чем слова. О границах семиотической интерпретации лозунгов // Культура протеста: лозунги. URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/2971> (дата обращения 08.08.2012).

Шербакова И. Заговорившая улица, «Мы один народ» // Культура протеста: лозунги. URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/2971> (дата обращения 08.08.2012).

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ
МЕТОДЫ В АНАЛИЗЕ
СОЦИАЛЬНЫХ
И ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ

N.A. Abramova,
S.V. Kovriga,
R.U. Portsev,
T.A. Telitsyna

V.A. Trapeznikov Institute
of Control Sciences

ON THE PROBLEM OF HUMAN-INDUCED RISKS AND VERIFICATION OF MODELS OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS¹

1. Introduction. The problem of human-induced risks at modeling dynamics of ill-structured situations

In practice of modeling dynamics of social-economic and other multidisciplinary systems and situations cognitive mapping based on formal theoretical models and methods is increasingly popular. However it carries risks for validity of end results both because of cognitive complexity of situations and features of modern cognitive map languages. First of all, the problem of risks due to the human factor in the field of ill-structured, especially large-scale situations and objects, lies in the inevitable and essential humans' participation in solving practical problems at least at the stage of formalization, whether it be cognitive mapping or others formalisms [Abramova, 2007]. This is confirmed by both theoretical research and analysis of applications.

Complex researches on human-induced risks and overcoming them through the verification were spent mainly on the material of cognitive mapping (for example, [Abramova, Kovriga, 2011]); however, the latest results have shown that cognitive mapping and system dynamics approaches have much in common in the relation of human-induced risks, cognitive in their nature, especially for the early stages of formalizing substantive knowledge [Abramova, Kovriga, 2012]. That is why recently new efforts to integrate knowledge and ideas accumulated both in cognitive mapping and in system dynamics are undertaken, with the hope for cross-fertilization of both scientific fields.

This work represents mostly original results on the above problem, mainly from the field of cognitive mapping, which seem applicable to the system dynamics based on the conducted analysis and testing. Two main lines of researches on the above problem are represented:

¹ The work is supported in part by RFBR (grant 11-07-00504).

- revelation of regular cognitive risks by means of the interdisciplinary approach in modeling ill-structured objects and situations (in view of accumulating knowledge about practically significant risks);
- development of approaches to reduce the role of typical regular risks by early verification of models, including tool support, with the empirical testing of their practical operability.

2. Some preliminary concepts and observations

In this work term “cognitive map” (CM) refers to the family of models representing the structure of causal (or, that is the same, cause-effect) influences of mapped situations, objects or systems. Formally, the obligatory base of all models of the family is a directed graph, which nodes are associated with factors (or concepts) and arches are interpreted as direct causal influences (or causal relations, connections, links) between factors. Usually arches are attributed with influence signs (“+” or “-”) or influence weights (intensities). In addition to natural elementary constructs of some formal language of CMs, i.e. factors, which are represented as variables, and their links, the prevailing role in definition of behavior is played by one more elementary construct, which we refer to as a *bundle*, i.e. a factor with all incoming direct influences with the associated function, sometimes referred to as the *influence aggregation function*. (Weights are parameters of a specific type of the function.) A CM added with initial values of factors or some other parameters is referred to as a map-based model. The basic concepts of CMs and map-based models are represented in Fig. 1.

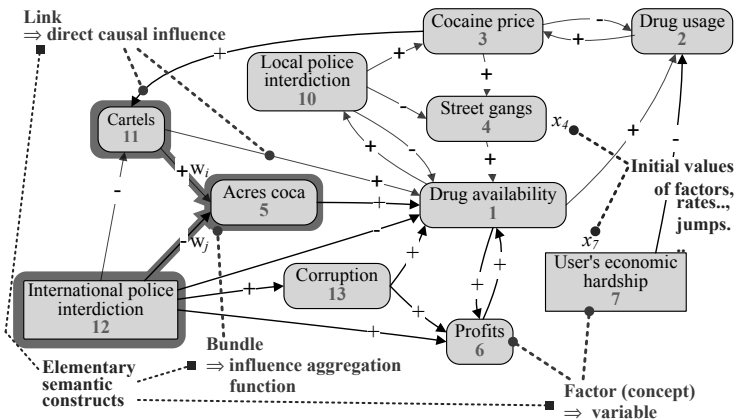

Fig. 1. Basic concepts of CMs and map-based models

If to omit weights shown for one bundle outlined by thick lines, the model re-visualizes the known CM of cocaine use developed by Taber [Taber, 1991]. Later it was renamed by McLucas as causal loop diagram (CLD) [McLucas, 2002], this differing only in adding explicit designation of cycles except for details of visualization. The example is chosen intentionally to emphasize the kinship of languages of signed CMs and CLDs.

Two-level formalization. Analysis of practice, some methodologies for composing dynamic models in the formalisms of functional CMs and system dynamics [Abramova, Kovriga, 2012] with a number of published examples has shown that two-level processes of modeling dynamics either in terms of signed CMs or CLDs are typical. Commonality is observed in such two-level processes with modeling either in terms of signed CMs or CLDs as an intermediate language for subsequent refinement of the intermediate model correspondingly in terms of some type of formal CMs or stock and flow diagrams as a target language (Fig. 2).

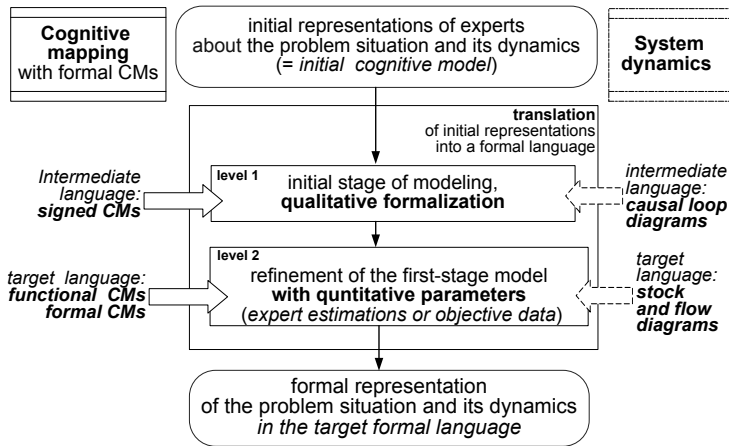

Fig. 2. Typical two-level processes of modeling dynamics of ill-structured situations

3. Basic ideas for verification of cognitive maps and system dynamics models

To date the spectrum of human-induced risks is found out by these authors, based on cognitive science and empirical research. The spectrum begins with the simplest risks due to vagueness of abstract variables up to non-trivial risks such as the false transitivity, i.e. violation of causal influences transitivity. The principal feature

of the latter is that in terms of formal mathematical semantics of the target language such kind of risk does not make sense.

To reduce the role of the risks to validity in modeling socio-economic systems and situations as and well other interdisciplinary objects, verification of models is proposed as the basic means [Abramova, Kovriga, 2011; 2012]. The main ideas and approaches to proposed verification of models are the following.

In view of inevitable making decisions by experts-verifiers, the **expert approach** to verification of CMs is assumed. Its main component is the **critical approach** to verification. The basic idea of this approach is **language-oriented**. Composing CMs is considered as the translation of human’s substantive knowledge about a problem situation into the mathematical language, and reading CMs as the backward translation (interpretation) with the inevitable distorting effect in both cases. In fact, there are two languages to represent knowledge about a problem situation with close, but not coincident semantics (Fig. 3). The proposed language-oriented approach brings the **idea of protection against the distorting effect** of formalization due to the difference between intuitive and mathematical language semantics (Fig. 3).

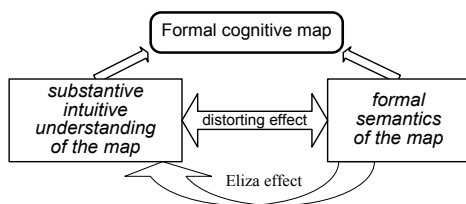

Fig. 3. Distorting effect between interpretations of a CM

That is why the general translation adequacy criterion was proposed and implemented as the family of partial criteria, reflecting the logic of composing CMs beginning with the elementary language constructs up to the map as a whole.

Family of partial criteria. Today the family includes a spectrum of criteria, aimed at the detection of various types of risks and direct errors [Abramova, Kovriga, 2011]. At first, it includes local criteria related to elementary constructs: a factor, a link, a bundle; to more complex constructs, which are fraught with typical cognitive risks; to a map as a whole. The family includes both intuitive, but nonetheless often violated criteria such as the criterion of (proportional) completeness of influences on the factor, and counterintuitive ones, such as absence of false transitivity of causal influences, in part, false transitivity cycles.

All the criteria found out up to date have confirmed their operability in detection of risks to end validity and direct errors in CMs and CLDs, including a number of applied models of socio-economic systems.

Two-step verification. As a matter of fact, the stage of qualitative modeling shown in Fig.1 in practice is highly risky (“fast-and-dirty” in terms of M. Shaf-ferniht [2010]). So it is proposed to build a two-level process of formalizing initial knowledge as the *correctness-preserving stepwise refinement* (in the style of programming ideas). This means that an intermediate signed map is considered not as the vague qualitative model, but as the model with exact semantics of the second level language which is defined to within values of the weights. To ensure this, verification of an intermediate language model should be conducted by the criteria of absence of risks and direct errors relating to the first level, but however with the accuracy relevant to the second level language.

4. Tool support of expert verification and construction of cognitive maps and causal loop diagrams with structural-algebraic approach

One approach to increase validity of CMs as well as CLDs consists in the tool support of their visual construction and expert verification in order to reduce cognitive load and activate cognitive resources of experts working with the specific models (in the spirit of cognitive graphics). In part, the approach to support humans’ reading (understanding) of models is proposed and intensively develops. It is aimed to improve understanding of a model by presenting it in such algebraic forms and corresponding visual forms that help the reader to see more significant fragments and properties of the model (such as “at a glance” coverage of maximal acyclic blocks with the partial order of basic factors or the high-risk configurations).

The main ideas of this approach are borrowed in the approach to understanding of programs proposed by E. Dijkstra [Dijkstra et al., 1972] and based on the philosophy of structured programming; this being further associated with the term “Dijkstra’s algebra”. Dijkstra has more or less obviously entered some principles aimed to simplification of understanding of a program, including visibility of its structure and its context-free reading, with the decisive role of the principle of conformity of structural and functional compositions (in short, the principle of structural-functional conformity).

In our approach two main types of the person’s work with the representation of a model in the more visible form are assumed: sequential construction of a model and “untangling”, when the original had been constructed earlier in some or other form (not necessarily visual). In the case of untangling two types of manipulations with models are supported:

1) visual restructuring while maintaining the structural equivalence of the original and resultant models and easily restorable visual simplifications (abstractions);

2) simplifying equivalent transformations of the original model with abstracting from intermediate factors and causal influences up to receiving the reduced model which represents only the “external behavior” of the original one.

The first type manipulations are shown in Fig. 4 for an example of the applied CM of a specific production department. The authors’ visualization (Fig. 4, a) was successively transformed by (i) localization of the bundles (as in the case of factor *productivity* in the intermediate representation of Fig. 4, b); (ii) further abstraction from the weights of influences (as in the case of the other dependent factors in Fig. 4, b); transition to more abstract variables in view of the clearly manifested symmetry (seen in Fig. 4, b). In the resultant visualization (Fig. 4, c) it is clearly seen that the direct positive effect, “resources →(+) performance”, by implication, could duplicate the indirect positive effect of the chain of “resources →(-) processing time →(-) performance” and can be excluded to avoid distorting effect in the quantitative analysis. (The **risk of duplicating influences** is easy to refine with the restoration of intermediate forms.) Moreover, the highly visible cycle “productivity →(+) market →(+) processing time →(-) productivity” with its external start by resources is suspicious to be the **false transitivity cycle** in modeling the behavior of management.

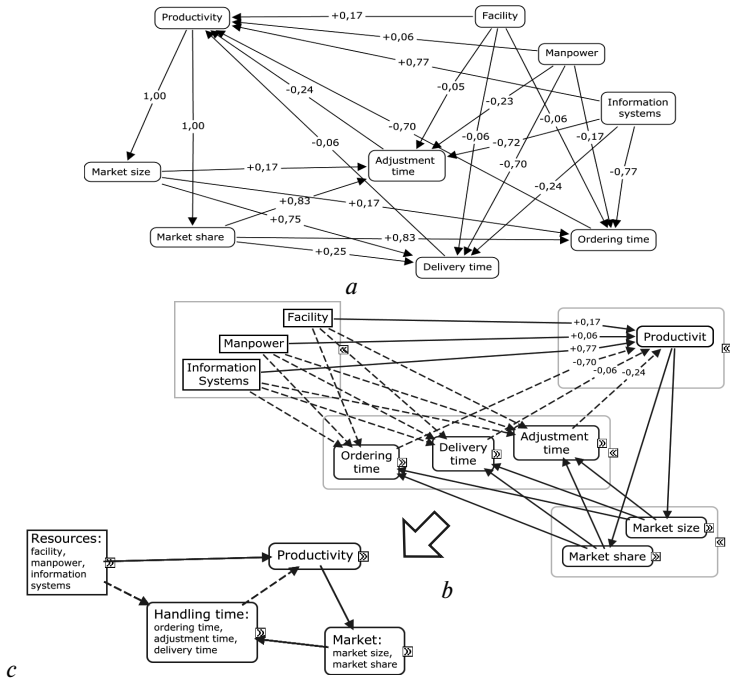

Fig. 4. Production department CM (Kwahk, Kim, 1999) and its restructuring

Application of simplifying local equivalent transformations is shown on a fragment of a CM, pre-abstracted from the influence weights and, for brevity, from the factor names. The first type transformation is the replacement of a block of two dependent bundles with a single direct influence between them by one generalized bundle (for example, structural block of bundles 7 with input 12 and 9 with input 7 in Fig. 5, is replaced by composed bundle $(7 \circ 9)$ in Fig. 5, b, where factor 7 turns to be intermediate). The second type transformation consists in splitting a bundle with multiple outputs into repeated bundles with one output (bundles 6 and 6' in Fig. 5, c). Application of only these two types of transformations to any acyclic map (or block) with a single output results in the reduced map of one dependent bundle (as in Fig. 5, d), structurally representing the external behavior of the original.

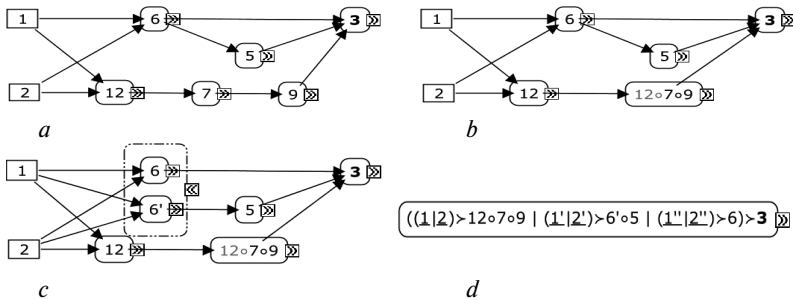

Fig. 5. Example of simplifying local equivalent transformations

The proposed approach to model reading (understanding) has been implemented (1) on the IHMC CmapTools free software toolkit added with the original visualization techniques for sequential construction of CMs and CLDs and untangling; (2) on software prototypes developed in the framework .NET using C# to support composing CMs.

Practical operability of the approach is demonstrated on the spectrum of applied and research CMs and CLD. Further development is aimed at finding more complex structures corresponding to the principle of structural-functional conformity.

5. An approach to analysis of expert estimation validity in cognitive mapping

In cognitive mapping the paradigm of experience-based experts' abilities is commonly accepted: it is assumed that the problem domain expert is able to give estimates of specific problem domain variable values which would be acceptably valid. However multi-aspect researches by these authors have shown that the paradigm has limited applicability in this field.

It is therefore proposed to reject application of this paradigm by default, to check the conditions of its applicability in the case of each particular model, and to analyze validity of individual estimates of the model parameters in accordance with the proposed approach.

The approach is oriented on highly abstract qualitative (soft) variables combined with the need to use of different types of prescribed universal scales for estimation values of variables in the map. In the prescribed scales the semantics of values on the scale is not associated or is weakly associated with the semantics of specific variables being estimated.

The conceptual interpretation of prescribed universal scales is considered as the process which is subjected to cognitive risks, especially those associated with semantic vagueness of concepts involved in the estimation (i.e. conceptual vagueness). Such kind of conceptual vagueness, alternative to the classical fuzziness in the spirit of [Zadeh, 1975], is typical for cognitive mapping of ill-structured situations with soft variables.

The main part of the approach is the model of conceptual interpretation of a prescribed universal scale for an estimated *semantically colored variable*. Dependence of validity of expert estimates on the quality of concepts used by experts in the course of estimation, in part, on conceptual vagueness follows from this model. The basic idea of conceptual interpretation of a prescribed universal scale U for an estimated variable C by a subject H is shown in Fig. 6.

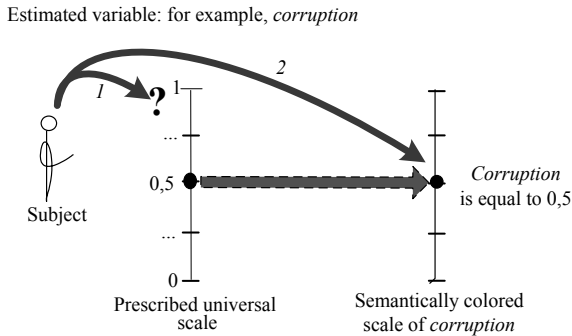

Fig. 6. Conceptual interpretation of a universal scale: the main idea

In according to the model, subject H estimates a value of the variable C not on the prescribed universal scale U (arrow 1 in Fig. 6) but on the semantically colored scale U_c^H (arrow 2 in Fig. 6) which is formed by interpreting U . (The scale U_c^H is presented as the set of concepts: the concept of estimated variable and concepts of scale values (marks, gradations).) And H should have corresponding interpreting concepts

of his (or her) problem domain on his scale U_C^H for both a concept of the variable C and for each of universal scale values. For example for the value of U is equal to 0,5 and the variable of *corruption* the subject H should has the corresponding interpreting concept of “*corruption is equal to 0,5*”. The degree of vagueness of interpreting concepts of the scale U_C^H influences on validity of estimation.

A number of risk-related properties of the semantically colored scales, essential for analysis of expert estimation validity, are exposed, with the **interpretedness** of the scale U by subject H for variable C as the basic property. To estimate this property, the scale with two poles: *weakly interpreted* — *strongly interpreted* is proposed. It takes into account the **formedness** of the subject’s interpreting concepts (in terms of [Prangishvili, Abramova, et al., 1999]).

Successful empirical testing of operability of the proposed approach was performed on a number of applied maps and map-based models for an explanation of anomalies found earlier and in several experiments.

The above model describes the main, relatively simple case of conceptual interpretation. The refinements of the model for more complex cases are expected (for example, for the weight of influences). However, application of proposed approach ideas for analysis of expert estimation validity and verification of estimates can be software supported already today.

6. Conclusions

This work focuses on the verification techniques aimed to reduce human-induced risks for validity of modeling socio-economic systems and other ill-structured situations with cognitive mapping and system dynamics formalisms.

The proposed approaches and techniques are based both on practice and results of the cognitive science. Most of the criteria of absence of specific risks and typical errors are found out and tested by these authors and their colleagues in the field of cognitive mapping; some of them correlate with those found out in system dynamics [Richardson, 1997; Burns, Musa, 2001].

Practical operability of all the proposed approaches was tested on a number of specific applied models of socio-economic and other multidisciplinary systems and situations from domestic and foreign publications as well as on applied works with the participation of the authors and some experiments.

The conceptual approach to the analysis of expert estimation validity is original. Its development and spread to adjacent areas is promising. Techniques of restructuring and untangling CMs and CLDs combine the well-known ideas and the original decisions; they are effectively used in practice and have promise for further development.

References

- Abramova N.A.* On the Problem of Risks Due to the Human Factor in Expert Methods and Information Technologies // Control Sciences. 2007. Vol. 2. P. 11–21.
- Abramova N.A., Kovriga S.V.* The Expert Approach to Verification at Cognitive Mapping of Ill-Structured Situations // Proc. of 18th IFAC World Congress, 2011. P. 1997–2002.
- Abramova N.A., Kovriga S.V.* Verification at Cognitive Mapping of Ill-Structured Situation Dynamics // Proc. the 30th International Conference of the System Dynamics Society, 2012.
- Dijkstra E.W. et al.* Structured Programming. L.: Academic Press, 1972.
- McLucas A.* Improving Causal Mapping Practice Using the System Dynamics ‘Front-End’ Tool // The 20th International System Dynamics Conference, 2002.
- Prangishvili I.V., Abramova N.A. et al.* Searching of Approaches to Problem Solving. M.: Synteg, 1999.
- Schaffernicht M.* Causal Loop Diagrams between Structure and Behaviour: A Critical Analysis of the Relationship between Polarity, Behaviour and Events. Systems Research and Behavioral Science Syst. Res. Published online in Wiley InterScience, 2010.
- Taber R.* Knowledge Processing with Fuzzy Cognitive Maps // Expert Systems with Applications. 1991. Vol. 2. P. 83–87.
- Zadeh L.A.* The Concept of a Linguistic Variable and Its Application to Approximate Reasoning — I–III // Information Sciences. Vol. 8. P. 199–251, 301–357; Vol. 9. P. 43–80.

А.Р. Бахтизин,
Е.Д. Сушко

Центральный
экономико-
математический
институт РАН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННЫХ МОДЕЛЕЙ И ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ДЛЯ ЗАДАЧ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Целью настоящей работы является создание компьютерной модели, наглядно имитирующей поведение муниципального образования (МО) на основе реконструкции его внутренней структуры, а также структуры и поведения действующих на его территории самостоятельных экономических акторов с учетом их разнообразия. Такая модель должна позволять руководству муниципалитета опробовать различные варианты управляющих воздействий, оценивать возможные последствия этих воздействий, а также сравнивать варианты стратегий для выбора наиболее приемлемой.

Для имитации поведения сложных социально-экономических систем, к которым относятся и МО, наиболее адекватным инструментом являются активно развивающиеся в последнее время агент-ориентированные модели (АОМ). Основная идея, лежащая в основе моделей этого класса, заключается в построении вычислительного инструмента, представляющего собой совокупность агентов с определенным набором свойств и позволяющего проводить симуляции реальных явлений. От объектно-ориентированных моделей АОМ отличаются «активностью» своих элементов, каждый из которых обладает не только заданным набором личностных характеристик («ресурсов»), но и целевой функцией («интересами»), на основе чего имитируется его реакция на изменения внешней среды, затрагивающие сферу его интересов («поведение»). Появление АОМ можно рассматривать как результат эволюции методологии моделирования: переход от мономоделей (одна модель — один алгоритм) к мультимоделям (одна модель — множество независимых алгоритмов). Таким образом, АОМ представляет собой искусственное общество, состоящее из взаимодействующих между собой самостоятельных агентов, что позволяет смоделировать систему, максимально приближенную к реальности [Макаров, 2006].

В создаваемой муниципальной АОМ присутствуют агенты двух типов, соответствующих основным видам экономических акторов, которые действуют на территории МО и образуют следующую иерархию: 1) агенты — физические лица (люди — жители региона) → 2) агенты — юридические лица (предприятия, организации) → 3) агент-МО в целом.

Каждый агент первого и второго типа обладает некоторыми «ресурсами» и «производственной функцией», которые позволяют ему заниматься деятельностью, полезной с точки зрения общества, выполнять какую-либо миссию и вносить определенный вклад в общее благополучие — благополучие агента верхнего уровня, агента-МО. Кроме того, агенты обладают «потребностями» — требованиями к условиям внешней среды, необходимыми для осуществления их деятельности, «системой ценностей» — критериями, по которым они оценивают собственное благополучие, а также способностью взаимодействовать с другими агентами, получать и анализировать информацию и производить определенные «действия» (самостоятельно менять свои характеристики) в пределах своих полномочий. Например, агенты-люди в модели могут менять место работы или поступать на учебу, а агенты-организации — численность своих агентов-работников и оплату их труда.

Имитация деятельности агентов основана на структуре их «личности», а также на процедурах, позволяющих учитывать изменения, происходящие в их внешней среде. Алгоритм, реализующий в модели поведение агентов, включает следующие процедуры:

- целеполагание;
- идентификация ситуации взаимодействия с внешней средой как требующей принятия каких-либо мер;
- принятие решения;
- выполнение действия и оценка достигнутого результата.

В модели МО в целом отличается от агентов нижестоящих уровней прежде всего тем, что, хотя и имеет систему ценностей, и также накапливает информацию для анализа своего социально-экономического состояния, тем не менее, не способно к совершению самостоятельных действий. Решение о необходимости принятия мер, как и выбор управляющих воздействий, представлено пользователю-экспериментатору, что и обуславливает следующие требования к интерфейсу модели: выбор управляемых параметров, характер и форма отображения результатов работы модели.

Основными параметрами модели, т.е. рычагами воздействия на ее работу со стороны экспериментатора, как и реальными рычагами воздействия администрации МО на его социально-экономическое состояние, служит бюджетная политика. Сюда относятся меры по управлению доходной и рас-

ходной частями бюджета МО, а также меры, направленные на участие в совместных с другими МО проектах с привлечением дополнительных средств.

Важным требованием к модели, создаваемой для использования в процессе территориального управления, является привязка ее к карте этой территории. Причем для АОМ, очевидно, необходима привязка к карте и самостоятельных активных экономических агентов с возможностью визуализации их динамики. Для решения такой задачи используются современные геоинформационные системы (ГИС-системы), позволяющие создавать базы данных, которые сочетают в себе графическое и атрибутивное представление разнородной информации. Кроме того, эти системы обеспечивают возможность пространственного анализа данных и представление его результатов в привычной для пользователей форме (в виде графиков, диаграмм, таблиц, карт и т.д.). Однако фактически при реализации АОМ на базе ГИС с большими объемами данных обеспечение удовлетворительной производительности модели вызывает большие трудности, поскольку ГИС изначально не предназначались для выполнения множества итераций с большим количеством одновременно выполняемых запросов со стороны агентов в рамках каждой из них (что отличает АОМ). Поэтому интеграция АОМ и ГИС в рамках одной модели представляет собой самостоятельную задачу, механизмы решения которой могут быть различны.

Современные ГИС-системы содержат инструменты для сложного анализа пространственных данных, создания и редактирования пространственных объектов, проведения оценки близости объектов, размещения символов и надписей на карте, анализа поверхности, задавания правил пространственного поведения объектов, осуществления операций экспорта и импорта данных.

Как правило, все эти возможности пользователи получают через графический интерфейс, но доступ к ним возможен и через интерфейс программирования API. Это важно, поскольку в последнем случае пространственный анализ может быть существенно дополнен другими методами анализа. Таким образом, производители ГИС-систем способствуют расширению областей их применения (в том числе и за счет агентного моделирования), тем самым увеличивая рыночный потенциал своих продуктов.

В качестве главных требований к моделям, разрабатываемых на базе ГИС, выделяют необходимость поддержки всех операций, реализуемых в модели на уровне ГИС, а также удовлетворительную производительность всей модели [Longley et al., 2005]. Разработчики АОМ также отмечают, что при использовании ГИС возникают проблемы, связанные с тем, что изначально ГИС не были предназначены для итерационного процесса; в связи с этим в рамках модели требуется повторный ввод данных на каждом шаге итераций [Crooks, Castle, 2012].

Выделяют два механизма интеграции АОМ и ГИС [Crooks, Castle, 2012]: первый предполагает, что АОМ и ГИС — два отдельных программных продукта, а второй — создание единой системы (рис. 1).

Первый способ также предполагает два типа связывания.

1) *слабая* (или неплотная) *связь*, используемая в случае выполнения асинхронных операций. Иными словами, на уровне ГИС готовятся входные для модели данные, которые затем поступают в АОМ для обработки и последующей передачи результатов в ГИС для графического отображения. Этот подход предусматривает, что ГИС и АОМ «понимают» форматы данных друг друга или необходимо написать соответствующий конвертер;

2) *сильная связь*, характеризующаяся одновременным выполнением программного кода АОМ и команд ГИС, например, через СОМ или .NET-интерфейсы. Один из вариантов данного подхода также предполагает, что процессы могут быть запущены на нескольких компьютерах, объединенных в сеть, т.е. в режиме распределенной обработки.

Для обоих случаев выделяют следующие особенности [Westervelt, 2002]:

- скорость разработки в первом случае выше и при этом профессионализм разработчика может быть ниже, чем во втором случае;
- производительность приложения, разработанного с помощью второго способа, значительно выше, чем при первом, но отладка приложения в случае сильного связывания АОМ и ГИС более усложненная.

Однако наш опыт разработки АОМ на базе ГИС показал, что большой разницы в отладке приложения ни в первом, ни во втором случае нет.

Второй способ — интегрирование АОМ и ГИС в единую систему, называемую ГИС-центричной или АОМ-центричной в зависимости от того, на базе какого из инструментов осуществлено интегрирование [Maguire, 2005]. При этом, как правило, в рамках общей системы используется программный язык базового инструмента. Интерес к АОМ-центричным системам объясняется тем, что при их использовании для разработки АОМ на базе ГИС не требуется особых программистских навыков. Доступ к функционалу ГИС достигается за счет использования специальных библиотек. Например, в пакете RepastJ для импорта и экспорта данных ГИС используется библиотека GeoTools, для обработки ГИС данных — библиотека Java Topology Suite (JTS), а для визуализации — библиотека OpenMap.

На практике первый вариант интеграции используется чаще [Crooks, Castle, 2012]. Со своей стороны с учетом личного опыта практического применения различных систем отметим, что совместное использование *ArcGIS* и *Microsoft Visual Studio* предоставляет разработчику гибкие и богатые возможности моделирования, хотя и более трудоемкие, чем у упомянутого выше па-

кета. По возможностям геообработки семейство продуктов ArcGIS является одним из лидеров ГИС. В свою очередь, *Visual Studio* позволяет создавать АОМ практически любого уровня сложности.

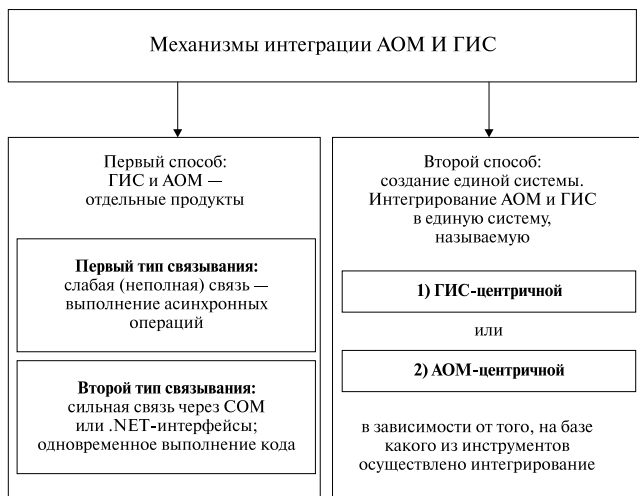

Рис. 1. Совместное использование АОМ и ГИС

В том случае, если при работе АОМ, построенной на базе ГИС, необходима анимация агентов, основное требование к их отображению заключается в том, что местоположение агентов, их размер и другие графические атрибуты должны обновляться быстро, без задержек и в соответствии с логикой работы модели.

Далее назовем способы графического отображения агентов в АОМ на базе ГИС, реализованных с помощью пакета ArcGIS. Таких способов три, все они основаны на использовании:

- GraphicTracker;
- динамической графики (или динамического отображения — *dynamic display*);
- временного функционального слоя (*Temporal Feature layer*).

С учетом нашего опыта мы можем сделать вывод, что разработка АОМ на базе ГИС с технической точки зрения не является сложным процессом, но определенные трудности создают аппаратные возможности компьютеров по вычислениям АОМ на базе ГИС, используемых в таком новом качестве.

Литература

Макаров В.Л. Искусственные общества // Искусственные общества. Т. 1. М.: ЦЭМИ РАН, 2006. № 1.

Crooks A.T., Castle C. The Integration of Agent-Based Modelling and Geographical Information for Geospatial Simulation // Heppenstall A.J., Crooks A.T., See L.M., Batty M. (eds). Agent-Based Models of Geographical Systems. Dordrecht: Springer, 2012. P. 219–252.

Longley P.A., Goodchild M.F., Maguire D.J., Rhind D.W. Geographical Information Systems and Science. 2nd ed. N.Y.: Wiley, 2005.

Maguire D.J. Towards a GIS Platform for Spatial Analysis and Modelling // Maguire D.J., Batty M., Goodchild M.F. (eds). GIS, Spatial Analysis and Modelling. Redlands: ESRI Press, 2005.

Westervelt J.D. Geographic Information Systems and Agent-Based Modelling // Gimblett H.R. (ed.). Integrating Geographic Information Systems and Agent-Based Modeling Techniques for Simulating Social and Ecological Processes. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 83–104.

С.А. Вартанов,
А.А. Васин

Московский
государственный
университет
им. М.В. Ломоносова

О СВОЙСТВАХ И УСТОЙЧИВОСТИ РАВНОВЕСИЙ В МОДЕЛИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Введение

В современном мире важнейшим элементом политического процесса в большинстве стран являются референдумы и выборы в органы власти. Оба этих способа волеизъявления граждан привлекательны с той точки зрения, что должны учитывать мнения всех, кто имеет право голоса. Тем не менее и выборы, и референдумы не всегда являются столь совершенными формами общественного принятия решений, так как конечный исход их зависит не только от изначальных предпочтений граждан, имеющих право голоса, но и от их явки. На нее влияют различные обстоятельства, связанные с издержками, которые несет избиратель в связи с участием в выборах. Кроме того, многие избиратели осознают, что значимость их голоса пренебрежимо мала, особенно если речь идет о голосовании в масштабах целой страны. Таким образом, неучастие в выборах тоже может представлять собой пример рационального поведения. Возникающая при этом низкая явка граждан может даже приводить к победе кандидатов-маргиналов. Более подробно различные парадоксы при голосовании описаны в работах [Nurmi, 1998; Алескеров, Ордешук, 1995].

Модель, исследуемая в настоящей работе, близка к моделям, рассмотренным в работе [Наан, Соогеман, 2003], посвященной исследованию электорального поведения граждан на выборах с двумя кандидатами. Основные результаты в ней были получены в предположении, что одного из кандидатов поддерживает всего один избиратель, в то время как второй имеет намного большее число сторонников.

В настоящей работе исследуется теоретико-игровая модель голосования двух групп избирателей численностями N_1 и N_2 соответственно, каждая из

которых поддерживает своего кандидата. Предполагается, что $N_2 \geq N_1$. Стратегия каждого избирателя — принимать или не принимать участия в голосовании, при этом в случае участия он несет фиксированные издержки c_i , $i=1, 2$, не зависящие от исхода голосования. В случае победы «своего» кандидата избиратель получает фиксированный выигрыш a_i , $i=1, 2$, превышающий его затраты на участие в голосовании. Если кандидат терпит поражение, его сторонники теряют столько же. Взаимодействие избирателей описано в виде игры в нормальной форме с $N_1 + N_2$ игроками.

Поведение избирателей предполагается рациональным: при выборе стратегии каждый из них исходит из максимизации своего индивидуального выигрыша. В рассматриваемой модели ситуация (распределение игроков по стратегиям), при которой никому из избирателей невыгодно индивидуально изменять свое решение об участии в голосовании при фиксированном поведении остальных участников, является равновесием Нэша.

Существование и количество равновесий Нэша

Утверждение 1. В исследуемой модели равновесие Нэша в чистых стратегиях существует тогда и только тогда, когда $N_1 = N_2$. В этом случае единственным равновесием является ситуация, при которой все избиратели принимают участие в голосовании.

Так как при неравной численности групп равновесия Нэша в чистых стратегиях не существует, изучим свойства смешанных равновесий. При этом предположим, что сторонники каждого из кандидатов ведут себя одинаково: любой избиратель из второй группы участвует в голосовании с вероятностью q , а избиратель из первой группы — с вероятностью p . Тогда смешанное равновесие определяется из системы

$$\begin{cases} \Phi_1(p, q) = \sum_{k=0}^{N_1-1} C_{N_1-1}^k p^k (1-p)^{N_1-k-1} \left(C_{N_2}^k q^k (1-q)^{N_2-k} + C_{N_2}^{k+1} q^{k+1} (1-q)^{N_2-k-1} \right) = w_1 \\ \Phi_2(p, q) = \sum_{k=0}^{N_1} C_{N_2-1}^k q^k (1-q)^{N_2-k-1} \left(C_{N_1}^k p^k (1-p)^{N_1-k} + C_{N_1}^{k+1} p^{k+1} (1-p)^{N_1-k-1} \right) = w_2 \end{cases} \quad (1)$$

Здесь w_i — относительные издержки сторонников каждого из кандидатов, $w_i = \frac{c_i}{a_i}$, $i=1, 2$. Заметим, что функции Φ_1 и Φ_2 , стоящие в левых частях системы (1), есть не что иное, как вероятности того, что голос произвольного сторонника первого или второго кандидата станет решающим для исхода голосования. В настоящей работе показано, что обе эти функции являются квазивогнутыми по каждому из аргументов при фиксированном значении второго. Обо-

$$\text{значим } q_{decr}^1 = \frac{\sqrt{2}}{\sqrt{N_2(N_2-1) + \sqrt{2}}}, \quad q_{incr}^1 = \frac{\sqrt{N_1(N_1-1)}}{\sqrt{N_1(N_1-1) + \sqrt{(N_2-N_1+1)(N_2-N_1+2)}}},$$

$$q_{decr}^2 = 0, \quad q_{incr}^2 = \frac{\sqrt{N_1(N_1-1)}}{\sqrt{N_1(N_1-1) + \sqrt{(N_2-N_1)(N_2-N_1+1)}}}.$$

Утверждение 2. При $q \in (0, q_{decr}^i)$ функция $\Phi_i(p, q)$, $i=1, 2$, монотонно убывает по p на отрезке $(0, 1)$, при $q \in [q_{incr}^i, 1]$ — монотонно возрастает, а при $q \in (q_{decr}^i, q_{incr}^i)$ имеет единственный максимум $p_m^i(q)$ во внутренней точке отрезка $[0, 1]$.

Аналогичное утверждение справедливо и для поведения функций $\Phi_i(p, q)$ при фиксированном значении p . Таким образом, у каждого из уравнений системы (1) есть не более двух решений относительно каждой переменной при фиксированном значении второй. Обозначим решения второго уравнения $\tilde{q}_H(p)$ (меньшее), $\tilde{q}_L(p)$ (большее), первого — $\tilde{p}_L(q)$ и $\tilde{p}_H(q)$. Графики $\tilde{p}_L(q)$ и $\tilde{p}_H(q)$ приведены на рис. 1, графики $\tilde{q}_H(p)$ и $\tilde{q}_L(p)$ имеют аналогичный вид.

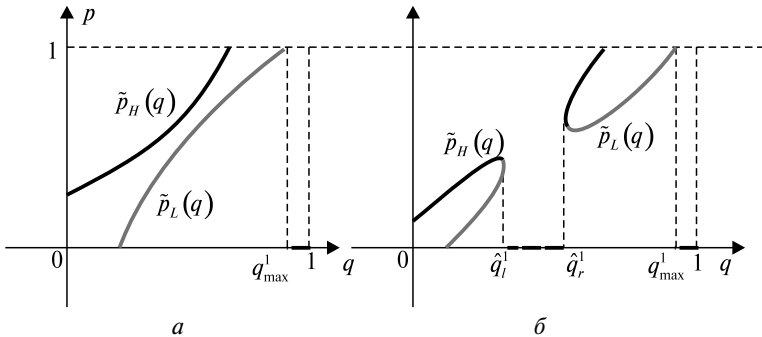

Рис. 1. Примерный вид графиков функций $\tilde{p}_H(q)$ и $\tilde{p}_L(q)$:
 $a - w < \hat{w}$; $b - w > \hat{w}$

Существует всего четыре типа возможных равновесий (HH , HL , LH , LL), зависящих от того, каким именно корням они соответствуют.

Теорема 1. При равных относительных издержках ($w_1 = w_2 = w$) существует не более двух смешанных симметричных равновесий со стратегиями участников первой и второй групп p^* и q^* соответственно.

Если $0 < w \leq \hat{w} = \max_{p \in [0,1]} \Phi_1(p, 1-p)$, существует ровно два равновесия (p_{HL}^*, q_{HL}^*) и (p_{LH}^*, q_{LH}^*) , где $p_{HL}^* = 1 - q_{HL}^*$, $p_{LH}^* = 1 - q_{LH}^*$ и $p_{HL}^* > p_{LH}^*$, имеющие тип HL и LH соответственно (рис. 2б). Если $\hat{w} < w \leq f_2(q_{incr}^2)$,

то существует ровно два равновесия (p_i^*, q_i^*) , $i \in \{HH, LL\}$, причем $p_0 \in (p_{HH}^*, p_{LL}^*)$ и $q_0 \in (q_{HH}^*, q_{LL}^*)$. Эти равновесия имеют типы *HH* и *LL* соответственно, и $\frac{\partial \Phi_2(p_i^*, q_i^*)}{\partial p} = \frac{\partial \Phi_1(p_i^*, q_i^*)}{\partial q} = 0$. Если $1 > w > f_2(q_{incr}^2)$, существует единственное решение (p_{HH}^*, q_{HH}^*) типа *HH*, для которого также $\frac{\partial \Phi_2(p_{HH}^*, q_{HH}^*)}{\partial p} = \frac{\partial \Phi_1(p_{HH}^*, q_{HH}^*)}{\partial q} = 0$ (рис. 2 а).

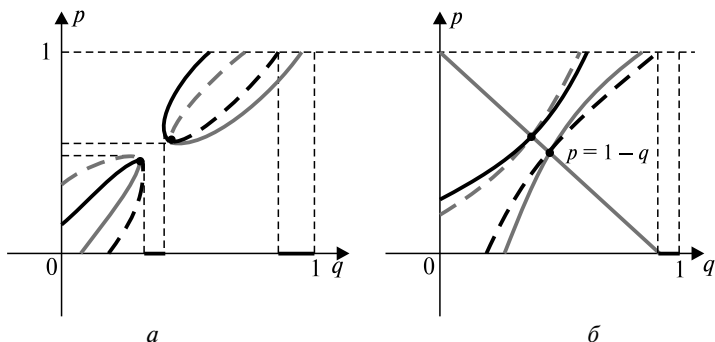

Рис. 2. Два фазовых портрета возможных равновесий: *a* — $w > \hat{w}$; *б* — $w < \hat{w}$. Штриховые линии соответствуют $\tilde{p}_L(q)$ (черные) и $\tilde{q}_L(p)$ (серые), сплошные — $\tilde{p}_H(q)$ (черные) и $\tilde{q}_H(p)$ (серые). Равновесия отмечены точками

Локальная устойчивость равновесий

Рассмотрим итеративный способ процесса поиска смешанных равновесий, аналогичный процедуре нащупывания по Курно. Поиск начинается в некоторой точке $(p^{(0)}, q^{(0)}) \in [0, 1] \times [0, 1]$. Каждая группа участников последовательно использует свой равновесный ответ на стратегию другой группы:

$$\begin{aligned} (p^{(0)}, q^{(0)}) &\rightarrow (p^{(1)}, q^{(0)}) = (\tilde{p}_k(q^{(0)}), q^{(0)}) \rightarrow (p^{(1)}, q^{(1)}) = (p^{(1)}, \tilde{q}_k(p^{(1)})) \dots \rightarrow \\ &\rightarrow (p^{(i+1)}, q^{(i)}) = (\tilde{p}_k(q^{(i)}), q^{(i)}) \rightarrow (p^{(i+1)}, q^{(i+1)}) = (p^{(i+1)}, \tilde{q}_k(p^{(i+1)})) \rightarrow \dots \end{aligned}$$

Индекс $k \in \{LL, LH, HL, HH\}$ описывает тип рассматриваемого равновесия. Обозначим отображение равновесных ответов как $r_k(p, q)$: $r_k(p, q) = (\tilde{p}_k(q), \tilde{q}_k(p))$.

Равновесие (p_k^*, q_k^*) типа $k \in \{LL, LH, HL, HH\}$ назовем локально устойчивым, если существует такая окрестность U точки (p_k^*, q_k^*) , что описанный выше процесс нащупывания сходится при любых $(p^{(0)}, q^{(0)}) \in U$. Аналогично, если для любой сколь угодно малой окрестности \bar{U} процесс нащупывания, начинающийся в точке $(p^{(0)}, q^{(0)}) \in \bar{U}$, не сходится или сходится не к (p_k^*, q_k^*) , то такое равновесие называется неустойчивым.

Используя свойства графиков $\tilde{q}_L(p)$, $\tilde{q}_H(p)$, $\tilde{p}_L(q)$ и $\tilde{p}_H(q)$, приведенные ранее, можно для любого начального значения $(p^{(0)}, q^{(0)})$ из окрестности равновесия построить траекторию процесса нащупывания. Таким образом, будет показана локальная устойчивость или неустойчивость соответствующего равновесия. Так, равновесия типов HH и LL локально устойчивы (рис. 3), а равновесия типов HL и LH — неустойчивы (рис. 4).

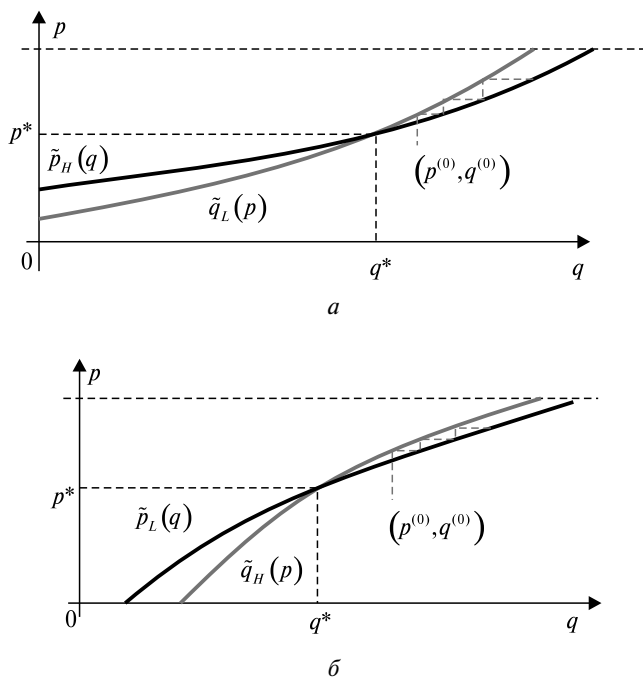

Рис. 3. Траектории процесса нащупывания в окрестности равновесия типов HL (а) и LH (б)

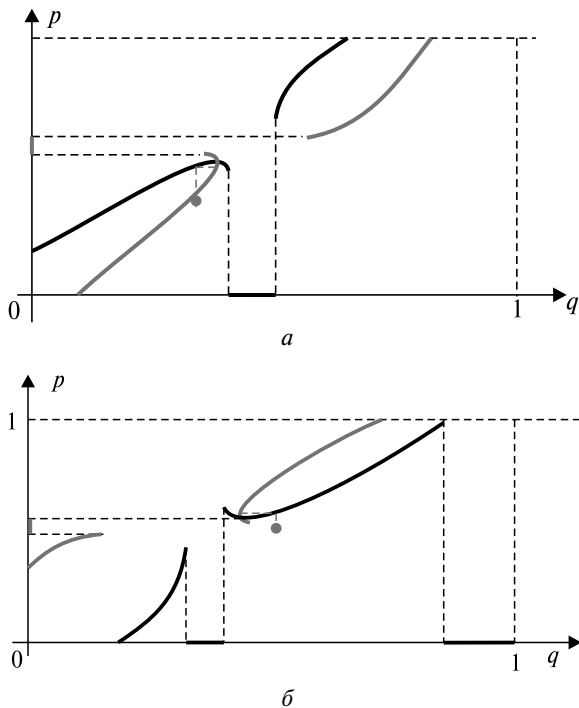

Рис. 4. Траектории процесса нащупывания в окрестности равновесия типов HH (а) и LL (б)

Выборные парадоксы

Парадоксом при голосовании назовем такую ситуацию, в которой побеждает кандидат с меньшим числом сторонников, победу кандидата большинства — естественным исходом голосования. Таким образом, вероятность парадокса при равновесном поведении избирателей: $P_{par} = P(n_1 > n_2)$, где, как и ранее, n_i , $i = 1, 2$ — случайные величины, показывающие число сторонников кандидата i , принявших участие в голосовании. Аналогично вероятность победы кандидата, представляющего большинство, будет: $P_{maj} = P(n_1 < n_2)$.

Исследуем, когда вероятность победы первого кандидата выше, чем вероятность победы второго. Это условие эквивалентно тому, что парадокс при голосовании более вероятен, чем его естественный исход. Рассмотрим функцию $\Delta P(p, q) = P(n_1 > n_2) - P(n_1 < n_2)$, показывающую разность веро-

ятностей победы первого и второго кандидатов, при условии, что они используют смешанные стратегии (p, q) . Обозначим w_p корень уравнения $\Delta P(p_1^*(w), q_1^*(w)) = 0$ на интервале $w \in (0, \hat{w})$. Заметим, что в этом случае пара $(p_1^*(w_p), q_1^*(w_p))$ соответствует LH -равновесию.

Утверждение 3. В равновесиях типов HL , HH и LL вероятность парадокса всегда выше вероятности естественного исхода голосования. В равновесиях типа LH при $w \in (0, w_p)$ естественный исход более вероятен, чем парадокс, а при $w \in (w_p, \hat{w})$ вероятность парадокса выше вероятности естественного исхода голосования.

Отдельный интерес представляет также то, насколько значимым для исхода голосования окажется голос каждого из избирателей. С точки зрения интуиции кажется, что с ростом численностей сторонников каждого из кандидатов важность отдельного голоса уменьшается. Однако в рамках данной модели это не так. Рассмотрим систему уравнений, являющуюся обобщением системы (1) на случай неодинакового поведения избирателей:

$$\begin{cases} P(\tilde{n}_1^l + 1 = n_2) + P(\tilde{n}_1^l = n_2) = w_1, l \in A_1 \\ P(\tilde{n}_2^k + 1 = n_1) + P(\tilde{n}_2^k = n_1) = w_2, k \in A_2 \end{cases}$$

Она описывает необходимое и достаточное условие смешанного равновесия. Во всех уравнениях в левой части стоит не что иное, как вероятность того, что голос сторонника $l(k)$ первого (соответственно второго) кандидата является решающим для исхода голосования. Таким образом, в равновесии значимость голоса отдельного избирателя связана только с его относительными издержками от участия в голосовании и не зависит от числа сторонников каждого из кандидатов.

Заключение

В работе исследована теоретико-игровая модель поведения двух групп избирателей. Голосование проходит в один этап, все избиратели внутри каждой группы предполагаются одинаковыми.

Показано, что равновесие Нэша в чистых стратегиях существует тогда и только тогда, когда обе группы имеют равную численность. Для случая групп различной численности исследовался вопрос существования и единственности равновесий Нэша в смешанных стратегиях. Для этого случая была построена система уравнений (1), описывающая необходимое и достаточное условие симметричного вполне смешанного равновесия Нэша. Равновесными для членов обеих групп являются такие и только такие стратегии, при

которых вероятность решающего голоса для любого участника голосования в точности равна значению его относительных издержек.

Было показано, что при равных относительных издержках всех избирателей данная система имеет не более двух решений. Точное количество равновесий и их свойства зависят от конкретного значения относительных издержек. Было построено пороговое значение относительных издержек \hat{w} . Это значение определяется из условия $\hat{w} = \max_{p \in [0,1]} \Phi_1(p, 1-p)$, где $\Phi_1(p, q)$ — вероятность того, что голос одного из членов первой группы будет решающим, если члены первой и второй групп принимают участие в голосовании с вероятностями p и q соответственно.

Если значение относительных издержек меньше порогового, то существует ровно два смешанных равновесия. При этом вероятности участия в голосовании для избирателей первой и второй групп в этих равновесиях дают в сумме единицу. Если же $w > \hat{w}$, то возможны два варианта. При $w \in (\hat{w}, w_2)$, где $w_2 = \max_{p \in [0,1]} \Phi_2(p, q_{incr}^2)$, а q_{incr}^2 определено в Утверждении 2, существует ровно два смешанных равновесия, а при $w > w_2$ — ровно одно. При этом вероятности участия в голосовании для избирателей первой и второй групп в таких равновесиях удовлетворяют условию: $\frac{\partial \Phi_2}{\partial p}(p, q) = \frac{\partial \Phi_1}{\partial q}(p, q) = 0$, где $\Phi_i(p, q)$, $i = 1, 2$, — вероятности решающего голоса для членов первой и второй групп соответственно.

Описанные типы равновесий были исследованы на предмет их локальной устойчивости. Так, локально устойчивыми являются все равновесия, возникающие в модели при $w > \hat{w}$, в то время как при $w < \hat{w}$ все равновесия локально неустойчивы. Однако при любых значениях w все смешанные симметричные равновесия являются структурно устойчивыми, т.е. ни одной из групп избирателей невыгодно отступать от согласованного поведения.

В работе исследованы вероятности победы каждого из кандидатов в случае равновесного поведения избирателей. Показано, что в большинстве равновесий более вероятной является победа кандидата, поддерживаемого меньшинством, однако существуют и равновесия, в которых победа кандидата большинства более вероятна.

Дальнейшее исследование модели может проходить по нескольким путям. Во-первых, полученные в работе результаты полностью описывают множество равновесий лишь для случая одинаковых относительных издержек. В реальности эти издержки у каждого избирателя могут иметь свое значение, отличное от значения издержек у остальных. Тем не менее множество всех участников голосования, как правило, можно разделить на подгруппы, в рамках каждой из которых относительные издержки будут мало отличаться. Для модели с множеством избирателей, состоящим из нескольких групп,

которые отличаются относительными издержками, можно построить аналог системы (1) и исследовать его свойства.

Литература

Алескеров Ф.Т., Ордещук П. Выборы. Голосование. Партии. М.: Академия, 1995.

Haan M., Cooreman P. How Majorities Can Lose the Election. Another Voting Paradox // *Social Choice and Welfare*. 2003. No. 20.

Heijnen P. On the Probability of Breakdown in Participation Games // *Social Choice and Welfare*. 2009. Vol. 32 (3). P. 493–511.

Nurmi H. Voting Paradoxes and Referenda // *Social Choice and Welfare*. 1998. Vol. 15 (3). P. 333–350.

А.Н. Визгунов,
А.А. Глотов

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»,
Нижний Новгород

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОНДОВОГО РЫНКА РОССИИ И СТРАН БРИК НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ ГРАФА РЫНКА

Введение

Современные информационные технологии позволяют инвесторам совершать сделки на фондовых рынках различных стран. Для принятия решений об инвестировании важно иметь модели, представляющие структурные характеристики фондового рынка в компактном и удобном для анализа виде.

Основной простой и общедоступной характеристикой, позволяющей в компактной форме получить информацию о текущем состоянии и динамике фондового рынка, является индекс и его изменение с течением времени. В фундаментальном и техническом анализе фондового рынка используется большое количество индикаторов, но ни один из них не является таким популярным и простым в использовании, как индекс.

Однако для анализа рынка с помощью индекса характерна малая информативность. В частности, изменение индекса рынка показывает тренд изменения доходностей обращающихся ценных бумаг, но не показывает, насколько большое количество ценных бумаг изменяется однонаправленно. Иными словами, индекс показывает среднее движение доходностей ценных бумаг, но не позволяет понять, каков разброс движений доходностей, насколько связным является рынок.

Использование теории графов для моделирования рынка ценных бумаг дает возможность получить характеристики, в компактном и простом виде показывающие, насколько акции рынка движутся однонаправленно. В настоящей работе в качестве основной модели используется предложенная в 2003 г. Богинским, Бутенко и Пардалосом [Boginski, Butenko, Pardalos, 2003] модель графа рынка. Данная модель предлагает рассматривать рынок как граф, каждая вершина которого соответствует ценной бумаге, а ребро графа проводится между вершинами в том случае, если корреляция между соответствующими ценными бумагами превышает некоторый порог.

Результаты анализа фондовых рынков различных стран с использованием модели графа рынка были опубликованы в ряде статей [Boginski, Butenko, Pardalos, 2003; 2005; 2006; Huang, Zhuang, Shuang, 2009; Jallo et al., 2012; Mantegna, Stanley, 2000]. По нашему мнению, использование модели графа рынка позволяет не только описать фондовый рынок отдельной страны, но и сравнить рынки различных стран между собой. В данной работе предложена методика сравнения фондовых рынков различных стран и приведены результаты применения методики к сравнению фондовых рынков стран БРИК. Выбор стран для сравнительного анализа обусловлен схожестью динамики важности рассматриваемых государств для современной экономики, что, в свою очередь, обуславливает гипотезу о схожести развития и связности фондовых рынков этих стран.

Для сравнительного анализа графов рынков используются такие характеристики, как гистограмма распределения коэффициентов корреляции, зависимость плотности ребер графа от выбранного порога, размер и состав максимальных клик. Каждая из рассматриваемых характеристик может быть интерпретирована с точки зрения экономики. Гистограмма распределения, математическое ожидание и стандартное отклонение коэффициентов корреляции позволяют оценить, насколько акции на рассматриваемом рынке зависят друг от друга. Максимальные клики в случае выбора большого порога показывают группы сильно коррелированных между собой акций максимального размера.

С нашей точки зрения, размер максимальной клики для построенных графов может служить компактной и информативной характеристикой связности рынка, в сочетании со значением индекса дающей хорошее представление о состоянии фондового рынка и позволяющей сравнивать фондовые рынки разных стран.

Математическая модель графа рынка

Представление данных о фондовом рынке в виде графа начинается с выбора вершин — акций — и меры близости доходностей акций. Анализ литературы показывает, что в качестве меры близости удобно выбирать коэффициент корреляции доходностей [Mantegna, Stanley, 2000; Salter-Townshend, 2012]. Все попарные коэффициенты образуют матрицу, которая служит основой построения сетевой модели рынка.

Коэффициенты корреляции рассчитываются в соответствии с [Mantegna, Stanley, 2000] по формуле

$$c_{ij} = \frac{E(R_i R_j) - E(R_i)E(R_j)}{\sqrt{\text{var}(R_i)\text{var}(R_j)}},$$

где

$R_i(t) = \ln\left(\frac{P_i(t)}{P_i(t-1)}\right)$ определяет доходность ценной бумаги i за однодневный период;

$E(R_i) = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n R_i(t)$ определяет среднюю доходность ценной бумаги i за n дней;

$\text{var}(R_i) = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n (R_i(t) - E(R_i))^2$ определяет дисперсию доходности ценной бумаги i за n дней.

Полученная матрица рассматривается как матрица смежности взвешенного графа. Так как по главной диагонали построенной матрицы всегда стоят единицы, то построенный граф содержит петли. Поскольку корреляция доходности акции с самой собой не несет содержательной информации в нашей модели, мы исключаем петли из рассмотрения.

Для перехода к графу рынка необходимо выбрать порог и оставить в графе только те ребра, коэффициенты корреляции которых больше выбранного порога. В качестве основного анализируемого шаблона в графе рынка используется максимальная клика — полный подграф. Также при рассмотрении изменения состава максимальной клики на протяжении ряда периодов рассматривается объединение всех максимальных клик.

Модельные данные

В качестве модельных данных были использованы данные по акциям 200 крупнейших по капитализации компаний Бразилии, Индии и Китая, а также по 270 компаниям России. Данные получены с помощью информационного сервиса по развивающимся рынкам — EMIS (<http://www.securities.com/products/emis.html>). После анализа загруженных данных была проведена процедура очистки данных, в результате чего из рассмотрения были исключены несколько ценных бумаг.

Данные рассматриваются за период с 2007 по 2011 г. Для анализа изменения характеристик рассматриваемых рынков с течением времени данный интервал был разбит на 15 пересекающихся интервалов. Даты начала и окончания каждого интервала приведены в табл. 1.

За основу были взяты периоды по 500 торговых дней в России. Для получения сопоставимых результатов календарные даты начала и окончания периода остались одинаковыми для всех рассматриваемых стран. Поскольку

календарь торговых дней не совпадает в различных странах, в рассматриваемых временных интервалах количество дней равняется 500 только для России, для остальных стран число дней незначительно отличается от 500.

Таблица 1. Периоды наблюдений и количество торговых дней

№ интервала	Начало периода	Окончание периода	Бразилия	Россия	Индия	Китай
1	09.01.2007	16.01.2009	500	500	501	492
2	22.03.2007	31.03.2009	501	500	500	492
3	04.06.2007	11.06.2009	499	500	498	493
4	14.08.2007	21.08.2009	500	500	497	493
5	23.10.2007	30.10.2009	500	500	495	492
6	11.01.2008	19.01.2010	500	500	491	492
7	25.03.2008	01.04.2010	501	500	491	492
8	06.06.2008	15.06.2010	493	500	493	491
9	18.08.2008	24.08.2010	492	500	493	490
10	29.10.2008	02.11.2010	486	500	493	487
11	19.01.2009	21.01.2011	487	500	497	489
12	01.04.2009	05.04.2011	483	500	499	487
13	15.06.2009	17.06.2011	485	500	502	489
14	24.08.2009	26.08.2011	485	500	501	489
15	02.11.2009	07.11.2011	485	500	501	490

Анализ гистограмм распределения коэффициентов корреляции

При расчете корреляций большое значение имеет количество наблюдений, по которым производится расчет. Одной из общих характеристик фондовых рынков стран БРИК является отсутствие ежедневных сделок по ряду даже самых ликвидных акций. Это вынуждает либо считать корреляции по разному количеству наблюдений, либо применять некоторые правила сглаживания данных для формирования цены в тот день, когда реальных торгов по ценной бумаге не было.

Мы используем второй путь, но рассматриваем только те ценные бумаги, торги по которым проводились достаточно интенсивно. Зависимость

количества рассматриваемых акций от выбора количества дней, за которые по ним были проведены реальные торги, показана в табл. 2. В качестве претендентов на порог отбора мы рассматривали 200, 300 и 400 дней торгов в указанных интервалах.

Таблица 2. Зависимость количества рассматриваемых акций от количества дней торгов

№ интервала	Бразилия			Россия			Индия			Китай		
	Количество дней											
	200	300	400	200	300	400	200	300	400	200	300	400
1	135	116	84	171	143	114	182	178	173	149	128	52
2	140	122	97	178	154	122	184	180	176	153	132	55
3	144	125	104	184	154	120	184	182	178	155	140	62
4	143	130	114	194	160	125	184	184	180	160	150	68
5	143	131	117	209	164	129	184	184	181	161	152	90
6	143	133	120	217	171	135	184	184	184	161	156	123
7	145	134	125	224	184	143	185	184	184	161	159	138
8	145	134	124	227	192	151	185	184	184	161	159	143
9	148	135	125	225	198	165	189	185	184	165	160	153
10	150	136	124	231	202	174	191	185	184	169	160	155
11	152	140	124	233	208	181	192	189	185	177	165	156
12	156	144	124	239	216	188	193	191	186	180	166	157
13	158	147	128	242	221	190	193	192	189	182	174	159
14	161	153	130	240	228	185	195	193	191	186	179	163
15	164	154	133	238	231	183	195	193	192	187	180	171

Анализ табл. 2 показывает, что каждый рынок увеличивается на протяжении рассматриваемого периода — количество акций растет для каждого рынка независимо от выбора порога дней с торгами.

Изучение всех порогов для всех стран приводит к нагромождению результатов, что вынуждает выбрать один порог количества торговых дней с реальными сделками. Если увеличивать порог количества дней, необходимых для включения акции в рассмотрение, то получим данные лучшего качества, так как нам почти не придется их сглаживать. К сожалению, при увеличении порога нами также выводятся из анализа часть акций. Проведя серию экспериментов, мы выбрали порог, равный 300 дням, как значение, для которого достигается разумный компромисс между желанием уменьшить необходимость в искусственном формировании цен и в то же время включить в рассмотрение как можно больше акций рынка.

На рис. 1–4 приведены гистограммы распределения коэффициентов корреляции для каждого из рассматриваемых периодов для Бразилии, России, Индии и Китая.

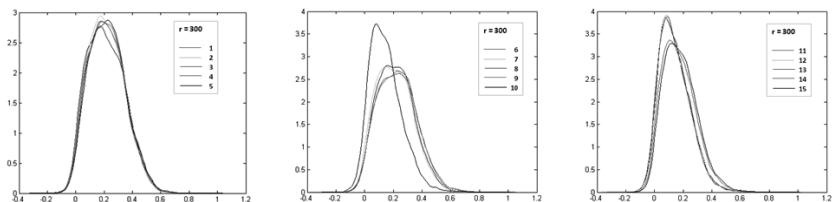

Рис. 1. Гистограмма распределения коэффициентов корреляции для Бразилии

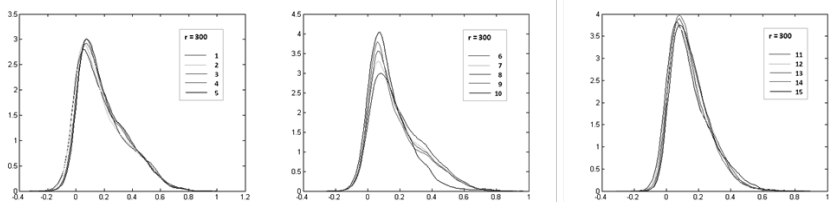

Рис. 2. Гистограмма распределения коэффициентов корреляции для России

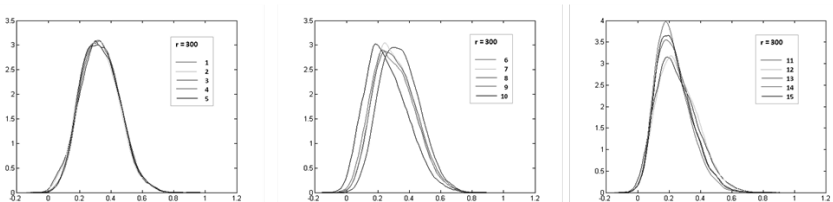

Рис. 3. Гистограмма распределения коэффициентов корреляции для Индии

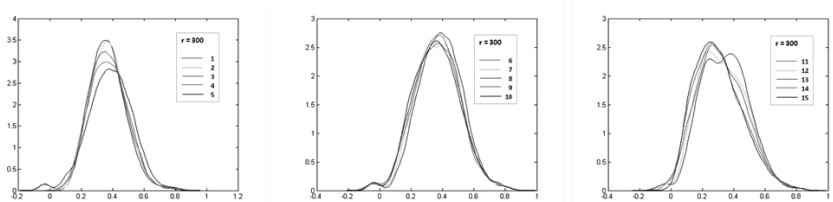

Рис. 4. Гистограмма распределения коэффициентов корреляции для Китая

Анализ приведенных гистограмм позволяет говорить о похожей форме гистограмм для Бразилии и Индии, среднеквадратичное отклонение для этих стран совпадает и равняется 0,12, хотя среднее значение существенно отличается и составляет для Бразилии 0,19 и для Индии 0,29. Для рынка России характерно значительное количество относительно больших корреляций, а для рынка Китая — наличие концентрации отрицательных корреляций. Если рассматривать рынки с точки зрения среднего значения корреляции, то рынки России и Бразилии близки (значения равны 0,17 и 0,19 соответственно), рынки Индии и Китая более связанные (значения равны 0,29 и 0,35 соответственно). Среднеквадратичные отклонения составляют для Бразилии и Индии 0,12, для России — 0,15, для Китая — 0,14.

Сравнение фондовых рынков с использованием модели графа рынка

Важным шагом построения графа рынка является выбор порога. Для России интересными для анализа значениями порога являются пороги от 0,5 до 0,7. В случае увеличения значения порога граф рынка перестает быть связным, в случае уменьшения значения порога граф становится очень плотным и анализ размера и состава клик перестает быть содержательным.

Для корректности проводимого сравнения графов рынков стран БРИК необходимо выбирать пороги, соответствующие порогам рассмотрения графа фондового рынка России. В качестве критерия соответствия порогов нами было выбрано равенство плотности ребер получающихся графов. Таким образом, для Бразилии мы рассматриваем пороги 0,44; 0,51; 0,59, для Индии — 0,53; 0,61; 0,67, для Китая — 0,61; 0,7; 0,79.

Для предложенных значений порога для каждого рассматриваемого интервала нами были построены графы рынка и подсчитаны размеры максимальной клики с помощью алгоритма Каррагана и Пардалоса [Carragan, Pardalos, 1990]. Результаты расчетов приведены в табл. 3.

Максимальная клика при достаточно высоком выбранном пороге показывает наибольшую по размеру группу акций, тесно связанных между собой. Данные табл. 3 показывают, что изменение размера максимальной клики для рынков разных стран происходит согласованно. Размер клики плавно увеличивается или остается стабильным примерно до 9-го периода. С 10-го по 15-й период размер клики уменьшается. Учет времени периодов позволяет сделать предположение о связи этого явления с глобальным экономическим кризисом 2008 г. В годы развития кризиса размер максимальной клики растет или остается постоянным и начинает уменьшаться в периоды его угасания.

Таблица 3. Динамика размера максимальной клики

№ интервала	Бразилия			Россия			Индия			Китай		
	0,44	0,51	0,59	0,5	0,6	0,7	0,53	0,61	0,67	0,61	0,7	0,79
1	14	7	3	20	13	7	16	8	4	10	6	3
2	13	6	4	21	12	7	17	9	4	12	7	3
3	12	9	5	20	12	8	18	10	4	13	9	4
4	12	8	5	21	13	8	19	11	5	14	11	3
5	15	9	6	20	12	8	19	11	5	14	11	5
6	14	10	5	21	13	8	21	12	5	19	12	7
7	12	9	4	21	12	7	18	11	6	17	11	6
8	16	12	8	23	12	7	20	12	6	17	11	5
9	16	12	9	24	12	7	20	10	5	17	11	5
10	11	9	7	14	9	4	15	8	5	15	11	4
11	10	7	5	12	7	3	13	6	3	13	9	5
12	10	7	4	10	6	4	12	5	3	12	7	6
13	11	7	5	10	6	3	8	4	3	13	7	6
14	12	7	6	9	6	3	6	4	3	14	7	5
15	13	8	5	14	6	3	8	4	3	13	7	4

Важной особенностью расчетов, результаты которых были приведены выше, является то, что на протяжении нескольких периодов состав анализируемых акций не одинаков. В каждом периоде для рассмотрения отбираются акции, имеющие достаточное количество дней торгов в конкретном периоде. К сожалению, подобный способ отбора не позволяет оценивать количество вхождений акций в клику на протяжении ряда периодов. Поэтому при дальнейшем анализе построенного графа рынка нами отобраны те акции, которые входят во все периоды рассмотрения. Для Бразилии это 107 ценных бумаг, для России — 119, для Индии — 178, для Китая — 125.

Расчет максимальных клик только для акций, которые торговались во всех рассмотренных периодах, дает другие результаты, но, несмотря на небольшие изменения абсолютных значений, тенденция по росту или сохранению размера клики в первые девять периодов сохраняется.

В табл. 4 приведены данные по тем акциям, которые входили в одну из максимальных клик в восьми и более периодах рассмотрения, а также относительный объем продаж по ценной бумаге.

Таблица 4. Акции, входящие в максимальную клику в восьми и более периодах

Страна	Эмитент ценной бумаги	Количество периодов	Относительный объем, %
Бразилия	<i>Gerdau</i>	15	3,12
Бразилия	<i>Metalurgica Gerdau</i>	15	0,81
Бразилия	<i>Banco Bradesco</i>	13	4,15
Бразилия	<i>Banco do Brasil</i>	13	2,79
Бразилия	<i>Cyrela Brazil Realty Emprs e Parts</i>	12	1,51
Бразилия	<i>Vale S.A.</i>	11	16,88
Бразилия	<i>Klabin</i>	9	0,29
Бразилия	<i>B2w — Companhia Global do Varejo</i>	9	0,69
Бразилия	<i>Itausa — Investimentos Itau S.A.</i>	8	2,13
Россия	Газпром ОАО (<i>Gazprom OAO</i>)	13	28,00
Россия	НК Роснефть ОАО (<i>Rosneft Oil Company OAO</i>)	13	5,44
Россия	Сбербанк России ОАО (<i>Sberbank of Russia OAO</i>)	13	26,77
Россия	НК Лукойл (<i>Lukoil Oil Company</i>)	13	9,74
Россия	Татнефть имени В.Д. Шашина ОАО (<i>Tatneft imeni V D Shashina JSC</i>)	12	0,72
Россия	МТС ОАО (<i>MTS JSC</i>)	11	0,58
Россия	Сбербанк России ОАО (<i>Sberbank of Russia OAO</i>)	10	3,30
Россия	Газпром нефть ОАО (<i>Gazprom нефть OAO</i>)	10	0,36
Россия	Сургутнефтегаз ОАО (<i>Surgutneftegaz OAO</i>)	9	0,93
Россия	Татнефть имени В.Д. Шашина ОАО (<i>Tatneft imeni V D Shashina JSC</i>)	9	0,04
Россия	НЛМК ОАО (<i>NLMK JSC</i>)	9	0,24
Россия	Северсталь (<i>SeverStal</i>)	9	1,08
Индия	<i>DLF Ltd.</i>	13	1,56
Индия	<i>Jaiprakash Associates Ltd.</i>	12	0,96
Индия	<i>State Bank of India</i>	11	2,52
Индия	<i>Kotak Mahindra Bank Ltd.</i>	11	0,38
Индия	<i>IDBI Bank Ltd.</i>	11	0,44
Индия	<i>Reliance Capital Ltd.</i>	11	2,46

Страна	Эмитент ценной бумаги	Количество периодов	Относительный объем, %
Индия	<i>ICICI Bank Ltd.</i>	10	1,86
Индия	<i>Larsen & Toubro Ltd.</i>	10	1,53
Индия	<i>Reliance Infrastructure Ltd.</i>	9	10,92
Индия	<i>Axis Bank Ltd.</i>	8	0,77
Индия	<i>IDFC Ltd.</i>	8	0,60
Индия	<i>YES Bank Ltd.</i>	8	0,23
Китай	<i>BANK OF COMMUNICATIONS CO., LTD.</i>	15	1,07
Китай	<i>CHINA CITIC BANK CORPORATION LIMITED</i>	15	0,55
Китай	<i>CHINA MERCHANTS BANK CO., LTD.</i>	14	3,15
Китай	<i>HUA XIA BANK CO., LTD.</i>	14	1,14
Китай	<i>BANK OF BEIJING CO., LTD.</i>	14	0,81
Китай	<i>BANK OF NINGBO CO., LTD.</i>	13	0,47
Китай	<i>CHINA CONSTRUCTION BANK CORPORATION</i>	12	1,15
Китай	<i>INDUSTRIAL BANK CO., LTD.</i>	12	1,82
Китай	<i>BANK OF CHINA LIMITED</i>	10	0,96
Китай	<i>INDUSTRIAL AND COMMERCIAL BANK OF CHINA LIMITED</i>	9	2,04
Китай	<i>BANK OF NANJING CO., LTD.</i>	8	0,51

Каждый из рассмотренных рынков имеет набор акций, которые входят в максимальную клику в течение более чем восьми периодов. Для вычисления того, какие акции входят в максимальную клику, мы использовали алгоритм Брона — Кербоша [Bron, Kerbosh, 1973] для нахождения всех клик.

Объемы продаж акций, входящих в максимальную клику в большом количестве периодов, разнятся. Для Бразилии это 32%, для России — 77, для Индии — 24, для Китая — 14%. Только для Китая, для которого были рассмотрены 125 акций, объем продаж акций, входящих в максимальную клику в большом числе периодов, является сопоставимым со средним значением объема. Для Индии и Бразилии объем продаж по акциям, входящим в максимальную клику, выше, чем в среднем по рынку. На рынке России акции максимальной клики доминируют, их состав близок к 80%. Во многом это обусловлено тем, что в модельных данных Сбербанк России и Газпром входят

в клику и в совокупности составляют более половины продаж. Относительно России можно сказать, что акции, часто входящие в максимальную клику, формируют ядро рынка, и поведение именно этих акций определяет поведение всего рынка. Это утверждение менее очевидно для Бразилии и Индии и не относится к Китаю — фондовый рынок Китая не похож на рынки остальных рассмотренных стран по данной характеристике.

Заключение

Использование модели графа рынка позволяет сравнивать фондовые рынки различных стран между собой по степени связности. В настоящей статье предложена методика использования модели графа рынка для сравнения фондовых рынков разных стран и проведено сравнение фондовых рынков стран БРИК. В совокупности со значениями изменения индекса характеристики связности, в качестве которой можно использовать размер максимальной клики, может дать инвесторам краткую и емкую информацию о происходящих на рынке процессах.

Литература

Визунов А.Н., Гольденгорин Б.И., Замаев В.А., Калягин В.А., Колданов А.П., Колданов П.А., Пардалос П.М. Применение рыночных графов к анализу фондового рынка // Журнал новой экономической ассоциации. 2012. № 3. С. 66–81.

Boginski V., Butenko S., Pardalos P.M. On Structural Properties of the Market graph // Nagurney A. (ed.). Innovations in Financial and Economic Networks. Edward Elgar Publishing, 2003. P. 29–45.

Boginski V., Butenko S., Pardalos P.M. Statistical Analysis of Financial Networks // Computational Statistics and Data Analysis. 2005. Vol. 48. P. 431–443.

Boginski V., Butenko S., Pardalos P. M. Mining Market Data: A Network Approach // Computers & Operations Research. 2006. P. 3171–3184.

Bron C., Kerbosh J. Algorithm 457 — Finding All Cliques of an Undirected Graph // Comm. of ACM. 1973. No. 16. P. 575–577.

Carragan R., Pardalos P.M. An Exact Algorithm for the Maximum Clique Problem // Operations Research Letters. 1990. Vol. 9. P. 375–382.

Huang W.-Q., Zhuang X.-T., Shuang Y. A Network Analysis of the Chinese Stock Market // Physica A. 2009. Vol. 388. P. 2956–2964.

Jallo D., Budai D., Boginski V., Goldengorin B., Pardalos P.M. Network-Based Representation of Stock Market Dynamics: An Application to American and Swedish Stock Markets // Goldengorin B., Kalyagin V., Pardalos P. (eds). Models, Algorithms,

and Technologies for Network Analysis. Ser.: Springer Proceedings in Mathematics & Statistics. 2012. Vol. 32. P. 91–98.

Mantegna R.N., Stanley H.E. An Introduction to Econophysics: Correlations and Complexity in Finance. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Salter-Townshend M., White A., Gollini I., Murphy T. Review of Statistical Network Analysis: Models, Algorithms, and Software // Statistical Analysis and Data Mining. 2012. Vol. 5. Iss. 4. P. 243–264.

А.А. Кочетуrow,
М.В. Бацын,
П.М. Пардалос,
Б.И. Гольденгорин

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ СРЕДСТВАМИ МОДЕЛИ О Р-МЕДИАНАХ

Введение

Цель настоящей работы — нахождение устойчивых характеристик и закономерностей в структуре финансовых рынков. Для рассмотрения мы выбрали три рынка: рынок финансовых инструментов США как самый крупный на планете; рынок России в качестве представителя развивающихся экономик и рынок Швеции в качестве представителя стабильных экономик с большим показателем ВВП на душу населения.

В работе Мантегна [Mantegna, 1999] предложено использовать сетевую структуру минимального остовного дерева для анализа индекса Доу–Джонса. За основу берутся цены закрытия акций, входящих в индекс в 1999 г. Далее ведется поиск корреляций между доходностями акций, и на их основе рассчитываются расстояния между акциями. Если представить акции как вершины, между которыми есть ребра с весами, равными расстояниям, то получается полный взвешенный граф. На этой структуре далее находится МОЛ, используемое для конечного анализа. Эта работа послужила основой для многих других исследователей, применяющих похожие или отличные структуры для анализа финансовых рынков [Kullmann et al., 2000; Onella et al., 2002; 2003a; 2003b; Cukur, 2007; Kenett, 2010a; 2010b; Boginski et al., 2005; 2006].

Последнее время большое внимание уделяется анализу рынков конкретных стран и (или) выявлению закономерностей на этих рынках в периоды кризиса, роста или спада экономики [Jung et al., 2006; Huang et al., 2009; Tabak et al., 2010].

В данной работе проводятся исследования по сложившейся схеме, когда сначала необходимо найти меру близости между всеми объектами, которой может быть матрица корреляций или расстояний между акциями. Далее на ос-

нове этой меры строится (иногда с использованием некоторого порога) граф связей между акциями, и на нем уже ведется поиск определенной структуры (минимальное остовное дерево, клики и проч.). Потом проводится анализ полученных структур и сравнение с другими подходами. Делаются выводы.

Данные

Для анализа используются цены закрытия в каждый торговый день по всем акциям, торгующимся на определенном рынке. Мы рассматривали 1000 торговых дней, что включает более четырех календарных лет: с 3 сентября 2007 г. по 15 сентября 2011 г. Так как многие акции часто не торгуются, необходимо восполнять пропуски в данных, чтобы в дальнейшем посчитать корреляции. Если в конкретный торговый день данных по цене закрытия нет, используется цена закрытия предыдущего дня. Если пропусков больше 20%, то такая акция из рассмотрения удаляется. Вследствие такой фильтрации на российском рынке осталась всего 151 акция, на рынке Швеции — 266 акций, на рынке США — 3378 финансовых инструментов, среди которых большой процент рыночных фондов, часто отражающих базовые финансовые индексы (DJIA, S&P500, S&P100 и проч.) и являющихся взвешенной суммой их составляющих акций.

Другая необходимая информация — принадлежность акции к конкретной компании и то, в какой отрасли и в каком секторе эта компания работает. Как и многие другие авторы, мы полагаем, что вся необходимая информация о поведении акций содержится в данных, описанных выше.

Нахождение матрицы корреляций

Мы предполагаем, что из восстановленных временных рядов можно найти парные корреляции между доходностями акций, а найденная матрица корреляций наиболее полно описывает рынок и взаимодействие между акциями.

По формуле

$$\rho_{ij} = \frac{E\{(R_i - E\{R_i\})(R_j - E\{R_j\})\}}{\sqrt{\text{var}(R_i)\text{var}(R_j)}}. \quad (1)$$

мы находим все парные коэффициенты корреляции между доходностями акций i и j , где R_i — временной ряд, который описывает доходность акции i и который можно получить из цен закрытия той же акции по формуле

$$R_i(t) = \ln \frac{P_i(t)}{P_i(t-1)}, \text{ где } P_i(t) \text{ — цена закрытия акции } i \text{ в день } t.$$

Теперь найденную матрицу корреляций мы будем использовать в качестве меры близости акций.

Задача о p -медиане

Следующим шагом анализа является выбор структуры, которая будет вычисляться на полученной матрице корреляций. Идея для выбора структуры такова: необходимо разбить весь рынок на определенное количество компонент, или кластеров, внутри которых акции сильнейшим образом коррелируют с центральной акцией, или медианой. При фиксированном количестве медиан или кластеров получается формулировка задачи о p -медиане (*p-Median Problem*, PMP).

Дадим математическую формулировку данной задачи в терминах финансовых рынков. Пусть X — множество из n акций, торгующихся на рынке, а $\rho = [\rho_{ij}]_{n \times n}$ — матрица коэффициентов корреляций между акциями. Под $d(i, S)$ будем понимать расстояние от акции i до множества акций $S \subseteq X$, равное максимальной корреляции между акцией i и акциями из S , т.е. $d(i, S) = \max_{j \in S} (\rho_{ij})$. Теперь потребуем найти множество S из p акций такое, что оно максимизирует суммарное расстояние от всех акций до этого множества. Иными словами, решим задачу

$$\max_{S \subseteq X, |S|=p} \left(\sum_{i=1}^n d(i, S) \right) = \max_{S \subseteq X, |S|=p} \left(\sum_{i=1}^n \max_{j \in S} (\rho_{ij}) \right). \quad (2)$$

Данная задача — частный случай задачи о p -медиане. Классические методы ее решения работают с требованием минимальности объектной функции и неотрицательности матрицы издержек (в терминологии финансовых рынков — матрицы корреляций). Детальный обзор методов решения и областей применения задачи можно найти в работах [Reese, 2006; Mladenovic et al., 2007]. Выполнение указанных требований можно легко добиться, если из матрицы корреляций получить вспомогательную матрицу $C = E - \rho$, где E — единичная матрица размерности n . Задача (2) сводится к следующей задаче минимизации:

$$\min_{S \subseteq X, |S|=p} \left(\sum_{i=1}^n \min_{j \in S} (c_{ij}) \right). \quad (3)$$

Задача о p -медиане принадлежит к классу полиномиально-неразрешимых задач. Это означает, что при современных вычислительных мощностях невозможно точно решить данную задачу для рынка США, где приходится использовать эвристические методы, в силу специфики данных позволяющие найти очень точные решения.

Действительно, допустим, известно $f(k)$. Данному значению соответствует разбиение рынка на k кластеров. Теперь возьмем любой кластер, состоящий не из одной медианы (далее будем называть такие кластеры нетривиальными), выделим любую из акций (можно взять и саму медиану) в тривиальный отдельный кластер и сделаем ее медианой этого кластера. Внутри полученного кластера суммарная корреляция равна 1, поскольку медиана полностью коррелирует с самой собой. А суммарная корреляция в кластере, из которого мы убрали акцию, уменьшилась на величину одного коэффициента корреляции (пусть это будет число a), не превосходящего единицу, так как $-1 \leq \rho_{ij} \leq 1, \forall i, j = 1..n$. Полная суммарная корреляция по всем кластерам изменилась на величину $1 - a \geq 0$, т.е. не уменьшилась. Поскольку такое разбиение на $k+1$ кластеров является допустимым, соответствующее ему значение суммы корреляции явно не больше максимума по всем возможным разбиениям, т.е. $f(k+1)$.

Заметим также, что максимум функции $f(p)$, достигающийся при $p=n$, равен n : все кластеры тривиальны, их n штук и корреляции внутри равны 1. Если положить за основу качества кластеризации значения функции $f(p)$, то при $p=n$ получим самую качественную кластеризацию, что не несет никакой информации. Локальных экстремумов у данной функции тоже нет. Поэтому необходим другой интуитивно-понятный метод нахождения оптимального количества кластеров: найдем такое $p=k$, при котором еще нет тривиальных кластеров, а при $p=k+1$ уже есть. Будем называть такое число кластеров «числом стабильной кластеризации», а соответствующее разбиение на компоненты — «стабильной кластеризацией».

На всех трех рынках наблюдаются следующие закономерности: во-первых, если $p=k$ — стабильное число кластеризации, то при всех $p>k$ есть тривиальные кластеры. Во-вторых, при стабильной кластеризации кластеры достаточно однородны: есть несколько самых крупных центральных кластеров, несколько среднего размера, а остальные — небольшие, но относительно равные по размеру. При делении на большее количество компонент некоторые из средних или небольших по размеру (но никогда не самые крупные) начинают распадаться на отдельные тривиальные кластеры. Поэтому мы считаем, что стабильные числа кластеризации отражают действительную кластеризацию рынка. Для всех трех рынков ниже представлены числа стабильной кластеризации:

Россия.....	15
США.....	31
Швеция.....	12

Сравнение структуры кластеризации с другими структурами

На той же матрице коэффициентов корреляций Богинский в соавторстве с Бутенко и Пардалосом предложили искать максимальные по размеру клики, т.е. полные подграфы с максимальным числом вершин. Для этого необходимо сначала сделать усечение данных по порогу $\theta \in [-1; 1]$, который преобразует матрицу корреляций в матрицу $A = [a_{ij}]_{n \times n}$ из нулей и единиц, где $a_{ij} = \begin{cases} 1, & \rho_{ij} \geq \theta, \\ 0, & \rho_{ij} < \theta. \end{cases}$

Таким образом мы получаем граф связей между акциями, а далее действуем по следующей процедуре: находим клику наибольшего размера и удаляем ее вершины из графа, потом выделяем следующую максимальную клику и снова удаляем. И так действуем до тех пор, пока не останутся клики максимального размера, равного 2. Все выделенные ранее клики мы запоминаем и сравниваем их со стабильной кластеризацией. Данную процедуру мы выполняем для всех порогов, начиная с 0,1 и заканчивая 0,9 с шагом 0,05. Для всех трех рынков и всех рассмотренных порогов нам удалось найти следующие закономерности: все клики находятся внутри кластеров стабильной кластеризации, причем самая большая клика всегда находится внутри самого большого кластера. Размер кластера всегда больше размера клики, поэтому иногда несколько клик попадают в один кластер.

Кроме того, мы сравнивали стабильную кластеризацию с другой структурой, которую назвали «минимальный остоновый лес» (МОЛ). Такую структуру можно получить, если по алгоритму Крускала начинать искать минимальное остоновое дерево и отслеживать на каждом шаге количество компонент связности, которые есть по сути деревья, а их совокупность — лес. Зная максимальное количество компонент связности на протяжении всего алгоритма, мы снова пробегаем по алгоритму Крускала и останавливаемся тогда, когда количество компонент в первый раз равно максимально возможному. На рис. 2–4 схематически представлены минимальные остоновые деревья для рынков России, Швеции и США соответственно.

На этих рисунках использовано одинаковое оформление для акций, принадлежащих к одинаковым кластерам стабильной кластеризации. Если номер акции выделен курсивом, то эта акция — медиана соответствующего кластера. Для рынка России, где число стабильной кластеризации 15, а компонент в МОЛ — 7, видно, что каждая компонента соответствует отдельному кластеру, причем медиана этого кластера обязательно включена в данную компоненту и является ее «центром» (из географических соображений), что говорит в пользу выбора критерия стабильной кластеризации. Кроме того,

Рис. 4. МОЛ для рынка США

В заключение следует отметить, что в работе введен критерий, указывающий на оптимальное количество кластеров на рынке. Сравнения с другими сетевыми структурами показали, что стабильная кластеризация хорошо описывает рынок. С помощью сравнения различных сетевых структур можно делать вывод о том, насколько сильны или слабы те или иные кластеры, насколько независим рынок в целом.

Литература

- Boginski V., Butenko S., Pardalos P.M.* Mining Market Data: A Network Approach // *Computers & Operations Research*. 2006. No. 33. P. 3171–3184.
- Boginski V., Butenko S., Pardalos P.M.* Statistical Analysis of Financial Networks // *Computational Statistics & Data Analysis*. 2005. No. 48. P. 431–443.
- Cukur S., Eryigit M., Eryigit R.* Cross Correlations in an Emerging Market Financial Data // *Physica A*. No. 376. P. 555–564.
- Huang W.-Q., Zhuang X.-T., Yao S.* A Network Analysis of the Chinese Stock Market // *Physica A*. 2009. No. 388. P. 2956–2964.
- Jung W.-S., Chae S., Yang J.-S., Moon H.-T.* Characteristics of the Korean Stock Market Correlations // *Physica A*. 2006. No. 361. P. 263–271.
- Kenett D.Y., Shapira Y., Madi A., Bransburg-Zabary S., Gur-Gershgoren G., Ben-Jacob E.* Dynamics of Stock Market Correlations // *AUCO Czech Economic Review*. 2010. No. 4. P. 330–340.
- Kenett D.Y., Tumminello M., Madi A., Gur-Gershgoren G., Mantegna R.N.* Dominating Clasp of the Financial Sector Revealed by Partial Correlation Analysis of the Stock Market // *PLoS ONE*. 2010. Vol. 5. No. 12.
- Kullmann L., Kertesz J., Mantegna R.N.* Identification of Clusters of Companies in Stock Indices via Potts Super-Paramagnetic Transactions // *Physica A*. 2000. No. 287. P. 412–419.
- Mantegna R.N.* Hierarchical Structure in Financial Markets // *European Physical Journal B*. 1999. No. 11. P. 193–197.
- Mladenovic N., Brimberg J., Hansen P., Moreno-Perez J.A.* The p-Median Problem: A Survey of Metaheuristic Approaches // *European Journal of Operational Research*. 2007. No. 179. P. 927–939.
- Onnela J.-P., Chakraborti A., Kaski K., Kertesz J.* Dynamic Asset Trees and Black Monday // *Physica A*. 2003. No. 324. P. 247–252.
- Onnela J.-P., Chakraborti A., Kaski K., Kertesz J.* Dynamic Asset Trees and Portfolio Analysis // *The European Physical Journal B*. 2002. No. 30. P. 285–288.
- Onnela J.-P., Chakraborti A., Kaski K., Kertesz J., Kanto A.* Asset Trees and Asset Graphs in Financial Markets // *Physica Scripta*. 2003. No. T106. P. 48–54.
- Reese J.* Solution Methods for the p-Median Problem: An Annotated Bibliography // *Networks*. 2006. Vol. 3. No. 48. P. 125–142.
- Tabak B.M., Serra T.R., Cajueiro D.O.* Topological Properties of Stock Market Networks: The Case of Brazil // *Physica A*. 2010. No. 389. P. 3240–3249.

Е.Д. Сушко

Центральный
экономико-
математический
институт РАН

МОДЕЛЬ ПРЕДПРИЯТИЯ И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С МОДЕЛЬЮ РАБОТНИКА В МУЛЬТИАГЕНТНОЙ МОДЕЛИ РЕГИОНА

Разрабатываемая в среде AnyLogic на примере Вологодской области мультиагентная (агент-ориентированная) модель региона АРМ «Губернатор» [Сушко, 2012] предназначена для имитации социально-экономического состояния субъекта РФ на основе реконструкции его внутренней структуры, а также структуры и поведения действующих на его территории самостоятельных акторов. Агент-ориентированная модель представляет собой искусственное общество, состоящее из взаимодействующих между собой самостоятельных агентов, каждый из которых обладает заданным набором личностных характеристик («ресурсов»), целевой функцией («интересами») и подчиняется правилам поведения, предопределяющим его реакцию в различных ситуациях, затрагивающих сферу его интересов [Макаров, 2007; Бахтизин, 2008; Handbook of Research..., 2009]. Важной особенностью агент-ориентированных моделей является то, что конкретные значения характеристик агентов могут различаться. Именно эта особенность позволяет использовать мультиагентные модели для воссоздания внутренней структуры больших социально-экономических систем, когда полученное искусственное общество состоит из множества самых разнообразных акторов каждого типа, встречающихся в действительности. Реальное общество неоднородно, и изменения макроэкономических параметров, как и изменения социальной и (или) экономической политики властей, по-разному влияет на состояние и поведение различных экономических субъектов, а также их групп, действующих на территории региона.

Модель включает множество агентов разных типов, соответствующих основным видам экономических акторов и образующих следующую иерархию: 1) агенты — физические лица (люди — жители региона) → 2) агенты — юридические лица (предприятия, организации, на которых работают агенты — люди трудоспособного возраста) → 3) агенты — муниципальные районы, на территории которых действуют агенты-организации и проживают агенты-люди → 4) регион в целом, включающий муниципальные районы.

Каждый тип агентов обладает набором характеристик, обуславливающих его ценность с точки зрения предназначенной ему в модели роли в общественном производстве, а также системой предпочтений, на основе чего имитируется «поведение» агентов как целенаправленное изменение собственных характеристик для максимизации своей функции полезности.

Так, агенты-люди обладают множеством характеристик, которые сгруппированы следующим образом:

- **психофизиологические** — возраст, пол, состояние здоровья, уровень способностей, в том числе (отдельно) способности к творчеству, темперамент. Тип темперамента определяет такие свойства агента, как активность, скорость реакции и способность к адаптации в изменяющихся условиях внешней среды;

- **профессиональные** — образование, сфера деятельности, опыт работы;
- **личностные** — отношение к труду, направленность агента на внешний или же на внутренний мир (экстраверсия — интроверсия).

«**Система ценностей**» агента-человека (под которой понимается приоритетность его основных жизненных устремлений и соответствующих критериев оценки удовлетворенности своим положением) включает такие критерии, как уровень дохода, уверенность в завтрашнем дне (стабильность), карьерный рост и самореализация.

Интегральной характеристикой агентов-людей трудоспособного возраста является их **трудо­вой потенциал**, реализация которого в различных отраслях производства служит основой всей экономической жизни региона. Привычное понятие трудового потенциала [Гулин, 2009] как совокупности возможностей участия в производственном процессе, которыми обладают люди, дополнено показателем их мотивированности, готовности к труду. В модели характеристикой мотивированности агента-человека служит его **состояние**, которое выражается в терминах «удовлетворенность», «недовольство», «возмущение (готовность к действию)», является производной от всех перечисленных выше характеристик и, в свою очередь, влияет на отношение агента этого типа к труду.

Действия, доступные в модели агенту-человеку трудоспособного возраста, — поступление на учебу, перемена места жительства, смена/выбор места работы, изменение усердия в труде.

В модели отрасли (виды деятельности) в составе муниципального района играют роль организаций и являются агентами второго уровня иерархии. Агенты данного типа не ликвидируются и не создаются, их состав в каждом муниципальном образовании в течение всего модельного времени сохраняется неизменным. К агентам этого типа относятся предприятия, производящие продукцию, — промышленность (отдельно — крупная промышлен-

ность, представленная в Вологодской области «Северсталью») и сельское хозяйство, а также предприятия сферы услуг, отнесенные к инфраструктуре. Агенты второго уровня служат источниками бюджетных поступлений, так как платят налоги в консолидированный бюджет области в виде доли от объема своего оборота. За счет средств бюджета финансируются агенты — организации социальной сферы: образование и здравоохранение, а кроме них, такие агенты второго уровня, как наука и государственное управление.

Агенты-организации обладают множеством характеристик, которые можно разделить на следующие группы:

- **организационная структура** — распределение занятых по уровню образования и соответствующая дифференциация оплаты труда, а также средняя заработная плата работников;

- **организационная культура** (как специфический для каждой организации набор ключевых факторов, определяющих эффективность деятельности [Камерон, Куинн, 2001]) — признак стабильности деятельности, признак востребованности творческих способностей работников и значимость их активности, а также возможная скорость их карьерного роста. Эти характеристики являются *управляемыми параметрами* модели и могут изменяться пользователем в течение модельного эксперимента;

- **внутренние факторы производства** — объем располагаемых денежных средств и трудовые ресурсы, роль которых выполняет агрегированный трудовой потенциал агентов-работников данного агента-организации. В модели фактически используемый трудовой потенциал агента-человека зависит от востребованности его качеств (активности, творческих способностей) со стороны агента-организации. Кроме того, агрегирование трудовых потенциалов агентов-работников производится с учетом соответствия их образования заданной организационной структуре;

- **связь с внешней средой** — ставка налога с оборота (доля объема производства, уплачиваемая в виде налога в консолидированный бюджет области) и доля налога с оборота, направляемая в бюджет муниципального образования, на территории которого находится организация. Сюда же отнесены характеристики, учитывающие зависимость организации от условий внешней среды, — объема денежных средств, выделяемых из бюджета, состояния сектора инфраструктуры агентов — муниципальных образований, а также спроса на результат деятельности организаций.

«**Система ценностей**» агента-организации связана с его организационной культурой и включает две группы критериев оценки благополучия: а) относящиеся к внутреннему состоянию (доля работников с высшим образованием; удельный трудовой потенциал и уровень удовлетворенности работников; обеспеченность воспроизводства основных фондов) и б) обра-

щенные к его внешней среде (общий результат деятельности и производительность труда). В модели устанавливаются минимально допустимые (пороговые) значения для каждого из критериальных показателей.

«*Производственная функция*» — экспертно заданные коэффициенты, указывающие процент, на который увеличивается/уменьшается объем производства агента-предприятия при росте/снижении влияющих показателей на 1% — это коэффициенты зависимости от располагаемых денежных средств на воспроизводство, зависимости от трудовых ресурсов и зависимости от уровня развития инфраструктуры.

Интегральной характеристикой агентов-организаций, на основе которой имитируется их *поведение*, является *состояние*, определяемое в терминах «стабильность», «нестабильность», «кризис». *Состояние*, как и для агентов-людей, определяется на каждом шаге работы модели (временном интервале, соответствующем одному году) по результатам сравнения информации о собственном фактическом положении агента с желательными значениями критериальных показателей в соответствии со значимостью (весами) критериев благополучия. Если состояние какого-либо агента отлично от благополучного, то это побуждает его к действиям.

Действия, доступные в модели агенту-организации: а) увольнение/наем агентов-людей; б) изменение заработной платы своих агентов-сотрудников исходя из текущих финансовых возможностей; в) изменение собственной производственной функции. В модели достижение порогового значения каким-либо из критериальных показателей приводит к тому, что в производственной функции учитываются только отрицательные эффекты, а положительная динамика других факторов игнорируется.

При попытке реализовать доступные им действия агенты-люди и агенты-организации сталкиваются с действиями других агентов и с ограничениями на рынке труда, что приводит к конкуренции между агентами одного уровня и к взаимодействию агентов разного уровня.

Очевидно, что каждый агент-организация обладает уникальным профилем организационной культуры. Это отражается как в требованиях к личностным свойствам агентов-работников, так и в предоставляемых им условиях работы. Здесь важную роль играют следующие характеристики видов деятельности: распределение работников по уровню образования, дифференциация их заработной платы в зависимости от уровня образования («отдача от образования» [Ощепков, 2011]). На этой базе в модели имитируются основные моменты взаимодействия агентов двух уровней — организаций и их работников, такие как заключение трудового контракта, повышение заработной платы (карьерный рост), добровольный уход агента-работника на другое место работы или же его увольнение.

Наиболее простой процедурой взаимодействия является поступление агента в высшее или среднее учебное заведение. Механизм, реализованный в модели, аналогичен поступлению на учебу по результатам ЕГЭ с тем отличием, что ранжирование абитуриентов осуществляется в соответствии с их трудовым потенциалом («абсолютным»).

Отношения агента-человека с организацией, в которой он уже работает или с которой он только собирается заключить договор, также строятся на основе его трудового потенциала, но с учетом требований данной организации, для чего вводится понятие относительного трудового потенциала. Относительный потенциал агента-человека определяется путем умножения его абсолютного потенциала на коэффициент, учитывающий наличие у него таких качеств, как активность и способность к творчеству, а также востребованность этих качеств в данной организации. Следовательно, учитываются способности агентов к различным видам деятельности и то, что максимально реализовать свои способности в выбранном ими виде деятельности агенты могут только при соответствующем профиле организационной культуры. От значения относительного трудового потенциала агента-человека зависят его шансы при приеме на работу и вероятность увольнения. Это же значение используется при определении вклада агента в общий результат и расчете уровня его заработной платы.

В модели устанавливается начальное состояние системы, соответствующее социально-экономическому положению Вологодской области в выбранном базовом (2004) году. Затем на каждом шаге работы модели агенты-организации потребляют факторы производства и производят продукцию (выполняют миссию), объем которой рассчитывается как изменение объема базового года, вызванное изменением влияющих факторов с учетом их значимости. Таким образом, в модели реализуется некоторая производная производственной функции агентов-организаций.

Интерфейс модели позволяет варьировать ее параметры и отслеживать их влияние на результаты ее работы, в качестве которых рассматривается динамика социально-экономических показателей Вологодской области и отдельных муниципальных районов на ее территории — объема продукции, состояния систем образования и здравоохранения, а также уровня удовлетворенности населения. Например, меняя организационную культуру агентов-организаций, можно повысить уровень удовлетворенности их агентов-сотрудников и добиться от них большей отдачи.

С использованием модели «Губернатор» был проведен эксперимент *«Управление взаимоотношениями организаций и их работников»*. Управляемые параметры — характеристики организационной культуры видов деятельно-

сти: ценность творчества работников и скорость их карьерного роста. В модели принимается, что вклад каждого агента-работника в общий результат пропорционален его относительному потенциалу, который, как указано выше, зависит и от возможностей самого агента в качестве работника, и от востребованности его активности и креативности со стороны его организации-работодателя. Следовательно, изменение соответствующих параметров организационной культуры агентов-предприятий должно влиять на относительный потенциал их работников.

Кроме того, для оценки степени использования трудового потенциала работников введена вспомогательная характеристика максимального трудового потенциала агента, рассчитываемого по формуле относительного потенциала при следующих предположениях:

- здоровье агента сохранено на уровне, полученном им при рождении;
- отношение агента к труду не ухудшалось;
- организационная культура такова, что максимально востребованы и креативность, и активность агентов-работников.

Тогда уровень использования трудового потенциала агента-человека оценивается отношением фактически реализованного им трудового потенциала к максимальному. Аналогично оценивается и уровень использования агрегированного трудового потенциала для агентов вышестоящих уровней.

Целью эксперимента было проследить влияние изменений в организационной культуре предприятий на такие интегральные характеристики агентов второго типа и Вологодской области в целом, как доля работников, удовлетворенных жизненными обстоятельствами, удельный относительный потенциал работников и степень использования этого потенциала. Для этого на данных 2004 г. были проведены расчеты при следующих вариантах изменения характеристик организационной культуры:

- вариант 1 (базовый) — первоначальные значения характеристик всех видов деятельности;
- вариант 2 — значение характеристики *«Ценность творчества»* у вида деятельности *«Промышленность группы “А”»* повышается;
- вариант 3 — в дополнение к варианту 2 у вида деятельности *«Промышленность группы “А”»* повышается значение характеристики *«Скорость карьерного роста»*;
- вариант 4 — в дополнение к варианту 3 у вида деятельности *«Промышленность группы “Б”»* повышается значение характеристики *«Ценность творчества»*.

Сопоставление полученных результатов представлено в табл. 1.

Таблица 1. Изменение характеристик организационной культуры промышленных предприятий

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4
Промышленность группы «А»				
Средний относительный потенциал	0,467	0,525	0,575	0,575
Использование потенциала, %	82,0	88,6	100,0	100,0
Уровень удовлетворенности, %	64,4	70,0	72,6	72,6
Промышленность группы «Б»				
Средний относительный потенциал	0,547	—	—	0,593
Использование потенциала, %	92,9	—	—	100,0
Уровень удовлетворенности, %	50,0	—	—	61,1
Вологодская область в целом				
Средний относительный потенциал	0,525	0,535	0,533	0,546
Использование потенциала, %	91,9	92,4	93,1	94,5
Уровень удовлетворенности, %	56,5	56,5	57,5	59,4

Из данных таблицы видно, что каждый следующий вариант характеристик организационной культуры промышленных предприятий увеличивает и средний по отрасли относительный потенциал, и степень его использования, и долю работников, удовлетворенных своим положением. Причем, поскольку численность агентов, занятых в этих отраслях, достаточно велика, эти же тенденции наблюдаются и по региону в целом, хотя там рост не столь значителен — уровень удовлетворенности работников в варианте 4 по сравнению с вариантом 1 увеличился на 5%, потенциал — на 4, а использование потенциала — на 2,8%.

На рис. 1 показано сопоставление индексов всех трех показателей, полученных при разных вариантах управляющих воздействий для Вологодской области в целом относительно их значений в базовом (первом) варианте.

По данным таблицы прирост удельного относительного потенциала в варианте 4 по сравнению с базовым для промышленных предприятий группы «А» составил 23,1%, а для группы «Б» — 8,4%. Очевидно, что это должно вызывать и прирост объемов производства, хотя данная связь зависит от отраслевых особенностей, к тому же не линейна. В целом можно сказать, что изменение организационной культуры промышленных предприятий, поощрение творческой активности их работников в модельном эксперименте улучшает настроение работников, позволяет им более полно реализовать свои возможности и повысить производительность труда.

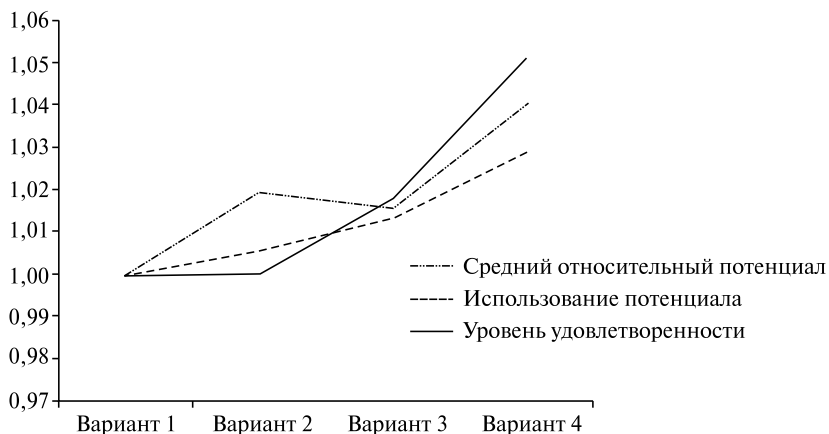

Рис. 1. Сравнение выходных характеристик рассмотренных вариантов изменения организационной культуры агентов-предприятий с базовым вариантом

Литература

Бахтизин А.Р. Агент-ориентированные модели экономики. М.: Экономика, 2008.

Гулин К.А. Трудовой потенциал региона / К.А. Гулин, А.А. Шабунова, Е.А. Чекмарева; под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009.

Камерон К., Куинн Р. Диагностика и измерение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001.

Ощепков А.Ю. Неравенство в заработках: роль профессий: препринт WP3/2011/03/. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.

Судаков К.В. Общие принципы построения поведенческих актов на основе теории функциональных систем // Системные механизмы поведения / под ред. К.В. Судакова, М. Баича. М., 1990.

Сушко Е.Д. Мультиагентная модель региона: концепция, конструкция и реализация. Препринт # WP/2012/292. М.: ЦЭМИ РАН, 2012.

Handbook of Research on Agent-Based Societies: Social and Cultural Interactions / G. Trajkovski, S.G. Collins (eds). N.Y.: Information Science Reference Hershey, 2009.

Makarov V. Application of the methodology called "artificial societies" // Montenegrin Journal of Economics. 2007. No. 5. Vol. 3. P. 19–26.

Д.С. Шмерлинг,
Е.И. Кожуховская,
П.О. Рывданская

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ВОЗМОЖНОСТИ МНОГОУРОВНЕВЫХ МОДЕЛЕЙ ПОЛИТИКО- СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Сегодня инновационное развитие и модернизация экономики — это уже не только предмет политико-экономических дискуссий в обществе, но и вполне конкретные государственные инициативы. К их числу следует отнести создание Комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики, Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям, Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 536 «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации». В связи с этим проблемы эффективности управления и прогнозирования развития стали особенно актуальными. Мы переходим от периода «неосознанной некомпетентности» («Выбор сделан в пользу инноваций — что бы это ни значило» [От редакции..., 2010]) к «осознанной некомпетентности»: концентрация поводов по данной тематике достигла критической отметки, но основы для реализации устойчивого инновационного развития (методологические, нормативно-правовые) пока только формируются.

Заметна тенденция смещения принимаемых мер из плоскости чисто экономической в плоскость эффективности государственного управления. Если в 2000-х годах можно было «встретить» отдельные дотационные проекты и направления развития, то сегодня в государстве принят программно-целевой подход (ПЦП) к развитию, действует 41 государственная программа (ГП). «В рамках старой модели невозможно решить существующие в обществе проблемы. Нужны инновации в сфере государственного управления» [Греф, 2012]. Речь идет об отработке системного подхода к решению масштабных задач, а также о привлечении экспертного сообщества к этой работе.

Рассмотрим, что именно и как реализуется на государственном уровне, а также каковы традиционные и альтернативные методы решения подобных задач.

Программно-целевой подход к государственному стратегическому планированию

Итак, в настоящее время существует перечень нормативно-правовых актов, регулирующих сферу государственного стратегического планирования (ГСП). В частности, к ним можно отнести постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» и приказ Минэкономразвития от 22 декабря 2010 г. № 670 «Об утверждении методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации».

Подобные документы должны содержать указания, как методологически следует разрабатывать проект государственной/региональной/местной программы развития. В действительности основной акцент сделан на «конечный продукт» — проект программы или подпрограммы (что должен содержать, в каком порядке и формате). Но не содержится указаний по выполнению или расчетам, один документ ссылается на другой и, что важно, не описана методология разработки сложных стратегических документов.

Кроме того, нужно отметить, что использование термина «формирование» (программы, политики, проекта) в противовес термину «планирование» свидетельствует о следующем понимании процесса: пренебрежение сложностью поставленных задач, недооценка важности методологических рекомендаций к процессу и в конечном счете слабость созданной нормативно-правовой базы. В результате такая недоработка в сфере ГСП ведет к декларативности изданных документов.

Теперь обратимся к тому, какие методы на сегодня применяются чаще всего при планировании или прогнозировании в государственной или коммерческой сфере.

«Традиционные» методы планирования и прогнозирования

Наиболее простой способ быстро построить прогноз на ближайший период — экстраполировать имеющиеся данные, т.е. не закладывать в модель факторы, способные изменить вектор развития ситуации. Очевидно, этот метод, а также метод планирования от обратного (от мероприятий/результатов к целям) чаще всего предоставляют ненадежные данные.

В то же время на крупных предприятиях и в государственном секторе вновь начинает складываться культура ведения системного стратегического планирования и прогнозирования, пережившая после начала перестройки период упадка и недоверия.

Широкую распространенность, особенно в экономической сфере, получили эконометрические модели, позволяющие включить довольно много переменных и определить их влияние по отдельности и в совокупности. Прогностическая способность таких моделей высока при построении трендов, расчете будущих курсов, возврата на инвестиции и проч.

Однако, есть и существенное ограничение: присвоения всех переменных «в один уровень» и к количественным показателям, упускается различная природа элементов модели. Более того, некоторые переменные почти невозможно включить в такую модель без перехода к одному или нескольким замещающим показателям.

К таким элементам можно отнести, например, «события» или «процессы», характеризующие контекст исследуемой ситуации и несущие в себе существенную дополнительную информацию, особо важную при построении прогноза. «Сценарии развития» представляют собой также важнейший источник информации, который подчас очень сложно отразить в регрессионной модели.

Возможности многоуровневых моделей

Когда речь идет о планировании социально-экономических или социально-политических процессов, полезно прибегать к моделированию, способному справиться с обобщенной постановкой задачи и рельефно отразить суть проблемы. К числу многокомпонентных междисциплинарных задач также относятся:

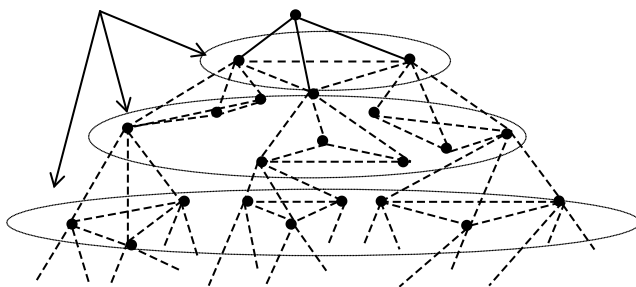
- составление программы развития;
- распределение ограниченных ресурсов;
- выбор из нескольких альтернатив;
- расчет приоритетов развития;
- выбор наиболее эффективных практик и др.

Широкое применение такого моделирования прекрасно описано у Т.Л. Саати, К. Кернс, Дж. Джефферс и др. [Саати, Кернс, 1991; Саати, 2008]. В частности, разработка серьезного инструментария, оценочной шкалы и их практического применения принадлежит проф. Т.Л. Саати и его ученикам. Предлагаемые модели интегрируют факторы количественного и качественного характера и основываются на применении многоуровневых экспертных

оценок. При желании в модель можно включать данные предшествующего (дополняющего) регрессионного моделирования.

Процесс многоуровневого моделирования. Идея такого подхода состоит в следующем. Исследуемая ситуация (например, развитие региона, разработка программы для социальной сферы, выбор пути модернизации предприятия) рассматривается как «сложная система». В данном случае сложность понимается как «совокупность огромного числа различных объектов, действующих вместе»; «сложность есть взаимодействие, и, более того, взаимозависимость, т.е. поведение одного или нескольких элементов влияет на поведение других элементов» [Саати, Кернс, 1991, с. 11]. Тогда основная задача — установить связи и силу этих связей между элементами системы и, таким образом, выделить наиболее и наименее значимые элементы, имеющие непосредственное влияние на цель планирования. Получив относительный вес, или вклад, каждого элемента в жизнедеятельность системы, — аналог коэффициента при независимой переменной (регрессионный анализ) или факторной нагрузки (традиционный факторный анализ), мы сможем решить задачи расстановки приоритетов, выбора из нескольких альтернатив, распределения ресурсов и др.

В зарубежной и отечественной литературе по системному анализу можно найти рекомендации по разработке подобных моделей: для возможности учета всех взаимосвязей и отношений влияния хорошо подходит графовая структура, организованная по принципу иерархии (рис. 1).

Уровни иерархии

Рис. 1. Пример иерархичной графовой структуры

Представим, что некая управленческая проблема — это конструктор, собранный из множества более мелких деталей, разных по форме, цвету и размеру. Если начать разбирать этот конструктор и сортировать детали по какому-либо общему признаку (по форме или цвету), то по окончании весь конструктор распадется на некоторое количество горок.

Однако недостаточно просто представить проблему в качестве набора составляющих элементов: их анализ по отдельности не даст искомого решения, так как не будут учтены связи, отражающие взаимодействие и взаимовлияние этих элементов. В результате объединение отдельных решений или оценок будет лишено учета эффекта синергии, присутствующего в жизнедеятельности любой системы. Поэтому при структурировании информации о проблеме выстраивают иерархию (можно сеть) взаимодействующих элементов, где уровни находятся в отношениях подчиненности/преобладания (один под другим) (рис. 2).

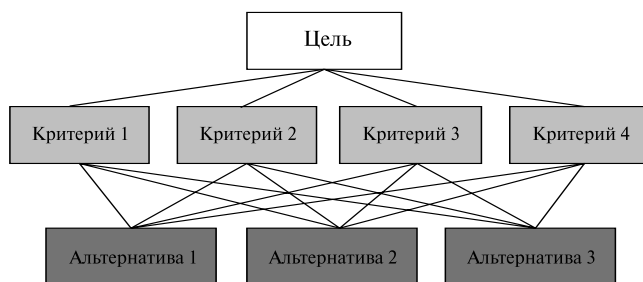

Рис. 2. Пример организации составляющих проблемы в простую иерархию

Наверху иерархии располагается цель планирования — «корень графа» (например, распределить финансы между несколькими проектами). На цель влияет множество элементов, организованных в уровни (факторы, участники процесса, цели участников, события, возможные сценарии и др.). В данном случае представлены лишь уровни «критерии» и «альтернативы», в то время как модели реальных ситуаций могут содержать до 20 уровней по 7 ± 2 элемента [Саати, Кернс, 1991; Саати, 2008].

Отличие, например, от линейных моделей такая структура графа позволяет включить в модель все значимые элементы и оценить силу их влияния друг на друга и на стратегическую цель планирования.

Далее модель представляется кругу экспертов с целью выявления отношений взаимосвязи и влияния. Оценку модели проводят с помощью процедуры парных сравнений и использования шкалы относительной важности. Методы экспертных оценок при привлечении специалистов к решению сложных задач порой незаменимы. Они позволяют работать с проблемами, требующими анализа множества взаимозависимых факторов, построения прогноза развития, выбора из нескольких альтернатив.

О надежности непараметрических моделей экспертных оценок. Былое недоверие к данным, полученным в ходе экспертных опросов, ныне компенсируется использованием современных методов прикладной статистики, позволяющих учесть нечисловую природу данных и сильно приблизиться к надежному результату.

Один из основных вопросов — возможность **проверить согласованность мнений** экспертов. Здесь прежде всего необходимо помнить о **цели экспертного опроса**: сбор информации для лица, принимающего решение (ЛПР), или подготовка проекта решения для него. От этого зависит решение проблемы согласованности экспертных мнений: если во втором случае желательно его достичь, то в первом случае можно не стремиться к выработке согласованного мнения — важно отразить палитру мнений относительно проблемы.

Непосредственно же **проверка согласованности** зависит от математической природы самих оценок. В данном случае предпочтительными являются парные сравнения. Эксперту легче сравнивать в каждую итерацию два объекта, а не манипулировать большим их количеством. С математической точки зрения теория парных сравнений (люсианов) предоставляет более богатую трактовку, чем статистика ранжировок и разбиений. Указанная теория проверяет не гипотезу равномерного распределения, а гипотезу однородности — совпадение распределений суждений экспертов между собой, что и интерпретируется как согласованность мнений. Это продуктивнее и ближе к терминам теории вероятностей, чем проверка согласованности при помощи коэффициента конкордации Кендалла — Смита. В последнем случае в качестве нулевой гипотезы выступает предположение о независимости разбиений и равномерном их распределении на множестве всех разбиений. И в случае принятия гипотезы, и в случае отклонения ее согласованность мнений нельзя подтвердить.

В рамках теории люсианов технический поиск общего мнения может проводиться различными способами. Например, вычислением «медианы Кемени» или простого геометрического среднего, если в дальнейшем используется идея собственного вектора матрицы парных сравнений.

Пример многоуровневого моделирования — наукоград Фрязино (Московская область)

Наукограды Российской Федерации (Emshoff, Saaty, 1982) и города науки, не имеющие этого официального статуса (около 60), с советских времен представляют собой территории с высокой концентрацией научного и научно-производственного потенциала. Заниматься новыми разработками и создавать инновационные продукты — привычное дело в этих местах (если раньше использовались термины НИР и НИОКР, то теперь — инновации).

Как сами эти территории с их инженерной, экономической и социальной инфраструктурой, так и формат «инновационного анклава» на сегодняшний день несут на себе печать прошлого. В силу целого комплекса причин [Сморodinская, 2013] им тяжело трансформироваться в новые организационные структуры постиндустриальной экономики и решать амбициозные задачи.

В настоящее время государство выбрало не самый продуктивный сценарий поддержки и развития таких территорий. Однако такая поддержка все же позволяет наукоградом не остаться пережитком советского прошлого и давать некоторую инновационную продукцию стране. Существует порядок, закрепленный Федеральным законом «О статусе наукограда Российской Федерации» от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ и нацеленный на развитие территорий, обладающих статусом наукограда: подтверждение статуса (дающегося на 25 лет) происходит один раз в пять лет при подаче программы комплексного развития города. Это формирует ритм разработки пятилетних программ. Результат такой программы — перечень мероприятий к исполнению.

Но как расставить приоритеты, учесть основные проблемы и отразить их в перечне мероприятий на ближайшие пять (!) лет? При отсутствии четкого и удобного инструментария крайне сложно точно определить, какого типа мероприятия необходимо запланировать и в каком количестве в расчете на каждый год.

Такая постановка задачи может быть решена с использованием описанного выше метода многоуровневого моделирования. Подобный проект в качестве пилотного был осуществлен в г. Фрязино в апреле — июне 2012 г.

В ходе планирования была разработана многоуровневая модель, включившая 7 уровней, представленная 15 экспертам из различных областей (городская администрация, представители научной среды, журналисты, предприниматели и др.). В администрацию города были представлены числовые результаты и письменные рекомендации по подготовке очередной программы комплексного развития (расстановка приоритетов, возможные сценарии развития, обзор основных участников и их целей, определение наиболее значимых факторов влияния).

Результаты многоуровневого моделирования и возможности их использования

В качестве числового результата мы получаем относительный вес, т.е. силу влияния каждого элемента модели на поставленную цель («корень графа»). Например, если фактор 1 имеет относительный вес 0,31, а фактор 4 —

0,09, это означает, что первый фактор оказывает большее влияние на достижение цели. Иными словами, важность первого фактора выше, и именно на него надо обратить внимание. Если кто-то из участников имеет вес 0,05 или ниже, это значит, что эксперты оценивают данного участника как слабого игрока, который вряд ли окажет значительное влияние на достижение цели.

Полученные данные — основа для прогноза, содержащего описание развития ситуации при реализации наиболее вероятных сценариев будущего. Обобщенный сценарий, представляющий объединение основных тенденций, дает представление о генеральном векторе развития. Это — реализация «прямого» процесса планирования. Именно обобщенный сценарий развития помогает определить, достаточно ли для достижения цели проводимых и запланированных мероприятий или следует менять тактику. Задачу поиска оптимальной тактики решает второй, «обратный» процесс планирования (для чего вновь строится иерархичная графовая модель).

Вместо заключения

Важно подчеркнуть, что надежность подобных моделей зависит от того, насколько глубоко мы знаем проблему и насколько хорошо выносимые нами суждения репрезентируют наше знание. Отношения порядка и преобладания (*order and priority*) хорошо изучены математиками, но мало сделано для развития их практической применимости. Принято доверять оценкам объектов, способы измерения которых являются общеизвестными (расстояние, масса, размер, глубина, стоимость). Но известные шкалы, имеющие «нулевую» отметку и единицу измерения, — далеко не единственное верное средство. Существует множество объектов и феноменов, которые человечество пока не научилось измерять. И таких объектов больше, чем легко измеримых [Ozdemir, Saaty, 2006].

Сложность состоит в том, чтобы уловить отправные точки при сравнении элементов и поиске путей решения. Условно говоря, именно эта задача и решается специалистами по планированию, когда осуществляется вычленение элементов влияния на проблемную ситуацию. Чем тщательнее совокупность (иерархия или сеть) элементов описывает проблему, тем проще экспертам сравнить факторы по интенсивности влияния [Vargas, Saaty, 1987].

Процесс подобного многоуровневого моделирования должен происходить итерационно: в ходе консультаций экспертами вносятся дополнения, корректируется модель, при необходимости пересчитываются оценки. Это делает работу по планированию энергоемкой и затратной. Однако итерационный характер процесса наряду с использованием экспертных оценок резко по-

вышает гибкость модели, а сам процесс моделирования делает «мягким» [Арнольд, 2008]. Именно такой отдачи требует планирование развития сложных социально-экономических и политических процессов. Всем специалистам, профессионально занимающимся планированием и прогнозированием, целесообразно включить в свой арсенал подобный подход. Но особенно важно включить основы многоуровневого моделирования в методологическую базу, регулирующую сферу государственного стратегического планирования.

Литература

Арнольд В.И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели. 2-е изд., стереотип. М.: МЦНМО, 2008.

Греф Г. Эффективность российской власти и модернизация // Ведомости. 2012. 13 апр.

Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации.

От редакции: выбор сделан // Ведомости. 2010. 15 февр.

Постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации».

Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование. Организация систем / под ред. И.А. Ушакова. М.: Радио и связь, 1991.

Саати Т. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети / пер с англ.; науч. ред. А.В. Андрейчиков, О.Н. Андрейчикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Сморodinская Н. Территориальные инновационные кластеры: мировые ориентиры и российские реалии: докл. к XIV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2–5 апр. 2013 г.

Указ Президента РФ от 29 декабря 2003 г. № 1531 «О присвоении статуса наукограда Российской Федерации г. Фрязино Московской области».

Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации».

Флювбьерг Б. Стратегическая оценка и планирование крупных инфраструктурных проектов // Экономическая политика. 2006. № 1. Март.

Шмерлинг Д.С., Кузнецова Т.Ю., Чеботарев П.Ю., Чуркин Э.П. Применение экспертных оценок для задач стратегического планирования. Препринт. М.: МШЭ МГУ ЦСП, 2008.

Emshoff J.R., Saaty T.L. Applications of the Analytic Hierarchy Process to Long Range Planning Processes // European Journal of Operational Research. 1982. Vol. 10. P. 131–143.

Katz J.M., Saaty T.L. Highlights and Critical Points in the Theory and Application of the Analytic Hierarchy Process // *European Journal of Operational Research*. 1994. Vol. 74. P. 426–447.

Katz J.M., Saaty T.L. How to Make a Decision: The Analytic Hierarchy Process // *European Journal of Operational Research*. 1990. Vol. 48. P. 9–26.

Ozdemir M.S., Saaty T.L. The Unknown in Decision Making: What to Do about It // *European Journal of Operational Research*. 2006. Vol. 174. P. 349–359.

Saaty T.L. Relative Measurement and Its Generalization in Decision Making. Why Pairwise Comparisons are Central in Mathematics for the Measurement of Intangible Factors. The Analytic Hierarchy/Network Process // *Statistics and Operations Research*. 2008. Vol. 102 (2). P. 251–318.

Vargas L.G., Saaty T.L. Uncertainty and Rank Order in the Analytic Hierarchy Process // *European Journal of Operational Research*. 1987. Vol. 32. P. 107–117.

Е.А. Юрескул

Московский
государственный
университет
им. М.В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ УСЛОВИЙ ПРИ ИЗМЕРЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВА МЕТОДОМ *DATA ENVELOPMENT* *ANALYSIS*

Последние десятилетия XX в. сопровождалось постоянным ростом интереса к проблеме эффективности государственной власти. Трансформация мировой политической системы и экономическая глобализация привели к появлению спроса на формализованные методы и критерии оценки эффективности: уже не только ученые, но и управленцы заинтересовались тем, какими именно характеристиками должно обладать государство, чтобы успешно и устойчиво развиваться. Такие методы активно разрабатывались консалтинговыми компаниями, в первую очередь для оценки инвестиционных рисков, а также международными организациями. Наиболее известны разработки аналитиков Всемирного банка, первыми предложивших комплексные оценки эффективности развития государства на основе данных социологических и экспертных опросов. Параллельно, начиная с 1980-х годов в западных странах шли процессы административных реформ в духе концепции нового государственного управления (*new public management*), также направленные на повышение «качества» государственной власти и спровоцировавшие выработку критериев эффективной работы государственных институтов. Благодаря постоянно растущему спросу, количество различных эмпирических методик оценки эффективности также значительно увеличилось: если в 1980-х годах таких методик было менее десятка, то уже в 2000-х это число возросло до 50, причем половина исследований проводилась на регулярной основе.

В настоящее время наиболее популярными инструментами оценки эффективности государства являются непараметрические методы анализа среды функционирования (*Data Envelopment Analysis, DEA*). Суть метода заключается в следующем: государство представляется как система, потребляющая

ресурсы общества и производящая социально значимые блага (безопасность, здоровье, инфраструктуру и т.д.). При этом производственная функция, определяющая процесс преобразования ресурсов в результат, остается неизвестной. Однако на основе эмпирических данных о затратах и результатах строится приближение границы производственных возможностей. Расстояние до границы производственных возможностей, т.е. соотношение затрат и результатов, и есть мера эффективности рассматриваемой системы. Необходимо отметить, что специфика метода заключается в том, что полученные оценки являются относительными: граница строится строго для данного набора государств или регионов.

Принципиально, что сам процесс преобразования ресурсов в результате остается за рамками рассмотрения модели: эффективность определяется не на основе внутренних характеристик DMU (единица принятия решений остается «черным ящиком»), а на том, как они проявляются в виде соотношения затрат и результата. Такой подход позволяет избежать необходимости делать предположения о структуре рассматриваемых систем, сосредоточившись на их характеристиках. Кроме того, такой метод дает возможность сравнивать эффективность достаточно разнородных систем. В этом его преимущество по сравнению с качественными подходами, определяющими уровень эффективности организаций на основе анализа управленческой структуры (размера организации, наличия тех или иных элементов). Кроме того, в рамках модели DEA можно сравнивать страны и регионы с различным уровнем развития.

В то же время полученная DEA-оценка эффективности государства представляет собой численную характеристику сложного и многогранного процесса, характеристики которого определяются несколькими факторами. Во-первых, собственно эффективность рассматриваемой системы: в случае с государством — это способность лиц, принимающих решения, рационально организовывать процесс затраты ресурсов, эффективность управленческой структуры, уровень подготовки кадров, наличие или отсутствие коррупции. Во-вторых, внешние, прямо не связанные с эффективностью условия, в которых система осуществляет свою работу: наличие или отсутствие ресурсной базы (в том числе квалифицированного персонала), достигнутый уровень развития, природно-географические условия, масштаб экономики и т.д. Именно данная проблема — один из фокусов современных теоретических и методологических исследований в области измерения эффективности государства [Van de Walle, 2008]. DEA-оценки, рассчитанные для группы разнородных DMU без учета внешних условий, являются «сырыми», невалидными

оценками эффективности, поскольку включают влияние факторов, не зависящих от самих DMU.

Ключевой проблемой, возникающей в прикладных исследованиях эффективности государства, стали различия во внешних условиях: одинаковый объем общественных благ в разных странах и регионах требует различных затрат (например, чтобы проложить 1 м дороги с твердым покрытием в Чукотском АО и в Санкт-Петербурге, требуются принципиально разные затраты средств и времени).

В настоящее время зарубежными исследователями применяется несколько групп методов, позволяющих корректировать DEA-оценки эффективности. Рассмотрим возможности каждого из них отдельно.

Регрессионный анализ. В рамках данного подхода рассчитанные DEA-оценки (обозначим их \hat{E}) считаются случайной величиной, состоящей из «истинной» эффективности E (т.е. свойств самого DMU, определяющих успешность его деятельности) и влияния набора внешних переменных Z . Таким образом, процесс формирования оценок эффективности можно записать в виде линейной регрессионной модели:

$$\hat{E} = \beta_0 + \beta_k Z + E.$$

Рассчитав коэффициенты регрессии β_0 и β_k , можно получить истинную эффективность, вычтя из «сырых» оценок эффекты внешних переменных:

$$E = \hat{E} - (\beta_0 + \beta_k Z) = \hat{E} - \beta_0 - \beta_k Z.$$

Данный метод достаточно широко распространен в прикладных исследованиях эффективности, однако его применение связано с рядом методологических и методических проблем [Simar, Wilson, 2007, p. 31–64]. Во-первых, сами DEA-оценки автокоррелированы, что ограничивает набор методов регрессионного анализа: оценка параметров методами простых или обобщенных наименьших квадратов приводит к систематическим ошибкам в расчетах, поскольку DEA-оценки зависят друг от друга. В ряде работ представлены регрессионные модели, обходящие данное ограничение, однако они достаточно сложны для применения на практике. Во-вторых, учитывая сложность изучаемых процессов, может быть неверным предположение о линейной связи эффективности с внешними факторами. Третий и наиболее существенный момент связан с сильной неоднородностью объектов исследования и характером распределений, не подчиняющихся нормальному закону. В таких условиях влияние отдельных регионов

на оценки параметров уравнения регрессии становится многократно выше по сравнению с другими

Усложнение модели DMU. Несмотря на то что полностью «раскрыть черный ящик» DMU, получив производственную функцию, связывающую затраты с результатом, не представляется возможным, некоторое усложнение модели позволяет учесть различия в стартовых и внешних условиях. Наиболее простой моделью DEA является модель с монетарным входом (затраты бюджета) и социальным выходом (общественно значимый результат), оценивающая качество работы государственной власти в целом. При этом сам процесс переработки входов в результат можно разделить на несколько последовательных стадий, представляющих собой этапы работы DMU. Например, на первом этапе расходы бюджета на здравоохранение состоят из затрат на строительство больниц, закупку оборудования и зарплату медицинского персонала; эффективность DMU (часто в литературе эффективность на этом этапе называют «технической эффективностью») в данном случае будет частично зависеть от внешних условий: географического положения, сложных природных условий, степени развития инфраструктуры и т.д. Выходными показателями в таком случае будут обеспеченность медицинским персоналом и больничными койками на душу населения. На втором этапе эти показатели становятся входными, а DEA-модель оценивает эффективность преобразования доступных конечному потребителю ресурсов в общественно значимый результат (подробнее см. [Hammond, 2002]), т.е. «социальную эффективность».

В данном случае внешними факторами, влияющими на оценку эффективности, будут в первую очередь культурные и демографические особенности населения, определяющие доверие к медицинским услугам и спрос на них.

В зависимости от того, насколько хорошо изучен процесс работы DMU, число рассматриваемых этапов преобразования ресурсов в результаты может увеличиваться или дополняться другими моделями (так, конечный этап потребления общественных благ населением можно рассматривать в рамках модели спроса и предложения). На каждом из этапов устраняется влияние части внешних факторов, а DEA-оценки приближаются к истинным оценкам эффективности. К тому же наличие нескольких оценок эффективности позволяет проводить сравнения DMU по комплексу критериев и выявлять слабые места в работе: в одном случае проблемы могут возникать уже на этапе расходования бюджетных средств; в другом обеспечивается должный уровень инфраструктуры, однако нет квалифицированных кадров, и т.д.

К проблемам данного метода корректировки оценок следует отнести, во-первых, необходимость более глубокого понимания процесса работы изу-

чаемых систем. В случае с оценкой эффективности государства многие процессы остаются в недостаточной мере формализованными для разделения на отдельные этапы и построения многоуровневых DEA-моделей. Во-вторых, данный подход требует наличия данных для каждого из этапов работы системы, что в ряде случаев может оказаться проблематичным (например, при оценке работы муниципальных образований). В-третьих, возникает методологическая проблема объединения полученных DEA-оценок в единый рейтинг эффективности.

Коррекция исходных показателей

Наиболее простым способом учета различий во внешних условиях является коррекция исходных входных и выходных показателей. Учет эффектов масштаба проводится в рамках самого DEA-анализа при построении границы производственных возможностей (подробнее о построении ГПВ см. [Ахременко, 2011]), однако для устранения искажений в результатах необходимо сглаживать различия между DMU (например, монетарные показатели всегда берутся в пересчете на душу населения для устранения различий в размере территории).

Возможно также устранение влияния более сложных внешних условий за счет введения корректирующих коэффициентов, в первую очередь — для входов модели. Применение данного способа корректировки оценок основано на предположении о том, что одинаковый набор государственных услуг требует различных бюджетных затрат в зависимости от степени развития инфраструктуры и географических факторов. Поправка на такие коэффициенты позволяет получить «чистые» исходные показатели. Примером могут служить индексы бюджетных расходов (ИБР), используемые Министерством финансов, которые учитывают наличие населения в труднодоступных районах и плотность транспортных сетей, долю трудоспособного населения, стоимость фиксированного набора продуктов и услуг ЖКХ, а также доходы населения, практически полностью устраняя географические различия между российскими регионами¹. Индекс построен так, что среднероссийские условия соответствуют значению 1, более тяжелые условия — значениям больше 1; более благоприятные условия — значениям от 0 до 1.

К недостаткам метода следует отнести сложность учета разноплановых внешних факторов в одном индексе. Например, для объединения показате-

¹ <http://www1.minfin.ru/ru/budget/regions/methodology/archive/index.php?id4=607>

лей географических различий и различий в уровне развития инфраструктуры необходимо теоретическое обоснование методики построения индекса и детальный анализ его распределения. Кроме того, метод подходит преимущественно для коррекции монетарных показателей.

«Метаграница»

Наиболее актуальными в настоящее время являются модели с применением так называемой метаграницы. Суть модели состоит в следующем: все рассматриваемые DMU объединены участием в процессе производства общественных благ в рамках пространства производственных возможностей, ограниченных общей ГПВ, или метаграницей. При этом сам набор DMU может быть разнородным, т.е. все DMU можно разбить на группы, использующие разные производственные функции. Для каждой группы DMU можно построить свою, «локальную» границу производственных возможностей, которая будет объединять системы, работающие в схожих условиях (подробнее о кластеризации DMU см. [O'Donnell, Prasada Rao, Battese, 2008]). В свою очередь, разница между локальной границей и метаграницей отражает влияние внешних условий.

Рассчитав эффективность DMU относительно локальной границы и метаграницы, можно рассчитать так называемый коэффициент технологического разрыва (*technology gap ratio*, *TGR* [Hammond, 2002]), показывающий, насколько внешние условия влияют на эффективность. Алгоритм анализа эффективности при использовании данной модели будет следующим. Во-первых, следует использовать инструменты многомерной классификации (например, кластер-анализ), чтобы разбить изучаемые DMU на группы на основе внешних условий. Во-вторых, необходимо построить общую ГПВ и рассчитать «сырые» оценки эффективности. В-третьих, следует построить локальные ГПВ для каждой группы изучаемых объектов и рассчитать внутригрупповые оценки эффективности. В-четвертых, нужно рассчитать TGR. Таким образом, помимо оценок эффективности, очищенных от влияния внешних переменных, мы получим оценку того, насколько внешние условия влияют на работу DMU.

С одной стороны, данный подход предоставляет широкие возможности для получения «чистых» оценок эффективности. С другой стороны, формирование групп DMU полностью зависит от выбранных параметров и алгоритма классификации, при изменении которых будут получены другие значения оценок эффективности. Кроме того, вырастет число регионов, обо-

значенных как эффективные (т.е. лежащих на границах производственных возможностей).

В рамках исследования произведены расчеты DEA-эффективности для регионов России в нескольких сферах. Проведена коррекция полученных результатов каждым из перечисленных способов и сравнение валидности результатов оценки с учетом различных способов коррекции.

Литература

Ахременко А.С. Оценка эффективности государственного сектора: теоретическая модель и методика измерения // Труды семинара «Математическое моделирование политических систем и процессов». Вып. I / под ред. А.С. Ахременко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.

Ахременко А.С., Юрескул Е.А. Эффективность государственного управления: политологический и экономический подходы // Общественные науки и современность. 2012. № 7.

Ахременко А.С., Юрескул Е.А. Использование логистической модели в оценке эффективности регионов России (на примере анализа динамики ВРП в 2000–2009 гг.) // Труды семинара «Математическое моделирование политических систем и процессов». Вып. I / под ред. А.С. Ахременко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.

Afonso A., Aubyn M. Non-parametric Approaches to Education and Health Efficiency in OECD Countries // Journal of Applied Economics. 2005. Vol. 8 (2). November.

Battese G.E., Rao D., O'Donnell C.J. A Metafrontier Production Function for Estimation of Technical Efficiencies and Technology Gaps for Firms Operating under Different Technologies // Journal of Productivity Analysis. 2004. Vol. 21 (1). P. 91–103.

Charnes A., Cooper W., Rhodes E. Measuring the Efficiency of Decision Making Units // European Journal of Operational Research. 1978. Vol. 2 (6). P. 429–444.

Daraio C., Simar L. Introducing Environmental Variables in Nonparametric Frontier Models: A Probabilistic Approach // Journal of Productivity Analysis. 2005. Vol. 24. P. 93–121.

Hammond C.J. Efficiency in the Provision of Public Services: A Data Envelopment Analysis of UK Public Library Systems // Applied Economics. 2002. Vol. 34 (5). P. 649–657.

O'Donnell C., Westhuizen G. Regional Comparisons of Banking Performance in South Africa // South African Journal of Economics. 2002. Vol. 70 (3). P. 224–240.

O'Donnell C.J., Prasada Rao D.S., Battese G.E. Metafrontier Frameworks for the Study of Firm-level Efficiencies and Technology Ratios // Empirical Economics. 2008. Vol. 34. P. 231–255.

Popoviã G., Mariã M. Two-stage DEA Use for Assessing Efficiency and Effectiveness of Micro-loan Programme // The 7th Balkan Conference on Operational Research. Romania. May 2005.

Simar L., Wilson P. Estimation and Inference in Two-Stage, Semi-Parametric Models of Production Processes // *Journal of Econometrics*. 2007. Vol. 136. P. 31–64.

Van de Walle S. Comparing the Performance of National Public Sectors: Conceptual Problems // *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2008. Vol. 57 (4). P. 329–338.

Worthington A., Lee B. Efficiency, Technology and Productivity Change in Australian Universities, 1998–2003 // *Economic Education Review*. 2008. Vol. 27 (3). P. 285–298.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ВШЭ

Ю.А. Веселова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

СЛОЖНОСТЬ ПОРЯДКОВЫХ ПРАВИЛ КОЛЛЕКТИВНОГО ВЫБОРА¹

Введение

Правила коллективного выбора — процедуры принятия решений, учитывающие мнение множества агентов. В связи с развитием компьютерных технологий область коллективного выбора приобретает все большее значение в задачах автоматического агрегирования большого количества предпочтений, таких как электронные голосования, построения рейтингов, упорядочение ссылок в поисковых и рекомендательных системах и т.д. При этом число как альтернатив, так и агентов может быть очень большим, что может стать значительным препятствием для применения того или иного правила ранжирования в силу большой вычислительной сложности. Поэтому аналитическое исследование свойств правил коллективного выбора сегодня очень актуально.

В данной работе рассматриваются порядковые (позиционные) правила коллективного выбора. Выбор таких правил напрямую зависит от позиций, которые занимают альтернативы в предпочтениях избирателей. К данному типу относится очень широкий класс процедур: правило относительного большинства, правило одобряющего голосования, правило Борда, система передачи голосов, обратная процедура Борда и др. Однако в этом множестве правил можно выделить подкласс процедур, которые в англоязычной литературе принято называть *scoring rules* и которые мы будем именовать ранговыми. К числу таких правил относятся, например, первые три из перечисленных выше процедур. Все они упорядочивают альтернативы согласно сумме взвешенных рангов: чем больше сумма, тем более предпочтительным считается вариант. Отличие таких правил друг от друга заключается лишь в векторе весов рангов. Аксиоматика ранговых правил выбора была представлена в работе [Young, 1975]: правило коллективного выбора тогда и только

¹ Работа выполнена в Международной лаборатории анализа и выбора решений в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

тогда является ранговым, когда оно удовлетворяет одновременно свойствам анонимности, нейтральности и согласованности.

Класс ранговых процедур включает также огромное количество правил коллективного выбора, иногда даже те, которые с первого взгляда кажутся непредставимыми в виде ранговых. В настоящей работе мы доказываем эквивалентность правила порогового агрегирования и некоторого множества ранговых процедур. Аксиоматическое описание порогового правила приведено в работах [Aleskerov, Yakuba, 2003; 2007] и [Aleskerov et al., 2010]. Согласно этому правилу низкие оценки вариантов не могут быть компенсированы более высокими оценками. Например, вариант, получивший оценки 3, 5, 5, хуже варианта, получившего три четверки. В то же время возможность такой компенсации — одно из необходимых свойств правила Борда, являющегося типичным примером ранговой процедуры. В работе показано, что среди правил, основанных на сумме взвешенных рангов, свойству некомпенсаторности удовлетворяют только правила из класса эквивалентных правилу порогового агрегирования процедур.

Примеры порядковых правил, не являющихся ранговыми, — процедура Хаара (система передачи голосов) и обратная процедура Борда.

Модель

Пусть X — множество альтернатив, $|X| \geq 2$, $N = \{1, 2, \dots, n\}$ — множество избирателей. Каждый избиратель каждой альтернативе дает некоторую оценку из множества $M = \{1, 2, \dots, m\}$ оценок. Такую функцию оценивания мы обозначим, как $E: X \times N \rightarrow M$. Считаем, что чем выше оценка, данная альтернативе, тем больше избиратель ее ценит. Теперь для каждой альтернативы $x \in X$ определим вектор $v(x)$, j -й элемент которого $v_j(x)$ будет равен числу избирателей, давших альтернативе x оценку j . Множество всех возможных векторов оценок может быть упорядочено лексикографически следующим образом. Если существует номер i такой, что для каждого $1 \leq j \leq i-1$ выполнено $v_j(x) = v_j(y)$ и $v_i(x) < v_i(y)$, то $v(x) \prec v(y)$, т.е. $v(x)$ лексикографически доминирует $v(y)$. Такое отношение задает на множестве всех возможных векторов оценок линейный порядок, т.е. сравнимы все неодинаковые векторы. Согласно правилу порогового агрегирования [Aleskerov et al., 2010] альтернатива x доминирует над альтернативой y , $x \succ y$, если $v(x) \prec v(y)$. В то же время, если две альтернативы имеют одинаковые позиции в предпочтениях с точностью до перестановки избирателей, то они будут иметь и одинаковые векторы оценок. Следовательно, на множестве альтернатив заданное таким образом отношение P — слабый порядок. В данном случае классы эквивалентности — множества альтернатив с одинаковыми векторными оценками.

Теперь рассмотрим формальное описание правил коллективного выбора, основанных на сумме взвешенных рангов. Данное описание представлено в [Saari, 2000]. Для этого нам остается определить способ задания вектора весов рангов. При этом если оценка i больше оценки j , то вес оценки i должен быть не меньше, чем вес оценки j , наихудшая оценка имеет нулевой вес. В правиле простого большинства учитываются только альтернативы, стоящие на первом месте в предпочтениях избирателей, т.е. те из них, которые получают максимальные оценки. Следовательно, вес всех оценок, кроме наивысшей, будет нулевым. Нормируя сумму весов к единице, получим следующий вектор $w_{PL} = (0, 0, \dots, 1)$. Для правила, одобряющего голосование с квотой q , важны только альтернативы, которые находятся среди q лучших альтернатив в предпочтениях избирателей. При этом вес всех q наилучших оценок одинаков. Поэтому нормированным вектором весов для данного правила

$$w_{AV} = (0, \dots, 0, \underbrace{1/q, \dots, 1/q}_q).$$

По правилу Борда за каждую оценку m альтернатива получает $m-1$ баллов, за каждую оценку $m-1$ — $m-2$ баллов и т.д. Вес j -й оценки равен $j-1$. Следовательно, нормированный вектор весов рангов

$$w_B = \left(0, \frac{2}{m(m-1)}, \frac{4}{m(m-1)}, \dots, \frac{2}{m} \right).$$

Далее вектор оценок альтернативы скалярно умножается на вектор весов оценок для соответствующего правила $W(x) = \langle v(x), w \rangle$. Альтернативы упорядочиваются согласно полученным значениям $W(x)$, т.е. варианты с большим значением $W(x)$ доминируют варианты с меньшим значением.

Классы эквивалентных оценок

Для порядковых правил коллективного выбора также существует проблема несравнимости вариантов. Так, по правилу простого большинства окажутся несравнимыми альтернативы, имеющие одинаковое количество наивысших оценок. Если рассматривать множество всех возможных векторов оценок, то эквивалентными будут те из них, которые дают одно и то же значение $W(x)$. Таким образом, мы получаем разбиение множества векторов оценок на непересекающиеся подмножества — классы эквивалентности. Количество таких классов для правила Борда равно $n(m-1)$.

Рассмотрим пример для $n = 4$ и $m = 3$. На рис. 1–3 изображены симплексы $v_1 + v_2 + v_3 = 4$. Каждая точка на симплексе соответствует некоторому вектору $v(x)$. На рис. 1 множества точек, объединенных в группы, — классы

эквивалентности по рангу Борда, $W_B(x) = \langle v(x), w_B \rangle$. Аналогично, классы эквивалентности по правилу простого большинства и по правилу одобряющего голосования с квотой $q = 2$ изображены на рис. 2 и 3.

Случай с тремя градациями оценок ($m = 3$) дает возможность наглядно продемонстрировать построение классов эквивалентных векторов оценок. Правило простого большинства и правило одобряющего голосования с квотой $q = m - 1^2$ являются двумя крайними случаями ранговых процедур, а их векторы весов — крайними точками выпуклого множества векторов весов всех ранговых процедур для $m = 3$. Эквивалентные векторы оценок расположены на линиях уровней $\langle v(x), w \rangle = C$. Таким образом, угол под которым в симплексе идут линии уровня любого рангового правила, будет находиться между углами линий уровня правил простого большинства и правила одобряющего голосования. На графиках представлен пример симплекса, точки на котором — все возможные векторы $v(x)$ с $m = 3$ и $n = 4$.

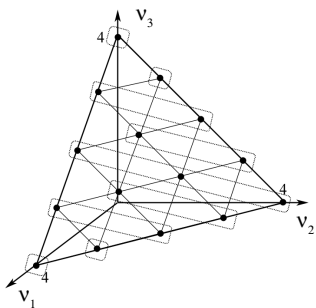

Рис. 1. Классы эквивалентности по правилу Борда

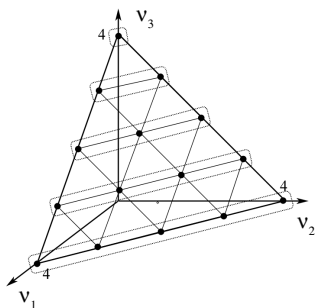

Рис. 2. Классы эквивалентности по правилу простого большинства

² Такое правило обычно называют обратным правилом простого большинства.

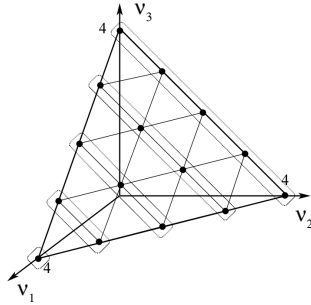

Рис. 3. Классы эквивалентности по правилу одобряющего голосования с квотой $q = 2$

Теперь рассмотрим геометрическую иллюстрацию упорядочения согласно правилу порогового агрегирования (рис. 4). Каким образом следует подобрать веса, чтобы ранговая процедура давала аналогичное упорядочение?

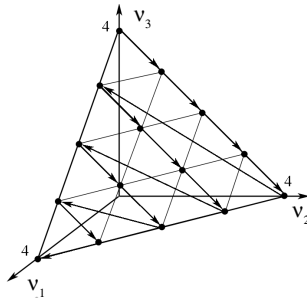

Рис. 4. Упорядочение векторов оценок согласно правилу порогового агрегирования

На рис. 5 изображены линии уровня для ранговой процедуры, результат которой совпадает с правилом порогового агрегирования. Эти линии построены таким образом, чтобы несравнимые по Парето векторы оценок, такие как $(2, 2, 2)$ и $(1, 3, 3)$, $(1, 2, 2)$ и $(1, 1, 3)$ и т.д., давали различные значения $W(x)$. При этом если $(2, 2, 2)$ лучше, чем $(1, 3, 3)$, из этого следует, что $(1, 2, 2)$ лучше, чем $(1, 1, 3)$ и т.д. Иными словами, при построении вектора весов мы используем некомпенсаторность. Как видно из рисунка, существует целый класс ранговых процедур, которые строят упорядочение альтернатив, эквивалентное упорядочению по правилу порогового агрегирования. Доля правил из этого класса в общем числе ранговых процедур для

$m = 3$ равна $1/n$. Как следствие из построения данного класса правил, они и только они удовлетворяют свойству некомпенсаторности среди ранговых процедур.

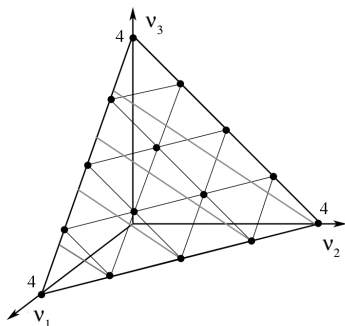

Рис. 5. Линии уровня для ранговой процедуры, результат которой совпадает с правилом порогового агрегирования

Теорема: ранговая процедура эквивалентна правилу порогового агрегирования тогда и только тогда, когда вектор весов рангов

$$w = \sum_{i=1}^{m-1} \alpha_i w_i, \text{ где } \sum_{i=1}^{m-1} \alpha_i = 1, \alpha_i > 0 \quad \forall i = 1, \dots, m-1;$$

$$w_i = (w_{i1}, w_{i2}, \dots, w_{im});$$

$$w_{ij} = \frac{n^{i-1} - x}{(m-1)n^{i-1} - \sum_{l=2}^i n^{i-l}}, \quad x = \begin{cases} n^{i-j}, & i-j \geq 0, \\ 0, & i-j < 0, \end{cases} \quad (\forall i = 1, \dots, m-1, \forall j = 2, \dots, m),$$

$$w_{i1} = 0 \quad \forall i = 1, \dots, m-1.$$

Порядковые правила, не являющиеся ранговыми

Приведем несколько примеров порядковых правил, для которых невозможно построить эквивалентную ранговую процедуру.

1. Процедура Хара (система передачи голосов). На первом шаге выбирается альтернатива, получившая больше 50% наивысших оценок. Если такой альтернативы не существует, на втором шаге из профиля удаляется альтернатива, набравшая наименьшее количество наивысших оценок (альтернативы,

стоявшие в предпочтениях под ней, передвигаются на позицию вверх). Затем повторяются первый и второй шаги применительно к усеченному профилю предпочтений и т.д.

2. Обратная процедура Борда (с передачей голосов). На первом шаге считается ранг Борда для всех альтернатив в профиле. На втором шаге из профиля удаляется альтернатива с наименьшим значением ранга Борда. Затем ранг Борда считается для всех альтернатив в новом, усеченном профиле предпочтений и т.д. до тех пор, пока в профиле не останутся неисключаемые альтернативы.

Для обеих процедур несложно привести пример профилей предпочтений, в которых все альтернативы будут иметь один и тот же набор оценок, но результат правила будет отличаться.

$$P = \begin{pmatrix} a & a & b & b & c \\ c & b & c & a & a \\ b & c & a & c & b \end{pmatrix}, \quad P' = \begin{pmatrix} a & a & b & b & c \\ c & c & a & a & b \\ b & b & c & c & a \end{pmatrix}.$$

Набор оценок, которые получает альтернатива, одинаков в обоих профилях для всех альтернатив

$$v(a) = (1, 2, 2), \quad v(b) = (2, 1, 2), \quad v(c) = (2, 2, 1).$$

Однако и для процедуры Хара, и для обратной процедуры Борда победитель в профиле P — это альтернатива a , а в профиле P' — альтернатива b . Победитель в данном случае определялся тем, какая из альтернатив занимала позицию прямо под удаляемой альтернативой. Следовательно, построить упорядочение векторов $v(x)$ на симплексе, как это было сделано для ранговых процедур, не представляется возможным. На выбор таких правил влияет не только набор оценок, но и то, как в предпочтениях избирателей расположены альтернативы относительно более слабых вариантов.

Заклучение

Мы рассмотрели правила коллективного выбора, относящиеся к группе порядковых, или позиционных, правил. Среди них мы выделяем класс ранговых процедур, использующих линейную свертку рангов альтернатив по всем избирателям с весами. В работе показано, что правило порогового агрегирования, основанное на идее некомпенсаторности оценок, эквивалентно ранговым правилам из какого-либо класса процедур, для которого мы находим границы. В то же время существуют порядковые правила, не представимые в виде ранговых процедур, так как порядок на множестве векторов

оценок зависит в них не только от набора оценок, но и от того, в каких предпочтениях альтернатива получила ту или иную оценку.

Литература

Биркгоф Г., Барти Т.К. Современная прикладная алгебра / пер. с англ. СПб.: Лань, 2005.

Кофман А. Введение в прикладную комбинаторику. М.: Наука, 1975.

Aleskerov F., Chistyakov V., Kalyagin V. Social Threshold Aggregations // Social Choice Welfare. 2010. Vol. 35. P. 627–646.

Gehrlein W.V., Lepelley D. Voting Paradoxes and Group Coherence. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2011.

Saari D.G. Mathematical Structure of Voting Paradoxes II: Positional Voting // Journal of Economic Theory. 2000. Vol. 15. P. 55–101.

Young H.P. Axiomatization of Borda's Rule // Journal of Economic Theory. 1974. Vol. 9. P. 43–52.

Young H.P. Social Choice Scoring Functions // Journal on Applied Mathematics. 1975. Vol. 28. No. 4. P. 824–838.

В.В. Дамье

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ФРГ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ: ОТ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ К ПАРТИИ «ЗЕЛЕНых»

Экологическое движение, возникшее в Западной Германии в 1970-х годах, можно считать одним из наиболее характерных примеров так называемых новых социальных движений (см., например: [Brand, 1982; Eder, 1982; Evers, Szankay, 1983; Roth, 1983; Raschke, 1985; Wasmuht, 1987 и др.]). Под этим термином принято понимать целый комплекс неоднородных, но связанных между собой протестных движений, вступивших на социально-политическую сцену в 1970—1980-х годах и сгруппировавшихся как вокруг сравнительно новых тем и вопросов (экологическая проблема, атомная энергетика, градостроительство, индустриальное и транспортное развитие и др.), так и вокруг попыток придать новые смысл и форму более «традиционным» социальным движениям, таким как молодежное, женское, рабочее, кооперативное, антивоенное и антимиитаристское и проч. ФРГ как одна из наиболее развитых в индустриальном отношении стран оказалась одним из эпицентров «новых социальных движений». Поэтому не случайно, что именно там возникло специальное направление в политических науках, получившее название «*NSB-Forschung*» («изучение новых социальных движений»). В немецком объединении политической науки существовала рабочая группа по данной проблематике, издавались специализированные журналы. Эмпирический материал, накопленный при исследовании этих процессов, позволил политологам и социологам сформулировать концепции развития протестных феноменов, которые не только вскрывали специфику их новейшего этапа [Protest, 1979; Klages, 1980; Parlamentarisches Ritual..., 1980; Raschke, 1980; Abromeit, 1982 и др.], но, несомненно, полезны для изучения и анализа любых социальных движений вообще [Rammstedt, 1978; Brand, Büsser, Rucht, 1986; Neue soziale Bewegungen..., 1987; Alternativen..., 1989 и др.].

Причины появления и бурного роста «новых социальных движений» невозможно понять без осмысления исторических судеб модели так называемого социального государства, которая восторжествовала в развитых странах мира после Второй мировой войны. Она сравнительно успешно функционировала в первые послевоенные десятилетия. Однако к концу 1960-х годов выявилось, что система компромисса в ее рамках может работать лишь в условиях стабильного экономического роста. Как только этот рост замедлился, модель стали резко критиковать с самых разных сторон. Если недовольство промышленных и либерально-консервативных кругов вызывали в первую очередь рыночная неэффективность и убыточность «социального государства», а точнее, недостаточность, с их точки зрения, получаемой предпринимателями при перераспределении доли «общественного пирога», то рядовых граждан все больше волновала бюрократическая неповоротливость созданных институтов и механизмов, их удаленность от общества и неспособность общества действенно контролировать их. Широкое ощущение недовольства в связи с «бюрократизацией общества» стало одним из важнейших мотивов молодежного «бунта конца 1960-х годов». Хотя непосредственным поводом для него в разных странах служили различные обстоятельства, почти повсюду звучал новый лозунг — требование общественного самоуправления. Он противопоставлялся бюрократическому всевластию государства, все меньше считающегося с интересами и нуждами простых людей и рядовых граждан. Напротив, «окостеневшие» традиционные политические институты и партии вызывали у граждан все меньше доверия, порождая кризис легитимации [Habermas, 1973], т.е. «законности» системы власти в глазах граждан.

Недоверие к традиционным методам представительства интересов стало расти в ФРГ во второй половине 1960-х годов и на волне движения против так называемых чрезвычайных законов, которые были приняты в 1968 г., предоставляли правительству особые полномочия в условиях кризисной ситуации и рассматривались общественностью как ограничение гражданских прав и свобод [Ясперс, 1969]. То, что новое законодательство было проведено «большой коалицией» основных партий (ХДС/ХСС и СДПГ), служило в глазах многих подтверждением тезиса о том, что реальные различия между партиями истеблишмента растворяются и исчезают, а политические элиты принимают решения по сговору, не считаясь с нуждами самих граждан. В ходе кампании против чрезвычайных законов появился новый тип общественных групп — «гражданские инициативы» (*Bürgerinitiativen*), основанные на принципах общих собраний и участия всех членов в принятии решений, а также на стремлении избегать формализации и бюрократизации.

Приход в 1969 г. к власти социал-демократов на время возродил доверие граждан к политическим партиям и властным институтам, однако оно снова

стало таять в начале 1970-х годов. Катализатором здесь послужило принятие властями программ развития атомной энергетики.

Экологическая проблематика стала предметом растущей заботы общественности с конца 1960 — начала 1970-х годов. В ФРГ, Франции, США, Великобритании, Японии и других странах в этот период появились и стали крепнуть группы и комитеты в защиту окружающей среды. Они выступали против конкретных промышленных, энергетических, транспортных и тому подобных объектов, первоначально нередко вдохновляясь чисто локальными мотивами и не рассматривая негативные моменты в контексте общества в целом. Одновременно в развитых странах получил развитие экологический «алармизм» — представление о том, что при сохранении нынешнего экономического курса, нацеленного на хозяйственный рост и экспансию, человечеству неминуемо угрожает глобальный экологический кризис, чреватый катастрофами и вымиранием. Эти настроения подкреплялись и стимулировались научными докладами, подготовленными по инициативе международной организации «Римский клуб» в 1971—1974 гг. [Форрестер, 2006; Медоуз и др., 1999; Месарович, Пестель, 1974].

Мощный толчок развитию экологического, или «зеленого», движения придал нефтяной кризис 1973—1974 гг., вызванный политической напряженностью на Ближнем Востоке. Чтобы обеспечить большую независимость от импортируемых энергоисточников, правительства западных государств приняли программы форсированного строительства атомных электростанций, невзирая на протесты экологов и жителей местностей, где предполагалось их построить. В глазах общественности это стало свидетельством того, что даже демократическая система ставит интересы «центра» выше потребностей и опасений конкретных людей «на месте», нередко принося их в жертву общеполитическим, стратегическим или экономическим соображениям. Во всех основных странах Запада появились десятки тысяч общественных групп и объединений «зеленых».

В ФРГ эпицентрами движения протеста стали строящиеся ядерные объекты (АЭС, заводы по переработке радиоактивных отходов или места их захоронения) в Вюле (1975), Калькаре (1976—1977), Брокдорфе (1976—1977, 1981), Гронде и Горлебене (1977, 1980, 1990) Ваккерсдорфе (1986—1987) т.д. Некоторые из этих проектов удалось предотвратить или заморозить. В выступлениях, сопровождаемых массовыми захватами стройплощадок и ожесточенными столкновениями с полицией, участвовали десятки и сотни тысяч человек. В марте 1980 г. демонстранты ненадолго заняли стройплощадку завода по переработке отходов в Горлебене и объявили эту территорию «Свободной республикой Вендланд». В начале 1980-х годов население вело активную борьбу,

пытаясь предотвратить постройку новой Западной взлетной полосы в аэропорту Франкфурта-на-Майне [Дамье, 1985б, с. 100–120].

Процесс развития экологического движения в ФРГ прошел несколько последовательных этапов. Первую фазу (конец 1960 — начало 1970-х годов) допустимо определить как «параллельное наличие однопунктных действий», т.е. выступлений по конкретной местной проблеме или отдельному вопросу, связанному с сооружением того или иного энергетического, промышленного, транспортного и тому подобного объекта. В этот период отношение экологических гражданских инициатив к политической власти характеризовалось первоначально обращением к ним с призывом разрешить проблему и ее отказом удовлетворить чаяния граждан, после чего возникал конфликт, в процессе которого граждане переходили либо к сопротивлению наступлению властей на их права и интересы, либо к действиям «самопомощи», без участия государства. Как заметил в связи с этим французский исследователь Д. Симонэ, экологическое движение имело «двойную политическую ориентацию»: «действовать против государства» и «действовать без государства» [Simonet, 1979, p. 119].

Происходивший в среде участников движения процесс накопления опыта вел к осознанию общей социальной обусловленности проблем, и нередко распространенные на первом этапе настроения «стройте, где хотите, только не здесь» сменялись на иные, более радикальные: «не у нас и нигде». Стали появляться региональные объединения гражданских инициатив. В результате на втором этапе (1972–1977) был образован **Федеральный союз гражданских инициатив в защиту окружающей среды (ВВУ)**, началось становление новой системы ценностей и выработка идейно-политических позиций.

Третью фазу (1977–1980) исследователи характеризовали как «подъем и угрозу распада» движения [Brand, Büsser, Rucht, 1986, S. 89–102, 285]. В это время наблюдалось интенсивное переплетение экологического движения с другими «новыми социальными движениями». Прежде всего речь идет, разумеется, о так называемом новом антивоенном (антимилитаристском) движении после того, как в 1979 г. блок НАТО принял решение о размещении в Европе ракет средней дальности. Против этой меры, согласно данным опросов общественного мнения, высказывалось большинство жителей ФРГ, где в демонстрациях, маршах и иных формах протеста приняли участие в общей сложности до 3 млн человек. Экологические группы примыкали в основном к тому крылу антиракетного протеста, который выступал с позиций «равноудаленности» от обоих противоборствующих блоков — и НАТО, и Варшавского договора. Одним из требований протестующих было проведение референдума по вопросу о ракетах.

Еще одним «партнером» экологического движения стало движение «альтернативных проектов» — небольших по размеру экологически ориентированных и самоуправляющихся кооперативов, групп взаимопомощи и самопомощи, товариществ, предприятий, проектных организаций и служб [Huber, 1979]. В начале 1980-х годов их общая численность в ФРГ составляла 10–12 тыс. [Sinnvoll arbeiten..., 1983, S. 22]. Стали складываться «сети», координирующие проектную деятельность, «сетевые предприятия самопомощи» и т.д. Предлагаемые ими проекты пытались развивать «общественные формы хозяйства», основанные на гибком сочетании принципов плана и низовой инициативы. По статистике около 10% проектов «работали» в сфере сельского хозяйства, мелкого производства и ремесла, 39% — в области социальных услуг, остальные — в области торговли, транспортных услуг, ремонта, распространения информации и т.д. [Huber, 1981, S. 29, 44f., 60]. Реализация многих из этих проектов страдала от невысокой производительности труда, хронической нехватки денежных средств, а, кроме того, зависела от дотаций властей и благотворителей. Названные факторы делали положение «альтернативных проектов» неустойчивым и способствовали развалу большинства из них в 1990-х годах, когда социальный климат и экономическая конъюнктура изменились.

В гражданских инициативах преобладало мнение о необходимости изменений в существующем обществе: если в 1972–1973 гг. такую цель ставили перед собой 14–23% инициатив, то в 1977 г. к этому стремились уже 75% опрошенных инициатив [Bürgerinitiativen..., 1980, S. 86, 101]. В ходе протестных акций их участники считали необходимым, чтобы общество оказало на власть прямое давление. «...Мы придем снова, мы совершаем долгий марш..., нас будет становиться все больше и больше, и мы будем вести борьбу против атомного государства..., потому что мы боремся за жизнь и выживание, — объяснял один из активистов настроения, которые царили среди демонстрантов, протестовавших против сооружения АЭС в северогерманском местечке Брокдорф. — Наша борьба, навязанная нам государством и атомной индустрией, которые почти идентичны..., наша борьба легитимна, она основана на праве на сопротивление, которая становится долгом там, где у власти стоит несправедливость...» [Schmid, 1981, S. 29].

В недрах «новых социальных движений» (как и в рабочем движении XIX — начала XX в.) шел процесс формирования собственной системы ценностей и собственной культуры. В их основе лежали идеи общественного самоуправления и гражданского участия в принятии всех значимых решений в социуме, «стремление к целостности и отрицание системы и ее институтов, разделяющих людей по различным социальным ролям и делающих их несовершенными и отчужденными» [Winther, 1982, S. 12–13]. Отвергая такие

принципы современного индустриального общества, как материальный рост, производительность, потребительство, стремление к прибыли, участники движений в той или иной степени выдвигали собственные: самоопределение и самоуправление (жизнь, свободная от диктата других), децентрализация и стремление «сделать жизнь проще», сократить разрыв между трудом и свободным временем, добиться свободного развития индивидуальности, личности каждого человека [Jugendprotest..., 1983].

Не удивительно, что, опираясь на такие настроения, особенно распространившиеся среди молодежи, гражданские инициативы нередко воспринимали себя как альтернативу модели представительной демократии и требовали большего участия граждан в решении общественных вопросов — политики «от первого лица». Ссылаясь на то, что в экологических инициативах и объединениях состоит 5 млн человек (в 2 раза больше числа членов парламентских партий), член Правления ВВУ Петер Шотт в 1984 г. отмечал: «Эта цифра отражает осознание того факта, что парламента, как инструмента политической игры, закрепленного в Основном законе, уже недостаточно, чтобы решать общественные противоречия на политическом уровне». Представители властей, продолжал он, — совершенно верно понимают «причины постоянного роста внепарламентских движений», когда «ведут речь об утрате или изменении функций классических инстанций представительства граждан», т.е. парламента и партий, в результате чего возник «кризис доверия между государством и частью граждан» [Schott, 1984, S. 47]. В документах ВВУ, принятых еще в конце 1970-х годов, отмечалось, что «нынешняя форма рыночной экономики более не в состоянии разрешить назревшие проблемы», и даже провозглашалось намерение в долгосрочной перспективе ликвидировать политическую власть как таковую [Forderungskatalog..., 1979, S. 6; Дамье, Корчагина, 1994, с. 22].

Взгляды на будущее, характерные в ту пору для значительной части экологического движения, были выражены тогдашним сопредседателем партии «зеленых» Петрой Келли: жизнь «в небольших по размеру общинах, обеспечивающих человеку высокую степень самоопределения и участия в принятии решений»; «высокоразвитая, небольшая и мягкая техника», ориентированная «на масштабы человека, природы и окружающей среды»; использование альтернативных технологий; всестороннее развитие человеческой личности; партнерство и товарищество вместо конкуренции и эгоизма [Kelly, 1980, S. 76]. А леворадикальное крыло «новых социальных движений» (известное также под названием «автономного движения», активно участвовавшего в радикальных антиатомных протестах) открыто выступило за разрыв с парламентской демократией и замену ее системой автономных «свободных пространств», самоуправляющихся групп, коллективов и советов (об

«автономном движении» в Германии см., в частности: [Катсификас, 2002; Schulze, Gross, 1997]).

Однако в целом в движении явно преобладало представление о необходимости синтезировать элементы представительной и прямой демократии. Большинство участников движения в принципе не были настроены антипартийно. Так, опрос, проведенный в 1981 г. среди молодых людей, одновременно считавших себя сторонниками движения за мир, антиатомного и экологического движений, показал, что более 37% опрошенных являлись сторонниками «зеленой» партии, 30% — социал-демократов, 13% — христианских демократов и 4% — либералов [Wiesendahl, 1987, S. 101–102]. Подобный настрой, а также неудача радикальных протестов способствовали в 1979–1980 гг. появлению в ФРГ партии «зеленых». Ее образовала часть активистов экологического движения и членов небольших политических группировок, стремившихся, как тогда говорили, «вспрыгнуть в зеленый поезд». В основе проекта лежало желание придать мощному внепарламентскому протестному движению дополнительную и вспомогательную «парламентскую руку». Партия была призвана транслировать идеи «новых социальных движений» в органы политического представительства, с одной стороны, пропагандируя их с парламентской трибуны, а с другой — пытаясь воспрепятствовать антиэкологическим и антидемократическим мерам либо даже добиться осуществления радикальных реформ. В начале 1980-х годов было распространено представление о «зеленых» как о принципиально новой, «антипартийной партии» [Kelly, 1982], а ее предвыборные программы нередко представляли собой простой перечень требований и идеи «новых социальных движений». Соответственно парламентская работа признавалась лишь как дополнение внепарламентской.

Хотя с тех пор партия «зеленых» заняла прочное место на политической арене Германии, с 1980-х годов стала входить в правительства на земельном уровне, а в 1998–2005 гг. вместе с социал-демократами формировала федеральное правительство ФРГ, с точки зрения выражения интересов и судеб экологического движения проект оказался, скорее, неудачным. Идея подобного совмещения представительной и прямой демократии не сработала. В партии с самого начала разгорелась острая борьба между различными внутренними идейно-политическими течениями: от радикальных до умеренных (подробнее см.: [Дамье, 1985а]). Первые настаивали на приоритете внепарламентской деятельности, добивались расширения моментов прямой демократии и выступали за переход от рыночной экономики к «новым общественным» (негосударственным) формам собственности и производства в духе экосоциализма на основе замены рыночной экономики как неэкологичной системой децентрализованного планирования снизу на основе кооперации

производителей и потребителей, а в перспективе — обобществления производства и создания системы самоуправления трудящихся [Grün-Alternative Liste, 1982, S. 11–12]. Умеренные, напротив, стремились к превращению «зеленых» в обыкновенную политическую партию социал-либерального толка. В конце 1980 — начале 1990-х годов умеренным постепенно удалось взять верх. Их торжеству способствовали сами нормы представительной демократии и имманентная ей электоральная логика. Политическая партия, которая хочет получить голоса избирателей и попасть в парламент, должна проявить свою конструктивность и готовность взять на себя ответственность, т.е. при необходимости идти на компромиссы и создание коалиций, даже в ущерб требованиям и представлениям тех движений, чьим глашатаем она первоначально являлась. Именно такими были доводы умеренного крыла партии «зеленых». После ряда неудач на выборах они все-таки возобладали сначала на земельном, а затем и на федеральном уровне. Последним мощным аргументом в их пользу стало тяжелое поражение западногерманских «зеленых», выступивших против присоединения ГДР, на первых общенациональных выборах в бундестаг объединенной Германии в 1990 г. Лозунги радикального изменения системы постепенно исчезли из партийных документов. Поворот к политическому прагматизму сопровождался формированием внутрипартийной бюрократии: наиболее радикальные активисты уходили из партии, а представители ранее враждовавших течений, несмотря на провозглашавшиеся принципы «базисной демократии», сливались в «новый политический класс» «зеленых» профессиональных политиков [Wiesendahl, 1987, S. 384].

Эволюция партии «зеленых» способствовала углублению расхождений и раскола внутри экологического движения страны, тем более, что ему не удалось в ходе протестов добиться остановки ряда ключевых проектов и отмены использования атомной энергетики. Активность большинства гражданских инициатив сходилась на нет, наступил этап реинтеграции движения в систему. Отдельные местные радикальные инициативы сохраняются и продолжают активные выступления (например, против транспортировки ядерных отходов «Кастор»), но они носят в первую очередь местный и гораздо менее массовый характер. Спаду движения способствовало и общее изменение политического и социального климата на фоне экономического поворота к неолиберализму с 1980-х годов и контрнаступления консервативных ценностей в 1990-х годах. Тем не менее у социальных движений своя судьба, они не исчезают бесследно и в никуда. Опыт экологического движения и гражданских инициатив оказался востребован в 2000-х годах в альтерглобалистских движениях и движениях сопротивления нынешнему мировому экономическому кризису.

Литература

- Дамье В.В.* Идеино-политическая эволюция «зеленых» в ФРГ // Рабочий класс и современный мир. 1985а. № 1.
- Дамье В.В.* Движение «зеленых» в ФРГ: идеология и политика (1970 — середина 1980-х годов): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Дамье В.В., Корчагина М.Б.* Федеративная Республика Германия // Социальные движения на Западе в 70-е и 80-е годы XX века. М., 1994.
- Катсификас Дж.* Ниспровержение политики. Европейские автономные социальные движения и деколонизация повседневности. Волгоград, 2002.
- Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й., Бернс В.* Пределы роста. М., 1999.
- Месарович М., Пестель Э.* Человечество на перепутье. Нью-Йорк, 1974.
- Форрестер Д.* Мировая динамика. М., 2006.
- Ясперс К.* Куда движется ФРГ? М., 1969.
- Abromeit H.* Parteiverdrossenheit und Alternativbewegung // Politische Vierteljahresschrift. 1982. Bd. 23 (2).
- Alternativen zur alten Politik? Neue soziale Bewegungen in der Diskussion. Darmstadt, 1989.
- Brand K.W.* Neue soziale Bewegungen. Opladen, 1982.
- Brand K.W., Büsser D., Rucht D.* Aufbruch in eine andere Gesellschaft. Neue soziale Bewegungen in der Bundesrepublik. Frankfurt; N.Y., 1986.
- Bürgerinitiativen in der Gesellschaft. Villingen, 1980.
- Eder K.* A New Social Movement? // Telos. 1982. No. 52.
- Evers A., Szankay Z.* Was entsteht mit den neuen sozialen Bewegungen? // Großstadt und die neue soziale Bewegungen. Basel, 1983.
- Forderungskatalog für Öko-Konzept in der BRD. Karlsruhe, 1979.
- Grün-Alternative Liste. Programm für Hamburg. Hamburg, 1982.
- Habermas J.* Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt, 1973.
- Huber J.* Anders arbeiten, anders wirtschaften. Frankfurt, 1979.
- Huber J.* Wer soll das alles ändern? (West)Berlin, 1981.
- Jugendprotest im demokratischen Staat. Enquete-Kommission des Deutschen Bundestages. Stuttgart, 1983.
- Kelly P.K.* Die vierte Partei // Die Grünen: Personen, Projekte, Programme. Stuttgart, 1980.
- Kelly P.K.* Wir sind die Antiparte-Partei // Der Spiegel. 1982. Nr. 24.
- Klages H.* Verdrossene Bürger — überlasteter Staat. Frankfurt, 1980.
- Neue soziale Bewegungen in der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt; N.Y., 1987.
- Parlamentarisches Ritual und politische Alternativen. Frankfurt, 1980.
- Protest: Grüne, Bunte und Steuerrebelln. Ursachen und Perspektiven. Reinbek, 1979.
- Rammstedt O.* Soziale Bewegung. Frankfurt, 1978.
- Raschke J.* Politik und Wertewandel in den westlichen Demokratien // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1980. Bd. 36.

- Raschke J.* Soziale Bewegungen. Frankfurt, 1985.
- Roth R.* Gesellschaftstheoretische Konzepte zur Analyse neuer sozialer Bewegungen // Politische Vierteljahresschrift. 1983. Bd. 24 (3).
- Schmid H.* Der Marsch auf Brokdorf. Tübingen, 1981.
- Schott P.* Weg mit der Heiligkeit des Parlaments // Die Macht und ihr Preis. Grün-Alternative Bewegung und Parlamentarismus. Berlin, 1984.
- Schulze T., Gross A.* Die Autonomen: Ursprünge, Entwicklung und Profil der Autonomen. Hamburg, 1997.
- Simonet D.* L'écologisme. Paris, 1979.
- Sinnvoll arbeiten — solidarisch leben; Gegen Arbeitslosigkeit und Sozialabbau. Sofortprogramm beschlossen auf dem Bundesdelegiertenkonferenz der Grünen am 15/16. Januar in Sindelfingen. Köln, 1983.
- Wasmuht U.C.* Friedensbewegung der 80er Jahre. Gießen, 1987.
- Wiesendahl E.* Neue soziale Bewegungen und moderne Demokratietheorie // Neue soziale Bewegungen in der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt; N.Y., 1987.
- Wiesendahl E.* Etablierte Parteien im Abseits? // Alternativen zur alten Politik? Neue soziale Bewegungen in der Diskussion. Darmstadt, 1989.
- Winther M.* Begreifen was ist: Das Verhältnis von SPD und Alternativen // Neue Gesellschaft. 1982. Hf. 1.

Р.У. Камалова
НИУ ВШЭ,
Ф.Т. Алескеров
НИУ ВШЭ, Институт
проблем управления РАН,
М. Холлер
Университет Гамбурга,
Германия

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ В РЕЙХСТАГЕ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1919–1933 гг.¹

В работе предпринята попытка моделирования коалиционных предпочтений и анализа распределения влияния между партиями на примере выборов в рейхстаг Веймарской Германии в 1933 г. Для оценки влияния используются индексы, учитывающие предпочтения фракций по созданию коалиций. Коалиционные предпочтения моделируются в одномерном идеологическом пространстве на основе анализа программ политических партий и их опыта формирования коалиционных правительств.

Партийная система Веймарской Германии — парламентской республики с пропорциональной системой представительства — была крайне плюралистичной и дробной, ни одна из партий не обладала абсолютным большинством в парламенте. В такой ситуации было возможно только коалиционное правление [Aleskerov, Holler, Kamalova, 2010]. Влияние же фракций на принятие решений в парламенте далеко не всегда пропорционально доле мест, которой она обладает.

Рейхстаг — нижняя палата парламента Веймарской Германии — являлся высшим законодательным органом и избирался на четыре года по пропорциональной системе всеобщим, прямым и тайным голосованием. Для принятия обычного закона было достаточно простого большинства голосов депутатов. Для принятия закона, изменяющего конституцию, требовалось квалифицированное большинство, предполагавшее 2/3 голосов и участие не менее 2/3 действующих депутатов [The Reich Constitution...].

Политических партий, хотя бы единожды получивших место в рейхстаге, было 29, но основными являлись шесть. Коммунистическая партия Германии (КПГ) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) пред-

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ и Научного фонда НИУ ВШЭ.

ставляют собой группу левых партий. К центристским относят Немецкую демократическую партию (НДП) и партию Центра (ПЦ), к правым — Немецкую народную партию (ННП), Немецкую национальную народную партию (НННП) и Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). Последние характеризовались значительной долей национализма в своих идеологических платформах. Большинство депутатов тех партий, которые составляли основу партийной системы — СДПГ, НДП, ПЦ, ННП, — были либо приверженцами республиканского строя, либо «республиканцами разума» [Нефедова, 2001]. Так или иначе, все они признавали невозможность реставрации монархии и необходимость проведения рациональной политики. Радикальными антисистемными партиями были КППГ и НСДАП.

Политика КППГ регулировалась извне декретами и указаниями Коминтерна, который, в свою очередь, полностью зависел от позиции руководства СССР [Ватлин, 2009]. Поэтому и идеологически близкие социал-демократы, и крайне правые национал-социалисты для КППГ считались одинаково неприемлемыми партнерами по коалиции. Целью Коминтерна была революция и установление в Германии советской республики по подобию СССР. Этому всячески противостояли немецкие социал-демократы. Более того, они тоже претендовали на рабочий электорат, а значит, напрямую соперничали с КППГ. «Между правительством Носке и фашистами почти нет различий», — заявил Н. Бухарин на 6-м конгрессе Коммунистического Интернационала (июль — сентябрь 1928 г.) [Там же].

Следует отметить, что коммунисты имели право на подобные высказывания. В 1919 г. под руководством министра обороны Германии социал-демократа Густава Носке с помощью парамилитарных организаций (фрайкоров) было жестоко подавлено восстание крайних левых — «Союза Спартака». В ходе восстания были убиты лидеры движения Карл Либкнехт и Роза Люксембург. «Кто-то должен быть кровавой собакой. Я не боюсь ответственности», — сказал тогда Г. Носке [Rippert, 2008].

НСДАП — националистическая партия, организованная по принципу вождизма. Идеологическая платформа партии состояла из идей превосходства арийской расы над всеми другими, антисемитизма, антикоммунизма. В трудностях немецкого народа партия обвиняла системные левые партии и агрессивно противостояла им. Массовая популярность пришла к НСДАП с началом экономического кризиса в 1929 г. Тогда нацисты стали силой государственного масштаба, а в 1932 г. — крупнейшей фракцией в рейхстаге.

Для того чтобы оценить предпочтения фракций в парламенте по отношению друг к другу, партии были расположены в одномерной шкале «левые — правые» по направлению экономической политики r , [Каспэ, Салмин, 2000] (табл. 1). Отношение к таким ценностям, как религия, семья,

нация и т.д., в значительной мере связано с экономическими установками политических акторов, поэтому для описания многообразия политических партий Германии в 20–30 годы XX в. достаточно «классической» лево-правой шкалы. Основанием для присвоения отдельным партиям конкретных позиций служил «обзор программ и практических мероприятий основных общенемецких акторов избирательного процесса» (см. подробнее [Нефедова, 2001; Яхлов, 2005]).

В соответствии с описаниями партий, «левее» всех находилась КПП, ($r_{\text{КПП}} = 1$), но ее фракция не вступала в коалиции в течение всего периода своего присутствия в рейхстаге, поэтому у нее отсутствуют какие-либо коалиционные предпочтения.

Члены «Веймарской коалиции», приверженцы социал-демократии, социал-реформизма и левого либерализма, находились слева от центра: $r_{\text{СДПГ}} = 3$, $r_{\text{НДП}} = 4$, $r_{\text{ПЦ}} = 5$. Ближе всех к ним справа находилась «системная» ННП ($r_{\text{ННП}} = 6$). Далее — менее значительная и более радикальная Баварская народная партия БНП ($r_{\text{БНП}} = 7$).

До 1930 г. в состав кабинета редко входили представители партий с националистической риторикой, например, НННП.

Далее можно расположить партии с правой и националистической риторикой по мере увеличения степени их радикализма: $r_{\text{НННП}} = 8$, $r_{\text{ЧБК}} = 9$, $r_{\text{НСДАП}} = 10$.

Таблица 1. Позиции основных партий Веймарской Германии

Партия i	Позиция r_i
Коммунистическая партия Германии (КПП)	1
Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ)	2
Социал-демократическая партия Германии (СДПГ)	3
Немецкая демократическая партия (НДП)	4
Немецкая государственная партия (НГП)	4
Партия Центра (ПЦ)	5
Немецкая народная партия (ННП)	6
Баварская народная партия (БНП)	7
Немецкая национальная народная партия (НННП)	8
Боевой фронт «Черный-Белый-Красный» (ЧБК)	9
Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП)	10

Моделирование коалиционных предпочтений для мелких партий, вроде Сельскохозяйственного союза или Саксонской народной партии, затрудни-

тельно и содержательно не имеет смысла, потому что они, как правило, получали менее 5% мест в рейхстаге и попадали в категорию «Прочие».

За 14 лет существования республики сменилось два десятка кабинетов, которые обычно формировались из членов идеологически близких друг другу партий. В таком случае могут ожидать общую позицию по вопросу и консолидированное голосование, а чем «дальше» партии друг от друга на идеологической шкале, тем меньше их желание договариваться и вступать в коалицию. Исключениями были «большие коалиции», правоцентристский кабинет 1925–1926 гг. и ситуация доминирования НСДАП в 1933 г.

Чтобы рассчитать, насколько близкими друг к другу были партии, мы предполагаем наличие предпочтений у каждой партии i к партии $j - p_{ij}$. Введем меру $1 = |r_i - r_j|$ и примем, что если $\lambda > 3$, то фракции не вступают в коалицию, и тогда $p_{ij} = 0$; $\lambda = 3$, то $p_{ij} = 1$; $\lambda = 2$, то $p_{ij} = 2$; $\lambda = 0$ или $\lambda = 1$, то $p_{ij} = 3$ — желание вступить в коалицию велико. Позицию каждой партии будет представлять целое число. Большая точность для последующего моделирования распределения влияния не является необходимой. Допускаются несимметричные предпочтения, когда $p_{ij} \neq p_{ji}$. Пример таких предпочтений будет показан ниже при моделировании выборов 1933 г., где взаимные предпочтения СДПГ–ПЦ и ПЦ–НСДАП были разными.

Для каждой партии можно определить силу связи с той или иной выигрывающей коалицией по формулам функций связи $f(i, \omega)$. Разные методы расчета функций связи представлены в [Aleskerov, 2006].

$$f^+(i, \omega) = \sum_{j \in \omega} p_{ij} / |\omega|. \quad (1)$$

Используя значения полученных связей между фракциями, можно рассчитать соответствующее влияние каждой фракции, для чего суммируются все значения $f(i, \omega)$ в выигрывающих коалициях, где i — ключевой участник:

$$\chi_j = \sum_{\omega} f(i, \omega). \quad (2)$$

Чтобы ограничить область возможных значений в границе от 0 до 1, осуществляется нормировка

$$\alpha_j = \chi_j / \sum_j \chi_j. \quad (3)$$

Важным допущением для расчета значений индексов влияния, в том числе учитывающих предпочтения по созданию коалиций, является то, что группа голосует консолидированно. В целом наибольшей партийной дисциплиной характеризуются законодательные собрания, которые формируются по пропорциональной системе, и в случае Веймарской Германии допущение

о консолидированности голосования обосновано. Нами не учитываются единичные случаи «протестного» голосования отдельных депутатов.

Рассмотрим несколько случаев распределения влияния в рейхстаге Веймарской Германии.

По итогам выборов 7 декабря 1924 г. самыми многочисленными были фракции СДПГ и НННП. Правительство формировалась трудно. ННП однозначно исключала «большую коалицию» с СДПГ и хотела привлечь к сотрудничеству НННП. Демократы считали такого партнера по коалиции неприемлемым, а партия Центра отказывалась работать в кабинете без участия НДП. Формирование коалиции стояло под угрозой: «Бесперспективно обращаться социал-демократам и националистам. Надо спрашивать людей, а не партии» [Нефедова, 2001, с. 120]. После нескольких попыток Г. Лютеру удалось сформировать правительство из правых и центристских партий — Центр, НДП, ННП, БНП и НННП. Оно было поддержано социал-демократами, которые не входили в кабинет, но обладали более чем четвертью мест в рейхстаге (табл. 2).

Таблица 2. Количество мест, доля мест и позиции партий после выборов в рейхстаг 7 декабря 1924 г.

Партия i	Количество мест ($n = 493$)	Доля мест	Позиция r_i
БНП	19	0,039	$r_{\text{БНП}} = 7$
НДП	32	0,065	$r_{\text{НДП}} = 4$
НННП	103	0,209	$r_{\text{НННП}} = 8$
ННП	51	0,103	$r_{\text{ННП}} = 6$
ПЦ	69	0,140	$r_{\text{ПЦ}} = 5$
КПГ	45	0,091	$r_{\text{КПГ}} = 1$
НСДАП и проч.	14	0,028	$r_{\text{НСДАП}} = 10$
СДПГ	131	0,266	$r_{\text{СДПГ}} = 3$
Прочие	29	0,059	

Такая коалиция не была устойчивой, поскольку в нее входили идеологически противоположные НННП и НДП, а также НННП и СДПГ. При моделировании без оговорок это означало бы нулевые предпочтения по отношению друг к другу, т.е. $p_{ij} = 0$, так как оба значения λ превышают 3 ($\lambda = |r_{\text{НННП}} - r_{\text{НДП}}| = 8 - 4 = 4$ и $\lambda = |r_{\text{НННП}} - r_{\text{СДПГ}}| = 8 - 3 = 5$). Но практически коалиция была создана, поэтому допустимо обозначить минимальные предпочтения $p_{\text{НННП-НДП}} = 1$ и $p_{\text{НННП-СДПГ}} = 1$, наоборот, $p_{\text{НДП-НННП}} = 1$ и $p_{\text{СДПГ-НННП}} = 1$.

Ввиду прямого запрета Коминтерна на создание коалиций прямые предпочтения КПГ по отношению к возможным партнерам по коалиции равны нулю ($p_{\text{КПГ-}j} = 0$), как и обратные ($p_{i-\text{КПГ}} = 0$), т.е. все другие фракции тоже не хотели вступать в союз с радикальными коммунистами (табл. 3).

Таблица 3. Матрица предпочтений $\|p_{ij}\|$ после выборов в рейхстаг 7 декабря 1924 г.

	БНП	НДП	НННП	ННП	ПЦ	КПГ	СДПГ	НСДАП и проч.	Прочие
БНП		1	3	3	2	0	1	1	0
НДП	1		1	2	3	0	3	0	0
НННП	3	1		2	1	0	1	2	0
ННП	3	2	2		3	0	1	0	0
ПЦ	2	3	1	3		0	2	0	0
КПГ	0	0	0	0	0		0	0	0
СДПГ	1	3	1	1	2	0		0	0
НСДАП и проч.	1	0	2	0	0	0	0		0
Прочие	0	0	0	0	0	0	0	0	

Квота для принятия обычных законов равнялась 247 голосам «за». Наибольшим весом при принятии решений обладали три партии — СДПГ, НННП и ПЦ. За счет большого количества мест у НННП остальные партии, вошедшие в кабинет, значительно увеличивали собственное влияние. Это видно при сравнении β - и α -индексов партий ННП и ПЦ. Например, $\alpha_{\text{НННП}} = 0,129$, $\beta_{\text{НННП}} = 0,095$, и $\alpha_{\text{НННП}}$ значительно больше $\beta_{\text{НННП}}$. Для СДПГ значение индекса Банцафа несколько больше, чем α -индекса, потому что кроме СДПГ была и другая крупная фракция — НННП, а предпочтения социал-демократов к многим фракциям были минимальными (табл. 4).

Таблица 4. Доля мест и значения индексов влияния по результатам выборов 7 декабря 1924 г.

Партия i	Доля мест	β	α_1	α_2
БНП	0,039	0,040	0,053	0,053
НДП	0,065	0,063	0,080	0,080
НННП	0,209	0,206	0,248	0,248
ННП	0,103	0,095	0,129	0,129
ПЦ	0,140	0,143	0,195	0,195

Партия i	Доля мест	β	α_1	α_2
КПГ	0,091	0,079	0	0
СДПГ	0,266	0,294	0,287	0,287
НСДАП и проч.	0,028	0,024	0,009	0,009
Прочие	0,059	0,056	0	0

Эта коалиция распалась, когда НННП и ННН хотели принять конституционный закон, возвращающий старый имперский флаг, но этому воспротивились социал-демократы, партия Центра и НДП. Следующий кабинет, сформированный В. Марксом (ПЦ), уже не пользовался поддержкой СДПГ. Для нашего анализа это значит, что взаимные предпочтения СДПГ и НННП равны нулю. Обе фракции потеряли в реальном влиянии, но значительно выиграли от этого партия Центра и ННП: $\alpha_{1\text{ ннп}} = 0,150$, $\alpha_{1\text{ пц}} = 0,227$ — они стали ключевыми игроками в большем числе выигрывающих коалиций.

Правоцентристское правительство реализовывало политику бюджетной консолидации и сокращения социальных выплат, в то время как затраты на военные расходы росли. Это не могло не отразиться на популярности правящих партий, и на следующих выборах они получили меньшее количество голосов, так как избиратели поддержали левоцентристов.

В результате выборов 5 марта 1933 г. в рейхстаг прошли более восьми партий. Общее количество мест равнялось 647. В данном созыве рейхстага некоторые взаимные предпочтения были асимметричны: $p_{\text{пц-сдпг}} = 2$ и $p_{\text{сдпг-пц}} = 3$; $p_{\text{нсдап-пц}} = 1$ и $p_{\text{пц-нсдап}} = 1$ (табл. 5).

Таблица 5. Доля мест и значения индексов влияния по результатам выборов 5 марта 1933 г.

Партия i	Число мест	Доля мест	Позиция r_i	β	α_1	α_2
БНП	18	0,028	$r_{\text{бнп}} = 7$	0	0	0
ННП	2	0,003	$r_{\text{ннп}} = 7$	0	0	0
ПЦ	74	0,114	$r_{\text{пц}} = 5$	0,091	0,161	0,174
ЧБК	52	0,080	$r_{\text{чбк}} = 9$	0,091	0,132	0,132
КПГ	81	0,125	$r_{\text{кпг}} = 1$	0,091	0	0
НГП	5	0,008	$r_{\text{нгп}} = 4$	0	0	0
НСДАП	288	0,445	$r_{\text{нсдап}} = 10$	0,636	0,625	0,625
СДПГ	120	0,185	$r_{\text{сдпг}} = 3$	0,091	0,082	0,070
Прочие	7	0,010		0	0	0

В марте 1933 г., несмотря на то что НСДАП не обладала абсолютным большинством, она занимала, как показывают все индексы, доминирующее положение в парламенте. Последним шагом к установлению нацистской диктатуры при выполнении демократической процедуры стало принятие 23 марта 1933 г. конституционного закона о наделении канцлера А. Гитлера дополнительными полномочиями.

КПГ имела 81 место и по-прежнему не вступала в коалиции. Значение индекса Банцафа, показывающего потенциал влияния на принятие решений, равно 0,091. Однако реальное влияние партии отсутствовало, что подтверждают значения индексов α_1 и α_2 , равные 0.

Отметим, что сравнение Коммунистической партии, Боевого фронта «Черный-Белый-Красный» (ЧБК) и ПЦ оказывается далеко не в пользу КПГ: именно она несет потери в реальном влиянии, тогда как две другие фракции выигрывают за счет наличия определенных предпочтений по вступлению в коалиции.

После аннуляции всех мандатов фракции КПГ (в связи с обвинением в поджоге здания рейхстага) квота для конституционных изменений составляла 378 голосов. С помощью партии Центра коалиция националистов (НСДАП и ЧБК-Боевой фронт) набрала конституционное большинство (414 голос). Людвиг Каас, председатель ПЦ, принял решение поддержать А. Гитлера в обмен на полученные устные гарантии уважения свободы церкви со стороны правительства, признание ее права на вмешательство в сферу культуры и образования. Партия Центра действительно была распущена последней.

В проведенном исследовании было показано, что оценка влияния фракций в парламенте может быть адекватно проведена с помощью индексов влияния, учитывающих предпочтения участников по созданию коалиций. На примере КПГ мы можем сделать вывод о том, что отказ от вхождения в коалиции способен свести к нулю влияние партии в законодательном органе даже в том случае, если она обладает значительной долей мест. Аналогично относительная идеологическая «размытость» способна увеличить влияние даже небольших фракций. Отказ потенциально влиятельных игроков вступать в коалиции может привести политическую систему к коллапсу, что и произошло в 20–30 годы XX в., когда неспособность КПГ и СДПГ, а также партий политического центра объединиться против крайних правых сил не воспрепятствовала приходу к власти в Германии режима национал-социалистов.

Литература

Ватлин А.Ю. Коминтерн. Идеи, решения, судьбы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.

Каспэ С.И., Салмин А.М. Измерения свободы: парламентский электоральный процесс в постсоветской России // *Полития*. 2000. № 3. С. 5–54.

Нефедова Т.Г. Веймарская демократия: Опыт коалиционного правления в Германии в 1919–1928 гг. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2001.

Яхлов А.В. Веймарская республика: партийная система, политические силы и их программы // *Политическая экспертиза*. 2005. № 3. С. 80–89.

Aleskerov F. Power Indices Taking into Account Agents' Preferences // *Mathematics and Democracy. Recent Advances in Voting Systems and Collective Choice*. Berlin; Heidelberg: Springer, 2006. P. 1–18.

Aleskerov F., Holler M. J., Kamalova R. Power Distribution in the Weimar Reichstag in 1919–1933 // Working paper WP7/2010/08. Moscow: Publishing House of the University — Higher School of Economics, 2010.

Post K. Communists and National Socialists. N.Y.: Macmillan, 1997.

Rippert U. German Social Democrats Meet in the Shadow of the Financial Crisis // World Socialist Web Site, 2008. URL: <http://www.wsws.org/articles/2008/oct2008/spdc-o24.shtml>

The Reich Constitution of August 11th 1919 with Modifications (Weimar Constitution). URL: http://www.zum.de/psm/weimar/weimar_vve.php

Г.В. Лукьянов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В «РАЗВИВАЮЩЕМСЯ» ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ: КОНЦЕПТ НОРМАТИВНОГО ДИСКУРСА И ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (на примере Ливии)

В данной работе предлагается рассмотреть права человека в качестве неотъемлемого и трансформирующегося под культурно-политическим воздействием региональных и глобальных факторов концепта политического дискурса в развивающихся незападных обществах.

Представляя этот концепт с точки зрения инструменталистского подхода в качестве элемента программы отдельных политических групп (будь то находящиеся у власти силы или оппозиционные объединения), мы предлагаем воспринимать его в качестве устойчивого элемента политической культуры и порождаемого ею политического дискурса, выполняющего конкретные функции в рамках действующей политической системы. При анализе ливийского случая инкорпорации, развития и дальнейшего использования концепта прав человека в политическом дискурсе в качестве преобладающих были определены выполняемые им функции адаптации политической системы в целом и ее отдельных элементов к условиям сосуществования с внешней средой, а также функция легитимации внутри самого социума.

Выбор ливийского примера не случаен, так как именно в этой стране в силу объективных и субъективных условий исторического развития сложилась уникальная во многих отношениях система социально-политических отношений [Vandewalle, 2006, p. 9–10], в которой с определенного момента концепт прав человека стал играть намного более важную роль в складывании модели взаимодействия между обществом и властью, чем в соседних государствах. Ключевым элементом этих отношений являлся эффект от ре-

лизации почерпнутого из теоретических изысканий М. Каддафи принципа «правления масс» посредством создания особой формы правления (джамахирии), предусматривающего отказ от представительной модели демократии в пользу признания за народом неотъемлемого права самостоятельного осуществления власти. При этом в условиях складывания авторитарного режима личной власти, стремящегося помимо всего прочего обеспечить собственную сохранность [Vandewalle, 1998, p. 67] вопрос видоизменения и трансформации концепции прав и свобод, их соотношения с другими постулатами и ценностями, сохранял и приумножал свою актуальность в течение всего периода существования данной системы (1977–2011).

В 1977 г. принятая Всеобщим народным конгрессом Ливии Декларация об установлении власти народа ознаменовала создание Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАД). Новое государственное образование, основанное на концептуальных изысканиях лидера ливийской революции 1969 г. М. Каддафи, отрицало следование моделям социально-политической коммуникации и институционализации, принятым в европейском и арабском мире того времени, предпочитая представительной демократии декларируемое стремление к отстаиванию позиций прямой демократии. Условия осуществления «власти народных масс» были раскрыты в догматичном труде М. Каддафи «Зеленая книга». [Gaddafi, 1976; 1978; 1979] Учитывая, что с 1977 по 2011 г. в Ливии так и не была принята конституция страны, основой для новой политической системы стали постулаты «Зеленой книги», которая наравне с другими текстами М. Каддафи, его директивами, декларациями и резолюциями Всеобщего народного конгресса сформировали корпус источников нового конструируемого политического дискурса [Рясов, 2005]. Анализируя последний на базе ливийских официальных документов, выступлений политиков и служащих, средств массовой информации, можно говорить о появлении собственного языка и терминологического аппарата, а также набора культивируемых и акцентированных ценностей.

В условиях постоянной трансформации «повестки дня» ни один дискурс не может оставаться статичным. Вследствие этого должны трансформироваться старые или появляться новые источники дискурса.

Что касается концепта прав человека, то данная тема появилась в качестве самостоятельного элемента политического дискурса в Ливии в конце 1980-х годов. Тогда же вслед за «Зеленой книгой» появились и соответствующие новым тенденциям свои источники дискурса, что напрямую связано с изменением внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации, а именно: с нарастанием социально-экономической нестабильности вследствие ухудшения отношений ливийского руководства с правительствами европейских и арабских стран в силу проводимой им политики [St John, 1987] и обо-

стрения межакторных противоречий внутри самой политической системы [Niblock, 2001, p. 76–82]. В условиях декларируемого отказа от институтов государственности режим М. Каддафи создал себе вполне институциональную опору в виде так называемых революционных комитетов, призванных обеспечивать политическую лояльность [Смирнова, 1992, с. 74–82]. Отсутствие регуляторов и ограничителей их деятельности привело к нарушению баланса политического взаимодействия и подрыву стабильности системы, что поставило на повестку дня необходимость выработки новых механизмов и концептов легитимации власти в контексте восстановления примата народа как источника власти и самоуправляемой общности.

Инструментом, с помощью которого режим смог бы эффективно реагировать на новые вызовы, оказался не столько институт, сколько концепт прав человека. Это отличие в понимании имеет принципиальное значение, поскольку дает наиболее полное представление о сущности описываемого явления, его места, роли и формы в ливийской политической культуре. С одной стороны «популярный» в европейских странах, с другой — неприемлемый для политических элит в арабских и африканских странах, концепт прав человека в течение долго периода в большинстве стран арабского мира, где существовали или существуют авторитарные режимы различных типов, так и оставался не реализованным институтом, а лишь дискуссионным понятием.

В 1988 г. Всеобщий народный конгресс Ливии принял Зеленую декларацию прав человека [Великая Зеленая Декларация...], призванную с инструменталистской точки зрения продемонстрировать всему остальному миру готовность режима следовать в фарватере общемирового набора ценностей и социальных ориентиров, а собственному населению — стремление отстаивать его чаяния в конфликте с террором революционных комитетов. Не вдаваясь в подробности содержания названной декларации и не приводя список провозглашенных в ней прав и свобод ливийского гражданина [Лукиянов, 2012], отметим, что в дальнейшем этот документ стал одним из основных в комплексе фундаментальных текстовых источников властных отношений, который, в свою очередь, развивался, включая в себя все новые и новые документы. Так, принятая в 1997 г. Хартия прав и обязанностей женщин в Джамахирийском обществе продолжила начатый в Зеленой декларации курс на регламентацию и формализацию положения женщин, позволивший Ливии значительно продвинуться на декларативном и реальном уровне по пути развития института прав женщин по сравнению с другими странами арабского мира [Coleman, 2012, p. 222–224].

Следует отметить, что принятая в 1990 г. Хартия революционной законности, ставшая еще одним фундаментальным нормативным актом в истории каддафистской Ливии, в качестве документальных источников этой самой

законности и легитимности принимаемых решений уже предлагала считать наряду с Зеленой книгой и Декларацией об установлении власти народа и Зеленую декларацию прав человека [Козырин, 1992, с. 92]. Весь этот документальный комплекс можно считать своеобразным аналогом не существовавшей при Каддафи ливийской конституции. В свою очередь, именно Зеленая декларация стала эквивалентом раздела конституции любого другого арабского государства, посвященного личности, ее правам и свободам [Сапронова, 2001, с. 164–172], а также включающего положения, которые основывались на едином понимании ислама как источника правовой традиции [Сюкияйнен, 1997; Ayoub, 1987].

В контексте вышеизложенного следует подробно остановиться на четырех принципах существования прав человека, из которых исходит их ливийская трактовка по М. Каддафи в соответствии с Зеленой декларацией. Надо отметить, что три из них отличны от характерных для любой арабской конституции:

1) «права человека, преемника Аллаха на Земле, не могут дароваться кем бы то ни было»;

2) права человека не могут «существовать в обществе насилия и эксплуатации»;

3) «права человека не могут быть гарантированы в мире, где существуют те, кто правит, и те, кем правят, где есть власть имущие и этой власти подчиняющиеся, где есть богатые и бедные»;

4) права человека не могут «осуществляться без победы масс над палачами и исчезновения режимов, подавляющих свободу, а утверждают свою власть и укрепляются на земле, когда народ становится хозяином через народные конгрессы».

В условиях сочетания декларативного признания постулатов о естественном происхождении и равенстве доступа к правам человека и невозможности их реального соблюдения в условиях жесткого подавления со стороны государства мы становимся свидетелями продвижения представлений о правах человека как о цели, которой необходимо достичь путем свершения революции на государственном, региональном и глобальном уровнях.

В этом ключе события так называемой «арабской весны» в Ливии, революционные события по свержению правящего режима М. Каддафи могут быть не чем иным, как следованием постулатам Зеленой декларации. Ведь не просто так в ней говорится о возможности получения народом конкретных прав путем «победы масс над палачами и исчезновения режимов, подавляющих свободу». Революция представляется здесь не только как единойжды свершившийся исторический факт, а как повторяемая процедура реализации интересов народа. В таком свете последовавшие в 2011 г. революционные

процессы могут служить подтверждением тому, что отраженные в источнике официального политического дискурса М. Каддафи постулаты носят не только нормативный предписывающий характер. Они фактически могут отражать реально происходящие в ливийском обществе процессы в том случае, если таковая революция стала возможна и в ней приняла участие значительная часть политической элиты, а не только рядовое население.

Тем не менее возникает другой вопрос: что в конкретном кейсе анализа мотивации общественного поведения в условиях транзита власти и развития общества в пред- и послетранзитный период первично, т.е. в наибольшей степени оказало влияние на сознание населения, выступившего против режима и находящегося перед необходимостью создавать новую систему социально-политических отношений. В контексте рассмотрения дискурса мы можем предложить как минимум два варианта: традиционная политическая культура, сформировавшаяся в результате исторического развития племенного общества в долгосрочной перспективе, или же тот дискурс, та самая реальность, что была сконструирована в результате воздействия официальной идеологии на устроения населения в течение более 40 лет правления М. Каддафи.

Этот вопрос не имеет однозначного ответа, что несколько не преуменьшает его значимости и актуальности в контексте понимания того, насколько политическая культура современного ливийского общества «без Каддафи» основывается на предложенной им модели восприятия бытия, и в частности, прав и обязанностей гражданина. Можно лишь предположить, что ответ находится где-то посередине.

Казавшаяся долгое время инновационной и радикально трансформационной внутренняя политика М. Каддафи не просто учитывала, но и многократно воспроизводила отдельные нормы и установки традиционного общества, создавая гибрид современного и традиционного. С точки зрения традиционных элит эта политика выглядела как реформистская, но, на взгляд самих реформистов, существовавших в тренде преобразований, которые происходили в других, отчасти более развитых, арабских государствах, — действия Каддафи расценивались как дикость [El Fathaly, Palmer, Chackerian, 1977, p. 45–67]. Тем не менее эта гибридная форма, благодаря сочетанию различных начал, оказалась достаточно жизнеспособной, чтобы просуществовать в течение четырех десятилетий под мощным воздействием со стороны внешней среды и внутрисистемных оппозиции, а также обеспечить укрепление в политической культуре важных элементов. Речь идет о том, что благодаря правлению Каддафи, несмотря на ситуацию в соседних странах и геокультурную близость к Европе, в Ливии наравне с установками современного общества сохранились и трансформировались с учетом времени нормы и нарративы общества племенного.

Далеко не последнее место в числе этих нарративов занимает комплекс неотъемлемых естественных прав и свобод членов общества, как индивидов, так и их совокупности в составе конкретных племенных или других социальных объединений. Реализованное ливийцами в 2011 г. право на свершение революции от имени народа представляет собой не столько следование региональному социально-культурному тренду под названием «арабская весна», но и реализацию традиционного права смены вождя племенного союза, инструментализированного в правление Каддафи посредством развернутой идеологической системы и обозначенного нами комплекса источников нормативного дискурса. Налицо влияние дискурса на складывание объективной существующей реальности.

В период самой «революции 17 февраля» и гражданской войны в Ливии начавшийся процесс транзита власти оказался в центре мирового внимания в свете геополитического и экономического положения этой страны. Информационный аспект ливийского кризиса внимательно изучается исследователями [Егорин, 2013; Chivvis, 2013]. В данном контексте важное место занимает концепт прав человека. Актуализация темы прав человека началась 15–16 февраля, когда на ленты мировых информационных агентств начали поступать сообщения о волнениях в Бенгази, Бейде и других ливийских городах. Практически сразу же, основываясь на материалах СМИ и официальных заявлениях различных лиц, можно говорить о дихотомии самого этого понятия в политическом дискурсе сразу по нескольким параметрам.

Во-первых, иностранные наблюдатели и комментаторы, будь то журналисты, политики или обыватели, в течение всего конфликта (февраль — октябрь 2011 г.) применяют термин «права человека» в контексте описания нарушения прав личности со стороны правящего режима и подконтрольных ему органов обеспечения безопасности [Chivvis, 2012]. Сторонники режима Каддафи и сам лидер революции 1969 г. используют термин «права человека и народа», апеллируя к коллективным ценностям и социальным ориентирам, речь о которых идет в принятых ими догматических документах. Не вдаваясь в подробности рассмотрения вопросов политизации позиций сторон, следует обратить внимание на разность восприятия концепта прав человека с точки зрения различия в содержании.

Во-вторых, в рамках начавшегося внутривийского конфликта весомый вклад в его развитие внесла деятельность Совета ООН по правам человека. Впервые в своей истории эта организация использовала против конкретного государства процедуру приостановления членства в Совете в связи с нарушением его правительством норм соблюдения прав человека [Резолюция совета ООН...]. В условиях отсутствия единого понимания сущности данного явления и набора конкретных прав и свобод, признаваемых в том числе

и на официальном уровне всеми участниками политического процесса, принятое консенсусом решение породило прецедент новой формы подчинения дискурсного концепта политическим интересам [Ходынская-Голенищева, 2013, с. 111–115] в ущерб институциональному развитию как элемента активной политической реальности демократического общества.

В-третьих, после смерти М. Каддафи 20 октября 2011 г. членство Ливии в Совете ООН по правам человека было восстановлено, в то время как конфликт в стране перешел в новую фазу, а по результатам наблюдений правозащитных организаций ситуация в области прав человека не изменилась в лучшую сторону. Вместе с появлением новой дихотомии понятия «права человека» на уровне соотношения представлений НПО и НКО, с одной стороны, и международных органов ООН, с другой, еще более усугубился диссонанс несоответствия его восприятия между ливийцами и всем остальным миром. Своеобразное символическое поощрение со стороны международного сообщества в сфере прав человека, сделанное исходя из политических интересов, легализовало в глазах рядового населения акты насилия против прав личности, сделав этот институт заложником политической конъюнктуры в долгосрочной перспективе. Примером тому можно считать ситуацию с правами женщин на прошедших в июле 2012 г. выборах во Всеобщий национальный конгресс [Лукьянов, 2012].

Таким образом, в Ливии тема прав человека стала неотъемлемым элементом официальной идеологии и пропаганды, выполняя важную функцию легитимации политического режима как на внутривнутриполитическом поле, так и на внешнеполитической арене и во время правления Каддафи, и после начала процесса транзита власти, не завершившегося по сей день. Права человека здесь не могут считаться предметом лишь протестного антиавторитарного дискурса, нередко в условиях данного региона носящего деструктивный характер, а представляют собой более фундаментальный элемент политической культуры.

Тот факт, что режим Муаммара Каддафи в Ливии, просуществовав более 40 лет, стал одним из самых долговечных на всем африканском континенте, служит лишь косвенным доказательством того, что избранная им модель идеологических конструктов (в том числе и прав человека) позволила ему сохранить легитимность своей власти в течение столь длительного срока. Но именно в силу долговременности функционирования идеологического аппарата и его воздействия на население своеобразному изменению подверглась политическая культура в целом, а концепт прав человека стал ее важной составляющей. Вследствие того, что сам концепт в данной формулировке является заимствованным и не присутствует в традиционной культуре ливийцев под этим названием, актуальным и полезным видится дальнейшее изучение

последовательного и поэтапного процесса его включения в дискурс и положения в условиях насильственного транзита власти.

В доказательство тезиса о взаимовлиянии, оказываемом дискурсом на реальную жизнь и наоборот, на реальных примерах в данном исследовании было показано, что конструкты, именуемые правами человека официальной ливийской пропагандой в период правления Каддафи, оказались включены в базовый набор социальных ценностей, сохранившийся и приумножившийся в политической культуре после крушения политической системы Джамахирии в 2011 г., отчасти послужив основой для социального подъема против М. Каддафи и его режима.

В то же время эти конструкты значительно отличаются от принятых в международной практике и определяемых Всеобщей декларацией прав человека, что в результате приводит к диссонансу и непониманию. Число преступлений против человека и его прав в Ливии после свержения М. Каддафи только возросло, т.е. права человека в «западном понимании» нарушаются. Но при этом реализуются те права, которые прижились благодаря «Зеленой книге» и «Зеленой декларации прав человека» М. Каддафи: право на революцию, право на самоуправление, право на войну и т.д.

Литература

Великая Зеленая Декларация Прав Человека в Эпоху Масс // Информационный портал «Каддафи.ру». URL: <http://kaddafi.ru/z-declar.html>

Егорин А.З. Свержение Муаммара Каддафи. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013.

Козырин А.Н. Джамахирийская политическая концепция и государственный механизм в Ливии М.: МГИМО, 1992.

Лукьянов Г.В. Восприятие и понимание прав человека в официальном политическом дискурсе Ливийской Джамахирии // Культурные аспекты и право-применительная практика в области прав человека в арабском мире. WP18 «Права человека в современном мире». М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 20–38.

Лукьянов Г.В. Выборы во Всеобщий Национальный Конгресс Ливии: контекстуализация, концептуализация и подведение итогов // Новое восточное обозрение. 2012. 16 февраля.

Резолюция совета ООН по правам человека «Ситуация в области прав человека в Ливийской Арабской Джамахирии» (Документ ООН A / HRC / RES / S-15 / 1).

Рясов А.В. Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов» М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005.

Сапронова М.А. Арабский Восток: власть и конституции. М.: МГИМО(у); РОССПЭН, 2001.

Смирнова Г.И. Опыт ливийской революции. Преобразование социально-экономических и политических структур. М., 1992.

Сюкияйнен Л.П. Шариат и мусульманская правовая культура. М., 1997.

Ходынская-Голенищева М. «Ливийский урок». Цель оправдывает средства? М., 2013.

Ayoub M. Islam and the Third Universal Theory: Religious thought of Mu'ammар al-Qadhafi. L.: Kegan Paul International, 1987.

Chivvis Ch.S. Libya and the Future of Liberal Intervention // Survival: Global Politics and Strategy. 2012. Vol. 54. No. 6. P. 69–92.

Chivvis Ch.S. Toppling Qaddafi. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Coleman I. Women and the Arab Revolts // The Brown Journal of World Affairs. 2012. Vol. 18. No. 1. P. 222–224.

El Fathaly O., Palmer M., Chackerian R. Political Development and Bureaucracy in Libya. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1977.

Gaddafi M. The Green Book. Part One. The Solution of the Problem of Democracy. “The Authority of the People”. L., 1976.

Gaddafi M. The Green Book. Part Two. The Solution of the Economic Problem: Socialism. Tripoli, 1978.

Gaddafi M. The Green Book. Part Three. The Social Basis of the Third International Theory. Tripoli, 1979.

Niblock T. “Pariah States” & Sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. L., 2001.

St John R.B. Qadhafi's World Design: Libyan Foreign Policy. 1969–1987. L.: Saqi Books, 1987.

Vandewalle D. A History of Modern Libya. Cambridge, 2006.

Vandewalle D. Libya since Independence: Oil and State-Building. Cornell University Press, 1998.

С.А. Рагозина,
А.Л. Рябинин

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ, РЕЛИГИЯ И ПРАВА ЖЕНЩИН В ЕГИПТЕ И ТУНИСЕ ДО И ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Постановка проблемы

Проблема прав женщин в арабском мире сегодня не только представляет живой научный интерес, но и является чрезвычайно актуальной для практики правозащитного движения. Причина этого заключается в специфике ислама как религии, в его воздействии, с одной стороны, на политическую власть, а с другой — на все стороны общественного поведения, в том числе и на отношение к женщине.

Общеизвестно, что в большинстве стран арабского мира ислам — государственная религия. Исламская политическая доктрина не предполагает разделения светского и религиозного начал: на протяжении всей истории арабских стран, начиная с VII в., большинство политических норм постоянно изменялись в ходе практики их толкования исламскими учеными, но при этом неизменно сохранялся исходный тезис об отсутствии автономной политической сферы, находящейся вне воздействия ислама. Иными словами, происходила «адаптация» тех или иных норм, зафиксированных в Коране или Сунне, к текущей политической ситуации, но тезис о базовом воздействии ислама на все сферы государства и общества не подвергался сомнению. Конкретная политическая практика в разные периоды интерпретировалась по-разному, а обновленная норма могла использоваться и как инструмент легитимации политического режима, и как катализатор его изменений.

Такая же ситуация складывалась и с правами женщин. Коранические формулировки относительно статуса женщины (как и по многим другим вопросам) были достаточно расплывчаты. Полемика второй половины XX — начала XXI в. в среде исламских ученых по вопросу о положении женщины

может быть представлена как диалог «модернистов и традиционалистов», в котором первые предлагают либеральные интерпретации коранических предписаний, требуя приравнять полигамию к рабству и, следовательно, отменить ее, а вторые настаивают на сохранении «традиционных» ограничений прав женщин: сложной процедуры развода, инициированного женщиной, затруднения участия женщины в политическом процессе и т.д.

В каждой арабской стране устанавливается свой баланс между «модернизмом» и «традиционализмом».

Для анализа нами были взяты две страны — Египет и Тунис. Принято считать, что именно эти страны были наиболее «продвинуты» в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в вопросе обеспечения и защиты прав женщин, особенно Тунис, долгое время играющий роль своеобразного эталона «вестернизации».

Несмотря на некоторые общие моменты в политическом развитии выбранных стран (например, достаточно длительное существование авторитарного режима, светский характер политической власти, отсутствие племенной дифференциации обществ), ситуация с правами женщин в них несколько различалась. Это объясняется и зависимостью от различных европейских держав (Египта — от Великобритании, Туниса — от Франции), и характером появления новых политических систем в Тунисе и Египте в середине XX в., и особенностями трансформации политических режимов как на протяжении второй половины XX в., так и в начале XXI в.

В качестве оснований для сравнения нами были использованы:

- *модель взаимодействия основных акторов политических систем двух стран.* Описание этих акторов включает анализ трансформации конфликта «модернисты-традиционалисты», воплощающегося во взаимодействии «прогрессивных» политических лидеров и вестернизированных феминистических движений, с одной стороны, и сил политического ислама и «феминисток-исламисток» — с другой. Следует отметить, что это взаимодействие не всегда носило характер прямого противостояния;

- *анализ официальных законодательств двух стран.* Данный пункт является основным в понимании официального дискурса прав женщин. Законодательство определило институциональный объем прав женщин на протяжении второй половины XX в., что привело к появлению достаточно стабильной правовой системы по данным вопросам. Однако после событий «арабской весны», когда в Египте и Тунисе относительное большинство в парламенте получили различные партии радикального (в разной степени) политического ислама, официальный дискурс прав женщин в этих странах, и по объему и по набору характеристик, начал меняться.

Модель взаимодействия основных акторов политической системы

Многие исследователи, занимающиеся политической историей Туниса и Египта, акцентируют внимание на конфликте светской власти и религиозных политических сил [Ражбадинов, 2006; Видясова, 2005; 2007]. Действительно, в середине XX в. в этих странах произошли революции, результатом которых стало появление новых светских политических режимов, с теми или иными изменениями сохранившихся до событий «арабской весны». Особенность этих светских режимов — фактический вывод сил политического ислама из сферы легальной политической борьбы, в результате чего деятельность наиболее активных «исламистских» объединений оказалась под запретом. Так, в Египте организация «Братья-мусульмане» была запрещена в 1954 г., а в Тунисе партия «Ан-нахда» («Возрождение»), спустя восемь лет после своего возникновения, была не допущена к выборам 1989 г. Столь жесткие ограничения прямо повлияли на отношение к ситуации с правами женщин в указанных странах.

Тунис получил независимость в 1956 г. после 74-летнего французского протектората в результате десятилетней вооруженной и политической борьбы. Процесс обретения Тунисом независимости не носил столь кровавый характер, как это было, например, в Алжире. Первый президент Хабиб Бургиба, придя к власти, наряду с доброжелательными отношениями с США (основной инвестор), ФРГ и СССР установил курс на дружбу с Францией. Связь Туниса с бывшей метрополией оказалась столь прочной, что это проявилось даже в заимствовании многих положений французского законодательства и восприятии тунисцами некоторых французских политических ценностей. В Тунисе 13 августа 1956 г. был принят Кодекс гражданского состояния, утвердивший равноправие женщины с мужчиной, запретивший многоженство и признавший юридическую силу гражданского брака [История Востока, 2008]. Благодаря этому обеспечение прав женщин в Тунисе получило прочную законодательную базу.

Однако закрепление прав и свобод женщин в Тунисе вызвало неприятие со стороны той части населения, которая придерживается традиционалистских взглядов. Осуждая копирование французских правовых норм и французского образа жизни, традиционалисты видели единственно верный путь независимости своей страны в доминировании исламских ценностей во всех сферах общественной жизни. При этом «Ан-Нахда» была не единственной организацией политического ислама, но, будучи самой крупной среди них, представляла очень разные взгляды, от наиболее умеренных до крайне радикальных.

Следует отметить, что в вопросах реализации прав женщин особенностью тунисского политического ислама стало доминирование умеренного крыла исламистов. И хотя в СМИ во время событий «арабской весны» образ «Ан-Нахды» преподносился исключительно в качестве радикальной исламистской организации, многочисленные социологические исследования позволяют утверждать, что взаимодействие представителей политического ислама и сторонников феминистического движения не может рассматриваться исключительно в негативном ключе.

Несмотря на то что господствующая точка зрения в исследовательской среде представляет феминизм сугубо западным концептом, который может применяться к арабским реалиям лишь с большой долей условности [Nadje, 2000, p. 3–15], сами представительницы «арабского феминизма» предлагают относить их деятельность к сфере «женского активизма», мотивируя это тем, что спектр их действий и целей гораздо шире, чем у западных феминисток. Многочисленные интервью с такими арабскими активистками показывают, что наряду с борьбой за политические свободы и равные экономические права (то, чем занимаются борцы за права женщин в западных странах) «женский активизм» в арабских странах, в частности, в Египте и Тунисе, вписан в более широкий контекст политической оппозиции.

Активное слияние различных форм оппозиционных взглядов под крылом одной организации пришлось в Египте и Тунисе на начало 2000-х. Результатом этого объединения стало такое явление, как феминистки-исламистки [Jassta, 2012] (сложное общественное движение, возможно, являющееся реакцией женщин на репрессии со стороны властей, понимание арабскими женщинами невозможности добиться реального равноправия с мужчинами в существующих условиях и предпочтение создавшемуся положению той доли благ, которую они отвоюют в борьбе с режимом, сражаясь против режима и воюя бок о бок с массой исламистов), выступающие за умеренную инкорпорацию исламских норм в социальную сферу, за реализацию основных принципов мусульманской морали в общественной жизни без посягательства женщин на мужской «домен политики». Если девушка из числа феминисток-исламисток надела хиджаб, это не значит, что она его надела под принуждением. Такая добровольная феминистка-исламистка отнюдь не является ярым адептом идеологии радикального исламизма, но в то же время и не претендует на полное политическое равенство с мужчиной. В Египте в рамках организации «Братья-мусульмане» действует женское крыло «Сестер-мусульманок», активизировавшееся во время событий «арабской весны» [Rhalaf, 2012; Beugnies, 2012].

У политического ислама и арабской версии «женского активизма» есть одна общая черта — апелляция к принципам социальной справедливости.

Каутар Бэн Ромдан, являясь на протяжении многих лет активисткой партии «Ан-Нахда», была осуждена в начале 1990-х годов тунисскими властями, как и многие другие члены этой организации. Испытав на себе все ужасы заключения в общей тюрьме (в Тунисе нет отдельных тюрем для мужчин и женщин), она после освобождения не оставила деятельность в рамках «Ан-Нахды» и стала активно помогать женщинам со схожей судьбой, заявляя о том, что добивается уважения достоинства каждого тунисца [Gray, 2012, р. 294–295] без различия пола.

В процессе исторического развития Туниса институты защиты прав женщин инкорпорировались в структуры принятия политических решений. В конце 1950-х годов такие институты, являющиеся важным атрибутом развития нового государства, были включены в корпоративистские государственные структуры [Dalmasso, Cavatorta, 2010, р. 221]. Для того чтобы режим независимого Туниса соответствовал вызовам социальной и политической модернизации, Хабиб Бургиба, как уже отмечалось, принял в 1956 г. Кодекс о личном статусе, официально запрещающий полигамию и внесудебную процедуру развода. После прихода к власти в результате переворота в 1987 г. Зин аль-Абидин Бен Али в Тунисе обострился конфликт светского и религиозного начал. Это выразилось в появлении, с одной стороны, феномена государственного феминизма, а с другой — противостоящего ему исламистского феминизма.

Государственный феминизм — одно из проявлений централизации власти. Он реализовался прежде всего в стремлении первой леди государства, Лейлы Бен Али, играть решающую роль в таких крупных женских организациях Туниса, как Арабская лига женщин, Арабская комиссия по международному гуманитарному праву, Всемирная ассоциация женщин-предпринимателей.

Исламистский феминизм подвергался гонениям в рамках репрессий представителей партии «Ан-Нахда» и других движений политического ислама. На пике репрессий было задержано около 34 000 тыс. человек, большинство из которых исламисты [Gray, 2012, р. 293–294]. Значительная часть заключенных, среди которых были и женщины (к сожалению, данные об их численности отсутствуют), осуждались без суда и следствия, подвергались жестоким пыткам. Ухудшилось также положение тех женщин, чьи мужья или отцы были осуждены: родные и близкие отказались от общения с ними, оставив их в коммуникационном вакууме. По заявлениям Рашида Ганнуши, одного из лидеров партии «Ан-Нахда», женщины, права которых он обещал защитить [Ryan, 2011], составили половину электората его партии [Larbi, 2011]. Следует учитывать, что 85% избранных в тунисский парламент женщин

(42 из 49) состоят в партии «Ан-Нахда» и склонны придерживаться своих политических позиций [Coleman, 2012, p. 218].

Кроме исламских феминисток в Тунисе имеется определенное количество сравнительно независимых женских организаций: *Association tunisienne des femmes démocrates* (ATFD), *Tunisian Association of Democratic Women*, *Association des femmes tunisiennes pour la recherche sur le développement* (AFTURD). Они подчеркивают необходимость поддержки умеренного ислама со стороны государства, но в то же время опасаются за индивидуальные права и свободы женщин в том случае, если возобладаст фундаменталистская ветвь ислама [Gray, 2012, p. 290].

В Египте ситуация отличалась от тунисской. Англичане предоставили Египту формальную независимость в 1922 г., т.е. на 34 года раньше, чем это сделали французы в отношении Туниса. Уже в 1929 г. в Египте был принят Закон о персональном статусе. В результате июльской революции 1952 г. к власти в стране пришли представители тайной организации «Свободные офицеры», образовавшие Совет революционного командования (СРК), председателем которого стал Мухаммед Нагиб, а его заместителем — Гамаль Абдель Насер. Когда в 1953 г. Мухаммед Нагиб стал первым президентом страны, между ним и его заместителем разгорелась острая борьба. Выступавший за углубление социальных реформ Гамаль Абдель Насер обвинил Мухаммеда Нагиба в связях с заговорщиками из организации «Братья-мусульмане», устроившими на него покушение, и 14 ноября 1954 г. отстранил президента от власти. Ассоциация «Братья-мусульмане» была разгромлена и запрещена. В 1970 г. после смерти Насера президентом был избран Анвар Садат, также являвшийся представителем организации «Свободные офицеры», но радикально пересмотревший курс Насера, в том числе и в отношении к политическому исламу. Ассоциация «Братья-мусульмане», находясь юридически вне закона, поощрялась новыми властями и получила возможность резко активизировать деятельность религиозных орденов (тарикатов) и религиозных общин. Дело дошло до того, что для ослабления левых насеристов и марксистов в учебных заведениях стали создаваться исламские комитеты. В первой половине 1970-х годов впервые после 1952 г. в стране вспыхнули коптско-мусульманские межконфессиональные розни [История Востока, с. 162]. После того как в сентябре 1981 г. была проведена кампания массовых политических репрессий, в ходе которых подверглись аресту 1,5 тыс. ведущих деятелей оппозиции, в том числе лидеров и активистов мусульманских экстремистских организаций, 6 октября 1981 г. Анвар Садат был убит членом радикального крыла «Братьев-мусульман» — представителем экстремистской организации «Аль Джихад». Согласно действовавшей тогда Конституции власть перешла к вице-президенту страны Хосни Мубарак [Там же, с. 166], а 14 октября того

же года в стране было введен режим чрезвычайного положения, сохранявшийся вплоть до 25 января 2012 г., когда глава Верховного военного совета Египта Хусейн Тантави заявил о его отмене [Lenta.ru, 2012].

Анализ истории Египта второй половины XX в. позволяет утверждать, что военные играли важнейшую роль в политическом развитии страны. Это подтверждается и многочисленными исследованиями в данной области [Karawan, 2011; Said, 2012]. Права женщин реализовались в рамках двух из шести принципов египетской революции, сформулированных Насером 28 марта 1955 г.: социальная справедливость и установление подлинной демократической системы [История Востока, с. 156]. Однако прогрессивные законопроекты в указанных сферах в отношении «женского вопроса» зачастую носили декларативный характер и не имели реальной базы для обеспечения вновь обретенных прав и свобод женщин. Это породило появление массы независимых женских организаций, выступающих за реализацию на практике «прогрессивного» египетского законодательства в сфере прав женщин. Наиболее крупными из подобных организаций были Новый женский фонд (*New Women Foundation*), Союз арабских женщин (*The Alliance of arab women*), Ассоциация женского развития и усовершенствования (ADEW), Египетский центр прав женщин (ECWR). Эти женские организации, с одной стороны, вписывались в более широкий контекст «прогрессивистского» движения, а с другой — были слишком разрозненны, чтобы играть сколько-нибудь существенную роль на египетской политической арене.

Сходство египетской и тунисской моделей государственного феминизма заключалось в том, что созданный в 2000 г. Национальный совет женщин Египта возглавила жена президента Мубарака — Сюзанна Мубарак. Основная цель создания этого Совета состояла в дополнительной легитимации режима Хосни Мубарака и в контроле правительства над формированием повестки дня в отношении прав женщин [Hanam, 2011, p. 37]. Сегодня эту структуру возглавляет Мерват Таллави — заместитель генерального секретаря ООН и исполнительный секретарь Экономической и социальной комиссии Западной Азии (ESCWA) в 2001–2007 гг. [President of Council].

Официальное законодательство

Как отмечалось, 13 августа 1956 г. в Тунисе был принят Кодекс, положивший начало либеральной традиции в отношении права женщин на равное положение с мужчинами. «В документе не было явных ссылок на ислам, тем не менее исламские ценности играли в нем существенную роль» [Grami, 2008, p. 350]. Акцент в Кодексе был сделан на создание светского общества,

где религия становилась личным делом каждого. Основные, революционные для того времени положения сводились к следующим: запрет полигамии, запрет выдачи замуж отцом своей дочери против ее воли, запрет одностороннего развода как со стороны жены, так и со стороны мужа; установление минимально допустимого возраста для свадьбы (для мужчин — 20 лет, для женщины — 17 лет). Согласно поправкам к Кодексу 1959 г. женщины получили равное с мужчинами избирательное право. К 1973 г. в Тунисе действовало самое либеральное из всех арабских государств законодательство по вопросам аборт: женщине гарантировалось право совершить аборт в течение первых трех месяцев беременности. Поправки к Уголовному кодексу, принятые 8 марта 1968 г., ужесточали наказание за изнасилование. В 1985 г. тунисское правительство ратифицировало Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [States parties].

Законы 1997 и 1998 гг. предоставляли женщинам право совместного семейного владения имуществом. Женщины были широко представлены в органах власти, имели доступ к получению образования. По данным, на 2009 г. 93% женщин получали начальное и среднее образование, 41% — высшее образование. При этом численность женщин, получивших высшее образование, на 13% превышало число мужчин с высшим образованием [Data].

В Египте, формально получившем независимость в 1922 г., в отношении женщин принятие важнейших законов началось на 27 лет раньше, чем в Тунисе. Во-первых, уже упоминавшийся Закон о персональном статусе 1929 г. оправдывал создание светского общества и выбор религии персонально каждым индивидуумом ссылками на шариат [Bernard-Maugiron, 2010]. Даже во время правления Гамаль Абдель Насера шариат продолжал оставаться основным источником права по вопросам семейных отношений [El-Mahdi, 2010]. Во-вторых, поправки 1985 г. к Закону о персональном статусе 1929 г. утверждали в случае развода право женщины на финансовую компенсацию (мут'а), проживание в доме супруга и опеку над детьми (над девочками — до 12 лет, над мальчиками — до 10 лет). Муж должен был официально уведомлять жену о новом браке и, в свою очередь, получал право перестать содержать жену в том случае, если она нарушала долг послушания: муж по-прежнему оставался главным в семье. В-третьих, так называемые Законы Сюзанны, инициированные женой Хосни Мубарака в начале 2000-х годов, существенно расширяли права египетских женщин: закон о «хул'а» предоставлял женщине право требовать развода в случае выплаты ею компенсации своему мужу; был увеличен срок опеки матерью над детьми в случае развода (над мальчиками — до 15 лет, над девочками — до замужества); женщина получила право в случае выхода замуж за иностранца передавать своим детям египетское гражданство [Hatem, 2011, p. 37].

Необходимо отметить, что после событий «арабской весны» ни в Тунисе, ни в Египте не было принято ни одного закона, прямо ограничивающего права женщин. Основная проблема женщин в этих странах находится в сфере реализации их прав, зафиксированных формально-юридически. В многочисленных интервью женщин-активисток выражаются опасения по поводу системы реализации данных прав, фиксируются участвовавшие случаи домашнего, а порой и открытого насилия. Интерес к этой теме проявляют и представители зарубежных СМИ, активно тиражирующие информацию о нарушениях прав женщин в Тунисе и Египте.

Проведенный анализ исследовательской литературы и прессы позволяет говорить о том, что на протяжении второй половины XX в. было зафиксировано множество случаев нарушений прав женщин, что связано в первую очередь с сохраняющейся патриархальностью в политической культуре Египта и (в меньшей мере) Туниса. Однако эти сведения не были доступны широким слоям общественности.

Сегодня же информационные технологии позволяют превратить любое информационное событие в повод для глобального воздействия на общественное мнение. Именно этим и объясняется возросший интерес к теме прав женщин в исламских странах, где пришедшие к власти исламисты попирают права женщин: в своих высказываниях некоторые лидеры «Братьев-мусульман» в Египте и «Ан-нахды» в Тунисе требуют установления норм шариата во всех сферах жизни общества, в том числе и в «женском» вопросе. Однако пока никаких репрессивных законов в отношении прав женщин ни в одной из рассматриваемых стран, где к власти пришли умеренные исламисты, не принято. И это обнадеживает.

Литература

В Египте отменят действовавшее 30 лет чрезвычайное положение // Lenta.Ru. 2012. 25 января. URL: <http://lenta.ru/news/2012/01/24/egypt/>

Видясова М.Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000). Т. 1, 2. М., 2005; 2007.

История Востока. Т. VI. Восток в новейшее время (1945–2000). М.: «Восточная литература» РАН, 2008.

Ражбадинов М.З. Умеренный исламизм в Египте на примере деятельности организации «Братья-мусульмане». 2-е изд. М.: Ин-т востоковедения, 2006.

ADEW. Association for the Development and Enhancement of Women (ADEW). URL: <http://www.adew.org/en/>

Bernard-Maugiron N. Personal Status Laws in Egypt. Institute of Research for Development (IRD). Cairo, 2010. March.

Beugnies P. Egypt's Muslim Sisterhood: What Roles Do Islamist Women Play? URL: <http://world.time.com/2012/06/15/egypts-muslim-sisterhood-what-roles-do-islamist-women-play/photo/soeurs-musulmanes-degypte-4/>

Coleman I. Women and Arab Revolts // *The Brown Journal of World Affairs*. 2011. Vol. 18. No. 1. P. 218.

Dalmasso E., Cavatorta F. Reforming the Family Code in Tunisia and Morocco — the Struggle between Religion, Globalisation and Democracy // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 213–228.

Data // The World Bank. URL: Data.worldbank.org

ECWR. Egyptian Center for Women's Rights. URL: <http://www.ecwronline.org/>

El-Mahdi R. Does Political Islam Impede Gender-based Mobilization? The Case of Egypt // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2010. Vol. 11. No. 3–4. P. 379–396.

Grami A. Gender Equality in Tunisia // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2008. No. 35 (3). P. 349–361.

Gray D.H. Tunisia after Uprising: Islamist and Secular Quests for Women's Rights // *Mediterranean Politics*. 2012. Vol. 17. No. 3. P. 285–302.

Hatem M. Gender and Revolution in Egypt // *Middle East Report*. Vol. 261. P. 36–41.

Jassat F. Revolutionary Women // *New Internationalist*. 2012.

Khalaf R. The Muslim Sisterhood // *Financial Times Magazine*. 2012. 2 Nov. URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/167164a6-1e34-11e2-8e1d-00144feabdc0.html#slide0>

Karawan I. Politics and the Army in Egypt // *Survival*. 2011. Vol. 53. Iss. 2. P. 43–50.

Larbi K. Tunisia's Islamist Frontrunner Urges 'Clean' Election // *AFP*. 2011. 13 Sept.

Nadje S. Al-Ali. Secularism, Gender & the State in the Middle East: The Egyptian Women's Movement. USA: Cambridge University Press, 2000.

New women Foundation. URL: <http://nwrcegypt.org/>

President of Council. URL: <http://www.ncwegypt.com/index.php/en/about-ncw/president-of-the-council>

Ryan Y. Tunisia: Women's Rights Hang in the Balance // *Al-Jazeera*. 2011. 20 Aug.

Said A. The Paradox of Transition to "Democracy" under Military Rule // *Social Research*. 2012. Vol. 79. Iss. 2. P. 397–434.

States parties // *Un.org*. URL: http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-8&chapter=4&lang=en

The alliance of arab women. URL: <http://www.theallianceforarabwomen.org/>

И.В. Соболева

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

КАРЛ ШМИТТ И МИШЕЛЬ ФУКО: ПРЕДЕЛЫ СОВМЕСТИМОСТИ КОНЦЕПЦИЙ СУВЕРЕНИТЕТА И ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

Постановка проблемы

В статье рассматривается парадоксальное сходство концептуальной логики левых и правых мыслителей, выражающееся в семантическом объединении понятий «суверенитет» и «легитимность власти». С помощью концептуальной деконструкции логики Карла Шмитта и Мишеля Фуко мы показываем, что и для правой, и для левой политической мысли характерно фактическое отождествление суверенитета власти и ее легитимности. Поскольку это отождествление лежит в основе международных правовых актов, с признанием суверенитета конкретного политического объединения косвенно признается и легитимность власти, это объединение создающей. Наиболее провокационным политическим теоретикам с обоих флангов свойственно восприятие суверенитета через призму юридического и придание технике властвования самостоятельной ценности.

Актуальность исследования состоит в существующей неточности в понимании суверенитета при признании государств международным сообществом и необходимости проектирования возможных направлений адаптации одного из самых востребованных политических понятий к современной политической конъюнктуре. Проблема исследования заключается в противоречии между современным пониманием легитимной власти и инерционным употреблением понятия «суверенитет» в качестве основания утверждения этой легитимности.

Гипотеза исследования — восприятие суверенитета как основы легитимности обусловлено заложенным в нем соединением юридического и

сакрального, а также является частным случаем характерной для западно-европейской политической традиции придания технике властвования самостоятельной ценности.

Общая основа легитимности власти

Суммируем общие элементы концепций, способные дать объяснение тождеству трактовок суверенитета в концепциях Шмитта и Фуко.

Аналогии в концептуализации пространства. По Фуко, логика определения властного пространства детерминирована фактом суверенности власти, а сила власти — способностью закрыть пространство вокруг властного объекта [Кастель, 2001, с. 40]. Здесь можно увидеть крайне любопытные аналогии в логике ограничения властного пространства суверенной властью по Шмитту. Власть в концепции обоих мыслителей реализуется в строго очерченном пространстве, внутри которого она суверенна.

Консервативный стиль мышления. И Шмитт, и Фуко мыслили как консерваторы. В стиле их мышления проявляются и иррациональные компоненты властных отношений. Оба ставили четыре значимые для консерватизма структурные проблемы и предлагали конкретные — а значит, консервативные методы их решения. Сходством стиля мышления объясняются неожиданные «постмодернистские» наклонности Шмитта или встречающиеся у Фуко правые тезисы. Однако, несмотря на различие в ценностных предпосылках, обоих мыслителей сближает их антилиберальность и ориентация на поиск ценностей в утопии прошлого.

Тайна власти и ее импликации. Упомянутая проблематика техники власти пересекается с вниманием обоих авторов к ее имманентной эзотерике и культовой идее модерна — идее построения «прозрачного минимального государства, внутри которого не существует «тайного знания» и нет таких сфер, которые были бы недоступны взору и контролю любого гражданина» [Алексеевкова, 2008, с. 149]. Роль, придаваемая Фуко эзотерике власти в концепции «юридического суверенитета», показана в «Воле к истине» как одна из неотъемлемых черт дискурса власти в исследуемую нами эпоху модерна: «Тайна не есть для нее нечто из ряда злоупотреблений — она необходима для самого функционирования власти» [Фуко, 1996, с. 185–186]. Шмитт объясняет конкретный механизм самосохранения власти через таинство техники, а Фуко в первую очередь сосредоточивается на исторических основах этого сцепления, объясняя его появление естественным отбором тех властных институтов, которые смогли образовать сплав права, монархии и ее легитимности. Фуко лишь вскользь описывает тот финальный механизм, благодаря которому стало возможно государственное право в эпоху модерна, но в

нашем исследовании он обладает чрезвычайной важностью: это идентификация воли монархической власти с законом. Вдумаемся в эту особенность сложившейся логики либеральной юридической мысли. Нормальная для абсолютизма логика отождествления воли монарха и издаваемого им закона претерпела изменения только во внешних ограничениях законотворчества: процедурами его рассмотрения, участниками законодательного процесса, некоей нормой справедливости, на которую ориентируется сообщество. Эти ограничения стали формальным раскрытием тайны власти, но сам принцип отождествления (не просто реализации, а именно отождествления) воли суверена с законом продолжает определять все нормативные категории политического в современности.

Суверенитет как провокация. В обеих концепциях суверенитет — не только категория политической реальности и особенный тип оформления политической формы, но и провокативный концепт эпохи модерна. И для Шмитта, и для Фуко вопрос фактической политической конфигурации всегда есть следствие метафизического дискурса, глубоких смыслов базовых политических понятий. «Спор о таких словах, как “государство”, “суверенитет”, “независимость” был знаком лежавших глубже политических столкновений, а победитель не только писал историю, но определял также вокабулярий и терминологию» [Шмитт, 2009]. Поскольку суверенитет относится к таким понятиям, неудивительно, что он как нарратив продолжает создавать парадоксы в системе современного права, так как логика политического анализа насквозь изъедена ржавчиной монархического дискурса: «По сути дела, несмотря на различия эпох и целей, представление о власти продолжает неотступно преследоваться монархией. В том, что касается политической мысли и политического анализа, король все еще не обезглавлен. Отсюда и то значение, которое в теории власти все еще придается проблемам права и насилия, закона и беззакония, воли и свободы, особенно же — государства и суверенитета» [Фуко, 1996, с. 189]. На первый взгляд, различие в трактовке этого вывода обусловлено ценностными особенностями: Фуко предлагает отказаться от монархо-ориентированной логики политического права, Шмитт же дополняет и обогащает уже имеющуюся. Однако не стоит забывать, что оба мыслителя претендовали на политическую значимость своих теорий, поэтому использование понятия «суверенитет» во всей провокативности смыслов проводилось ими осознанно.

Общая концептуальная логика: демократия vs суверенитет

Мы хотели бы показать, как с позиций, предоставленных нам Шмиттом и Фуко, можно объяснить проблему обоснования легитимности власти

фактом ее суверенности и необходимость отказа от доставшейся в наследство от абсолютизма логической связи. Вывод о неприменимости предложенной модерном трактовки государственного суверенитета, в свою очередь, является прологом к постановке вопроса о сущности власти в постсовременности и принципиальных возможностях ее концептуализации. Проблема признания суверенных государств в настоящее время решается в юридическо-либеральном дискурсе международного права. Поскольку в этом дискурсе проблематизировать суверенитет как основу легитимности невозможно, признание суверенитета вновь образующегося государства становится априорным признанием легитимности власти, представляющей его. Шмитт и Фуко замечательны тем, что пытаются осмыслить право в чуждой для классической либеральной традиции логической форме.

Вопреки либеральному пониманию права в синтезируемой нами концепции право есть не ограничение власти, а одно из самых сильных ее оружий. Следовательно, суверенитет в контексте права как оружия представляет собой создание собственного легитимного взгляда на мир, после которого любое суждение вне этого взгляда будет автоматически считаться ненормальным. Готовность подданных признать законность дискриминации ненормальности (вне зависимости от уровня правовой лояльности) и будет считаться критерием легитимности конкретной власти.

В концепцию суверенитета вошла отсылка на ту радикальную волю [Фуко, 2005, с. 110], которая создала не только государственное устройство, но и, что еще важнее, саму возможность власти быть легитимной: понятие «легитимность» мультипликативно понятию «справедливая власть» и, в более общем смысле, понятию «справедливость», а оно, в свою очередь, не существует во внесударственном состоянии. В логике Гоббса в состоянии войны всех против всех «ничто не может быть несправедливым... Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости» [Гоббс, 1991, с. 98]. Шмитт и Фуко перенимают эту предпосылку, когда говорят о легитимности власти только в отношении ограниченного временного и политического периода: периода суверенной диктатуры или классических государств Нового времени, т.е. ситуации создания новой политической общности. И это крайне важное допущение. Власть может быть основана не диктаторским путем, существовать в иной, чем государство, политической форме, быть объектом модернизации и реформирования, и при всем этом она может стать легитимной, но не иметь данного качества изначально. Такая привилегия есть только у той власти, которая создала на новых основаниях справедливости новую политическую общность. В этом контексте интересно осмыслить разницу в легитимности власти в России, большинство жителей которой сохранили советскую идентичность в восприятии себя, территории

и власти (за счет совпадения столиц, состава политической элиты, правопреемства СССР и проч.), и в бывших национальных республиках, обновление политического мировоззрения которых прошло по качественно другому сценарию. В логике Шмитта и Фуко единственной страной, не получившей суверенитета после распада СССР, стала Россия, поскольку в ней не было создано новой политической общности.

И Фуко, и Шмитт одинаково интерпретируют сакрализацию Гоббсом суверена как метафору символического тела монарха [Фуко, 1999, с. 45], что резонирует с ролью монаршего тела у М. Фуко (в заимствованной у Канторовича концепции двух тел короля) и шмиттовской трактовкой чудес у Гоббса [Шмитт, 2006, с. 186–187]. Оба выводят концепт суверенитета в сакральное пространство и там достаточно странно с ним обращаются. Во-первых, суверенитет возникает как ответ политической власти на политическую претензию власти церковной и согласно их логике только с момента создания новой политической организации ее глава — суверен — получает сакральный статус. Неясно, куда исчезают другие сакральные объекты и, что самое странное, почему сакральное рождается только в момент создания суверена, тогда как культурологи, напротив, в каузальной связи «суверен — сакральное» на первое место помещают именно сакральное, поскольку в качестве культурной универсалии оно появляется как «безличная сила — мана, и лишь затем “приобретает форму”, связываясь со “спасителем”, богом и королем» [Ямпольский, 2002, с. 7]. Их концепт суверенитета был бы гораздо более устойчивым и изощренным, если бы был интегрирован в эволюцию сакрального в политическом дискурсе модерна. Во-вторых, ни Шмитт, ни Фуко не прописывают, каким образом сохраняется связь между теологией и политологией, хотя исторически такая связь существовала и, более того, оказывала значительное влияние на восприятие власти. Вместо того чтобы проследить, как именно изменения в восприятии религии качественно изменили древние представления о сакральности монарха, они исходят из внутренней независимости религиозного сакрального и политического сакрального, что в контексте восприятия суверенитета как основы легитимности власти выглядит достаточно спорно. Наконец, в-третьих, и Фуко [Ашкеров, 2002, с. 116], и Шмитт [Сулимов, 2004, с. 117] выявляют легитимирующую роль политической теории по прямой аналогии с богословием: «Вокруг этой двойственности, близкой по происхождению к христологической модели, выстраиваются иконография, политическая теория монархии, правовые механизмы, которые различают и вместе с тем связывают личность короля и требования короны, и целый ритуал, достигающий своего апогея в коронации, погребении и церемониях подчинения» [Фуко, 1999, с. 45], не упоминая о таком принципиальном сходстве идеи политического и идеи божественного, как роль

соответствующих божественных организаций в сотериологическом акте. Шмитт прав: суверенитет легитимен, потому что техника его создания представляет собой нечто большее, чем простое изъявление воли. Но продолжив его мысль до конца, мы придем к аналогии суверена и спасителя, а ценность государственной машины, созданной как лучший механизм нового времени, будет объясняться не ее эффективностью или нейтральностью, а феноменальной способностью к возвышению коллективного действия. «Чтобы перестроить мегамашину в совсем новом порядке, понадобилось перевести и старые мифы, и старое богословие на новый, более универсальный язык, что позволило бы ниспровергнуть и удалить фигуру царя, заменив ее еще более гигантским и бесчеловечным призраком «суверенного государства», наделенного абсолютными, но далеко не божественными полномочиями» [Мамфорд, 2001].

Таким образом, множественные перерождения суверенитета являются истинными лишь до тех пор, пока они остаются не просто сакрализованными, а сотериологически ориентированными. Замысел Третьего рейха был насыщен символикой спасения едва ли не столько же, сколько акт строительства пирамид. Грандиозные проекты большевизма продолжали сохранять легитимность до тех пор, пока власть могла создавать образы будущего и ценности, по сути, мессианского характера. В этой логике во времена хрущевского возврата или брежневского застоя власть в СССР уже была не суверенной, поскольку сотериологическая компонента суверенитета не выполняла возложенную на нее роль поддержки веры в спасающую, терапевтическую функцию государственной машины.

Шмитту не удалось предотвратить уход суверена из символического пространства [Шмитт, 2006, с. 97] и передачу на усмотрение индивиду приватную сферу веры. Свобода индивидуальной воли превратила суверенную власть в симуляцию. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху» раскрывает эффект уничтожения суверена индивидуальной свободой через перцепцию безумия: «свобода совести включает в себе гораздо больше опасностей, нежели авторитарная и деспотическая власть» [Фуко, 1997, с. 365]. Спасаясь от саморазложения, идея суверенитета переходит с тела короля на коллективное тело. Политическое сообщество становится тождественно самому себе, тем самым превращая ненужную более тождественность суверена в простой факт репрезентации. Но во всех переходах и фактических вариациях суверенитет сохраняет заложенную в него основу легитимности власти, несмотря на то что к концу модерна его изначальный носитель становится пустым множеством.

Последняя метаморфоза суверенитета — стать не просто основанием легитимности, а формой самолегитимации политической общности. А по-

скольку и Шмитт, и Фуко определяли демократию в качестве техники отождествления правителей и управляемых, мы можем резюмировать, что подобно тому, как христианство содержало секулярный посыл, суверенитет как политический нарратив абсолютизма изначально нес в себе геном демократизации.

Фуко ошибался, думая, что власть можно победить, выпустив наружу дискурс расы. Шмитт тоже ошибался, намереваясь спасти суверенитет юридическими кодексами и устанавливаемыми нормами. Причиной их ошибок была попытка расщепления власти до якобы независимых оснований юридического и сакрального. Однако там, где суверенитет является основой легитимности власти, попытки регулировать дискурс оборачиваются войнами, внеполитическое действие становится политическим, а любая попытка уничтожить государство заканчивается принятием нового решения. Неуправляемость сакрального в политике и понятия суверенитета в социологическом контексте делают задачу Фуко по обезглавливанию королей модерна невыполнимой, хотя бы потому, все короли уже были обезглавлены. Осталась только техника, мифическая машина Левиафана, продолжающая продуцировать запрос о чуде и вере, вложенный в нее Гоббсом. И чем больше рассеиваются в политическом дискурсе частицы заложенной в понятии суверенитета легитимности, тем более тотальной становится эта власть.

Выводы

Суверенитет изначально создавался как концепт, направленный на легитимацию новой политической формы модерна — государства, что вынесло его за пределы нейтральных категорий политической теории и совместило в нем юридическое и сакральное начала.

Юридическое начало легитимации заключается в том, что присущее суверену право на ответное действие в условиях формирования современного законодательства было отражено в управомочивающей легитимности ответа суверена на любое соотнесенное им политическим действием.

Право является основным оружием суверена и единственным критерием легитимности и справедливости в обществе.

Сакральное начало легитимации обусловлено тем, что западноевропейская политическая традиция была склонна сакрализовать не только власть, но и технику ее реализации: легитимирующий суверенитет есть частный случай сакрализации техники власти.

Отождествление суверенитета и легитимности власти происходит из принципа неразличения воли общества и высшего смысла *de raison d'état*.

Поэтому метаморфозы суверенитета в ходе политической эволюции современного общества выражаются в переходе от легитимации власти к самолегитимации политической общности.

Суверенитет как политический концепт абсолютизма изначально нес в себе геном демократизации.

В настоящее время двойственность суверенитета проявляется в совмещении в акте международного признания государства суверенности и легитимности власти.

Литература

Алексеевкова Е.С., Сергеев В.М. Темный колодец власти // Полис. Политические исследования. 2008. № 3.

Ашкеров А.Ю. Политика и человеческое бытие в работах Мишеля Фуко // Человек. 2002. № 1. С. 104–117.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.

Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. 2001. № 2. С. 113–131.

Кастель Р. Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001.

Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. М.: Логос, 2001.

Сулимов К. Политико-философское понимание насилия: поиски смысла // ПОЛИС. 2004. № 3. С. 114–121

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М.: Касталь, 1996.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. (Книга света).

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц.; под ред. И. Борисовой. М.: AdMarginem, 1999.

Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005.

Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2006.

Шмитт К. Политическая теология: сб. ст. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.

Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил; к понятию рейха в международном праве / пер. с нем. М.: 2009. URL: [http:// conservatism.narod.ru/korinez/](http://conservatism.narod.ru/korinez/)

Ямпольский М. От символического тела к репрезентативному пространству // Новое литературное обозрение. 2002. № 4. С. 7–31.

А.Ю. Сунгуров,
Е.А. Глухова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»,
Санкт-Петербург

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ПОДЪЕМА ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ¹

Темой данного исследования является анализ деятельности института Уполномоченного по правам человека в условиях подъема общественно-политической активности зимы-весны 2011/2012 гг. В этот период требования реализации политических прав человека, в первую очередь права на честные и справедливые выборы, впервые стали требованием не отдельных «продвинутых» граждан, а десятков и сотен тысяч жителей нашей страны, прежде всего, конечно, жителей крупных и крупнейших городов. Как в этой ситуации повели себя Уполномоченные по правам человека, у которых жалобы на нарушение политических прав составляли ранее менее 1%? Как проявилась их функция посредника между обществом и властью в условиях массовых митингов и шествий? Стали ли они той частью государственного аппарата, которая оказалась наиболее открытой для требований граждански активной части населения? Поиск ответов на эти вопросы и есть цель настоящей работы.

Объект исследования — институт Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ и Уполномоченного по правам человека в России, предмет исследования — особенности деятельности этого института в период роста общественно-политической активности. В работе используются компаративистский и структурно-функциональный подходы. Объектом анализа также являются сайты Уполномоченных по правам человека, рассматриваемые в

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Научного фонда НИУ ВШЭ № 13-09-0115.

качестве саморепрезентации их деятельности, публикации в СМИ и экспертные полуструктурированные интервью.

Результаты исследования показывают, что наиболее чувствительными к изменению общественно-политической активности населения, реагирующими на эти изменения и максимально реализующими свою функцию посредника, медиатора между обществом и структурами государственной власти являются те Уполномоченные по правам человека, которые и ранее уделяли существенное внимание про-активной компоненте своей деятельности по сравнению с ре-активной составляющей, несмотря на большой поток жалоб и обращений, на которые им всегда приходилось и приходится оперативно реагировать.

В качестве основных кейсов для исследования данной проблематики была проанализирована деятельность Уполномоченных по правам человека в следующих субъектах: Санкт-Петербург, Свердловская и Самарская области. Выбор данных субъектов обоснован тем, что все три Уполномоченных имеют академическое прошлое и баллотировались в законодательные органы, т.е. занимались политической деятельностью.

Санкт-Петербург

Судьба института Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге с самого начала складывалась непросто, и исследуемый период также не стал исключением. За месяц до начала всплесков гражданской активности второй петербургский омбудсмен — А.С. Козырев, подал в отставку.

Заняв пост Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге, он избрал осторожный стиль работы и в своей деятельности отдавал предпочтение направлению работы, связанному с правовым и культурным просвещением, стремясь, таким образом, не прямо воздействовать на органы государственной власти, а влиять на правовую культуру государственных органов и граждан. Это обусловлено его личными качествами, печальным опытом первого петербургского омбудсмана И.П. Михайлова, в 2009 г. отправленного депутатами Законодательного собрания в отставку [Петрова, Сунгуров, 2012], и наличием у А.С.Козырева такого ресурса, как опыт работы в качестве председателя комиссии в первом демократическом Ленсовете и хорошая репутация в среде петербургской независимой творческой интеллигенции. Тем не менее, проведя всего два года в должности омбудсмана, 5 ноября 2011 г. А. Козырев подал в отставку, объяснив свое решение тем, что «справедливо дать новому руководству Петербурга возможность решить, кому быть уполномоченным по правам человека» [Постановление...].

Можно предположить, что причиной отставки были приближающиеся выборы в Законодательное собрание, Государственную Думу, а также выборы Президента РФ. Возможно, А.С. Козырев прогнозировал всплеск гражданской активности и стремился избежать ответственности. Здесь еще следует упомянуть, что при назначении А.С. Козырева на должность омбудсмена ему, как утверждает один из респондентов, позвонили из Смольного и пожелали не проявлять информационную активность. Таким образом, в важный для Санкт-Петербурга период всплеска гражданской активности город остался без посредника между властью и обществом. Через месяц после президентских выборов, 4 апреля 2013 г. в городе был избран новый Уполномоченный по правам человека — А.В. Шишлов, член партии «Яблоко». В прошлом он, как и А.С. Козырев, был депутатом Ленсовета, а кроме того, и депутатом Государственной Думы 2-го и 3-го созывов, где в 2002—2003 гг. занимал пост председателя Комитета по образованию и науке.

В период отсутствия омбудсмена в Петербурге обращений по поводу нарушения политических прав граждан не поступало, и сотрудники аппарата эту проблему не поднимали. До мая 2012 г. на сайте Уполномоченного и в СМИ нет ни одной публикации на эту тему. Однако с момента избрания менее чем за год на информационном портале петербургского омбудсмена появились 22 публикации, посвященные защите таких политических прав граждан, как право на участие в управлении делами государства и право на свободу собраний.

В мае 2012 г. в Законодательное собрание Санкт-Петербурга был внесен проект закона «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга “О собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях в Санкт-Петербурге”», значительно ограничивающий право граждан на свободу собраний. Уполномоченный обратился к Председателю Законодательного собрания Санкт-Петербурга «с предложением провести публичные слушания по данному законопроекту до его рассмотрения в первом чтении, подчеркнув, что принятие закона в таком виде может существенно изменить условия реализации в Санкт-Петербурге гарантируемого статьей 31 Конституции Российской Федерации права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования» [По инициативе...]. Уполномоченный убежден, что «попытки ограничения этого права могут приводить лишь к конфронтации и росту напряженности в обществе. Законодательное регулирование в этой сфере должно стремиться к нахождению справедливого баланса, учитывающего вопросы безопасности и жизнедеятельности города, приоритетность фундаментальных прав и свобод, гарантированных российской Конституцией» [Жители...].

В качестве одного из показателей роста гражданской активности в Санкт-Петербурге следует назвать увеличение числа митингов и одиночных пикетов. С целью обеспечения соблюдения прав человека в ходе этих мероприятий омбудсмен лично и сотрудники его аппарата посещали их и следили за законностью действий, предпринимаемых как полицией, так и гражданскими активистами. По мнению А. Шишлова, данная работа необходима, так как важно, чтобы полиция понимала, что ее задача — охрана правопорядка, а не охрана государства от собственных граждан.

Необходимо отметить, что проблематика совершенствования законодательства и защита права на собрания нашла отражение в докладе Уполномоченного за 2013 г. в одноименном разделе. Другая проблема, также освещенная в докладе петербургского омбудсмена, — право на участие в управлении делами государства. Подробному обсуждению проблемы фальсификации в ходе президентских выборов 2012 г. тоже посвящен целый раздел, в конце которого Уполномоченный отмечает, что существующая государственная система рассмотрения жалоб на нарушение избирательных прав граждан неэффективна, а подобная правоприменительная практика фактически разрушает ключевой элемент демократии — систему свободных выборов.

Кроме попытки ограничить реализацию права граждан на свободу собраний, во время подъема общественно-политической активности Государственной Думой были приняты поправки к Закону о некоммерческих организациях (НКО), приравнивающие часть правозащитных организаций к иностранным агентам, в результате чего в начале марта 2013 г. начались массовые проверки в петербургских НКО. Тогда омбудсмен обратился к Генеральному прокурору со следующей просьбой: при проведении проверок не забывать о том, что проверкам подвергаются серьезные организации с уважаемые люди и достойной репутацией.

В целом за первый год работы А. Шишлов продемонстрировал свое ясное понимание посреднических и образовательных функций института Уполномоченного по правам человека. Он активно взаимодействовал с органами власти на предмет восстановления прав человека и совершенствования системы с целью предотвращения нарушений не только социальных прав человека, но и политических.

Свердловская область

В Екатеринбурге институту Уполномоченного по правам человека в 2013 г. исполнилось 15 лет. С 2001 г. эту должность занимает Татьяна Георгиевна Мерзлякова. В области сложилась ситуация, прямо противоположная

ситуации в Санкт-Петербурге, где с 2007 г. назначен уже третий Уполномоченный. Во многом причина такого длительного пребывания Т. Мерзляковой в должности омбудсмена кроется в ее профессиональном подходе и богатом опыте работы. Татьяна Георгиевна 16 лет проработала журналистом, затем была депутатом Областной думы Законодательного собрания Свердловской области, а также трудилась в исполнительных органах власти. Подобная биография свидетельствует о том, что она умеет корректно и правильно излагать свои мысли и находить подход как к представителям власти, так и к гражданам. Т. Мерзлякова действительно умеет работать аккуратно. Об этом говорит тот факт, что проблематике возросшей гражданской активности не посвящена ни одна из ее публикаций на сайте Уполномоченного, в СМИ не удалось обнаружить ни одного ее интервью на эту тему. Однако о том, что волны гражданской активности не остались без ее внимания, свидетельствуют пять публикаций на сайте омбудсмена и вступление к ежегодному докладу Уполномоченного по правам человека в Свердловской области за 2012 г. Ни в одной из публикаций на сайте Уполномоченным прямо не выражена позиция в отношении митингов и защиты политических прав граждан, нет высказываний о недемократичности действий власти. Например, на сайте Уполномоченного по правам человека в Екатеринбурге представлена информация о прошедшей встрече Т. Мерзляковой с губернатором Свердловской области, где они обсудили важные проблемы в области прав человека: «Также Уполномоченный по правам человека Т.Г. Мерзлякова поделилась своими впечатлениями от наблюдения за происходящим в области митингами, встреч с сотрудниками и руководством ГУ МВД по Свердловской области» [Об анализе...]. На этом информационное освещение работы Уполномоченного по правам человека в отношении всплесков гражданской активности и защиты политических прав заканчивается. В другой статье сказано: «Как Уполномоченному по правам человека удалось убедить Губернатора, ФСО, милицию не запрещать акцию в день памяти Натальи Эстемировой, совпавшим с днем встречи Президента Д. Медведева и Канцлера Меркель в Екатеринбурге?» [Там же]. Из этих и других публикаций, видно, что Т. Мерзлякова не игнорирует гражданские волнения, но и не стремится выступать с громкими заявлениями в защиту ценностей свободы и демократии, а в результате митинги в Свердловской области не запрещают.

Медиативную функцию между властью и обществом, а также между отдельными социальными группами, которую стремится выполнять Татьяна Георгиевна, подтверждает и введение к ее уже упоминавшемуся докладу о состоянии прав человека в Свердловской области в 2012 г. В докладе сказано: «...в нашем лексиконе появились новые слова. Новые дискуссии объединяли либо разъединяли нас. И Уполномоченный по-прежнему вызывал критику

сторон, потому что все спорящие были убеждены, что они правы, и потому были не намерены сдавать ни одной позиции, а шаг навстречу порой делать некуда: между спорящими пропасть непонимания. Над пропастью быть труднее, но именно такую позицию порой приходилось занимать Уполномоченному, сокращая расстояние между непонимающими друг друга» [Ежегодный доклад...]. В числе причин конфликтов и противостояний она не называет нарушение законодательства, прав граждан или нелегитимность выборов. Говоря о противостоянии, она прежде всего пытается донести мысль о непонимании между разными социальными группами, между состоятельными людьми, которые хотят принимать участие в управлении своей страной, и людьми, которые помнят, как им годами не платили зарплату, пока не пришли к власти те люди, которые избираются снова и снова на протяжении последних десяти лет. Уполномоченный говорит о трудных с экономической точки зрения временах и предлагает обществу и государству объединиться, сотрудничать и соблюдать закон. На самом деле трудно отрицать, что соблюдение закона и взаимное уважение — это не то же самое, о чем просят гражданам, выходя на митинги.

Самарская область

Дополняет картину нашего исследования деятельности Уполномоченных по правам человека в период подъема общественно-политической активности зимы-весны 2011/2012 гг. работа омбудсмена в Самарской области — Ирины Анатольевны Скуповой.

И.А. Скупова занимает должность Уполномоченного по правам человека в Самарской области с 2004 г. До избрания на эту должность Ирина Анатольевна, историк по образованию, преподавала историю в Куйбышевском аэрокосмическом институте, а затем — в Самарской государственной экономической академии, в 2003 г. она баллотировалась в депутаты Государственной Думы от партии «Яблоко».

В информационном обеспечении деятельности Уполномоченного по правам человека в Самарской области всплеск гражданской активности занимает совсем небольшую долю — пять-шесть публикаций. Однако в ежегодном докладе омбудсмена о состоянии прав человека в области за 2012 г. этой проблематике посвящен целый раздел. К тому же возникновение новых проблем в данном поле политики нашло отражение в саморепрезентации института.

За указанный период появилось много аналитических публикаций о том, кто такой омбудсмен и чем он занимается, в частности, публикация на

сайте Уполномоченного «Необычный чиновник, или Кто такой омбудсмен и откуда он взялся» и «Институт Уполномоченных по правам человека и стереотипы его восприятия» [Информационный портал...]. В материале подробно описано, кто такой уполномоченный, его основные функции и инструменты осуществления полномочий. Возможно, это вызвано ожиданием роста количества обращений. Однако сам омбудсмен отмечает, что ожидаемого увеличения числа обращений, в том числе и по причине нарушения политических прав граждан, не произошло.

Общее число жалоб на нарушение политических прав граждан в 2012 г. приведено в таблице ниже.

Право	Количество обращений	Доля обращений от общего числа жалоб, %
Избирать и быть избранным	12	0,3
На свободу слова	6	0,2
На свободу собраний	0	0,0

Важно отметить следующее. Несмотря на то что Уполномоченным не было получено ни одного обращения по поводу нарушения прав на свободу собраний и относительно небольшой объем жалоб на нарушения права избирать и быть избранным, И. Скупова не осталась в стороне от происходящего и отреагировала на нарушения, информация о которых была опубликована в СМИ и социальных сетях. Эти процессы нашли отражение в ее ежегодном докладе, посещениях митингов и массовых мероприятий, контроле работы правоохранительных органов и появлении информационных материалов на сайте Уполномоченного, например материал о том, как правильно организовать митинг, права и обязанности граждан во время проведения мероприятия, правила поведения на мероприятии такого рода и другая полезная информация.

В своем докладе за 2012 г. И. Скупова занимает позицию активной части гражданского общества, призывает власть к ответственному поведению и настаивает на том, чтобы региональная власть услышала общество и продолжила диалог, даже несмотря на убедительную победу В. Путина на президентских выборах, потому что, по ее мнению: «Совершенно нормально, что часть населения, придерживающаяся иных политических взглядов, предпочла оппонирование за рамками и в противовес создаваемым властью форматам. Вместе с тем нельзя отрицать, что есть группы активных граждан, которые занимают собственную гражданскую позицию, иногда нелояльную власти» [Там же].

Кроме того, Уполномоченный демонстрирует убежденность, что продолжение диалога необходимо с целью урегулирования общественных отно-

шений, и планирует провести работу над законодательством, регулирующим взаимоотношения общества и власти в подобных критических ситуациях.

Ввиду твердой позиции омбудсмена и ее обращений в правоохранительные органы по поводу нарушений во время проведения одного из митингов руководство ГУ МВД России по Самарской области инициировало несколько встреч Уполномоченного с личным составом батальона патрульно-постовой службы Управления МВД России по г. Самаре.

* * *

Анализ реакций Уполномоченных по правам человека в трех субъектах РФ на события 2011–2012 гг., кроме общей чувствительности к данным событиям, позволил сделать следующие выводы. В их докладах и деятельности реактивный компонент не является основным, т.е. в отличие от прежних докладов и докладов коллег из других субъектов омбудсмены рассматриваемых нами регионов уделили внимание проблематике защиты политических прав, несмотря на отсутствие в некоторых случаях обращений, а общий объем информации о ре-активной деятельности сократился, появилось больше информации по тематике правового просвещения и мониторинга законодательства. Иными словами, типичный для омбудсменов в поставторитарных странах приоритет защиты прав человека отступил перед приоритетом парламентского контроля и предупреждения случаев «ненадлежащего управления». В Санкт-Петербурге в результате произошедших событий стало развиваться более тесное сотрудничество Уполномоченного с общественными правозащитными организациями. Это свидетельствует о том, что омбудсмен в России постепенно уходит от образа «уважаемого бюро жалоб» и трансформируется в действующего посредника между обществом и властью.

Литература

Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Свердловской области за 2012 год. URL: <http://ombudsman.midural.ru/files/51495cdb32e11.pdf>

Жители Санкт-Петербурга должны иметь возможность публично выражать свою позицию» // Информационный портал «Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге». URL: http://www.ombudsmanspb.ru/news/iID.680.html#news_post_711

Информационный портал «Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Самарской области»: URL: <http://www.ombudsman63.ru/materials/view/84>

Об анализе поступающих обращений Уполномоченный по правам человека рассказал Губернатору во время рабочей встречи. URL: <http://www.ombudsmanspb.ru/zakonodatelstvo>

Петрова Л.А., Сунгуров А.Ю. Институты — посредники между органами власти и обществом: случай Санкт-Петербурга // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С. 78–96.

По инициативе Уполномоченного в Законодательном собрании состоятся общественные слушания по концепции проекта петербургского закона о митингах // Информационный портал «Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге» URL: http://www.ombudsmanspb.ru/news/iID.680.html#news_post_680

Постановление Законодательного собрания Санкт-Петербурга о досрочном прекращении полномочий Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге И.П. Михайлова // Информационный портал «Законодательное собрание Санкт-Петербурга. Официальный сайт». URL: <http://www.assembly.spb.ru/manage/page/?tid=633200002&nd=458271164>

И.А. Томашов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ФАКТОР ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Начало 2013 г. отмечено оживлением дискуссий об исторической политике и исторической памяти в России. Большой резонанс получило решение депутатов Волгоградской городской думы об использовании в ходе проведения мероприятий, связанных с Великой Отечественной войной, наименования «город-герой Сталинград». Волну обсуждений вызвало и высказывание Президента России Владимира Путина о возможности подготовки единых учебников по истории России для средней школы, не имеющих «внутренних противоречий и двойных толкований».

Историческая проблематика занимает важное место в российском общественно-политическом дискурсе. В современной России не сложилось национального консенсуса относительно отношения к прошлому и не существует последовательной политики по его достижению. Таким образом, историческая политика и историческая память, безусловно, являются факторами российской внутренней политики, значение которых многомерно и противоречиво, что требует более подробного изучения этой темы.

В данной работе будут рассмотрены особенности исторической политики в России в течение последнего десятилетия, а также прослежены предпосылки ее выработки и направления возможных корректировок в будущем. Особое внимание будет уделено сравнению исторической политики в периоды первого и второго президентского сроков Владимира Путина, в годы пребывания у власти Дмитрия Медведева и третьего президентства Путина, а также анализу реакции общества на предпринимавшиеся в рамках исторической политики меры.

Историческая политика и историческая память

Начало использования понятия «историческая политика» связано с приходом к власти в Германии Гельмута Коля и его попытками пересмотреть

некоторые трактовки истории страны с целью «воспитания чувства немецкого патриотизма» [Бондаренко, 2012]. Историческую политику можно определить как «формирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности, которые реализуются в ритуалах и дискурсе, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды» [Шеррер, 2012, с. 475]. Основным субъектом исторической политики выступает государство, однако деятельность других акторов — научного сообщества, представителей гражданского общества — также является существенной.

Феномен исторической политики неотъемлемо связан с формированием национальных государств и необходимостью объединения обществ вокруг носителей политической власти, создания коллективной идентичности и выделения истории, а также особенностей того или иного сообщества среди других. Система школьного образования, массовая литература и кино, государственные праздники, музеи и памятники — все это механизмы, с помощью которых осуществляется историческая политика и конструируется социальная и историческая память.

«Историческая память — это ретроспективная форма коллективного сознания, формирующая коллективную идентичность в ее отношении к значимому для этой идентичности прошлому» [Рогинский, 2008]. Если понятие «историческая политика» обращает внимание на деятельность различных акторов в отношении исторической науки и распространенных в обществе представлений об истории, то «историческая память», наоборот, подчеркивает сложность социального бытования истории и невозможность односторонней манипуляции историческим сознанием.

По словам французского историка Пьера Нора, конец XX и начало XXI в. можно охарактеризовать как «эпоху всемирного торжества памяти», когда вопросы исторического наследия и восприятия прошлого стали актуальны для различных государств, обществ и коллективов [Нора, 2005]. Особое внимание уделяется торжественному празднованию годовщин исторических событий, открываются новые музеи и активно публикуется историческая литература, споры вокруг истории провоцируют политические конфликты. В странах Восточной Европы «политика памяти» становится важным элементом борьбы с коммунизмом и обновления национальной идентичности.

Рост общественно-политической значимости исторических вопросов — процесс, развивающийся под влиянием совокупности различных факторов. Он может рассматриваться как реакция на «ускорение истории», размывание прежних классовых и идеологических делений общества, переосмысление травматического опыта XX в., крах коммунистических систем и движение к глобализации. В условиях социальных трансформаций обращение к исто-

рической памяти смягчает последствия кризиса идентичности, способствует восстановлению ценностных и идеологических ориентиров, легитимирует определенные политические практики.

Россия, пережившая в конце XX в. масштабное изменение всей совокупности общественных отношений, не могла остаться в стороне от тенденций актуализации исторической политики и подъема интереса к проблемам коллективной памяти. С одной стороны, постсоветское российское общество столкнулось с необходимостью самоопределения в исторической системе координат и преодоления исторических травм, среди которых особенно выделяется период сталинских репрессий. С другой стороны, в качестве негативного «другого» Россия оказалась объектом исторической политики государств Восточной Европы, болезненно реагируя на исторические претензии и критику с их стороны. Все это способствовало значительному усложнению отношений между политикой и историей в современной России.

Историческая политика в СССР и постсоветской России

В истории России есть немало примеров пересмотра отношения к прошлому на государственном уровне. Смена политических режимов и курсов, как правило, сопровождалась изменением трактовок истории в соответствии со спецификой политической ситуации и задачами легитимации и оправдания действий власти. Доминирование государства в жизни общества вело к тому, что коллективная память складывалась под большим влиянием государственной исторической политики.

Революционные события 1917 г. и утверждение у власти в России партии большевиков означали коренные перемены социального строя. Укрепление позиций нового политического режима и распространение коммунистической идеологии требовали осуществления активной исторической политики и признания марксистской концепции истории в качестве базальтернативной, в том числе и посредством террора. По мере эволюции политической системы в сторону тоталитаризма манипуляция историей становилась более масштабной.

Целью сталинской исторической политики было «патриотическое воспитание и национальное сплочение перед лицом “внешнего врага”», а основной задачей — «распространение представлений о благотворной роли государства в российской истории» [Копосов, 2011, с. 82–83]. В истории страны выделялись фигуры властных государственных деятелей, что позволяло обосновать преемственность советского режима «как по отношению к мировой

и российской революционной традиции, так и по отношению к российскому государству» [Там же, с. 83].

Великая Отечественная война являлась колоссальной трагедией и испытанием для советского общества, ее события немедленно становились частью коллективной памяти и объектом исторической политики. Сталинский режим не мог допустить распространения представлений о своих ошибках в ходе войны, как и возникновения противоречивших официальной идеологии восприятий произошедшего. Кроме того, общественный подъем после окончания войны мог таить опасность для тоталитарного политического режима, и руководство страны обращалось с темой войны крайне осторожно. В период с 1948 по 1965 г. в СССР 9 мая даже не было официальным выходным днем [Дымарский, 2006].

Обновление руководства КПСС после смерти Иосифа Сталина привело к изменениям в политической жизни страны. Никита Хрущев выступил инициатором осуждения «культы личности» предыдущего вождя и реабилитации значительного числа репрессированных. Историческая политика подверглась корректировке: фокус пропаганды был смещен на повышение интереса к фигуре Владимира Ленина и истории Октябрьской революции и Гражданской войны, большее внимание стало уделяться обсуждению начального этапа Великой Отечественной войны.

Период «застоя» характеризовался консервацией общественно-политического строя и постепенным ослаблением мобилизующей роли коммунистической идеологии. В этих условиях политическая элита обратилась к памяти о войне как способу сплочения общества. Масштабное празднование 20-летия победы над Германией в 1965 г. обозначило поворот в исторической политике: деятельность Сталина в годы войны перестала подлежать критике, начали сооружаться памятники и мемориальные комплексы.

Однако если в 1960–1970-е годы историческая память являлась одной из опор коммунистического режима, то во второй половине 1980-х она стала способствовать его делегитимации и крушению. Обнаружившаяся слабость государственных институтов подорвала доверие к официальной идеологии и исторической политике. «Перестройка стала восстанием подавленных, но не исчезнувших контрпамятей отдельных социальных, этнических и религиозных групп против советской концепции истории» [Копосов, 2011, с. 111]. Особенно важную роль сыграла огласка фактов о репрессиях, предоставившая доказательства для однозначного осуждения коммунизма. Коллективная память стала козырем в руках демократической оппозиции и обосновывала претензии ряда союзных республик и народов на выход из состава СССР или получение более широкой автономии.

Подъем интереса к исторической проблематике в 1980-х годах был стремительным, но настолько же быстро он угас после распада СССР. Необходимость решения насущных социально-экономических проблем вытеснила исторические вопросы на периферию общественного сознания. Более того, картина истории распалась и не могла служить источником укрепления национальной идентичности. Политическое использование событий и трактовок истории стало уделом отдельных групп: как сторонников демократических преобразований, так и националистической и коммунистической оппозиции.

Существенным фактором, определившим специфику исторической политики в посткоммунистической России, оказалась незавершенность политических перемен. Несмотря на то что политическая система была реформирована, значительного обновления политической элиты не произошло. Критика прошлого противоречила ее интересам, поскольку могла нарушить сложившиеся политическое статус-кво. В результате действия нового правительства в сфере исторической политики носили двойственный характер: была принята новая государственная символика, но Россия была объявлена «государством-продолжателем» СССР; ограничения на распространение информации о сталинизме были сняты, однако осуждения преступлений коммунистического режима не последовало, а решение Конституционного суда по «делу КПСС» в 1992 г. было, скорее, компромиссным.

Таким образом, распад СССР стал вехой в истории России, но не «точкой отсчета» для формирования новой национальной идентичности. Советское прошлое не было «очуждено», а расследование его темных страниц — последовательно доведено до конца. Более того, трудности реформ вызвали в обществе ностальгию по коммунизму, ассоциировавшемуся с социальной стабильностью и политической мощью государства. В этих условиях российское политическое руководство обратилось к истории как источнику легитимации государственной власти, используя для этого подходящие эпизоды из всех периодов истории страны.

Конструирование исторической памяти при Владимире Путине и Дмитрие Медведеве

Вторжение политики в историю в 2000-е годы происходило сугубо в интересах политического режима. Прошлое использовалось как источник «традиционной» легитимности в ситуации отсутствия у политического класса четкой идеологии и видения будущего. При этом вместо рефлексии относи-

тельно противоречивых периодов истории распространялось ее упрощенное восприятие, фокусировавшееся на победах прошлого и роли в них государства. Власть стремилась к созданию неproblemатичного исторического нарратива, в котором в соответствии со спецификой политического момента выделялись отдельные события и деятели, а категоричные суждения о прошлом не артикулировались.

Одним из первых действий Владимира Путина в области символической политики было утверждение в качестве гимна России бывшего гимна СССР на музыку Александра Александрова с одновременным подтверждением в качестве флага и герба символов, принятых в 1993 г. и восходящих к царскому периоду российской истории. Такое сочетание было призвано показать связь между различными историческими эпохами, однако также хорошо характеризовало новые ориентиры исторической политики. Столь же знаковым шагом стала отмена празднования Дня примирения и согласия 7 ноября. Вместо этой памятной даты в 2005 г. был установлен День народного единства, отмечающийся 4 ноября и посвященный окончанию Смутного времени в 1612 г. Эта «замена» одного праздника на другой является ярким примером исторической политики и искусственного конструирования исторической памяти.

Однако главным объектом исторической политики в 2000-е годы стала память о Великой Отечественной войне и празднование Дня Победы. По словам Николая Копосова, «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [Копосов, 2011, с. 163], воплотившим многие элементы идеологии путинского режима: единство народа и государства, необходимость сильной власти, изображение России как жертвы политики других держав, претензии на повышение ее международного статуса. Учитывая отсутствие других значимых поводов для гордости и патриотизма в недавней истории России, победа в войне является центральной опорой коллективной памяти россиян.

Празднование Дня Победы в 2000-е годы происходило все более масштабно, при этом в стилистике проведения мероприятий угадывалась советская эстетика. Праздник становился поводом для утверждения политических амбиций современной России, придавая памяти о войне непримиримый характер и обуславливая невозможность признания альтернативных трактовок европейской истории 1930–1940-х годов. В сфере внешней политики это привело к конфликтам со странами Восточной Европы, рассматривавшими свое пребывание в социалистическом лагере как «оккупацию со стороны СССР» и опасавшимися агрессивной внешней политики России, а внутри страны блокировало развитие дискуссий об исторической политике и последствиях сталинизма.

Увязка победного военного нарратива и памяти о массовых репрессиях является самой сложной областью коллективного сознания российского общества. Разгром Германии «оправдывает» не только военные жертвы, но и сталинские методы управления обществом в целом. При таком восприятии критика Сталина оказывается посягательством на самые чувствительные составляющие национально-государственной идентичности. Власть избегает однозначных оценок сталинского периода, поскольку осуждение прошлого чревато нарушением установившегося баланса исторических восприятий и размыванием основ государственнической идеологии.

Самым резонансным эпизодом исторической политики 2000-х годов стала публикация школьных учебников и методических пособий для учителей по истории России XX в. под редакцией Александра Филиппова и Александра Данилова. В этих книгах история СССР рассматривались с точки зрения теории модернизации, и сталинские репрессии предстали необходимым средством политического управления в трудное для страны время. Многие другие изложенные в учебниках тезисы являлись ответами на исторические претензии к России со стороны восточноевропейских стран, отражали элементы изоляционизма в официальной риторике и описывали новейшую историю России в духе политехнологической концепции «суверенной демократии» [Миллер, 2012, с. 334–337]. Распространение этих учебников вызвало в российском обществе волну дискуссий об историческом образовании и пределах «нормализации» сталинизма.

Другим заметным событием в сфере исторической политики стало учреждение в мае 2009 г. Комиссии при Президенте по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Этот шаг, направленный прежде всего вовне страны, был призван стать ответом на враждебную историческую политику некоторых соседей России. В Комиссию входило несколько десятков человек, заседания проводились 2 раза в год. Однако о продуктивности ее работы судить сложно: просуществовав несколько лет, Комиссия была упразднена в феврале 2012 г. За эти годы в российской внутренней и внешней политике произошли изменения, позволившие смягчить агрессивность исторической политики.

«Рокировка» между лидерами страны не изменила сути авторитарного политического режима, однако отразилась на стилистике проводимой политики. Дмитрий Медведев, ставший в 2008 г. Президентом России, стремился предложить обществу собственную «повестку дня», складывавшуюся из нескольких составляющих: экономической модернизации, либерального политического дискурса и снижения конфликтности на международной арене. И хотя в реальности значимых реформ не происходило, новые веяния не отторгались обществом и даже порождали определенные политические ожидания.

Дмитрий Медведев и его соратники понимали, что продвижение новой программы, призывающей к развитию инновационной экономики и демократических основ государственности, требовало корректировки исторической политики и отказа от намеков на реабилитацию сталинизма. Рассуждая об истории страны, Медведев писал в своей статье «Россия, вперед!»: «Впечатляющие показатели двух величайших в истории страны модернизаций — петровской (имперской) и советской — оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников» [Медведев, 10.09.2009]. А несколько месяцев спустя Президент опубликовал в своем блоге обращение, в котором решительно осудил сталинские репрессии и призвал «не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ» [Медведев]. Историческая «разрядка» произошла и в отношениях России с Польшей, Украиной и другими странами.

Возвращение Владимира Путина на президентский пост сопровождалось подъемом протестной активности. Перипетии противостояния политического режима и оппозиции на время отгеснили другие вопросы на периферию публичного поля. Но некоторые события 2013 г. свидетельствуют, что историческая политика продолжает оставаться в фокусе внимания властей и с учетом новых тенденций в общественно-политической жизни ее роль как фактора внутренней политики растет. Вероятно, что различные группы, обретающие свою политическую идентичность, будут определять себя и по отношению к истории. В скором времени российская политика может стать ареной сшибки «проектов прошлого» между теми, кто вдохновляется либерально-демократическим духом перестройки, желает для решения проблем страны прибегнуть к сталинским методам или апеллирует к черносотенному национализму.

Литература

Бондаренко С. Презентация книги «Историческая политика в XXI веке» // Уроки истории. 06.09.2012. URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/51482>

Дьмарский В. Вспоминая будущее // Российская газета. 11.05.2006. URL: <http://www.rg.ru/2006/05/11/pogovorim.html>

Копосов Н. Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Медведев Д. Россия, вперед! // Газета.ру. 10.09.2009. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml

Медведев Д. Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах // Президент России. 30.10.2009. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5862>

Миллер А. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>

Рогинский А. Память о сталинизме: доклад на конференции «История сталинизма». 05.12.2008. URL: http://www.ru.boell.org/downloads/pamiat_o_stalinizme.pdf

Шерпер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ
ИНДУСТРИЯ:
МЕДИАПЛАТФОРМЫ
И ЖАНРЫ

О.В. Веселова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

НОВЫЕ ЖАНРЫ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ — СИТКОМЫ: АДАПТИРОВАННЫЕ И ОРИГИНАЛЬНЫЕ

Телевидение в России на данный момент принято считать универсальным СМИ в связи с доступностью как минимум одного телеканала 99% населения страны. При этом у большинства общедоступных каналов доминирует развлекательный контент. Более того, объемы производства программ данного вида постоянно увеличиваются. Это является не только российской, но и общемировой тенденцией, поскольку зрители предъявляют спрос именно на программы развлекательного характера, что обеспечивает конкурентоспособность каналов и соответственно обуславливает наращивание объемов производства данного вида контента. В связи с этим появляются и развиваются новые жанры и виды телепрограмм, сериалов, которые ранее не составляли столь значительную долю в программном наполнении каналов: калчартейнмент, эдьютейнмент, мини-сериалы, ситкомы (ситуационные комедии), ток-шоу и прочие развлекательные форматы. Одновременно происходит нишевизация и специализация каналов, что способствует кластеризации телевизионного продукта. Данные процессы происходят на фоне взаимного культурного обмена между разными странами. Указанные тенденции обуславливают актуальность исследования новых телевизионных жанров, результаты которых не только представляют научный интерес, но и применимы в телеиндустрии.

В статье представлены результаты исследования телевизионных ситуационных комедий. Данный вид обладает не только форматными признаками, но и строгими канонами, позволяющими рассматривать ситкомы как отдельный жанр¹, новый для российского телевидения. Были исследованы «пилотные» выпуски 20 ситуационных комедий. «Пилот» — первый эпизод

¹ Понятие «жанр» в данном исследовании рассматривается не как журналистский жанр, а в индустриальном контексте производства телевизионного контента.

сериала, он является моделью построения всех последующих серий. «Пилот» отличается от остальных эпизодов тем, что в большей степени насыщен событиями, разъясняющими характеры героев, поскольку именно в нем необходимо познакомить зрителей со всеми основными персонажами. В «пилоте» заявлены большинство приемов, используемых в каждом конкретном сериале, он является оптимальным источником информации об особенностях формата и жанра.

Ситуационные комедии — относительно новый жанр для российской аудитории. Он целиком нацелен на развлечение, предоставляет зрителям возможность отдохнуть от бытовых проблем, отвлечься, посмеяться, при этом у них нет необходимости задумываться над сложными ходами или посылками, поскольку таковых в ситкомах нет. Данный вид сериалов создан для того, чтобы быть простым, что отражено и в его содержательном аспекте, и в структуре. Ситуационные комедии имеют много общих черт с водевилями, театром в целом, а также используют наработки некоторых других массовых зрелищ. Особенности ситкома с точки зрения искусствоведения представляют собой отдельную часть исследовательской работы. В данной работе будут рассмотрены отличительные черты ситкомов, которые ценны с точки зрения использования в индустрии и обеспечивают уникальность данного жанра.

Структура ситуационных комедий строго определена. Продолжительность серий 22–26 мин, поскольку они рассчитаны на получасовой показ на телевидении. Серия состоит из двух актов. Она начинается с тизера (вступления, содержащего загадку, интригующего), в котором может упоминаться основная сюжетная линия эпизода, он привлекает внимание, вводит в атмосферу. Если тизер располагается перед открывающими титрами (*openingcredits*), то такое начало серии в американской терминологии называется «холодным открытием» (*coldopen*). Перед началом первого акта происходит уход на рекламу. В первом акте начинаются две истории: *A* — основная, в которой задействованы главные герои, и *B* — второстепенная с участием менее значимых персонажей. В некоторых ситкомах могут начинаться сразу три или четыре сюжетные линии, но это исключение. После первого акта опять происходит уход на рекламу, соответственно он завершается поворотным моментом (*actbreak*), который в ситкомах не только определяет дилемму героя, но и обязательно является смешным, причем шутка должна быть значимой, поскольку преследуется цель, чтобы зрители ушли на рекламу смеясь и вернулись после нее. Во втором акте дилемма героя усугубляется (*wrinkle*), затем до финала доводятся обе истории *A* и *B*. После второго акта происходит третий уход на рекламу, затем следует тэг (*tag*) — короткая финальная сцена перед титрами, его главная цель, чтобы зрители ушли смеясь, здесь же может

заканчиваться история *В*. Пример финальной шутки «Клиники»: герой идет к выходу, его мысли: «Самое главное, что я умудрился за первые три дня в клинике ни разу не оказаться в дурацком положении», — врзается в дверь: «Я крут».

Многие признаки ситкомов связаны с особенностями их просмотра. Например, вышеописанная структура явно способствует удержанию зрителя у экрана, в связи с чем все чаще тизеры располагаются перед открывающими титрами, что позволяет после просмотра предыдущей программы сразу увидеть вступление новой серии, содержащее интригу, соответственно заинтересоваться и остаться на канале. Важной особенностью потребления ситкомов является их фоновый просмотр, что прежде всего обуславливает упрощенную структуру: при наличии завязки, кульминации и развязки есть только два акта. Более простыми являются не только основная структура, но и сюжетные линии, практически нет глубоких скрытых смыслов, философских подтекстов. В целом ситком выглядит очень просто. В этом и заключается ценность жанра, поскольку цель его просмотра — развлечение. Однако простота лишь видимая, а чтобы действительно удержать зрителя, он прописывается до секунды и включает в себе значительное количество признаков и особенностей, которым строго следуют производители.

Особенности телесмотра обуславливают и значительное выделение переходов между сценами. Они сопровождаются музыкой или заставкой, что подчеркивает завершение одной сцены и начало следующей. В случае фонового просмотра сериала знакомые звуковые заставки привлекают внимание, так же как и закадровый смех.

Еще одна характерная черта ситкомов — паузы для смеха. После каждой шутки есть несколько секунд, когда персонажи ничего не говорят и не совершают новых действий, поскольку, если продолжить диалог, пока зрители смеются, аудитория не расслышит следующую шутку или подводку к ней. Также время строго просчитывается, соответственно, чем более значимы шутки, тем длиннее паузы. Паузы для смеха — единственные, допустимые в ситкоме. Все остальные из сценария убираются, который становится очень насыщенным, в кадре постоянно совершаются какие-либо действия. У производителей ситкомов существует правило: «чем быстрее, тем веселее».

Еще один выявленный признак ситкома, связанный со сценарием, заключается в том, что обычно компании персонажей ситкома не существует до начала сериала. Иными словами, в «пилоте» формируется набор персонажей. Например, в «Друзьях» в компании пятерых приятелей появляется Рэйчел, в «Клинике» интерны приходят работать первый год, знакомятся, начинают общаться, в «Моей прекрасной няне» Вика входит в семью Шаталина и т.д. В «Папиных дочках» новый персонаж не приходит, но правило сохраняется:

от них уходит мама и компания главных героев тоже формируется в начале ситкома. В других видах сериалов это правило не выполняется, например, в детективном сериале мы можем начать наблюдать за полицейскими, которые работают определенным составом, словно так было и до появления зрителя, в ситкоммах же обязательно группа главных героев собирается именно в «пилоте» и с этого все начинается.

Продолжая тему персонажей и актеров, важно упомянуть еще одну особенность ситуационных комедий. Их можно разделить на две группы:

- базирующиеся на главном герое (*celebrity/comediandriven*). В данном случае главную роль играет самый яркий актер, возможно, уже известный зрителям, он является центральным и весь ход событий и большой объем шуток связан преимущественно с его действиями («Интерны», «Клиника», «Моя прекрасная няня»);

- базирующиеся на актерском ансамбле и общем производимом впечатлении (*actor/enssembledriven*). В таком случае ситуации, смешные положения не доминируют у одного персонажа, а вся группа главных героев равнозначна или практически равна («Друзья», «Универ», «Теория большого взрыва»).

Одним из важнейших признаков ситкома является неизменность персонажей. Они могут выйти замуж или получить повышение, но их характер, особенности юмора и типаж неизменны. Даже в случае большого количества сезонов изменения характеров героев незначительны.

С особенностями телесмотрения связан также выявленный признак ситуационных комедий, заключающийся в специфике возникновения юмора. Герои не шутят специально, смех обуславливают комичные ситуации, присущие типажам героев, за счет этого шуточки органичны. Чтобы добиться данного эффекта, характеры персонажей ситкомов прорабатываются вплоть до мельчайших деталей, строго определяется их амплуа. После этого юмор выглядит естественно и лучше воспринимается аудиторией. Данная специфика эталонна, не каждому конкретному ситкому удастся постоянно достичь такого эффекта.

Строгость проработки персонажей определяет набор типажей, присутствующих в каждой ситуационной комедии. Он не совпадает с амплуа классического театра, однако имеет общие черты. Например, обязательный персонаж ситкома — дурачок (дурочка) — наивный, искренний герой, который глуповат, простоват, часто не вписывается в ситуации и попадает в истории, говорит невпопад (Джейди в «Клинике», Фиби в «Друзьях», Шелдон в «Теории большого взрыва», Вика в «Моей прекрасной няне» и т.д.). Кроме того, в ситкоммах часто присутствует глуповатая или со странностями блондинка, она уже не так проста, как дурачок, всегда вовлечена в любовную историю (Алла в «Универе», Варя в «Интернах», Рэйчел в «Друзьях» и т.д.)

При подборе актеров для ситкомов действуют строгие правила:

- 1) подходящий типаж;
- 2) смешной человек. Исполнитель роли всегда строго соответствует типуажу и смешной сам по себе, иначе в ситкоме он будет выглядеть неорганично.

Шуткой в ситкомах заканчивается каждая сцена. При этом выделяют два их вида: большая шутка (*blow*) и маленькая (*button*). Шутки присутствуют не только в окончаниях сцен, на каждой странице сценария их должно быть минимум три. В ситкомах страница — это около 30 секунд времени серии, соответственно за минуту демонстрируется около шести шуток. Такой насыщенности комедийными моментами нет ни в одном другом жанре. Важно понимать, что шуткой считается не только та или иная произнесенная фраза, но и вызывающий смех жест, взгляд, действие.

Поскольку юмор является ключевым компонентом ситуационных комедий, шутки типологизируются и выстраиваются по проработанным схемам. Диалог в ситкоме состоит из трех компонентов: заход (*setup*), смешная часть (*punchline*) и все, сопровождающее шутку (*pipe*). Заход — это утверждение, необходимое, чтобы понять саму шутку. Например, в «Моей прекрасной няне» Вика говорит: «Гляньте, какие цацки гламурные». Это — заход. Смешная часть обычно короткая, например реплика Шаталина: «Да. Это — Роден, известный своими цацками». То, что не относится к шутке, представляет пересказ самой истории.

Продолжая исследование особенностей юмора в ситуационных комедиях, необходимо отметить, что различают вербальные и физические шутки. Первые зритель должен услышать, вторые — увидеть (*slightgag*). Физические шутки доминируют над вербальными прежде всего в связи с простотой их восприятия. В ситкомах не рекомендуется использовать юмор, который понимается не сразу. По этой причине в сценарий редко включаются шутки, основанные на иронии или подтексте.

В целом юмор ситкома базируется на обмане зрительских ожиданий. Данный жанр насыщен сюрпризами, неожиданными поворотами, парадоксами. В связи с этим есть важное правило для актеров ситуационных комедий, суть которого заключается в сохранении эффекта неожиданности в любом случае.

Сами шутки подразделяются на несколько категорий. Ниже приведены некоторые типовые примеры шуток ситкома.

- *Вербальные* (словесные) шутки — 1) «Отсылка к предыдущей шутке» (*callback*) — был смешной момент или фраза, зритель уже смеялся над ней, теперь она упоминается снова, давая возможность посмеяться еще раз; 2) «эхо» — мгновенная отсылка к предыдущей шутке; 3) «подразумевание» (*understatement*) включает иронию и подтекст, данный вид шуток рекоменду-

ется использовать реже; 4) твист (*twist*) — основан на неожиданном повороте самой истории;

- *визуальные* (физические) шутки: 1) слоббёрн (*slowburn*) — медленный поворот головы героя как реакция на что-то; 2) двойной взгляд (*doubletake*) — резкий поворот и взгляд на что-то, что мы сначала увидели вскользь; 3) плевки (*spittake*) — шутки, когда, например, герой ест, резко начинает смеяться, давится и выплевывает еду (особенно распространены с напитками).

Часто физические шутки усиливают вербальные и происходят практически одновременно, например, финальная шутка в «Универе» — Гоша: «А ты мой полы топлес, тогда я буду их пачкать по три раза за день». Алла от смеха выплевывает шампанское, все герои смеются.

Большинство признаков данного жанра было сформировано в США, откуда ситуационные комедии и пришли в Россию, где были адаптированы к существующим реалиям. Указанные особенности ситкомов характерны для любой страны, в том числе и для ситуационных комедий российского производства, как адаптированных, так и оригинальных.

В США ситком снимается перед живой аудиторией, чей смех и слышит зритель. Процесс производства одной серии занимает неделю: с понедельника по четверг читка сценария, репетиции, переписывание тех или иных сцен, выбор финального варианта, пятница — запись перед аудиторией в 200 человек минимум. Указанная численность необходима по причине различий в чувстве юмора людей, 200—300 человек обеспечивают смех во всех нужных местах. Во время смены декораций, которая занимает 10—15 мин., специальный комик (*warm-upperformer*) развлекает аудиторию, чтобы сохранить ей настроение и удержать в теме серии. Такая модель производства данного контента считается классической, именно в сравнении с ней и определяются национальные отличия.

В России ситкомы не записываются перед живой аудиторией. Особенности телепотребления в нашей стране заключаются в том, что зритель не хочет ждать следующую серию в течение недели. Это обуславливает программирование каналов (серии ставятся каждый день с перерывом на выходные). Соответственно время производственного процесса также сокращается. Вместо живого используется банк смеха (запись), элементы которого монтируются не только в те моменты, где зрителям действительно смешно, но и в те, где вообще запланированы шутки. Этим можно объяснить раздражающий эффект смеха в отечественных ситкомах, который выделяют непривычные к данному жанру зрители.

Можно выделить и отличия в юморе и его подаче. В российских ситуационных комедиях вербальные шутки доминируют над невербальными, что нетипично для аналогичной западной продукции.

Из сказанного можно сделать вывод, что ситуационные комедии обладают значительным количеством уникальных признаков, отличающих их от прочих видов сериалов. Наиболее значимыми можно считать:

- строго определенную двухактную структуру ситкомов;
- неизменность персонажей и соответствие их определенным типажам;
- правила съемки данных комедий, среди которых практически полное отсутствие эпизодов вне декораций;
- формирование ансамбля главных персонажей в «пилоте» сериала на глазах зрителя;
- короткий отрезок времени, приходящийся по сюжету на одну серию (чаще всего день).

Благодаря комплексу узнаваемых признаков зритель, видя ситком по телевидению, сразу понимает, какого типа зрелище на экране. То, что ситкомы являются отдельным телевизионным жанром, подтверждается как аналитически, так и особенностями их индустриального производства.

Литература

Макки Р. История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2008.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. М.: Жуковский: КАНОН-Пресс-Ц: Кучково поле, 2003.

Телевидение в России. Состояние, тенденции, перспективы развития: отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. М.: ФАПМК, 2010. URL: <http://www.fapmc.ru/activities/reports/>

Butsch R. Five Decades and Three Hundred Sitcoms about Class and Gender / G. Edgerton, V. Rose (eds). Lexington: Thinking Outside the Box, 2008. P. 111–136.

Belli M.L., Ramino Ph. The Sitcom Career Book. N.Y.: Back Stage Books, 2004.

С.А. Медведев

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВИДЕОКЛИП В ЭПОХУ YOUTUBE

Вступление

Когда-то музыку современности писали композиторы, которых сегодня мы именуем классиками. По сей день любовь к той музыке считается показателем некоего уровня душевного развития, почти принадлежности к некой интеллектуальной элите. Но на рубеже 30-х годов XX в. грянула Великая депрессия, и на руинах экономики для той самой элиты выросли банки, выдававшие кредиты на пылесосы для массы американских домохозяек, а за ними выросло и общество потребления. Экономика, в которой основным покупателем стали широкие слои населения, родила популярную культуру: кто платит, тот и заказывает музыку.

Сегодня потребление определяет почти все в нашей жизни, в том числе и то, в какой визуальной и аудиальной реальности мы живем, какие предметы нас окружают, какие формы, какие смыслы. Ничего из этого не дано нам априори, все это — мы. Творческое начало может сознательно следовать за аудиторией или, в большей или меньшей степени, пытаться привнести в ее потребности что-то ей не свойственное. Возможны оба пути, но в конечном счете именно аудитория решит, чему быть, а чему — нет: не «гений», не интеллектуальная элита, как это когда-то было, а массы.

Далее поговорим о том, как менялся способ потребления музыкальных видеоклипов с появлением видеохостинга YouTube и падением рейтингов музыкальных телеканалов, а также о том, должен ли меняться музыкальный видеоклип в новых условиях потребления.

История вопроса

Вплоть до 1980-х годов музыкальный видеоклип существовал в рамках кинопроизводства: в этом отношении крайне интересны музыкальные фильмы группы The Beatles: *A Hard Day's Night* (1964), *Help!* (1965) и *Magic Mystery Tour* (1967).

В течение 1980-х развитие цифровых технологий делает съемку качественных видеоклипов все более доступной и дешевой для музыкантов. Этот процесс совпадает с появлением в эфире телеканала MTV (1981). Постепенно музыкальный клип становится массовым явлением, одним из важных маркетинговых инструментов продвижения музыкального продукта. Клип, чьи свойства определяют понятие «клиповое сознание», появляется именно в этот период: визуальный ряд начинает представлять собою нарезку из сцен, которые при просмотре их от начала видео до его конца могут сложиться в цельную сюжетную линию либо оригинальный эстетический образ, некую, созданную режиссером картину реальности, но и каждая из них должна вызывать у зрителя отдельную эмоцию. Родается понятие фонового зрительского поведения: зритель бросает взгляд на экран своего телевизора лишь на несколько секунд, но за это время он должен успеть испытать эмоцию. Потому цепляющие внимание зрителя картинки и образы сменяют друг друга в клипах со скоростью мигания проблескового маячка. Такими музыкальные клипы мы знаем и сегодня.

Изменения произошли в середине 2000-х: в результате резкой смены эфирной политики телеканала MTV, стремительно теряющего свои рейтинги, популярные молодежные шоу значительно увеличили свое присутствие в эфире телеканала, в то время как количество музыкальных видеоклипов в нем резко сокращается. Аналогичный процесс мы наблюдали в последние годы и на российских музыкальных телеканалах Муз-ТВ и MTV Россия. Последний прекратил свое существование уже в мае 2013 г. в связи со все той же, общей для музыкальных телеканалов ситуацией. Данный процесс напрямую связан с развитием интернет-технологий¹.

Увеличение средней скорости интернет-соединения, а также развитие новых технологий передачи данных в Интернете сделали более доступным для пользователей просмотр видео в сети и возможным рождение феномена YouTube.

С появлением YouTube в феврале 2005 г. пользователи получили инструмент, с помощью которого смогли удобно размещать видеоролики в сети, равно как и смотреть ролики, ранее размещенные другими пользователями. Разумеется, в структуре контента сайта значительную долю стали занимать музыкальные видео. По данным comScore, около 40% пользователей YouTube смотрят на этом сайте в том числе и музыкальные видео². Статистика YouTube

¹ The Fall Of 'TRL' And The Rise Of Internet Video. URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=96869060> (дата обращения: 02.03.2013).

² 40% of YouTube's Audience Watch Music Videos. URL: <http://www.hypebot.com/hypebot/2011/08/-40-of-youtubes-audience-watches-music-videos.html> (дата обращения: 02.03.2013).

говорит о том, что лидерами по количеству просмотров на этом ресурсе являются музыкальные клипы³.

Как это работает сегодня

Важнейшей особенностью YouTube стала возможность наблюдать за количеством просмотров каждого видео и высказывать свое мнение о просмотренном видео посредством опции like/dislike, также имеющей счетчик. Кроме того, пользователи смогли оставлять письменные комментарии к видео.

Именно эти функции поместили видеоролики на сайте в условия рынка: все видео при загрузке на сайт имеют равную изначальную ценность. Эта ценность равно нулю просмотров и нулю «лайков». Далее интернет-пользователи определяют для себя ценность содержания видеоролика и конвертируют ее в количество просмотров, которое, в свою очередь, отражается на позиции ролика в общем рейтинге всех видео на сайте, позиция в рейтинге означает способность ролика привлечь к себе внимание новых пользователей, близость ролика к пользователю, а близость ролика к пользователю конвертируется в новые просмотры и новые «лайки» и т.д. Продукт, наиболее полно удовлетворяющий потребности потребителя, точно попавший в эти потребности, оказывается состоятельным как товар, способен приносить различные «дивиденды» своим создателям.

В то же время, как и с другими товарами, может возникнуть подозрение, что на определенном этапе товар приобретает новых потребителей уже не за счет своих качеств, а в большей степени благодаря своей популярности, близости к покупателю, позиции в рейтинге. Отчасти подозрение верно: так происходит с популярными брендами в категории потребительских товаров, так происходит и с роликами в YouTube. Тем не менее механизм рейтингования по количеству просмотров — самый справедливый механизм оценки качества видеоролика из тех, которые интернет-среда может предложить своим пользователям сегодня: идеальный рынок, совершенная конкуренция.

Несмотря на определенную, как и на любом другом рынке, обусловленность выбора пользователем того или иного видеоролика, популярностью этого ролика среди других пользователей, свой выбор он совершает тем не менее самостоятельно: сам ищет нечто для просмотра и затем смотрит.

В этом есть отличие просмотра музыкальных видеоклипов в Интернете от потребления подобного контента с использованием эфира музыкальных

³ The Fall Of 'TRL' And The Rise Of Internet Video. URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=96869060> (дата обращения: 02.03.2013).

телеканалов. Данный факт нам интересен с той точки зрения, что в новой культуре потребления мы уходим от феномена фонового просмотра музыкальных видеоклипов: в сети пользователи смотрят музыкальные клипы целенаправленно, в гораздо большей степени, чем когда-либо — от начала и до конца. Песня и клип меняются местами в интернет-среде по сравнению с телевидением: скорее, песня теперь становится фоном, а видеоряд — объектом потребления.

Эволюция

Каковы последствия названных изменений для содержательной части музыкальных видеоклипов: как изменение способа потребления видеоклипов должно отразиться на их визуальной части, их творческих решениях?

В последние годы стали появляться клипы, обретшие популярность в большей степени, благодаря своему визуальному ряду, песня в них несла вспомогательную роль, возможно, даже формальную. Ярким примером данного феномена служит история группы *Ok Go*.

Музыкальный коллектив *Ok Go* стал известен благодаря своим роликам в YouTube. Первый клип группы на песню *A Million Ways* снят «одним кадром», без остановки камеры, без монтажной склейки, на непрофессиональную видеокамеру и демонстрирует незамысловатый танец четырех участников коллектива на заднем дворе дома⁴. Стоимость клипа составила 58 долл. Второе видео группы, снятое на беговых дорожках фитнес-центра по тому же принципу и за приблизительно те же деньги⁵, имело еще больший успех и было удостоено премии «Грэмми» как лучший музыкальный клип 2006 г.⁶

Можно сделать смелое предположение: поскольку создателям клипа больше нет, по крайней мере, столь острой необходимости создавать видеоролики, рождающие эмоции или смыслы каждые условные две секунды, создаются предпосылки для рождения некоей новой культуры музыкальных видео. Действительно, в новом формате просмотра зрителя больше не обязательно цеплять за эмоцию, его внимание заведомо никуда не ускользает, а если действие в кадре покажется зрителю этого внимания заслуживающим, он с большой вероятностью досмотрит ролик до конца.

⁴ YouTube.com. URL: http://www.youtube.com/watch?v=M1_CLW-NNwc (дата обращения: 02.03.2013).

⁵ YouTube.com. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=dTAAsCNK7RA> (дата обращения: 02.03.2013).

⁶ Grammy.com. URL: <http://www.grammy.com/nominees/search?artist=ok+go&title=Here+It+Goes+Again&year=All&genre=All> (дата обращения: 02.03.2013).

Если присмотреться, среднестатистический современный клип — это все еще набор быстро сменяющих друг друга красочных и завлекательных, но статичных образов, фотографий, если угодно. Однако в новых условиях самым способом своего смотрения зритель готов к тому, чтобы покупать нечто целое, не состоящее из кусков, которые, увы, не всегда представляют собой нечто, будучи собранными вместе. Может быть, близится возвращение жанра музыкального видеоролика в те славные времена, когда он был тесно связан с кинопроизводством? Быть может, близится конец вульгарной эпохи клипового сознания, в котором смысл теряется за пестротой картинки? И возможно, настанут, наконец, времена ценителей истинной культуры? Определенно нет!

Критерии правильного музыкального видеоклипа были рождены потребностями и свойствами эфира музыкального телевидения. И хотя уже давно потеряла свою свежесть шутка: «Когда вы в последний раз видели клип в эфире MTV?», индустрия создания музыкальных видеоклипов все же продолжает продюсировать контент точно для эфира данного телеканала, что можно объяснить двумя моментами. Во-первых, инертностью индустрии, а во-вторых, тем, что новый формат смотрения не предъявляет к музыкальным видеороликам принципиально новых требований в части выразительных приемов, которые использует индустрия. И хотя появился феномен сверхпопулярных, сверхдешевых музыкальных видеороликов, дилетантских с точки зрения индустрии по своему качеству, лидерами просмотра на YouTube остаются музыкальные клипы, выполненные в классической традиции.

Рейтинги просмотра на YouTube дают нам следующую информацию: среди всех размещенных на ресурсе музыкальных и прочих роликов наибольшее число просмотров имеют снятые в полном соответствии с традициями музыкальных клипов MTV ролики PSY «GANGNAM STYLE» — 1 372 097 886 просмотров, Джастин Бибер «Baby» — 835 590 552 и Дженнифер Лопес «On the floor» — 653 819 683 просмотров⁷.

Уже здесь заметна некоторая деталь, важная для понимания того, почему музыкальные клипы в массе своей остаются прежними. Попробуем подойти к проблеме вот с какой стороны. Можно заметить интересную особенность: первые два видео являются также лидерами YouTube по числу «лайков» и «анлайков» соответственно⁸. Таким образом, наибольшее число просмотров набирают как те видеоклипы, которые вызывают у интернет-пользователя положительную эмоцию, так и те, которые вызывают раздражение.

⁷ YouTube.com. URL: http://www.youtube.com/charts/videos_views?t=a (дата обращения: 02.03.2013).

⁸ YouTube.com. URL: http://www.youtube.com/charts/videos_top_rated?gl=US&t=a&hl=en (дата обращения: 02.03.2013).

Живую реакцию на просмотр можно увидеть в комментариях к видео: ролик Джастина Бибера «Baby» изобилует пренебрежительными репликами пользователей. Кроме того, с появлением ролика южно-корейского исполнителя PSY его фанаты стали активно «комментировать» ролик «Baby», предрекая ему скорое поражение от «GANGNAM STYLE» (которое, к слову, действительно случилось). Завязалась целая война за 1-е место по числу просмотров в YouTube: это уже совсем не похоже на фоновое смотрение. Можно также отметить, что танец из клипа «GANGNAM STYLE» на настоящий момент является, пожалуй, одним из самых популярных мемов в Интернете.

В российской зоне YouTube среди музыкальных клипов имеют большую популярность ролики, иногда и весьма емко называемые «оружием массового поражения»: они отличаются иррациональностью, абсурдностью и бессмысленностью своего содержания, при этом каждый такой клип настолько заразителен, что, просмотрев его однажды, непременно возвращаешься к нему снова. Подобные ролики становятся популярными мемами и распространяются пользователями с целью развлечения своих друзей в социальных сетях.

Одним из примеров такого типа видео стал приобретенный в последние месяцы большую популярность в российской зоне YouTube клип певицы Анжелы Лондон «Ультрафиолет» — более 2,9 млн просмотров⁹. Подавляющее большинство комментариев к этому клипу выражает негативную оценку аудиальной и визуальной его стороны. Количество «анлайков» превышает количество «лайков» почти в 5 раз (52 тыс. против 11 тыс.).

Совсем иную реакцию вызвало видео, ставшее популярным осенью-зимой 2011–2012 гг. — «Паукан» (более известное как «Мокренькая кисонька»¹⁰). На сегодняшний день его просмотрело более 4 млн человек. При этом количество «лайков» превышает количество «анлайков» в 14 раз (11 тыс. против 800).

Таким образом, музыкальные видеоклипы подобного содержания также могут становиться популярными, вне зависимости от того, вызывают они положительные или отрицательные эмоции.

Ролики «Baby» Джастина Бибера, «GANGNAM STYLE», «Ультрафиолет» Анжелы Лондон, «Паукан») — все они вызывают простую эмоцию, не апеллируют к понятию вкуса, не стремятся донести мысль. Эти клипы вызывают настоящий, живой смех или неподдельное раздражение. И если подумать, пользователи часто делятся в социальных сетях именно теми роликами, которые, как они считают, придется по вкусу людям из числа их друзей. Смех объединяет, вкусы же разнятся. В Интернете мы слишком плохо ориенти-

⁹ YouTube.com. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=SZRKOcWuDA8> (дата обращения: 02.03.2013).

¹⁰ YouTube.com. URL: http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=24EP-Arg0G8 (дата обращения: 02.03.2013).

руемся во вкусах друг друга, но веселые или абсурдные ролики придется по вкусу почти всем. Мы не хотим нагружать друг друга информацией, мы хотим развлечь друг друга. Мы не хотим думать, мы хотим найти минутку, когда этого можно не делать. И если видео перестает быть просто фоном и должно наполниться неким смыслом, то смыслом этим становится не эстетическая или интеллектуальная ценность музыкального видеоклипа, а его способность вызывать простую эмоцию. Поэтому становятся не важными те средства, с помощью которых эта эмоция создается: клип может быть исключительно дорогим и, в традиционном смысле, профессиональным или же издевательски-дилетантским — водораздел проходит по иному принципу.

В связи с этим можно назвать две перемены, произошедшие с музыкальными клипами при переходе их в интернет-среду:

- фоном перестает быть видео, им становится аудиосоставляющая музыкального клипа;
- музыкальному видеоклипу больше нет необходимости выдавать зрителю готовую эмоцию каждые условные две секунды. Важно, чтобы в целом клип вызывал одну простую эмоцию, которой зритель захочет поделиться со своими друзьями в социальных сетях.

На 1-е место выходит наличие яркой эмоциональной реакции аудитории на увиденное. В ситуации фонового просмотра такого просто не могло быть. Поэтому то, что мы сейчас наблюдаем, можно назвать переходом от фона к «фану» (веселью). То новое, что дала музыкальным видеоклипам эпоха YouTube, — это набор снятых за 50 долл. или за миллион — не важно, но роликов, вызывающих сильную эмоциональную реакцию у аудитории. Будет ли это реакцией негодования или восхищения — совершенно не важно.

Заключение

В середине 2000-х годов произошло качественное изменение способа потребления музыкальных видеоклипов: теперь к нему едва ли можно применить термин «фоновое просмотрение», визуальный ряд во все большей степени выходит на первый план по сравнению с музыкальной составляющей клипа.

Тем не менее не стоит преувеличивать то влияние, которое этот фактор в настоящее время оказывает на творческие решения музыкальных видеоклипов и индустрию в целом: потребитель привык к клипам формата MTV, музыкальные видеоролики, ставшие популярными мемами, существуют отдельно от индустрии, пока сознательно ею не продуцируются и являются штучным явлением.

На первый план выходит способность музыкального видеоклипа вызывать у зрителя яркую и простую эмоциональную реакцию, которой он захочет поделиться с другими.

А.В. Прохоров

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

НИШЕВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕПРОИЗВОДСТВА: МИСТИЧЕСКИЕ СЕРИАЛЫ КАК НАПРАВЛЕНИЕ

Нишевизация как тренд

Развитие медиа в России происходит достаточно быстрыми темпами, что не может не сказываться на структуре и специфике вещания телевизионных каналов, а также их бренда и производимого для них контента. Количество российских неэфирных телеканалов увеличилось со 180 в 2007 г. до 300 в 2011 г. При этом охват ими аудитории достиг 69%. С переходом на цифровое телевидение, запланированным в России к 2015 г., количество потенциально доступных зрителю каналов начнет расти еще быстрее, а стоимость их приема уменьшится.

Более того, по данным TNS Россия, на начало 2013 г. в нашей стране охват Интернетом аудитории 12+ в городах-столицах составил 70%. Таким образом, сегодня зритель-горожанин имеет свободный доступ как к телевидению, так и к Интернету, конкуренция постоянно растет. Зритель способен сам выбирать тематику и специфику потребляемого контента и самостоятельно решать, что и когда смотреть. В результате в поисках своей аудитории вещатели все чаще предлагают специализированный контент, нацеленный не на массового, а на нишевого зрителя.

Согласно концепции «длинного хвоста», предложенной Крисом Андерсоном еще в 2004 г., на медиарынке суммарные продажи продуктов-хитов в долгосрочной перспективе оказываются значительно ниже, чем суммарные продажи товаров — аутсайдеров рынка [Андерсон, 2008]. Таким образом, выход на рынок с непопулярными продуктами отнюдь не означает финансовые потери, а в большинстве случаев и вовсе оказывается выгоден. Исходя из собственных исследований, Андерсон предположил, что в будущем культура будет основываться на индивидуальных предпочтениях и разделится на ряд параллельных культур. Нишевизация отечественного телепроизводства — пример того, как концепция «длинного хвоста» работает сейчас в России.

Специализация в достаточно узких областях, более точно нацеленных на потребности определенной, пусть и меньшей, части аудитории, позволяет каналам успешно конкурировать друг с другом и с интернет-контентом. Именно такую специализацию (как пример — специализацию на мистике и мистических телесериалах) мы и наблюдаем на российском телевидении в последнее время.

Появление специализированного канала — ТВ-3. Бренд канала. Специфика аудитории

Примером успешной нишевизации каналов может служить ребрендинг канала ТВ-3 в 2008 г., фактически приведший к превращению его в специализированный. На примере этого канала и рассмотрим процесс построения нишевого канала, непривычного для российской аудитории.

С декабря 2006 г. телеканал ТВ-3 вошел в холдинг Владимира Потанина «Проф-медиа», а осенью 2007 г. заявил о ребрендинге и полной смене контента. С 2008 г. слоган канала — «Настоящий мистический», а формат программ — «Фантастика. Мистика. Приключения». Соответственно сменились и логотип, эфирное оформление и программирование канала. Ребрендинг принес свои результаты: если в 2007 г. средняя доля канала в стране по аудитории 18–54 года составляла около 2,5%, то в 2008 г. уже достигала 3,7%.

Несмотря на то что результаты ребрендинга были в целом положительными, у руководства канала возникли опасения, связанные с тем, что намечилось смещение в сторону мужской аудитории. Вероятно, это смещение было связано с тем, что на ТВ-3 активно и успешно транслировались фантастические форматы, такие как сериал «Звездные врата». По словам Александра Карпова, находившегося в тот момент на посту директора ТВ-3, мужчины — нестабильная аудитория, к тому же каналу не хотелось конкурировать с РЕН ТВ.

Пытаясь переориентироваться на женскую аудиторию, канал запустил производство соответствующего контента, однако доля канала начала падать, и к концу 2010 г. составляла уже 3%. Возможно, это связано с тем, что руководство канала сделало предположение: позиционирование канала как мистического вызывает мрачные ассоциации и, следовательно, отталкивает женскую аудиторию. Весной 2011 г., продолжая корректировку своего позиционирования, канал изменил слоган на «ОПТИмистический» и «Удивительный», постепенно отходя от прежней темы и жанра «мистика». Однако это не помогло, и к концу 2011 г. доля канала уменьшилась почти до 2%. Как результат, в декабре 2011 г. Александр Карпов покинул пост генерального директора, и его сменила Дарья Фиалко.

Новое руководство канала по-другому взглянуло на проблему, решив вновь спозиционировать канал как мистический, но с уклоном в «светлую сторону» мистики. В сентябре 2012 г. канал сменил эфирное оформление, логотип и получил слоган «Белая магия». «ТВ3 продолжает оставаться мистическим, каким всегда был и тем отличался, — говорят представители телеканала. — В новом сезоне канал предлагает окунуться в добрый и светлый мир. Больше не будет темной мистики, которая пугает. ТВ3 показывает, что есть тайны, которые ты открываешь, как исследователь, и получаешь удовольствие от того, что ты нашел, узнал, и теперь можешь это применить в своей жизни».

По словам нынешнего генерального директора ТВ-3 Д. Фиалко, сейчас его коммерческая аудитория — все зрители (мужчины и женщины) «25–59», а ядро аудитории — «35–44» с уклоном в женскую сторону (из интервью Д. Фиалко Корпоративному телевизионному агентству «Телескоп» от 10 октября 2012 г.) [Склярова, 2012]. Как подчеркивает Дарья, подобный выбор целевой аудитории достаточно типичен, на нее пытаются работать многие каналы, однако специфика — «мистический взгляд на жизнь» — это то, что позволяет телеканалу ТВ-3 занять свою нишу и вызывать интерес у значительной части аудитории. Кроме того, Дарья отмечает, что канал в будущем будет все больше ориентироваться на производство собственного оригинального контента. При этом важным элементом вещания остается трансляция зарубежных сериалов в прайм. Такая методика продолжает успешно работать и помогает поддерживать и увеличивать долю телеканала.

Создание телеформатов, соответствующих бренду канала

Иностранные образцы. Показ иностранных мистических сериалов был и остается одним из ключевых факторов успеха ТВ-3. За несколько лет на канале транслировались «Грань», «Менталист», «Ангар 13», «Говорящая с призраками», «Охотники за нечистью» и множество других сериалов жанра. При этом первоначальный отбор сериалов на канал производится преимущественно по критерию их принадлежности к жанру «мистика». Рассмотрим кратко определения важных понятий, необходимых нам в дальнейшем.

Мистика — это 1) вера в божественное, в таинственный, сверхъестественный мир и в возможность непосредственного общения с ним; 2) нечто загадочное, необъяснимое [Ожегов, Шведова, 1992].

Понятие «жанр» в рамках данного доклада рассмотрим в контексте того, что пишет о жанрах на телевидении Джонатан Бигнелл в своей книге «Introduction to television studies»: «Жанр» происходит от французского

слова, означающего “тип”, а изучение жанра применительно к телевидению осуществляется с использованием подходов и терминов, происходящих от изучения жанра в фильмах, литературе и других формах культуры...»; «...Изучение жанра позволяет теоретикам соединить правила и нормы, найденные в группах телевизионных текстов, с ожиданиями и пониманием аудитории. » [Bignell, 2004, p. 114] (Перевод мой. — *А. П.*).

Теперь, используя приведенные определения, постараемся выявить те каноны (ключевые признаки, приемы), которые закладываются создателями в сериалы рассматриваемого жанра и на основе которых зритель понимает, что перед ним сериал, имеющий отношение к жанру «мистика». В качестве иностранных образцов возьмем сериалы «Секретные материалы» («The X-Files», 1993–2002), «Сверхъестественное» («Supernatural», 2005—...), «Менталист» («The Mentalist», 2008—...) и «Остаться в живых» («Lost», 2004–2010). Воспользовавшись методом восстановления сценарной канвы по готовому продукту, применяемым И.Н. Кемарской в книге «Телевизионный редактор», и проанализировав первые серии выбранных сериалов, выделим основные приемы, характерные для данного жанра:

1) логика снов (события могут не вписываться в рамки обычной логики, а сны — переплетаться с реальностью, без объяснений причины происходящего);

2) ложные ходы (ложные намеки, отвлечение внимания, «обман» зрителя, «силуэты-двойники», ложность ощущений зрителя);

3) мистическое в обыденном (мигают лампы, барахлят приборы и т.п.);

4) использование артефактов (особых, странных вещей, амулетов, оберегов);

5) рефрены (повторение одних и тех же мистических знаков, фраз, пугающих моментов и целых ситуаций на протяжении всего повествования, замкнутые эпизоды);

6) чередование спокойствия и тревоги (от бытового — к сверхъестественному, от спокойствия — к ужасу и обратно);

7) нагнетание страха (пугающая атмосфера и звуки, предчувствие страшного, ощущение запущенности и тлена);

8) визуальные аттракционы-чудеса (призраки, магия, телепортация, антропоморфизм и т.д.);

9) загадывание загадок с отложенной отгадкой;

10) отсылки к легендам, сказкам, поверьям, их вплетение в сюжет;

11) намеки на сверхчеловеческую природу или необычные знания героев;

12) игры со временем (путешествия во времени, флэшбеки, замедление или остановка времени);

13) антимистика (неожиданно простое или научное объяснение того, что могло стать очередной мистической загадкой);

14) готовность героев нарушать правила (герои преступают закон или общепринятые нормы, посещают запретные места и т.п.);

15) частое преобладание в цветах изображения холодных оттенков синего, серого, черного и других цветов (обозначение угрожающей или неопределенной обстановки) [Bignell, 2004, p. 90];

16) плотность сценарного письма (напряженность сцен достигается также их частой сменой, средняя длина сцены в первой серии «Менталиста» — 1 мин 10 с).

Перечисленные принципы, приемы и каноны узнаются и разделяются как создателями контента, так и хорошо знакомыми с жанром зрителями. Логично предположить следующее: чем успешнее применяются эти правила, тем больше вероятность, что зритель без каких-либо иных подсказок поймет, сериал какого жанра он смотрит. Для нишевого канала, специализирующегося на конкретном жанре, очень важно, чтобы аудитория, приходя на канал, получала именно то, то ожидает. Именно поэтому значительную часть сетки ТВ-3 всегда занимают зарубежные мистические сериалы: они хорошего качества и всегда придерживаются выбранных жанров, оправдывая ожидания зрителей.

Адаптация. Основные трудности производства мистических сериалов в России связаны не только и не столько с недостатком бюджетов, сколько с полным отсутствием какого-либо опыта в данной сфере и с неподготовленностью российского зрителя к восприятию жанра «мистика». Это обусловлено историческими причинами. Татьяна Суворова в своей статье «О, эта мистика...» пишет: «Советские писатели в этом жанре не могли работать по принципиальным идеологическим соображениям; зарубежные — не менее принципиально не переводились» [Суворова, 2002]. Подобная ситуация, естественно, прослеживалась не только в литературе. Исторически сложилось так, что в нашей стране как производство собственных фильмов и сериалов в жанре «мистика», так и трансляция западных, не осуществлялись, а зритель не был подготовлен к их потреблению.

После распада СССР у зрителей появилась возможность видеть в кино-театрах и на телевидении отдельных представителей жанра. Наиболее важным первым шагом в знакомстве отечественного зрителя с мистикой стал показ сериала «Секретные материалы»: с 1997 г. сериал был «опробован» на Ren-TV, а с 1998 г. выходил на ОРТ (продолжая параллельно транслироваться по Ren-TV). Следует также отметить выпуск Первым каналом полнометражных фильмов «Ночной дозор» и «Дневной дозор» по одноименным романам Сергея Лукьяненко в 2004 и 2005 гг. соответственно. По большому счету

это — первая серьезная попытка перенести и показать мистику в условиях российской действительности, которая, кстати, имела значительный успех у аудитории. В дальнейшем «привить» мистику отечественному зрителю пытались также и другие каналы — РЕН ТВ и ТНТ. Например, проекты ТНТ «Необъяснимо, но факт» и «Битва экстрасенсов» также хорошо принимались зрителями и выходили в эфир с достаточно большой долей.

Среди отечественных мистических сериалов успешностью могут похвастаться скорее те, которые полностью основываются на существующих аналогах, т.е. являются адаптациями зарубежных. Среди таких сериалов можно выделить «Здесь кто-то есть» (ТВ-3, 2010–2011 гг., адаптация испанского мистического сериала «Кто-нибудь там есть?» — «*Hay alguien ahí*»), «Я отменяю смерть» (ТВ-3, 2012 г., адаптация американского мистического сериала «Вернуть из мертвых» — «*Tru Calling*»), «Закрытая школа» (СТС, 2011–2012 гг., адаптация испанского мистического сериала «Черная лагуна» — «*El Internado*») и «Обратная сторона Луны» (Первый канал, 2012 г., адаптация британского мистического сериала «Жизнь на Марсе» — «*Life on Mars*»).

Наиболее благосклонно аудитория приняла «Закрытую школу» и «Обратную сторону Луны», собиравшие доли в 10–20%. Таким образом, «Закрытая школа» стала одним из наиболее успешных проектов СТС за все время существования телеканала. При адаптации к сериалу «Черная лагуна» здесь подошли очень бережно, вплоть до того, что некоторые эпизоды из оригинала переснимались почти дословно. Кроме того, проанализировав первую серию, можно сказать, что из выявленных нами ранее характерных приемов и канонов жанра здесь активно применялись приемы под номерами 2, 3, 6, 7, 9, 10, 11, 14, 15 и 16.

Следует также отметить, что проект «Закрытая школа» рассматривал для себя также телеканал ТВ-3, но его руководство решило, что сериал рассчитан на более молодежную аудиторию, нежели целевая аудитория канала. На СТС же проект оказался настолько успешным, что после четырех сезонов канал планирует выпустить полнометражный фильм, а кроме того, в данный момент совместно с компанией «АМЕДИА» занимается адаптацией другого испанского мистического сериала — «Ангел или демон» («*Ángel o demonio*»).

«Обратная сторона луны» также показала высокие, хотя и не революционные для Первого канала, рейтинги и получила в целом положительные отзывы критиков. Тем не менее некоторые эксперименты с оригинальным сериалом и жанром «мистика», которые опробовали создатели, здесь не вполне удались. Кинокритик Алексей Смагин пишет: «Если в английской версии реакция главного героя на изменившуюся обстановку была показана правдоподобно, то русская напоминает “Пришельцев в Америке” или “Черного Рыцаря”. Это не комедия, это мистический сериал, но создатели, видимо, об этом забыли».

В общем и целом, как показала практика, российский зритель достаточно благосклонно принимает адаптации зарубежных мистических сериалов. При этом в данном жанре неумолимо растет и число сериалов оригинального отечественного производства.

Оригинальное российское производство. Первым сериалом оригинального отечественного производства в жанре «мистика» стал сериал «Башня», показанный в 2010 г. на ТВ-3, режиссер проекта — Денис Нейманд («Жесть»). В отличие от адаптаций зарубежных сериалов, «Башня» не только имеет оригинальный сюжет, но и снята в уникальном стиле, с применением множества операторских и режиссерских находок. При этом в первой серии «Башни» из описанных выше канонов жанра «мистика» можно увидеть приемы под номерами 1, 3, 5, 7, 9, 11, 12, 14 и 15.

Запуск собственного сериала сопряжен с большими рисками, чем адаптация. Поэтому рейтинги сериала «Башня» предсказать было трудно. На начальном этапе доля сериала почти вдвое превышала среднюю долю канала. В итоге же средняя доля «Башни» оказалась 3,2–3,3% на фоне средней доли канала 3%, хотя сериал выходил в прайм-тайм. Тем не менее руководство канала одобрило съемки продолжения, и в 2012 г. зрители увидели второй сезон сериала «Башня. Новые люди».

Помимо «Башни», следует отметить такие собственные проекты канала ТВ-3, как «Дежурный ангел», «Твой мир/Антиквар», «Пятая стража». Телеканал СТС после успеха «Закрытой школы» также инициировал запуск нескольких сериалов оригинального формата: «Посредник» по книге Александра Мирера «Главный полдень» и «Темный мир», который станет продолжением одноименного полнометражного фильма.

В 2013 г. свой мистический сериал представил и телеканал ТНТ — проект под названием «Моими глазами». Данный проект — не только мистический детективный сериал оригинального формата, но и первый в России сериал, снятый с использованием технологии «субъективная камера». Для ТНТ это — серьезный эксперимент, который, судя по всему, оправдал себя: у первых трех серий доля аудитории от 18 до 30 лет по стране составила 20%, а по Москве — и вовсе около 25%.

В заключение необходимо отметить, что, хотя производство оригинальных форматов мистических сериалов в нашей стране и находится на раннем этапе развития, но представляет собой достаточно перспективное и хорошо принимаемое зрителями направление.

Литература

- Андерсон К.* Длинный хвост. Новая модель ведения бизнеса. М.: Вершина, 2008.
- Афанасьева Е.* Телехранитель: может ли телевидение создать альтернативную историю: интервью с Александром Карповым // Радио «Эхо Москвы». 2011. 10 апреля.

Белавин П., Балашова А., Хвостик Е., Кузнецова Е. Эфир кабелю не спутник. Как развивается альтернативное телевидение в России // Коммерсантъ. 2011. 12 дек. № 232/П (4773).

Бородина А. Телевидение их глазами // Коммерсантъ. 2013. 30 янв. № 16 (5047).

Калинина Н. В России зашкаливающая мистификация сознания: интервью с Дарьей Фиалко // Forbes. 2012. 2 ноября.

Кемарская И.Н. Телевизионный редактор. М.: Аспект Пресс, 2004.

Краскова А. Сериальный ренессанс. Почему кинорежиссеры уходят на телевидение // НГ Антракт. 2011. 14 января.

Лаврентьева М., Дунаева Н. Есть ли жизнь на «Обратной стороне Луны»?.. // Вечерняя Москва. 2012. 5 ноября.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.

Склярва М. Без крепкого бренда, понятной зрителю контентной политики и точного позиционирования любой канал умирает: интервью с Дарьей Фиалко // Телескоп. 2012. № 38 (801). 10 октября.

Суворова Т. О, эта мистика... // Уральский следопыт. 2000. № 4.

С 15 апреля телеканал ТВ-3 меняет оформление и слоган // Информационная служба Sostav.ru. 2011. 18 апреля.

ТВ-3 угадал аудиторию // Информационная служба Sostav.ru. 2008. 4 июля.

ТВ-3 перешел на сторону добра // Информационная служба Sostav.ru. 2012. 7 сентября.

Трофимова Е. Задача ТВ-3 — заскочить в последний вагон и войти в премьер-лигу: интервью с Александром Карповым // РБК Daily. 2008. 27 августа.

Хавкина Л. ОРТ приходит на готовенькое — «Секретные материалы» были опробованы на Ren-TV // Комсомольская правда. 1998. 17 июля.

Шумова З. Темный мир-2 обойдется без 3D // Variety Russia. 2012. 23 мая.

Bignell J. Introduction to Television Studies. L.; N.Y.: Routledge, 2004.

TNS Россия. Web Index. 2013. Январь.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
МАССОВОГО
СОЗНАНИЯ В ВШЭ

О.С. Грязнова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ЗАПРОС НАСЕЛЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ И ОЦЕНКА ЕЕ КОСВЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ¹

Введение

Проблематика косвенных — негативных и позитивных — последствий деятельности социального государства в последние годы обсуждается все более активно. Задача данного исследования — выявить влияние воспринимаемых последствий деятельности социального государства на уровень запросов населения на социальную поддержку в разных странах.

В ряде исследований рассматривалась взаимосвязь оценки эффективности различных социальных программ с уровнем запроса на участие государства в их реализации [Edlund, 2006; Gevers et al., 2000; Kumlin, 2007]. В. ван Ооршот и Б. Мойлеман [Van Oorschot, Meuleman, 2012] проанализировали, как оценка уровня жизни пожилых людей и безработных влияет на уровень запроса на государственную социальную поддержку этих социальных групп. Материальное благополучие пенсионеров и безработных рассматривалось как следствие работы социального государства. Ван Ооршот и Мойлеман обнаружили негативную связь: чем хуже оценивается положение пожилых людей и безработных, тем выше запрос на поддержку этих социальных групп. Такая же закономерность была выявлена для безработных, хотя связь несколько слабее. Авторы объясняют данный факт как реакцию, нацеленную на улучшение существующего положения вещей (*improvement reaction*). Ими была предложена теория «улучшение — перегрузка», заключающаяся в том, что ощущение недостатка участия государства в регулировании соци-

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

Автор выражает благодарность В.С. Магуну за ценные рекомендации и помощь в работе над текстом.

альных вопросов и низкая оценка материального положения целевых групп повышает запрос на усиление государственного регулирования социальных вопросов и, наоборот, если качество жизни целевых групп оценивается более позитивно и осознается «перегрузка» социального государства, то запрос сокращается.

Данный подход можно применить и к рассмотрению последствий функционирования социального государства: если человек не видит последствий (ни негативных, ни позитивных) социальной политики, то его запрос на государственную поддержку повышается, а если видит, то понижается. Исходя из этой логики, можно выдвинуть следующие гипотезы:

гипотеза 1а — высокий уровень оценки негативных экономических последствий понижает запрос;

гипотеза 1б — высокий уровень оценки негативных моральных последствий понижает запрос;

гипотеза 1в — высокий уровень оценки позитивных социальных последствий понижает запрос.

Однако существует и другая логика, в рамках которой воспринимаемые последствия рассматриваются не в качестве индикаторов активности и объема государственной социальной поддержки, а по их непосредственному содержанию: чем худшими выглядят для человека последствия некоторого решения, тем в меньшей мере он склонен это решение поддерживать и, напротив, чем лучше выглядят последствия, тем сильнее поддержка.

О. Кангас рассматривает запрос на участие государства в регулировании социальных вопросов как процесс принятия решений [Kangas, 1997, p. 476]: если индивид руководствуется рациональным выбором, он оценивает выигрыши и затраты (персональные и социальные), являющиеся следствием принятия решения. В нашем случае, если человек видит, что уровень негативных последствий достаточно высок, а позитивных — низок, он будет снижать свою поддержку социального государства. И напротив, если человек видит значительные позитивные последствия и не фиксирует негативных, он будет считать деятельность государства в социальной сфере более легитимной и предъявлять к государству более высокие запросы. На основе этих рассуждений можно сформулировать гипотезы, две из которых (2а и 2б) совпадают с теми, что изложены выше:

гипотеза 2а — высокий уровень оценки негативных экономических последствий понижает запрос на социальную поддержку государства;

гипотеза 2б — высокий уровень оценки негативных моральных последствий понижает запрос на социальную поддержку государства;

гипотеза 2в — высокий уровень оценки позитивных социальных последствий повышает запрос на социальную поддержку государства.

Принимая во внимание то, что объем ресурсов социального государства и эффективность их использования различаются в странах разных типов, можно ожидать, что теория «улучшение — перегрузка» может объяснить связь оценки последствий социального государства и индекса запроса на макроуровне (где единицами анализа выступают отдельные страны), а теория рационального выбора — на индивидуальном уровне внутри стран.

Исследование основано на данных четвертой волны Европейского социального исследования, проведенного в 2008 г. Выборка исследования — 56 752 респондента из 29 европейских стран.

В исследовании тестировалась связь уровня запроса на государственную социальную поддержку и воспринимаемых людьми последствий социального государства с позиций двух альтернативных подходов: теории «улучшение — перегрузка» и теории рационального выбора. Были рассмотрены две переменные, фиксирующие уровень запроса на государственную социальную поддержку (без учета налогов и с учетом налогов) и три переменные, характеризующие воспринимаемые последствия социального государства.

Индекс запроса на социальную поддержку без учета налогов рассчитан как среднее значение оценки индивидом ответственности государства за реализацию шести социальных программ: «обеспечение работой каждого, кто хочет работать», «обеспечение квалифицированной медицинской помощи тем, кто в ней нуждается», «обеспечение достойного уровня жизни людям в старости», «обеспечение достойного уровня жизни безработным», «обеспечение ухода за детьми работающих родителей» и «предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи» (подробнее см.: [Грязнова, Магун, 2012]). Респонденту предлагалось оценить необходимый уровень участия государства в реализации каждой программы по 11-балльной шкале (0 — «не является задачей государства», 10 — «всецело задача государства»).

Запрос с учетом налогов фиксировался с помощью вопроса: «Многие социальные пособия, льготы и услуги оплачиваются за счет налогов. К какому из вариантов Вы больше склоняетесь: чтобы у нас увеличили налоги, и государство стало больше тратить на социальные пособия, льготы и услуги, ИЛИ чтобы снизили налоги, и государство меньше тратило на социальные пособия, льготы и услуги». Для ответа использовалась 11-балльная шкала: 0 — «существенно уменьшить налоги и гораздо меньше тратить на социальные пособия, льготы и услуги», а 10 — «существенно увеличить налоги и гораздо больше тратить на социальные пособия, льготы и услуги». Этот тип запроса отличается напоминанием о налогах и тем, что предлагает два альтернативных сценария одновременного изменения налогов и объема государственной поддержки.

Индексы воспринимаемых последствий были рассчитаны как средние значения согласия (по 5-балльной шкале, где 1 — «совершенно не согласен», 5 — «полностью согласен») респондента с соответствующими высказываниями². Индекс *негативных экономических* последствий рассчитывался на основе высказываний «социальные пособия, льготы и услуги являются слишком тяжелым бременем для нашей экономики» и «слишком дорого обходятся предприятиям в виде налогов и издержек»; индекс *негативных моральных* последствий — на основе высказываний «социальные пособия, льготы и услуги делают людей ленивыми», «притупляют у людей желание помогать друг другу» и «притупляют у людей желание самостоятельно заботиться о себе и своей семье»; индекс *позитивных социальных* последствий — на основе высказываний «социальные пособия, льготы и услуги сдерживают рост бедности», «способствуют преодолению неравенства» и «позволяют людям легче сочетать работу и семейную жизнь». Валидность этих индексов была подтверждена методом конфирматорного факторного анализа [Van Oorschot, Reeskens, Meuleman, 2012, p. 185].

В качестве ключевой страновой переменной использовался тип социального государства. Эта классификация является модификацией классификации Рискинса и ван Ооршота [Reeskens, Van Oorschot, 2011, p. 12] и Фенгера [Fenger, 2007, p. 22–24]. Всего было выделено шесть типов стран: социал-демократический (Финляндия, Дания, Норвегия, Швеция, Нидерланды), консервативный (Швейцария, Бельгия, Франция, Германия), либеральный (Великобритания, Ирландия), фамилиаристический (Испания, Греция, Португалия, Турция, Израиль, Кипр), страны бывшего СССР (Россия, Эстония, Латвия, Украина) и постсоциалистический тип (Болгария, Хорватия, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Словения).

Результаты исследования

Выдвинутые гипотезы проверены на межстрановом и внутристрановом (индивидуальном) уровне с помощью корреляционного анализа.

Результаты корреляционного анализа сами по себе не дают информации о том, какая из сопоставляемых переменных является причиной, а какая — следствием. В рамках данной статьи восприятие людьми последствий трактуется как причина, а величина запросов — как следствие, но возможна (хотя, на наш взгляд, менее вероятна) и иная причинно-следственная цепочка. Поэтому точнее было бы говорить о взаимосвязях между двумя рассматриваемыми группами переменных.

² По сравнению с анкетой ESS направления шкал изменены на противоположные.

Межстрановой анализ был осуществлен на массиве, в котором единицами анализа выступали средние величины интересующих нас показателей в 29 европейских странах (табл. 1). Для индекса безналогового запроса выявлены значимые отрицательные корреляции со всеми типами последствий. С учетом направления шкал это означает, что при высоких показателях как негативных, так и позитивных последствий наблюдается снижение запроса на государственную социальную поддержку, т.е. запрос выше в тех странах, где население не видит ни негативных, ни позитивных последствий социального государства. Основываясь на предыдущих исследованиях, можно выдвинуть предположение, что в данном случае более выраженная оценка населением как негативных, так и позитивных последствий — просто индикатор того, что государство активно участвует в решении социальных вопросов в конкретной стране. Соответственно чем эта активность меньше, тем больше спрос на ее повышение.

Применительно к запросу с учетом налогов подобная логика не работает, на что указывает значение коэффициента корреляции данного показателя с оценкой позитивных социальных последствий: запрос на рост социальной поддержки и готовность софинансировать социальное государство выше в тех странах, где выше средняя оценка позитивных последствий ($R = 0,61, p < 0,01$). Этот коэффициент корреляции является сигналом того, что показатель запроса с учетом налогов даже и на межстрановом уровне анализа подчиняется логике рациональности, а не логике «улучшения — перегрузки».

Таблица 1. Корреляции среднестрановых показателей запроса на государственную социальную поддержку и воспринимаемых последствий деятельности социального государства ($N = 29$ стран)

Последствия	Индекс безналогового запроса	Запрос с учетом налогов
Негативные экономические	-0,32 (без Венгрии = -0,46*)	-0,46*
Негативные моральные	-0,65**	-0,23
Позитивные социальные	-0,42*	0,61**

Корреляция значима на уровне: * 0,05; ** 0,01.

Внутристрановой анализ был осуществлен для каждой из 29 стран в отдельности. Результаты показали, что почти во всех странах имеют место значимые отрицательные корреляции между воспринимаемыми негативными последствиями социальной политики и запросами людей на государственную социальную поддержку. Воспринимаемые позитивные последствия коррелируют с уровнями запросов менее активно, но тем не менее в большин-

стве стран дают статистически значимые положительные коэффициенты. Такие выводы относятся к двум типам запросов — и к безналоговому, и к запросу с упоминанием налогов (табл. 2, рис. 1, 2). Иными словами, чем больше человек видит отрицательных последствий деятельности социального государства, тем в меньшей мере он требует участия государства в регулировании социальной политики и готов участвовать в ее финансировании, и наоборот, понимание позитивных последствий делает социальное государство более привлекательным, и соответственно в этом случае наблюдается повышенный спрос на участие государства, а также готовность его поддерживать через уплату высоких налогов. Таким образом, внутривостановые корреляции указывают на то, что в большинстве стран при формировании своего запроса на государственную социальную поддержку люди руководствуются рациональными аргументами.

Связь оценки негативных последствий с уровнем обоих типов запроса оказалась более выраженной по сравнению с оценкой позитивных последствий (см. рис. 1, 2). Средние коэффициенты корреляции двух типов негативных последствий с обоими типами запросов выше, чем показатели связи оценки позитивных последствий и запросов. Для индекса безналогового запроса и оценки трех типов последствий средние коэффициенты корреляции следующие:

с негативными экономическими последствиями $R_{cp} = -0,12, p < 0,01$;

с негативными моральными последствиями $R_{cp} = -0,15, p < 0,01$;

с позитивными социальными последствиями $R_{cp} = 0,05, p < 0,05$.

Применительно к запросу с учетом налогов средние значения корреляции по абсолютной величине несколько повышаются:

средний коэффициент корреляции для негативных экономических последствий $R_{cp} = -0,21, p < 0,01$;

для негативных моральных последствий $R_{cp} = -0,19, p < 0,01$;

для позитивных социальных последствий $R_{cp} = 0,09, p < 0,05$.

Это означает, что, принимая решения и высказывая свое мнение о должном объеме государственного участия в социальной политике и готовности участвовать в ее финансировании, люди проявляют бóльшую чувствительность к ее негативным, нежели позитивным последствиям.

Запрос с учетом налогов оказался сильнее связанным с оценкой последствий социального государства, чем индекс безналогового запроса. Это означает, что, осознавая свою причастность к финансированию социального государства, индивид в большей мере склонен учитывать последствия его деятельности при принятии решения.

Таблица 2. Внутривнутрикорреляции индивидуальных показателей запроса на государственную социальную поддержку и воспринимаемых последствий деятельности социального государства в 29 европейских странах

Последствия	Индекс безналогового запроса	Запрос с учетом налогов
Негативные экономические	Значимые отрицательные корреляции имеются в 24 странах	Значимые отрицательные корреляции имеются в 25 странах
Негативные моральные	Значимые отрицательные корреляции в 27 странах	Значимые отрицательные корреляции в 27 странах
		Значимая положительная корреляция имеется в одной стране
Позитивные социальные	Значимые отрицательные корреляции имеются в 6 странах	Значимая отрицательная корреляция имеется в одной стране
	Значимые положительные корреляции имеются в 16 странах	Значимые положительные корреляции имеются в 22 странах

Наиболее полно описанные выше закономерности выражены в десяти странах, в которых оба вида запросов отрицательно и статистически значимо связаны с негативными последствиями и положительно и тоже статистически значимо — с позитивными. Это — страны с сильными социальными государствами (Нидерланды, Норвегия, Швеция, Финляндия, Бельгия, Великобритания), а также некоторые фамилиаристические (Кипр, Израиль) и постсоциалистические (Чехия, Польша) страны.

В большинстве остальных рассматриваемых здесь стран воспринимаемые позитивные последствия или не дают значимых корреляций как минимум с одним из типов запроса, или эти значимые корреляции отрицательны. Речь идет о странах с относительно слабо развитым социальным государством. Возможно, что для населения этих стран воспринимаемые позитивные социальные последствия чаще выступают как индикаторы активности и объема государственной социальной поддержки и соответственно их связь с запросами подчиняется модели «улучшение — перегрузка».

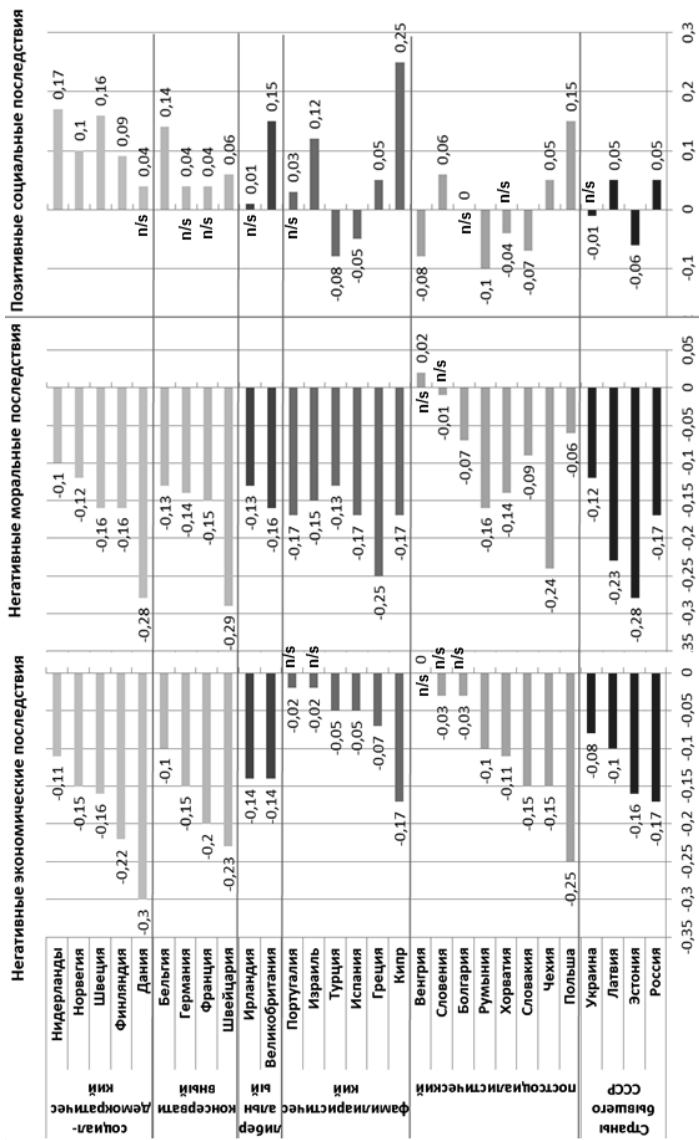

Рис. 1. Внутристрановые корреляции индивидуальных показателей безналогового запроса на государственную социальную поддержку и воспринимаемых последствий деятельности социального государства в 29 европейских странах

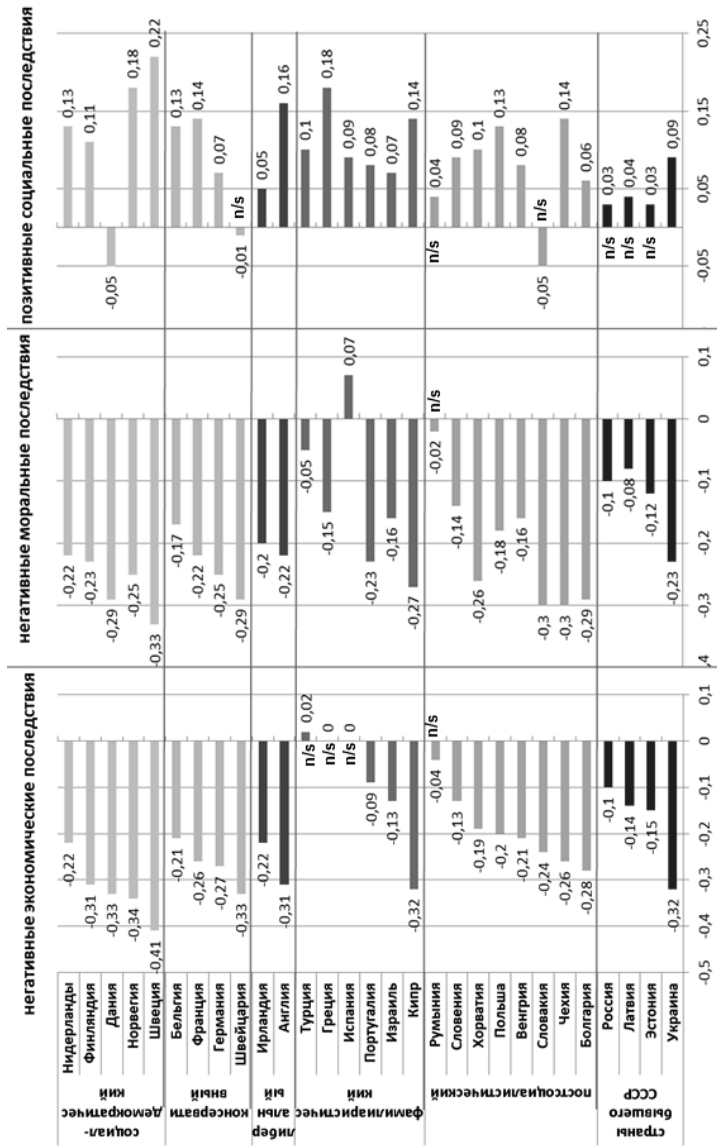

Рис. 2. Внутривострановые корреляции индивидуальных показателей запроса на государственную социальную поддержку с учетом налогов и воспринимаемых последствий деятельности социального государства в 29 европейских странах

Для того чтобы проверить, не являются ли выявленные связи функций от социальной позиции индивида, с помощью регрессионного анализа были изучены основные индикаторы социального статуса (пол, возраст, образование, самооценка материального положения, статус на рынке труда, наличие детей). Результаты анализа показали, что характер связи в большинстве стран сохранился.

В заключение следует отметить, что взаимосвязи между запросами людей на государственную социальную поддержку и воспринимаемыми ими последствиями деятельности социального государства рассмотрены в статье на двух уровнях анализа. На макроуровне анализировались взаимосвязи между средними показателями 29 европейских стран, на микроуровне — внутристрановые взаимосвязи между индивидуальными показателями.

На *макроуровне* восприятие любых последствий — и позитивных, и негативных, ослабляет запрос людей на государственную социальную поддержку (если она не обременена необходимостью платить дополнительные налоги). Это происходит потому, что восприятие людьми выраженности позитивных и негативных последствий деятельности социального государства является для них индикатором реального участия государства в решении социальных вопросов. Если такое участие воспринимается как недостаточное, то люди реагируют повышением запросов, если же уровень поддержки приемлемый, то роста запросов не происходит (модель «улучшение — перегрузка»).

На *микроуровне* было установлено, что статистически значимые корреляции между воспринимаемыми негативными последствиями и социальными запросами людей оказались почти во всех странах отрицательными, а между воспринимаемыми позитивными последствиями и запросами в большинстве стран — положительными. Иными словами, если человек осознает негативные последствия деятельности социального государства, он не поддерживает усиление государственного участия в регулировании социальных вопросов, а также не готов к его софинансированию. И напротив, чем лучше выглядят последствия, тем выше как запросы, так и готовность участвовать в их финансировании. Описанные взаимосвязи согласуются с гипотезами, выдвинутыми на основе модели «рационального выбора».

Литература

Грязнова О.С., Магун В.С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO). 2012. № 17. С. 7–34.

Edlund J. Trust in the Capability of the Welfare State and General Welfare State Support: Sweden 1997–2002 // Acta Sociologica. 2006. Vol. 49. P. 395–417.

Fenger H. Welfare Regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating Post-Communist Countries in a Welfare Regime Typology // Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences. 2007. Vol. 2 (3). P. 1–30.

Gevers J., Gelissen J., Arts W., Muffels R. Public Health Care in the Balance: Exploring Popular Support for Health Care Systems in the European Union // International Journal of Social Welfare. 2000. Vol. 9 (4). P. 301–321.

Kangas O. Self-Interest and the Common Good: The Impact of Norms, Selfishness and Context in Social Policy Opinions // Journal of Socio-Economics. 1997. Vol. 26 (5). P. 475–494.

Kumlin S. Overloaded or Undermined? European Welfare States in the Face of Performance Dissatisfaction // Svallfors S. (ed.). The Political Sociology of the Welfare State: Institutions, Social Cleavages, and Orientations. Stanford: Stanford University Press, 2007. P. 80–116.

Reeskens T., Van Oorschot W. Equity, Equality or Need? Explaining Preferences towards Welfare Redistribution Principles across 23 European Countries. Valencia, 2011. 8–10 Sept.

Van Oorschot W. Public Perceptions of the Economic, Moral, Social and Migration Consequences of the Welfare State: An Empirical Analysis of Welfare State Legitimacy // Journal of European Social Policy. 2010. Vol. 20 (1). P. 19–31.

Van Oorschot W., Meuleman B. Does Popular Support for Welfare States Depend On Their Outcomes? // Svallfors S. Welfare Attitudes in Europe and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2012.

Van Oorschot W., Reeskens T., Meuleman B. Popular Perceptions of Welfare State Consequences: A Multilevel, Cross-National Analysis of 25 European Countries // Journal of European Social Policy. 2012. Vol. 22 (2). P. 181–197.

Е.А. Орел,
Т.Е. Хавенсон

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ИНСТИТУТАМИ: СТРУКТУРА И ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ГЕТЕРОГЕННОСТИ ОТВЕТОВ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Введение

Субъективное благополучие граждан и их отношение к различным сферам социальной жизни — важный показатель, отражающий состояние общества. В подобных исследованиях важен не только зафиксированный уровень изучаемых показателей, но и разброс в оценках каждого из них. Измерение гетерогенности оценок субъективного благополучия и удовлетворенности различными сферами социальной жизни позволит понять согласованность мнений внутри общества и выделить точки потенциальных конфликтов. Цель настоящей работы — определить вклад гетерогенности в структуру оценок субъективного благополучия и удовлетворенности институтами жителей европейских стран.

По определению Эдварда Динера, субъективным благополучием обычно называется самооценка людьми качества их жизни [Diener, Ryan, 2009]. Оно включает как когнитивные суждения, так и аффективные реакции, через призму которых люди оценивают свою жизнь в целом и конкретные ее обстоятельства.

Факторы неравенства в оценке субъективного благополучия

Один из способов установить вклад неравенства в оценку субъективного благополучия заключается в том, чтобы выявить, в какой степени оно

определяется доходом. Базовое предположение состояло в том, что индивид будет чувствовать себя более счастливым, если его доход выше, чем у его референтной группы, и наоборот, уровень его субъективного благополучия будет ниже, если доход будет ниже, чем у тех, с кем он сравнивает себя. Предыдущие исследования дали противоречивые результаты. Динер и коллеги [Diener et al., 1995] пишут, что лабораторные исследования подтвердили эту гипотезу [Smith, Diener, Wedell, 1989], тогда как в естественных условиях подтверждения ей не найдено [Diener et al., 1993; Fujita, Diener, Gallagher, 1994]. В масштабном исследовании, проведенном Динером на 55 национальных группах, результаты также были противоречивы. Из двух показателей социального сравнения — левосторонняя асимметрия в распределении доходов и средний доход ближайшего окружения — значимым предиктором субъективного благополучия оказался только последний.

Незначимыми оказались и другие показатели гетерогенности исследуемых сообществ: индекс Джини, доступность образования, этническая принадлежность. Таким образом, вопрос о вкладе неравенства в оценки субъективного благополучия остается открытым.

Методология

Данные. В нашем исследовании мы опирались на вопросы анкеты Европейского социального исследования (The European Social Survey)¹ волны 2010 г., раунд 5. Для измерения субъективного благополучия мы использовали вопросы про оценку степени счастья и удовлетворенности жизнью: «Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы?» и «Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?». Кроме того, были выбраны вопросы, оценивающие степень удовлетворенности некоторыми сферами социальной жизни, а именно: руководством страны, состоянием экономики, демократии, системой образования и системой здравоохранения. Во всех вопросах ответная шкала варьировалась от 0 до 10, где 0 означал крайнюю степень неудовлетворенности или несчастья, а 10 — максимальную удовлетворенность и степень счастья.

Выборка. Всего был опрошен 50 781 респондент в 26 странах. В каждой стране выборка репрезентативна по стране в целом; минимальная выборка (1083 человека) — на Кипре, максимальная (3031 человек) — в Германии. Более полная информация о выборке приведена в табл. 1.

¹ Более подробную информацию можно найти на сайтах исследования. URL: <http://www.ess-ru.ru> или <http://www.europeansocialsurvey.org>

Таблица 1. Выборка

Страна	<i>N</i>	Страна	<i>N</i>	Страна	<i>N</i>
Бельгия	1704	Испания	1885	Украина	1931
Болгария	2434	Кипр	1083	Финляндия	1878
Великобритания	2422	Нидерланды	1829	Франция	1728
Венгрия	1561	Норвегия	1548	Хорватия	1649
Германия	3031	Польша	1751	Чехия	2386
Греция	2715	Португалия	2150	Швейцария	1506
Дания	1576	Россия	2595	Швеция	1497
Израиль	2294	Словакия	1856	Эстония	1793
Ирландия	2576	Словения	1403	Всего	50 781

В своей работе мы попеременно оперируем данными одного из трех уровней:

1) уровень респондентов, когда индивидуальные данные для всех стран объединяются и рассматриваются вместе, показывая общие тенденции (одна выборка $N = 50\,781$);

2) уровень респондентов, при котором изучаются тенденции, действующие на индивидуальном уровне, и каждая страна рассматривается отдельно, например, поиск индивидуальных характеристик, связанных со степенью гетерогенности. В данном случае отдельно рассматриваются 26 страновых выборок.

3) уровень стран, когда изучаются тенденции, действующие на уровне стран. Например, поиск характеристик страны, которые могут обуславливать различия в степени гетерогенности (одна выборка $N = 26$).

Кратко перечислим наши показатели и цели их применения.

Уровень субъективного благополучия и удовлетворенности различными сферами жизни. Для расчета этого показателя применялось среднее арифметическое по всем вопросам. Далее для каждой страны рассчитывалось усредненное значение для всех семи вопросов: для пяти вопросов про удовлетворенность различными сферами жизни и по двум вопросам, условно относящимся к субъективному благополучию.

Гетерогенность ответов респондентов. Данный показатель характеризует-ся тем, насколько одинаково отвечают респонденты одной страны, насколько единообразно они оценивают тот или иной аспект социальной жизни, относительно других. В качестве меры согласованности мы применяли стандартное отклонение по каждому из вопросов². Далее, как и для средних значений, для

² Для сравнения распределений и более глубокой оценки согласованности ответов нами был рассчитан также уровень фракционализации (Alesina et al., 2003), показывающий, насколько равномерно распределены ответы на каждый из вопросов. Однако в

каждой страны рассчитывались средние значения гетерогенности: на основе всех семи вопросов, на основе только пяти вопросов про удовлетворенность различными сферами жизни и только по двум вопросам про субъективное благополучие. В нескольких работах (например, [Clark, Senic, 2011; Veenhoven, Kalmijn, 2005]) среднее значение стандартного отклонения для ряда вопросов про уровень счастья названо мерой неравенства в оценках счастья в стране. Чем больше значение данного показателя для страны, тем менее согласованы в оценках ее жители. Мы будем придерживаться той же интерпретации.

Результаты

Уровень субъективного благополучия и удовлетворенности различными сферами жизни. Средние значения по всем изучаемым переменным, приведенные в табл. 2, позволили выделить группы стран, различающихся по показателям удовлетворенности.

Самым благополучным регионом ожидаемо оказались Скандинавские страны. За ними следуют страны Западной Европы, затем с достаточно большим пересечением южные и восточноевропейские страны. Для стран Западной Европы средние по всем вопросам колеблются от 3 до 8, для Скандинавских стран минимальная оценка 4, максимальная — также 8. В Восточной Европе средние попадают в диапазон от 2 до 7, что на балл ниже, чем в западноевропейских странах как по минимальному, так и по максимальному значению. В южноевропейских странах максимальный балл такой же, как и в Западной Европе и Скандинавии, а вот минимум за счет Греции и Португалии опускается до 1–2 баллов.

По большинству показателей Россия занимает место внизу списка, даже по оценке уровня счастья и удовлетворенности жизнью. Однако она находится в середине, когда речь идет об удовлетворенности состоянием экономики и работой правительства.

Сравнение степени удовлетворенности сферами социальной жизни и субъективным благополучием. Для более глубокого анализа уровня субъективного благополучия и удовлетворенности различными сферами жизни в разных странах мы разделили вопросы анкеты на две подгруппы: пять вопросов про удовлетворенность различными сферами жизни и два вопроса про субъективное благополучие. Далее внутри каждой страны были рассчитаны средние отдельно для значений по вопросам об удовлетворенности жизнью и уровнем счастья и по пяти показателям удовлетворенности. Затем из среднего балла по удовлетворенности различными сферами жизни был вычтен балл субъективного благополучия.

связи с тем, что уровень фракционализации и стандартное отклонение сильно коррелируют (коэффициент корреляции Пирсона варьируется для разных вопросов от 0,8 до 0,98 при уровне значимости менее 0,001 для всех семи вопросов), далее мы будем рассматривать только стандартное отклонение.

Таблица 2. Средние значения по всем рассматриваемым вопросам*

Страна	Жизнь	Счастье	Экономика	Правитель-ство	Демократия	Образование	Здравоохра-нение
Западноевропейские страны							
Франция	6,3	7,1	3,4	3,5	4,2	4,7	6,0
Ирландия	6,6	7,0	2,5	3,6	4,9	6,0	4,1
Великобритания	7,2	7,5	3,5	4,3	5	5,8	6,3
Германия	7,3	7,4	5,3	3,8	5,3	4,7	4,8
Бельгия	7,5	7,8	5,0	3,7	5,2	6,7	7,4
Нидерланды	7,8	7,9	5,7	5,3	6,2	6,0	6,4
Швейцария	8,1	8,1	6,6	5,9	7,1	6,7	6,8
Восточноевропейские страны							
Украина	4,8	5,9	2,3	2,2	3,2	3,9	2,7
Болгария	4,9	5,7	2,4	3,5	3,1	4,1	3,0
Россия	5,7	6,3	3,7	4,5	3,8	4,3	3,7
Венгрия	5,8	6,4	3,2	4,4	4,4	5,0	3,8
Хорватия	6,3	6,8	2,6	2,4	3,8	5,2	5,0
Чехия	6,4	6,7	3,5	3,4	4,8	6,0	4,7
Эстония	6,5	6,9	4,2	4,3	5,1	6,0	6,0
Словакия	6,6	6,9	3,6	3,6	4,2	5,1	3,9
Польша	7,0	7,3	4,5	3,9	5,0	6,0	3,8
Словения	7,0	7,3	2,9	2,6	3,2	5,7	5,7

Южноевропейские страны									
Греция	5,7	6,1	1,3	1,8	3,0	3,1	3,0	3,1	3,0
Португалия	5,9	6,7	2,4	2,4	3,5	4,6	3,5	4,6	4,5
Кипр	7,1	7,2	4,2	4,9	5,8	5,7	5,8	5,7	5,5
Испания	7,3	7,6	2,7	3,0	5,1	5,3	5,1	5,3	6,4
Израиль	7,5	7,6	4,7	3,9	5,2	4,6	5,2	4,6	6,2
Североевропейские страны									
Финляндия	7,9	8,0	6,0	5,4	6,3	7,9	6,3	7,9	6,9
Норвегия	7,9	8,0	7,5	5,3	6,9	6,7	6,9	6,7	6,4
Швеция	7,9	7,9	6,5	6,1	6,8	5,8	6,8	5,8	6,3
Дания	8,3	8,3	5,4	4,6	6,9	7,2	6,9	7,2	6,4
Укрупненные категории									
Все страны	7	7	4	4	5	6	5	6	5
Запад	7	7	5	4	5	6	5	6	6
Восток	6	7	3	3	4	5	4	5	4
Юг	7	7	3	3	5	5	5	5	5
Север	8	8	6	5	7	7	7	7	6

* В связи с ограничениями по объему статьи оценка статистических различий не может быть приведена в тексте и доступна по запросу у авторов.

Примечания. 1. Курсивом выделено минимальное значение в столбце внутри региона, жирным шрифтом — максимальное.
2. Внутри каждого региона страны упорядочены по возрастанию по вопросу об удовлетворенности жизнью.

Результаты расчетов представлены в табл. 3, из которой видно, что разница отрицательна во всех странах: общий уровень удовлетворенности жизнью и оценка собственного счастья во всех странах выше, чем удовлетворенность другими аспектами. Можно только отметить, что различия меньше у североευропейских стран (кроме Дании), жители которых практически все аспекты оценивают достаточно высоко, и в менее благополучных странах Восточной Европы (Болгария, Россия), где, наоборот, все оценки относительно низки. Но и эти тенденции нельзя назвать ярковыраженными. Еще одна общая для большинства рассматриваемых стран тенденция — оценка работы правительства и (или) состояния экономики ниже, чем оценка удовлетворенности состоянием любых других аспектов жизни.

Если проанализировать не только различия, но усредненные значения, то можно выделить группу стран, в которой низкий уровень удовлетворенности различными социальными институтами сочетается с достаточно высоким уровнем удовлетворенности жизнью в целом и высоким уровнем счастья. В эту группу, помимо прочих, вошли страны Евросоюза с наиболее проблемной экономикой: Португалия, Ирландия, Греция и Испания. Каждая из этих стран характеризуется низкой или средней удовлетворенностью различными сферами жизни и при этом средней или высокой удовлетворенностью жизнью в целом. Иными словами, уровень субъективного благополучия в этих странах входит в противоречие, во-первых, с наличной социально-экономической ситуацией, а во-вторых, с ее восприятием в обществе. Как видно, в данную группу не попала ни одна страна бывшего СССР, где в целом оценка субъективного благополучия ниже и поэтому приближена к оценке других аспектов.

Таким образом, наши результаты подтверждают тот факт, что нет прямых взаимосвязей между уровнем субъективного благополучия и удовлетворенностью работой социальных и политических институтов в стране [Easterlin, 1974; Veenhoven, 1991; Helliwell, 2003].

Таблица 3. Усредненные значения удовлетворенности различными сферами жизни и субъективного благополучия и разность между ними

Страна	Удовлетворенность различными сферами жизни	Субъективное благополучие	Разница (гр. 2 – гр. 3)
1	2	3	4
Греция	2,44	5,89	–3,44
Словения	4,03	7,13	–3,10
Испания	4,50	7,44	–2,94

Страна	Удовлетворенность различными сферами жизни	Субъективное благополучие	Разница (гр. 2 – гр. 3)
Португалия	3,49	6,32	–2,83
Хорватия	3,80	6,56	–2,76
Словакия	4,07	6,71	–2,65
Израиль	4,93	7,57	–2,64
Ирландия	4,23	6,80	–2,56
Германия	4,80	7,35	–2,55
Польша	4,64	7,15	–2,52
Украина	2,86	5,34	–2,48
Франция	4,37	6,74	–2,37
Великобритания	4,96	7,33	–2,37
Дания	6,10	8,31	–2,21
Бельгия	5,60	7,67	–2,07
Чехия	4,49	6,55	–2,07
Болгария	3,21	5,27	–2,06
Кипр	5,20	7,19	–1,99
Россия	4,00	6,00	–1,99
Венгрия	4,15	6,13	–1,98
Нидерланды	5,91	7,83	–1,92
Швеция	6,28	7,91	–1,63
Эстония	5,12	6,71	–1,59
Швейцария	6,62	8,10	–1,48
Финляндия	6,51	7,95	–1,44
Норвегия	6,55	7,97	–1,42

Примечание. Стандартное отклонение по всем вопросам по выборке в целом равно 2,1. Следовательно, разница в 2,1 балла примерно соответствует одному стандартному отклонению.

Гетерогенность показателей удовлетворенности и субъективного благополучия. Для анализа степени вариативности удовлетворенности различными сферами жизни внутри каждой страны использовалось стандартное отклонение. На рис. 1 сравниваются средние значения стандартных отклонений для вопросов про субъективное благополучие (СБ) и пяти вопросов про удовлет-

воренность (5 уд.). Страны упорядочены по убыванию среднего стандартного отклонения для вопросов про удовлетворенность.

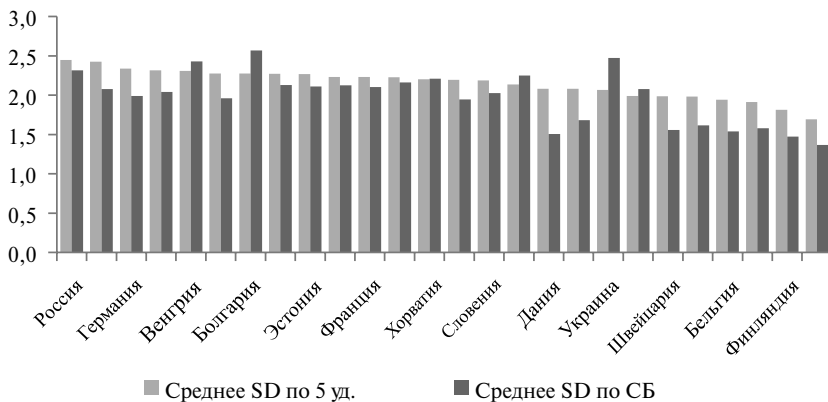

Рис. 1. Средние значения стандартного отклонения для групп вопросов

Среди наиболее гетерогенных стран по показателям удовлетворенности сложно выделить что-то общее: туда попали как относительно благополучные Израиль, Германия, Чехия, так и менее благополучные Россия и Болгария. Однако полюс стран с минимальной вариацией, наоборот, занимают только благополучные страны: Бельгия, Швейцария, Нидерланды и Скандинавские страны. Причем в них же наблюдается минимальное расхождение во мнениях по поводу оценки счастья и удовлетворенности жизнью.

Практически во всех странах вариации признаков, связанных с субъективным благополучием, ниже, чем вариация ответов на вопросы про удовлетворенность различными аспектами социальной жизни. Исключение составляют Венгрия, Болгария и Украина (наиболее выраженная разница), Португалия, Греция, Хорватия. В данных странах согласованность в оценке работы социальных и политических институтов выше, чем в оценке собственного счастья и удовлетворенности жизнью. Видно, что в основном в группу попали страны с не самой благополучной экономической и политической ситуацией, и жители стран не сильно расходятся во мнениях, оценивая ее. Однако восприятие и отношение к происходящему, выражаемые через ответы на вопросы о субъективном благополучии, содержат больше оснований для субъективизма.

В табл. 4 приведены стандартные отклонения по всем исследуемым нами аспектам.

Таблица 4. Стандартное отклонение по всем рассматриваемым вопросам

Страна	Жизнь	Счастье	Экономика	Правительство	Демократия	Образование	Здравоохранение
Западноевропейские страны							
Франция	2,42	1,79	2,03	2,30	2,48	2,14	2,19
Ирландия	2,25	2,07	1,95	2,20	2,39	2,19	2,42
Великобритания	2,04	1,85	2,03	2,34	2,39	2,08	2,14
Германия	2,11	1,87	2,22	2,22	2,46	2,33	2,46
Бельгия	1,65	1,43	1,85	2,32	2,21	1,85	1,47
Нидерланды	1,43	1,31	1,62	1,77	1,68	1,64	1,74
Швейцария	1,65	1,46	1,91	1,97	1,94	1,99	2,12
Восточноевропейские страны							
Украина	2,57	2,38	1,85	1,97	2,20	2,18	2,11
Болгария	2,62	2,51	1,87	2,44	2,27	2,42	2,37
Россия	2,42	2,22	2,26	2,51	2,52	2,51	2,43
Венгрия	2,48	2,38	1,98	2,56	2,33	2,26	2,41
Хорватия	2,33	2,09	2,06	2,15	2,31	2,16	2,33
Чехия	2,18	1,90	2,17	2,34	2,43	2,19	2,45
Эстония	2,29	1,93	2,31	2,36	2,29	2,14	2,24
Словакия	2,30	1,96	2,15	2,29	2,22	2,28	2,41
Польша	2,21	2,03	2,08	2,27	2,31	2,17	2,33

Страна	Жизнь	Счастье	Экономика	Правитель- ство	Демократия	Образование	Здравоохра- нение
Словения	2,15	1,90	2,08	2,13	2,22	2,19	2,31
Южноевропейские страны							
Греция	2,35	2,15	1,62	1,99	2,44	2,26	2,37
Португалия	2,24	1,91	1,78	1,93	1,98	2,03	2,23
Кипр	1,98	1,94	2,21	2,46	2,24	2,08	2,39
Испания	1,75	1,62	1,93	2,16	2,22	2,06	2,02
Израиль	2,14	2,01	2,40	2,41	2,60	2,41	2,32
Североевропейские страны							
Финляндия	1,52	1,43	1,81	2,07	1,94	1,41	1,84
Норвегия	1,66	1,50	1,80	2,04	1,97	1,79	1,97
Швеция	1,68	1,55	1,88	2,11	2,02	1,90	2,00
Дания	1,55	1,46	2,13	2,30	2,05	1,87	2,07
Среднее по всем странам	2,08	1,87	2,0	2,22	2,24	2,1	2,2

Связь уровня гетерогенности и характеристик страны. Для дальнейшего анализа мы решили подобрать внешние неопросные данные, которые возможно было бы рассмотреть как индикаторы для оценки состояния дел в стране. Например, в публикациях можно встретить индекс Джини как индикатор степени неравенства [Veenhoven, Kalmijn, 2005]. Существуют также исследования (например, [Vitartas, Scott, 2006]), доказывающие, что степень вовлеченности населения в тот или иной общественный процесс сказывается на его оценке населением. Мы остановились на показателях вовлеченности в работу систем образования и здравоохранения: каждый человек неизбежно сталкивается с ними в течение жизни, поэтому их субъективная значимость выше, чем у других социальных институтов.

Вовлеченность в систему образования оценивалась через численность людей с высшим образованием в двух возрастных группах: 25–34 и 55–64 года, а также общую вовлеченность в образование людей теоретически школьного возраста. Расходы на образование (% ВВП) рассматривались как показатель его качества. Для системы здравоохранения также рассматривались данные по расходам (% ВВП).

Корреляция среднего значения и уровня гетерогенности по удовлетворенности образованием и численностью людей в стране с высшим образованием (в обеих возрастных группах) статистически не значима. Однако рассмотрение показателя, затрагивающего детей школьного возраста, показало значимую корреляцию с оценкой удовлетворенности ($r = 0,45$, $p\text{-value} = 0,043$ для средней оценки удовлетворенности и $r = -0,58$, $p\text{-value} = 0,006$ с гетерогенностью этой оценки). Большая вовлеченность повышает одновременно и средний балл удовлетворенности гражданами системой образования, и степень гомогенности ответов. Оценки той же удовлетворенности с затратами на образование оказались связаны на довольно высоком и статистически значимом уровне: чем выше относительные расходы, тем выше удовлетворенность ($r = 0,59$, $p\text{-value} = 0,002$). С гетерогенностью в степени удовлетворенности расходы на образование связаны отрицательно, т.е. чем выше расходы, тем более единодушно мнение граждан о системе образования ($r = -0,58$, $p\text{-value} = 0,003$).

Оценка состояния системы здравоохранения аналогичным образом связана с государственными затратами на нее. Корреляция со средним уровнем равна 0,43 ($p\text{-value} = 0,029$), с гетерогенностью — $-0,46$ ($p\text{-value} = 0,019$). Таким образом, и в данном случае более высокие затраты положительно сказываются как на общей оценке, так и на ее гомогенности.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Показатели субъективного благополучия во всех анализируемых странах выше, чем показатели удовлетворенности различными аспектами социальной жизни. Это неудивительно, поскольку субъективное благополучие в большей степени зависит от жизненных событий конкретного человека, а удовлетворенность социальными институтами — от политической и экономической ситуации в стране. Тем не менее можно выделить группы стран с минимальной и максимальной разницей.

2. Гетерогенность в ответах на вопросы о субъективном благополучии практически во всех случаях выше, чем в оценках удовлетворенности различными сферами социальной жизни. Это также заставляет предположить, что, оценивая ситуацию в стране, люди в большей степени склонны полагаться на внешние, универсальные для своей нации критерии.

3. Степень вовлеченности в работу социальных институтов уменьшает гетерогенность в оценках их работы и одновременно увеличивает удовлетворенность ими. По-видимому, высокая вовлеченность заставляет человека применять более сложные и личностно обусловленные критерии к их оценке.

Литература

Clark A., Senik C. Is happiness Different from Flourishing? Cross-Country Evidence from the ESS. Working Paper. 2011. No. 4.

Diener E., Diener M., Diener C. Factors Predicting the Subjective Well-Being of Nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. No. 5. P. 851–864.

Diener E., Ryan K. Subjective Well-Being: A General Overview // *South African Journal of Psychology*. 2009. Vol. 39 (4). P. 391–406.

Diener E., Sandvik E., Seidlitz L., Diener M. The Relationship between Income and Subjective Well-Being: Relative or Absolute? // *Social Indicators Research*. 1992. Vol. 28. P. 195–222.

Easterlin R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot?: Some Empirical Evidence // David P.A., Levin W.R. (eds) *Nations and Households in Economic Growth*. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1974. P. 98–125.

Fujita F., Diener E., Gallagher D. The Effects of Naturalistic. University of Illinois, 1994.

Helliwell J.F. How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being // *Economic Modelling*. 2003. Vol. 20 (2). P. 331–360.

Smith R.H., Diener E., Wedell D. The Range-Frequency Model of Happiness Applied to Temporal and Social Comparisons // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56. P. 317.

Veenhoven R. Is Happiness Relative? // *Social Indicators Research*. 1991. Vol. 24. P. 1–34.

Veenhoven R., Kalmijn W. Inequality-Adjusted Happiness in Nations: Egalitarianism and Utilitarianism Married in a New Index of Societal Performance // *Journal of Happiness Studies*. 2005. No. 6 (4). P. 421–455.

Vitartas P., Scott D. The Relationship between Community Involvement, Attachment and Trust and Perceived Satisfaction Levels of Local Government Service Delivery // *Journal Of Contemporary Issues in Business and Government*. 2006. No. 12 (1).

И. В. Сохань

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»,
Санкт-Петербург

ИМПЕРАТИВ ХУДОГО ТЕЛА В СОВРЕМЕННОМ МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ¹

Императив худобы, столь присущий современному социокультурному дискурсу, не только основывается на накопленной культурной символике худобы (худоба как маркер культуры в отличие от природы, худоба как признак духовности и определенной свободы от эмпирии и т.д.), но и имеет выраженную связь со спецификой гастрономического потребления, характерной для массового общества. По замечанию Ж. Бодрийяра [2006], именно избыточность и навязчивость практик потребления пищи, призванных сопроводить любое действие человека, обуславливает культ худобы, поддержание которой предстает своего рода новой формой аскезы — с посылом о возможности потреблять что угодно и сколько угодно, сохраняя при этом худобу как тождественность себе и своей антропологической истине. Толстые люди подвергаются стигматизации, причем полнота тоже отличается от традиционного представления о ней в свете связи полноты и обжорства. Последнее базировалось на идее о конфликте эмпирической реальности, поглощаемой полным человеком и в свою очередь поглощающей его, — мира противоположного, метафизического, выражать который может только худое тело. Сегодня же такая стигматизация основывается на необходимости следовать мейнстримным практикам существования или остаться на периферии общества, подвергаясь исключению.

Безусловно, социальные и культурные риторики худобы разнообразны, например, на основе современных исследований в области психоанализа пищевых расстройств и иницилируемой ими телесной нормы, можно сделать вывод о важной роли пищи в качестве компенсаторного механизма для человека, переживающего фрустрирующие коммуникативные нарушения. Дей-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0001.

ствительно, если исходить из предложенной Э. Левинасом [2000] формулы пищи как проникновения иного в (потенциально) тождественное, то она обладает способностью заполнять тождественное, восстанавливая его целостность, наполняя опытом иного и преодолевая тем самым одиночество. Философ, сам переживший вынужденный голод в концлагере, создал концепт пищи с точки зрения ее метафизического значения как позитивного опыта бытия, переживания счастья и наслаждения в совместности опыта мира. При этом его не интересовала нормативная модель телесности, создаваемая пищевыми практиками, однако он дал методологически ценную дефиницию пищи, которая делает эвристичным анализ всех связанных с гастрономическим проблем. В частности, пища как иное (как часть эмпирической реальности) рассматривается в качестве угрозы тождественности, которая должна оставаться максимально чистой и освобожденной от загрязняющего материального. Эта идея телесной чистоты объединяет всех, кто когда-либо высказывался о должном статусе человеческого тела в свете потребляемой пищи: и авторов социальных утопий, и Порфирия [1994] с его знаменитым трактатом «О воздержании от употребления в пищу одушевленных существ», и даже исследователей в области психоанализа пищевых расстройств, инициируемых категоричностью декларируемой сегодня телесной нормы.

Психоанализ пищевых расстройств [Вудман, 2009; Chernin, 1986] рассматривает два полюса телесной нормы — тело анорексии (как тело экстремальной худобы) и тело ожирения с точки зрения нарушенных отношений с пищей. В первом случае речь идет об отказе от еды, во втором — о ее чрезмерном потреблении. Анорексичное расстройство самим страдающим от него описывается в терминах стремления к свету, борьбы с захватывающей тьмой, контроля и удовольствия от власти, которая увеличивается по мере того, как чужеродному, иному (пище) не дают проникнуть в тело, а также чистоты. Ожирение не кодируется в иных терминах: погружение в сумерки, бессилие, растворение субъективности в навязываемом внешнем влиянии, отчуждение воли внешнему (иному), загрязнения. Становится очевидным, что культуральное предпочтение худобы и связанных с ней ценностей воли, контроля, власти, свободы от захваченности излишней материализацией репрезентировано таким расстройством, как анорексия. Отсюда и современный императив худого тела в качестве абсолютной культурной нормы и связанные с его влиянием анорексичные расстройства, которым исследователи уделяют гораздо больше внимания по сравнению с проблемой ожирения.

Еще один аспект худобы, важный для ее понимания, — это то, что она выражает относительную свободу от бессознательного в противовес тому, что тучное тело воспринимается как бы потопленным в бессознательном.

Ж. Бодрийяр отмечает, что в обществе потребления бессознательное конвертировано в знаки-объекты, которые становятся товаром и включаются в экономику желаний и обслуживаются реальным экономическим конвейером. Ничего не запрещено, ничего не постыдно, любые желания должны быть удовлетворены, если они вообще возникают. Индивидуальная работа по сублимации импульсов бессознательного, базирующаяся на механизмах культуры, становится менее важной по сравнению с возможностью адресовать свое желание миру и немедленно получить его удовлетворение. Телесность, соответствующая этой модели реализации бессознательного, — это телесность с максимально присваивающей способностью по отношению к максимальному количеству знаков-объектов, в которые уже конвертировано бессознательное. Иначе говоря, это условное тело манекена, где минимум плоти выражает максимум потребительских возможностей. Недаром сегодня худоба стала и знаком статуса — элита, ориентированная на разнообразное и в больших количествах потребление самого лучшего, связывает практики владения с телом худобы, которое она стремится стяжать любыми путями. В этом смысле она противопоставляет поддерживающие худобу диетические стратегии тотальности фастфуда — еды эконом-класса, которая предлагается массам.

Таким образом, излишек плоти (по сравнению с ее минимальным для полноценного существования значением) напрямую связывается с захваченностью бессознательным, когда оно поглощает субъекта и не дает ему возможности дифференцировать свой опыт взаимодействия с реальностью. Здесь мы подошли к точке зрения, которой придерживается и психоанализ пищевых расстройств: худое тело возможно при наличии способности переводить реакции с соматического плана реагирования на иные планы — как более уточненного потребления, так и душевно/духовные переживания (экзистенциальные способы реагирования). Все это еще раз подчеркивает то, что худое тело является статусным телом элиты: в конце концов, отражая способность психики к дифференциации реакций и эмоций, худоба подчеркивает ту степень рефлексивности и чувствования, которая недоступна постоянно занятому физическим трудом человеку, предпочитающему поэтому все сводить на уровень соматического реагирования и трансформации и, значит, просто есть, потреблять доступную пищу, конечно, в рамках неотягощенной социальными условностями, допускающей дешевое изобилие регламентации.

Различение эго-комплекса и сознательного эго также проливает свет на проблему худобы/ожирения: эго-комплекс предшествует сознательному эго, действуя из сферы бессознательного, но иногда его доминанта сохраняется. В данной ситуации личности недостает сознательности и центрированно-

сти. Именно стадия эго-комплекса инициирует соматическую реакцию на разного рода требования окружающей среды, не давая ей сублимироваться на уровень более осмысленный — уровень сознания и контролируемых психических реакций. Этим объясняется дефиниция худобы/ожирения как культурного/природного. Природное не предполагает сознательного эго, природное существо погружено в мир наиболее непосредственным телесным образом, в то время как культура базируется на сознательном в ней участии и определенной степени рефлексии, которая на уровне телесного и обнаруживает себя как преодолевающая бессознательную соматику. Поэтому худое тело воспринимается телом культуры — телом сознания, а тучное тело ассоциируется с телом природы, с бессознательным. Еще одно отличие эго-комплекса от сознательного эго — реализуемая субъектом форма власти. На уровне эго-комплекса власть презентует себя как материальное присутствие в мире: большое тело на уровне природного воспринимается доминирующим (при конфликтных столкновениях один из способов защиты в животном мире — имитация увеличения размеров тела, чтобы противник испугался и ретировался). На уровне эго власть приобретает уже иные формы, не требующие подобной телесной репрезентации, вплоть до того, что и наблюдается сегодня, когда репрезентацией власти на уровне телесной нормы выступает именно худое тело. Оно воспринимается не зависящим от пищи и сохраняющим тождество с собой (и со своей антропологической истиной) в случае как активного потребления еды, так и отказа от ее потребления.

Телесная норма инициируется режимом потребления еды: минимальный режим формирует худое тело. Сложнокодированная трапеза, включающая гастрономические изыски и особые практики застольной коммуникации, конституирует, например, тело элиты. Плотная же и обильная еда соответствует телесности человека, занимающегося тяжелым физическим трудом. В каждом случае сам акт питания предстает в качестве транслятора культурных норм, предполагающего дистанцию между потребностью человека в пище и ее реализацией — потребностью в реализации бессознательного и сознательном структурировании этого процесса. Изменения, происходящие на всех уровнях гастрономической культуры, влекут за собой и проблематизацию практик потребления пищи, а также трансформацию телесной нормы, на производство которой они ориентированы. Тело анорексии и тело ожирения как тело голода/пищевого минимализма и тело изобилия/пищевого максимума демонстрируют две крайности, между которыми оказывается человек в поисках своей индивидуальной гастрономической траектории.

Состав пищи претерпевает такие сущностные изменения, что подвергаются сомнению некоторые устойчивые структуры гастрономической культуры, которая традиционно охраняла границы телесной нормы, с одной

стороны, маркируя определенные виды пищи как дозволенные, связанные с поощряемым удовольствием, а с другой стороны, отвергая неодобряемую еду, которая может рассматриваться в качестве угрозы телесной идентичности. И в том и в другом случае предполагалось, что человек вооружен определенным знанием о пище, которую он употребляет. Если культура одобряет определенные продукты, а также рецептуру их приготовления, то принятые гастрономические стратегии имеют непосредственное отношение и к формированию телесной нормы, чья семантика ясна и прозрачна. Пищевая индустрия со сложными технологиями видоизменила состав пищи: традиционные связи между природным составом продуктов, воздействием на них кулинарной обработки и конечным вкусом трансформировались до исчезновения гастрономической логики — нынче практически любой материальный субстрат может быть оснащен вкусовыми кодами, реанимирующими значения накопленной гастрономической памяти. Границы дозволенного/недозволенного в пище регулируются только возможностями пищевых технологий в деле создания и прививания многообразия вкусов материальному субстрату как их носителю. В определенном смысле возможность пищи быть эмпирическим носителем любых культурных значений здесь достигает чистоты и предела — природный субстрат может быть настолько очищен от своей изначальной детерминированности, что становится «нулевой» материальностью для тех значений, который может туда вложить вооруженная новейшими технологиями пищевая индустрия.

В данной ситуации, исходя из базового тождества человека и его пищи (отраженного в дефинициях «человек есть то, что он ест»; «пища есть проникновение иного в тождественное»), можно утверждать, что возникает потребность в телесной норме с такой же «нулевой» материальностью, которая наиболее репрезентирована в худом теле. Свободное от всякой детерминации, оно олицетворяет молодость, когда индивид есть еще только возможность себя, всей той потенциальности, которая может сбыться, а может и нет. Худое тело означает и способность к невосприимчивости влияния извне: в соответствии с игровым контекстом многочисленных стратегий индивидуации, которыми изобилует общество потребления, оно примеряет на себя их значения, не меняя свою «нулевую» модальность, играя со знаками, которые не становятся конститутивными для него. В обществе, изобилующем гастрономическими соблазнами, худое тело маркирует еще и особый статус его владельца, который не поддается этим соблазнам и демонстрирует высокую степень самоконтроля, результатом чего является тело, визуальный облик которого не тронут никакими пищевыми соблазнами. Напротив, доведенное до максимума буйство раскормленной плоти означает победу соблазна как формы зла, а его владелец становится безумцем, разменявшим свое бесценное онтологическое содержание на иллюзорность пищевого удовольствия.

Норма телесности всегда опиралась на актуальные гастрономические практики — то, что мы наблюдаем сегодня, вносит противоречие в эту устойчивую связь, поскольку, с одной стороны, худое тело представляет действительно безусловную ценность и является по меньшей мере дополнительным бонусом в высококонкурентной среде, а с другой стороны, перманентные соблазны, побуждающие к интенсивному потреблению пищи, и подтверждение социальных связей, осуществляющееся в обстановке совместных трапез, предрасполагают, напротив, к лишнему весу и полноте. В этом плане худоба несет в себе не только традиционные смыслы, но и обрывает новым качеством неподвластности официальным риторикам пищевого потребления и одновременно позволяет ей выступать желанным объектом: в худом теле сконцентрирована большая степень побежденного желания и, следовательно, власти. Процессы растабуирования, выражающиеся в отмене абсолютности закона (в том числе и закона, нормирующего гастрономическое) и воцарении игры, правила, утверждают и господство соблазна. Если нет закона, возможно все, с любой моральной меткой и с любыми последствиями, которые по определению будут носить игровой характер. Поэтому в определенном смысле появление фастфуда как культурно нейтральной пищи связано с процессами растабуирования: фастфуд репрезентирует устранение всякого культурного авторитета, нормирующего культуру еды, т.е. границы приемлемого в ней и соответствующего регламентированному удовольствию и, наоборот, неприемлемого. Культурный авторитет здесь выступает в нейтральной позиции: он не обозначает границы дозволенного и недозволенного — дозволено все, что было прорекламировано как съедобное. А съедобным оказывается все то, что прошло предварительную анонимную обработку пищевыми технологиями и приобрело определенную форму, позиционируемую как пригодную к съедению.

Конфликтность стандарта телесности, связанного с симулятивно меняющимся гастрономическим, заключается в одновременном существовании идеала худобы — минимума плоти как безусловной ценности, а также латентного призыва к максимизации телесности, заключенного в соблазне перманентного пищевого потребления. Традиционные культурные коннотации худобы преодолеваются в новом идеале гастрономического потребления и порождаемой им нормы тела — это образ худой модели, с аппетитом поедающей фастфуд. Такая картина предстает сегодня символом новых отношений человека с пищей, в которых она не имеет над ним власти, не оказывает влияние на состояние тела и души, а выполняет только одну функцию — доставляет удовольствие — и отражает лояльность к доминирующим ценностям молодости и красоты, над которыми ничто не властно.

Подводя итоги, следует сказать о следующем. Гастрономическая культура является одной из самых существенных форм нормирования телесного опыта, его границы связаны с актуальными на данный момент культурными

приоритетами и идеалом телесной идентичности. Чем более культура ориентирована на трансцендентные ценности, тем более она ограничивает телесность, нормирует ее как минимально необходимую для присутствия человека в мире. Современная культура мало заботится о влиянии пищи на душу (чему и был впервые посвящен трактат Порфирия «О воздержании от мясной пищи»), но жестко регламентирует телесный идеал. Поэтому основной ее конфликт в данном отношении представлен оппозицией «худоба — полнота». Тем самым культура, стигматизирующая лишний вес, демонстрирует, что значения, связанные с лишним весом, ценностно противостоят магистральным стратегиям этой культуры. И здесь обнаруживаются противоречия.

Первое противоречие связано с амбивалентностью поощрения и того и другого состояния телесности: с одной стороны, гламурный дискурс массового общества навязывает культ худобы, а с другой — массовое общество производит многочисленные гастрономические дискурсы, наиболее явным из которых оказывается дискурс фастфуда. Как удержаться от потребления пищи в мире, где пищей активно соблазняют и где пища сопровождает все коммуникативные практики? Приходится признать, что ценностная доминанта — иметь худое тело — противоречит тотальности соблазна, который принуждает много и часто потреблять пищу. Второе противоречие связано со значениями самой худобы. Худоба мыслилась желанной практически в любом культурном пространстве, она означала минимум телесного присутствия в мире, маркировала статус индивида, недоступного для этого мира, и в то же время имеющего власть над ним. Общество же потребления произвело процедуру отчуждения бессознательного в знаки-объекты, которые стали товаром — действительно, что же сейчас не продается и не покупается? Таким образом, худой человек свободен от власти своего бессознательного, но захвачен его отчужденным вариантом и принужден к бесконечному потреблению. Поэтому худоба оказывается не только традиционным маркером одухотворенной плоти, но и символом свободы от бессознательного, что и оказалось включено в конструкцию идеального потребителя.

И наконец, еще одно противоречие связано с новым стандартом тела заключенного — по словам М. Фуко [1999], который в своей, ставшей классической, работе «Надзирать и наказывать» пишет, что в теле заключенного отражено наличие власти в следующем пропорциональном соотношении: чем более телесность претерпевающего властное дисциплинарное воздействие на себе минимальна, тем более проявляется власть. Уходящее в минимум тело означает усиление душевного измерения у заключенного и одновременно материализацию власти — процессы минимизации тела, удвоения души и все более явственного проявления власти оказываются параллельными друг другу. Таким образом, власть таким образом выглядит вполне заботящейся

о душе. Поэтому такая форма властного дисциплинирования на уровне пищевых практик, как голод, оказывается наиболее уместным: власть умаляет плоть, оказываясь источником и инициатором трансцендирования. Сегодня ситуация изменилась кардинальным образом — новый стандарт тела заключенного представляет собой максимально материализованное тело, в котором для души согласно внутренней динамике тело-душа сообразно состоянию тела уже не осталось места. Изобильные пищевые практики потребления, когда пища соблазняет, таким способом мягко принуждая к перманентному потреблению, поощряют воплощение и поддержание данного нового стандарта. Дисциплинирование меняет вектор, а власть при этом претендует на максимальную метафизичность.

С учетом изложенного стратегии сопротивления пищевым соблазнам, а их обнаруживается две, могут выглядеть следующим образом:

1) отказ от чрезмерного употребления (дополнительных эффектов еды), грозящий социальным эскапизмом, ведь пища апеллирует к эмоциям, гасит стрессогенные реакции, ассоциируется с праздником, преодолевает трудности коммуникации, вовлекает в дискурс молодежного потребления либо семейного счастья. Поэтому пищевая аскеза может означать и нарушение коммуникативного обмена или, по крайней мере, частое исключение в важных социальных ситуациях.

2) способность потреблять пищу без последствий для тела. В этом случае онтологический ресурс тела должен перекрывать негативное воздействие внешнего, привносимого из внешнего мира. Это звучит почти фантастически, но тем не менее такая идея латентно транслируется дискурсом массовой культуры и именно с такой способностью связан новый облик власти. Здесь столкнулись два фактора: а) архаический принцип изобильного питания, поддерживающий статус властной элиты (в исследованиях потестарности одна из доминирующих идей — гастрономические практики власти); б) не менее архаическое представление о том, что власть и сила могут быть выражены в тотальности потребления, в возможности конвертировать все принятые калории (энергию внешнего мира) в свои собственные силы.

Так, худое тело — по-прежнему символ власти духа над телом, но уже в иной, отличной от традиционного контекста модальности. В нем реализуется потребность в телесной норме с «нулевой материальностью» (подобно «нулевой» материальности освобожденной от природного содержания пищи-субстрата). В соответствии с игровым контекстом многочисленных стратегий индивидуации, которыми изобилует общество потребления, худое тело как тело манекена примеряет на себя их значения, не меняя свою «нулевую» модальность, играя со знаками, которые не становятся конститутивными для него и поэтому могут быть присвоены в любом количестве. Следовательно,

аскеза перестала быть единственной практикой, которая может регулировать влияние пищи на тело с тем, чтобы обеспечить его минимализм. С одной стороны, существуют технологические возможности поддержания худобы — разнообразные препараты, предлагаемые фармацевтической промышленностью, а также индустрия красоты с ее различными технологиями, тоже моделирующими телесность. С другой стороны, наблюдается рост пищевых расстройств (булимия, анорексия) как симптом конфликта потребности в пище (в условиях тотальности пищевого соблазна) и господствующей социокультурной нормы худобы. Искусственность пищи напрямую коррелирует с искусственностью тела, порождая особый тип худобы, который можно назвать худобой гламура.

Литература

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. М.: Культурная революция, 2006.

Вудман М. Сова была раньше дочкой пекаря. Ожирение, нервная анорексия и подавленная женственность. М.: Когито-Центр, 2009. С. 176.

Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

Порфирий. О воздержании от мясной пищи // Человек. 1994. № 1—6.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 479.

Chernin K. The Hungry Self. Woman, Eating & Identity. Virago, 1986.

ИССЛЕДОВАНИЯ
В СФЕРЕ
ОБРАЗОВАНИЯ
В ВШЭ

Г.С. Ларина,
Ю.В. Кузьмина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

СТАЛО ЛИ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНЕЕ ЗА ВОСЕМЬ ЛЕТ? (на данных международного исследования PISA)

С 2000 г. Россия является постоянным участником международного исследования в области образования PISA (*Programme for International Students Assessment*). PISA сконцентрировано на измерении так называемой функциональной грамотности учащихся в разных областях: чтение, математика, естественные науки. Функциональную грамотность организаторы исследования определяют как умение школьников применять полученные теоретические знания и навыки в обычной жизни, готовность их к функционированию в широком социуме.

Результаты PISA (как и других международных исследований) зачастую используют для оценки эффективности школьного образования, поскольку они позволяют сравнить достижения учащихся разных стран, измеряемые одним инструментом [Батюкова, 2010; Найденова, Пандис, 2011].

Надо отметить, что результаты PISA как показатель эффективности школьного образования можно интерпретировать разными способами. Самый простой и очевидный путь — это прямая трактовка результатов как показателя эффективности образования в стране. Такой подход применяется достаточно часто, когда низкие или высокие результаты интерпретируются как индикаторы эффективности школьной системы. Динамика результатов может свидетельствовать о возрастании или уменьшении эффективности образования. С этой точки зрения российское образование не стало эффективнее с 2003 г. В частности, в 2009 г. российские школьники в области читательской грамотности занимают 41–43-е место среди 65 стран-участниц. По всем циклам PISA наши школьники демонстрировали результаты значительно ниже средних международных результатов [Ковалева, 2010].

Таблица 1. Динамика достижений России в PISA

Область знаний	2003 г.	2006 г.	2009 г.
Математика	468 (92)*	476 (90)	468 (85)
Чтение	442 (93)	440 (93)	459 (90)
Естественные науки	489 (100)	479 (90)	478 (90)

* В ячейках таблицы указано среднее значение PV и стандартное отклонение в скобках.

Как видно из табл. 1, самые низкие баллы Россия имеет по чтению: вне зависимости от года проведения исследования они ниже средних международных на 0,5 стандартного отклонения. Самые же высокие достижения наша страна демонстрирует в естественных науках, однако и эти результаты ниже средних международных. В 2006 г. в области математики можно отметить незначительное улучшение результатов, в естественных науках результаты ухудшились по сравнению с 2003 г., а в 2009 г. остались на том же уровне. В чтении в 2009 г. результаты немного улучшились после неудачных 2003 и 2006 гг. Интерпретируя динамику результатов PISA с 2003 г., нельзя говорить о какой-то однозначной тенденции в области развития функциональной грамотности: нет ни значительного улучшения, ни ухудшения результатов.

Более углубленный анализ результатов предполагает рассмотрение факторов, которые могут влиять на результаты PISA. Это позволяет получить более полные данные о ситуации в области образования. В связи с этим наиболее часто обсуждаются различия в результатах между школьниками из разных социально-экономических групп, а также между мальчиками и девочками и т.п. Рассмотрению таких факторов посвящено большое количество исследований [Ковалева, 2010; Тюменева, Кузьмина, 2011; Шудло, Длугош, 2013; Amini, Commander, 2012; Täht, Mus, 2010; Willms, 2011 и др.]. С точки зрения эффективности образования считается, что система является более эффективной, если способна обеспечить снижение различий в результатах между экономически благополучными и неблагополучными школьниками.

На рис. 1 отражено, как изменялся разрыв в результатах между школьниками с низким (нижний 33-й перцентиль) и высоким (высший 33-й перцентиль) социально-экономическим статусом (СЭС).

Из рис. 1 видно, что в 2006 г. произошло небольшое уменьшение разрыва между школьниками с низким и высоким СЭС по сравнению с 2003 г., но к 2009 г. этот разрыв опять увеличился. Тем самым можно сделать вывод, что в области функциональной грамотности российское образование не стало более эффективным с точки зрения обеспечения равенства образовательных достижений.

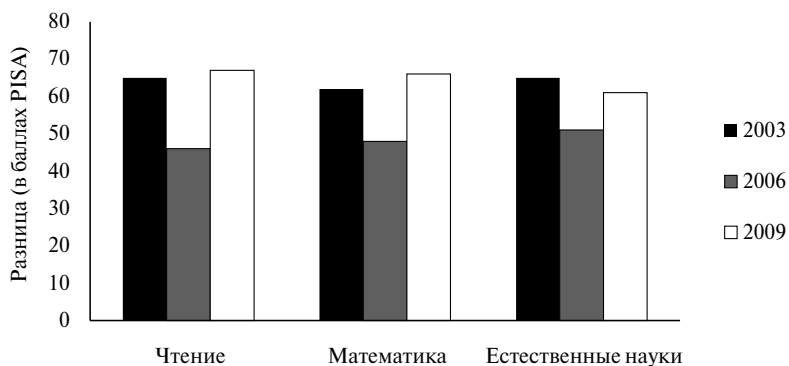

Рис. 1. Динамика различий результатов PISA для школьников с низким и высоким СЭС

В то же время надо отметить, что в области чтения увеличение разрыва произошло за счет улучшения результатов школьников с высоким СЭС, в то время как достижения учеников с низким СЭС осталось на том же уровне, что и в 2006 г. (рис. 2).

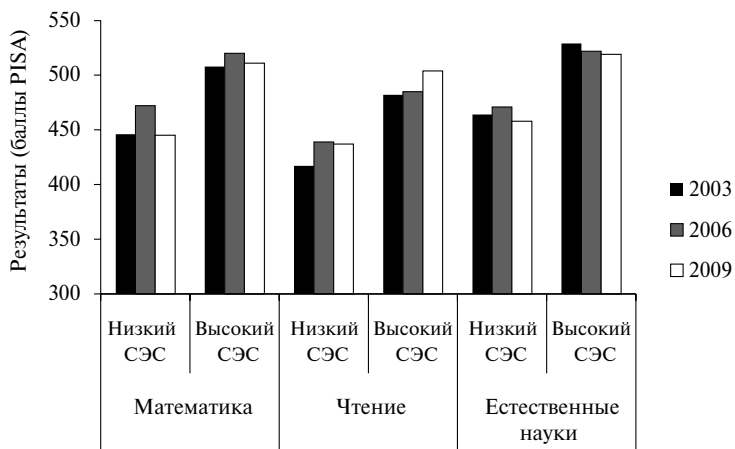

Рис. 2. Динамика результатов PISA для школьников с низким и высоким СЭС

Кроме того, с 2003 г. по сравнению с мальчиками девочки показывают более высокие результаты в области чтения, и этот разрыв увеличивается.

В области математики и естественных наук различия между мальчиками и девочками незначимы по всем годам (рис. 3).

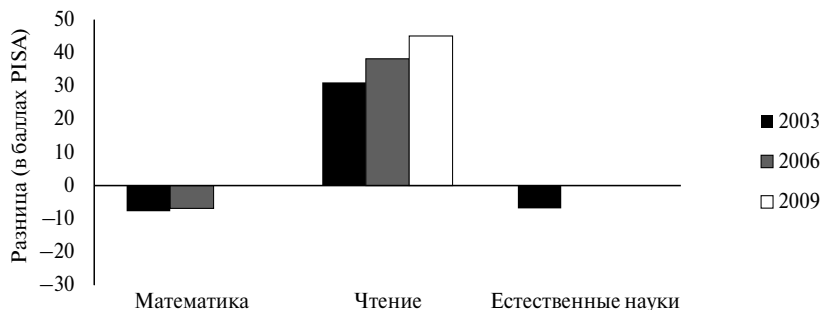

Рис. 3. Динамика различий в результатах PISA между мальчиками и девочками

Приведенные подходы к обсуждению эффективности образования с точки зрения результатов международных образовательных исследований имеют ряд ограничений. Прямое использование результатов PISA не может вывести исследователя на оценку эффективности школы, поскольку из множества факторов, приводящих к различию результатов между странами, некоторые явно не имеют прямого отношения к эффективности национальных образовательных систем. Так, позднее начало периода обучения в отдельных странах (скажем, с семи лет) приводит к тому, что к моменту участия в PISA школьники учатся меньше, чем их сверстники из стран с более ранним школьным стартом (с пяти или с шести лет). Помимо этого, в исследовании PISA могут участвовать учащиеся из разных образовательных программ: например, общего и профессионального образования. Однако разное соотношение долей 15-летних учащихся из этих программ в разных странах, безусловно, может стать еще одним источником межнациональных различий в результатах оценки. Например, улучшение результатов может быть связано с увеличением в общенациональной выборке доли школьников более старших классов и, наоборот, как в России, ухудшение результатов — с сокращением численности десятиклассников в 2009 г. по сравнению с 2003 г. Необходимо учитывать и число учащихся профессиональных школ, которые традиционно имеют более низкие результаты по сравнению с учащимися общеобразовательных школ. Поэтому изменение числа учащихся ПТУ в выборке может также изменить динамику результатов. Если рассматривать динамику результатов учащихся российских школ с учетом класса обучения и вида об-

разования, то можно увидеть более благоприятную динамику, чем при рассмотрении результатов по выборке в целом.

Таблица 2. Динамика результатов PISA для учащихся 9-го и 10-го классов

Область знания	9-й класс			10-й класс		
	2003 г.	2006 г.	2009 г.	2003 г.	2006 г.	2009 г.
Математика	450 (89)	449 (84)	463 (81)	480 (90)	495 (85)	494 (81)
Чтение	423 (91)	414 (90)	455 (87)	453 (91)	458 (88)	484 (87)
Естественно-научная грамотность	473 (96)	457(86)	477 (88)	499 (98)	496 (86)	499 (86)

Как видно из табл. 2, по сравнению с 2006 г. и девятиклассники, и десятиклассники улучшили свои результаты в чтении и математики; в области естественных наук первые улучшили результаты, а вторые остались на том же уровне. Средние же данные по стране свидетельствуют о другой тенденции: результаты по математике ухудшились, а по естественным наукам остались на том же уровне. Несовпадение динамики по выборке в целом и по классам может быть связано с резким изменением пропорции девяти- и десятиклассников в российской выборке от 2006 к 2009 г. Если в 2003 и 2006 гг. доля десятиклассников в российской выборке составляла более 60%, то в 2009 г. она снизилась до 30%.

Результаты учащихся в PISA показывают, скорее, кумулятивный эффект возраста, опыта обучения, учебных программ и домашней среды учеников. Отделить эффект обучения от всех остальных факторов достаточно проблематично.

Для оценки эффективности образования или вклада школы в результаты PISA наиболее корректным, на наш взгляд, является третий подход с использованием квазиэкспериментальных методов оценки результатов, дающих возможность отделить эффект обучения от эффекта других факторов и оценить эффект одного года обучения [Кузьмина, Тюменева, 2013]. Используется тот факт, что в выборку PISA попадают 15-летние учащиеся разных классов (в России, как и большинстве стран — участников исследования 15-летние дети обучаются в основном в 9-м и 10-м классах). Поэтому разница в результатах между девяти- и десятиклассниками может быть интерпретирована как показатель эффективности одного года обучения или школьного образования для результатов PISA. Необходимость применения

квазиэкспериментальных методов анализа связана с тем, что оценка простой разницы между учащимися двух последовательных классов является недостаточной для оценки эффекта одного года обучения, так как различия могут быть обусловлены и другими факторами помимо дополнительного года обучения.

Метод

Наиболее распространенный метод оценки эффекта дополнительного года обучения — метод разрывной регрессии (*Regression Discontinuity Analysis*), позволяющий оценить эффект одного года обучения, отделив его от других факторов [Imbens, Lemieux, 2008].

Применение RD-метода для оценки эффекта одного года обучения основано на том факте, что во всех странах основным критерием для начала школьного обучения является возраст ребенка. Таким образом, возраст — критериальная переменная для начала школьного обучения. Важным условием применения RD-анализа является наличие «точки прерывности» (*cut-off point*) в критериальной переменной, т.е. некоторого порогового значения, после достижения которого вероятность поступления в школу должна резко снижаться. В исследованиях эффекта одного года обучения такой пороговой точкой считается дата, к которой согласно законодательству той или иной страны ребенок должен достичь возраста приема в школу. Поэтому важным условием для применения метода разрывной регрессии также является небольшое число «нарушителей» (в данном случае тех, кто пошел в школу с нарушением правила).

Для России характерно нестрогое соблюдение правила пороговой точки, что приводит к большому числу школьников, пошедших в школу с нарушением этого правила. Эта тенденция становится заметной особенно в 2009 г., когда 74% всех девятиклассников пошли в школу с нарушением правила, т.е. они, исходя из даты рождения, должны были начать обучение на год раньше. Всего же в 2009 г. 52% школьников в выборке являются «нарушителями» правила пороговой точки, что снижает достоверность применения метода разрывной регрессии.

В данной ситуации выходом является применение другого квазиэкспериментального метода — Propensity Score Matching (PSM) [Abadie, Imbens, 2009]. Главный принцип этого метода — идентификация студентов с одинаковыми характеристиками, которые учатся в 9-м и 10-м классах. Средняя разница между «похожими» студентами, одни из которых учатся в 9-м классе, а другие — в 10-м, может быть оценена как эффект одного года

обучения. На первом этапе анализа из выборки исключаются случаи, в которых вероятность получения воздействия (т.е. обучения в 10-м классе) крайне мала и крайне высока. В нашем случае в выборке оставлены только ученики, рожденные с июля по ноябрь, т.е. близко к условной пороговой дате. Затем для каждого школьника рассчитывается вероятность быть в 10-м классе с учетом возраста, СЭС, индекса образовательных ресурсов, профессионального статуса и образования родителей, индекса культурных ресурсов семьи. На следующем этапе все школьники разделяются на несколько групп исходя из того, какую вероятность быть в 10-м классе они имеют, и в каждой группе проверяется гипотеза «балансировки»: средние показатели включенных в модель переменных для школьников 9-х и 10-х классов в каждой группе должны быть равны. В случае соблюдения этого условия сравниваются достижения девяти- и десятиклассника с одинаковой вероятностью (или очень близкой) быть в 10-м классе. Такой алгоритм называется «методом ближайшего соседства».

Для того чтобы учесть эффект разделения на разные образовательные траектории (общеобразовательные и профессионально-технические школы), проведен анализ на ограниченной выборке: десятиклассники из общеобразовательных школ и девятиклассники с высокой вероятностью продолжения образования в общеобразовательной школе.

Результаты

Для выборки в целом характерно снижение эффекта одного года обучения в 2009 г., в 2003 и 2006 гг. оценки эффекта значимо не различаются. Для общеобразовательных школ эффект снизился только в области чтения и естественных наук (табл. 3).

Таблица 3. Эффект одного года обучения для выборки в целом и для общеобразовательных школ

	2003 г.		2006 г.		2009 г.	
	Вся выборка	Общеобр. школы	Вся выборка	Общеобр. школы	Вся выборка	Общеобр. школы
Чтение	23,3 (6,2)*	17,4 (6,5)	25,5 (5,6)	21,2 (6,4)	15 (5,8)	13,5 (5,9)
Математика	22,5 (5,8)	38,1 (7,4)	27,5 (5,4)	39,4 (7,2)	17,6 (5,4)	34,3 (5,6)
Естественные науки	19,6 (6,1)	24,8 (7,3)	19,4 (5,5)	23,5 (7,3)	4,9 (5,7)	19,4 (6,1)

* Значимые коэффициенты выделены жирным шрифтом, в скобках указана ошибка измерения.

Для всей выборки наименьший эффект одного года обучения характерен для области естественных наук, в 2009 г. этот эффект даже незначим, т.е. в области естественных наук нет прироста от 9-го к 10-му классу.

По всем годам результаты по математике и естественным наукам (кроме 2006 г.) свидетельствуют о том, что в общеобразовательных школах эффект одного года обучения выше, чем для всей выборки. В области чтения оценки для общеобразовательных школ и всей выборки существенно не различаются.

Обсуждение

Для того чтобы говорить о динамике эффективности школьного образования в отношении результатов PISA, необходимо учитывать все результаты в совокупности: динамику средних результатов, динамику разрыва в результатах между разными группами учеников и динамику эффекта одного года обучения. Сравнивая все эти данные, можно выделить несколько тенденций.

В области читательской грамотности средние результаты не изменились от 2003 к 2006 г., но выросли к 2009 г. Результаты улучшились и у девяти-, и у десятиклассников. Однако эффект одного года обучения в области чтения снизился к 2009 г. Возникает вопрос: за счет чего произошло улучшение результатов по чтению? По всей видимости, прирост средних результатов в данной области может быть связан с увеличением разрыва между мальчиками и девочками (девочки улучшили результаты) и улучшением результатов школьников с высоким СЭС. Вклад же школы в результаты читательской грамотности немного сократился.

В области математики снизились средние результаты, но выросли результаты девятиклассников, в то время как результаты десятиклассников остались на прежнем уровне. Вклад школы в результаты (эффект одного года обучения), оцененный по выборке в целом, в 2009 г. также уменьшился. Можно предположить, что снижение общих результатов в данной ситуации не является негативным фактором, поскольку произошло за счет улучшения результатов девятиклассников. Но следует обратить внимание на проблему снижения вклада школы в результаты по математике.

В области естественных наук результаты снизились в 2006 г. по сравнению с 2003 г. и остались на прежнем уровне в 2009 г. При этом девятиклассники смогли улучшить свои результаты, а десятиклассники остались практически на уровне 2006 г. Для всей выборки эффект одного года обучения уменьшался в 2009 г. и стал незначимым, хотя для общеобразовательных школ снижение эффекта незначительно. Надо также отметить, что школьники с низким СЭС ухудшили достижения в области естественных наук, что могло негативно отразиться на общих результатах.

Кроме того, следует отметить, что мы можем оценить прирост результатов только от 9-го класса к 10-му, т.е. при переходе от средней школы к старшей. Возможно, что прирост результатов от класса к классу является нелинейным, и в какие-то годы он может быть больше (например, от 8-го к 9-му или в начале средней школы).

Выводы

Таким образом, вопрос об изменении эффективности школьного образования с точки зрения формирования функциональной грамотности должен быть рассмотрен в комплексе, с учетом разнообразных данных. Можно сделать следующие выводы:

- вклад школы в развитие функциональной грамотности (эффект одного года обучения) уменьшился по результатам 2009 г.;
- в 2009 г. увеличился разрыв в результатах между школьниками с низким и высоким СЭС, что может свидетельствовать о снижении эффективности школьной системы для обеспечения образовательного равенства. В области читательской грамотности увеличился также разрыв между мальчиками и девочками;
- в области математики обнаружен самый большой эффект одного года обучения по сравнению с другими сферами. Возможно, что российская школьная система в большей степени ориентирована на формирование функциональной грамотности в области математики, чем в области чтения и естественных наук;
- наибольший разрыв между эффектом одного года для всей выборки и общеобразовательных школ зафиксирован в области математики. Это говорит о том, что в профессиональных школах в данной области происходит снижение навыков, приобретенных в средней школе.

Литература

Батюкова З.И. Сравнительное образование в контексте международных сравнительных исследований // Новые исследования в образовании. 2010. № 3.

Ковалева Г.С. О международной программе PISA-2009 и одном из результатов по критерию: читательская грамотность // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2010. № 6.

Найденова Н.Н., Пандис М. Глобализация и индивидуализация в образовании (на примере двух стран: Россия и Эстония) // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2.

Тюменева Ю.А., Кузьмина Ю.В. Читательская грамотность 15-летних школьников: значимость семейных, индивидуальных и школьных характеристик (по данным российской выборки PISA-2009) // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 164–191.

Тюменева Ю.А., Кузьмина Ю.В. Что дает год обучения российскому школьнику. На материалах PISA-2009: грамотность чтения // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 107–135.

Шудло С. А., Длугош П. Удовлетворенность системой образования: Польша, Россия и Украина (сравнительный анализ) [Электронный ресурс] // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 1 (январь-февраль). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Shchudlo_Dlugosz_Satisfaction-with-Educational-System/

Abadie A., Imbens G.W. Matching on the Estimated Propensity Score // NBER Working Paper No. w15301. URL: <http://ssrn.com/abstract=1463894>

Amini Ch., Commander S. Educational Scores: How does Russia Fare? // Journal of Comparative Economics. 2008. Vol. 40 (3). P. 508–527.

Imbens G., Lemieux T. Regression Discontinuity Designs: A Guide to Practice // Journal of Econometrics. 2008. Vol. 142 (2). P. 615–635.

Täht K., Mus O. Are the Links between Academic Achievement and Learning Motivation Similar in Five Neighbouring Countries? // A Journal of the Humanities and Social Sciences. 2010. Vol. 14 (3). P. 271–281.

Willms J.D. Learning Divides: Ten Policy Questions about the Performance and Equity of Schools and Schooling Systems. UIS Working Paper. 2009. No. 5. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001470/147066e.pdf>

О.В. Польшин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород,

М.М. Юдкевич,

Г.В. Андрущак,

Д.Р. Валеева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ СТУДЕНТОВ ОБЕСПЕЧИВАЮТ ЭФФЕКТЫ СООБУЧЕНИЯ¹

Введение

Важную роль в определении результатов обучения может играть окружение учащегося — характеристики этого окружения и усилия тех, из кого оно складывается. Такое влияние принято называть *эффектом сообучения*.

Эффекты сообучения со стороны студенческой группы анализировались на данных военных академий США, опубликованных в работах [Lyle, 2007; 2009; Carrell, Fullerton, West, 2009]. В этих работах исследовалось влияние на успеваемость студента характеристик студенческой группы, сформированной случайным образом на 1-м курсе. В работе Андрущака, Польшина и Юдкевич [2012] установлено наличие эффектов сообучения в административно формируемой студенческой группе в российском вузе.

Изучение влияния группы в целом имеет определенные недостатки. Так, считается, что все члены группы имеют одинаковое влияние на студента. Если на 1-м курсе такое предположение вполне допустимо, то на старших курсах оно нарушается в силу того, что у каждого студента оказывается сформирован свой специфический круг общения из студентов как собственной учебной группы, так и других групп. Практически все предыдущие работы по эффектам сообучения в вузе сосредоточивали внимание на первом году обучения, поэтому исследование вопроса о влиянии окружения на старшекурсников представляет несомненный интерес.

При анализе групповых эффектов трудно разграничить влияние характеристик окружения и влияние поведения окружения, но разграничение очень важно как для понимания механизма действия эффектов сообучения, так и для образовательной политики. Многие параметры окружения (способности, социально-демографические характеристики) фиксированы и не

¹ Проект выполнен при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

подвержены изменению. Поведение (успеваемость) окружения может изменяться под воздействием образовательной политики. Стимулирование достижений части студентов может оказывать благоприятное влияние на успехи окружения этих студентов. Возросшая успеваемость окружения, в свою очередь, способна усилить первоначальный эффект политики. Так возникает эффект социального мультипликатора.

Преодолеть ограничения, накладываемые анализом групповых взаимодействий, позволяет анализ индивидуальных связей каждого студента. В ряде недавних работ рассматривался вопрос о том, как связаны социальные взаимодействия, поведение и успеваемость учащихся [Mayer, Puller, 2008; Lavy, Sand, 2012; Calvó-Armengol, Patacchini, Zenou, 2009; Bramoullé, Djebbari, Fortin, 2009; Lin, 2010]. Большинство работ посвящено изучению эффектов сообучения в социальных сетях применительно к среднему образованию.

В настоящей работе используются данные о социальных связях в вузе, полученные путем прямого анкетирования студентов третьего года обучения одного российского университета. Помимо дружеских связей из анкет были получены данные о том, к кому студенты обращаются за помощью по учебным вопросам.

Нами обнаружены значимые положительные эффекты сообучения в плане как успеваемости, так и способностей товарищей. В то же время влияние одногруппников в целом оказалось не значимым.

Эмпирические модели эффектов сообучения

В эмпирических исследованиях в качестве основной модели рассматривается следующая ее спецификация:

$$y_i = \alpha + \beta \bar{y}_{-i}^{peer} + \gamma' x_i + \delta' \bar{x}_{-i}^{peer} + \varepsilon_i, i = 1, 2, \dots, n, \quad (1)$$

где y_i — показатель успеваемости студента i ; x_i — $k \times 1$ — вектор индивидуальных характеристик студента i ; \bar{x}_{-i}^{peer} — $k \times 1$ — вектор средних экзогенных характеристик группы студентов, референтной для студента i , формирующей его окружение; \bar{y}_{-i}^{peer} — средняя успеваемость референтной группы студента i ; ε_i — случайные возмущения; n — число студентов в выборке.

Коэффициент β в модели (1) измеряет, как индивидуальная успеваемость зависит от успеваемости окружения (эндогенный эффект). Компоненты вектора δ измеряют влияние экзогенных характеристик окружения (экзогенный, или контекстуальный, эффект). Только эндогенный эффект ($\beta \neq 0$) способен мультиплицироваться: если в результате некоторого внешнего воздействия (ε_i в уравнении (1)) успеваемость одного студента улучша-

ется, то это влияет на его окружение. Изменение достижений окружения, в свою очередь, вызывает ответное воздействие на студента. Чисто экзогенные эффекты сообучения ($\delta \neq 0$, $\beta = 0$) не обладают данным свойством, так как внешние шоки не влияют на фиксированные характеристики студентов.

Из-за того, что не только успеваемость окружения студента влияет на его академические показатели, но и его собственные успехи влияют на товарищей, оценивание коэффициентов модели (1) методом наименьших квадратов дает смещенные оценки. Во избежание смещения оценок часто используется приведенная форма модели, предоставляющая возможность оценить общий эффект сообучения, без различения эндогенных и экзогенных эффектов:

$$y_i = \alpha + \gamma' x_i + \delta' \bar{x}_{-i}^{peer} + \varepsilon_i. \quad (2)$$

Наличие данных о социальных связях позволяет оценить отдельно эндогенные и экзогенные эффекты сообучения. Предположим, что именно влияние близких товарищей оказывает наибольшее влияние на успеваемость студента, причем каждый студент может иметь свой специфический круг общения. Тогда средние величины из (1) можно записать в виде

$$\bar{x}_{-i}^{peer} = \frac{1}{n_i} \sum_{j=1}^{n_i} x_j, \quad \bar{y}_{-i}^{peer} = \frac{1}{n_i} \sum_{j=1}^{n_i} y_j, \quad (3)$$

где усреднение проведено по множеству P_i , в которое входят n_i товарищей студента i . При расчете средних величин показатели самого студента не учитываются.

В матричной форме модель (1) для выборки из n студентов с учетом (3) записывается следующим образом:

$$y = \alpha i + \beta Gy + X\gamma + GX\delta + \varepsilon, \quad E[\varepsilon | X] = 0, \quad (4)$$

где $y - n \times 1$ — вектор успеваемости n студентов; $i - n \times 1$ единичный вектор; $X - n \times k$ — матрица характеристик студентов; $G - n \times n$ — матрица взаимодействий с элементами

$$G_{ij} = \begin{cases} 1/n_i, & \text{если } j \in P_i, \\ 0, & \text{если } j \notin P_i. \end{cases}$$

В случае социальных связей матрица G может не быть симметричной, если студент i считает студента j своим другом, но не наоборот.

Модель (4) может быть оценена методом максимального правдоподобия. Проблема оценивания вектора параметров α , β , γ , δ в (4) связана с эндогенностью слагаемого Gy в правой части. Параметры идентифицируемы при условии, что матрицы I , G и G^2 линейно независимы [Bramoullé, Djebbari, Fortin,

2009]. Это требование обычно выполняется при рассмотрении социальных связей, потому что, как правило, не все друзья друзей являются друзьями студента.

Оценивание эффектов сообучения в социальной сети

В исследовании были использованы данные об успеваемости и характеристиках студентов факультета экономики НИУ ВШЭ, обучавшихся в 2011/2012 учебном году на 3-м курсе бакалавриата. В качестве показателя успеваемости использовался средний балл за первые три года обучения. В Высшей школе экономики используется 10-балльная шкала оценок — чем выше балл, тем выше достижения по предмету.

Экзогенными характеристиками, влияющими на успеваемость студента, стали баллы ЕГЭ по математике и русскому языку, принадлежность к победителям и призерам Всероссийской олимпиады школьников или Межрегиональной олимпиады ВШЭ. Эти показатели являются значимыми предикторами академических успехов студентов [Польдин, 2011; Давтян, Пересецкий, 2011]. Описательные статистики переменных приведены в табл. 1.

Для определения референтной группы в середине третьего года обучения студентов был проведен опрос с просьбой указать в анкете до пяти однокурсников, с которыми студент общается больше всего («друзья»), и до пяти однокурсников, к которым студент чаще всего обращается за помощью в учебных вопросах («помощники по учебе»). После обработки анкет были сформированы матрицы социальных связей каждого студента двух типов: для друзей и помощников по учебе.

Таблица 1. Описательные статистики

Переменная	Число наблюдений	Среднее значение	Стандартное отклонение
Друзья/помощники по учебе			
ЕГЭ по русскому языку	167/171	80,0	9,6
ЕГЭ по математике	167/171	76,4	8,0
Победитель/призер Всероссийской олимпиады	167/171	0,16	0,37
Победитель/призер Межрегиональной олимпиады	167/171	0,24	0,43
Средний балл за три курса	167/171	7,35	0,88

Результаты оценивания

Нами оценивались как модель в приведенной форме, позволяющая обнаружить влияние окружения, так и модель в полной спецификации, дающая возможность различить эндогенные и контекстуальные эффекты обучения.

В табл. 2 приведены оценки модели методом наименьших квадратов для друзей в приведенной форме:

$$y = \alpha_r i + X \gamma_r + G X \delta_r + \varepsilon_r. \quad (5)$$

Таблица 2. Оценки эффектов сообучения для друзей (без различения эндогенных и экзогенных эффектов)

Переменная	Несимметричные связи		Взаимные связи	
	1	2	3	4
Константа	0,075 (0,063)	0,445 (0,338)	0,239 (0,258)	0,404 (0,384)
Балл студента за ЕГЭ по русскому языку	0,023*** (4,063)	0,021*** (3,445)	0,024*** (4,306)	0,022*** (3,437)
Балл студента за ЕГЭ по математике	0,041*** (6,097)	0,047*** (6,331)	0,036*** (5,180)	0,044*** (5,789)
Статус победителя/призера Всероссийской олимпиады	0,808*** (5,361)		0,843*** (5,399)	
Статус победителя/призера Межрегиональной олимпиады ВШЭ	0,429*** (3,465)		0,479*** (3,838)	
Средний балл друзей за ЕГЭ по русскому языку	0,002 (0,181)	-0,011 (-0,905)	-0,004 (-0,491)	-0,008 (-0,959)
Средний балл друзей за ЕГЭ по математике	0,024* (1,817)	0,032** (2,346)	0,032*** (3,222)	0,032*** (3,062)
Среднее число среди друзей победителей/призеров Всероссийской олимпиады	0,545** (2,213)		0,302 (1,417)	
Среднее число среди друзей победителей/призеров Межрегиональной олимпиады ВШЭ	0,303 (1,371)		-0,073 (-0,400)	
Число наблюдений	167	167	156	156
R ²	0,47	0,32	0,49	0,32

Примечание. Знаки (*), (**), (***) показывают значимость на 10%-, 5%-, 1%-ном уровне соответственно. В скобках указаны *t*-статистики.

В этой модели коэффициент δ_r «смешивает» в себе эндогенные и экзогенные эффекты, не позволяя идентифицировать их по отдельности. Значимыми оказались коэффициенты при переменных «средний балл ЕГЭ друзей по математике» и «среднее число победителей/призеров Всероссийской олимпиады» среди друзей. Таким образом, можно говорить о присутствии эффектов сообучения: собственная успеваемость студента возрастает при увеличении балла за ЕГЭ по математике у его друзей и в случае, когда среди них есть победители или призеры олимпиад школьников.

Кроме того, были построены симметричные матрицы связей: два студента в ней считались друзьями, если номинация была взаимной. Для симметричных связей коэффициент при ЕГЭ друзей по математике значим уже на 1% уровне.

Оценки модели (5) методом максимального правдоподобия приведены в табл. 3. Оценки коэффициентов β значимо положительные. Прямой эффект от прироста среднего балла у друзей на единицу состоит в росте собственного среднего балла студента на 0,25. Коэффициенты при экзогенных переменных оказались незначимыми при несимметричных связях. В ситуации взаимных дружеских связей значим средний балл ЕГЭ по математике у друзей студента.

Таблица 3. Оценки эффектов сообучения для друзей
(с различием эндогенных и экзогенных эффектов)

Переменная	Несимметричные связи	Взаимные связи
Константа	-0,066 (-0,059)	-0,215 (-0,249)
Балл студента за ЕГЭ по русскому языку	0,024*** (4,497)	0,025*** (4,812)
Балл студента за ЕГЭ по математике	0,038*** (5,971)	0,032*** (5,004)
Статус победителя/призера Всероссийской олимпиады	0,772*** (5,443)	0,806*** (5,563)
Статус победителя/призера Межрегиональной олимпиады ВШЭ	0,416*** (3,572)	0,448*** (3,876)
Средний балл друзей за ЕГЭ по русскому языку	-0,005 (-0,470)	-0,009 (-1,205)
Средний балл друзей за ЕГЭ по математике	0,011 (0,850)	0,024** (2,492)
Среднее число среди друзей победителей/призеров Всероссийской олимпиады	0,237 (0,961)	0,075 (0,363)

Переменная	Несимметричные связи	Взаимные связи
Среднее число среди друзей победителей/призеров Межрегиональной олимпиады ВШЭ	0,171 (0,802)	-0,203 (-1,183)
β (эндогенный эффект)	0,253*** (2,612)	0,232*** (3,172)
Число наблюдений	167	156
R^2	0,48	0,48

Примечание. Знак (***) показывает значимость на уровне 1%. В скобках указаны *t*-статистики.

Студенты, связанные дружескими связями, обычно учатся в одной студенческой группе, формируемой административно для проведения семинарских занятий. Для сравнения эффекта сообучения от друзей и эффекта от всей группы было проведено оценивание моделей (1) и (2) для ситуации, при которой в качестве референтной группы выступали все студенты учебной группы, принявшие участие в анкетном опросе. Результаты представлены в табл. 4. Влияние экзогенных характеристик студенческой группы оказалось положительно, но слабее по величине по сравнению с друзьями и статистически незначимо. Эндогенный эффект отсутствует.

Таблица 4. Оценки эффектов сообучения для одногруппников

Переменная	Без эндогенной переменной	С эндогенной переменной
Константа	-0,842 (-0,233)	-0,895 (-0,254)
Балл студента за ЕГЭ по русскому языку	0,025*** (4,243)	0,025*** (4,377)
Балл студента за ЕГЭ по математике	0,040*** (5,720)	0,040*** (5,892)
Статус победителя/призера Всероссийской олимпиады	0,906*** (6,057)	0,912*** (6,244)
Статус победителя/призера Межрегиональной олимпиады ВШЭ	0,478*** (3,680)	0,480*** (3,799)
Средний балл друзей за ЕГЭ по русскому языку	0,024 (0,468)	0,029 (0,558)
Средний балл друзей за ЕГЭ по математике	0,008 (0,258)	0,015 (0,430)
Среднее число среди друзей победителей/призеров Всероссийской олимпиады	1,017 (1,250)	1,220 (1,306)

Переменная	Без эндогенной переменной	С эндогенной переменной
Среднее число среди друзей победителей/призеров Межрегиональной олимпиады ВШЭ	0,520 (0,575)	0,616 (0,673)
β (эндогенный эффект)		-0,119 (-0,441)
Число наблюдений	167	167
R^2	0,44	0,44

Примечание. Знак (***) показывает значимость на уровне 1%. В скобках указаны t -статистики.

При анкетировании помимо друзей предлагалось также назвать однокурсников, к которым студент обращается за помощью в учебных вопросах. Списки друзей и помощников по учебе пересекаются на 60%, но в целом студенты по понятной причине предпочитают консультироваться по учебным вопросам с однокурсниками, имеющими успеваемость выше собственной. Как и в случае с друзьями, существует положительная корреляция между средним баллом студента и средним баллом его помощников по учебе.

В табл. 5 приведены результаты оценивания для случая сетей из помощников по учебе. Качественно результаты похожи на оценки для дружеских сетей. Коэффициент детерминации для сети помощи чуть выше, чем для сети дружбы. Оценки показывают присутствие статистически значимых эффектов сообучения. Чем выше фиксированные характеристики способностей и достижения консультантов студента по учебным вопросам, тем лучше успеваемость и самого студента. Величина эндогенного эффекта для сети помощи практически совпадает с результатом для сети дружбы. Экзогенные эффекты от ЕГЭ помощников по математике, присутствия среди них победителей/призеров Всероссийской олимпиады и Межрегиональной олимпиады ВШЭ оказались также статистически значимы.

Для тех же студентов на первом году обучения были найдены значимые эффекты сообучения в приведенной форме модели, проявляющиеся в положительном влиянии на общую успеваемость сильных студентов со стороны хорошо подготовленных студентов в административно сформированных группах [Андрушак, Польдин, Юджевич, 2012]. На 2-м и 3-м курсах влияние группы становится незначимым. Полученные в настоящей работе результаты позволяют сделать некоторые предположения относительно механизма действия подобного эффекта.

Таблица 5. Оценки эффектов сообучения для помощников по учебе

Переменная	Без эндогенной переменной	С эндогенной переменной
Константа	-1,904 (-1,650)	-2,107* (-1,933)
Балл студента за ЕГЭ по русскому языку	0,024*** (4,547)	0,024*** (4,756)
Балл студента за ЕГЭ по математике	0,034*** (5,210)	0,032*** (5,160)
Статус победителя/призера Всероссийской олимпиады	0,857*** (6,100)	0,821*** (6,188)
Статус победителя/призера Межрегиональной олимпиады ВШЭ	0,440*** (3,699)	0,427*** (3,801)
Средний балл помощников за ЕГЭ по русскому языку	0,011 (1,026)	0,005 (0,464)
Средний балл помощников за ЕГЭ по математике	0,043*** (3,969)	0,031*** (2,668)
Среднее число среди помощников победителей/призеров Всероссийской олимпиады	0,625** (2,482)	0,380 (1,517)
Среднее число среди помощников победителей/призеров Межрегиональной олимпиады ВШЭ	0,407** (1,983)	0,235 (1,156)
β (эндогенный эффект)		0,250** (2,481)
Число наблюдений	171	171
R^2	0,52	0,51

Примечание. Знаки (**) и (***) показывают значимость на уровне 5 и 1% соответственно. В скобках указаны t -статистики.

Можно предположить, что сильные студенты в группе выступают своего рода примером для подражания для других членов группы и способны консультировать одногруппников по учебным вопросам. Это объясняет нелинейный характер проявления эффектов сообучения на первом курсе. С течением времени возникают более узкие дружеские связи между студентами с близким уровнем подготовки. Друзья оказывают влияние на отношение к учебе, от них легче получить помощь по учебным вопросам. Влияние остальных членов группы ослабевает, что объясняет отсутствие значимых эффектов сообучения от группы на 2-м и 3-м курсах. При этом влияние товарищей остается значимым.

Заключение

Изучение влияния социального взаимодействия учащихся на их академические достижения представляет значительный интерес для понимания природы образовательного процесса и повышения результативности обучения. Одна из проблем оценивания эффектов сообучения состоит в корректной идентификации группы учащихся, взаимодействующих при обучении и способных оказывать влияние друг на друга. Важно также разграничить влияние текущих достижений студентов, поддающихся изменениям, и их неизменных характеристик, обусловленных способностями, социальным статусом и прочими обстоятельствами.

В настоящей работе использованы данные о социальных связях среди студентов 3-го курса факультета экономики одного из ведущих российских вузов. Путем опроса были получены данные о том, с кем из однокурсников студенты поддерживают дружеские отношения и к кому они обращаются за помощью по учебным вопросам. В результате для каждого студента был сформирован список учащихся, оказывающих наибольшее влияние в процессе обучения.

Информация об индивидуальных социальных связях каждого студента позволила применить для анализа данных пространственную регрессионную модель и с ее помощью решить задачу о раздельном оценивании влияния текущей успеваемости товарищей (эндогенного эффекта сообучения) и характеристик их способностей (экзогенного эффекта). Нами обнаружены значимые положительные эндогенные и экзогенные эффекты сообучения. При увеличении среднего балла у товарищей по учебе на единицу происходит прирост среднего балла у самого студента на $1/4$ единицы. Эффект студенческой группы, ранее выявленный на первом году обучения данной когорты студентов, на третьем году проявляется слабее и статистически незначим.

Присутствие эндогенных эффектов имеет значение для образовательной политики. В этом случае стимулирование успеваемости части студентов имеет мультипликационный эффект: рост успехов отдельных студентов вызывает улучшение успеваемости их товарищей, что, в свою очередь, благоприятно влияет на успехи тех, с кем они дружат и взаимодействуют. Использование взаимного обучения в студенческих группах через дискуссии, совместное решение задач и участие в проектной работе позволит существенно повысить эффективность освоения знаний.

Литература

Андрущак Г.В., Польдин О.В., Юдкевич М.М. Эффекты сообучения в административно формируемых студенческих группах // Прикладная эконометрика. 2012. № 2 (26). С. 3–16.

- Пересецкий А.А., Давтян М.А.* Эффективность ЕГЭ и олимпиад как инструмента отбора абитуриентов // Прикладная эконометрика. 2011. № 3 (23). С. 41–56.
- Польдин О.В.* Прогнозирование успеваемости в вузе по результатам ЕГЭ // Прикладная эконометрика. 2011. № 1 (21). С. 56–69.
- Bramoullé Y., Djebbari H., Fortin B.* Identification of Peer Effects through Social Networks // Journal of Econometrics. 2009. Vol. 150. P. 41–55.
- Calvo-Armengol A., Patacchini E., Zenou Y.* Peer Effects and Social Networks in Education // Review of Economic Studies. 2009. Vol. 76. P. 1239–1267.
- Carrell S., Fullerton R., West J.* Does Your Cohort Matter? Measuring Peer Effects in College Achievement // Journal of Labor Economics. 2009. Vol. 27 (3). P. 439–464.
- Lavy V., Sand E.* The Friends Factor: How Students' Social Networks Affect Their Academic Achievement and Well-Being. Working Paper. 2012.
- Lin X.* Identifying Peer Effects in Student Academic Achievement by Spatial Autoregressive Models with Group Unobservables // Journal of Labor Economics. 2010. Vol. 28 (4). P. 825–860.
- Lyle D.* Estimating and Interpreting Peer and Role Model Effects from Randomly Assigned Social Groups at West Point // Review of Economics and Statistics. 2007. Vol. 89 (2). P. 289–299.
- Lyle D.* The Effects of Peer Group Heterogeneity on the Production of Human Capital at West Point // American Economic Journal: Applied Economics. 2009. Vol. 1 (4). P. 69–84.
- Mayer A., Puller S.* The Old Boy (and Girl) Network: Social Network Formation on university Campuses // Journal of Public Economics. 2008. Vol. 92. P. 329–347.

Ч-54 XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст] : в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 200 экз. — ISBN 978-5-7598-1118-3 (в обл.).
Кн. 4. —585, [1] с. — ISBN 978-5-7598-1122-0 (кн. 4).

Сборник составлен по итогам XIV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, организованной Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда и проходившей 2–5 апреля 2013 г. в Москве.

Рассматриваются следующие темы: развитие образования, социология, инструментальные методы в анализе социальных и экономических процессов, медиакоммуникации, аудиовизуальная индустрия. Представлены также результаты проведенных в ВШЭ политологических исследований, исследований массового сознания и исследований в сфере образования.

Для социологов, политологов, журналистов, работников сферы образования, а также студентов, аспирантов и преподавателей вузов. Книга может быть полезна всем, кто интересуется проблемами и перспективами реформирования российской экономики.

УДК 330.101.5(063)

ББК 65.012

Научное издание

XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества

В четырех книгах

Книга 4

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Т.М. Ершова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *О.А. Иванова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 14.03.2014. Формат 60×88 1/16

Печать офсетная. Гарнитура NewtonС.

Усл. печ. л. 35,6. Уч.-изд. л. 34,8. Тираж 200 экз. Изд. № 1724

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52